

ПРОКЛЯТЫЕ ЛЕГИОНЫ

Изменники Родины на службе Гитлера

ЖЖ военные
тайны
века

О.С. СМЫСЛОВ

Annotation

Новая книга военного историка и писателя О.С. Смыслова рассказывает о генерале-предателе А.А. Власове и так называемом «власовском движении». Кроме того, исследование содержит уникальные материалы о русской эмиграции в межвоенный период, о сепаратистах зарубежья, об их сотрудничестве с фашистской Германией до начала Великой Отечественной войны и после.

До сих пор в отечественной историографии почти не освещалась тема «пятой колонны», которая создавалась германским военным командованием и абвером для обеспечения успеха молниеносной кампании на Востоке, а потом в результате провала блицкрига имела свое неудачное продолжение на оккупированной территории

-
- [Олег Смыслов](#)
 -
 -
 - [Введение](#)
 - [Часть 1. От «пятой колонны» к «власовскому движению»](#)
 - [Глава 1. Что такое «пятая колонна»...](#)
 - [1. «Троцкисты-сионисты»...](#)
 - [2. Эмигранты](#)
 - [3. Деникин, Краснов, Шкуро, Быкадоров](#)
 - [4. ОУН](#)
 - [5. Сепаратисты](#)
 - [6. Чечня и крымские татары](#)
 - [7. Фольксдойче](#)
 - [8. Разведывательно-диверсионные группы](#)
 - [9. Выводы](#)
 - [Глава 2. В плену и в оккупации](#)
 - [1. С началом войны](#)
 - [2. Карательная машина](#)
 - [3. Советские военнопленные](#)
 - [4. Статистика](#)
 - [5. Яков Джугашвили](#)
 - [6. Леонид Хрущев](#)
 - [7. Кто ждал немцев](#)

- [8. Полиция и ее формирования](#)
- [9. «Зондерштаб-Р», «Боевой союз русских националистов»](#)
- [10. Украинские националисты: Бандеровцы, Мельниковцы, Бульбовцы](#)
- [11. Выводы](#)
- [Глава 3. «Власовское движение», или Как все начиналось](#)
 - [1. Работа с Власовым](#)
 - [2. РННА](#)
 - [3. Власов в Берлине](#)
 - [4. Штаб Власова](#)
 - [5. НТС](#)
 - [6. «Русский центр Власова»](#)
 - [7. Поездки на фронт и запрет](#)
 - [8. Решение фюрера](#)
 - [9. Выводы](#)
- [Часть 2. Досье на генерала](#)
 - [Глава 1. Стратегическая ошибка...](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [Глава 2. Роковое назначение](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [Глава 3. Момент истины](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
- [Глава 4. Карьера Генерала](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
- [Часть 3. Дорога к возмездию](#)
 - [Глава 1. Движение, которого не было](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [Глава 2. Миф о Русской Освободительной Армии](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [Глава 3. Возмездие](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [Вместо заключения](#)
 - [Библиография](#)
 - [Фото-вклейка](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Олег Смыслов
Проклятые легионы
Изменники Родины на службе Гитлера

© ООО «Издательство „Вече“», 2015

© Смыслов О.С., 2006

© ООО «Издательский дом „Вече“», 2006

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

*Моей маме
Ларисе Пантелеймоновне
посвящается*

Введение

Эта книга писалась мучительно – возможно потому, что я... взвалил на себя фактически непосильную ношу. Сначала в течение десятилетия вынашивался замысел подлинной биографии генерала Власова. Но однажды в издательстве мне было предложено расширить данную тему.

Написав пять глав о предателе-генерале, я приступил к изучению материалов о русской эмиграции в межвоенный период, о сепаратистах зарубежья, об их сотрудничестве с фашистской Германией до начала Великой Отечественной войны и после нее.

Думаю, не случайно по прошествии десятилетий тема «пятой колонны», которая нерешительно создавалась германским военным командованием и абвером для обеспечения успеха молниеносной кампании на Востоке, а потом в результате провала блицкрига имела свое неудачное продолжение на оккупированной территории, остается нераскрытой до сих пор. Причин тут было много, и самых различных. Цель же моей новой книги – рассказать о них как можно шире и достовернее, ведь неудачный опыт подготовки и использования «пятой колонны» Гитлером на Востоке по своему трагичен и уникален.

Трагичен, потому что в «пятую колонну» сначала вошли люди, ненавидевшие Советский Союз, не принявшие большевизм и т. д., а уже потом в нее вступали советские военнопленные, не выдержавшие голода, холода и приближения смерти в фашистских лагерях. Их было большинство. Но все они в результате стали изгоями как для Германии, так и для своей Родины.

Уникален, потому что так называемая «пятая колонна» только однажды оправдала свое предназначение, а именно 22 июня 1941 г. и последующие дни, решая четко определенные, узко-диверсионные задачи, после выполнения которых подразделения фактически разоружались и расформировывались, а личный состав передавался в полицию и вспомогательные формирования.

Истинные масштабы сотрудничества граждан Советского Союза с оккупантами и сегодня являются тайной. Лишь с недавнего времени стали появляться некоторые публикации, книги и фильмы. Однако все они грешат поверхностным пониманием исторической проблемы. Свою задачу я вижу в том, чтобы тему «пятой колонны» разобрать на ее составные части, показать виды, направления и ее подлинную масштабную историю.

Характерно, что после понесенных значительных потерь на Востоке германская армия для продолжительного ведения войны с Советским Союзом нуждалась в людских резервах, которых у нее просто не было. Вот тогда-то в среде офицеров и генералов вермахта возникла идея создания так называемого «русского освободительного движения», которое, несмотря на противодействие Гитлера, до определенного момента создавалось по типу «пятой колонны».

В центре этого документального исследования стоит генерал А.А. Власов. Именно ему – предателю в звании генерал-лейтенанта и в должности заместителя командующего Волховского фронта немецкие хозяева отвели роль руководителя «пятой колонны», или «освободительного движения», на заключительном этапе войны, когда все попытки противостоять Советскому Союзу и Красной Армии были очевидно бессмысленны.

Сегодня не умолкают голоса в оправдание «власовского движения» или «политического антисталинского сопротивления». Только ничего этого не было, как и не было «яркой личности», полководческого таланта и выдающегося военачальника, решившего бороться против сталинского режима. Был просто предатель, изменник и трус, был случайно взлетевший по головам своих товарищей во второй половине 1930-х гг. карьерист, посредственный командир и генерал, не имевший боевого опыта, но умевший много и неплохо говорить «от имени народа».

Один аспект этой книги должен быть упомянут особо: это тема предательства, которой пронизано все исследование и в особенности фигура Власова. Тема предательства – вечная тема и познать ее от начала до конца, видимо, невозможно, как невозможно понять и ощутить чужие чувства и мысли, как невозможно понять глубинные корни беспримерного подвига.

К сожалению, многие тайны человеческой души, тайны человеческих поступков остаются неразгаданными. Так предательство каждый раз в своем новом облике становится сенсацией, ибо идут на него чаще всего люди, от которых его не ждут, в которых верят, на которых возлагают определенные надежды. Предательство всякий раз шокирует и становится как бы вызовом обществу, и совершают его нередко люди с чистой биографией, достигшие на момент проступка определенного положения, имеющие определенные блага. И если на предательство идут единицы, то мужество и героизм – явления массовые. Но нередко цена предательства жизни – множества людей.

Свое отношение к предательству человечество определило еще на заре

своей истории. Ему подчас нет объяснений, у него нет общечеловеческой логики, его невозможно простить, независимо от ущерба, потому что предательство – это преступление, за которое должно следовать наказание государства и презрение общества.

Психиатр ЦРУ Аллен Стаднер, занимавшийся вопросами исследования психики перебежчиков (предателей), среди их разнообразных типов выделяет:

1. Людей обиженных, возводящих свою личную неудовлетворенность в политический принцип.

2. Неудачников, которым не повезло в жизни, вследствие чего они становились коварными, способными нанести удар в спину.

3. Людей, стоящих в оппозиции к режиму, который, как они считают, не выполнил по отношению к ним свою часть взаимных обязательств.

4. Патологических эгоцентриков, для которых характерно самолюбование, поглощенность самим собой в ущерб всем прочим.

* * *

Когда-то в России существовала своеобразная награда за предательство. По указанию Петра I 4 сентября 1709 г. на Кадашевском монетном дворе в Москве русский мастер Матвей Алексеев изготовил специальную медаль из серебра весом в 4 килограмма и с цепью весом 800 грамм. На лицевой стороне был изображен повесившийся на осине Иуда, а внизу под ним – десять сребреников рядом с мешком. На обратной стороне следовала надпись: «Треклят сын погибельный Июда, еже за серебролюбие давится».

Эта награда предназначалась предателю – «украинскому гетману Мазепе», которого предстояло поймать, наградить и предать анафеме. Но в связи со смертью Мазепы медаль была передана алчному на серебро петровскому шутому князю Шаховскому с наказом царя носить при торжествах «на большой серебряной цепи, надевавшейся кругом шеи...»

В наше время имена многих предателей возводятся чуть ли не в ранг святых, а их измена трактуется как подвиг. Но предательству не может быть объяснения и оправдания, как не может быть оправдания трусости и подлости. Мы не вправе отрицать и тем более игнорировать в настоящем и будущем эти известные истины.

В конце 1980-х гг. генерал Д.А. Волкогонов был приглашен лордом Крэдоком прочесть лекцию «Сталин во Второй мировой войне».

На лекции ему задали вопрос: «Господин генерал, командарм Власов боролся со Сталиным. Вы его теперь осуждаете. Не стоит ли переосмыслить роль Власова в войне? Возможно, он не предатель, а борец со сталинизмом?»

Волкогонов ответил так: «Власов изменил не Сталину, а присяге и Родине. Если бы таким образом поступил, допустим, генерал Монтгомери, как бы Вы оценили подобное?»

«Это невозможно!» – почти крикнул степенный джентльмен.

Что ж, в своей книге я попробовал объяснить невозможное...

**Часть 1. От «пятой колонны» к
«власовскому движению»**

Глава 1. Что такое «пятая колонна»...

«Если оппозицию („пятую колонну“) вовремя не убрать, она может восторжествовать и привести к очень трагическим последствиям.

Нет сомнения, Сталин хорошо знал историю и готовил страну к обороне, очищал ее от враждебных сил, он был осведомлен о действиях оппозиции внутри страны и проникающей из-за рубежа агентуры».

В.В. Карпов. «Генералиссимус»

1. «Троцкисты-сионисты»...

При работе над темой о пятой колонне мне предстояло ответить на такие вопросы. Что понимать под «пятой колонной»? Кого к ней относить? Была ли пятая колонна в СССР и за его пределами до и во время Великой Отечественной войны?

В книге писателя-фронтовика В.В. Карпова «Генералиссимус» есть такие интересные строки: «Результатом репрессий, проведенных Сталиным, был не только разгром троцкизма и всяких антисоветских и антирусских блоков и оппозиций – главная победа Сталина, по масштабам исторически стратегическая, фактически – это разгром сионизма на территории Советского Союза. Одержав победу над сионизмом, Сталин избавил тем самым народы, населявшие Советский Союз, от порабощения не менее опасного, чем гитлеровское фашистское нашествие. Если бы победу в „политической войне“ 20—30-х гг. одержали троцкисты, ход истории в нашей стране сразу обрел бы форму истинного порабощения и истребления коренного населения, наподобие того, что происходит сейчас, начиная с 90-х годов, в нашей стране».

Далее автор пишет: «Многие страдания, горе и трудности всех народов, населяющих советскую страну, лежат на совести заговорщиков и предателей. Не будь их, строительство нового общества и жизнь людей, несомненно, проходили бы более благоприятно, безболезненно и плодотворно. Не было бы массового истребления коренных жителей России (в основном русских) при троцкистском извращении и насильственном насаждении коллективизации. Не истребляли бы кулачество как класс. Не сбивались бы с толку участники революции, и

особенно молодые коммунисты, в бесконечных дискуссиях и провокационных обвинениях Сталина и его сторонников. Не было бы массовых арестов за антисоветские разговоры. Из-за этих спровоцированных троцкистами массовых арестов возникла у людей потребность самозащиты, которая проявилась в доносах, наушничестве, стукачестве, ложных обвинениях и прочих подлостях.

Переполненные тюрьмы и лагеря в 20-х и первой половине 30-х гг. – это последствие деятельности оппозиционеров. Причем сами они порождали волну „преступлений“ и сами же карали, находясь в органах НКВД, прокуратуры, судах и лагерях».

По мнению В.В. Карпова, во всем виноваты троцкисты-сионисты. Именно они и были пятой колонной на территории СССР.

Еще при жизни Ленина между Сталиным и Троцким началась непримиримая борьба, носившая скорее личный характер. Это уже после смерти Ленина появились «платформы» и «позиции» и борьба стала приобретать идейный оттенок.

В этом контексте нельзя забывать о том, что партия росла и крепла исключительно в борьбе сначала с царским режимом, потом в революции и в Гражданской войне. Соответственно в ней господствовали методы исключительно революционной борьбы и борьбы военной. В ней мыслили категориями ударов и разгромов, предательства и сплочения, преданности и наказания.

В январе 1925 г. Троцкий был освобожден с поста Народного комиссара по военным делам и с поста Председателя Реввоенсовета Республики. В ноябре 1927 г. его исключили из партии, и вот тогда-то Лев Давидович бросился сколачивать активную антисталинскую оппозицию внутри партии. Но было уже поздно. Правда, поначалу сторонники нашлись, даже проводились нелегальные совещания, создавались группы политической борьбы, делались попытки наладить печатание оппозиционных материалов. Таким образом, возникало слабое противостояние при борьбе за власть, за посты и влияние в партии.

В 1926 г., когда на сторону Троцкого перебежали Зиновьев и Каменев, список его единомышленников был солидным. В 1927 г. Троцкий стоял во главе «объединения левой» оппозиции, программа которой была изложена на июльском (1926) Пленуме ЦК в двух документах: «заявлении 13-ти» и «платформе 83-х».

Но в ноябре 27-го, в десятую годовщину октября, оппозиция в последний раз попыталась заявить о себе, о своем несогласии с диктатурой партии и зарождающимся единовластием. И тут одни, струсив, публично

покаялись, других выслали за Урал, в Сибирь и в Среднюю Азию. Третьих отправили послами и торговыми представителями за границу. В январе 1928 г. в Алма-Ату был выслан и сам Троцкий, а в феврале 29-го его выдворили из Советского Союза за границу. Но и там (в Турции) он не успокоился. Летом того же года вышел 1-й номер издаваемого им журнала «Бюллетень оппозиции», где публиковались теоретические, политические и информационные материалы о жизни ВКП(б), о путях борьбы с руководством партии, предавшей идеалы большевиков – ленинцев. Автором практически всех статей журнала был сам Лев Давидович.

Тираж троцкистских изданий (газет, журналов, бюллетеней), выходивших в Англии, Бельгии, Испании, Голландии и других странах, не превышал всего несколько сот экземпляров.

Летом 1933 г. на совещании в Париже присутствовали представители 14 партий и групп его сторонников и только трое были согласны с идеей немедленного создания IV Интернационала. Уже тогда Троцкий убедился, насколько малочисленными были силы, которые его поддерживали.

Летом 1935 г., находясь в Норвегии, Троцкий услышал по радио о начавшемся в Москве большом политическом процессе над Зиновьевым, Каменевым и их «подельниками», которых обвиняли в организации терроризма в СССР. Оказывается, убийство Кирова, подготовка покушения на Сталина, Ворошилова и других «вождей» проходили под «руководством Троцкого». После этого Лев Давидович на протяжении нескольких дней не отходил от радиоприемника. По свидетельствам очевидцев, он был потрясен грандиозной мистификацией.

В конце 20-х гг. «левая» оппозиция насчитывала не более 3–5 тыс. человек, которые практически сразу же были раздавлены. Оказавшись в Мексике, Троцкий считал, что нужна организация внутри коммунистического движения, которая могла бы противостоять Сталину и сталинизму. По мнению Д. Волкогонова, «троцкизм как политическое и идейное течение с самого начала поставил себя в крайне невыгодное положение: он пытался вести борьбу не только с капитализмом, буржуазными партиями и правительствами, но и со всеми теми, кто, по мнению Троцкого, изменил марксизму и ленинизму. А таковыми он считал все коммунистические и рабочие партии, входившие в III Интернационал и признававшие его программу».

В ряде стран Европы, Северной и Южной Америки (в начале 30-х) возникли партии и группы, которые разделяли идеи «большевиков-ленинцев», солидарных с взглядами разгромленной левой оппозиции в ВКП(б). Но все эти партии и группы (явно сектантские, левацкие

формирования, члены которых были исключены и изгнаны из коммунистических и рабочих партий) были крайне малочисленны и в лучшем случае насчитывали до четырех сотен человек. Сам Троцкий оценивал ряды своих сторонников в несколько десятков тысяч человек, но он, как всегда, ошибался, выдавая желаемое за действительное. Вот один характерный пример: 3 сентября 1938 г. на вилле друга Троцкого в пригороде Парижа проходил так называемый Учредительный конгресс IV Интернационала. На нем присутствовал всего 21 представитель из 11 стран. При этом состоялось одно заседание, которое продолжалось весь день. Следовательно, в своей борьбе Троцкий был одинок.

Создавая свою партию, Троцкий вел работу по разоблачению политических сил, готовивших войну. В 1937 г. он предсказал, что через два-три года разразится Вторая мировая война. Он раньше многих увидел, что приход фашистов к власти в Германии приведет к войне. Его работа «Что такое национал-социализм» (1933) пророчески показала роковую роль нацизма. Именно Троцкий предсказал союз Сталина с Гитлером и т. д.

А в это время в Советском Союзе боролись с «троцкистами» и «двурушниками».

За всеми, кто был как-нибудь связан с Троцким, устанавливали наблюдение, их арестовывали, ссылали, уничтожали. Сотрудники НКВД приезжали в архивы Красной армии, Центрального комитета партии, Октябрьской революции и тщательно просматривали директивы, приказы и переписку Троцкого. Всем, кто когда-либо был в подчинении у Троцкого, грозили арест и клеймо врага народа. Именно так, искусственно, росли ряды «троцкистов».

Сам Троцкий, с неизменным сарказмом высмеивал парадоксы такой сталинской борьбы в своей статье «Итоги процесса»: «Из тех итогов, которые Вышинский должен подвести последней серией процессов, советское государство выступает как централизованный аппарат государственной измены: Глава правительства и большинство народных комиссаров; важнейшие советские дипломаты; все руководители Коминтерна; главные руководители хозяйства; лучшие полководцы и руководители Красной Армии; наиболее выдающиеся рабочие-революционеры, выдвинутые большевизмом за 35 лет; глава и члены правительства Российской Советской республики; все без исключения главы трех десятков советских республик; руководители ГПУ в течение последних десять лет... наконец, и это важнее всего, члены всемогущего Политбюро, фактической верховной власти страны – все они стояли в заговоре против Советской власти, даже в те годы, когда она находилась в

их руках. Все они, в качестве агентов иностранных держав, стремились разорвать построенную ими советскую федерацию в клочья и закабалить фашизму народы, за освобождение которых они боролись десятки лет. В этой преступной деятельности премьеры, министры, маршалы и послы неизменно подчинялись одному лицу. Не официальному вождю, нет – изгнаннику. Достаточно было Троцкому пошевелить пальцем, и ветераны революции становились агентами Гитлера и Микадо. По „инструкции Троцкого“... руководители промышленности, транспорта и сельского хозяйства разрушали производительные силы страны и ее культуру. По пересланному из Норвегии или Мексики приказу „враги народа“, железнодорожники Дальнего Востока устраивали крушения воинских поездов, а маститые врачи Кремля отравляли своих пациентов... Но здесь возникает затруднение. Если все узловые пункты аппарата заняты троцкистами, состоящими в моем подчинении, почему в таком случае Сталин находится в Кремле, а я в изгнании?»

Если уж сам Троцкий так едко высмеивал сей бред, то что же остается нам? Мы можем никак не относиться к Льву Давидовичу, можем обвинять его во многих грехах, но нельзя не учитывать фактов. С его отъездом сначала в ссылку, потом из СССР лишь некоторые приверженцы сохранили ему верность. Но таких были десятки, ну, может быть, сотни. Одни осудили троцкизм и отошли от политической деятельности, другие, кого Сталин простил, вернулись в Москву на незначительные посты. Но никто из них не представлял какую-то угрозу строю и обществу.

В заключительном слове на мартовском (1937) Пленуме ЦК Сталин говорил: «Вспомните последнюю дискуссию в нашей партии в 1927 г. Это был настоящий партийный референдум. Из 854 тысяч членов партии голосовало только 730 тысяч членов партии. Из них за большевиков, за Центральный Комитет партии против троцкистов голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов – 4 тысячи членов партии, то есть около полпроцента, и воздержалось 2600 членов партии. Не приняли участия в голосовании 123 тысячи членов партии. Не приняли они участия либо потому, что были в отъезде, либо потому, что были в сменах. Если к 4 тысячам голосовавших за троцкистов прибавить всех воздержавшихся, полагая, что они тоже сочувствовали троцкистам, и если к этой сумме прибавить не полпроцента не участвовавших в голосовании, как это следовало бы сделать по правилу, а 5 процентов не участвовавших, то есть около 6 тысяч членов партии, то получится около 12 тысяч членов партии, сочувствовавших так или иначе троцкизму. Вот вам вся сила троцкистов. Добавьте к этому то обстоятельство, что многие из этого числа

разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил».

Об отсутствии в партии и стране оппозиции Сталин заявлял и раньше. Так на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. он сказал:

«Настоящий съезд проходит под флагом полной победы ленинизма, под флагом ликвидации остатков антиленинских групп.

Разбита и рассеяна антиленинская группа троцкистов. Ее организаторы околачиваются теперь за границей на задворках буржуазных партий.

Разбита и рассеяна антиленинская группировка правых уклонистов. Ее организаторы давно уже отреклись от своих взглядов и теперь всячески стараются загладить свои грехи перед партией».

Выходит, и сам вождь всех времен и народов признавал отсутствие в 30-е гг. оппозиции.

Не располагая никакими объективными доказательствами о заговоре в Красной армии, но пытаясь обосновать наличие такового, следствие сфабриковало пять противоречащих друг другу предположений об обстоятельствах его возникновения.

По этому делу получилось, что заговор возник:

- 1) по инициативе Тухачевского, в его бонапартистских целях;
- 2) по директиве Троцкого;
- 3) по указанию центра правых;
- 4) по решению блока троцкистско-зиновьевской и правой организации;
- 5) по установкам, исходившим от Генштаба Германии.

2. Эмигранты

Старая русская эмиграция в основном проживала в Европе, но ее центр – Берлин, где стоимость жизни была достаточно невысокой, уже в 20-е г. уступил место Парижу. Если в 1922 г. в Германии находилось 600 тысяч эмигрантов, то в 1923-м – 400, в 1924-м – 500, в 1925-м – 250, в 1928-м – 150 и в 1934-м – 50 тыс.

Тяжелая инфляция 1923 г. и улучшение отношений между Германией и Советским Союзом по Раппальскому договору 1922 г. заставили русских эмигрантов искать более гостеприимное убежище во Франции, в ее культурном, общественном и политическом центре.

Достаточно сказать, что к концу 20-х г. во Франции проживало до 40 % всей эмиграции. Кроме Германии и Франции много русских эмигрантов

проживало в Югославии, Чехословакии, Польше, Болгарии, в Прибалтике и на Дальнем Востоке. К сожалению, до сих пор нет точных данных о количестве беженцев из России в годы Гражданской войны. Однако, по некоторым источникам, эта цифра составляет два миллиона человек, что подтверждается и информацией Американского Красного Креста на 1920 г. – 1 964 000.

Только эвакуация Русской Армии генерала Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г. привела в Константинополь на 126 кораблях 145 693 человека, не считая судовых команд, в том числе 50 тыс. чинов армии и 6 тыс. раненых.

Командование армии, оказавшись за границей, борьбу с большевизмом не считало законченной и всеми силами стремилось сохранить личный состав для будущих «сражений». Но оказавшись в тяжелом положении, когда начались массовые заболевания и у тысяч людей открылся туберкулез в острой и быстро прогрессирующей форме (на февраль 1921 г. численность армии составила 48 319 человек, среди которых половина были офицеры), П.Н. Врангель пришел к мысли сохранить армию в «полускрытом виде». Тем более что положение офицеров и вне армии было не намного лучше. Им приходилось работать продавцами газет, посудомойками, грузчиками, чернорабочими и т. д.

1922–1924 гг. стали критическими в судьбе офицеров эмигрантов. Армия не могла больше существовать как вооруженная сила, хотя бы в связи с тем что все трудоспособные военнослужащие находились на собственном содержании.

Приказом № 82 от 8 сентября 1923 г. офицерские союзы и общества зачислялись в состав армии и передавались под руководство представителей Главного командования в соответствующих странах. А почти через год – 1 сентября 1924 г. было объявлено о создании Русского общевойскового союза (РОВС), который включал в себя всех солдат и офицеров Белых армий, оставшихся верным идеям Белого дела, и главной его задачей стало сохранение офицерских кадров для развертывания в будущем новой русской армии.

Организации РОВСа были трех типов:

1) объединяющие кадры войсковых частей 1-го армейского и Донского корпусов, кавалерийской и кубанской дивизий;

2) объединяющие чинов РОВСа, проживающих в одном населенном пункте;

3) объединяющие военнослужащих по принадлежности в прошлом к частям Русской армии, специалистам и родам войск.

В начале 30-х гг. РОВС насчитывал до 40 тыс. членов и имел следующую структуру:

- 1-й отдел (Франция, Англия, Испания, Италия, Швейцария, Голландия, Скандинавские страны, Польша, Египет, Сирия и Персия),
- 2-й отдел (Германия, Австрия, Венгрия и Прибалтика),
- 3-й отдел (Болгария и Турция),
- 4-й отдел (Югославия, Греция и Румыния),
- 5-й отдел (Бельгия и Люксембург),
- 6-й отдел (Чехословакия),
- Дальневосточный отдел (Китай),
- Военно-морской союз, объединяющий офицеров флота.

После смерти генерала П.Н. Врангеля РОВС возглавляли генералы А.П. Кутепов (1928–1930), Е.К. Миллер (1930–1937), Ф.Ф. Абрамов (1937–1938) и А.П. Архангельский (1938–1957).

Кроме РОВСа долгое время существовали различные объединения и комитеты бывших «добровольцев».

В 1925 г. врангелевский «Русский совет» подсчитал, что количество русских беженцев, которых можно поставить «под ружье» в Германии, Франции, Югославии, Греции, Турции, Китае, Латвии, Чехословакии, Болгарии, достигало 1 млн 158 тыс. человек. Но такое количество преданных «белой идее» вызывает сомнение.

До Второй мировой войны идея продолжения борьбы с большевизмом владела умами большинства офицеров, и РОВС в период 20—30-х годах был своего рода источником антикоммунистической активности.

Бывший командир Добровольческого корпуса Александр Павлович Кутепов в РОВСе (в Париже) создал специальный боевой отдел для подрывной работы внутри России. Его «организация» подготовила десятки активных борцов с советским режимом, переходивших границу и действовавших на советской территории. В основном это были молодые офицеры, произведенные в Белой армии из юнкеров, и выпускники зарубежных русских кадетских корпусов. У Кутепова были свои «окна» в Советский Союз. Его агенты, например, в июне 1927 г. совершили поджог общежития работников ОГПУ на малой Лубянке. После этого они пытались бежать за границу, но, окруженные чекистами в Смоленской области, застрелились.

О «Кутеповской» организации на суде после войны рассказывал П. Краснов: «Романов (великий князь Николай Николаевич, дядя Николая II) заявил, что он пригласил меня во Францию для организации совместного с ним антисоветского похода против СССР... В реальности этого похода я не

сомневался и охотно приступил к его осуществлению. В первые дни пребывания у Романова я составил воззвание к казакам о необходимости жертвовать деньги в казну великого князя для организации похода и проведения подрывной работы против СССР, а в начале декабря 1923 г. нами был создан специальный штаб для разработки конкретного плана борьбы...» В штаб, возглавляемый Романовым, входили генералы Кутепов, Головин, Хольмсен и другие.

Белогвардейские организации готовили кадры для проведения подрывной работы. Сам Кутепов разрабатывал методы и способы засылки в СССР диверсантов, террористов и шпионов и впоследствии при участии генерала Краснова активно проводил свой план в жизнь.

Например, в Советский Союз с террористическими заданиями неоднократно пробирался бывший офицер царской армии Ларионов. Несколько раз перебрасывалась для сбора шпионских материалов и проведения террористических и диверсионных актов группа во главе с женой офицера – Захарченко-Шульц.

Но советской разведке удалось не только ввести своих агентов в РОВС, но и со временем поставить их там на ответственные посты. Все началось в далеком 1921-м, когда с ноября по апрель 1927 г. органами ОГПУ велось агентурное дело под названием «Трест», основными назначением которого являлась разработка РОВС. В целях обеспечения агентурного проникновения в монархические эмигрантские круги за границей и в разведки многих иностранных государств органами ОГПУ было слегендировано существование на территории СССР нелегальной организации под названием «Монархическое объединение Центральной России» (МОЦР).

Советская разведка принимала все меры к тому, чтобы представить МОЦР за границей как мощную заговорщическую шпионскую организацию, охватывающую значительную часть командного состава РККА и способную возглавить контрреволюционные силы и свергнуть Советскую власть. «Создание» такой организации имело целью способствовать получению данных о белоэмигрантских воинских формированиях, их планах, а также для дезинформации иностранных разведок и пресечения деятельности их агентуры на территории СССР.

С 1924 по 1930 г. велась еще одна агентурная разработка «Синдикат-4». ОГПУ легендировало перед белоэмигрантами и иностранными разведками существование на территории СССР нелегальной «Внутренней российской национальной организации» (ВРНО) с центром в Москве, которая ставит своей целью свержение советской

власти.

В январе 1930 г. агенты ОГПУ Попов и Де-Роберти были направлены в Берлин, где встречались с Кутеповым и другими видными белоэмигрантами, а также членом германского рейхстага Бангом и берлинским уполномоченным «Стального шлема» майором Вагнером. Все эти лица обещали оказывать помощь мнимой «ВРНО».

В воскресенье 26 января в 10.30 утра генерал Кутепов вышел из своей парижской квартиры на улице Русселэ, сказав жене, что идет в церковь Галлиполийского союза на улице Мадемуазель и вернется домой к завтраку в час дня. Домой он так и не вернулся, и «Синдикат-4» прекратил свое существование. Агенты ОГПУ были заподозрены в причастности к исчезновению белого генерала. Коллеги Кутепова не ошиблись.

В то время в недрах советской разведки существовала Особая группа, или «Группа Яши» (более десяти лет она возглавлялась Яковом Серебрянским). В ее задачу входило создание резервной сети нелегалов для проведения диверсионных операций в тылу противника в Западной Европе, на Ближнем Востоке, Китае и США в случае войны. Сам аппарат состоял из двадцати оперработников, отвечавших за координирование деятельности закордонной агентуры. Остальные сотрудники работали за рубежом в качестве нелегалов. Тем не менее руководство ОГПУ по выбору использовала как Особую группу, так и Иностраный отдел для проведения особо важных операций, в том числе диверсий и ликвидации противников СССР за рубежом. Именно люди из «Группы Яши» организовали похищение в Париже генерала Кутепова.

Следующим был генерал Миллер...

Таким образом, в 20-е годы благодаря действиям советской разведки удалось перехватить каналы связи иностранных разведок и белой эмиграции, а также наблюдать за планами противника, дезинформировать его и, умело маскируясь, проникнуть в лагерь эмиграции. Советской разведке удалось нейтрализовать кутеповскую организацию, убедив ее руководителей в том, что «террор и диверсии» вредно отзовутся на подпольной организации внутри России. Уже во второй половине 30-х годов, в преддверии мировой войны, многим эмигрантам стало ясно, что Германия и западные демократии постараются разрешить острые противоречия, возникшие между ними, за счет СССР. По предложению П.Н. Милюкова, в Париже возникла инициативная группа по созданию так называемого «оборонческого движения» в составе Алексева, Грекова, Лебедева, Пилипенко, Слонима, Ширинского, Петрова, которых поддержал Д.И. Деникин. Это движение ставило целью «объединять эмигрантов и

содействовать в меру возможностей делу обороны России». Однако в Москве не понимали патриотических порывов бывших соотечественников. Начальник Разведуправления РККА комкор М.С. Урицкий докладывал руководству страны: «Это движение можно считать фактором разложения в эмигрантской среде...»

3. Деникин, Краснов, Шкуро, Быкадоров

Удар, нанесенный по белой эмиграции, был сокрушительным. В преддверии Второй мировой войны значительных фигур Белого движения осталось очень мало. Две из них, два генерала – Деникин и Краснов, чрезвычайно интересовали немецкую разведку:

Антон Иванович Деникин (1872–1947), оказавшись в эмиграции, достаточно внимательно присматривался к жизни русских во Франции. Его раздражали бывшие политические деятели ушедшей царской России, которые, так ничему и не научившись, продолжали сводить старые политические счёты. Он очень болезненно воспринимал эту картину раздора и потому все время продолжал держаться в стороне от «эмигрантской склоки», в том числе и от РОВСа.

Будучи в курсе подпольной работы Кутепова в России, а также уважая последнего как прямого и храброго человека, отличного боевого офицера, Деникин искренне сомневался в его умении разбираться в сложных вопросах подпольной борьбы и политической конспирации, к которой у Кутепова абсолютно не было призвания. В итоге Антон Иванович замкнулся в себе и в своем писательском труде. 22 июня 1941 г., в день германского вторжения в Советский Союз, немцы в Париже, из «предосторожности», арестовали множество русских эмигрантов, лояльность которых им была неизвестна и сомнительна. А во французской провинции русских (в возрасте до 50 лет) задерживали на несколько дней раньше.

15 июня 1941 г. арестовали жену Антона Ивановича Деникина – Ксению Васильевну, которую, правда, вскоре отпустили. Но именно этот арест напомнил немцам о русском генерале. Политическое управление в оккупированной Франции хорошо знало точку зрения Антона Ивановича, его антигерманские настроения. Достаточно сказать, что некоторые брошюры генерала попали в германский «Указатель запрещенных книг на русском языке». Эти книги «подлежали изъятию из книжных складов, магазинов и библиотек».

Тем не менее немцы очень хотели использовать имя А.И. Деникина в целях пропаганды. Однажды к русскому генералу приехал германский комендант Биарритца с предложением перебраться в Германию, но Деникин отказался. Он был категоричен и в дальнейшем. Только поэтому попытка сближения с ним врагов его исторической Родины не удалась.

Петр Николаевич Краснов (1869–1947) окончил Александровский кадетский корпус, а в 1888 г. – Павловское военное училище. Вот только почему-то в годы русско-японской войны будущий атаман Войска Донского был всего лишь корреспондентом газеты «Русский инвалид». В своей книге «Путь русского офицера» А.И. Деникин так охарактеризовал этого генерала: «Статьи Краснова были талантливы, но обладали одним свойством: каждый раз, когда жизненная правда приносилась в жертву „ведомственным“ интересам и фантазии, Краснов, несколько конфузясь, прерывал на минуту чтение: – Здесь, извините, господа, поэтический вымысел для большого впечатления... Этот элемент „поэтического вымысла“ в ущерб правде, прошел затем красной нитью через всю жизнь Краснова – плодovitого писателя...»

Летом 1919 г. генерал Краснов оказался в Северо-Западной армии генерал-лейтенанта Н.Н. Юденича, где руководил отделом пропаганды. В том же году после поражения Юденича он уехал в Германию. В эмиграции Петр Николаевич развил бурную литературную деятельность. Он издавал журнал, написал большое количество статей, воззваний, листовок, выпустил около 30 книг, таких как «От двуглавого орла к Красному Знамени», «За чертополохом», «Белая свитка», «Выпаш». Литературная деятельность давала генералу возможность безбедно жить даже за границей. В 1936 г. Краснов переехал на постоянное жительство в Германию. Там особенно широко популяризировалось и распространилось его творчество. В нацистской Германии было распродано более 2 млн экземпляров его книг.

Мечтая об уничтожении большевизма, Петр Николаевич сразу же пошел на сотрудничество с немецким военным командованием. «Эмигрантские круги за границей, в том числе и лично я, – рассказывал он на суде, – встретили нападение гитлеровской Германии на Советский Союз довольно восторженно. Тогда господствовало среди нас мнение: хоть с чертом, но против большевиков...» Краснов явился «идейным отцом» борьбы всей белоказачьей массы против Советского Союза на стороне Германии. Он установил тесную связь с немецкой разведкой, деятельно участвовал в работе казачьего отдела министерства восточных областей Германии, возглавляемого Розенбергом. «Знаток казака и его души»,

Краснов консультировал сотрудников министерства и немецкую разведку по всем вопросам антисоветской деятельности среди казачества. Его доклад об истории казачества слушали сотрудники СД, а затем с ним знакомились высшие германские военные круги. По предложению германской разведки П. Краснов выпустил воззвание, в котором призывал казаков объединиться вместе с немцами и участвовать в вооруженной борьбе против Советского Союза.

После поражения немцев под Сталинградом и на Северном Кавказе Краснов подготовил особую грамоту (впоследствии она называлась «Декларация казачьего правительства») с обращением ко всем казакам. 10 ноября 1943 г. она была опубликована за подписью начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Кейтеля и министра восточных областей Германии Розенберга. В обращении указывалось, что за оказанную немецким войскам помощь во время войны германское правительство признает казаков своим союзником и обещает после победы над СССР вернуть им землю, личную собственность и бывшие привилегии, а на время войны устроить казаков на временное поселение на свободных землях, имеющих в распоряжении немецких властей.

30 марта 1944 г. приказом командующего «союзными войсками» генерала Кестринга Краснов был назначен начальником управления казачьих войск (политический и административный орган Дона, Кубани и Терека). Управление существовало при министерстве Розенберга, а фактически им руководили начальник отдела этого министерства доктор Химпель и генерал Кестринг. Затем Краснов вошел в подчинение главного штаба СС – генерала Бергера. Ближайшим помощником Краснова – старшего по руководству главным управлением и «казачьим станом» был его племянник Семен Краснов, до этого служивший в «комитете по делам русской эмиграции» в Париже. До этого ему пришлось строить дороги и рубить лес, работать грузчиком и шофером такси, заниматься разведением кур.

Начальником резерва казачьих войск был назначен другой не менее известный белый генерал Шкуро.

Андрей Григорьевич Шкуро родился в 1887 г. В 1907 г. окончил Николаевское кавалерийское училище. В 1919 г. командир кавалерийского корпуса, генерал-лейтенант. В 1920 г. эмигрировал во Францию, жил в Париже. Оказавшись без денег, выступал антрепренером казацких джигитовок, играл в рулетку, занимался мелкими маклерскими делами, продавал личные вещи, затем уехал в Югославию, где работал частным подрядчиком по строительству дорог.

В 1931 г. Андрей Григорьевич посетил Марсель, где встретился с генералом Улагаяем (руководил последней крупной операцией армии Врангеля – десантом из Крыма и на Черноморское побережье Кавказа). Генерал-лейтенант Улагай теперь служил в албанской армии. В 1928 г. он со своим казачьим отрядом сыграл значительную роль в перевороте в этой стране. Переговоры Шкуро были связаны прежде всего с планом вооруженного выступления на Кавказе, поддержанному извне. Казачий генерал, активно контактирующий с Союзом горцев, очень хотел развернуть партизанскую войну на Северном Кавказе. Он выезжал в Белград, где прощупывал настроения проживавших там казаков и их командиров.

Заручившись поддержкой крупного нефтепромышленника Нобеля и председателя РОВС Миллера, Шкуро консультировался с кавказскими сепаратистами. Он предложил наследникам низвергнутого персидского шаха Каджарской династии (двум братьям) восстановить ее на престоле. Первую часть задачи он предполагал решить с помощью небольшого отряда верных и хорошо обученных казаков. В Чехословакии Шкуро посетил заводы «Шкода», где ему пообещали уступить 6000 русских винтовок, которые были вывезены Чехословацким корпусом из Сибири и в заводских условиях приведены в пригодное состояние (цена по 4 золотых рубля за единицу). Андрей Григорьевич пытался договориться и с казачьей верхушкой. Он вел переговоры с северокавказцами и даже с курдами, которых хотел использовать для прорыва в район Бакинских нефтепромыслов. Но во время переговоров с последними в Швейцарии местные власти попросили генерала покинуть страну. Не получил он и поддержки казачества. Улагай также поспешил отказаться от авантюры. В результате идея оказалась нереализованной.

Это говорит о невозможности белой эмиграции действовать активно после похищения Кутепова. То есть в 30-е годы советская разведка полностью парализовала Белое движение.

Генерал-майор Исаак Федорович Быкадоров в начале 30-х жил под Прагой. Он создал и возглавлял организацию «Вольное казачество», объединенную идеей его самостоятельности и был фактическим лидером зарубежного донского казачества.

«Генштабист, в свое время незаурядный казачий офицер, решительный, энергичный, умный, дальновидный, по убеждениям самостоятельный. Свои взгляды особенно никогда не афишировал, боясь ссоры с Деникиным, стоявшим за „единую“, неделимую».

В Первую мировую войну он командовал сотней, полком, дивизией.

Его «Вольное казачество» создавалось при участии министерства иностранных дел Польши, польского генштаба и французской разведки. Они же и финансировали – 25 тыс. чешских крон в месяц.

Сам Юзеф Пилсудский вел с Быкадоровым переговоры относительно создания Донского государства. Премьер-министр Польши (в тот момент) просил подписать договор, по которому за Доном признавалась полная самостоятельность в границах, которыми располагает Донская область, с присоединением на востоке всего Поволжья и Урала, а на юге нынешних советских Терекского, Армавирского, Ставропольского, Майкопского, Черноморского, от Туапсе до Гагр, округов и Калмыкии. За этой территорией признавалось право на самостоятельность «казацкого государства» с Исааком Быкадоровым во главе. Взамен Пилсудский просил дать письменное обязательство перевести всех донцов в Польшу, поселить в Галиции и начать комплектование Донского корпуса и работу внутри СССР.

После поляков были обращения чехов. Сам президент Чехословакии присылал за генералом свою машину.

После чехов были французы, а если точнее – французский посол, который выложил перед генералом целых два варианта. Мы остановимся на одном из них. Донцам во главе с Быкадоровым дают убежище в Алжире, где им безвозмездно предоставляется земля для обработки. Признается и поддерживается самостоятельность Донского государства в границах, предложенных Пилсудским. За это требуется предоставить Франции право на железнодорожное и шоссейное строительство на Дону, на пользование туапсинским портом, сооружение Каспийско-Азовского канала и эксплуатацию Донецкого угольного бассейна. А впредь до образования казацкого государства Быкадоров должен был сформировать Донской корпус и с ним участвовать в случае войны против Италии на стороне Франции.

Посетил русского генерала и представитель английской разведки полковник Лоуренс, который в свою очередь предложил: «Все Закавказье, Дагестан, Абхазия и все современные советские горские республики поступают под протекторат его величества. Территория старого Дона, на западе добавленная Луганском, Озовкой, Бахмутом и Мариуполем, на юге Кубанью, Калмыкией, Ставрополем, Терекком и Крымом; на востоке – нынешним Нижне-Волжским краем, старым Уралом и Оренбургским войском с городами Челябинском и Златоустом, составляет буферное государство новых донцов», под руководством Быкадорова. Это государство находится в союзе с соединенным королевством.

Исаак Федорович отказал всем. Однако тот же Лоуренс предложил вернуть 700 тыс. рублей, которые англичане забрали у Богаевского, наложив на них арест еще в начале эмиграции. Быкадоров же был неумолим и не хотел ввязываться в эти авантюры. Со временем он пришел к пониманию единого сильного Российского государства, за что бывшие сподвижники стали называть его предателем казачьего дела.

В своей замечательной книге Николай Александрович Бердяев написал: «В белое движение я не верил и не имел к нему симпатии... Я уповал лишь на внутреннее преодоление большевизма. Русский народ сам освободит себя».

Белое движение так и останется в истории всего лишь безуспешной попыткой, не более того.

С началом войны на Восточном фронте немцы впервые привлекли офицеров старой русской эмиграции, главным образом добровольцев из Франции. Многие из них прошли через главный штаб группы армий «Центр», другие попадали непосредственно в корпуса, дивизии и полки. Так по сообщению уполномоченного по делам русской эмиграции во Франции Ю.С. Жеребкова, он, совместно с председателем французского отдела РОВСа генералом-профессором Н.Н. Головиным, зарегистрировал более полутора тысяч офицеров, изъявивших желание безоговорочно участвовать в борьбе против большевизма. Вначале было направлено около двухсот эмигрантов, которые получили придуманную для них форму. Но спустя несколько месяцев Главное командование вермахта отозвало офицеров-эмигрантов в Германию, им было запрещено ношение формы, а многие раненые и инвалиды были предоставлены собственной безнадёжной участи.

4. ОУН

В 1921 г. из остатков офицеров «Западно-Украинской народной республики» и петлюровских «Украинских сечевых стрельцов» была создана «Украинская военная организация» (УВО) под руководством бывшего атамана галицийского корпуса полковника Коновальца. Его ближайшим помощником стал Мельник.

УВО поставила своей целью борьбу против Советского Союза под руководством польской дефензивы и немецкой разведки. Боевики «Украинской военной организации» засылались на советскую территорию со шпионскими и диверсионными заданиями, совершали разбои и

убийства.

В январе 1929 г. в Вене на съезде украинских националистов было принято новое название – ОУН. Но так как УВО являлась боевым ядром нового сообщества, то она была прикреплена к новому названию приставкой: ОУН – УВО. В 1930 г. во Львове Коновалец упразднил эту приставку.

В 1933 г. с приходом к власти в Германии Гитлера ОУН полностью переходит на службу фашизму. Гитлер, Геринг и Розенберг, с одной стороны, и Коновалец – с другой, вели переговоры о предоставлении зеленой улицы «Военно-политическому союзу между будущей фашистской Украиной и гитлеровской Германией».

В своих секретных планах рейх предусматривал превращение Украины в немецкую колонию в качестве сырьевого придатка. Результатом переговоров оуновцев с фашистским руководством явилось издание в январе 1934 г. приказа о подчинении УВО гестапо на правах его рабочего отдела. Центральный провод ОУН тоже прописали в Берлине.

После убийства во Львове советского дипломата Майлова, совершенного террористом ОУН Лемekom в 1934 г., председатель ОГПУ В.Р. Менжинский издал приказ о разработке плана действий по нейтрализации террористических акций украинских националистов. Украинское ГПУ сообщило, что ему удалось внедрить в подпольную военную организацию украинских националистов в изгнании (ОУН) своего проверенного агента – Лебеда.

В годы Первой мировой войны Лебедь и Коновалец воевали офицерами в австро-венгерской армии против России на Юго-Западном фронте в составе корпуса «сечевых стрельцов», а с 1915 по 1918 г. они находились в лагере для военнопленных под Царицыном. В Гражданскую войну Лебедь командовал пехотной дивизией на Украине, сражавшейся против частей Красной армии. После отступления Коновальца в Польшу в 20-м году Лебедь был направлен на Украину для организации подпольной сети ОУН, где его арестовали и завербовали. Так он стал ключевой фигурой в борьбе с бандитизмом на Украине в 20-х годах, при том что его репутация в националистических кругах зарубежья оставалась высокой.

Вскоре через Лебеда в качестве его «племянника» в ОУН был введен советский агент П. Судоплатов (Андрей), впоследствии начальник службы разведки и диверсий органов безопасности.

23 мая 1938 г. по поручению Сталина Павел Анатольевич ликвидировал в Роттердаме лидера ОУН Е. Коновальца. В результате ликвидации лидера был вызван раскол в ОУН. В ходе борьбы за власть

внутри ОУН между Бандерой и официальным преемником Коновальца Мельником погибли видные боевики и соратники Коновальца. После разгрома польской армии и оккупации Польши гитлеровцы перестроили всю работу оуновцев в узко антисоветском направлении. Перед последними была поставлена задача: готовиться к нападению на Советский Союз.

В связи с этим Центральный провод ОУН дал указание своим организациям, находившимся в подполье в советских областях Западной Украины, активизировать антисоветскую националистическую агитацию, расширять сеть организаций, подготавливать националистические повстанческие кадры для вооруженной борьбы против большевиков на случай военного нападения на СССР фашистской Германии, то есть организовать в советском тылу фашистскую «пятую колонну».

А между тем раскол в ОУН, спровоцированный советской разведкой, продолжался. В Центральном проводе в качестве его члена работал капитан гестапо Ярыга-Рихард (Ярый), который затем вошел в состав «бандеровского» провода. Через него немцы осуществляли свои намерения ослабить националистическое движение, в развитии которого они совершенно не были заинтересованы.

В период германо-польской войны «бандеровцы» якобы захватили документы польской разведки и установили, что члены провода ОУН Сенник, Сциборский и Барановский являлись агентами польской разведки и что об этом знал Мельник, но никаких мер против них не принимал. Кроме того, «бандеровцы» обвиняли «мельниковцев» в их прогерманской политике, считая себя «представителями украинского народа», которые «без помощи немцев борются за самостоятельную Украину». А в августе 1941 г. немцы арестовали самого Бандеру и содержали на даче в пригороде Берлина под домашним арестом.

А раскол продолжался. В 1942–1943 гг. во Львове и в Житомире бандеровцы расстреляли Барановского, Сциборского, Грибивского и Сушко. Когда с помощью немцев был создан новый провод ОУН, его руководителем стал Лебедь.

5. Сепаратисты

К войне на Востоке фашистская Германия готовилась достаточно тщательно и заблаговременно. Об этом говорит и тот факт, что кроме документов (директив) чисто военного характера Верховное командование вооруженных сил 16 июня 1941 г. подготовило «Директивы по руководству

экономикой во вновь оккупированных восточных областях», так называемую «Зеленую папку» (задачи и организация экономики). Здесь много интересного, изобретенного, но мы остановимся всего лишь на одном разделе: «Использование рабочей силы. Привлечение местного населения», где в пункте 2.В. «Обращение с населением по отдельным областям» есть характеристика некоторых народностей Советского Союза. Вот что там говорилось:

«1. Прибалтийские страны, Ленинградская и Северная области.

В прибалтийских странах германским органам наиболее целесообразно опираться на оставшихся там немцев, а также на литовцев, латышей и эстонцев.

Напряженные отношения между этими национальными группами и оставшимися русскими следует использовать в интересах Германии. Особые условия в великорусском Ленинграде, городе, который весьма трудно прокормить с его ценными верфями и близлежащей алюминиевой промышленностью, требуют особых мероприятий, которые будут предприняты своевременно.

2. Средняя полоса.

В Белоруссии будет, вероятно, нелегко в ближайшее время найти руководящий состав, который бы лояльно работал на нас, потому что белорусы в интеллектуальном отношении далеко отстают от живущих там великороссов, евреев и поляков.

С другой стороны, необходимо найти путь для использования в наших интересах запасов скота, ячменя, лошадей, древесины и т. д.

Московская область и области, находящиеся к востоку от нее, населенные великороссами и представляющие большой интерес в связи с ценными возможностями в отношении текстильного производства, составляют, в смысле подхода к населению, такую же трудную проблему, как и Ленинградская область, особенно вследствие того, что многомиллионный город потребует больших продовольственных дотаций. На основе первых недель войны будут даны указания в отношении подлежащих проведению мероприятий.

3. Юг.

В южных областях будут отличные предпосылки для продолжения нормальной хозяйственной жизни, если не произойдет больших разрушений. Продовольствие для населения имеется, уголь и железо тоже

имеются на месте. Трудно сказать заранее, в какой мере можно будет использовать кавказскую нефть.

Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы сохранить важнейшую промышленность и прочие хозяйственные предприятия и избежать разрушений.

Необходимо установить возможно лучшие отношения между местными жителями, то есть в данном случае между рабочими и служащими.

Возможное наличие противоречий между украинцами и великороссами необходимо использовать в наших интересах (...).

4. Кавказ.

Продовольственное положение в важнейших нефтяных районах (Южный Кавказ) зависит от доставки зерна из плодородных районов Северного Кавказа, с населением следует поддерживать хорошие отношения, в особенности с рабочими нефтяной промышленности. Противоречия между туземцами (грузины, армяне, татары и т. д.) и русскими следует использовать в наших интересах. При этом следует считаться с тем, что грузины и татары в противоположность армянам дружелюбно настроены к немцам...»

Таким образом, можно заметить особое отношение немцев к прибалтийским странам (немцы, литовцы, латыши и эстонцы), к Кавказу и населению юга (особенно к грузинам и татарам). Стоит обратить внимание и на использование немцами в своих интересах напряженных отношений между населением Прибалтики, украинцами, «туземцами» и русскими.

Немецкая разведка обнаружила напряженность в отношениях между русскими и другими национальностями, населявшими Советский Союз, и сделала ставку на эту напряженность.

Задачи абвера-2 (саботаж, диверсии, террор, поддержка повстанческих движений, разложение армий противника) предельно четко сформулировали еще в 1935 г., но практически до 1939 г. они не выполнялись. Сначала некоторые отделы абвера получили сотрудника для группы 2, который занимался подготовкой к действиям на случай войны, но уже вскоре потребовалась подготовка к проведению диверсий в странах вероятных противников и особенно с целью нарушения важных тыловых коммуникаций.

Одной из новых задач стала деморализация противника на его территории. Для этого уже в мирное время в соответствующих странах следовало наладить контакты с отдельными лицами, согласными при

необходимости оказывать тайное сопротивление своим правительствам и проводить мероприятия по подавлению воли населения к отпору.

Кроме подготовки диверсантов и террористов, их заброски в тыл противника, разработки и изготовления средств террора, организации диверсий и терактов абверу потребовалось – создание специальных отрядов из национальных меньшинств в тылу государств противника и организация воинских формирований из этого же числа для захвата в тылу противника стратегически важных объектов, с целью их уничтожения или сохранения до подхода передовых армейских частей.

Именно с этих задач началась практическая работа германской разведки с «пятой колонной» русской эмиграции и сепаратистов дореволюционной России.

В мае 1941 г. наряду со штабом «ВАЛЛИ» (для непосредственного руководства разведывательной деятельностью на советско-германском фронте) создаются боевые органы и в немецкой службе безопасности (СД). Это всего лишь несколько подразделений, так называемых рефератов в научно-исследовательских центрах по изучению стран Востока.

Отделение «А» – ведало материальным обеспечением (боеприпасы, радиоаппаратура, взрывчатые вещества для агентурно-диверсионных групп, которые планировалось забросить в тыл Красной армии.

Отделение «В» – агентурно-разведывательная работа на европейской части СССР.

Отделение «Н» – организация диверсий на Кавказе.

Подреферат «Д» – агентурно-разведывательная работа на территории советских республик Средней Азии.

По авторитетному мнению П.А. Судоплатова, координацией деятельности органов немецкой военной разведки службы безопасности СД и разведывательного бюро Риббентропа некоторое время руководил генерал Ф. Нидермайер, в прошлом видный немецкий дипломат и разведчик, авторитетный специалист по России. В 20—30-е годы – он немецкий военный атташе в Москве. Действовал как двойник немецкой и советской разведок.

«Он выступал с предложением о создании в преддверии войны Туркестанского легиона – националистических мусульманских организаций для действий против советских войск. Речь шла о создании Туркестанского, Волго-татарского комитетов, Крымского центра, Азербайджанского, Северо-Кавказского, Армянского, Грузинского штабов.

У немецких разведывательных органов были большие планы по разыгрыванию мусульманской карты против Советского Союза».

Руководство немецко разведки, по сути, было увлечено и даже ослеплено идеей «молниеносной войны». Оно абсолютно не сомневалось в том, что с помощью разведывательно-диверсионных акций и опираясь на раскулаченное крестьянство в тылу СССР немцам удастся создать «пятую колонну».

Один из агентов немецкой разведки профессор «Идрис» был татарин. До Первой мировой войны проживал в Казани, где получил университетское образование. Во время войны попал в плен к немцам, потом в порядке обмена военнопленными вернулся в Россию. Но уже в 1922 г. вместе с Бухарской комиссией выехал в Германию, а после окончания ее работы отказался вернуться в СССР и остался в Берлине. Долгое время работал внештатным консультантом немецкого МИДа и по совместительству в министерстве пропаганды. «Идрис» часто выступал по радио с антисоветскими речами на турецком языке. Вокруг него группировались те, кого использовали на мусульманском направлении немецкой разведки. Немцы готовили Среднюю Азию в качестве театра военных действий. Немецкая разведка и разведывательное бюро Риббентропа активно использовали против Советского Союза также и грузинскую эмиграцию.

Грузинский журналист М. Кедия с 1927 г. проживал в Париже, где примкнул к партии грузинских социал-демократов. В 1941 г. переехал в Берлин и вступил в немецкую армию, сотрудничал с гестапо, вошел в руководящий состав грузинского комитета. В период временной оккупации объявился в Пятигорске, где создал антисоветскую националистическую организацию «Ассоциация Грузии», которая оказывала помощь немецкой армии, готовила агентуру для заброски в Грузинскую ССР.

Русская эмиграция с южных территорий бывшей Российской империи, Северного Кавказа и Закавказья достаточно компактно распространилась в страны южного пояса – Турцию и Иран, отчасти Афганистан. После окончания Гражданской войны в Стамбуле был учрежден Объединенный комитет по борьбе с большевизмом, который призвал к созданию союза самостоятельных окраинных национально-государственных образований (Украина, Азербайджан, Грузия, а также казацкие области и территории под названием Горская республика (это Дагестан, Чечня и сопредельные территории).

Однако комитет не прижился, потому что после освобождения всего Кавказа от большевиков считал необходимым постепенное создание империи под властью российского императора. Именно это и не устраивало тех, кто финансировал эмиграцию и оказывал ей поддержку.

Внук имама Шамиля, руководителя сопротивления горцев русским войскам в Кавказскую войну, Саид Шамиль долгое время проживал в Турции и руководил Комитетом азербайджанско-горского объединения. Во время Первой мировой войны он воевал на русско-турецком фронте, на стороне кайзеровской Германии. По окончании войны, на родине предков, он пытался воевать и с советской властью. На Кавказе Саид-бей впервые появился в июле 1920 года, приехав из Константинополя в Тифлис. Со временем его ввели во французскую миссию и представили грузинскому правительству. После денежной поддержки последних в октябре Саид выехал в Дагестан, где встретился с Имамом Северного Кавказа Нажмутдин-эффенди, заключил с ним соглашение и открыл боевые действия против большевиков. Успех был недолгим. С подходом красных ему пришлось оставить Дагестан и с небольшим окружением перейти в Чечню. Весной 21-го, когда Красная армия захватила всю Грузию, Шамиль бежал из Чечни в Турцию. Немецкая разведка вышла на Шамиля в феврале 1935 года.

Интересно, что одним из важнейших принципов совместной работы с немцами Шамиль считал резкое отделение деятельности кавказцев от деятельности украинцев, в которых он видел большую опасность: «Сильная Украина в общем представляла бы для Кавказа такую же опасность, что и сильная Россия, так как нежелательная политическая и экономическая экспансия Украины шла бы по направлению Кавказа. При таком положении грузины также представляют опасный, как объединенный с Украиной, элемент. Грузины – почти такие же враги кавказских мусульман, как и армяне, но в то время, как армяне высказывают открыто свое врожденное отношение к ним – грузины всегда играют с закрытыми картами...»

Партия Мусават, основанная в 1912 г., последовательно стремилась к приходу к власти в Азербайджане и отделению Кавказа от России.

В 1918 г., когда турецкая армия помогла азербайджанскому правительству перебраться в Баку, Мусават встала под покровительство Турции. Во главе партии со дня ее создания стал Расул-заде – туркофил, националист, русофоб. Когда власть в Азербайджане перешла к большевикам, мусаватисты бежали за границу.

До 1934 г. эта партия была единой, но потом последовал ее раскол на Варшавскую и Стамбульскую группы. С середины тридцатых годов. руководство Мусавата стало активно сотрудничать с немцами.

После начала войны наиболее влиятельные деятели эмиграции были приглашены в Берлин. Представитель МИД Германии Шуленбург на

совещании предложил всем течениям, сложившимся к тому времени, объединиться в единый азербайджанский комитет (мусаватистов Расулзаде, сторонников Векилова – отколовшихся старых членов партии и Азербайджанскую народную партию). Вот только работу комитета наладить не удалось. Разговоры о независимости немцев не устраивали. Их больше интересовали вопросы формирования и подготовки национальных легионов...

14 июля 1934 г. в Брюсселе был подписан договор о создании конфедерации народов Кавказа. Текст документа подписали: за Азербайджан – Расулзаде; за Северный Кавказ – Чулик, Шакманов и Сунжев; за Грузию – Жордания, бывший председатель грузинского правительства...

Участники договора направили письмо армянскому национальному центру с сожалением, что «Армянская республика» не смогла присоединиться к кавказской конфедерации.

Но практически до 1942 г. работа влиятельных деятелей эмиграции сепаратистов сводилась к личным амбициям: недоверию, подсиживанию и провокациям.

С началом войны немцы взяли работу с эмиграцией под свой непосредственный контроль. Воплощение же плана создания общекавказского правительства началось осенью 1942 г. В Берлине было созвано совещание представителей национальных эмигрантских организаций с целью формирования правительства кавказской конфедерации из азербайджанцев, грузин, горцев и других. Армянских эмигрантов уговорить не удалось.

Использование немцами белой эмиграции было своеобразным. Долгие разговоры, переговоры и сотрудничество с началом оккупации советской территории свелось к формированию так называемых добровольческих частей и только потом к созданию национальных комитетов.

Так, военное командование совместно с восточным министерством создало: Волго-татарский центр, Крымский центр, Азербайджанский штаб, Северо-Кавказский штаб, Армянский штаб, Грузинский штаб и Калмыцкий центр. Все они являлись центрами подрывной работы против СССР...

Одним из лидеров Крымских татар в эмиграции был Джафар Сейдаметов. В 1918 г. он, председатель Крымского национального правительства и одновременно министр иностранных дел, возглавлял крымскую делегацию на переговорах с немцами. При отступлении Врангеля из Крыма эмигрировал в Турцию. Был лидером народной партии крымских татар. Через 2-й отдел польского генштаба Сейдаметов получал

жалование 1000 злотых ежемесячно. Но накануне войны, как и многие лидеры других этносов, переключился на работу с немцами. В сентябре 1941 г. его принял Гитлер, а на следующий день в его доме состоялось совещание под председательством Саида Шамиля, на котором рассматривались вопросы, связанные с засылкой в Крым и на Кавказ через Сирию и Иран агентуры, которую можно было бы использовать для подготовки восстания при подходе немецких войск к этим регионам.

Но этим планам, как и многим другим, не суждено было сбыться.

6. Чечня и крымские татары

С самых первых дней советской власти и вплоть до своей ликвидации Чечено-Ингушская АССР по праву считалась самой «беспокойной» и всегда оставалась очагом бандитизма. После окончания Гражданской войны бандитизм на Северном Кавказе заметно пошел на убыль, но только не в Чечне. Например, в результате операции по разоружению населения района Ачхой – Катыр-Юрт – Шалажи – Гехи – Валерик – Шамиюрт (9-м стрелковым корпусом в 1923 г.) было изъято 1174 винтовки, а по окончании операции части корпуса с 16 по 19 декабря была проведена операция по разоружению района Чечень – Белгатой – Гельдыген – Цацын-Юрт – Центарой – Ишхой, где у населения было изъято 1715 винтовок.

А вот выводы из информационного обзора штаба 9-го стрелкового корпуса о развитии бандитизма в районах дислокации частей корпуса в июле – сентябре 1924 г. (3 октября):

«1. К концу второй половины отчетного периода бандитизм в Кабардино-Балкарской, Осетинской и, отчасти, Ингушской области значительно понизился.

2. Бандитизм в Чеченской области сохраняет прежний уровень, а периодами повышается, и область в отношении бандитизма нужно считать неблагонадежной.

3. Вообще бандитизм на территории корпуса не имеет ярко выраженной формы, по своему характеру – чисто уголовный, скрытый в массе горского населения, живущего своеобразными бытовыми условиями и традициями, воспитанный религиозным фанатизмом и бывшим политическим режимом (колониаторство). Родовая вражда, кровная месть, национальная ненависть и неуважение, стеснительные земельные условия, обилие оружия у населения, географические условия – все это в той или иной степени влияет на развитие бандитизма...»

Летом 1925 г. началась следующая широкомасштабная операция по зачистке территории Чечни от бандформирований и изъятию оружия у местного населения. Но спокойствие после этой операции воцарилось ненадолго. В ноябре – декабре 1929 г. здесь вспыхнуло крупное восстание, которое удалось подавить. Было изъято 450 бандитов.

Однако и этого оказалось недостаточно. К концу февраля 1930 г. «уцелевшие главари» начали подготовку следующего восстания. Поэтому в марте 1930 г. была проведена повторная войсковая операция, в которой участвовало 3920 военнослужащих при 16 орудиях.

В марте 1932 г. вспыхнуло новое крупное восстание в Ножай-Юртовском районе. Постанцы блокировали гарнизоны и пытались захватить их, но 28–29 марта были разбиты и рассеяны подошедшими частями Красной армии.

Факты упрямо говорят о том, что изначально в Чечне был просто уголовный бандитизм.

Из докладов о ликвидации контрреволюционного выступления в Чеченской, Карачаевской, Кабардинской и Ингушской национальных областях:

«Причинами выступления являются: крупнейшие ошибки старого партийного руководства области, проводившего совершенно неправильную линию на сплошную коллективизацию, без учета особенностей и уровня развития национальной области (наличие в значительной мере родовых пережитков, религиозный фанатизм, слабая классовая дифференциация, чрезвычайная культурная отсталость масс, скотоводческий тип хозяйства, находящийся в горных округах на весьма низком уровне развития). Административное насаждение колхозов, попытки коллективизации в горных районах, неправильное лишение избирательных прав середняков, а в ряде случаев и бедняков, превратившееся в некоторых местах (Итум-Калинский округ) в массовое явление, попытка административного закрытия мечетей».

Следующее обострение отмечено в 1937 г. По данным справки о результатах борьбы с террористическими группами в республике в период с октября 1937 по февраль 1939 г., на ее территории действовали 80 группировок общей численностью 400 человек и более 1000 человек находились на нелегальном положении.

Однако благодаря принятым мерам в 1939 г., с их выступлениями в основном удалось покончить. В ходе операций были арестованы и осуждены 1032 участника бандитских групп и их пособников, 716 беглых, кулаков, изъяты 5 пулеметов, 21 граната, 8175 винтовок, 3513 единиц

прочего оружия. В 1940 г. бандитизм в республике снова начинает действовать. Большинство групп пополнялось за счет беглых уголовников и дезертиров Красной армии.

В октябре 1943 г. бригада работников госбезопасности во главе с заместителем наркома комиссаром госбезопасности 2-го ранга Б. Кобуловым выехала в Чечено-Ингушетию, а 9 ноября по результатам ее работы была подготовлена докладная записка на имя Л. Берии «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР».

«Населенных пунктов в республике насчитывается 2288. Население за время войны сократилось на 25 886 человек и насчитывает 705 814 человек. Чеченцы и ингуши в целом по республике составляют около 450 000 человек. В республике 38 сект, насчитывающих свыше 20 тысяч человек. Они ведут активную антисоветскую работу, укрывают бандитов, немецких парашютистов. При приближении линии фронта в августе – сентябре 1942 г. бросили работу и бежали 80 человек членов ВКП(б), в том числе 16 руководителей райкомов ВКП(б), 8 руководящих работников райисполкомов и 14 председателей колхозов.

Антисоветские авторитеты, связавшись с немецкими парашютистами, по указаниям немецкой разведки организовали в октябре 1942 г. вооруженное выступление в Шатоевском, Чеберлоевском, Итумкалинском, Веденском и Галангожском районах.

Отношения чеченцев и ингушей к советской власти наглядно выразилось в дезертирстве и уклонении от призыва в ряды Красной армии.

При первой мобилизации в августе 1941 г. из 8000 человек, подлежащих призыву, дезертировало 719 человек. В октябре 1941 г. из 4733 человек 362 уклонились от призыва. В январе 1942 г. при комплектовании национальной дивизии удалось призвать лишь 50 процентов личного состава. В марте 1942 г. из 14 576 человек дезертировало и уклонилось от службы 13 560 человек, которые перешли на нелегальное положение, ушли в горы и присоединились к бандам. В 1943 г. из 3000 добровольцев число дезертиров составило 1870 человек.

Группа чеченцев под руководством Алаутдина Хамчиева и Абдурахмана Бельтоева укрывала парашютный десант офицера германской разведслужбы Ланге и переправила его через линию фронта. Преступники были награждены рыцарскими орденами и переброшены в ЧИАССР для организации вооруженного выступления.

По данным НКВД и НКГБ ЧИАССР, на оперативном учете было 8535 человек, в том числе 27 немецких парашютистов, 457 человек, подозреваемых в связях с немецкой разведкой: 1410 членов фашистских

организаций; 619 мулл и активных сектантов; 2126 дезертиров. За сентябрь – октябрь 1943 г. ликвидировано и легализовано 243 человека. На 1 ноября в республике оперируют 35 бандгрупп с общей численностью 245 человек и 43 бандита-одиночки.

Свыше 4000 человек – участников вооруженных выступлений 1941–1942 гг. прекратили активную деятельность, но оружие – пистолеты, пулеметы, автоматические винтовки – не сдают, укрывая его для нового вооруженного выступления, которое будет приурочено ко второму наступлению немцев на Кавказ».

Даже по этим сухим строкам документа не трудно себе представить, что собой представляла Чечено-Ингушетия в 1943 г.!

Массовое дезертирство и уклонение от призыва в Красную армию, вооруженные выступления, нападения на опергруппы и отряды НКВД, убийства, налеты, грабежи, а также пособничество немецким диверсантам.

Характерно, что захваченный НКВД полковник Губе Осман на допросе показал:

«Среди чеченцев и ингушей я без труда находил нужных людей, готовых предать, перейти на сторону немцев и служить им. Меня удивляло: чем недовольны эти люди? Чечены и ингуши при Советской власти жили достаточно зажиточно, в достатке, гораздо лучше, чем в дореволюционное время, в чем я лично убедился после 4-х месяцев с лишним нахождения на территории Чечено-Ингушетии. Чеченцы и ингуши, повторяю, ни в чем не нуждаются, что бросалось в глаза мне, вспоминая тяжелые условия и постоянные лишения, в которых обретала в Турции и Германии горская эмиграция. Я не находил иного объяснения, кроме того, что этими людьми из чеченцев и ингушей, настроениями, изменческими в отношении своей Родины, руководили шкурнические соображения, желание при немцах сохранить хотя бы остатки своего благополучия, оказать услугу, в возмещение которой оккупанты им оставили хотя бы часть имеющегося скота и продуктов, землю и жилища».

В своем обращении к народу 3 июля 1941 г. Сталин, говоря о целях немецко-фашистских захватчиков в отношении народов Советского Союза, назвал русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, молдаван, грузин, армян и азербайджанцев, то есть те нации, которые на тот период времени имели статус союзных республик.

Не назвал он только татар. То ли специально не назвал, то ли забыл,

теперь уже никто не расскажет. Хотя, как известно, слабостью памяти вождь не страдал!

Я же хотел бы сказать несколько слов о татарах крымских. Про них, самых обиженных до сих пор, есть что сказать. По данным за 1939 г., в Крыму проживали: русские 558 481 (49,6 %); украинцы – 154 120 (13,7 %); татары – 218 179 (19,4 %); немцы – 51 299 (4,6 %); евреи – 65 452 (5,8 %); болгары – 15 353 (1,4 %); греки – 20 652 (1,8 %); армяне – 12 873 (1,1 %); прочие – 29 276 (2,6 %). А всего: 1 126 385 человек. А теперь факты...

Все призванные в Красную армию из крымского населения составили 90 тыс. человек, в том числе 20 тыс. крымских татар, которые в 1941 г., при отступлении 51-й армии из Крыма, дезертировали.

В одной только деревне Коуш из 132 призванных в Красную армию дезертировали 120 человек. Так что дезертирство татар Крыма было просто поголовным, а затем началось прислужничество немецким оккупантам, о чем мы обязательно поговорим позже.

7. Фольксдойче

Сразу же после окончания военных действий во Франции немецкая разведка активизировала свою работу против СССР.

Абвер стремился координировать деятельность немецких поселенцев и колонистов, осевших в Западной Украине и Румынии. Их связи тянулись к немецким колониям, расположенным на территории Украины – в Одессу и Крым. Центром их деятельности были Черновцы.

«Немецкий народный совет германцев в Бессарабии возглавлял офицер абвера. Немецкая резидентура пыталась распространить свою деятельность на всю территорию Молдавии и Украины. Сельские колонисты – крестьяне, стали основным направлением в разведывательной деятельности абвера.

Накануне войны советская разведка зафиксировала стремление немецких разведывательных органов внедрить свою агентуру из числа местных жителей в службы Киевского особого военного округа, особенно в сфере материально-технического снабжения наших войск, вступивших на территорию Западной Украины.

По воспоминаниям П.А. Судоплатова, после проведенного анализа попавших в руки советской разведки архивов польских, румынских, латышских, эстонских спецслужб, стало известно о проявлении большого

интереса немцев к вербовке советских граждан и перемещенных лиц: „Главным критерием их вербовочных подходов был так называемый „принцип немецкой крови“. Немецкая национальность считалась главным пропуском для установления связей с интеллигенцией, проживающей на территории Советского Союза“».

В фашистской Германии в 30-е годы существовали две организации: заграничная организация НСДАП (АО) и «Фольксдойче миттельштелле», занимавшиеся вопросами возврата в лоно матери – родины всех людей немецкой крови. Фактически же эти организации были шпионскими гнездами, которые сначала содействовали созданию «пятой колонны» в Австрии и Чехословакии, а затем выявлению укрывавшихся за границей немецких политических противников режима и слежке за ними.

АО являлась секцией НСДАП, которая объединяла немцев, живущих за границей. Ее руководителем был партийный гауляйтер и статс-секретарь министерства иностранных дел Эрнст Боле. Эта специальная секция была создана в 1931 г. Грегором Штрассером в Гамбурге. Выбор этого города в качестве местопребывания организации объяснялся тем, что из десяти более или менее длительных заграничных поездок немцев восемь осуществлялись через Гамбург, порт, из которого шли морские линии в обе Америки, где размещались крупнейшие пароходства и находилось около сотни иностранных консульств. На секцию возлагалась задача обеспечения связей с 3300 членами НСДАП, проживающими за пределами Германии. В октябре 1933 г. АО была поставлена под контроль Гесса, выступавшего в качестве представителя фюрера. За несколько лет эта организация создала около 350 региональных групп НСДАП, рассеянных по всему миру, не считая отдельных членов, с которыми также поддерживалась постоянная связь.

«Фольксдойче миттельштелле» полностью контролировалась СС. Руководителем этой центральной службы немцев чистой расы был группенфюрер Лоренц. Сфера деятельности этой организации, занятой защитой интересов немцев, принадлежащих к чистой расе и живущих за границей, распространялась в основном на соседние страны. Она сыграла огромную роль в подготовке аншлюса и в организации волнений в Судетах.

Во время Второй мировой войны она выступила организатором перемещения населения в Польшу и на восточных территориях. Гиммлер, назначенный 7 октября 1939 г. имперским комиссаром по расселению германской расы, руководил проведением этих операций с помощью СС и гестапо.

На начало 1939 г. немцев в СССР насчитывалось 1 427 222 человека, в том числе в Российской Федерации 700 231 человек. Первое решение о депортации немцев Поволжья было принято 12 августа 1941 г. Их предполагалось выселить в районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахской и Киргизской ССР и в другие соседние области.

27 августа появился приказ НКВД СССР «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». В республику были направлены 1200 сотрудников НКВД, 2000 работников милиции, 7350 красноармейцев. Руководство операцией было поручено замнаркома внутренних дел СССР Серову.

Считается, что переселение немцев проводилось в жесткой форме. Возможно и так, но о какой другой форме могла идти речь, если шла война, а как известно, в ее начале была катастрофа, связанная прежде всего с прорывом фронта и масштабным отступлением. Нельзя забывать и о том, что фашистская Германия возлагала определенные надежды на создание «пятой колонны» в тылу СССР. Одним из элементов этой «колонны» должны были стать немцы. Угроза участия русских немцев в войне на стороне Германии существовала вполне реально. И только благодаря переселению этого удалось избежать.

Давайте вспомним недавние события, когда в результате развала Советского Союза тысячи русских немцев стали возвращаться на свою историческую родину в объединенную Германию. Думаю, что это бегство не было случайным...

Автор книги «По мощам и елей», Александр Николаевич Яковлев, считает: «Народ был обвинен только в том, что он принадлежал к нации, государство которой – фашистская Германия – вела войну против СССР». Такая позиция в корне неверна. Думаю, что народ был неблагонадежным в силу ряда причин, и чтобы избежать его использования противником в войне против Советского Союза, он был переселен.

Да, это было далеко не приятным мероприятием, но в тот момент, когда существовала реальная угроза поражения, других вариантов не было и быть не могло.

8. Разведывательно-диверсионные группы

Накануне войны абвер имел одно существенное преимущество перед

советскими органами госбезопасности. В его структуре функционировал спецотдел по проведению разведывательно-диверсионных операций, а при нем был сформирован учебный диверсионный полк «Бранденбург-800».

Еще перед началом Второй мировой войны абвер получил от генштаба задание предотвратить разрушения промышленности польской части верхней Силезии. Этот район, важный для германской военной экономики, как можно быстрее должен был включиться в германскую программу вооружений. Для подобной операции следовало подготовить людей, прекрасно владевших польским языком и хорошо знавших соответствующие объекты, чтобы непосредственно перед началом боевых действий вермахта скрытно перебросить их на место, чтобы спасти эти объекты от разрушения. В связи с возможным увеличением количества и масштаба подобных задач осенью 1939 г. в Чехословакии началось формирование роты под условным названием учебно-строительная рота (командир – капитан доктор фон Гиппель), которая впоследствии была развернута в учебно-строительный батальон, дислоцировавшийся в г. Бранденбург (командир – майор Кевиш).

Батальон использовали во время кампании во Франции. Штаб оперативного руководства вооруженными силами и генеральный штаб проявили заинтересованность в дальнейшем развитии подразделений, которые под соответствующей маскировкой могли бы использоваться в прифронтовом тылу противника. В октябре 1940 г. батальон переформировали в учебный полк «Бранденбург», а в декабре 1942 г. – в дивизию.

В первый период своего существования батальон «Бранденбург» комплектовался главным образом из немцев, владевших иностранными языками, и фольксдойчей.

Позднее эти подразделения пополнялись за счет добровольцев – военнопленных англичан и французов, а также белоэмигрантов. Зимой 1940/41 г. 2-й отдел абвера сформировал в лагере Нейхаммер под Лигницем батальон из украинцев, служивших в польской армии и имевших хорошую боевую выучку. Этот батальон получил кодовое наименование «Нахтигаль» (Соловей). В 1938 г. были созданы тренировочные центры для украинских эмигрантов под Берлином и Бранденбургом для подготовки кадров «пятой колонны» на случай начала боевых действий против Польши и СССР.

В 1939 г. 250 украинских добровольцев проходили спецподготовку в учебно-тренировочном лагере под Дахштайном. В полку «Бранденбург 800» подготовку проходили члены украинской секции русской фашистской организации РОНД. Одним из первых украинских формирований абвера

был так называемый «легион полковника Романа Сушки» – отряд членов ОУН численностью 200 человек. С созданием же дружин украинских националистов: 1-го батальона «Роланд» и 2-го батальона «Нахтигаль» общая численность легионеров достигла 700 человек.

В преддверии военных действий в России абвер приступил к вооружению групп ОУН и фольксдойчей на советской территории, контрабандным путем переправляя им оружие через границу.

В 1940 г. один из лидеров «правой белорусской эмиграции» предложил немецкому руководству проект организации деятельности белорусских национал-социалистов, который включал в себя переподготовку военнопленных белорусов и переправку обученных кадров на территорию СССР для ведения диверсионной работы.

Формирование 1-го белорусского подразделения началось весной 1941 г. 1-й штурмовой взвод (50 человек) был подготовлен в составе полка в Бранденбурге-800. Точно так же немцами готовились десантники Варшавского-Белорусского комитета. В их число включали добровольцев-белорусов из лагерей военнопленных польской армии. Два подразделения вошли в оперативное подчинения штаба «Валли».

Диверсантам поручалось проведение диверсий в ближнем советском тылу, истребление командного состава РККА, передача военных сведений по радио. Уже перед началом военных действий против СССР абвер привлек к сотрудничеству грузинских эмигрантов (5-я рота полка «Бранденбург-800»). Согласно секретному распоряжению № 53/41 отдела иностранной контрразведки немцы готовили силами грузин восстание на территории Грузии. Эта организация разделилась на две агентурные группы: первая – «Тамара-1» (16 грузин для саботажа) и вторая – «Тамара-2» (80 грузин – оперативная группа).

Группы были сформированы во Франции при активном участии руководителя грузинского военного комитета Михаила Кедия.

Кроме украинцев, белорусов и грузин абвер использовал и эстонцев. После присоединения Прибалтики к Советскому Союзу многие эстонские военнослужащие оказались в Финляндии.

В 1940 г. 2-й отдел абвера направил туда нескольких офицеров эстонцев с целью отбора из их соотечественников наиболее подходящих для работы в разведке. За несколько месяцев до начала кампании в России немцам требовалась точная информация о русских войсках в Прибалтике.

Около 80 эстонцев готовили к заброске в СССР. Для этой цели был организован центр подготовки на полуострове Сека, 40 километров западнее Хельсинки. Предполагалось после первых успехов кампании на

Востоке с моря высаживать эстонские диверсионные группы на советскую территорию.

В состав полка «Бранденбург-800» входили штабная рота, рота связи, учебный лагерь, пять батальонов четырехротного состава и учебный батальон. Подразделения полка предназначались для ведения диверсионной и разведывательной работы в тылу советских войск. Они осуществляли захват стратегически важных объектов до подхода основных сил вермахта, организацию «повстанческого движения», ведение войсковой разведки на передовой линии фронта с целью захвата «языков» и подрыва оборонительных сооружений, совершали террористические акты в отношении командного, административного и политического состава армии противника.

Например, спецрота 2-го батальона «Нахтигаль» была переброшена в Румынию для охраны нефтескважин и сопровождения транспорта, то есть немцы использовали специальные подразделения как для диверсий, так и для охраны стратегических объектов.

В 1940 г. спецназ использовался абвером преимущественно в прифронтовой полосе. Так полк «Брандербург» во время операций против Греции и Югославии захватил мост через реку Вардер в Северной Греции и удерживал его до подхода авангарда прорвавшихся к Солоникам немецких танковых дивизий.

На советской территории диверсионные подразделения абвера первоначально действовали так же, как в Югославии. Например, в ночь на 22 июня 1941 г. абвергруппы полка «Бранденбург-800» появились на участках Августов – Гродно – Колынка – Рудинка – Сувалки и захватили десять стратегических мостов. Сводная рота батальонов «Бранденбург-800» и «Нахтигаль» при форсировании реки Сан заняла плацдарм и сумела воспрепятствовать эвакуации и уничтожению документов советских военных и гражданских учреждений в Брест-Литовске и в Литве.

Начиная с февраля 1941 г. и до 15 июня диверсионные подразделения абвера были развернуты против СССР. Штаб-квартирой полка «Бранденбург-800» стали Краков и местечко Аленштайн в Восточной Пруссии. 7 июня 1941 г. батальон «Роланд» прибыл из Вены в Румынию, где был включен в состав 11-й немецкой армии.

26 июля батальон «Роланд» перешел под командование 54-го армейского корпуса и принимал участие в прочесывании территории и охране дорог у р. Днестр. Батальон насчитывал 269 человек (4 роты). На занятых территориях его предполагалось пополнить 150 добровольцами-

украинцами.

29 июля батальон «Роланд» оперировал в районе Кишинев – Вадулуй – Вода. Батальон «Нахтигаль» (350 человек) за четыре дня до вторжения в Советский Союз был передислоцирован к границе. В ночь с 22 на 23 июня батальон перешел границу у Перемышля и, не вступая в бой с частями РККА, двигался в направлении Львова.

15—17 июля переодетые в красноармейскую форму украинские националисты из батальона «Нахтигаль» и немцы 1-го батальона «Бранденбург-800» под Даугавпилсом совершили нападение на штаб одной из частей Красной армии в лесу под Винницей, но их атака была отбита.

28 июля диверсанты 8-й роты полка «Бранденбург-800» захватили и разминировали подготовленный к взрыву отступающими советскими войсками мост через Даугаву.

Во Львов батальон «Нахтигаль» вступил вместе с 1-м батальоном «Бранденбург-800» 30 июля в 4 часа 30 минут и взял под контроль стратегические объекты и транспортные узлы города. К тому времени в городе закончились основные бои между местными оуновцами и отступающими советскими частями. Затем весь личный состав батальона «Нахтигаль» под руководством офицеров абвера, по специальным спискам, составленным агентами краковского отделения абвера, осуществлял массовые казни еврейского населения, а потом и польской интеллигенции во Львове.

Первые парашютисты из состава 1-го штурмового белорусского взвода (41 человек в форме РККА) были сброшены на советскую территорию 18 июня 1941 г. в районе г. Сувалки для совершения диверсии на железнодорожной ветке Столбцы – Барановичи партиями по 5—11 человек. Большая часть группы была ликвидирована органами госбезопасности.

Вторая группа была десантирована в ночь с 21 на 22 июня западнее Минска, где провела диверсию на железной дороге и выступила навстречу немецким передовым частям. Десантники Варшавского комитета были заброшены на советскую территорию близ р. Буг.

После выброски вся группа была замечена и атакована пограничниками. В ходе боя их взяли в плен. 1-й штурмовой взвод после расформирования был включен в Минскую городскую полицию порядка.

С началом боевых действий против СССР абвер развернул активную работу по созданию диверсионных групп из эстонцев для захвата стратегически важных объектов и организации повстанческого движения на территории Эстонии.

Группа «Эрна» была подготовлена в составе 14 агентов и 70 бывших

военнослужащих эстонской армии. Первые 40 человек на трех катерах успешно достигли эстонского побережья. Оставшаяся в Финляндии часть «Эрны» ввиду невозможности пробиться к побережью морским путем была пополнена и сброшена на парашютах в Эстонию.

Находящаяся на месте группа провела необходимую подготовку: подыскала подходящую площадку и подготовилась к приему своих коллег в ночное время, что подтверждал и радиообмен. Затем транспортные самолеты точно произвели выброску парашютистов. Операция прошла блестяще. Результаты своей работы (наблюдение за путями сообщения, наблюдение за передвижением частей армии, разведка оборонительных рубежей вокруг эстонской столицы) группы передавали по радио.

По оценке немецких экспертов, использование эстонских добровольцев в этой операции оказалось весьма эффективным.

А вот что написал в своих воспоминаниях личный помощник Канариса Оскар Райле: «Возможность боевого применения эстонских добровольцев в деле, получившем кодовое обозначение „Операция Эрна“, в Эстонии была крайне полезной для Германии. Среди населения распространилась весть, что соотечественники, участвовавшие в войне Германии против Советского Союза, первыми ступив на родную землю, боролись за освобождение своей страны».

К концу июля 1941 г. общая численность эстонских добровольцев достигла 900 человек.

В октябре 1941 г. эстонский батальон был расформирован, а его личный состав передан в полицию, службу самообороны или органы местного самоуправления. В это же время абвером-2 был создан батальон «Бергманн» (1500 человек):

1-я рота – грузины и немцы;

2-я рота – уроженцы Северного Кавказа;

3-я рота – немцы и азербайджанцы;

4-я рота – грузины и армяне;

5-я рота – штабная (около 30 человек) из белоэмигрантов всех национальностей. Командный состав – немцы.

В конце августа 1942 г. батальон был переброшен в Россию на Кавказ. 1-я и 3-я роты действовали в районе Моздока, 2-я рота – в районе Майкопа, 4-я рота – в районе Эльбруса. Из состава 2 и 4 рот назначались бургомистры и старосты в оккупированных районах Северного Кавказа. Перед 5-й ротой была поставлена задача захвата Военно-грузинской дороги. Подразделения батальона «Бергманн» перебрасывали в тыл советских войск диверсионные группы для разрушения коммуникаций и

создания паники.

Роты вели добычу языков и разбрасывали листовки за линией фронта и вели передачи, призывая переходить к немцам. Во время немецкого наступления на Северном Кавказе 30 диверсантов в советской военной форме проникли в тыл Красной армии (под видом раненых, идущих с переднего края обороны) и взорвали стратегически важный мост в районе Минеральных Вод, чтобы сорвать организованный отход советских войск. Другая группа проникла в Майкоп, устроила на мосту засаду и сорвала плановый отход советских частей.

В октябре 1941-го при «Бранденбурге-800» в 60 километрах от Берлина была сформирована зондеркоманда капитана Ланге. Команда находилась в непосредственном подчинении отдела абвер-2 и состояла из агентов, подготовленных для проведения подрывной работы в тылу советских войск на территории Кавказа.

В конце июля 1942 г. группа агентов из адыгейцев, карачаевцев, кабардинцев и черкесов под руководством фельдфебеля Морица была направлена в г. Сталино для переброски в район Майкоп – Краснодар. 25 августа 1942 г. из Армавира группа Ланге в количестве 30 человек (чеченцы, ингуши и осетины) были десантированы с самолетов в районы селений Ататинского района для организации повстанческого движения. В сентябре 1942 г. на территорию Чечено-Ингушетии была выброшена вторая группа диверсантов из 12 человек под руководством унтер-офицера Реккерта. Группа Ланге была целиком ликвидирована, а сам Ланге в ноябре возвратился с тремя немцами к своим.

Грузинские диверсанты принимали участие в составе подразделений лейтенанта Ланге в операции «Шамиль», организованной абвером для захвата Грозненского нефтеперерабатывающего завода. После провала операции диверсантам удалось установить связь с чеченскими бандами...

9. Выводы

С началом войны на стороне Германии действовала малочисленная «пятая колонна».

Во-первых, это объясняется эффективной работой советской разведки.

Во-вторых, обострение взаимоотношений между эмигрантскими группировками, явившееся результатом деятельности советской разведки, породило у спецслужб противника недоверие к русской эмиграции.

Существовало противоборство между украинской, российской и

кавказской эмиграцией. Русских эмигрантов раздражала деятельность украинцев по созданию «самостийного государства». Грузинские меньшевики, укрывавшиеся с их «Независимой Грузией» в Париже, вызывали беспокойство в монархическом крыле российской эмиграции, которая не питала симпатий к этой публике и считала их деятельность вообще антирусской.

В-третьих, при подготовке к вторжению на территорию СССР абвер ориентировался прежде всего на ведение диверсионных операций в ближайшем тылу и на выполнение заданий по тактической разведке. П.А. Судоплатов писал в своей книге: «Разные дни тайной войны и дипломатии 1941 года»: «Но в своей работе противник вынужден был опираться, как я уже писал, на эмигрантские формирования. А они-то как раз были нам известны по оперативным учетам. Таким образом, мы обладали большими возможностями им противодействовать».

К тому же непосредственным планированием разведывательных операций противника и их руководством занимались люди, не компетентные в русских делах. В результате интриг из немецкой разведки были изгнаны специалисты по России, а ее руководство было фактически «ослеплено» первыми успехами «молниеносной войны». Их уверенность, что с помощью разведывательно-диверсионных акций и опоры на раскулаченное крестьянство в тылу нашей страны им удастся создать «пятую колонну», как в странах Западной Европы, оказалась просто нереальной.

Массовая вербовка, при хроническом недоверии к эмиграции, исключалась, что существенно ограничивало сферы разведывательно-диверсионной деятельности абвера на Восточном фронте. Тем более что диверсий в глубоком тылу, за исключением бакинских нефтепромыслов, немецкое командование не планировало.

После выполнения конкретных задач личный состав национальных частей и подразделений разоружался самими немцами и перебрасывался либо далеко за пределы восточного фронта, или же включался в полицию и оккупационную администрацию. Это объяснялось недоверием по отношению к национальным формированиям украинцев, белорусов и др.

В-четвертых, террор двух десятилетий советской власти и сталинская политика безжалостной расправы с любыми врагами «отбили охоту» бороться с режимом даже у недовольных. Те, кто заменял репрессированных, становились более преданными режиму, так как своим возвышением были обязаны власти. Социальная инерция насилия порождала доносительство, ложь, клевету, беспринципность. Все это в

совокупности лишь увеличивало преданность государству, Родине, вождю – Сталину. Когда в зоне оккупации оказалось более 20 миллионов советских людей, невероятные испытания нашего народа раскрыли глаза на истинное лицо фашизма. Даже обиженные на советскую власть становились на ее защиту. В результате «пятую колонну» внутри Советского Союза немцам создать не удалось.

Правда, в ходе войны и даже после нее на советской территории действовали отдельные бандформирования, малочисленность и разрозненность которых не позволяет причислить их к организованному движению, способному изнутри каким-либо образом свергнуть существующую власть.

По данным отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР, за первые три года войны в СССР ликвидированы 7163 повстанческие группировки, объединявшие 54 130 человек. Их распределение по Северному Кавказу было следующим: на территории Дагестана – 148 групп (3380 человек), в Кабардино-Балкарской АССР – 50 (3241 человек), в Северо-Осетинской АССР – 39 (323 человека), в Краснодарском крае – 303 (2985 человек), в Ставропольском крае – 88 (3316 человек), в Грозненской области – 185 (4368 человек).

А 23 февраля 1943 г. Берия доложил Сталину о начале операции по выселению чеченцев и ингушей. По 29 февраля были выселены и погружены в железнодорожные эшелоны 478 479 человек, в том числе 91 250 ингушей.

Интересная деталь. По данным НКВД СССР, численность спецпереселенцев, призванных в армию с Северного Кавказа, составляла: 8894 человека (офицеры – 710, сержанты – 1698, рядовые – 6488), из них чеченцев – 4248 человек (офицеры – 238, сержанты – 724, рядовые – 3286)!!!

На беспокойном Северном Кавказе для некоторых народностей служить в армии, видимо, не считалось престижным. Более 4000 чеченцев, служивших в Красной армии, – это более 1 % всего выселяемого чеченского населения.

А теперь несколько слов о троцкизме и о троцкистах-сионистах, составляющих, по мнению В.В. Карпова, ту самую «пятую колонну»...

Авторитетный специалист советской разведки генерал Судоплатов утверждал: «То же самое можно сказать и о разгроме еврейского националистического подполья на территории СССР накануне войны. Сейчас все это преподносится с позиций антисемитизма. Нередко можно услышать, что в борьбе Сталина с Троцким имели место и антисемитские

мотивы. Однако это не совсем так. Шла борьба за власть, было личное соперничество, а уж потом ко всему этому добавлялись антисемитские нюансы, если они действительно имели место. По крайней мере, в 30-е годы не могло быть и речи о каких-либо антисемитских установках или настроениях в работе советского разведывательного аппарата».

Глава 2. В плену и в оккупации

...Русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен... Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т. п. в плен сдаются лишь немногие. Часть русских сражаются, пока их не убьют, другие бегут, сбрасывая форменное обмундирование, и пытаются выйти из окружения под видом крестьян.

Гальдер. 29 июня 1941 г.

1. С началом войны

За 5–6 дней июня 1941 г. немецкая армия продвинулась в глубь советской территории на 150–200 км. Советские войска первого эшелона не сумели остановить противника у границы, не получилось и развертывание подходящих войск.

Великая Отечественная начиналась с катастрофического поражения фронтов, с громадных потерь в людях и технике.

Цифры потерь впечатляют своими масштабами. За три недели войны перестали существовать около 30 дивизий, около 70 дивизий потеряли более половины личного состава. За три недели было уничтожено около трех с половиной тысяч самолетов на земле и в воздухе, более половины складов горючего и боеприпасов.

Тем не менее мощь удара вермахта была значительно ослаблена именно в первые дни, в первые недели. Немцам не удалось главное: уничтожить основные силы Красной армии. Армия сражалась до последней капли крови, до последнего патрона...

22 июня 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер записал в своем дневнике:

«Наступление германских войск застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне. Его войска в пограничной полосе были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования. Охрана самой границы была в общем слабой.

Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным, в

результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные преграды и прорвать пограничную полосу укреплений на всю глубину (укрепления полевого типа). После первоначального „столбняка“, вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям. Без сомнения, на стороне противника имели место случаи тактического отхода, хотя и беспорядочного. Признаков же оперативного отхода нет и следа».

Генерал-полковник танковых войск Гейнц Гудериан вспоминал: «В 6 час. 50 мин. у Колодно я переправился на штурмовой лодке через Буг. Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими машинами повышенной проходимости и мотоциклами переправлялась до 8 час. 30 мин. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Лесна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений, вопреки моему указанию, бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты».

Эрих фон Манштейн, фельдмаршал: «Уже в этот первый день нам пришлось познакомиться с теми методами, которыми велась война с советской стороны.

Один из наших разведывательных дозоров, отрезанный врагом, был потом найден нашими войсками, он был вырезан и зверски искалечен... Позже часто случалось, что советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются в плен, а после того, как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат».

Нет, отнюдь не как легкая прогулка начиналась война и для немцев! Она действительно застала нас врасплох.

Армия отступала сражаясь и сражаясь отступала. Тысячи, десятки тысяч солдат погибали, но еще больше бойцов и командиров попадало в плен и пропадало без вести.

В 1941 г. только Западный фронт потерял убитыми и умершими на этапах санитарной эвакуации 106 997 человек (8,24 %), а пропавшими без вести и попавшими в плен – 798 465 человек (61,52 %). Северо-Западный фронт – 31 511 (11,67 %) – убитыми и умершими и 142 190 (52,64 %) – пропавшими без вести и попавшими в плен. Юго-Западный фронт – 60 016 (7,05 %) – убитыми и умершими и 607 860 (71,36 %) – попавшими в плен и

пропавшими без вести.

Таким образом, три фронта в 1941 г. в общей сложности потеряли убитыми и умершими 198 524 человека и 1 548 515 пропавшими без вести и попавшими в плен!

На фронт Иван Рудаков попал в 1941-м.

– Через полтора месяца «учебки» нашу минометную роту отправили на передовую, – вспоминал Иван Алексеевич. – На весь эшелон – несколько пистолетов, у старших офицеров, нам же только противогазы выдали. Так и пробирались потом по ночам безоружными. На Старосалковском направлении, неподалеку от украинской речки Малый Донец, уже шли тяжелейшие бои. Нас послали в лес искать оружие. Мне винтовка пятизарядная досталась, кому-то штык, большинству вообще ничего. На всю роту – ни одного автомата!

Полгода они то наступали на Харьков, то вновь возвращались на прежние позиции. Наконец в августе 42-го пришел окончательный приказ об отступлении. Минометная рота осталась в засаде – дожидаться врага. Пока бойцы готовили свои «ячейки», фашисты уже прорвали оборону. Приказ отходить опоздал на сутки, и рота попала в окружение...

Снаряд разорвался в 10 метрах от рудаковского миномета. У него – осколок в ноге, сломана ключица. Рядом стонет друг-киргиз: голову задело по касательной. Перемотались какими-то тряпками – и давай прорываться.

– Только бежать уже было некуда: кругом фрицы. Прыгал, пока мог, на одной ноге. Под деревней Знаменкой нога так опухла, что даже наступать на нее не мог. Там-то нас немцы и взяли, – вздыхает Иван Алексеевич.

– Вы-то хотите про плен услышать, а я не могу об этом говорить – комок к горлу подступает, – смахивая слезу, отворачивается старик. – Загнали всех в конюшню, человек 120 нас было. Насыпь мы делали на дороге, а охраняли нас латыши. Попытались бежать, да, видно, кто-то сдал – всех поймали. Каждого пятого расстреляли: не фрицы убивали – свои, украинцы. Так и стоят перед глазами их лица...

Потом была пересылка в Кировограде и новый эшелон – в Германию. Лагерь в городке Кюстрин на Одере. Следующий пункт – Цейдуник, и с утра до ночи – тяжелейшая работа на кирпичном заводе. Оттуда Рудаков снова бежал. Через три недели скитаний его поймали и «вернули» в Цейдуник. К счастью, начальство в лагере уже сменилось, беглеца никто не узнал, и его не расстреляли.

Дмитрий Андреевич Тараненко попал в плен 26 мая 1942 г., под

Днепропетровском.

– Когда немец прорвал линию фронта, мы держали оборону в Гусаровке. Одна винтовка на троих, гранат не было вообще. Ждали, когда убьют товарища, чтобы взять в руки хоть какое-то оружие... Нас тогда в окружение попало 75 тысяч человек, – вспоминает Дмитрий Андреевич. – Погнали пешком по всей Украине, на Умань. Первый лагерь – во Владимире-Волынском. За колючкой – 15 тысяч человек, 60–80 военнопленных каждый день подыхали от голода, каждого пятого ежедневно расстреливали... Я бы и сам умер от истощения, да молодость спасла, хотя в изолятор попал уже без памяти.

За 15–60 дней пребывания в плену в первый год войны от голода и болезней в лагерях умирало до 80–90 % захваченных на поле боя. Еще 10 % от оставшихся в живых гибли при этапировании. «Путь на небеса» – так называли фашисты эту смерть.

Пленных держали скученно, по 10–15 тысяч человек, на открытых площадках с двумя-тремя рядами колючей проволоки, без медпомощи, еды и даже воды. За несколько дней на такой территории съедалось все – от коры деревьев до червей, и она превращалась в пустыню, загаженную экскрементами. Во многих лагерях процветало людоедство.

– В нашем лагере, под Смоленском, ели друг друга, – опутив глаза, говорит другой бывший военнопленный Петр Иванович Баринов. В окружение он попал под Ржевом: там из-за неправильной команды об отступлении фактически были пленены три наши армии. – Мы два месяца хлеба не видели, жуткая бурда казалась манной небесной. Не люди мы уже были, а так – голодное зверье. Уж потом, когда меня отправили в Германию, я узнал, как немцы относились к другим невольникам. В соседних бараках, за колючкой, сидели итальянцы и французы. Они находились под охраной Красного Креста. Им постоянно приходили посылки. Ребята они были нежадные и старались нас подкармливать...

2. Карательная машина (советские документы)

В чрезвычайно сложной обстановке войны карательная машина военных властей очень быстро находила и расправлялась с теми, кто смалодушничал, проявил растерянность, кто дрогнул. Случаи трусости и паникерства подавлялись беспощадно. И нельзя забывать о том, что невиданный героизм и самоотверженность советских людей только лишь в

совокупности с массовым террором на фронте и в тылу, сталинскими приказами № 270 (о трусах и дезертирах, сдающихся в плен) и № 227 (Ни шагу назад!), в конце концов, способствовали стабилизации обстановки уже в 1942 г.

Всего в 1941–1942 гг. военными трибуналами фронтов и армий было приговорено к расстрелу «за паникерство, трусость и самовольное оставление поля боя» 157 593 человека.

В книге «Семь вождей» Д.А. Волкогонов писал: «Хотим мы этого или не хотим, но в трагические месяцы начала войны беспощадная страшная воля Сталина смогла заставить многих людей „упереться“, призвать все свое личное мужество на помощь, одолеть свое малодушие под страхом смертельной кары».

Если бы этого не было, то военнопленных было бы еще больше.

Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с некоторыми документами той эпохи:

Спецсообщение особого отдела НКВД 33-й армии

о политико-моральном состоянии

военнослужащих – уроженцев областей,

временно занятых противником

24 ноября 1941 г. Совершенно секретно

НАЧАЛЬНИКУ ОО НКВД
ЗАПАДНОГО ФРОНТА
КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
3 РАНГА
тов. БЕЛЯНОВУ

Из материалов, поступавших в особый отдел НКВД 33 армии, установлено, что в частях и подразделениях 33 армии среди военнослужащих, являющихся уроженцами областей, временно занятых противником, проявляются нездоровые и антисоветские настроения.

Отмечены случаи, когда отдельные военнослужащие этой категории высказывают упаднические и пораженческие взгляды. Так например:

Красноармеец разведзвода 774 сп 222 сд Суворов, уроженец Могилевской области БССР, 12.11.41 г. бросил пост и ушел в блиндаж, где заявил: «Почему меня не убивают, хотя бы немецкая пуля убила, чтобы на белом свете не мучиться». На вопрос, откуда у него появились такие настроения, Суворов ответил: «Что мне жить, у меня семья оккупирована».

Суворов взят в... разработку.

Боец 2 батареи озад 110 сд Шувалов В.М., уроженец Гжатского района, Смоленской области, в разговоре 22.11. заявил: «Немец очень здорово прет, а у нас нет настоящего оружия. Лучше бы сразу сдаться в плен, все равно он победит»,

Шувалов взят в... разработку.

Красноармеец 774 сп 222 сд Юрченко Г.М., 1915 г. рождения, беспартийный, уроженец г. Криштовка, Могилевского района, Винницкой области, 17.11. выстрелом из винтовки совершил саморанение в левую руку. Юрченко настроен антисоветски, систематически выражает недовольство службой в Красной Армии. 14.11. в присутствии красноармейца Смирнова Юрченко заявил: «Из нас здесь в живых никто не останется. Всех нас все равно перебьют и домой нам никому не вернуться».

Юрченко арестован. Ведется следствие.

Начальник боепитания отд. сап. батальона 110 сд техник-интендант Прохоров Т.Р., 1900 г. рождения, уроженец Смоленской области, беспартийный, 7.11. в присутствии мастера Митрофанова сказал: «Наша армия воевать не может, а только отходит».

За Прохоровым установлено... наблюдение.

Зарегистрированы факты, когда среди красноармейцев своих подразделений военнослужащие – уроженцы занятых областей, распространяют провокационные слухи, восхваляя отношение немцев к пленным и населению временно оккупированной территории.

Красноармеец 300 озад 1 гмсд Нечта П.А., 1918 г. рождения, уроженец Днепропетровской области, член ВЛКСМ, 23.11. с.г. в разговоре заявил: «Я был в плену у немцев. Они очень хорошо обращаются с пленными. Хорошо кормят, там бутылка вина стоит 50 коп. Наше правительство обманывает нас, что якобы немцы издеваются над пленными. Наоборот, они всех пленных с занятой ими территории отпускают по домам».

Особдиву дано указание арестовать Нечта и привлечь к уголовной ответственности.

Красноармеец 3 сп 113 сд Павлов В.П., 1921 г. рождения, уроженец г.

Сычевка Смоленской области, беспартийный, 21.11 в беседе сказал: «Я бежал с родной земли, когда был в окружении и думал, что здесь лучше. В действительности наши обращаются хуже, чем немцы. Жить у немцев гораздо лучше, легче, чем у нас при Советской власти. Как получу валенки, уйду домой на родину, там я проживу, так как есть мясо, картошка и др. продукты».

Особдиву дано указание произвести... расследование и при подтверждении привлечь Павлова к уголовной ответственности.

Красноармеец 479 сп 222 сд Васильев Т.Ф., 1914 г. рождения, уроженец Бавского района Смоленской области, беспартийный, 1.3.11 говорил: «У немцев находится много наших пленных, которые работают на транспорте и по исправлению дорог. Их кормят так же хорошо, как и немецких солдат. У населения отбирают скот только в тех случаях, если он лишний».

Особдивом производится расследование.

Среди рядового состава частей уроженцами временно занятой территории распространяются клеветнические и провокационные разговоры, также отмечены факты, когда красноармейцев они призывают к сдаче в плен противнику и дезертирству. Так например:

Адъютант начальника артиллерии 1 гмсд красноармеец Коваль Ф.И., 1914 г. рождения, по национальности украинец, член ВЛКСМ, 23.11 с.г. явившись в зенитный дивизион, где он раньше служил, в разговоре с парторгом этого дивизиона Куцак М.К., красноармейцем Невмывако В.И. клеветал на вождя партии и верховное командование, причем заявил: «Немцы на нашем участке вывесили объявление, в котором обещают всех, кто перейдет в плен, демобилизовать из армии и распустить по домам. Наши генералы и командиры не годятся, они не умеют воевать. Наша пехота, как пойдет в наступление, так и сдастся в плен. Если наши сдадут Москву, я первый также сдамся в плен».

Особдиву дано указание арестовать Ковалья.

Красноармеец 479 сп 222 сд Ткачев И.В., 1912 г. рождения, беспартийный, уроженец с. Ивановское, Рыльского района Курской области, в конце октября месяца с.г. в разговоре заявил: «Все, что говорят об издевательствах немцев – это ложь. Это командиры и партийцы защищают свою шкуру и распространяют всякую нелепость про немцев. Они продали всю страну, а сейчас хотят одержать победу. Я еще раньше хотел уйти в плен, но решил немного подождать и сдать в следующем месяце».

Особдивом производится расследование.

В подразделениях [и] частях 33 армии установлены неоднократные случаи дезертирства красноармейцев [из числа] уроженцев временно оккупированной территории.

Например, за ноябрь, по неполным данным, дезертировали:

1) красноармеец 1 сп 113 сд Датских С.М., уроженец Львовской области;

2) красноармеец дивизиона РС 1 гмсд Махнорилов И.М., уроженец Сумской области;

3) красноармеец 1287 сп 110 сд Мищенко К.Н., уроженец Западной области;

4) красноармеец 457 сп 222 сд Новожилов С.П., уроженец Можайского р-на Московской области;

5) красноармеец 774 сп 222 сд Гусаров А.В., уроженец Смоленской области;

6) красноармеец 774 сп 222 сд Подобед И.Н., уроженец Могилевской области;

7) красноармеец 774 сп 222 сд Шалабин А.М., уроженец Могилевской области.

По всем случаям дезертирства объявлен розыск.

По существу изложенных в спец. сообщении фактов мною проинформирован Военный совет 33-й армии.

НАЧ. ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 33 АРМИИ
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
КАМБУРГ

Сообщение УНКВД Московской области

о настроениях призывников

2 декабря 1941 г Сов. секретно

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО
КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА
ТОВ. АБАКУМОВУ

В обработанной корреспонденции призывников, направляющихся по шоссе Энтузиастов для формирования, отмечены следующие факты отрицательных настроений:

Гор. Москва.... Червяковой Л.В.

«... Иду по той самой дороге, по которой шли разные люди: идеалисты всех мастей, декабристы, революционеры всех направлений, политические шарлатаны, разные уголовники – каторжане и много всяких русских людей – с Запада на Восток, в далекую, глухую, как русская душа, бескрайнюю Сибирь. Я не помню из биографии С... и М... шли ли они по этой дороге и каковы были условия их пешего хождения, но мне думается, что их ссылка была немного легче, чем наше геройское путешествие в борьбе за их славу. С... в последней речи сказал, что тыл в последнее время стал крепче, чем был раньше. Пусть утешается! Если бы он прошел бы по этому тылу, также как я, он сказал бы другое». («К» 10.XI.41 г. 65-й км, шоссе Энтузиастов – Величко П.Д.).

Гор. Ош, Киргизской ССР.... Величко А.М.

«...Мне приходится наблюдать жуткие картины, и когда? На 24 г. хвастливой революции. Но я с ужасом думаю о том, что меня ждет впереди. А ходят слухи, что в Горьком, куда было согнано большое количество мобилизованных (пушечного мяса), распространились эпидемии, включая и тиф...

...Предстоит гибель неисчислимых резервов пушечного мяса, задолго еще до гибели на фронте, или в плену. Началась величайшая трагедия, уже 3-я по счету в этом веке – гибели и физического истребления русского народа в угоду торжества сомнительных идей, в защиту интересов кого угодно, но только не в интересах русского народа...

...Россия тронулась и поползла, испуская матюки по всем адресам! Будет буря!». («К». 105-й километр, шоссе Москва – Горький – Величко П.Д.)

Москва.... Орлову А.Г.

«...Насчет харчей очень плохо, хлеб на руках стоит 30 руб. за кг., но нам дают только по четыре сухаря в день. Гонят народу очень много и пошла болезнь тиф. Народу много, но ничего не дают и так все бегут обратно...». («К». Дер. Липна Петушинского р-на (проходом)).

Москва, Западная ж.д., ст. Голицино.... Пискареву Т.А.

«...Над народом мытарятся как над собакой. До Владимира 75 км и идти пешком, и дают на этот переход три сухаря, одну воблу и два концентрата: суп и кашу и все...». («К». Гор. Покров Московской области.)

Москва, 105, Верхние Котлы, поселок ЗИС.... Филатову А.М.

«...Гонят по несколько сот километров пешком. Говорят, из Мурома бегут обратно, что там сидят все голодные и вшивые, вот от Москвы до гор. Владимира примерно 200 км и нам дали только на эти километры 700 гр. черного хлеба и 3 сухаря, 20 гр. сахара и 2 шт. воблы». («К». 18.XI.41 г. Петушки, Московской области.)

Москва, 33.... Симаковой Е.С.

«...Идем селами и лесом. Гонят нас как скотину... Застала нас зима, холод и голод и болезнь тиф брюшной и сыпной». («К». 19.XI.41 г. Петушки Московской области.)

Гор. Ногинск, МО, п/о ст. Купавна.... Лепашкиной З.П.

«...Я нахожусь 2 дня в Петушках потому, что хлеба не дают, а дают деньгами. Но на деньги купить нечего потому, что коробочка спичек стоит очень дорого. В деревнях, через которые идем, хлеба тоже нет. Нас встречают очень плохо. Случалось, что даже милиционера приводили для того, чтобы пустили нас переночевать». («К». МО, Петушки.)

Москва.... Маркину Ф.М.

«...До Ногинска шли пешком, идти очень трудно с вещами. Не знаю, что будет дальше. Питаемся своими продуктами. Командиры сухих пайков не дают, настроение плохое из-за того, что идти очень много по направлению к гор. Горькому...». («К». Г. Ногинск, МО (фамилия неизвестна.)

Москва...

«...Взяли направление на шоссе Энтузиастов. Шли без остановок, километров за 16 от Москвы выяснилось, что мы идем по Рязанскому шоссе. Началась неразбериха: часть повернула обратно на Москву, другие направились в Кусково, третьи стояли среди дороги и, пользуясь темнотой, ругали командиров во всю глотку...». («К», 21.X.41 г. Ногинск МО, от Кирилла.)

Москва.... Рябушкину Павлу.

«...Дорогие родные, мы сейчас пока в гор. Ногинске. Идти дорогой очень плохо, кормить не кормят. Все измучены. Все время идем пешком до самого Горького, это как мы переносим просто невыносимо сказать. Это просто измываются над добрыми людьми, как над собаками. Но мы не знаем, как мы перенесем, без фронта умрешь, не только на фронте...». («К», 22.X.41 г. По штампу г. Ногинск, МО – Рябушкин.)

Москва.... Кулаковой К.В.

«...Мне очень трудно, идем пешком, продуктов у меня ничего не осталось, совсем голодный... В Москве говорил начальник, что „продуктов

не нужно, будете обеспечены, все будет“. Вот идем уже 8 дней, ничего нет... Ночуем в деревнях, если дадут что-нибудь: картошки и то спасибо, не дадут – идем голодные. Хлеба дают одну буханку на 5 человек, что это за хлеб?.. В городе Е. мы пообедали хорошо за свои деньги... Еще дают кашу сухую 70 гр. на два дня, прямо заключенные, гонят как баранов...». («К». Коробово Московской области – Кулаков.)

ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ НКВД МО
МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЛЫНЬКО

С 15 по 30 декабря 1941 г. в Москве в ходе мероприятий по проверке документов в жилом секторе, в которых принимало участие 2.279 комендантского надзора и милиции, было задержано:

- а) дезертиров, бежавших с поля боя или умышленно отставших от своих частей – 580 человек;
- б) отставших от своих частей – 1716 человек;
- в) уклонившихся от воинской службы – 946 человек;
- г) лиц без определенных занятий и уголовного элемента – 531 человек.

Отчет коменданта гарнизона г. Москвы

о работе военной комендатуры

30 апреля 1942 г. Сов. секретно
№ 841 СС

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
Товарищу Б Е Р И Я

Выполняя Постановление Государственного Комитета Оборона от 19 октября 1941 г. по охране строжайшего порядка в городе Москве в прилегающих районах, работниками комендатур, комендантскими патрулями и сотрудниками милиции за период с 20 октября 1941 г. по 1 мая 1942 г. задержано 531 401 человек, из них:

1. За воинские преступления и нарушения – 183 519 человек.

При проверке и фильтрации из данной категории задержанных выявлено:

- а) дезертиров – 9406 человек;
- б) уклонившихся от воинской службы – 21 346 человек.

Остальные оказались отставшими от проходивших через город частей без увольнительных записок, нарушителями приказов НКО и уставов Красной Армии.

2. За контрреволюционную деятельность задержано 4881 человек, из них:

- а) шпионов – 69 человек;
- б) диверсантов – 8 человек;
- в) распространителей провокационных к/р слухов – 885 человек;
- г) расхитителей социалистической собственности – 3919 человек.

Задержанные шпионы и диверсанты в подавляющем большинстве являются военнослужащими, бывшими в плену у противника, завербованные немецкой разведкой и переброшенные для работы в нашем тылу и войсковых частях.

3. За нарушение установленного, в связи с осадным положением, порядка и уголовные преступления – 252 982 человека, из них:

- а) за нарушение правил светомаскировки – 28 591 человек;
- б) без документов – 33 112 человека;
- в) за нарушение паспортного закона – 62 907 человек;
- г) за убийства – 78 человек;
- д) за кражи – 5763 человека;
- е) за спекуляцию – 2204 человека;
- ж) за нарушение общественного порядка – 73 915 человек.

Из общего количества задержанных расстреляно на месте 13 человек, осуждено военными трибуналами к ВМН – 936 человек, на разные сроки – 48 472 человека (подробные данные см. в приложении),

подвергнуто административным взысканиям (штрафам) в отделениях милиции – 118 563 человека,

взята подписка о выезде из Москвы у 120 598 человек.

98 018 человек военнослужащих направлено через Московский военно-пересыльный пункт в маршевые роты.

За истекшие семь месяцев комендатурой и райотделениями милиции изъято оружия:

а) огнестрельного: у военнослужащих – 11 677 единиц, у гражданских лиц – 2048 единиц. Всего – 13 725 единиц;

б) холодного: у военнослужащих – 129 единиц, у гражданских лиц – 496 единиц. Всего – 625 единиц.

В связи с изменившейся обстановкой на фронтах и все более крепнущим порядком в городе за последние месяцы уменьшается количество задержаний по основным видам преступлений и правонарушений (см. сравнительные данные). Это дало возможность, на основании Вашего распоряжения, с 25-го марта сего г. снять воинские патрули на дневное время, усилив действенность милицейских постов и нарядов.

В настоящее время принимаются меры по усилению охраны общественного порядка в пригородных районах, особенно в ночное время, по проведению систематических проверок всего жилого сектора и по борьбе с фактами несоблюдения военнослужащими на улицах города приказов народного комиссара обороны и уставов Красной Армии...

3. Советские военнопленные (немецкие документы)

Судьба советских военнопленных в годы войны была трагической. Подвергаясь бесчеловечному обращению, они тысячами умирали от голода и физического истощения.

Подготовка же к этим массовым убийствам советских солдат и офицеров началась практически параллельно с подготовкой к военной кампании на Востоке. А с началом боевых действий и оккупацией советских территорий система истребления советских людей лишь совершенствовалась.

1 июня 1941 г. в Берлине был подписан документ (секретное дело командования), озаглавленный как «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращение с русскими».

Давайте ознакомимся с несколькими из них.

1. Для вас, работников, посланных на Восток, главное заключается в том, что работа является решающим фактором. Поэтому я требую от вас упорной и неустанной работы...

8. Не разговаривайте, а действуйте. Русского вам никогда не переговорить и не убедить словами. Говорить он умеет лучше, чем вы, ибо он прирожденный диалектик и унаследовал «склонность к философствованию». Меньше слов и дебатов. Главное – действовать.

Русскому импонирует только действие, ибо он по своей натуре женственен и сентиментален. «Наша страна велика и прекрасна, а порядка в ней нет, приходите и владейте нами». Это изречение появилось уже в самом начале образования русского государства, когда русские звали норманнов приходиться и управлять ими. Эта установка красной нитью проходит через все периоды истории русского государства: господство монголов, господство поляков и литовцев, самодержавие царей и господство немцев, вплоть до Ленина и Сталина. Русские всегда хотят быть массой, которой управляют. Так они воспримут и приход немцев, ибо этот приход отвечает их желанию: «...приходите и владейте нами».

Поэтому у русских не должно создаваться такое впечатление, будто вы колеблетесь. Вы должны быть людьми дела, которые без всяких дебатов, без долгих бесплодных разговоров и без философствования устанавливают и проводят необходимые мероприятия. Тогда русский охотно подчинится вам. Не применяйте здесь никаких немецких масштабов и не вводите немецких обычаев, забудьте все немецкое, кроме самой Германии.

Не будьте мягки и сентиментальны. Если вы вместе с русским поплачете, он будет счастлив, ибо после этого он сможет презирать вас. Будучи по натуре женственными, русские хотят также и в мужественном отыскать порок, чтобы иметь возможность презирать мужественное, поэтому будьте всегда мужественны, сохраняйте вашу нордическую стойкость.

Только ваша воля должна быть решающей, однако эта воля должна быть направлена на выполнение больших задач. Только в таком случае она будет нравственна и в своей жестокости. Держитесь подальше от русских, они не немцы, а славяне. Не устраивайте никаких попок с русскими. Не вступайте ни в какие связи с женщинами и девушками подчиненных вам предприятий. Если вы опуститесь до их уровня, то потеряете свой авторитет в глазах русских. Исходя из своего многовекового опыта, русский видит в немце высшее существо, заботьтесь о том, чтобы сохранить этот авторитет немца. Поднимайте его своими спокойными, деловыми приказами, твердыми решениями, высмеиванием дебатующих и невежд.

Остерегайтесь русской интеллигенции, как эмигрантской, так и новой, советской. Эта интеллигенция обманывает, она ни на что не способна, однако обладает особым обаянием и искусством влиять на характер немца. Этим свойством обладает и русский мужчина, и еще в большей степени женщина.

9. Не заражайтесь коммунистическим духом. Русская молодежь на протяжении двух десятилетий воспитывалась в коммунистическом духе. Ей

незнакомо иное воспитание. Поэтому было бы бессмысленно наказывать за прошлое. Мы не хотим обращать русских на путь национал-социализма, мы хотим только сделать их орудием в наших руках. Вы должны покорить молодежь, указывая ей ее задачи, энергично взявшись за нее и беспощадно наказывать, если она саботирует или не выполняет этих задач.

Проверка и расследование прошлого и разбор ходатайств отнимает у вас время, необходимое для выполнения ваших немецких задач. Вы не судебные следователи и не стена плача.

Россия всегда была страной подкупов, доносов и византизма. Эта опасность может проникнуть к вам, особенно через эмигрантов, переводчиков и т. д. Русские, занимающие руководящие посты, а также руководители предприятий, старшие рабочие и надсмотрщики проявляют всегда склонность к подкупам и вымогательству взяток у своих подчиненных. Пресекайте взяточничество, будьте сами всегда неподкупны и корректны.

10. Мы не несем русским никакой новой религии. По своей натуре русский религиозен и суеверен, с этим вы должны считаться. Однако разрешение религиозных вопросов не входит в круг ваших задач.

11. В течение столетий испытывает русский человек нищету, голод и лишения. Его желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия к нему. Не пытайтесь вносить изменения в образ жизни русских, приспособивая его к немецкому жизненному стандарту...

Несмотря на то что лагеря военнопленных были поставлены под контроль военных, гестапо все же удалось проникнуть и в эту сферу деятельности. При этом Верховное командование не только не сопротивлялось такому вмешательству, но и активно сотрудничало с ведомством Гимmlера. В начале июля 1941 г. было проведено совещание с участием начальника административной службы при Верховном командовании вермахта генерала Рейнеке, представителя службы, занятой военнопленными, Бройера, представителя Канариса Лахузена, представителя РСХА, шефа гестапо Мюллера. Решения этой встречи были изложены в документе, опубликованном 8 сентября 1941 г. В нем говорилось:

«Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении

средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение, как с честным солдатом, в соответствии с Женевским соглашением.

Поэтому вполне соответствует точке зрения и достоинству германских вооруженных сил, чтобы каждый немецкий солдат проводил бы резкую грань между собою и советскими военнопленными. Обращение должно быть холодным, хотя и корректным. Самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для окарауливания советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих...

По совершающим побег военнопленным следует стрелять немедленно, без предупредительного оклика. Не следует производить предупредительных выстрелов. Существовавшие до сих пор правила, и в особенности Х/ДФ 38/11, стр. 13, и т. д., в связи с этим отменяются. С другой стороны, запрещается всякий произвол. С военнопленным, желающим работать и проявляющим послушание, следует обращаться корректно. Вместе с тем никогда не следует упускать из виду необходимости осторожности и недоверия к военнопленному. Применение оружия по отношению к советским военнопленным, как правило, считается правомерным...

Следует сделать невозможным всякое общение между командным и рядовым составом, даже при помощи знаков.

Командирам следует организовать из подходящих для этой цели советских военнопленных лагерную полицию как в лагерях военнопленных, так и в больших рабочих командах, с задачей поддержания порядка и дисциплины. Для успешного выполнения своих задач лагерная полиция внутри проволочной ограды должна быть вооружена палками, кнутами и т. п., применять эти орудия избиения немецким солдатам безоговорочно запрещается. Следует создать в лагере исполнительный орган из самих военнопленных, члены которого снабжаются лучшим питанием, с которыми лучше обращаются и предоставляют лучшее размещение, чем будет значительно облегчена деятельность немецких караульных команд.

II. ОБРАЩЕНИЕ С ЛИЦАМИ ОТДЕЛЬНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

В соответствии с ранее изданными приказами в тылу (в генерал-губернаторстве и в 1-м военном округе) точно так же, как в лагерях империи, уже произошло разделение военнопленных по признаку их национальной принадлежности. При этом имеются в виду следующие национальности: немцы (фольксдойче), украинцы, белорусы, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, румыны, финны, грузины.

В тех случаях, когда это разделение из особых соображений еще не было произведено, нужно его при первой возможности производить. Это особенно относится к новым военнопленным, попадающим в военные округа.

Лица следующих национальностей должны быть отпущены на Родину: немцы (фольксдойче), украинцы, белорусы, латыши, эстонцы, литовцы, румыны, финны.

О порядке роспуска этих военнопленных последуют особые приказы.

В тех случаях, когда есть основания предполагать, что отдельные лица этих национальностей в соответствии с их убеждениями могут оказаться опасными для Германии и для национал-социализма, их следует исключить из ряда отпускаемых военнопленных и с ними следует поступать в соответствии с изложенным в разделе III.

III. ВЫДЕЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ, ВЗЯТЫХ В ПЛЕН ВО ВРЕМЯ ПОХОДА НА ВОСТОК

(...)

2. Пути к достижению цели

А. Помимо разделения в лагерях военнопленных по национальному признаку (см. раздел II) военнопленные (в том числе и националы), а также находящиеся в лагерях гражданские лица должны быть разделены следующим образом: а) политически нежелательные, б) политически безопасные, в) заслуживающие особого политического доверия (которых можно использовать для восстановления оккупированных областей). (...)

IV. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА РАБОТЕ

1. Общие вопросы

Советские военнопленные могут быть поставлены на работу только в составе закрытых колонн, строжайшим образом изолированно от гражданских лиц и от военнопленных других национальностей (использование колоннами). Речь может идти только о таких предприятиях, где военнопленные могли бы работать под постоянной охраной караульных команд. Изоляция от гражданских лиц и военнопленных других национальностей должна иметь место не только в общежитиях, но и на местах работы. Следует при этом считаться с тем, что присутствие третьих лиц не должно помешать караульным командам в немедленном применении оружия...»

17 июля 1941 г. гестапо издало приказ, предусматривавший убийство всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма: «Задачей командиров ЗИПО и СД, находящихся в шталагах, является политическая проверка всех заключенных лагеря, устранение и дальнейшая „обработка“:

- а) всех политически преступных элементов, находящихся среди них;
- б) всех лиц, которые могут быть использованы для восстановления оккупированных территорий...

Далее эти командиры должны с самого начала приложить усилия для выявления среди заключенных тех элементов, которые кажутся надежными независимо от того, являются ли они коммунистами или нет, для того чтобы использовать их в целях разведки внутри самого лагеря или, если это окажется целесообразным, позднее также на оккупированных территориях. Путем использования таких информаторов и путем использования всех других существующих возможностей должны продолжаться шаг за шагом обнаружение всех элементов среди заключенных, которые должны быть уничтожены».

15 сентября 1941 г. адмирал Канарис протестовал против правил об обращении с советскими военнопленными, подписанных генералом Рейнике 8 сентября 1941 г. Он заявил:

«Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными. Начиная с XVIII века они устанавливались постепенно на той основе, что пребывание в военном плену является не мстью, не наказанием, а исключительно превентивным заключением, единственной

целью которого является воспрепятствовать данному военнопленному принимать дальнейшее участие в военных действиях. Этот принцип развивался в соответствии с точкой зрения, разделявшейся всеми армиями, о том, что убивать беззащитных людей или наносить им вред противоречит военной традиции...»

Начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель на этом меморандуме начертал: «Возражения возникают из идеи о рыцарском ведении войны. Это означает разрушение идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры».

Берлин, 10 июля 1941 г[ода]
Канцелярия Розенберга.
Пост[ановление от]
14 июля 1941 г[ода] № 170

О т ч е т

О лагере для военнопленных в Минске

В лагере [для] военнопленных в Минске располагаются приблизительно 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских заключенных.

Заключенные ютятся на такой ограниченной территории, что едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные потребности там, где стоят.

Этот лагерь охраняется командой кадровых солдат, по количеству составляющих роту. Такая недостаточная охрана лагеря возможна только при условии применения самой жестокой силы.

Военнопленным, проблема питания которых с трудом разрешена, живущим по 6–7 дней без пищи, известно только одно стремление, вызванное зверским голодом, – достать что-либо съедобное.

Гражданские заключенные в возрасте от 15 [до] 50 лет происходят из Минска и его окрестностей. Эти заключенные питаются, поскольку они из Минска, благодаря своим родственникам. Питанием обеспечены, конечно, только те, у которых есть родственники, тянущиеся длинными рядами с утра до вечера к лагерю [для] пленных. Ночью голодные пленные нападают на тех, кому приносят передачу, чтобы силой добыть себе кусок хлеба.

Единственным доступным средством недостаточной охраны, день и ночь стоящей на посту, является огнестрельное оружие, которое применяется беспощадно.

В 1945 г. контрразведкой «Смерш» был арестован генерал-лейтенант Курт фон Остеррайх, бывший начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа.

Командир 207-й пехотной дивизии во Франции Курт Остеррайх 1 февраля 1941 г. был назначен на новую должность, а в марте 1941-го его вызвали в Берлин, в ставку верховного главнокомандования на секретное совещание.

Начальник управления по делам военнопленных при ставке генерал-лейтенант Райнеке под большим секретом сообщил присутствующим начальникам отделов по делам военнопленных всех округов и офицерам ставки о том, что ориентировочно в начале лета 1941 г. Германия вторгнется на территорию Советского Союза и что в соответствии с этим верховным командованием разработаны необходимые мероприятия, в том числе подготовка лагерей для русских военнопленных, которые будут поступать после открытия военных действий на Восточном фронте.

В частности, бывший немецкий генерал дал достаточно подробные показания об обращении с советскими военнопленными:

«Я лично получил от генерала Райнеке задание подготовить на территории Данцигского военного округа лагерь на 50 тыс. русских военнопленных.

В связи с ограниченным сроком генерал Райнеке приказал быстро провести все мероприятия по организации лагерей. При этом он указал, что если на местах не удастся в срок создать лагеря с крытыми бараками, то устраивать лагеря для содержания русских военнопленных под открытым небом, огороженные только колючей проволокой.

Далее Райнеке дал нам инструкцию об обращении с русскими военнопленными, предусматривающую расстрел без всякого предупреждения тех военнопленных, которые попытаются совершить побег.

Спустя примерно 8—10 дней после возвращения с указанного совещания в Данциг я получил совершенно секретный приказ ставки, подписанный генерал-лейтенантом Райнеке, в котором говорилось, что мне в соответствии с указаниями, данными на совещании в Берлине, надлежит организовать на территории Данцигского военного округа лагерь для военнопленных, присвоив ему номер 312-А.

В соответствии с этим приказом мною в гор. Торн на военном учебном плацу был организован стационарный лагерь под открытым небом, огороженный колючей проволокой. Для сооружения этого лагеря я использовал английских военнопленных, содержащихся в подчиненных мне шталагах ХХ-Б. Одновременно мною был подобран штат лагерной администрации.

Через некоторое время после получения упомянутого выше приказа я получил из ставки верховного командования предписание, в котором подтверждалось указание Райнеке о расстреле русских военнопленных без всякого предупреждения при попытке к побегу. Кто подписал это распоряжение, я не помню.

В июне 1941 г. через два дня после вторжения Германии на территорию Советского Союза я получил еще один приказ ставки верховного германского командования, подписанный начальником управления по делам военнопленных генералом Райнеке.

В этом документе, так называемом „комиссарен-эрлас“, именем фюрера немецким воинским частям, находившимся в походе, и администрации лагерей для военнопленных приказывалось поголовно расстреливать русских военнопленных, принадлежащих к политическому составу Красной армии, коммунистов и евреев.

В последующих приказах ставки говорилось о том, что трупы расстрелянных указанных категорий военнопленных следует закапывать массами в ямах, а при возможности сжигать, снимая при этом с них опознавательные медальоны.

Полученные мною приказы ставки я передал для исполнения подчиненным мне комендантам шталагов ХХ-Б майору Зеегеру, полковнику Больману и подполковнику Дульнигу.

Подполковник Дульниг, выполняя этот приказ, сразу же расстрелял свыше 300 человек военнопленных – политических работников Красной армии, коммунистов и евреев. Трупы расстрелянных были зарыты в массовых могилах на кладбище в районе расположения лагеря ХХ-С.

Выявленных среди военнопленных политработников Красной армии, коммунистов и евреев в соответствии с указанием ставки верховного германского командования коменданты лагерей передавали в зондер-команды СД, где их расстреливали.

Так... комендантом шталагов Данцигского военного округа было передано зондер-команде СД для расстрела около 1200 человек советских военнопленных.

В конце 1941 г. или начале 1942 г. я опять был вызван в Берлин на

совещание начальников отделов по делам военнопленных при военных округах.

Совещанием руководил новый начальник управления по делам военнопленных при ставке верховного главнокомандования генерал-майор фон Гревенитц.

На совещании обсуждался вопрос о том, как поступать с русскими военнопленными, которые в результате ранений, истощения и болезней были непригодны для использования на работах.

По предложению Гревенитца, по этому вопросу высказалось несколько присутствовавших офицеров, в том числе врачи, которые заявили, что таких военнопленных надо концентрировать в одном месте – лагере или лазарете и умерщвлять при помощи яда.

В результате обсуждения Гревенитц отдал нам приказание нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей.

Возвратившись в Данциг, я через Зеегера, Больмана и Дульника проводил эти указания в жизнь, причем я предупредил их о том, чтобы умерщвление советских военнопленных производилось весьма осторожно, дабы это не стало известным за пределами лагерей.

Летом 1942 г. я был командирован на Украину на должность начальника отдела по делам военнопленных при штабе армейской группы „Б“. Прибыв к месту службы, я узнал, что способ умерщвления русских военнопленных ядами там уже применяется.

В октябре 1942 г. во время посещения ДУЛАГа в районе Чира комендант лагеря доложил мне, что в течение только одной недели им было умерщвлено при помощи яда 30–40 истощенных и больных советских военнопленных.

В других лагерях неспособных к труду русских военнопленных просто расстреливали. Так, например, во время посещения летом 1942 г. ДУЛАГа № 125 в гор. Миллерово комендант лагеря на мой вопрос о том, как он поступает с нетрудоспособными русскими военнопленными, доложил, что в течение последних 8 дней им было расстреляно по указанным выше мотивам около 400 русских военнопленных.

Находясь на Украине, я получил из ставки совершенно секретный приказ, подписанный Гиммлером, о том, что с августа 1942 г. должно производиться клеймение русских военнопленных определенными знаками.

Русские военнопленные содержались в лагерях в тяжелых условиях, питались плохо, терпели моральные унижения и умирали от холода и

заболеваний.

Так, в шталагах Данцигского военного округа только вследствие истощения и болезней умерло свыше 40 тыс. человек, а в подчиненных мне шталагах на Украине 6–9 тыс. русских военнопленных, трупы которых зарывались массами или одиночками в ямах в районах расположения лагерей.

Особенно велика была смертность военнопленных, взятых на работу из лагеря в районе гор. Острогжска. Из этих военнопленных вследствие содержания их в окопах и ямах (октябрь, 1942), истощения и развития тяжелых желудочных и инфекционных заболеваний ежедневно умирали десятки и сотни людей.

Аналогичное положение русских военнопленных имело место и при этапировании их. Многие поступавшие ко мне военнопленные были в тяжелом физическом состоянии, обессилены и неработоспособны, в рваном обмундировании и без обуви вследствие того, что военнослужащие германской армии отбирали у военнопленных сапоги, обмундирование, белье и другие вещи.

Пленных привозили в крытых или открытых товарных вагонах, где им приходилось и оправляться. Десятки дней они не могли умываться из-за отсутствия воды, получали голодную норму пищи.

В начале 1942 г. при следовании эшелона с русскими военнопленными с Украины в гор. Торн умерло приблизительно 75 человек, трупы которых не убирались и лежали в вагоне вместе с живыми людьми. В этих вагонах стоял зловонный трупный запах. Около 100 человек военнопленных, не выдержавших такого положения и пытавшихся бежать, были расстреляны.

За время моей деятельности в Данцингском военном округе ко мне поступило 12–13 эшелонов по 1000–1500 русских военнопленных в каждом. В этих эшелонах по пути следования умирало приблизительно 50—100 человек русских военнопленных.

В октябре 1942 г. в Харьков прибыл эшелон с русскими военнопленными. В Харькове выяснилось, что в этом эшелоне из 1500 человек недостает около 150. При выяснении оказалось, что 75 человек умерло в пути следования от голода, а их трупы находились неубранными в вагонах. Остальные 75 человек пытались бежать, но были схвачены охраной и расстреляны на месте.

Не лучше обстояло дело и в лазаретах для русских военнопленных. При посещении Харьковского лазарета для русских военнопленных я видел, что тяжелобольные были размещены в помещениях, где не было отопления и все окна выбиты, а больные не имели одежды и обуви. В

результате в этом госпитале ежедневно умирало от истощения и эпидемических заболеваний 200–300 человек...»

Следующий документ касается непосредственно обращения с военнопленными. Такое обращение периодически менялось, и далеко не в лучшую сторону. Затянувшаяся война на Востоке требовала огромных жертвоприношений. Судя по фактам, с каждым месяцем вопрос усиленного использования советских военнопленных имел особо важное значение для гитлеровской Германии.

ОКВ номенклатура] № 24
73[-го] Управл[ения] общих дел
Гл[авного] штаба воор[уженных] сил
(общий отдел по делам военнопленных) – 1-а

Берлин, Шенберг
24.3.[19] 42[года]
Баденштрассе, 51.
Секретно

№ 389/42

Необходимость усиленного использования советских военнопленных в работах требует нового урегулирования вопроса об обращении с ними. В связи с отменой распоряжения об обращении с советскими военнопленными в дальнейшем действует следующее:

а) обращение с военнопленными вообще

Большевизм – смертельный враг нац[ионал] – соц[иалистической] Германии. Советского солдата следует рассматривать как носителя большевизма. Поэтому в соответствии с политической необходимостью, значимостью и достоинством германской армии каждый немецкий солдат должен держаться на большом расстоянии от советских военнопленных.

Чувство гордости и превосходства германского солдата, который призван патрулировать советских военнопленных, должно быть очевидным в любое время также и для общества. Рекомендуются беспощадное и энергичное вмешательство при непослушании, уклонении от работ и небрежности в работе, а особенно по отношению к подстрекателям-большевикам. Отказ или активное сопротивление следует устранять

немедленно с применением оружия (штыком, прикладом, огнестрельным оружием, но не палкой).

Кто при выполнении этого приказа не пользуется оружием или пользуется им недостаточно, тот должен быть наказан.

Использование на работах и производительность труда советских военнопленных должны находиться под строжайшим контролем. Всякое уклонение от работы следует строго наказывать.

Низкая или средняя производительность труда, не вызванная слабостью конституции, переутомлением и т. п., должны немедленно повлечь за собой соответствующие карательные меры.

Запрещается привлечение священников, не военнопленных.

Запрещается распространение религиозной литературы.

В лагерях военнопленных в отношении изоляции советских военнопленных и гражданских лиц, за исключением разделения по национальным признакам, действуют по п[ункту] IV нижеприведенные правила.

Изолировать надлежит: а) политически неблагонадежных, б) офицеров, в) политически неопасных, г) политически особо благонадежных, которые могут быть использованы на восстановлении оккупированных областей.

Насколько возможно, согласно п[ункту] 9, первое разделение проводится самими органами лагеря, рейхс-фюрер СС предоставляет в распоряжение оперативные команды полиции и службы безопасности для изоляции советских военнопленных в зависимости от их политических установок.

Они непосредственно подчиняются начальнику полиции безопасности СД и специально обучаются согласно своим особым задачам. Они проводят свои мероприятия до использования советских военнопленных на работах в рамках лагерного порядка по установкам, полученным от начальника полиции безопасности и СД.

Ходатайство о выдаче советских военнопленных возбуждает оперативная команда в стационарном лагере.

Офицеры подлежат изоляции не всегда, но часто, как политически нежелательные.

Если советский военнопленный совершает в лагере убийство другого военнопленного, наносит смертельный удар или совершает какое-либо другое преступление, не предусмотренное германским уголовным кодексом, которое, однако, требует более строго наказания (например, людоедство, отсутствие работоспособности, как следствие

членовредительства), то преступника передают в распоряжение тайной государственной полиции (гестапо).

При других наказуемых действиях советских военнопленных, например, при бегстве, комендант лагеря должен передать преступника тайной государственной полиции, если он не уверен в воспитательных мерах или законном наказании после переговоров с судом соответствующего военного округа с целью сохранения дисциплины в лагере.

При выдаче военнопленных тайной государственной полиции, их следует отчислить из числа военнопленных и доложить о выдаче в справочный стол вооруженных сил, поскольку последует соответствующая регистрация.

Мероприятия в случаях бегства и при наказуемых действиях

По убегающим советским военнопленным следует стрелять немедленно без предварительного предупреждения. Об этом следует вывесить объявление и поставить их в известность при перекличке. Предупредительных выстрелов не давать. Если патруль убивает советского военнопленного, то для соблюдения дисциплины и предотвращения неоправданной стрельбы в каждом отдельном случае следует коротко доложить командиру военнопленных об обстоятельствах дела и указать:

а) что явилось поводом, б) оказалось ли необходимым вмешательство, в) будет ли представлен письменный отчет о происшедшем.

Гражданские лица, а также военнопленные других национальностей награждаются за привод бежавших советских военнопленных.

Нач[альник] верх[овного] ком[андования]
вооруж[енных] сил.
По поручению подп[исал] Рейнеке
(Подпись).

8 октября 1941 г. верховное командование сухопутных сил подготовило документ о норме питания советских военнопленных, если это вообще можно назвать нормой:

Снабжение по приказу от 8.X.1941 г.

При использовании на работах (в лагере для военнопленных и вне его) в рабочей команде, включая сельское хозяйство.

На 28 дней Проц. по сравн[ению]
с нормой для несовет-
[ских] пленных
Хлеба 9 кг 100
Мяса 800 г 50
Жиры 250 г 50
(в среднем)
Сахар 900 г 100

В лагерях военнопленных, но на менее значительных работах:

Хлеба 6 кг 66
Мяса – 0
Жиры 440 г 42
Сахар 600 г 66

П р и м е ч а н и е. Если снижается норма для несоветских военнопленных, то соответственно снижается норма и для советских военнопленных.

Для восстановления работоспособности.

Если состояние питания в лагерях военнопленных, поступивших в лагерь в районе оперативных действий, требует, по мнению лазаретного врача, для восстановления работоспособности и предотвращения эпидемий, добавочного питания, то каждому выдается на 6 недель:

до 50 г. – трески в неделю
[до] 100 г. – искус[ственного] меда в неделю
[до] 3500 г. – картофеля.

В середине января 1943 г. наши войска захватили у села Алексеевка под Сталинградом пересыльный лагерь военнопленных «ДУЛАГ – 205».

По факту обнаружения тысяч трупов военнопленных красноармейцев и командиров, умерших от истощения и холода, Главное управление «Смерш» произвело расследование.

Так, бывший офицер контрразведки (абвер-офицер) при лагере «ДУЛАГ – 205», капитан, 1891 г. рождения, уроженец гор. Франкфурт-на-Майне, из семьи чиновника, член национал-социалистической партии с

1933 г., Лянгхельд Вильгельм на допросе 1 сентября 1943 г. показал: «Немецкое командование рассматривало русских военнопленных, как рабочий скот, необходимый для выполнения различных работ.

Русских военнопленных, содержащихся в Алексеевском лагере „ДУЛАГ – 205“, как и в других немецких лагерях военнопленных, кормили впроголодь лишь для того, чтобы они могли на нас работать.

...В Германской армии по отношению к русским существовало убеждение, являющееся для нас законом: „Русские – неполноценный народ, варвары, у которых нет никакой культуры. Немцы призваны установить новый порядок в России...“

Мы знали также, что русских людей много и их необходимо уничтожить как можно больше, с тем чтобы предотвратить возможность проявления какого-либо сопротивления после установления нового порядка в России.

...Этим объясняется, что в Алексеевском лагере, рассчитанном на 1200 человек, было заключено до 4000 советских военнопленных, размещенных в невероятной тесноте и в жутких антисанитарных условиях».

С 5 декабря 1942 г. смертность среди военнопленных от голода достигла 50–60 человек в день, и к моменту освобождения лагеря советскими войсками погибло около 3000 человек.

Далее Лянгхельд показал: «Обыкновенно я избивал военнопленных палками диаметром 4–5 см, но это было не только в Алексеевке. Я работал в других лагерях военнопленных: в Дарнице близ Киева, Дергачах близ Харькова, в Полтаве и в Россоши.

Во всех этих лагерях практиковалось избивание военнопленных...

...В Полтавском лагере германские солдаты из числа охраны стреляли из мелкокалиберных винтовок в военнопленных за то, что они мочились не в том месте, где это было предусмотрено».

А вот показания военнопленного из лагеря у села Алексеевка А.А. Алексеева: «...В лагере была большая смертность, причиной этому было следующее: военнопленным за все время моего пребывания в лагере вовсе не выдавалось хлеба, воды... Вместо воды выгребали грязный окровавленный снег в зоне лагеря, после чего были массовые заболевания военнопленных.

Медицинская помощь отсутствовала. Я лично имел 4 раны и несмотря на мои неоднократные просьбы – помощь оказана не была, раны гноились...

Спали на земле в грязи, от холода согреться абсолютно не было места. Валенки и теплую одежду у военнопленных отбирали, взамен давали

рваную обувь и одежду, снятую с убитых и умерших.

Многие из военнопленных, не перенеся ужасов обстановки лагеря, сошли с ума. Умирало в день по 150 человек, а в первых числах января 1942 г. в один день умерло 216 человек, о чем я узнал от работников санчасти лагеря.

Немецкое командование лагеря травило военнопленных собаками-овчарками. Собаки сбивали с ног ослабевших военнопленных и таскали их по снегу, а немцы стояли и над ними смеялись. В лагере практиковались публичные расстрелы военнопленных...»

4. Статистика

К сожалению, точных данных о советских военнопленных нет. И на сегодняшний день имеется несколько вариантов приблизительных цифр.

Например, по данным Управления уполномоченного при СНК СССР по делам репатриации – в 1941 г. их было 2 млн (49 %); в 1942 г. – 1 млн 339 тыс. (33 %); в 1943 г. – 487 тыс. (12 %); в 1944 г. – 203 тыс. (5 %); в 1945 г. – 40,6 тыс. (1 %), а кроме того, свыше 900 тыс. бойцов и командиров Красной армии в 1941–1942 гг. оказались в окружении. Следовательно общая цифра военнопленных составляет 4 408 600, а с окруженцами – 5 308 600.

По данным Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, 4 559 000 человек пропало без вести и попало в плен. В эту цифру вошли:

3 396 400 – пропавших без вести и попавших в плен по донесениям войск и данным органов репатриации.

1 162 600 составляют неучтенные потери первых месяцев войны: погибло, пропало без вести в боевых операциях, когда донесений от фронтов и армий не поступало.

(Из числа потерь было исключено 2 775 700:

939 700 – призвано на освобожденной территории и направлено в войска из числа военнослужащих, ранее признанных пропавшими без вести.

1 836 000 – вернулось из плена по окончании войны (по данным органов репатриации.)

Только офицеров пропавших без вести и попавших в плен в годы Великой отечественной войны, насчитывается 392 085 (38,32 %).

Из них в сухопутных войсках – 366 043 офицеров (в том числе в

пехоте 180 327), в Военно-воздушных силах – 20 684 офицера и в Военно-морском флоте – 5358.

Немецкие документы, содержащие сведения о числе советских военнопленных до начала 1942 г., практически отсутствуют. Дело в том, что в 1941 г. вся отчетная документация с Восточного фронта поступала неполной и неточной. Только 1 января 1942 г. было отдано распоряжение о представлении достоверных сведений, касающихся советских военнопленных. За состояние лагерей, содержание и использование военнопленных отвечали Верховное главнокомандование (ОКВ) и главное командование сухопутных сил (ОКХ).

На территории рейха за эти вопросы отвечал отдел по делам военнопленных главного штаба вермахта, а на территории оккупированных областей Советского Союза – отдел военной администрации начальника тыла сухопутных сил. С начала кампании на Востоке Главный штаб вермахта (ОКВ) не проявлял никакого интереса к статистическим данным о числе советских военнопленных. Организационное указание отдела по делам военнопленных от 16 июня 1941 г. не относилось к категории обязательных.

Только 2 июля 1941 г. этот порядок изменили, но касался он учета пленных, находившихся на территории рейха.

Когда в конце июля 1941 г. на сборных пунктах и в пересыльных лагерях, расположенных в зоне ответственности сухопутных сил, скопилось большое число военнопленных, был издан приказ генерал-квартирмейстера от 25.07.41 г. № 11/4590 об освобождении советских военнопленных ряда национальностей (немцев Поволжья, прибалтов, украинцев, а затем и белорусов). Но уже распоряжением ОКВ от 13.11.41 г. № 3900 действие этого приказа было приостановлено.

Всего в этот период было освобождено 318 770 чел., из них в зоне ОКХ – 292 702 чел., в зоне ОКВ – 26 068 чел. В общем числе освобожденных находилось 277 761 чел. украинцев.

В 1942–1944 гг. из плена освобождались в основном лица, которые вступали в добровольческие охранные и другие формирования, в полицию. До 1 мая 1944 г. всего было освобождено 823 230 военнопленных, из них в зоне ОКХ – 535 523 чел., а в зоне ОКВ – 287 707 чел.

По зарубежным источникам число советских военнопленных определяется в 5 200 000—5 750 000 человек, причем основная их масса относится на первый период войны (июнь, 1941 – ноябрь, 1942). Однако здесь нужно учитывать, что в число военнопленных немцы включали всех сотрудников партийных и советских органов, а также мужчин независимо

от возраста, отходивших вместе с отступавшими, а затем окруженными войсками.

Следовательно, зарубежные данные, в том числе Германии, не являются самыми достоверными. В статистическом исследовании «Гриф „секретно“ снят» под редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева сообщается:

«...На основе имеющихся документов общее число советских военнослужащих, пропавших без вести и попавших в плен (4559 тыс. чел.), можно распределить следующим образом.

Достоверно известно, что 1 836 тыс. человек вернулись из плена после окончания войны, 939,7 тыс. военнослужащих из числа ранее пропавших без вести и бывших в плену были призваны вторично на освобожденной от оккупации территории, а 673 тыс., по немецким данным, умерли в фашистском плену. Из оставшихся 1 110,3 тыс. человек, по нашим данным, больше половины составляют тоже умершие (погибшие) в плену. Таким образом, всего в плену находилось 4 059 тыс. советских военнослужащих, а около 500 тыс. погибло в боях, хотя по донесениям фронтов они были учтены как пропавшие без вести».

Известно, что подавляющее большинство советских солдат и офицеров попало в плен из-за невозможности дальнейшего сопротивления – ранеными, больными, не имеющими продовольствия и боеприпасов, в отсутствие управления со стороны командиров и штабов. Тем не менее сам факт пленения в нашем государстве рассматривался как преднамеренно совершенное преступление. Под подозрение попадали военнослужащие и гражданские лица, даже непродолжительное время побывавшие за линией фронта. А тех, кто хотя бы на короткое время оказался в плену и был допрошен, судили за измену Родине и шпионаж.

Репрессиям подвергались и семьи предполагаемых «изменников Родины». Их ссылали, приговаривали к длительным срокам лишения свободы.

С 27 декабря 1941 г. было издано постановление ГКО СССР № 1069 сс, регламентирующее проверку и фильтрацию освобожденных из плена и вышедших из окружения «бывших военнослужащих Красной Армии». Теперь они направлялись в специальные лагеря НКВД. А в конце 1943 г. спецлагеря были переданы в ведение Гулага, то есть всех бывших военнопленных уравнивали в правах с заключенными.

Начиная с 1944 г. из освобожденных из плена или вышедших из окружения офицеров Красной армии начали формировать «штурмовые батальоны», где в качестве рядовых они должны были испустить «свою

вину» кровью. Через «штурмовые батальоны» прошло более 25 тысяч офицеров. По результатам проверки более 72 тысяч офицеров, вернувшихся из плена, были разжалованы и уволены из армии...

5. Яков Джугашвили

Выпускник Артиллерийской академии РККА старший лейтенант Яков Иосифович Джугашвили с 9 мая 1941 г. проходил службу в 14-м гаубичном артиллерийском полку 14-й танковой дивизии в должности командира батареи.

Историческая справка.

Яков Иосифович Джугашвили

Родился в 1908 г. в г. Баку. В 1936 г. закончил транспортный институт имени Дзержинского. С 1936 по 1937 год работал на электростанции завода им. Сталина дежурным инженером – трубочистом. В 1937 г. поступил на вечернее отделение Артакадемии РККА. В 1938 г. поступил на 4-й курс 1-го факультета Артакадемии РККА. В 1941 г. попал в плен. В 1943 г. в концлагере Заксенхаузен был убит часовым.

К концу 9 июля 14-я танковая дивизия, 14-й мотострелковый полк, 14-й гаубичный артиллерийский полк и 220-я стрелковая дивизия вышли на рубеж Вороны – Фальковичи и были отрезаны противником от основных сил. К вечеру 11 июля части и соединения перешли к обороне Лиозно. 12 июля войсковая группа, несколько дней как переподчиненная командиру 34-го стрелкового корпуса 19 армии, заняла и удерживала противотанковый район у станции Лиозно, а с рассветом 13-го на рубеже Вороны – Поддубье вела бой с танками и пехотой противника, после натиска которого подразделения 14-й танковой дивизии отошли. В это время 14-й мотострелковый полк и 14-й гаубичный артполк во взаимодействии с частями 220-й стрелковой дивизии наступали на Витебск. Они овладели селом Еремеево, но, не выдержав танковых и авиационных атак, начали отход к Лиозно.

Последующие два дня 14 и 15 июля 14 мсп и 14 гап вели бой в районе восточнее Лиозно, но вследствие больших потерь отошли одной группой на север, второй – на юг.

Батарея, которой командовал Джугашвили, вместе с соседней батареей своим огнем прикрывали отходившие на юг войска.

К утру 16 июля 14 тд, находящаяся в окружении, вышла из подчинения 34 стрелкового корпуса и вошла в состав 7 мехкорпуса 20 армии. Первые группы военнослужащих 14 тд появились в местах сбора 17–19 июля. Вечером 19 июля 1941 г. из окружения вышли бойцы и командиры 14 гап (из 1240 человек вышло 413, а 675 пропали без вести). Среди них не оказалось Якова Джугашвили.

Только на следующий день, 20 июля 41-го, командующий 20-й армией генерал Курочкин получил приказ шифртелеграммой от начальника штаба Западного направления: «выяснить и донести в штаб фронта, где находится командир батареи 14-го гаубичного полка, 14-й танковой дивизии старший лейтенант Джугашвили Яков Иосифович».

В этот же день на поиски старшего сына вождя «была послана группа мотоциклистов во главе со старшим политруком Гороховым, которая у озера Каспия встретила красноармейца Лопуридзе, вместе с которым Яков выходил из окружения. По словам Лопуридзе, 15 июля они вместе с сыном Сталина переоделись в гражданскую одежду, закопали свои документы, после чего, убедившись, что немцев поблизости нет, Яков решил передохнуть, а Лопуридзе пошел дальше, пока не встретил группу мотоциклистов. После этого старший политрук Горохов, решив, что Яков, наверное, уже вышел к своим, прекратил дальнейшие поиски и вернулся в дивизию».

Приказом Главного управления кадров НКО СССР № 060 от 25 января 1942 г. старший лейтенант Джугашвили Я.И. признан без вести пропавшим с 15 июля 1941 г. Таким образом, 15 июля некий Лопуридзе последним якобы видел сына Сталина. Но именно слова этого человека вызывают сомнение. С 15 до 20 июля прошло несколько дней, и если он действительно выходил вместе с Яковым, то как же получилось, что Джугашвили остался отдыхать, а Лопуридзе бросил командира в звании старшего лейтенанта, грузина, сына вождя и пошел один дальше?

Думаю, что Лопуридзе, если он действительно красноармеец, а не дезертир, просто соврал для своего собственного прикрытия, ведь он выходил один в гражданской одежде и без оружия, а личность его так и осталась не установленной... Кем он был, этот Лопуридзе? Теперь уже никто не сможет ответить на этот вопрос. Старший политрук Горохов просто упустил его, потому что халатно отнесся к выполнению приказа командования.

Так как же все-таки Яков Джугашвили попал в плен? До нас

сохранилось вот такое свидетельство:

«В июле 1941 г. я был в прямом подчинении у старшего лейтенанта Я. Джугашвили.

По приказу командования наш взвод броневиков БА-6 26-го танкового полка был назначен в полевое охранение гаубичной батареи 14-го артиллерийского полка. Нам было приказано: в случае прорыва немцев и при явной угрозе увезти командира батареи Я. Джугашвили с поля боя.

Однако так случилось, что в ходе подготовки его эвакуации ему был передан приказ срочно явиться на командный пункт дивизиона. Следовавший с ним адъютант погиб, а он оттуда уже не вернулся. Мы тогда так и решили, что это специально было подстроено. Ведь был приказ уже об отступлении, и, видимо, на КП дивизиона уже никого не было.

По прибытии на разъезд Катюнь нас встретили сотрудники особого отдела. Нас троих – командира 1-го огневого взвода, ординарца Я. Джугашвили и меня, командира взвода броневиков полевого охранения, неоднократно допрашивали: как могло случиться, что и батареи, и взвод охранения вышли, а Я. Джугашвили оказался в плену? Майор, допрашивавший нас, все говорил: „Придется кому-то оторвать голову“. Но, к счастью, до этого дело не дошло».

А вот что показал сам Яков Иосифович на допросе у немцев 18 июля 1941 года:

Вопрос: Вы добровольно пришли к нам или были захвачены в бою?

Ответ: Не добровольно, я был вынужден.

Вопрос: Вы были взяты в плен один или же с товарищами и сколько их было?

Ответ: К сожалению, совершенное вами окружение вызвало такую панику, что все разбежались в разные стороны. Видите ли, нас окружили, все разбежались, я находился в это время у командира дивизии.

Вопрос: Вы были командиром дивизии?

Ответ: Нет, я командир батареи, но в тот момент, когда нам стало ясно, что мы окружены, я находился у командира дивизии, в штабе. Я побежал к своим, но в этот момент меня подозвала группа красноармейцев, которая хотела пробиться. Они попросили меня принять командование и атаковать ваши части. Я это сделал, но красноармейцы, должно быть, испугались, я остался один, я не знал, где находятся мои артиллеристы, ни одного из них я не встретил. Если вас это интересует, я могу рассказать более подробно. Какое сегодня число? (сегодня 18-е). Значит, сегодня 18-е. Значит, позавчера ночью под Лясново, в 11/2 км от Лясново, в этот день

утром мы были окружены, мы вели бой с вами.

Вопрос: Я хотел бы знать еще вот что! На нем ведь сравнительно неплохая одежда. Возил он эту гражданскую одежду с собой, или получил ее где-нибудь. Ведь пиджак, который сейчас на нем, сравнительно хороший по качеству.

Ответ: Военный? Этот? Нет, это не мой, это ваш. Я уже вам сказал, когда мы были разбиты, это было 16-го, 16-го мы все разбрелись, я говорил вам даже, что красноармейцы покинули меня. Не знаю, может быть, вам это и не интересно, я расскажу вам об этом более подробно! 16-го приблизительно в 19 часов, не позже, позже, по моему в 12, ваши войска окружили Лясново. Ваши войска стояли несколько вдалеке от Лясново, мы были окружены, создалась паника, пока можно было, артиллеристы отстреливались, отстреливались, а потом они исчезли, не знаю куда. Я ушел от них. Я находился в машине командира дивизии, я ждал его. Его не было. В это время ваши войска стали обстреливать остатки нашей 14-й танковой дивизии. Я решил поспешить к командиру дивизии, чтобы принять участие в обороне. У моей машины собрались красноармейцы, обозники, народ из обозных войск. Они стали просить меня: «Товарищ командир, командуй нами, веди нас в бой!» Я повел их в наступление. Но они испугались, и когда я обернулся, со мной уже никого не было. Вернуться к своим уже не мог, так как ваши минометы открыли сильный огонь. Я стал ждать. Подождал немного и остался совсем один, так как те силы, которые должны были идти со мной в наступление, чтобы подавить несколько ваших пулеметных гнезд из 4–5 имевшихся у вас, что было необходимо для того, чтобы прорваться, этих сил со мной не оказалось. один в поле не воин. Начало светать, я стал ждать своих артиллеристов, но это было бесцельно, и я пошел дальше. По дороге мне стали встречаться мелкие группы, из мотодивизии, из обоза, всякий сброд. Но мне ничего не оставалось, как идти с ними вместе. Я пошел. Все начали переодеваться, я решил этого не делать. Я шел в военной форме, и вот они попросили меня отойти в сторону, так как меня будут обстреливать с самолета, а следовательно, и их будут обстреливать. Я ушел от них. Около железной дороги была деревня, там тоже переодевались. Я решил присоединиться к одной из групп. По просьбе этих людей я обменял у одного крестьянина брюки и рубашку, я решил идти вечером к своим. Да, все это немецкие вещи, их дали мне ваши, сапоги, брюки. Я все отдал, чтобы выменять. Я был в крестьянской одежде, я хотел бежать к своим. Каким образом? Я отдал военную одежду и получил крестьянскую. Ах нет, боже мой! Я решил пробиваться вместе с другими. Тогда я увидел, что окружен, идти

никуда нельзя. Я пришел, сказал: «Сдаюсь». Все!.. Я не хочу скрывать, что это позор, я не хотел идти, но в этом были виноваты мои друзья, виноваты были крестьяне, которые хотели меня выдать. Они не знали точно, кто я. Я им этого не сказал, они думали, что из-за меня их будут обстреливать.

Вопрос: Его товарищи помешали ему что-либо подобное сделать или они причастны к тому, что он живым попал в плен?

Ответ: Они виноваты в этом, они поддерживали крестьян. Крестьяне говорили: – «Уходите». Я просто зашел в избу. Они говорили: «Уходи сейчас же, а то мы донесем на тебя!» и уже начали мне угрожать. Они были в панике. Я им сказал, что и они должны уходить, но было поздно, меня все равно поймали бы. Выхода не было. Итак, человек должен бороться до тех пор, пока имеется хотя бы малейшая возможность, а когда нет никакой возможности, то... Крестьянка прямо плакала, она говорила, что убьют ее детей, сожгут ее дом...

Следовательно, 15–16 июля 1941 г. старшего лейтенанта Джугашвили вызвали на командный пункт дивизии, куда он и прибыл в тот момент, когда началась паника, неразбериха, а дальше все было так, как рассказал сам Яков Иосифович.

При этом надо учитывать, что первый раз немцы переводили с русского на немецкий, а второй раз наши – с немецкого на русский, в результате чего текст изобилует многочисленными искажениями. Например, Лиозно называется Лясново и т. д.

Нельзя забывать и о психологическом состоянии военнопленного в момент допроса, когда мысли не собраны, когда трудно определить дату и время, когда забываются подробности. Сегодня по прошествии десятилетий каждый раз мы узнаем все новые сенсации. Дожили мы и до той, в которой ставится под сомнение вообще пребывание Якова Джугашвили в плену. Сначала была передача в программе «Человек и закон», потом появилась и печатная версия в книге Галины Джугашвили-Сталиной «Внучка вождя» – Валентина Жилыева.

Данный господин утверждает: «Дело № Т-176» и другие немецкие материалы 1941–1943 гг. – профессионально выполненная подделка. Фальсификацию можно определить не только по содержанию, но и по техническому исполнению.

Что ж, попробуем разобраться.

Первое. Были исследованы четыре рукописных текста сына Сталина, исполненные им с 19 июля 1941 г. по 30 сентября 1942 г., а также 11

фотоснимков, изображающих пленного Якова Джугашвили. При этом специалисты центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны Российской Федерации установили, что только две записки из четырех исполнены самим Я. Джугашвили, а две других писал не он. Далее, из одиннадцати немецких фотоматериалов семь являются фото– и типографской репродукцией, на восьми снимках установлено наличие ретуши изображения, три изготовлены путем фотомонтажа. На одном из снимков выявлено применение в фотомонтаже зеркального изображения. Вот что показал на допросе сам Я.И. Джугашвили:

Вопрос: Известно ли ему, что красное правительство сбрасывает листовки, и думает ли он, что эти листовки побудят немецкого солдата перебежать на сторону красного правительства, на сторону Красной Армии?

Ответ: А если я вам задам такой же вопрос, будут ли иметь ваши листовки успех в Красной армии или нет? (я очень прошу меня не фотографировать).

Вопрос: Почему он не хочет, чтобы его фотографировали? Может быть, он думает, что снимок будет опубликован?

Ответ: Фотографируют всегда в самых безобразных позах. Я не потому это говорю, что всегда нужно сниматься только в красивых позах. Не потому я это говорю, но мне это не нравится, я вообще этого не люблю.

Яков Джугашвили не хотел фотографироваться в отличие от генерала Власова, поэтому немцам пришлось прибегать к фотомонтажу в целях агитации и пропаганды, что вполне естественно.

То же самое и с одной из двух записок. Самую первую, адресованную к отцу, он как раз и не писал, потому что не мог и не хотел писать. И тогда немцы ее просто состряпали сами. Это тоже объяснимо.

«19.7.41. Дорогой отец! Я в плену, здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей в Германии. Обращение хорошее. Желаю здоровья. Привет всем. Яша».

Во второй записке:

«Джугашвили Яков старший л-нт Москва улица Грановского 3—84.20.9.41».^[1]

«Господину поручику Венцлевич.

Я достал у г-на подпоручика Коррадини суконный материал, и если Вас не затруднит, то прошу отдать распоряжение в мастерскую, чтобы мне сделали полушинель. Я тороплюсь, так как слышал, что мастерская скоро переедет в запбостель, говорят, что мастерская перегружена заказами, так что если найдется какая-либо возможность, то прошу Вас не отказать мне в просьбе.

ст л-нт Джугашвили».

«Поручику Венцлевич – на память в знак уважения ст. л-нт Джугашвили 30.9.42 г».

Второе. Господин Жилиев утверждает, что протокол первого допроса был подшит в дела 4-й танковой дивизии корпуса Гудериана, а другой протокол допроса оказался в архиве Люфтваффе, что также внушает сомнение в их подлинности.

Дело в том, что хоть и допрашивали Якова Иосифовича у командующего авиацией 4-й армии, тем не менее допрос вели офицеры 3-й мотострелковой роты военных переводчиков от различных «ведомств». Заметим, не один офицер, а несколько. Поэтому один документ составлен как вопрос – ответ для командующего авиацией 4-й армии, а другой обзорный документ – описание, более конкретный, в сокращенном виде, как докладная записка для командира 4-й танковой дивизии.

Третье. У В. Жилиева написано: «Что же касается содержания протоколов, то в них масса несуразностей и ошибок, по которым можно предположить, что все приписанное Якову Джугашвили писал немец. Так, Яков якобы рассказывал офицеру абвера, как он, пока полк уже стоял под Лиозно, западнее Смоленска, поехал в Смоленск и присутствовал при поимке в трамвае немецкого шпиона...»

А на самом деле Яков Иосифович показал:

Вопрос: А сам он видел когда-либо парашютиста, сброшенного в гражданском платье или в форме иностранной армии?

Ответ: Мне рассказывали об этом жители, видите, я не спорю, борьба есть борьба, и в борьбе все средства хороши. Поймали одну женщину, женщину поймали, а не знаю, кто она была – от вас или это наша, но враг. У нее нашли флакон с бациллами чумы.

Вопрос: Это была немка?

Ответ: Нет, она была русская.

Вопрос: И он верит этому?

Ответ: Я верю тому, что ее поймали, эту женщину, но кто она – я не знаю, я не спрашивал, она не немка, а русская, но она имела задание отравлять колодцы.

Вопрос: Это ему рассказали, сам он не видел.

Ответ: Сам я не видел, но об этом рассказывали люди, которым можно верить.

Вопрос: Что это за люди?

Ответ: Об этом рассказывали жители и товарищи, которые были со мной, потом поймали женщину от вас в трамвае, она была в милицейской форме и покупала билет, этим она себя выдала. Наши милиционеры никогда не покупают трамвайных билетов. Или так, например: задерживают человека, у него четыре кубика, а у нас четыре кубика не носят, только три.

Вопрос: Где это было?

Ответ: Это было в Смоленске. Мне рассказывали об этом мои товарищи.

Четвертое. У В. Жилиева:

«Кроме других, явной ошибкой в протоколах была информация о том, что Яков Джугашвили знал три иностранных языка, в то время как он не мог сдать экзамена по английскому в академии. И уж, конечно, он не знал французского языка на таком уровне, чтобы якобы уже в лагере целых шесть месяцев „свободно беседовать“ с интернированным сыном премьер-министра Франции, капитаном Рене Блюмом».

Из аттестации накануне Великой Отечественной войны:

«...Сданы государственные экзамены по следующим предметам:

1. Тактика – хорошо.
2. Стрельба – хорошо.
3. Основы марк. – лен. – посредством.
4. Основы устр. артвоор. – хорошо.
5. Английский – хорошо».

Пятое. В. Жилиев:

«Среди пленных, общавшихся с „сыном Сталина“ в концлагерях, не было никого, кто знал бы реально Якова Джугашвили».

Но позвольте, уважаемый господин, есть для Вас еще один аргумент:
*В представительство уполномоченного СНК СССР
по репатриации советских граждан в Западной Европе.
г. Париж, 16-е, ул. генерала АППЕР, 4.*

СПРАВКА

Капитан артиллерии Яков Иосифович Джугашвили (сын маршала СССР товарища Сталина) находился со мной в плену в Южной Баварии, около маленького города Гоммельбурга. Лагерь военнопленных был международного характера, где были заключены в застенки советские, французские, английские и бельгийские офицеры. В этом лагере были заключены 27 советских генералов и много старшего начальствующего состава РККА.

Яков Джугашвили в этом лагере был заключен с апреля месяца 1942 г. и был в нем по июнь 1942 г., после чего был переведен в другой мне неизвестный лагерь. Яшу Джугашвили лично знали многие советские офицеры. За короткий промежуток времени нахождения в Гоммельбургском лагере показал себя стойким, а своим поведением – мужественным и непоколебимым советским офицером, достойным сыном Великого отца, Маршала товарища Сталина. Питание он получал такое же, как и остальные советские офицеры, т. е. 150 гр. отварного – «хлеба», в день один раз брюквенный суп без всякой приправы.

Немцы его использовали на хозяйственных работах внутри лагеря, воспользовавшись его способностями; – он работал резчиком по кости. Из лошадиных костей он резал фигуры, шахматы, табачные трубки и т. д.

Ежедневно приезжали к нему фотокорреспонденты фашистских газет с сотрудниками гестапо, чтобы принудить Яшу и получить от него им выгодные сведения, на что всегда встречали твердый отказ: «Я люблю свою Родину, я никогда ничего не скажу плохого о моей Родине!» – таков был ответ Яши. Яшу Джугашвили одели немцы в «камуфлет». На его красноармейском мундире в 12-ти местах большими буквами разноцветными красками было написано «S.U» «Советский Союз».

Начальник штаба 1-го сов. партизанского полка
майор (Минасян)
12 марта 1945 г.
г. Ним.

Верно: Начальник отдела по работе за границей
полковник Филатов.

АП РФ. Ф. 45. Оп. 1 Д. 1554. Л. 108–109. Заверенная копия.

Таким образом, старший сын Сталина Яков Джугашвили в плену был, вел себя там мужественно и не пошел на сотрудничество с немцами. Только зачем доказывать обратное, зачем поднимать шум, зачем делать сенсацию и переписывать историю.

22 апреля 1943 г. Гиммлер направил письмо в нацистское министерство иностранных дел:

«Дорогой Риббентроп!

Посылаю Вам рапорт об обстоятельствах, при которых военнопленный Яков Джугашвили, сын Сталина, был расстрелян при попытке к бегству из особого блока „А“ в Заксенхаузене близ Ораниенбурга.

Хайль Гитлер!

Ваш Генрих Гиммлер».

6. Леонид Хрущев

В своей новой книге «Генералиссимус» В.В. Карпов уделил внимание сыну Хрущева:

«Удивительные совпадения случаются в жизни: сын будущего Генерального секретаря ЦК КПС Хрущева – Леонид Хрущев оказался в плену у немцев, так же, как и Яков Сталин, только несколько позже – в марте 1943 г. Сходство ситуации на этом начинается и на этом же заканчивается; все, что было до пленения и после, диаметрально противоположно: Леонид и Яков абсолютные антиподы по характеру, по поступкам и по убеждениям». Так ли это? Давайте попробуем разобраться.

Сын Никиты Сергеевича Хрущева от первого брака – Леонид Хрущев родился 10 ноября 1917 г. Ему было два года, когда умерла его мать. В 1932 г. он закончил семь классов и поступил в ФЗУ. Затем работал слесарем на рентгеновском заводе, откуда по комсомольской путевке в декабре 1933 г. был направлен на учебу в Балашовскую школу Гражданского воздушного флота.

В 1937 г. Леонид Никитович, после окончания школы учился в Ульяновске на курсах усовершенствования командного состава, месяц работал инструктором Центральных авиационных курсов в Москве, а потом в Киеве. В Москве Леонид женился на девушке из Московского аэроклуба. Она работала штурманом-летчиком. В феврале 1939 г. его зачислили слушателем подготовительного курса командного факультета

Военно-воздушной академии, а в 1940-м перевели в Энгельсскую военную авиационную школу.

Из выпускной аттестации 21 мая 1940 г.:

«По теоретическим дисциплинам учится отлично, материальную часть самолета СБ знает отлично и эксплуатирует грамотно. Летную программу усваивает легко и отлично закрепляет. Техника пилотирования на самолете СБ отличная, ориентировка хорошая».

Думаю, что это не пустые слова, так как Леонид Хрущев летал с 1933 г. Только до войны его налет равнялся 1268 часам, из которых на У-2 —600 часов, на Р-5—300 часов, на УТ-1—8 часов, на СБ – 250 часов, на АР-2—110 часов.

Даже если судить по проведенному в воздухе времени, Л.Н. Хрущев был летчиком, достаточно опытным для лейтенанта.

Великая Отечественная война для Леонида Хрущева началась в 134-м скоростном бомбардировочном авиационном полку. Уже на 16 июля 1941 г. он имел 12 боевых вылетов, а в воздушном бою 6 июля храбро дрался с истребителями противника. Из боя вышел с изрешеченной машиной. Командир 46-й авиадивизии ходатайствовал о награждении Леонида Хрущева орденом Красного Знамени.

За месяц войны, когда полк летал без прикрытия, Л.Н. Хрущев совершил 27 боевых вылетов, иногда в день вылетая по три-четыре раза. 26 июля два звена и два экипажа из состава 1, 2 и 3-й эскадрилий полка вылетели на бомбардировку вражеского аэродрома в районе ст. Изога (3 км северо-западнее ст. Чернуха) и уничтожение пехоты и артиллерии в районе Хикало. Не обнаружив самолетов противника на аэродроме, звено 3-й авиаэскадрильи бомбило аэродром и расстреляло из пулеметов аэродромные объекты и пехоту противника. Задание было выполнено, но при возвращении их атаковали восемь Ме-109. В результате боя были потеряны 4 экипажа. Но командир одного из них лейтенант Хрущев сумел посадить поврежденную машину, правда, при посадке сломал ногу. Вскоре его отправили в тыл на излечение в госпиталь.

Через несколько месяцев командир и военный комиссар дивизии снова ходатайствовали о награждении Леонида (исх. № 0207 от 5.11.41 г.):

«Командующему ВВС Западного фронта. Прошу представить к награде перечисленных ниже товарищей, представленных 14–17/VII – 41 г., но до сих пор не отмеченных вследствие того, что наградной материал застрял в 22-й армии.

1. Лейтенанта Хрущева Леонида Никитовича, имеет 27 боевых вылетов, к ордену Красного Знамени...

В своей книге В.В. Карпов пишет:

„С 1 июля 1941 г. по март 1942 г. Леонид находился на лечении в Куйбышеве – повредил ногу при посадке самолета и на фронт совсем не спешил – на собственных ногах гулял отменно!“

Как мы уже говорили, Л. Хрущев 26 июля 1941 г. выполнял 27-й боевой вылет, а писатель Карпов взял, да и лишил летчика почти целого месяца боевой работы.

А теперь ознакомимся с воспоминаниями генерала Степана Микояна, которые тоже цитирует В.В. Карпов:

„В Куйбышеве я ходил на процедуры в поликлинику, где познакомился с двумя старшими лейтенантами, тоже проходившими амбулаторное лечение после ранения: Рубеном Ибаррури, сыном вождя испанской компартии знаменитой Долорес, и Леонидом Хрущевым. Леонид Хрущев был хороший, добрый товарищ. Мы с ним провели, встречаясь почти ежедневно, около трех месяцев. К сожалению, он любил выпивать. В Куйбышеве в гостинице жил в это время командированный на какое-то предприятие его товарищ, имевший „блат“ на ликероводочном заводе. Они покупали там напитки в расчете на неделю и частенько распивали их в гостиничном номере. Я, хотя почти не пил, часто бывал там. Бывали там и другие гости, в том числе и девушки. Леонид, даже изрядно выпив, никогда не буйнил, он становился еще более добродушным и скоро засыпал. Мы познакомились и подружились тогда с двумя молодыми танцовщицами из Большого театра, который был там в эвакуации, Валею Петровой и Лизой Остроградской. Когда меня уже в Куйбышеве не было, там произошла трагедия, о которой я узнал от одного приятеля Леонида, приехавшего в Москву, а потом рассказ подтвердила и Валя Петрова, которой этот приятель рассказал сразу после случившегося. По его рассказу, однажды в компании оказался какой-то моряк с фронта. Когда все были сильно „под градусом“, в разговоре кто-то сказал, что Леонид очень меткий стрелок. На спор моряк предложил Леониду сбить выстрелом бутылку с его головы. Леонид долго отказывался, но потом все-таки выстрелил и отбил у бутылки горлышко. Моряк счел это недостаточным, сказал, что надо попасть в самую бутылку. Леонид снова выстрелил и попал моряку в голову. Леонида Хрущева осудили на восемь лет с отбыванием на фронте (это тогда практиковалось в отношении осужденных летчиков). Недолечив ногу, он уехал на фронт, добившись переучивания на истребитель Як-7Б...“

Далее В.В. Карпов продолжает вводить читателя в заблуждение: „... опираясь на документ (журнал учета боевых вылетов), скажем: 11 марта 1943 г. был первый и последний день боевой работы летчика Леонида

Хрущева. С утра он вылетел в составе группы истребителей, „Заморин“ сам боя не вел, а охранял своего ученика и наблюдал за его поведением“. Собственно, и боев-то не было, а вся группа совершала тренировочный полет».

А теперь ознакомимся с тем, как было на самом деле.

В феврале 1942 г. лейтенанту Хрущеву вручили орден Красного Знамени, а в марте после нелепого случая, который уже давно вошел в нашу историю, его выписали из госпиталя и направили в 3-й отдельный учебно-тренировочный смешанный авиаполк. 4 апреля 1942 г. приказом НКО СССР № 02520 ему присвоили очередное воинское звание старшего лейтенанта. До декабря Леонид проходил программу переучивания на истребитель Як-7, после чего был назначен в распоряжение командующего 1-й воздушной армией (3.11.42 г. – окончил программу переучивания с оценкой «отлично», а 4.12.42 г. был проверен по технике пилотирования. Общая оценка «хорошо»). Следует отметить, что Л.Н. Хрущев переучивался со скоростного бомбардировщика на истребитель, что независимо от уровня подготовки летчика является делом непростым.

Непросто было и Леониду, с его опытом и отличной техникой пилотирования бомбардировщика. Так сказать, со штурвала перейти на ручку... Потому-то и оценка с отличной стала хорошей.

Тем не менее он был назначен в 18-й гвардейский истребительный авиаполк, который базировался на аэродроме Хатенки, что в 10 км севернее города Козельска. До 11 марта 1943 г., о котором упоминает В.В. Карпов, старший лейтенант Хрущев с момента прибытия для дальнейшего прохождения службы в часть произвел 28 учебных полетов с налетом 13 ч 01 мин, 6 боевых вылетов на прикрытие войск 16-й армии с налетом 4 ч 26 мин и провел 3 воздушных боя. Один раз ему даже удалось зайти сзади в хвост «фрицу» и расстрелять его в упор...

Командующий 1-й воздушной армией генерал Худяков предложил Леониду должность в Управлении армии, но тот категорически отказался.

Итак, 11 марта 1943 г. в 12.13 девятка Як-7Б под командованием гвардии капитана Мазурова вылетела на перехват бомбардировщиков противника. Вылетела, чтобы не допустить бомбометания по наступающим войскам в район Кожановка, Ашково, Нижнее, Ясенок, Дынное, Жеребовка, в 7–9 км севернее Жиздра. Пять самолетов под командой Мазурова летели на высоте 2000 м, четыре самолета под командой гвардии младшего лейтенанта Ляпунова – на высоте 2500 м. При подходе к линии фронта радиостанции наведения сообщили: «Самолетов противника нет, будьте осторожны». Через 3–5 минут в воздухе появились до 10 «фоккеров»

(ФВ-190), которые под прикрытием дымки начали выполнять групповые атаки. Вступив в бой, наши истребители разделились на три группы. Гв. ст. л-нт Заморин (ведущий) и гв. ст. л-т Хрущев (ведомый) вступили в бой против двух Фокке-Вульфов-190, парой на пару на высоте 2500 м, постепенно оттесняя их на территорию противника. Заморин атаковал и огнем с 50–70 м сбил одного ФВ-190. Ведомый Хрущев в это время находился справа, прикрывая ведущего. Его атаковал второй «фоккер». Остальные в это время вели воздушный бой: пара Ходаковского в районе Жиздра с 2 ФВ-190 (оба были сбиты) и пятерка Яков и 4 ФВ-190 (один сбит) в районе Акимовка. Когда Заморин увидел, что самолет Хрущева атаковал ФВ-190, он открыл огонь под углом и преследовал противника, уходящего с пикирования на юг, продолжая атаковать.

После неудавшейся атаки немецкого пилота Хрущев с переворота под углом 65–70° вдруг пошел к земле. По мнению Заморина, Леонид мог перетянуть ручку и сорваться в штопор. Вероятнее всего, ошибка в технике пилотирования истребителем подвела Леонида. Ведь на нем он имел очень незначительный налет: общий – 17 ч 27 мин. Однако этим моментом, этой ошибкой Леонида воспользовались многие.

Теперь они (в том числе и В.В. Карпов) утверждают, что Леонид Хрущев ушел в сторону противника и бесследно пропал. Оказавшись в плену (?), активно сотрудничал с врагом, затем по приказу Сталина его выкрали, судили и расстреляли.

Но поверьте, все это не более чем вымысел, бред, сплетня и т. д. При этом не приводится ни одного документа, потому что их нет!

Во-первых, если бы Л.Н. Хрущев попал к немцам в плен, то они раструбили бы об этом буквально сразу же. Были бы листовки и фотографии. Германская пропагандистская машина не упустила бы такого шанса.

Во-вторых, обменять или выкрасть именитого военнопленного было практически невозможно. Он буквально через несколько дней оказался бы в Германии, где такая возможность практически исключалась.

В-третьих, 3 апреля 1943 г. командир 18 ГВ ИАП гв. майор Голубев подписал наградной лист на Хрущева. 4 апреля на этом документе поставил свою подпись генерал-майор Захаров, командир 303-й ИАД. В конечном счете орден Отечественной войны 1-й степени № 56428 был вручен на хранение отцу Леонида Н.С. Хрущеву. Ничего бы этого не было, если бы Леонид был предателем.

В-четвертых, спустя 17 лет на территории Жиздринского района Калужской области велись поиски мест падений самолетов Советской

Армии в годы Великой Отечественной войны. А конкретно, с 6 по 15 декабря 1960 г. проводился поиск останков летчиков в этом районе. По докладу Главкому ВВС Главному маршалу ВВС К.А. Вершинину, было «найденно 35 мест падения советских самолетов, осмотрено на месте – 30 (остальные не осматривались, как явно не подходящие по типам машин, срокам и удалению)».

Следовательно, искал Н.С. Хрущев самолет сына, но не нашел. Этот список можно было бы продолжить еще, но как можно заклеить мертвого человека и возвести в ранг предателя боевого летчика, не имея на то абсолютно никаких документальных доказательств!

По всей видимости, Леонид Хрущев в плену не был.

7. Кто ждал немцев

В 1941 г. немцев ждали. Сегодня это уже не является государственной тайной. Другое дело, сколько их было: бывших кулаков и членов их семей, уцелевших торговцев «нэпманов», уголовников, репрессированных и других «обиженных» советской властью.

Немцев ждали, но не многие, как об этом пишут теперь историки и журналисты.

В Новгороде первым начальником города был археолог Василий Понамарев, до немцев работавший научным сотрудником в местном музее. В Пскове начальствовал бывший учитель математики Черепенкин. В Харькове последовательно начальниками были: профессор технологического института Алексей Крамаренко, затем адвокат Александр Семененко, а третьим по счету стал профессор физической химии Павел Козакевич. «Начальником» Смоленска недолго был профессор физики и астрономии Борис Базилевский. В кресле городского головы его сменил известный смоленский адвокат Борис Меньшагин. После эвакуации из Смоленска в 1943 г. он некоторое время занимал такую же должность в Бобруйске. В Гражданскую войну 17-летним юношей Меньшагин вступил в Красную армию и прослужил в ней 8 лет. В связи с религиозными убеждениями был уволен. Получив юридическое образование, работал юрисконсультантом в Москве, затем – адвокатом в Смоленске. Защищал крестьян в период коллективизации, «врагов народа» в годы массовых репрессий. В ходе «дела» о вредительстве в животноводстве дошел до генпрокурора Вышинского и добился пересмотра ряда смертных приговоров.

«Начальником» Ялты служил при немцах некий Виктор Мальцев. Он родился в 1895 г. в Гусь-Хрустальном, в 1919 г. окончил Егорьевскую школу военных летчиков. В 1925 г. он – начальник Центрального аэродрома под Москвой. С 1927 г. пом. начальника Управления ВВС Сиб. ВО, затем – в резерве РККА. Приказом НКО СССР № 1916 от 26 ноября 1936 г. ему присвоено звание «полковник». В 1937 г. он был назначен начальником Туркменского управления Гражданского воздушного флота. За умелое руководство Управлением в 1938 г. был представлен к ордену Ленина, но награжден не был, так как 11 марта его арестовали органы НКВД. 5 сентября 1939 г. освобожден, а 1 декабря назначен начальником санатория Аэрофлота в Ялте. Осенью 1941 г. эвакуироваться не стал. 8 ноября явился в немецкую комендатуру и предложил свои услуги. В начале декабря начал писать книгу «Конвейер ГПУ», в июне 1942 г. передал законченную рукопись в отдел пропаганды 11-й армии вермахта в Симферополе.

С марта 1942 г. – бургомистр Ялты. 9 марта принял дела городской управы, организовал городское самоуправление, налаживал быт в оккупированном городе и распределение продуктов. А опубликованная книга, ставшая «бестселлером» на оккупированных территориях, принесла автору гонорар в 500 марок...

В период оккупации на территории нескольких районов Орловской (Брянской) областей с центром в поселке Локоть с разрешения немецких властей был создан так называемый Локотский автономный округ. Первым его главой был инженер Константин Войскобойников, преподававший физику в местном техникуме. В 30-е годы был репрессирован.

Его заместителем работал Бронислав Станиславович Каминский. Этот поляк родился в 1899 г. В 1917 г. он был студентом Петроградского политеха. С 1918 по 1921 г. служил в Красной армии. В 1930 г. направлен на учебу в химико-технологический институт, по окончании которого работал инженером-технологом на химзаводе «Республика». В 1935 г. исключен из партии за критику коллективизации. В 1937 г. был арестован и отбывал срок в г. Шадринске, где работал на спиртозаводе. В начале 41-го освободился и переехал в г. Локоть. Работал инженером на спиртзаводе. Летом – осенью 41-го организовал эвакуацию предприятия, а сам остался в Локте.

После гибели Войскобойникова в январе 1942 г. Каминский возглавил местные силы самообороны и Локотский автономный округ, к которому впоследствии были присоединены новые районы. В конце 1942 г. реформировал местные отряды милиции и самообороны в 29-ю штурмовую пехотную бригаду войск СС РОНА («Русская освободительная

народная армия»), с которой в январе – феврале 1943 г. принимал участие в боях против Красной армии.

В «Локотском автономном округе» было налажено производство товаров первой необходимости, возрождена структура местной власти. С помощью немецкого командования Каминскому удалось создать и собственное воинское формирование. Осенью 43-го ему удалось организовать эвакуацию Локотского округа и бригады в Лепель, затем из Лепеля – в Дятлово. В июне 1944 г. (более 50 тысяч человек) в Польшу. Погиб в 1944 г. при невыясненных обстоятельствах. По некоторым данным, РОНА насчитывала 11–12 тысяч человек.

В оккупированном Киеве некоторое время жил и работал В. Блюменталь-Тамарин. Он руководил театром русской драмы. Он был одним из самых популярных драматических артистов довоенной поры, играл Рогожина и Дон-Карлоса, Чацкого и Гамлета. Сын знаменитой актрисы Марии Блюменталь-Тамариной, которая в числе первых десяти советских актеров была удостоена звания «Народный артист СССР», сам он не признавал казенной «службы» в каком-то одном театре и разъезжал с гастрольями по стране.

В октябре 1941-го В. Блюменталь-Тамарин оказался в занятом городе Истра, рядом с которым находилась его дача. Когда немцы отступили, он вместе с еще несколькими дачниками – соседями, в том числе знаменитым вахтанговским актером Освальдом Глазуновым, ушел на Запад. Самой знаменитой его ролью «Киевского периода» стал советский генерал Горлов в злой сатире «Так они воюют». В основу спектакля легла пьеса «Фронт» советского драматурга Корнейчука. Блюменталь-Тамарин выступал на радио и в печати и очень хлестко критиковал режим Сталина. Правда, до Германии артист не дошел. По пути он погиб при невыясненных обстоятельствах.

Достоверно известно, что с нетерпением ждали германскую армию крымские татары. Из газеты «АЗАТ Крым» («Освобожденный Крым»), издававшейся в оккупированном Крыму с 1942 по 1944 г.:

3 марта 1942 г.

«После того как наши братья – немцы перешли исторический ров у ворот Перекопа, для народов Крыма взошло великое солнце свободы и счастья».

10 марта 1943 г.

«Алушта. На собрании, устроенном мусульманским комитетом, мусульмане выразили свою благодарность Великому фюреру Адольфу Гитлеру-Эфенди за дарованную им мусульманскому народу свободную жизнь. Затем устроили богослужение за сохранение жизни и здоровья на многие лета Адольфу Гитлеру-Эфенди».

«Великому Гитлеру – освободителю всех народов и религий! 2 тыс. татар дер. Коккозы и окрестностей собрались для молебна... в честь германских воинов. Немецким мученикам войны мы сотворили молитву... Весь татарский народ ежеминутно молится и просит Аллаха о даровании немцам победы над всем миром. О, великий вождь, мы говорим Вам от всей души, от всего нашего существа, верьте нам! Мы, татары, даем слово бороться со стадом евреев и большевиков вместе с германскими воинами в одном ряду!.. Да благодарит тебя Господь, наш великий господин Гитлер!»

10 апреля 1942 г.

Из послания А. Гитлеру, принятого на молебне более 500 мусульман г. Карасубазара: «Наш освободитель! Мы только благодаря Вам, Вашей помощи и благодаря смелости и самоотверженности Ваших войск сумели открыть свои молитвенные дома и совершать в них молебны. Теперь нет и не может быть такой силы, которая отделила бы нас от немецкого народа и от Вас. Татарский народ поклялся и дал слово, записавшись добровольцем в ряды немецких войск, рука об руку с Вашими войсками бороться против врага до последней капли крови...»

«С первых же дней своего прихода немцы, опираясь на татар националистов, не грабя их имущество открыто, так, как они поступали с русским населением, старались обеспечить хорошее отношение к себе местного населения», – писал начальник 5-го партизанского района Красников.

Уже в декабре 1941 г. немецкое командование приступило к организации так называемых «мусульманских комитетов». В Крыму стали формироваться вооруженные отряды «самообороны». Многие татары использовались в качестве проводников карательных отрядов против партизан.

После освобождения Крыма Л. Берия 10 мая 1944 г. докладывал И.

Сталину:

«Органами НКВД и НКГБ проводится в Крыму работа по выявлению и изъятию агентуры противника, изменников Родины, пособников немецко-фашистских оккупантов и другого антисоветского элемента. По состоянию на 7 мая с.г. арестовано таких лиц 5381 человек.

Изъято незаконно хранящегося населением оружия 5995 винтовок, 337 пулеметов, 250 автоматов, 31 миномет...

Из Красной Армии к 1944 г. дезертировали свыше 20 тысяч татар, которые изменили Родине, перешли на службу к немцам и с оружием в руках боролись против Красной Армии...

Учитывая предательские действия крымских татар против Советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения государственного Комитета Оборона о выселении всех татар с территории Крыма...»

По данным на 1 июня 1943 г., в крымских партизанских отрядах численностью 262 человека было всего 6 татар.

Поэтому 140–160 тыс. татар выселили из Крыма и расселили в качестве спецпереселенцев в районах Узбекской ССР.

Во время боев на Харьковском направлении в числе других документов особым отделом НКВД 38-й армии был захвачен дневник капитана немецкой армии – командира батальона 294-й пехотной дивизии. До перевода на Восток этот офицер служил в составе гарнизона какого-то острова на Западе. Вот что он записывал о своих первых впечатлениях о России:

«Из Перемышля ехали по Украине. Вот она, Россия. Далекие, неизмеримо огромные поля не обработаны. Леса нет, только иногда несколько деревьев. Печальные колхозы с разрушенными домами. Немногие люди, грязные и завернутые в тряпье, стояли с безучастными лицами у железной дороги. Дороги грязные настолько, что оси экипажей застревают в грязи. Следов войны мало, только у вокзала видны последствия налетов пикирующих бомбардировщиков: сожженные здания и депо, перевернутые товарные вагоны, от которых остались только остовы».

В документе, подготовленном командованием 6-й армии вермахта «О поведении войск на Востоке», разъяснилось: «Основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полный разгром

государственной мощи и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру...

Снабжение питанием местных жителей и военнопленных, не находящихся на службе в германской армии из воинских кухонь, и раздача папирос и хлеба является ненужной гуманностью.

Все, в чем отечество отказывает себе и руководство с большими трудностями посылает на фронт, солдат не должен раздавать врагу, даже в том случае, если это является трофеями...

Пассивность многочисленных антисоветских элементов, занимающих выжидательную позицию, должна быть ликвидирована путем разъяснения, и они должны быть привлечены к активному сотрудничеству в борьбе против большевизма.

Если они не идут на это, то пусть не жалуется на то, что с ними обращаются как с приверженцами советского строя. Страх перед германскими мероприятиями должен быть сильнее угрозы со стороны бродячих большевистских остатков.

Не вдаваясь в политические соображения на будущее, солдат должен выполнять двоякую задачу:

1. Полное уничтожение большевистской ереси, советского государства и его вооруженной силы.

2. Беспощадное искоренение вражеского коварства и жестокости и тем самым обеспечение безопасности жизни вооруженных сил Германии в России».

И вот как она обеспечивалась (из спецсообщения особого отдела НКВД Западного фронта от 1 ноября 1941 г.):

«Ряд населенных пунктов противником не занимается, но в подавляющее большинство населенных пунктов враг посылает по 2–4 автомашины с солдатами, которые забирают у населения продукты, белье, швейные машины и т. д., вылавливают выходящих из окружения красноармейцев и уводят их с собой. Необходимо отметить, что штабы противника размещаются в небольших деревнях или дачах. При занятии деревень противником колхозники в большинстве случаев из домов выгоняются. Командиров и красноармейцев, выходящих из окружения, противник старается захватить без боя. Отмечены неоднократные случаи, когда при оказании сопротивления бойцами немцы в бой не вступают. Характерно, что одиночки или группы немецких солдат, заметив красноармейцев и крикнув „Рус сдавайся“, сами бегут или же стоят, не

принимая никаких мер к преследованию».

Из разведсводки № 7 4-го управления НКВД СССР можно узнать о положении в городе Сталинграде и Сталинградской области при немцах (18 ноября 1942 г.):

«В оккупированных районах гор. Сталинграда немцами установлен строгий режим. Хождение по улицам воспрещено. Центр города усиленно охраняется, туда никого из жителей не пускают...

Все трудоспособное население города принудительно мобилизовано на разные работы: восстановление мостов, сооружение оборонительных укреплений, обслуживание солдат (стирка белья, работа на солдатской кухне)...

В здании Третьего Дома Советов, на углу улиц Чапаевской и Ладожской, размещается германская комендатура. Последняя начала свою деятельность с того, что объявила мобилизацию женщин для работы в немецких госпиталях и „сдачу“ населением теплых вещей и обуви для германской армии.

В оккупированных районах города немцы приступили к созданию местных органов власти.

Бывший зав. хирургическим отделением железнодорожной больницы доктор Макушин, 50–55 лет, назначен немцами старостой одного района или всей оккупированной части города.

Оккупационный режим в сельских местностях Сталинградской области так же жесток, как и в городе.

В изданных германским командованием приказах было объявлено, что колхозы, совхозы и МТС являются теперь собственностью германской армии. Колхозное и государственное имущество и ценности не подлежат никакому разделу. Колхозники и рабочие совхозов и МТС превращаются, по существу, в рабочую силу, работающую под надзором и руководством германских военных властей.

Так, в хуторе Раскопкино, Клетского р-на, немецкое командование собрало все население во дворе МТС и приказало идти на уборку хлебов. Встретив решительное сопротивление колхозников, немецкие офицеры начали избивать их плетками, понуждая, таким образом, к тому, чтобы они взялись за работу...

Отношение к немцам со стороны местного населения враждебное. Даже отдельные, ранее доброжелательно настроенные к немцам жители хуторов и станиц теперь не верят им и нередко открыто высказывают свое

враждебное отношение к оккупантам...

В конце июля и начале августа с.г. немцы проводили активную компанию по выборам сельских старост. Там, где немцам не удалось „избрать“ старост, они их назначили через представителей военных частей, посланных на собрания, где „избирались“ старосты.

В таких случаях одного слова немецкого офицера достаточно, чтобы старостой был тот, кого он назовет. Обычно – это старики из кулацкой среды, антисоветски настроенные».

Оккупация даже для тех, кто ее ждал, показалась адом. Одна из жительниц Ростовской области, в прошлом считавшаяся антисоветски настроенной, как-то сказала по секрету: «Советская власть в тысячу раз была лучше, чем эти ироды, немцы».

На захваченной территории Сталинграда немцы застали более 200 тыс. жителей. С первых же дней они установили жестокий режим, объявив восточную сторону центральной части города запретной зоной для местных граждан.

Правом беспрепятственного передвижения по всей оккупированной части города в любое время суток пользовались только старосты и полицейские, имевшие специальные нарукавные повязки и удостоверения от комендатуры. С середины октября 1942 г. немецкие военные комендатуры приступили к принудительной эвакуации населения. В городе были оставлены жители, необходимые для обслуживания воинских частей и проведения оборонительных работ, а значительное число было отправлено на работу в Германию, на Украину и в Донбасс, на восстановительные работы в промышленности.

Туда направлялись только здоровые мужчины и бездетные женщины, проходившие медосмотр в лагерях в гор. Калаче, на ст. Чир и Гумрак, где были собраны все изгнанные из города.

На 1 января 1943 г. в оккупированной части Сталинграда оставалось не более 12–15 тыс. человек.

До этого в трех районах города немцы провели «главную регистрацию» и учет всего оставшегося населения. На всех зарегистрированных были заполнены учетные карточки и сделана отметка в паспорте. Таким образом, комендант города пытался затруднить пребывание в городе военнопленных, партизан и других категорий жителей, стремившихся проникнуть в черту города.

В трех других районах города в связи с поголовным выселением жителей регистрация сначала не проводилась, но потом ее прошли только

2000 человек. А 10-го числа немцы сделали перерегистрацию. Лица, не имевшие документов, представили письменные поручительства от прошедших ранее «главную регистрацию».

В виде платы за перерегистрацию взималось 2 кг пшеницы, 3 кг ржи или пшено, овес, соль, мыло.

Голодные немецкие солдаты и офицеры перехватывали по дороге в комендатуры жителей и отбирали у них эту дань. Однажды комендант города генерал Леннинг заявил своим сотрудникам: «город Сталинград официально предназначен открытому грабежу из-за его удивительного сопротивления». Сам генерал прибрал себе 14 ковров, много фарфора, столового серебра и других предметов, которые затем увез с собою в Харьков.

В Сталинграде размеры проводимых немцами грабежей превзошли все, что имело место в других оккупированных городах и населенных пунктах Советского Союза. Но особо широкие масштабы они приняли с момента окружения.

Тогда даже создавались специальные команды, имевшие официальные разрешения. При активном содействии старост, полицейских и пособников из числа уголовных элементов и «обиженных» они отбирали у населения зерно и продукты питания. С той же целью в грабежах участвовали и «украинские добровольческие полицейские отряды».

Ограблениям не подвергались лишь прямые пособники, добровольно поступившие к ним на службу. Они имели документы, запрещающие немецким солдатам производить у них какие-либо изъятия. У их домов или квартир вывешивались дощечки с надписью: «Не трогать!»

В тыл немецкой армии и Германию из города вывозились цветные металлы, часть черного металла, смазочные масла и жиры, кожа и химические вещества. Из Сталинградского элеватора было вывезено около 20 тыс. тонн хлеба. При этом культурно-просветительные и коммунально-бытовые учреждения города для гражданского населения не восстанавливались, не работали театры, кино и радио, не издавались газеты.

После освобождения города советскими войсками в городе находилось всего 7 655 человек (в шести районах). 502 человека были выявлены как агенты, предатели и пособники. В том числе 68 – работников полиции, 28 – служащих, старост и помощников, 10 – прочих служащих, 172 – добровольца немецкой армии, 52 предателя, 19 дезертиров, 46 агентов разведки и т. д.

Характерно, что по социальному прошлому 166 человек были

служащими, 186 – рабочими, 129 – колхозниками, 16 – репрессированными и их родственниками, 2 – торговцами и только 3 – кулаками.

Судя по документам, свидетельствам и фактам, жизнь в оккупации была жуткой. Даже те, кто не понял это сразу, осознали буквально в считанные дни.

По далеко не полным данным с временно оккупированной территории Советского Союза было насильно угнано на работы в Германию 4 794 087 советских граждан: из РСФСР – 1 906 661, Украины – 2 102 234, Белоруссии – 399 374, Литвы – 160 019, Молдавии – 84 475, Эстонии – 74 226, Латвии – 67 098.

Здоровые мужчины, женщины и дети в основном вывозились в принудительном порядке – на работы в промышленности или сельском хозяйстве, в порядке очистки оккупированной территории от еврейского населения, в качестве наказания за участие в сопротивлении.

Правда, были и желающие. Известно, что первый поезд в Германию из Киева, набранный досрочно, состоящий из добровольцев, отправился 22 января 1942 г. под гром оркестра. Но как только стало известно об истинном положении этих добровольцев, отправки стали саботировать. Первые письма из рейха стали свидетелями невероятной трагедии.

8. Полиция и ее формирования

В оккупированных районах, находившихся под контролем немецкой администрации, территориальные органы полиции безопасности и СД были единым аппаратом, исполнявшим обязанности гестапо, полиции и СД. Управление этими органами осуществляли командующие или начальники полиции безопасности и СД.

Управления полиции безопасности и СД генеральных округов располагались в крупных городах. Например, управление округа «Белоруссия» было в Минске, два подчинявшихся ему отдела – в Барановичах и Вилейке. В каждом по три отделения.

Полиция безопасности и СД генерального округа «Сталино» в своем составе имела всего три отделения: в Ворошиловграде, Артемовске и Мариуполе. Ворошиловградское состояло из 12 сотрудников.

Структура управления соответствовала структуре РСХА:

1-й отдел – подготовка и комплектование;

2-й отдел – материальное обеспечение;

3-й отдел – служба безопасности (СД);

5-й отдел – КРИПО – криминальная полиция.

Сразу после оккупации значительной европейской части СССР в январе 1942 г. ОКХ издало приказ по формированию вспомогательных охранных частей. Директива ОКВ № 46 от 18 августа 1942 г. «Руководящие указания по усилению борьбы с бандитизмом на Востоке» рекомендовала командованию сухопутных сил принять срочные меры к разработке положений, определяющих статус полицейских формирований. Эти подразделения создавались исходя из обстановки в конкретном тыловом округе. Привлекаясь к охране путей сообщения, промышленных предприятий, к обеспечению общественного порядка, они позволили освободить для фронта значительное количество солдат и офицеров.

Еще 6 ноября 1941 г. указом Гимmlера все носившие униформу полицейские части, сформированные в оккупированных областях из местного населения, были объединены в так называемую вспомогательную охранную службу полиции порядка. Всех, кто входил в нее, и называли полицаями.

А 1 сентября 1942 г. вся немецкая полиция порядка и ее вспомогательная полицейская служба перешли в ведение судебной системы СС и полиции.

Личный состав вспомогательной полицейской службы делился на четыре категории:

- 1) полицейские на службе «вне сплоченных подразделений» – в городских и сельских полицейских участках;
- 2) полицейские на службе «в сплоченных подразделениях» – в батальонах и полках для борьбы с партизанами;
- 3) охранная пожарная служба;
- 4) вспомогательная охранная служба.

В штат каждого батальона вспомогательной полицейской службы входил штаб (5 чел.) и 4 роты (в каждой по 3 стрелковых и 1 пулеметный взвод). Всего батальон насчитывал 501 человек. Численность роты составляла 124 человека. До 1942 г. в батальонах было только по 3 стрелковые роты (460 чел). Фактическая же численность могла быть больше или меньше штатной. Иногда она достигала 700 человек.

В группе армий «Север» полицейские подразделения именовались «местными боевыми соединениями», в группе армий «Центр» – «службой порядка», в группе армий «Юг» – «охранными вспомогательными частями».

На Украине полиция именовалась «Украинско щуцманство», в Белоруссии – «Самооборона» и «Белорусская краевая оборона».

В феврале 1943 г. численность таких подразделений достигала 70 тыс. человек.

Отличительными признаками служащих полицейских формирований могли быть белые нарукавные повязки с черными надписями.

Каждая такая повязка нумеровалась порядковым номером и заверялась оттиском печати местной комендатуры. Такие же пронумерованные повязки выделялись для волостной и сельской охраны.

В некоторых округах самоуправление полицейских дополнительно вооружали резиновыми дубинками и выдавали удостоверение, где указывалось, что данный полицейский является членом волостной вспомогательной полиции и ему разрешается носить оружие во время службы с хождением по улицам в запрещенное время.

Обычно полицейские подразделения выполняли обязанности местной полиции. Это и охрана порядка, и «освещение местного населения» для органов немецкой власти, регистрационные налоговые функции, проведение карательных операций и т. д.

Численность полиции и ее формирований была самой различной. Так, в Бобруйской городской полиции зимой 1943 г. состояло 228 человек боевого состава и 20 человек обслуживающего персонала (начсостав – 11 чел., следственный отдел – 35 человек, полицейский состав – 160 чел.). Численность службы порядка Смоленского района была увеличена до 3 тыс. человек.

Личный состав всех полицейских формирований набирался из числа военнопленных, людей, имевших «претензии» к советской власти и уголовного элемента. Набор в полицию производился самыми различными способами. Зачастую молодые люди выбирали службу в полиции вместо представившейся возможности быть угнанными в Германию.

Полиция в основной своей массе была настроена антисоветски.

В полиции Россоши служили 480 человек. Начальником районной полиции был бывший адвокат Филиппов, начальником городской полиции – бывший бухгалтер аптечной базы Стотик.

По свидетельствам очевидцев, состав работников полиции включал убежденных антибольшевиков, боровшихся против большевизма, а не служивших немцам; антибольшевиков, считавших, что они должны мстить; людей, работавших в полиции, чтобы не умереть с голоду и не ехать в Германию; людей под масками непримиримых антибольшевиков, но из партизанской и подпольной агентуры.

В конце 1943 г. все батальоны вспомогательной полиции были переименованы в полицейские батальоны.

Минская городская полиция порядка была сформирована немецкими оккупационными властями из людей, прямо говоря, не друживших с моралью: «пьяницы, злодеи и разбойники». Поэтому через некоторое время ее ряды были вычищены от уголовного элемента, а некоторые оказались в тюрьме. На их место стали принимать жителей деревень.

Уже осенью 1941 г. для борьбы с партизанами начал формироваться «Корпус Белорусской Самааховы» (БСА) (1-я дивизия в Минске, 2-я – в Барановичах и 3-я – в Вилейке).

На местах успели сформировать 20 батальонов и несколько подразделений, но уже весной 1943 г. БСА была ликвидирована, а все подразделения перевели в состав полиции.

Летом 1942 г. началось формирование 49-го Белорусского полицейского батальона (2 тыс. чел.), но после нападения партизан многие безоружные новобранцы бежали и обратно вернулось около 800 человек. После прихода в него командиров эстонцев численность сократилась аж до 200 человек...

В 1944 г. полиция в количестве 20 тыс. человек и несколько батальонов «самообороны» не могли при необходимости противопоставить должного отпора партизанам.

Поэтому в шести округах было принято решение о формировании частей Белорусской краевой обороны (БКА). Предполагалось, что каждый район Белоруссии выставит один батальон БКА численностью до 600 человек. Однако после окончания мобилизации множество добровольцев немцы забрали в «организацию Тодта» для восстановления разрушенных путей сообщения. Это послужило толчком к началу формирования 6 белорусских саперных батальонов. Всего планировалось организовать 12 таких частей.

Помимо саперных частей было организовано 39 пехотных батальонов БКА численностью 600–800 человек каждый. К концу апреля 1944 г. формирование БКА было закончено. А уже в июне немецкие командиры БКА объявили солдатам об их демобилизации.

Летом 1941 г. командование немецкой 17-й армии издало распоряжение о создании группы самообороны и полиции в украинских селах. Число полицейских не должно было превышать 1 полицая на 100 жителей.

В первые дни войны на Волыни, в местечке Степань, был организован отряд (100 человек) украинской милиции. Летом 1941 г. начал формирование батальон украинского войска, уже с августа получивший статус «Восточного учебного батальона» и впоследствии послуживший

центром создания охранно-полицейских формирований, действовавших на Украине и в Белоруссии.

Киевский курень. Его ядром стал Буковинский курень ОУН и батальон, сформированный в Житомире из числа военнопленных (700 человек). В ноябре к куреню присоединилось еще 250 добровольцев из Галичины. К концу 1941 г. курень насчитывал 1500–1700 человек.

В начале февраля 1942 г. киевское гестапо произвело многочисленные аресты членов ОУН. После репрессий члены киевского куреня влились в состав 109, 115 и 116 украинских охранных батальонов.

Общая численность украинских полицейских батальонов составило 35 тысяч человек. В 1943 г. часть полицейских батальонов была включена в состав полицейских стрелковых полков (№ 31–38 трехбатальонных составов).

С первых же минут немецкого вторжения в СССР вступило в действие литовское подполье. Его вооруженные группы нападали на подразделения Красной армии и милиции, подавали сигналы немецким самолетам. При том что в каждом населенном пункте существовала группа диверсантов. После полной оккупации Литвы разрозненные повстанческие группы были реорганизованы в 24 стрелковых батальона самообороны численностью 500–600 человек. Общая численность этих формирований достигала 13 тысяч человек.

По данным отчета СС от 1 декабря 1941 г.: «...литовскими партизанами и оперкомандами айнзатцгруппы А было уничтожено с 2 июля 1941 г. 99 804 еврея и коммуниста...» Органами Смерша 3-го Белорусского фронта после освобождения в 1944 г. Литвы было установлено, что практически все еврейское население Литвы было уничтожено гитлеровцами и их литовскими пособниками.

Всего в Литве было сформировано 22 литовских батальона «шумы».

В августе – октябре 1942 г. шесть батальонов действовали на Украине и один в Белоруссии. В июле 1944 г. четыре батальона были объединены в Каунасе в 1-й литовский полицейский полк.

В последние дни большая часть литовских батальонов уходила вместе с немцами, которые разоружили и расформировали шесть батальонов, распределив их личный состав по различным наземным частям люфтваффе. На 1 марта 1944 г. в рядах литовской полиции порядка и полицейских батальонов служило 8 тыс. литовцев.

Первая латышская полицейская часть была создана в июле 1941 г. Формировавшиеся в Латвии полицейские батальоны насчитывали в своем составе от 500 до 550 человек. До конца 1943 г. были сформированы 45

латышских батальонов. Общая их численность оценивалась в 15 тысяч человек.

18-й охранный батальон в количестве 395 человек принимал участие в уничтожении гетто в г. Слоним Барановической области в Белоруссии.

25-й латышский батальон численностью около 450 человек принимал участие в карательных операциях против партизан на юге Белоруссии. Летом 43-го началось формирование 1-го латвийского полицейского полка «Рига»; в его состав были включены четыре полицейских батальона. Затем был сформирован 2-й полицейский полк «Лиепая» (из четырех батальонов) и 3-й полицейский полк (из трех батальонов).

К лету 1944 г. общая численность латвийских полицейских пограничных, вспомогательных, строительных частей и СД составляла 54 504 человека. Еще 32 418 человек служили в рядах СС, 628 – в авиационном легионе, 10 584 – в организации Тодта, 12 159 – в немецких частях.

В отличие от Литвы и Латвии местные эстонские полицейские силы не проводили массовых репрессий против еврейского населения. Организация погромов для СД здесь оказалась невозможной.

Осенью 1941 г. началось создание полицейских формирований, и уже в сентябре было сформировано шесть эстонских охранных подразделений. Всего за время оккупации в Эстонии было создано 26 батальонов «шумы» общей численностью 10 тыс. человек.

Органы полиции безопасности и СД насаждали агентурную сеть среди местного населения. В качестве агентов использовались старосты деревень, волостные старшины, полицейские, лесники, владельцы буфетов, закусовых и ресторанов.

На оккупированной территории действовали еще и так называемые эйнзатцгруппы и их подразделения, которые укомплектовывались служащими полиции, гестапо и СД. Каждая такая группа насчитывала примерно 600 человек. Оперативные и особые команды СД насчитывали 120–170 человек.

Оперативные группы СД создавались в мае 1941 г. Всего было создано четыре группы – А, Б, Ц, Д. Каждая состояла из штаба специальных команд, действовавших в районах расположения армейских частей и оперативных команд, действовавших в оперативном тылу армии.

Из оперативной сводки № 6 специальных отрядов полиции безопасности и СД, действовавших на захваченных территориях СССР (с 1 по 31 октября 1941 г. Р-102, США – 470), можно узнать, что под «антипартизанской деятельностью» фашисты фактически понимали

уничтожение людей, ненадежных с их точки зрения в политическом отношении, и евреев.

В каждом районе (Прибалтика, Белоруссия, Украина) специальные отряды обычно решали три задачи: 1) партизанские действия и контрмеры; 2) аресты и казни коммунистов и чиновников; 3) уничтожение евреев.

«В операциях участвовали следующие подразделения: специальные отряды „А“ начиная с 7 октября 1941 г. в Красногвардейске. Продолжают действовать в Смоленске специальные отряды „Б“ с 27 сентября 1941 г., действуют в Киеве специальные отряды „Ц“ начиная с 27 сентября 1941 г., в Николаеве – специальные отряды „Д“. Специальные эйнзатцкоманды и зондеркоманды, прикомандированные к специальным отрядам, продолжают двигаться вместе с наступающими войсками в районы, которые им предписано занять».

Из раздела «Прибалтийские территории», подраздел «Евреи»: «Все мужчины еврейского происхождения старше 16 лет, кроме старост и врачей, были уничтожены. Сейчас эта чистка все еще продолжается. После того как она будет закончена, на восточной территории останется только 500 евреев и детей».

Подраздел раздела «Белоруссия» заканчивается следующим абзацем: «За период, охватываемый этим отчетом, ликвидировано 37 180 человек».

А вот это докладывал уполномоченный по Слуцкому району 30 октября 1941 г. генеральному уполномоченному в Минске, без излишней предвзятости критикуя деятельность эйнзатцкоманд полиции безопасности и СД, действовавших на его территории, в связи с умерщвлением еврейского населения:

«27 октября 1941 г. утром примерно в 8 часов обер-лейтенант полицейского батальона № 11 посетил меня и представился адъютантом командира батальона полиции безопасности. Обер-лейтенант пояснил, что полицейский батальон получил задание провести ликвидацию всех евреев в городе Слуцке в течение двух дней. Сюда направлен батальон численностью в четыре роты, две из которых были сформированы из литовцев, и операция должна начаться немедленно. Я ответил обер-лейтенанту, что должен, во всяком случае, обсудить этот вопрос сначала с командиром батальона. Примерно через полчаса полицейский батальон прибыл в Слуцк. Немедленно по прибытии батальона я разговаривал с командиром(...)».

«Что касается самого проведения этого мероприятия, я должен с глубоким сожалением заметить, что оно граничило с садизмом. В течение этих действий город являл собой ужасную картину.

С неопишуемой жестокостью со стороны офицеров немецкой полиции и особенно литовцев евреев, а также белорусов выгоняли из их жилищ и сгоняли вместе. В городе повсюду слышались выстрелы, и на улицах валялись груды трупы расстрелянных евреев. Белорусы безуспешно пытались вырваться из окружения. Помимо того, что с евреями, среди которых были также и торговцы, обращались с ужасающей жестокостью в присутствии белорусов, последних избивали резиновыми дубинками и прикладами ружей. Это были уже действия не только против евреев. Это выглядело, скорее, как стихийное бедствие...»

9. «Зондерштаб-Р», «Боевой союз русских националистов»

В 1942 г. для борьбы с советским партизанским движением и для создания антисоветского «партизанского» движения в советском тылу был создан «специальный штаб „Россия“» («Зондерштаб-Р»): эту структуру возглавил Борис Алексеевич Смысловский – белоэмигрант и бывший офицер царской армии.

Б.А. Смысловский: родился в семье офицера. После окончания кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища поступил на службу в гвардейскую артиллерию. С 1915 г. поручик Смысловский принимает участие в мировой войне, после окончания которой в чине штабс-капитана уходит со службы, женится на польской подданной, принимает польское гражданство и живет в Варшаве.

В 1928 г. он переезжает в Германию, где поступает на высшие курсы Академии генштаба Рейхсвера и принимает деятельное участие в работе польского отдела РОВС, где занимает должность начальника штаба варшавского отдела под руководством генерала Трусова.

В начале войны на Востоке Смысловский был принят немцами на службу в качестве зондерфюрера, переводчиком отдела 1Ц (разведка) штаба группы армий «Север» под псевдонимом «фон Регенау».

В июле 1941 г. он создал при штабе этой группы армий «1-й русский зарубежный учебный батальон», который находился под опекой штаба «Валли». Батальон создавался как база для развертывания других русских разведывательных подразделений и частей. В течение 1941–1942 гг. на его

базе были развернуты 12 русских батальонов, объединенных в так называемую «северную группу».

Кадры в батальон подбирались из военнопленных. Помимо набора из лагерей, кадры для Смысловского поставляла Варшавская разведшкола абвера.

В марте 1942 г. при штабе «Валли» был сформирован «Зондерштаб-Р» – специальное отделение для ведения борьбы с партизанским движением, а также для ведения разведывательной и контрразведывательной деятельности.

Спецштаб находился в непосредственном подчинении начальника «Валли-1» майора Бауна. Его адрес: Варшава, ул. Хмельная, дом 7 (позднее улица Н. Свет, дом 5) был легендирован вывеской «Восточная строительная фирма „Гильген“». Начальником «Зондерштаба» был назначен зондерфюрер (майор) Смысловский. В 1943 г. он подполковник и полковник. Заместителем начальника «Зондерштаба-Р» был М.М. Шаповалов. Его биография заслуживает внимания.

Михаил Михайлович Шаповалов: родился в 1898 г. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В РККА – с 1918 г. Командир эскадрона, временный командир полка. Учился на Харьковских кавалерийских курсах, в Киевской высшей педагогической военной школе, в Московской высшей военно-химической школе РККА, на химических курсах командного состава РККА.

С 1932 г. – начальник химической службы Владивостокского Ура (Укрепрайона), майор в 1936 г., а с 27 августа 1937 г. – полковник. В этом же году он – начальник штаба Владивостокского УРа. Осенью 1937 г. арестован НКВД и провел в заключении восемь месяцев. После освобождения – начальник артиллерийской школы в Севастополе. В 1939–1941 гг. – слушатель ВАФ. С августа 1941 г. командир стрелковой дивизии под Феодосией, затем моторизованной группы под Керчью. 2 июня 1942 г. назначен заместителем командира 1-го отдельного стрелкового корпуса особой армии, 2 июля – командиром корпуса. 30 июля корпус переброшен на Кубань и в начале августа разбит под Армавиром. 14 августа сдался в плен (1 октября постановлением СНК СССР присвоено воинское звание генерал-майор).

Всю практическую работу «Зондерштаб-Р» проводил через межобластные резидентуры, имевшие наименование «разведывательно-резидентские области».

Вся оккупированная советская территория делилась до июля 1943 г. на пять, а позднее – на четыре области. На Украине, в Белоруссии, в Крыму, в

Прибалтике, в Ленинградской области областные и районные резидентуры создавались в местах активной деятельности партизанских отрядов и действовали под прикрытием различных хозяйственных организаций – дорожных и строительных отделов, заготконтор и т. д.

Через сеть информаторов и разведчиков из местных жителей резидентуры вели работу по выявлению дислокации партизанских отрядов, их руководящего состава, численности партийной прослойки, наличия работников НКВД, средств связи, районов действий, баз снабжения и вооружения. С целью разложения и склонения партизан к переходу на сторону немцев резидентуры внедряли агентов в состав партизанских отрядов.

3-й отдел (пропаганда) «Зондерштаб-Р» в 1942–1943 гг. возглавлял председатель польского отдела Народно-трудового союза (НТС) А.Э. Вюртлер. За попытку создать «третью силу» его убили двумя выстрелами в затылок по приказу (возможно) Смысловского.

* * *

В марте 1942 г. в лагере военнопленных в Сувалках возникла «антибольшевистская организация» военнопленных «национальная партия русского народа».

25 человек «организации» возглавил бывший подполковник Красной армии Владимир Владимирович Гиль – начальник штаба стрелковой дивизии, попавший в плен при обороне Минска.

В апреле 1942 г. организация (название партии поменялось на «Боевой союз русских националистов» (БСРН) попала в поле зрения разведывательно-диверсионного органа VI управления РСХА. После установления «опеки» все члены БСРН были переведены в предварительный лагерь «Цеппелина», размещавшийся на территории концлагеря «Заксенхаузен». В то же время был создан центр БСРН. Он разделялся на четыре отдела: разведки и контрразведки, по военным делам, по партийным делам и работе с молодежью, агитации и пропаганды. Центру БСРН были подчинены территориальные центры, располагавшиеся во всех оккупированных областях Советского Союза и в лагерях военнопленных.

К июню 1942 г. в Берлине было сформировано боевое подразделение «1-й русский национальный отряд СС», или «Дружина № 1», численностью около 500 человек под командованием Гиля, взявшего

псевдоним Родионов. Отряд состоял из трех рот (по 100 человек) и подразделений обслуживания. Первая рота была укомплектована бывшими офицерами РККА и использовалась как резерв для развертывания других подразделений. Личный состав был одет в чешскую униформу, знаки различия были аналогичны войскам СС, однако погоны были собственного образца, на обшлагах мундиров офицерского состава имелась черная лента с надписью: «За Русь!» На вооружении насчитывалось 150 автоматов, 50 ручных и станковых пулеметов, 20 минометов. «Дружина» базировалась в г. Парчев, где в его лесном массиве провела антипартизанские операции, в том числе против скрывавшегося еврейского населения. В ходе операции было уничтожено до полутора тысяч человек.

«Дружина № 1» находилась в оперативном подчинении эйнзатцгруппы «Б» полиции безопасности и СД, по заданию которой несла охрану коммуникаций, а уже в середине августа была переброшена под Смоленск, разместившись близ старого Быхова. В марте 1943 г. прибыла в белорусское местечко Лужки.

В то же время в особом лагере СС около Люблина была сформирована «Дружина № 2» численностью 300 человек во главе с бывшим капитаном РККА А. Блажевичем (Базевичем).

В марте 1943 г. две «Дружины» были объединены в Лужках в «1-й русский национальный полк СС», командиром которого стал Гиль-Родионов, а начальником штаба – Блажевич. После пополнения полк насчитывал 1200 человек (в том числе 150 офицеров). Полк имел на вооружении 60 орудий, 95 пулеметов, 18 минометов и свыше 200 автоматов. Начальником контрразведки полка стал П.В. Богданов.

В мае 1943 г. за счет местной молодежи, дезертиров из партизанских отрядов и пленных, влившихся в строй, полк был развернут в «1-ю русскую национальную бригаду СС». В бригаде находились 10–12 немецких офицеров СС.

В августе 1943 г. партизаны установили контакт с командиром бригады, который обещал перейти на сторону партизан. После переговоров 16 августа части бригады уничтожили немецкий штаб, атаковали части в Докшицах и узловую железнодорожную станцию Крулевщина. 2200 «дружинников» присоединились к партизанам. Из них была образована «1-я антифашистская партизанская бригада». Эта бригада в течение 11 месяцев вела ожесточенные бои с немцами. Сам Гиль-Родионов 14 мая 1944 г. получил тяжелое ранение и скончался. «Боевой союз русских националистов» продолжал существовать, однако был скомпрометирован и вскоре исчерпал себя.

10. Украинские националисты: Бандеровцы, Мельниковцы, Бульбовцы

Украинская повстанческая армия (УПА) была создана бандеровцами в марте месяце 1943 г. В ее состав также вошла ранее созданная оуновцами украинская полиция – «Шуцманшафт».

Немцы всегда знали стоянки УПА, но мер к ее уничтожению не принимали. Они создавали видимость борьбы с УПА, ну а фактически боролись против мирного населения. В то же время УПА вела активную борьбу против партизанских отрядов.

УПА состояла из куреней (батальонов) численностью до 500 человек. Курень состоял из следующих подразделений:

- 3 стрелковых сотни (70–80 человек каждая);
- взвод тяжелых пулеметов;
- взвод противотанковых пушек;
- взвод снабжения;
- санитарное отделение;
- отделение полевой жандармерии;
- взвод штабной разведки.

По некоторым источникам, в северной и южной группах УПА насчитывалось до 15 000 человек. Состав УПА подразделялся на командный состав (члены ОУН), добровольцев и мобилизованных (60 %).

Весной 43-го центральный провод бандеровцев получил задачу от немцев очистить западные области Украины от поляков.

Оправданием террору стало утверждение: «поляки – исконные враги украинцев, и они препятствуют созданию „самостоятельной“ Украины».

Только в течение мая – июня 1943 г. от рук бандеровцев в Ровенской области погибло несколько тысяч поляков. Спасая жизнь, поляки из сельской местности бежали в города под защиту немцев, а последние в свою очередь предложили выбор: возвращаться обратно в села или ехать в Германию на трудовые работы.

Неудивительно, что поляки выбрали последнее.

Кроме того, бандеровцы занимались уничтожением советских военнопленных и советского актива. Таким образом, они стремились ликвидировать резерв советских партизанских отрядов. А еще бандеровцы буквально охотились за евреями, которым удалось укрыться от немцев.

Бандеровцы развернули (инсценированную) «диверсионную» деятельность против немцев. Они уничтожали деревянные мосты в селах и

на проселочных дорогах, грабили «госхозы», угоняли скот и т. д. В ответ немцы применяли к населению репрессии, вызывающие лишь недовольство политикой националистов. Соответственно подавлялись и антибандеровские настроения.

С освобождением Красной армией западных областей Украины часть бандеровцев ушла с немцами, а часть была оставлена на советской территории для подрывной работы.

В каждом районе для организации террористических актов были созданы группы «боевиков» в количестве 8—12 человек, вооруженных автоматами, гранатами и обязательно 1–2 ручными пулеметами. Участники УПА получили указания остаться в тылу Красной армии, а затем выйти из леса и поднять восстание.

Мельниковцы на оккупированную немцами территорию прибыли с опозданием, и с первых же дней на местах между ними и бандеровцами началась борьба за руководящие посты в немецких учреждениях. В результате первым удалось захватить в некоторых областях и районных центрах под свое влияние ряд учреждений и организаций.

Вся работа мельниковского провода ОУН проводилась через (группы) «Просвиты». Через «Просвиту» мельниковцы проводили среди населения националистическую агитацию и под прикрытием ее вербовали новых членов ОУН из лиц украинской национальности, подвергавшихся в прошлом репрессиям со стороны советской власти. Занимая руководящие посты в редакциях унифицированных газет в оккупированных областях Западной Украины, мельниковцы помещали на их страницах программные антисоветские статьи, популяризировали фашистскую «расовую теорию» и украинский шовинизм, призывали украинскую молодежь вступать в ряды украинских дивизий СС и т. д.

Если мельниковцы, как старая формация украинских националистов, стремилась завоевать «самостоятельную» Украину с помощью немцев на договорных началах с последующим установлением на территории Украины демократического строя, то бандеровцы, как представители новой формации, исходили из принципа: «Украина только для украинцев». Они считали, что население неукраинской национальности, находящееся на территории Украины, должно быть уничтожено.

Немцы умело использовали в своей игре и тех и других, сначала пообещав «самостийну» Украину, а потом просто высмеяли эту идею, заявив, что Украина является колонией Германии.

Не имея сил для борьбы с бандеровцами и потеряв веру в Германию, мельниковцы стали искать новых союзников и выступать против немцев.

Весной 43-го среди них начались аресты, после чего мельниковцы ушли в подполье и соединились с бульбовцами.

Сразу после оккупации Ровенской области в городе Ровно к немецким властям явился Тарас Боровец с предложением ликвидировать отдельные группы Красной армии и оставшихся в лесистых и болотистых местах Полесья советских партизан.

Получив соответствующее разрешение и материальное обеспечение, он начал формировать из населения Полесья так называемых полищук, отряды под названием «Полеська сич», а себе присвоил псевдоним «Тарас Бульба».

До весны 1942 г. бульбовцы совместно с частями немецкой армии ликвидировали несколько мелких советских подразделений. Создав отряд численностью до 3000 человек, Бульба решил увеличить его, вооружить и одеть за счет немцев, а потом уйти от них.

Дело в том, что осенью 1942 г. националисты убедились в том, что планы о создании самостийной Украины – это самый настоящий блеф.

Немцы, почуяв неладное, предложили Бульбе сдать оружие и распустить «Сичу», но тот уклонился от выполнения приказа и со своими отрядами ушел в леса. Теперь его стали преследовать, и Бульба вступил в борьбу на два фронта: с партизанами и с немцами.

Положение его ухудшалось.

Тогда он обратился к командованию одного из партизанских соединений, действовавших в районе расположения бульбовцев, с предложением организовать совместную оборону против немецких карательных отрядов и не нападать друг на друга. Предложение было принято, и до начала 1943 г. партизаны и бульбовцы не трогали друг друга.

Узнав об этом, немцы пытались привлечь Бульбу на свою сторону и в конце 1942 г. два раза вели с ним переговоры, но успеха не имели. Бульба называл себя демократом и ставил задачу создания «единого народного фронта» против немцев и большевиков. Конечной целью борьбы бульбовцы называли создание «Украинской народной демократической республики».

Для этого Бульба стремился объединить все основные националистические течения, существовавшие на Украине. После воссоединения мельниковцев с бульбовцами УПА (бульбовская) была переименована в УНРА (Украинская народная революционная армия).

Немцы решили ликвидировать бульбовские отряды. Для этого они спровоцировали столкновение между ними и партизанами. Организовав казацкие отряды из военнопленных, они послали их под видом партизан нападать на бульбовские отряды. После одного из таких кровопролитных

столкновений «бульбовцы» нарушили договоренность и выступили против партизан. Одновременно с провокацией немцы дали указание ОУН (бандеровцам) начать борьбу против бульбовцев. Так весной 1943 г. бандеровский провод ОУН дал приказ УПА разоружить и ликвидировать бульбовцев. Бульба не согласился сложить оружие, после чего началась борьба между бульбовцами и бандеровцами.

Бульба выступил против этой борьбы, называя ее братоубийственной, и предложил бандеровцам прекратить между собой борьбу и объединиться для совместной борьбы с немцами и советскими войсками за «самостийну» Украину.

Для руководства вооруженными силами Бульба предлагал создать военный политический совет, в состав которого должны были войти представители от Бульбы и бандеровского провода. Бандеровцы согласились вести переговоры. Летом 1943 г. в с. Даничевка Межиричского района переговоры состоялись.

В первый день соглашения были достигнуты, но на второй день, когда должно было быть принято и подписано окончательное решение, бандеровцы на конференцию не явились. Борьба продолжалась.

В связи с разгромом немецких армий летом 1943 г. и успешным продвижением Красной армии на запад Бульба 5 октября 1943 г. издал приказ № 105, в котором говорилось: «1. Везде, где возможны стычки с преобладающими силами красных или фашистско-бандеровских партизанских отрядов, отделы УНРА расформировать и перейти в подполье...» В связи с приближением фронта к западным областям Украины Бульба в конце декабря 1943 г. выехал через Варшаву в Женеву, а на освобожденной территории практически сразу же появилась тенденция к объединению бульбовцев с бандеровцами. Немцы ушли, а «российский враг» так и остался!

11. Выводы

В одном из вариантов доклада Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецких захватчиков указывалось, что за время войны было разрушено 1710 городов и поселков городского типа, сожжено более 70 тыс. сел и деревень, взорваны и приведены в негодность 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. километров железнодорожных путей, опустошено около 100 тыс. колхозов и совхозов, тысячи МТС. 25 млн человек не имели крова, ютились в землянках, сараях, подвалах. Десятки

миллионов голов скота было угнано или уничтожено. Прямой ущерб, нанесенный фашистской Германией, составляет 700 млрд рублей в довоенных ценах. Страна потеряла 30 % национального богатства. И это было еще не все. Пройдут десятилетия, и наш народ узнает истинные или почти истинные цифры потерь.

Общие прямые людские потери страны за все годы войны оцениваются почти в 27 млн человек.

Более 70 млн человек проживало на оккупированной территории. А ведь по данным переписи 1940 г. численность населения СССР достигала 194,1 млн человек, в народном хозяйстве было занято 33,9 млн человек рабочих и служащих и 29 млн колхозников.

С временно оккупированной территории было насильно угнано на работы в Германию около 5 млн человек, более 4 млн солдат и офицеров Красной армии находились в немецком плену.

Тем не менее тяжелейшая изнурительная война, невероятные испытания, миллионы жертв и еще миллионы изломанных человеческих судеб не сломали наш народ, не отняли у него надежду и веру в победу. Он нашел в себе силы подняться и уничтожить заклятого врага.

Еще весной 1941 г. Гитлер провозглашал: «Немецкая империя и ее союзники представляют такую силу, которую не могут превзойти любые коалиции мира. Немецкие вооруженные силы постоянно будут вмешиваться в ход событий тогда и там, когда и где это будет необходимо».

Он же уверял: «Для немецкого солдата нет ничего невозможного!», и его самоуверенность дорого обошлась советскому народу. Горькие поражения лета 1941 г., отчаяние и безнадежность первых месяцев войны лишь закалили волю к победе. Для этого в ход шло все: и массовый террор, и опора на мощь народного патриотизма, на церковь, на национальное самосознание и на великих людей нашей истории: Невского, Донского, Минина, Пожарского, Суворова, Кутузова.

Все это было. Но было и сотрудничество граждан Советского Союза с оккупантами: экономическое, социальное и военно-политическое, масштабы которого и по сей день мало изучены и неизвестны. При этом снова можно говорить о некой «пятой колонне» на оккупированной территории.

О «пятой колонне» из трусов, предателей, уголовников и людей случайных, которые, находясь между жизнью и смертью, между голодом и элементарной сытостью, выбирали самое спасительное для себя в той ситуации, в которой они оказались волею судьбы.

Единственным исключением здесь можно считать украинских и

прибалтийских националистов, которых было немного и с которыми пришлось воевать и после окончания войны.

Таким образом, если до начала войны на Востоке основной средой вербовки для военных организаций абвера были русские белоэмигранты и участники антисоветских и националистических формирований, то с ее началом для разведывательных команд и групп на Восточном фронте вербовка производилась, как правило, из военнопленных. При этом предпочтение отдавалось репрессированным, антисоветски настроенным лицам, перебежчикам, имевшим родственников на оккупированной территории, и военнослужащим, добровольно давшим ценные показания на допросах.

Незначительный процент составляли антисоветски настроенные граждане, оставшиеся на оккупированной территории.

Ставка на бывших военнопленных делалась не случайно. В абвере полагали, что из них легче подготовить агентуру и внедрить ее в советские части. Например, вот что сообщалось в ориентировке управления НКВД по Свердловской области о заброске на территорию ряда областей Урала немецкой агентуры:

«Агентура вербует немцами из числа пленных красноармейцев, лиц, оказавшихся на территории временно занятой немцами, перебежчиков, бывших заключенных и т. д.

Лица, побывавшие в плену у немцев и освобожденные из плена, поголовно вербуются ими: одни под угрозой расстрела и издевательств, другие с использованием их враждебного отношения к советскому строю (кулаки), бывшие заключенные, дети репрессированных органами НКВД и др.».

То же самое касается и лиц сугубо гражданских. При вербовке в полицию и вспомогательные подразделения в первый период войны немцы отдавали предпочтение лицам, пострадавшим от репрессий, антисоветскому элементу, уголовникам. Впоследствии чаще использовались военнопленные и молодежь, не желающая выезжать в Германию.

Из задержанных немцами партизан, разоблаченных агентов парашютистов также вербовалась агентура – для уничтожения советских партизанских отрядов и подполья.

Следовательно, категория бывших военнопленных была одной из самых многочисленных категорий, привлекаемых и используемых оккупантами в целях так называемого сотрудничества.

В служебных указаниях рейхсминистра по делам оккупированных

восточных областей А. Розенберга для инспекционной комиссии по делам военнопленных 23.09.41 г. говорилось:

«3. Установление возможности к освобождению или, вернее говоря, к использованию на работе каждого выявленного политически благонадежного представителя следующих определенных групп: а) фольксдойче; б) финны и карелы; в) народы балтийских стран; г) белорусы; д) украинцы; е) румыны, болгары (предложение по освобождению распространяется на казаков. Освобождение кавказских и туркестанских народностей предвидится позже)».

С 25 июля по 13 ноября 1941 г. немцы освободили 318 770 человек (в том числе 277 760 украинцев). В 1942–1944 гг. из плена было освобождено 823 230 лиц, вступивших в добровольные охранные и другие формирования, в полицию.

По советским источникам на службу в строевые части вооруженных сил Германии поступило около 250 тыс. советских граждан, считая уроженцев Прибалтики и Западной Украины. Около 150 тыс. из них были советскими военнопленными, остальные – жителями оккупированной территории СССР.

Так или иначе, но сотни тысяч советских людей сотрудничали с немцами. Однако большая часть из них была ненадежной для Германии. Их сводили в роты и батальоны, им не доверяли, их использовали на второстепенных ролях, и при этом их эффективность была низкой.

Но самое главное, что так называемая «пятая колонна» на оккупированной территории была малочисленной.

Во-первых, даже если допустить, что на стороне Германии оказалось в общей сложности около 1 млн советских граждан, то нельзя не учитывать, что этот миллион невозможно реально противопоставить более 1 млн партизан (в годы войны в тылу врага насчитывалось более 6 тыс. партизанских отрядов), почти 34,5 млн всех надевавших в течение войны армейские шинели соотечественникам.

Во-вторых, общая суммарная цифра недовольных советским режимом должна была бы быть огромной. Около 1 млн 200 тыс. раскулаченных крестьян было выслано вместе с семьями в отдаленные районы страны на стройки Сибири и Крайнего Севера.

В ходе раскулачивания более полумиллиона крестьян было приговорено к различным срокам заключения. Даже на 1 января 1949 г. на учете состояло 2 300 223 спецпереселенца. Еще тысячи казаков были

физически уничтожены в рамках «расказачивания», а многие эмигрировали.

Репрессии против духовенства, открытый террор против религии и церкви должны бы были столкнуть на сторону врага еще миллионы верующих советских граждан. Только в 1937 г. было репрессировано 136 900 человек православного духовенства, из них расстреляно 85 300.

Количество заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГА НКВД в 1941 г. достигало 1 929 729 человек. В ИТЛ находилось 1 500 524 и в колониях 429 205 человек. Из них 420 293 (28,7 %) заключенных за контрреволюционные преступления.

На 20 июня 1941 г. в тюрьмах НКВД СССР содержалось 317 183 заключенных, всего более 2 млн заключенных и т. д.

Миллионы, миллионы недовольных, обиженных советской властью, могли бы оказаться на стороне Гитлера в «пятой колонне» и активно, подчеркиваю, очень активно бороться против Сталина, советского строя и т. д. Но ничего этого не было. Гитлер довольствовался малым, а его представители на местах чаще прибегали к принудилровке, обману, угрозам и т. п.

В-третьих, сотрудничество советских военнопленных и советских граждан с немецкой разведкой, как и вообще все сотрудничество в целом, было мало эффективным по ряду причин. Рассмотрим некоторые примеры.

21 ноября 1941 г. красноармеец Клубков Василий Андреевич (1923 г.р.) в составе группы разведчиков, красноармейца Крайнова и Космодемьянской Зои получил задание отправиться в деревню Петрищево Дороховского района и поджечь квартиры, в которых был расквартирован немецкий батальон. В ночь с 21 на 22 ноября они перешли линию фронта и в течение четырех суток пробирались к намеченному объекту. В 2–3 часа 27-го Клубков подошел к дому, разбил бутылку с «КС» и бросил, а когда она не загорелась, увидел немцев, струсил и убежал в лес. Там его и задержали. На допросе он все рассказал и выдал своих товарищей.

Утром 27 ноября Клубкова отправили в г. Можайск, где поместили в доме с группой 30 человек, а 11 декабря 1941 г. всех отправили в Смоленск, куда они добирались несколько дней. Конечным пунктом стал Красный Бор. В этом местечке недалеко под Смоленском обучение проходили 500 человек бывших заключенных, детей раскулаченных и большая часть военнопленных. С 20 декабря по 3 января 1942 г. курсантов учили собирать сведения о расположении и вооружении частей Красной армии, штабов и складов с боеприпасами. Два часа шла лекция, потом немецкий офицер задавал контрольные вопросы, а в конце занятия два человека

отрабатывали практическое упражнение.

3 января 1942 г. Клубкова сфотографировали, заполнили на него анкету и сделали оттиски всех пальцев. На следующий день Клубков дал подписку работать на благо непобедимой германской армии. Подписка была заготовлена на бланке, а он только вписал свою фамилию, имя, отчество и другие биографические данные.

Задание было следующим: немедленно после перехода линии фронта собрать самые детальные сведения о наступающих частях Красной армии в Борятинском районе, затем передать их агенту, после чего явиться в разведотдел Западного фронта и заявить, что был в плену после поджога деревни, из которого удачно бежал. Далее в разведотделе собирать сведения о диверсионных группах, а затем с одной из них перейти линию фронта и сдать немцам.

7 января 1942 г. Клубкова вместе с другими агентами перевезли на крытой грузовой машине до поселка Ерши, а через линию фронта они перешли самостоятельно и разошлись. По дороге Клубкова задержали, допросили и в этот же день направили под конвоем в штаб дивизии, где снова допросили, а затем в составе 28 человек направили на пересыльный пункт в г. Козельск. 20 января они туда прибыли, а уже 1 февраля поездом выехали на формировочный пункт в Москву. В столице Клубков встречает знакомого по работе в разведотделе Западного фронта, куда и является. 28 февраля его задерживают сотрудники особого отдела НКВД, а 3 апреля 1942 г. военный трибунал Западного фронта приговорил предателя к расстрелу.

Петр Иванович Шило (1909 г.р.), бухгалтер в стройтресте Саратова, был арестован за растрату государственных денег в 1932 г. Из-под стражи бежал, но на свободе снова попался за растрату в 1934 г. и снова бежит. В 1936 г. его судят за растрату в третий раз, и снова – побег. В 1939 г. по фиктивным справкам он получает документы на Петра Ивановича Таврина. 14 августа 1941 г. его призывают в армию.

Весной 1942 г. Таврина опознали под старой фамилией и на следующий день должны были доставить в особый отдел дивизии. Но 30 мая, находясь в дозоре, Таврин переходит линию фронта и сдается немцам. На допросе он заявил, что является сыном полковника царской армии.

Сначала его содержали в лагерях для военнопленных на оккупированной территории, а затем перевезли в Германию, где в течение года тщательно проверяли на агентурной работе среди военнопленных. В июле 1943 г. он взят на особый учет и вербуетя ответственным сотрудником Главного управления имперской безопасности для

выполнения специальных, особой государственной важности акций. В конце сентября 1943 г. из Берлина Таврина направляют в Псков, в распоряжение начальника главной команды «Русланд-Норд», где готовят к убийству И.В. Сталина. Об этой подготовке и не состоявшейся акции писали и говорили много, но я хотел бы остановиться на некоторых деталях, характерных для уровня подготовки всех завербованных агентов из числа военнопленных и советских граждан, из «преданности» Великой Германии.

Так, приземлившись не в том месте, где предполагалось первоначально, Таврин буквально заблудился и не мог найти дорогу для выхода на основной маршрут на Москву. Более того, ни он, ни его спутница не смогли показать на карте маршрут, по которому они якобы ехали. Они просто не ориентировались на местности.

Когда же Таврина арестовал начальник райотдела НКВД, он даже не сопротивлялся, хотя в рукаве имел специальное оружие, заряженное снарядом, пробивающим броню, а за поясом несколько пистолетов. Таврин просил только об одном – скорее доставить его в Москву. Он знал цену жизни и, судя по всему, не собирался убивать товарища Сталина... Без комментариев.

В июле 1942 г. эвакуированный в Челябинскую область из станции Тимашевской Краснодарского края дезертир Красной армии Никулин А.И. (1913 г.р.), уроженец г. Керчи, был арестован и трибуналом войск НКВД осужден к 7 годам лишения свободы, но в результате спецразработки было установлено, что настоящая фамилия Никулина – Дудченко. В октябре 1941 г. его призвали в армию в г. Керчи, но в связи с приближением немецких войск на сборный пункт он не явился и остался в городе. Вскоре при немцах через своего старого знакомого по уголовному прошлому, работавшему в полиции, Никулин стал агентом гестапо и выявлял оставшихся в Керчи коммунистов и советских активистов. Так с 16 ноября по 31 декабря 1941 г. он предал семь человек, впоследствии расстрелянных немцами, а также лично принимал участие в расправе над советскими гражданами, в истреблении детей тех родителей, которые расстреливали немцы.

Во время отступления немецких войск из Керчи в декабре 1941 г. Никулин-Дудченко был оставлен гестапо с заданием вести в советском тылу агитацию. Однако вся его деятельность заключалась в спасении собственной шкуры. Правда, после разоблачения его все равно расстреляли.

Только с июля 1941 г. по ноябрь 1942 г. истребительные батальоны

центральных областей РСФСР, Украины, Белоруссии, республик Северного Кавказа и Закавказья совместно с органами безопасности захватили и обезвредили более 8300 агентов и диверсантов.

А всего в годы войны было разоблачено и обезврежено 60 тысяч шпионов и 15 тысяч диверсантов.

В-четвертых, нацистские зверства, которые охватили все оккупированные районы СССР, не могли не сказаться и на настроениях тех, кто сотрудничал с немцами добровольно или по принуждению.

Нельзя забывать, что у них были тоже отцы и матери, жены и дети, братья и сестры. Только в Литве каратели из полицейских батальонов убили около 40 тыс. человек. В Латвии фашисты истребили 39 835 детей. В Эстонии гитлеровцы с помощью местной полиции расстреляли 58 167 мирных жителей.

В одной Риге было казнено 35 тыс. человек, а в Киеве фашисты убили 195 тыс. Считается, что число жертв четырех оперативных групп за время их действия на территории СССР составляет 750 тыс.

В-пятых, провал блицкрига фашистской Германии явился причиной смены воодушевления от краткого успеха на подавленное настроение. Крушение иллюзий под Москвой и Сталинградом, голод, холод и страх, тяготы войны коснулись и тех, кто предал свою Родину.

А ведь Гитлер надеялся, что после первых ударов, которые он нанес в 1941 г., многонациональный Советский Союз развалится. Но он не только не развалился, а еще больше сплотился.

Уже в 1942 г. немцы отбирали в лагерях для военнопленных людей в различные национальные легионы (роты, батальоны): грузинский, армянский, туркестанский, кавказский, прибалтийский и др. Однако результаты этих усилий оказались плачевными. Легионеры были людьми и воинами ненадежными, так как стремились прежде всего выжить или бежать к своим.

Немцы особенно рассчитывали на легионы, сформированные в Прибалтике, но и их использовали в основном как вспомогательные формирования: для охраны объектов, дорог, патрулирования и карательных операций.

В отличие от легионов, полиция была настроена более антисоветски, так как в ней служили чаще уголовники и обиженные советской властью.

Полиция всегда находилась на пике борьбы с партизанами и советским подпольем. Но и ее настроение менялось в зависимости от обстановки на фронте. Разложению надежных полицейских частей нередко способствовали сами немецкие власти. Так в городе Севске Брянской

области поступавших в полицию освобождали от обязательных хлебопоставок и уплаты налогов. Когда же в декабре 1942 г. бургомистр Севска издал приказ о необходимости исполнения служащими полиции повинностей, полицейские крупных сел бросили оружие и отказались от несения службы, а шесть полицейских ушли к партизанам.

Притоку перебежчиков способствовали агитация партизан, подпольщиков, а также издевательства немцев. При освобождении оккупированной территории войсками Красной армии бывшие полицейские предпочитали сдаваться партизанам или затеряться среди населения. Особо «отличившиеся» уходили с «хозяевами».

От обстановки на фронте зависела боеспособность и так называемых вспомогательных батальонов и рот. Из них бежали так же, как и из легионов.

В 1943 г. войсками НКВД по охране тыла Действующей Красной армии в процессе очистки территории, освобожденной от противника, и при несении службы по охране тыла фронтов было задержано для проверки 931 549 человек (в том числе военнослужащих 582 515 человек, гражданских лиц – 349 034 человек).

Из общего количества задержанных было разоблачено и арестовано 80 296 человек (агентура, изменники, предатели, каратели, дезертиры, мародеры и прочий преступный элемент).

С окончанием Великой Отечественной войны борьба с бандитизмом не прекратилась. Так 12 апреля 1946 г. И.В. Сталину докладывали, что только за март месяц 1946 г. в западных районах Украины было ликвидировано 8360 бандитов, а в Литовской ССР было уничтожено 145 бандитов, 75 явились с повинной, 1500 было задержано. За месяц в республике зафиксировали 122 бандитских проявления. Потери актива и бойцов МВД, МГБ и Красной армии составили 215 человек. Продолжались вооруженные столкновения в Белоруссии, Латвийской, Эстонской республиках.

Недаром одним из основных недостатков в деятельности органов безопасности во время Великой Отечественной войны считалась недооценка руководством реальных угроз от сепаратистской деятельности националистических бандформирований в западных областях Украины и Белоруссии, в Прибалтике, Молдавии и на Северном Кавказе, что в последующем создало для самих органов немалые трудности.

Глава 3. «Власовское движение», или Как все начиналось

Сталин не верил, что Власову удастся сделать что-то серьезное у немцев, но сейчас он понимал: вслед за объявлением о создании РОА («Русская освободительная армия») следует ждать других формирований национального характера. И он не ошибся.

Д.А. Волкогонов

1. Работа с Власовым

14 июля 1942 г. пленного генерал-лейтенанта А.А. Власова немцы доставили на автомашине на станцию Сиверская. Сам командующий 18-й армией генерал-полковник Линдеманн решил лично встретиться с теперь уже бывшим противником.

Сначала Власова допрашивал полковник немецкого генерального штаба, фамилия которого так и осталась для истории неизвестной. Немца интересовал боевой состав Волховского фронта со слов самого командующего 2-й ударной армией.

После ответа на заданный вопрос Власов дал оценку командующему фронтом генералу Мерецкову и командующему 52-й армией генералу Яковлеву. Вот как он охарактеризовал последнего: «Хороший военный работник, однако недоволен своим применением. Личность частых переходов. Известен как пьяница...»

Между тем Андрей Андреевич, стараясь отвечать на вопросы подробно, к сожалению, даже не знал, кто командовал 4-й армией Волховского фронта. А ведь он был прежде всего заместителем командующего фронтом, занимая должность командарма по совместительству.

Вот выдержка из протокола допроса А.А. Власова:

«Причина неудачи отхода – крайне плохое состояние дорог (разлив), очень плохое снабжение продовольствием и боеприпасами. Отсутствие единого руководства 2-й ударной, 52-й и 59-й армиями со стороны

Волховского фронта. О том, что прорванное кольцо окружения вновь замкнуто немецкими силами, 2-й ударной армии стало известно лишь через два дня – 30.5.

После получения этого известия генерал-лейтенант Власов потребовал от Волховского фронта открытия немецких заслонов 52-й и 59-й армиями. Кроме того, Власов передвинул все находящиеся в его распоряжении силы 2-й ударной армии в район восточнее Кречно, чтобы открыть с запада немецкий заслон. Генерал-лейтенанту Власову совершенно непонятно, почему со стороны штаба фронта не последовало всем трем армиям общего приказа о прорыве немецкого заслона. Каждая армия боролась более или менее самостоятельно.

Со стороны 2-й ударной армии 23.6 было сделано последнее напряжение сил, чтобы пробиться на восток. Одновременно для прикрытия флангов пришли в движение с севера и юга части 52-й и 59-й армий.

24.6 уже было невозможно руководство частями и подразделениями 2-й ударной армии, и 2-я ударная армия распалась на отдельные группы.

Генерал-лейтенант Власов особенно подчеркивает уничтожающее действие немецкой авиации и очень высокие потери, вызванные артиллерийским заградительным огнем. Как полагает генерал-лейтенант Власов, при прорыве из всей ударной армии вышло около 3500 раненых и пробилась незначительная часть отдельных частей.

Генерал-лейтенант Власов считает, что около 60 000 человек из 2-й ударной армии либо взяты в плен, либо уничтожены. О численности частей 52-й и 59-й армий, находившихся в Волховском котле, он сообщить данных не мог...»

В дальнейшем мы вернемся к этому разговору, опираясь на факты и хронику событий.

Следующие вопросы немецкого полковника затрагивали призывные возраста, новые формирования Красной Армии и их районы, оборонную промышленность, продовольственное положение, иностранные поставки, оперативные планы, новое советское оружие, отношение в СССР к семьям перебежчиков. Немцев интересовали даже слухи об обращении с русскими военнопленными в Германии, положение в Ленинграде. Был затронут вопрос и об известных советских военачальниках.

К сожалению немецкой стороны, а может и самого Власова, Андрей Андреевич знал не очень много. Он, безусловно, старался, но, увы, его положение в Красной армии было еще не очень значительным, чтобы много знать. К тому же он долгое время находился в окружении. И тем не менее немцы оценили его старания.

А вот разговор, по мнению автора книги «Генерал Власов: путь предательства» Юлия Квицинского, с Линдемманном не клеился. «Разложив на столе карту, Линдемманн самодовольно водил по ней пальцем, рассказывая Власову, как он его разбил и почему иначе и быть не могло. За его внешней предупредительностью, вежливостью и даже участием Власов чувствовал не только внутреннее ликование, но и надменное превосходство человека из высшего общества над генералом-простолюдином».

Георг Линдемманн был старше Власова на 17 лет (родился в 1884 г.). Когда Андрею Андреевичу было всего 3 года (1904), Линдемманн получил первый офицерский чин. Первую мировую Георг закончил с тремя орденами. В 1931 г. – он подполковник и командир полка, в 1933 г. – полковник и начальник военного училища. В 1936 г. Линдемманн был назначен командиром дивизии и произведен в генерал-майоры. В 1938 г. – он стал генерал-лейтенантом.

Линденманн воевал во Франции, за что был награжден рыцарским крестом, чуть позже он стал командиром корпуса.

В августе 1941 г. его корпус перебросили в Смоленск, а оттуда на Ленинградский участок фронта, где он прикрывал правый фланг главного удара Лееба по Пулковским высотам.

17 января 1942 г. Линдемманн был назначен командующим 18-й армией, а после Волховского сражения – 3 июля 1942 г. получил звание генерал-полковника. По мнению некоторых зарубежных историков, Г. Линдемманн был обыкновенным выскочкой, который выдвинулся при нацистах. Однако, позволю себе смелость возразить, Линдемманн был зрелым генералом и опытным военачальником. Рядом с ним Власов выглядел не только недоучившимся мальчишкой, но и чрезвычайно слабым военным руководителем.

Думаю, что Георг Линдемманн это понимал. И все же после беседы два генерала сфотографировались на память, а затем Власова отправили сначала в Летцен, а потом уже в Винницу, где находились Ставка верховного командования германской армии и лагерь военнопленных, представляющих особый интерес для Верховного штаба сухопутных сил (ОКХ). Винницкий лагерь «Проминент» находился в ведении разведотдела германской армии.

Первое время в лагере находились Власов и военнопленные полковник Боярский – бывший командир дивизии, майор Сахаров – бывший командир полка и инженер, а затем стали прибывать другие военнопленные. К концу июля их насчитывалось около 100 человек.

В Винницком лагере немцы вели работу по разложению

военнопленных и привлечению их к службе в германской армии. Хозяином здесь был начальник «Группы III» (трофейный пункт) отдела генерального штаба Иностранные войска Востока (ФХО) при ОКХ, руководимого генерал-майором Рейнхардом Геленом – полковник генерального штаба барон Алексис фон Ронне. Уроженец Курляндии, барон хорошо владел русским языком, как и все сотрудники группы – прибалтийские и русские немцы: инженеры, пасторы, адвокаты, коммерсанты, профессора, музыканты, журналисты и учителя. Люди высокообразованные, опытные. Комендантом же лагеря был пожилой немец из США, не понимавший ни слова по-русски.

По прибытии в лагерь Власов отказался выйти на поверку вместе с пленными солдатами, настаивая, чтобы поверка офицеров проводилась отдельно. И порядок поверки был изменен. Возможно, что данный факт чрезвычайно понравился немецким хозяевам, так как подобные претензии очень не походили на представителя рабоче-крестьянской Красной армии. А слова «если вы хотите таким манером завоевать и переделать мир, то вы заблуждаетесь», видимо, понравились еще больше. Даже «американский» комендант заулыбался.

Ежедневно Андрей Андреевич должен был отвечать на вопросы немецких офицеров. Их было двое, а третий унтер-офицер отстукивал на машинке протоколы.

Из показаний А.А. Власова на допросе 25 мая 1945 г.:

«Первым ко мне стал обращаться майор Сахаров, который, находясь уже на службе у немцев, предлагал мне взять в свое подчинение воинскую часть из военнопленных Красной Армии и начать борьбу против советской власти. Позже меня и полковника Боярского вызвали к себе представители разведотдела при Ставке верховного командования германской армии полковник Ронне и отдела пропаганды верховного командования капитан Штрикфельдт, которые заявили, что на стороне немцев уже воюет большое число добровольцев из советских военнопленных и нам следует также принять участие в борьбе против Красной Армии.

Я высказал Ронне и Штрикфельдту мысль, что для русских, которые хотят воевать против советской власти, нужно дать какое-то политическое обоснование их действиям, чтобы они не казались наемниками Германии. Ронне ответил, что немцы согласны создать из русских правительство, к которому перейдет власть после поражения советских войск. Я заявил Ронне, что подумаю над его предложением и позже дам ответ.

После этой беседы 10 августа 1942 г. в лагерь приехал советник

министра иностранных дел Германии Хильгер – бывший советник германского посольства в Москве, свободно владеющий русским языком, который вызвав меня к себе, спросил, согласен ли я участвовать в создаваемом русском правительстве и какие в связи с этим у меня имеются предложения.

Высказав Хильгеру мысль о том, что надо подождать конца войны, я тем не менее стал обсуждать с ним, какие территории Советского Союза следует передать Германии. Хильгер говорил, что Украина и Советская Прибалтика должны будут войти в состав Германии».

Здесь Власов несколько путает события.
«Копия

ЗАПИСКА

Содержание: о допросах военнопленных советских офицеров
2 приложения.

7 августа 1942 г. военные организации доставили мне возможность побеседовать с военнопленными советскими офицерами.

Это были:

1. Генерал Андрей Власов, командующий советской армией, уничтоженной нашими в Волховском котле.
2. Полковник Владимир Боярский, командир одной из советских дивизий, взят в плен под Харьковом 25.V.42.
3. Полковой комиссар Иосиф Кернесс, перешел на нашу сторону под Харьковом 18.VI.42.

Подробности бесед приведены ниже.

1. Генерал Власов родился в 1901 г. в Центральной России. Он производит впечатление сильной и прямой личности. Его суждения спокойны и обдуманно. По вопросу о намерении Сталина напасть на Германию Власов заявил, что такие намерения, несомненно, существовали. Концентрация войск в районе Львова указывает на то, что удар против Румынии намечался в направлении нефтяных источников. Собранные в районе Минска соединения были предназначены для того, чтобы принять на себя неизбежное контрнаступление немцев.

К немецкому наступлению Красная Армия подготовлена не была.

Несмотря на все слухи о проводимых Германией соответствующих мероприятиях, в Советском Союзе никто не верил в такую возможность. При подготовке русские имели в виду только собственное наступление, на оборонительные мероприятия не обращали внимания. Эти обстоятельства, а также „идиотское“ руководство явились причиной первых крупных поражений. Сталин считает себя великим полководцем и думает, что знает все лучше, чем другие.

Военное руководство состоит из посредственностей, среди которых Тимошенко лучше, чем другие. Ворошилов бездарен, Шапошников стар и истрепан, Мерецков безграмотен.

Генерал Власов в последний раз видел Сталина в марте на совещании в Кремле, во время которого он сделал несколько бестактных замечаний по адресу двух полководцев Красной Армии (Кирпоноса и Жукова). Однако никто не осмелился возразить ему.

В течение своей 22-летней военной карьеры генерал Власов продвигался по службе с трудом, так как окончил духовную семинарию и был принят в партию только в 1930 г. Несмотря на свое высокое положение в Красной армии, он в глубине души никогда не мог согласиться с существующей в Советском Союзе политической системой и методами ее властителей. Ход войны и сделанные Сталиным ошибки окончательно открыли ему глаза на то, что существующая система ведет страну в пропасть. Несмотря на это, Власов не допускает, что Красная Армия уже разбита, а Советское правительство в связи с потерей важных индустриальных и сельскохозяйственных областей не окажет больше никакого сопротивления. Власов, видимо, действительно убежден в том, что ни сила Красной армии, ни экономический потенциал Советского Союза еще до конца не исчерпаны. Несмотря на то что Власов знает о бедственном положении в области снабжения продовольствием и о растущей усталости населения в связи с войной, он считает, что Сталин никогда не сдастся и не будет свергнут изнутри. Проводимой Советским правительством пропаганде удалось добиться того, что каждый русский уверен в том, что Германия хочет уничтожить Россию и свести ее на положение колонии. По его мнению, сила сопротивления русского народа может быть сломлена только указанием на то, что Германия не преследует подобных целей и намерена предоставить России и Украине существование в форме протектората. На этой основе многие русские военнопленные вступают под руководством Германии в борьбу против ненавистного сталинского режима.

Для него, Власова, а также для большинства военнопленных советских

офицеров победа Германии представляет предпосылку для дальнейшего существования, в то время как со стороны Советского правительства их ожидает только смерть. Они не мечтают ни о чем другом, кроме падения Советского правительства и победы германского оружия. С другой стороны, они не могут себе представить, чтобы эта победа могла быть достигнута посредством только немецких военных сил.

В связи с этим генерал Власов и особенно полковник Боярский высказали преувеличенные представления о военных и экономических возможностях США и Англии. Это представление является прямым следствием соответствующей советской пропаганды и является показательным в смысле того, как интенсивно действует эта пропаганда даже на расположенные к критике натуры.

Чтобы добиться победы над Сталиным, нужно, по мнению обоих офицеров, ввести в бой против Красной Армии русских военнопленных. Ничего не подействует на красноармейцев более сильно, чем выступление русских соединений на стороне немецких войск. Для осуществления этого необходимо создание соответствующего русского центра, призванного для того, чтобы рассеять царящие в широких кругах и среди командования Красной Армии опасения относительно намеченных Германией целей войны, а также для того, чтобы убедить эти круги в беспечности дальнейшего сопротивления и тем самым помешать Сталину продолжать войну. На обломках Советского Союза возникнет новое русское государство, которое в тесном союзе с Германией и ее вождями будет работать над созданием нового порядка в Европе.

Я ясно сказал советским офицерам, что не разделяю их убеждений. Россия в течение ста лет являлась постоянной угрозой Германии, вне зависимости от того, было ли это при царском или при большевистском режиме.

Германия вовсе не заинтересована в возрождении русского государства на великорусской основе.

Советские офицеры возразили, что между самостоятельным русским государством и колонией имеются еще различные промежуточные решения, как, например, создание доминиона, протектората с временным или постоянным введением оккупационных войск. В настоящее время решающим является вопрос относительно того, возможно ли освободить русских от представления, будто Германия намерена превратить их страну в колонию, а их самих в рабов. Пока живы подобные опасения, сопротивление Красной Армии будет продолжаться, пока не будут исчерпаны имеющиеся в ее распоряжении средства.

На замечание, что указанные средства уже на исходе, оба офицера заявили, что Германия не имеет правильного представления о военно-экономических возможностях Урала и Сибири. Недостаток в Бакинской нефти, по их убеждению, будет возмещен добычей нефти между Уралом и Волгой, причем ее будет вполне достаточно для ведения оборонительной войны.

Генерал Власов и полковник Боярский изложили вышеприведенные соображения в меморандуме, который был представлен в мое распоряжение полковником генштаба фон Ронне.

Перевод прилагается...
Фельдмарк, 8 августа 1942 г.
ХИЛЬГЕР».

Я специально процитировал этот документ полностью. Его невозможно сократить. То, что Власов человек лукавый, человек двойных стандартов, мы еще убедимся. А пока остановимся на некоторых штрихах.

Во-первых. То, что Власов говорил о намерениях Сталина напасть на Германию, не более чем личное мнение Андрея Андреевича. Весной 45-го на допросе советскому следователю он же признавался в сообщении немцам откровенной неправды, стараясь придать себе больший вес «знанием секретной информации». Собственно, откуда мог знать такие подробности командир корпуса?

Во-вторых. Я глубоко сомневаюсь в истинных намерениях Власова в отношении использования против Красной армии русских военнопленных. Это, а также предложение о создании соответствующего русского центра не более чем торговля собой. Власов пытался заинтересовать своих хозяев, поучая министерство иностранных дел фашистской Германии. Он зарабатывал висты, совершенно не понимая, что Германия изначально воюет против России не с целью возрождения русского государства! А борьба с большевизмом – не более чем пропаганда в интересах этой власти.

В-третьих. Самое главное в вышеприведенной записке и, на мой взгляд, искреннее заявление, сделанное Власовым, выглядит следующим образом: «Для него, Власова, а также для большинства военнопленных советских офицеров победа Германии представляет предпосылку для дальнейшего существования, в то время как со стороны Советского правительства их ожидает только смерть».

Таким образом, речь идет о собственной жизни Андрея Андреевича. А так как ею он дорожит особенно, то ему ничего не остается, как работать на

немцев.

В Виннице по приказу полковника фон Ронне с Власовым встретился капитан Штрик-Штрикфельдт. Несколько слов об этом офицере германской армии.

Вильфрид Карлович родился в 1897 г. в Риге и был старше Власова всего на 4 года. В 1915 г. он окончил гимназию в Петербурге. До конца Первой мировой войны служил офицером в русской армии. С 1918 по 1920 г. участвовал в Белом движении. Затем 4 года работал по мандату Международного Красного Креста и Нансеновской службы по оказанию помощи голодающим в России.

С 1924 по 1939 г. представлял в Риге германские и английские предприятия. С 1941 г. – переводчик и офицер вермахта.

Вот так вспоминал первую встречу с русским генералом капитан Штрик-Штрикфельдт: «Власов произвел на меня положительное впечатление своей скромностью и в то же время сознанием собственного достоинства, своим умом, спокойствием и сдержанностью, а особенно той трудно определяемой чертой характера, в которой чувствовалась скрытая сила его личности. Это впечатление еще усиливалось всей его внешностью: бросающимся в глаза ростом худого широкоплечего мужчины, внимательным взглядом через толстые стекла очков, звучным басом, которым он не спеша, четко излагал свои мысли. Иногда в его словах проскальзывали нотки легкого юмора.

Он рассказал мне о своей жизни».

Вообще Андрей Андреевич очень любил поговорить, пофилософствовать. Бесспорно сказывалось и духовное образование. При этом он часто выдавал желаемое за действительное. Например, он рассказал Вильфриду, что в короткое время стал командиром полка. Но это не более чем вымысел, как и многое другое. О чем позже.

Основной стержень в этой беседе – это прозрение Власова в плену. Об этом хорошо написал Штрик-Штрикфельдт: «Первоначальное недоверие Власова рассеялось благодаря тактичному обращению с разбитым противником со стороны немецких офицеров и рыцарскому отношению его врага в боях у Волхова генерал-полковника Линдемманна. Этим подтвердилось то, во что он, в сущности, хотел верить: что немцы были не чудовищами, а людьми и, как солдаты, уважали противника...

При следующем моем посещении генерала Власова я должен был много рассказывать ему о Германии. Его интересовало все. Но прежде всего он хотел знать больше о германских целях войны. Надо сказать, что знал он уже поразительно много».

Вскоре капитан поставил решающий вопрос пленному генералу: «Не является ли борьба против Сталина делом не одних только немцев, но также, и в гораздо большей степени, делом русских и других народов Советского Союза?» Он задумался. Потом он рассказал мне о долголетней борьбе за свободу, которую вели крестьяне и рабочие, офицеры и студенты, мужчины и женщины. А мир наблюдал и молчал. Из экономических и иных корыстных побуждений с советской властью, держащейся на крови, заключались договоры и союзы. «Может ли все это ободрить народ, чтобы он взял в свои руки свою судьбу?» – спросил он.

Вопрос на вопрос – показатель сомнения. Видимо, у Власова оно еще было. С одной стороны, Власов считал: «В Советском Союзе не только народные массы, но и многие военные, даже ответственные работники, настроены хотя и не против советской системы, но против Сталина. Террор подавляет в России всякую попытку к созданию организованного движения сопротивления».

С другой стороны, он спрашивал: «И как вы представляете себе практическое участие русских в борьбе против Сталина?»

Снова вопрос на вопрос!

Штрик-Штрикфельдт: «Я сказал, что мы сами в начале похода верили в освободительную войну, в освобождение России от большевизма. Я говорил о бедственном положении военнопленных, которое, к сожалению, нам изменить не удалось. Я сказал ему и о том, что вожди национал-социалистов одержимы высокомерием; а потому слепы и не склонны разработать разумную политическую концепцию. Следствие этого, прежде всего, катастрофическое положение 50–70 млн людей в занятых областях. Позиция же германского офицерского корпуса иная».

– Что же все-таки мы можем сделать? – спросил Андрей Андреевич. – И что думает об этом ваш фюрер?

– Ну, фюрер, к сожалению, все еще окружен пораженными слепотой людьми. Но фельдмаршалы и крупные офицеры здесь, в генеральном штабе, делают что могут в сторону изменения политических целей войны и пересмотра наших отношений к русскому народу. Готовы ли вы сотрудничать с теми, кто хочет бороться против Сталина?

– Против Сталина – да! Но за что и за кого? И как?

– Сотни тысяч русских уже помогают немцам в этой войне против Сталина, многие даже с оружием в руках. Но у них нет своего лица.

– Дадут ли нам офицеры, о которых вы говорите, возможность выставить против Сталина русскую армию? Не армию наемников. Она должна получить свое задание от национального русского правительства.

Только высшая идея может оправдать выступление с оружием в руках против правительства своей страны.

В конце разговора капитан Штрик-Штрикфельдт попросил изложить свои мысли в письменной форме. При этом в своей книге «Против Сталина и Гитлера» он отметил: «Момент был благоприятный: начальник генерального штаба Гальдер ждал от Гелена возможно более полной информации, исходящей из советских офицерских кругов, о реакции в Красной Армии на только что проведенное упразднение института комиссаров».

В общем – обыкновенная работа разведки.

При разговорах с Власовым иногда присутствовал пленный полковник Владимир Ильич Боярский, который в отличие от Власова был настроен более резко антисталински.

Андрей Андреевич часто советовался с ним. В итоге, на основе соображений, обсужденных в беседах, Власов и Боярский составили и подготовили доклад в виде плана. В своих воспоминаниях Штрик-Штрикфельдт написал: «Набросок плана был хорош, но, увы, слишком многословен. Из моего опыта я уже знал, что „пруссакам“ следует все давать в сжатом, сухом изложении».

После получения указаний начальника Ронне Вильфрид Карлович добросовестно сократил и переработал доклад, который получил название меморандума. Вот выдержки из него:

«1. Правительство Сталина в связи с потрясающими военными поражениями, нанесенными немецкими войсками, а также в силу его неспособности организовать военные действия и тыл (например, голод в стране, расстройство народного хозяйства) потеряло свою популярность среди населения и особенно в армии...

2. В ведущих кругах армии и народа все яснее пробуждается сознание бесполезности и бесперспективности дальнейшего ведения войны, которое приводит лишь к уничтожению миллионов людей и разрушению материальных ценностей...

3. Офицерский корпус Советской Армии, особенно попавшие в плен офицеры, которые могут свободно обмениваться мыслями, стоят перед вопросом: каким путем может быть свергнуто правительство Сталина и создана новая Россия. Всех объединяет желание свергнуть правительство Сталина и изменить государственную форму...

4. Сталин, используя особенности России (бесконечные просторы, огромные потенциальные возможности) и патриотизм народа,

поддерживаемый террором, никогда не отступит и не пойдет на компромисс. Он станет вести войну, пока не будут исчерпаны все силы и возможности...

5. Если принять во внимание миллионное население оккупированных областей и огромное количество военнопленных и учесть их враждебное отношение к правительству Сталина, то можно допустить, что эти людские массы составят ядро внутренних сил, которые под руководством Германского правительства ускорят давно назревающее возникновение нового политического порядка в России, что должно произойти параллельно осуществляемому немцами созданию новой Европы... Исходя из вышеизложенного, мы передаем на ваше рассмотрение следующее предложение:

- Создать центр формирования русской армии и приступить к ее созданию;

- Независимо от своих военных качеств эта русская армия придаст оппозиционному движению характер законности и одним ударом устраним ряд сомнений и колебаний, существующих в оккупированных и неоккупированных областях и тормозящих дело создания нового порядка;

- Это мероприятие легализует выступление против России и устраним мысль о предательстве, тяготящую всех военнопленных, а также людей, находящихся в неоккупированных областях...

Бывший командующий 2-й армией
генерал-лейтенант Власов
Бывший командир 41-й стрелковой дивизии
полковник Боярский
Винница 8.8.1942 г.

Перевел капитан Петерсо».

После прочтения доклада полковник Ронне остался вполне доволен. Он несколько раз беседовал с Власовым и в заключение процесса вербовки сказал Штрик-Штрикфельдту: «В случае совместной работы с русскими я отдал бы генералу Андрею Андреевичу Власову предпочтение перед всеми другими».

И что бы ни говорили кураторы Власова, а потом и историки об этом предпочтении, ясно одно: в целях немецкой пропаганды фигура Власова была наиболее приемлемой и целесообразной.

Во-первых, он имел высокую должность как военнопленный генерал Красной армии, самое высокое воинское звание в плену – генерал-

лейтенант. Таких у немцев в лагерях были единицы.

Во-вторых, внешний вид: рост, заметная худощавая фигура. Народные корни и духовное образование.

В-третьих, умение говорить и говорить много, философствуя. Знание народа, народной жизни. Умение преподнести себя, умение поторговаться. Некая независимость.

На все это и было обращено внимание немецких хозяев. По их единодушному мнению, глава Русского Освободительного движения должен быть именно таким.

Несколько слов о Боярском (Баерский Владимир Гелярович).

Боярский Владимир Ильич был ровесником Власова. Поляк по национальности, он родился в 1901 г. в селе Киевской губернии. В 1922 г. окончил рабфак. В Красной армии с 1920 г. Весной 1922 г. зачислен курсантом на 4-е пехотные курсы, а в 1923-м – курсантом во 2-ю пехотную школу в Тифлисе.

В 1925 г. – слушатель высших стрелково-тактических курсов усовершенствования комсостава РККА в Москве. Затем командир роты. С декабря 1928 г. – помощник командира батальона, с октября 1929 г. – командир батальона, с января 1930-го – помощник начальника штаба полка. В июле 1930 г. – начальник штаба. Осенью 1932 г. временно исполнял должность командира полка.

С 1934 г. – слушатель Военной академии имени Фрунзе. В 1937 г. – преподаватель на курсах «Выстрел», майор.

Осенью 1938 г. приказом НКО СССР № 1621 уволен в запас, но уже весной 1939 г. призван из запаса и назначен помощником начальника штаба дивизии.

С лета 1940 г. – заместитель начальника штаба стрелкового корпуса, подполковник.

В 1941 г. – полковник, начальник оперативного отдела стрелкового корпуса.

С 26 марта – начальник штаба корпуса. 13 сентября 1941 г. назначен командиром 41-й стрелковой дивизии.

Весной 42-го дивизия была отправлена на фронт и разбита.

В плену с 25 мая, где принял псевдоним «Владимир Ильич Боярский». Приказом ГУК НКО СССР № 0627—43 г. объявлен пропавшим без вести. После меморандума его освободили из лагеря и 1 сентября назначили командиром экспериментальной части РННА в группе армий «Центр» в районе Смоленска для воплощения в жизнь идеи формирования русской армии.

А Власова 17 сентября привезли в Берлин, в так называемый «штаб» русских сотрудников отдела пропаганды Верховного командования на Викториаштрассе, 10.

Как говорится: процесс пошел!

2. РННА

Большие потери вермахта в 1941–1942 гг. заставили немецкое Верховное командование искать дополнительные пути по комплектованию своих частей «унтерменшами». Проводниками этой идеи на центральном участке Восточного фронта были генералы фон Шенкендорф, Штиф, полковник фон Штауффенберг, Алексис фон Ронне, барон Фрейтаг-Лорингхофен. Под их патронажем была осуществлена акция, получившая наименование «Русская национальная народная армия» (РННА). С русской стороны инициатива формирования этой воинской части принадлежала берлинскому эмигранту, радиоинженеру Сергею Никитичу Иванову. Используя свои связи, он предложил сформировать русскую часть для ведения антисоветской борьбы и последующего создания новой России.

Уже в марте 1942 г. Иванов, заручившись поддержкой командующего группы армий «Центр» фон Клюге, получил у него разрешение на отбор военнопленных из концлагерей, располагавшихся в тылу группы армий «Центр». Ставка Верховного командования проект утвердила. Организационная группа, состоящая из соратников Иванова, разместилась в Смоленске. В нее входили эмигранты: К.Г. Кромиади, И.К. Сахаров, И. Юнг и другие.

Кромиади (Санин) Константин Григорьевич (1893–1990). Грек. Участник Первой мировой войны в чине поручика. Гражданскую войну окончил полковником. В 20—30-е годы проживал в Берлине, работал таксистом.

В начале сентября 1941 г. приглашен работать в Министерство по делам восточных территорий. До декабря 41-го в составе комиссии министерства объезжал лагеря для военнопленных. Ввиду крайне негативной реакции на условия содержания военнопленных от работы в комиссии отстранен. В акции комендант штаба.

Сахаров (Левин) Игорь Константинович (1912–1977). Русский. В 1923 г. выехал в Берлин к отцу. В начале 30-х служил офицером в Аргентине, Уругвае и Китае, затем воевал в Испании в армии Франко. С 1940 по 1942 г. жил в Берлине. В акции заместитель Иванова.

Юнг Игорь Леонидович (1914–1971). Немец. Сын офицера царской армии. После революции выехал за границу. В конце 30-х г. вступил в НТС. Жил в Берлине.

Местом постоянной дислокации был избран поселок Осинторф, располагавшийся в 6 км от ст. Осиновка на железной дороге Орша – Смоленск в Белоруссии. Там находился поселок торфоразработчиков, до войны рассчитанный на 10 тыс. рабочих.

От немцев присутствовали обер-лейтенант Бурхардт с командой связи из 20 солдат и начальник абверкоманды-203 подполковник фон Геттинг-Зеебург.

С первой партии из 20 военнопленных началось развертывание части. Агитаторы РННА выезжали в лагеря и, выступая перед пленными, разъясняли им задачи формирования. После записи добровольцев шел отбор пригодных кандидатур. В их число не входили летчики и танкисты, считающиеся самыми надежными специалистами большевистского режима.

Кромиади сам отбирал людей для РННА и к июлю 1942 г. довел ее численность до 5 стрелковых батальонов, 1 легкой артиллерийской батареи, учебной, санитарной и транспортной частей, а также курсов усовершенствования комначсостава.

К августу 1942 г. РННА насчитывала 1500 человек и уже в июне – августе четыре раза выделяла свои подразделения для борьбы с партизанами.

Сахаров с конца мая фактически командовал оперативной группой РННА (около 300 человек) в боях против подразделений блокированного в районе Дорогобужа 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала П.А. Белова. Тот же Сахаров вместе с Ивановым в мае посещал штаблаг XIII-А в Луккенвальде под Берлином, где содержался командующий 19-й армией Западного фронта генерал-лейтенант М.Ф. Лукин, с целью убедить Лукина возглавить РННА, но тот отказался.

После этой поездки С.Н. Иванов заболел тифом и был отправлен на лечение в Берлин. Вскоре из руководства РННА были удалены все эмигранты. А «походы» против партизан негативно влияли на личный состав так называемой армии из военнопленных. Начались переходы на сторону своих. Уходили десятками и сотнями. 1 сентября 1942 г. РННА принял полковник В.И. Боярский. Начальником организационно-пропагандистского отдела штаба РННА был назначен бывший бригадный комиссар РККА Г.Н. Жиленков (17 августа, 1942). Немного о нем.

Жиленков Георгий Николаевич родился в 1910 г. в Воронеже.

Русский. Из крестьян. Член ВКП(б) с 1929 г. С 1925 по 1929 г. работал подручным слесаря и слесарем. С августа 1929 г. на комсомольской работе. С февраля 1930 г. – заведующий производственным сектором Воронежского ОК ВЛКСМ. В 1931 г. закончил индустриально-технический техникум в Москве. С октября по февраль 1934 г. – ответственный секретарь партийного комитета техникума. С февраля по июль 1938 г. – директор ФЗУ завода «Калибр», затем секретарь парткома этого завода. С января 1940 г. – 2-й секретарь Ростокинского РК ВКП(б) Москвы. 16 апреля 1939 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. В июне 1941 г. член Военного Совета 32-й армии, бригадный комиссар. 14 октября взят в плен под Вязьмой. Скрыл должность, звание и фамилию. До мая 1942 г. служил шофером в транспортной колонне 252-й пехотной дивизии вермахта под фамилией Максимов. 23 мая выдан лесником гжатского лесничества и арестован. На допросах дал правдивые показания и заявил желание бороться против советской власти. Переведен в Берлин в отдел пропаганды особого назначения, где находился до августа.

При Жиленкове и Боярском численность РННА выросла до 8000 человек. Некоторые батальоны были сведены в полки, и РННА расширилась до бригады. Жиленков организовал собственную газету «Родина» и библиотеку. Осенью 1942 г. части бригады использовались для ведения антипартизанских операций. В районе Березино проверялась боевая выучка двух батальонов, а чуть позже под Великими Луками три батальона РННА прорывали кольцо советского окружения. Все они не смогли выполнять поставленные перед ними задачи. Они были рассеяны и практически полностью уничтожены советскими частями.

В октябре 1942 г. РННА посетил генерал-фельдмаршал фон Клюге. Он приказал разоружить бригаду, переодеть в немецкую форму, разделить на отдельные батальоны и передать вермахту. Боярский с Жиленковым отказались выполнить этот приказ, за что были арестованы и отправлены в Берлин. Той же ночью 300 человек с оружием ушли в лес к партизанам. По факту неповиновения было проведено расследование, и «недоразумение» выяснилось.

Оружие бойцам вернули, а командиром бригады назначили начальника штаба РННА майора Риль.

Риль Рудольф Фридрихович (он же Кабанов Владимир Федорович). Родился в 1907 г. в Самаре. Немец. Из служащих. В 1921 г. окончил сельскую школу, в 1925 г. – семилетнюю школу. Член ВКП(б) с 1931 г. В РККА с 1928 г. – курсант полковой школы младшего комначсостава артиллерийского полка, курсант Московской артиллерийской школы. С

сентября 1933 по март 1934 г. обучался на вечернем отделении комвуза. С 1934 г. курсовой командир школы. С 1935 г. помощник командира батареи школы. В 1936 г. – старший лейтенант, слушатель Военной академии им. Фрунзе. С 1938 г. – капитан. В 1939 г. окончил академию и был назначен помощником по строевой командира полка, затем начальником штаба корпусного арtpолка. Помощник командира по строевой части. В 1940 г. – майор, начальник 1-го (оперативного) отдела артиллерийского управления УрВО. 14 сентября 1941 г. – начальник оперативного отделения артиллерийского управления 22-й армии Западного фронта в соответствии с приказом по армии № 0116. В плену с осени 1941 г. С конца года – сотрудник одного из подразделений абвера в Витебске.

Но уже в ноябре на сторону партизан перешло около 600 человек. Риль был отстранен от должности и арестован. Так перестала существовать РННА. Эксперимент не удался.

Личный состав переодели в немецкую форму и переформировали в 700-й добровольческий полк. Сначала он участвовал в боях с партизанами в районе Шклова и Могилева, а в 1943 г. был перебросен во Францию.

3. Власов в Берлине

В конце августа 1942 г. капитан Штрик-Штрикфельдт приехал в Берлин:

«Так называемый штаб русских сотрудников отдела Военной пропаганды (ВПр) ОКВ находился на Виктория штрассе 10, в помещениях отдела, но за замками и запорами. Решетки на окнах, убогие деревянные топчаны, на них мешки с соломой. Запрет выхода в город. Вечером запирались и двери комнат. Я был потрясен: значит, даже ОКВ в Берлине не смог добиться для своих работников ничего лучшего. Скучную еду приносили ежедневно из какой-то столовой на Потсдамер-плац, а солдаты из охраны часто добавляли кое-что из собственного пайка. Чтобы несколько улучшить питание русских. Они считали, что тот, кто работает с нами, должен быть, по крайней мере, сыт. Не были ли они лучшими политиками, чем их высокое начальство?

Старший лейтенант Дюрксен дружественно встретил меня. Моим непосредственным начальником стал капитан Гроте. Начальником отделения ВПр/IV, к которому принадлежали Гроте и Дюрксен, а теперь и я, был полковник Марти».

Капитан Николай фон Гроте происходил из балтийских немцев. По профессии журналист, он с началом войны стал сотрудником отдела армейской пропаганды (ВПр).

Старший лейтенант Дюрксен был чистокровным немцем. Именно он по приказанию отдела пропаганды ОКВ был командирован в ОКХ с целью уговорить Власова подписать листовку, которую Гроте должен был размножить и организовать ее «распространение» за линией фронта. Идея была такова, что если эта листовка увеличит число перебежчиков, то, значит, ОКХ и отдел пропаганды не зря едят свой хлеб. Эта листовка и стала для Власова дорогой в Берлин.

Еще до приезда Дюрксена полковник фон Ронне спрашивал Власова:

– Готовы ли вы подписать обращение к Красной армии, призывающее солдат прекратить сопротивление и переходить на германскую сторону?

Сначала Андрей Андреевич категорически отказался. Но это диктовала не его совесть. Это был трезвый расчет. Ведь был уже меморандум – первый шаг.

А Ронне продолжал упрашивать Власова:

– Вы поймите, без явных успехов трудно заставить начальство согласиться на следующий шаг. Этот явный успех в глазах высшего командования был бы очевиден из роста числа перебежчиков после вашего призыва к красноармейцам.

– Они будут переходить и без моего призыва нарушить свой долг, – немного помолчав, заметил Власов.

Возможно, Власов боялся продешевить. Ему все же не хотелось быть на уровне простой уличной проститутки. Нужно было поломаться.

После Ронне к уговорам Власова приступил Штрик-Штрикфельдт:

– Генерал, ваше обращение нужно нам, чтобы доказать политикам, что офицеры и солдаты Красной армии готовы слушать вас и следовать за вами, как за русским и патриотом. Когда они это поймут, мы приблизимся к нашей цели. А до тех пор, дорогой Андрей Андреевич, нам не остается ничего иного, как идти тернистым путем борьбы против Сталина и против...

– Против этих слепых идиотов вокруг Гитлера.

– Совершенно верно!

– Здесь все совсем иначе, чем в Москве! Вы берете на себя ответственность и действуете по вашей совести. Такое у нас невысказано. Малейший намек диктатора – и все падают ниц.

– Так вы поможете нам? – спросил Вильфрид Карлович.

Власов попросил сутки на размышление, и первая листовка появилась.

Текст был составлен Боярским и дополнен Власовым.

Штрик-Штрикфельдт вспоминал: «В своем заношенном обмундировании военнопленных с большими буквами „SU“ на спине русские „сотрудники“ ОКВ могли выходить в город лишь строем в сопровождении конвоя. Власов отказался участвовать в этих „прогулках“ для увеселения гуляющих в Тиргартене берлинцев. Он оставался в своей комнате.

Время от времени этих „сотрудников“ привлекали некоторые министерства для консультаций, в качестве знатоков по различным специальным вопросам (например, по сельскому хозяйству). Из этого сама собой возникла необходимость в ослаблении их изоляции. Мы решили, прежде всего, добыть гражданскую одежду и улучшить общие условия жизни и работы пленных».

Здесь на Викториа штрассе Власов знакомится с Мелентием Александровичем Зыковым. По словам самого Зыкова, ему тогда было 40 лет. О своем прошлом он рассказывал достаточно много. Но всегда по-разному. Сначала он представлялся как Мелентий Евлампиевич, а чуть позже вдруг стал Мелентием Александровичем.

Во время Гражданской войны Зыков якобы был комиссаром, что на самом деле вызывает большие сомнения. После Гражданской он работал литературным критиком, преподавал в Москве в институте имени Герцена и публиковал статьи о русской литературе XVIII века. Он же говорил, что в качестве журналиста сотрудничал в «Известиях» при Бухарине. А став зятем наркома просвещения А.С. Бубнова, Зыков сблизился с Николаем Ивановичем Бухариным, став марксистом до мозга костей.

По словам Зыкова, Сталина он ненавидит за тот еврейский погром, который Сталин учинил в ЦК ВКП(б), в НКВД и в правительстве. После ареста и расстрела Бухарина Зыков сам загремел в лагерь. Лишь война спасла его. Он попросился на фронт и вскоре стал батальонным комиссаром. Мало что известно и о том, как Зыков попал в плен к немцам. Вроде бы он сдался под Батайском Ростовской области в 1942 г.

В плену он успел написать меморандум о политическом аспекте военных действий и его якобы заметил сам Геббельс.

Мелентия Александровича выдавали типично еврейские черты лица и упорное нежелание пользоваться общей баней. Он очень много говорил, и, по воспоминаниям участников «Власовского движения», относиться к его словам с абсолютным доверием было нельзя, потому что неизвестно, что придумывал про себя сам Зыков, а что напутали авторы воспоминаний. Однако все были убеждены, что он – еврей. По одним данным его

настоящая фамилия – Мосивич, по другим – Вольпе (известный литературный критик).

И тем не менее личность Зыкова до сих пор остается таинственной.

По мнению Штрик-Штрикфельдта, он был человеком подкупающего ума и исключительно обширных знаний. Однажды Власов спросил:

– Сумеем ли мы сохранить Зыкова в штабе, поскольку он, видимо, еврей?

– За безопасность Зыкова поручился Гроте, которому подчиняется «штаб русских сотрудников». Но когда будет сформировано наше собственное русское воинское соединение и начальником станете вы, то нам вместе придется отстаивать Зыкова, – ответил Вильфрид Карлович.

– Зыков – единственный из всех, встреченных здесь мною до сих пор; второго Зыкова мы так легко не найдем. Да и в Советском Союзе мало людей такого калибра – всех их отправил на тот свет товарищ Сталин.

4. Штаб Власова

Приступая к созданию так называемого «своего штаба», Власов вместе со Штрик-Штрикфельдтом посетили ряд лагерей военнопленных в ближайших окрестностях Берлина.

Вильфрид Карлович вспоминал:

«При наших посещениях лагерей военнопленных мы видели, что настроение было подавленное. Советские генералы в большинстве своем становились просоветскими, вернее, стали думать в отчетливо национально-русских категориях. Во всяком случае, враждебность к немцам росла. Разочарованы и озлоблены были и те офицеры, которые, попав в плен, еще год назад были готовы бороться против коммунистической диктатуры на стороне немцев...

Власов ездил из лагеря в лагерь и спрашивал, спрашивал. Лишь немногие генералы сами узнавали Власова. Остальным он скромно называл свое имя. Свои разговоры с пленными товарищами он обычно начинал со слов о долге помочь, по добровольному решению, страдающим соотечественникам. При этом он подчеркивал, что это служение народу становится тем более высшим долгом бывших советских штаб-офицеров, что национал-социалисты следят за всем с недоверием и стараются подавить каждое проявление этого осознанного долга. В такой тяжелой обстановке надо помогать друг другу и быть примером. Это были простые и в то же время необычные слова, и они производили впечатление».

В Берлинском лагере, так называемом «штабе Власова», при отделе пропаганды состоялось знакомство Власова с генералом Малышкиным, который пошел на сотрудничество якобы после заверений Власова, что он не получает от немцев никаких субсидий:

– Я – русский, один из миллионов пленных. Я не изменник, что бы Сталин ни говорил о военнопленных. Я люблю свой народ и хочу ему служить. Я могу это делать, только выступая за свободу и благополучие каждого. Пока что я больше ничего не могу. Я могу достичь каких-то успехов в борьбе за улучшение положения в лагерях военнопленных, если я твердо встану на защиту свободы и человеческого достоинства русского человека. Я не немецкий наемник! Многие немецкие офицеры искренне хотят помочь русским людям. Они предложили мне поддержку. Я решился сотрудничать с ними. Будущее покажет, что надо делать дальше.

Итак, **Малышкин Василий Федорович**, родился в 1896 г., русский, из служащих. С 1908 по 1916 г. учился в гимназии. В 1916 г. рядовой запасного пехотного полка. В 1917 г. учился в Чугуевском военном училище. Прапорщик. Участник Гражданской войны. В 1918 г. дважды ранен. Награжден орденами Красного Знамени и «Знак Почета». Член ВКП(б) с 1919 г. В РККА – с апреля 1918 г.

Командир роты, батальона и помощник командира полка. До 1924 г. командир ряда стрелковых полков. Учился в Военной академии РККА, по окончании которой был назначен начальником штаба дивизии в Могилеве. В октябре 1930 г. – начальник штаба курсов усовершенствования комсостава «Выстрел».

С ноября 1931 г. – начальник сектора управлений военно-учебных заведений. С декабря 1933 г. – начальник пехотной школы в Киеве. В мае 1935 г. назначен военным комиссаром и командиром 99-й стрелковой дивизии.

С декабря 1936 г. – заместитель начальника штаба ЗабВО. С августа 1937 г. – начальник штаба 57-го особого корпуса в Улан-Удэ.

9 августа 1938 г. арестован как «враг народа». На следствии признал себя виновным, но на заседании суда от своих показаний отказался. Реабилитирован в декабре 1939 г. и назначен старшим преподавателем в Академию Генерального штаба. С 12 июля 1941 г. комбриг Малышки – начальник штаба 19-й армии Западного фронта. В октябре 41-го ему было присвоено звание «генерал-майор». 24 октября в окружении под Вязьмой, во время ночевки у костра, взят в плен. В этот момент был одет в гражданскую одежду и представился рядовым. В лагере военнопленных под Вязьмой он был опознан и выдан одним из сотрудников штаба.

Находился в лагерях под Смоленском, в Фюрстенберге на Одере. В плену голодал, перенес дизентерию и тиф, испытал на себе жестокое обращение немцев.

Работать с Власовым согласился и генерал Благовещенский.

Благовещенский Иван Алексеевич родился в 1893 г., русский, из семьи священника. В 1914 г. окончил Виленское пехотное училище. Участвовал в Первой мировой – штабс-капитан. Участник Гражданской войны. Член ВКП(б) с 1921 г. В РККА – с 1918 г.

В 1924–1926 г. – помощник начальника курса Военно-морского училища им. Фрунзе. С 1926 г. – начальник курса. С 1929 г. – начальник строевого отдела Военно-морского училища им. Дзержинского. С 1931 г. – преподаватель Военно-морского училища связи. В мае 1934 г. окончил вечернее отделение ВАФ. 2 декабря 1935 г. присвоено звание «майор». С 1936 г. – начальник штаба Южно-Кавказского УРа Черноморского флота, с 1938 г. – начальник курсов усовершенствования командного состава запаса Черноморского флота. 4 марта 1938 г. присвоено звание «полковник». 10 июня 1939 г. награжден орденом Красного Знамени, а 3 ноября присвоено воинское звание – «комбриг».

С 1939 по 1940 г. – начальник учебно-строевого отдела штаба учебного отряда подводного плавания в Ленинградском ВМУ им. Кирова. В 1940–1941 гг. – начальник курсов подготовки начсостава. В апреле 1941 г. назначен начальником училища ПВО ВМФ в Либаве. 21 мая присвоено воинское звание «генерал-майор береговой службы». В конце июня – начальник обороны северо-восточного участка блокированной Либавы.

6 июля при попытке выйти из окружения взят в плен. Доставлен в Шяуляй, а затем этапирован в Тильзитский лагерь военнопленных. С конца июля содержался в Офлаге XIII-D в Хаммельбурге. Пошел на сотрудничество с немцами добровольно. Подписал обращение к германскому командованию о создании боевых частей из военнопленных. В ноябре 1941 г. вступил в «Русскую трудовую народную партию» и впоследствии являлся членом комитета этой организации и председателем партийного суда.

25 мая 1945 г. следователь спросил Власова:

«Стало быть, вы вступили на путь вооруженной борьбы против советской власти?»

Власов: Да, по предложению Штрикфельдта я написал антисоветскую листовку, в которой указал, что война проиграна Россией из-за неумелого руководства со стороны Советского правительства, которое не способно

руководить страной, и призывал русский народ свергнуть это правительство. В октябре 1942 г. немцы предложили мне выехать в Берлин.

Следователь: Для чего?

Власов: Для того, чтобы иметь возможность встретиться с находившимися в плену генералами Красной Армии и использовать их для антисоветской работы, о чем в свое время я просил Хильгера. В Берлине я был помещен в лагерь при отделе пропаганды вооруженных сил Германии. В этом же лагере находились генералы Малышкин и Благовещенский, а также бывший сотрудник редакции газеты „Известия“ – Зыков.

Им я рассказал о своем намерении начать борьбу против большевиков. Создать русское национальное правительство и приступить к формированию добровольческой армии для ведения вооруженной борьбы с Советской властью.

Малышкин, Благовещенский и Зыков поддержали меня и высказали свою готовность принять участие в борьбе против Советской власти, причем Зыков заявил, что он уже ведет антисоветскую работу, сотрудничая в издаваемой немцами для советских военнопленных газете „Заря“...»

В декабре 1942 г. капитан Штрик-Штрикфельдт организовал встречу Власова в отделе пропаганды с генерал-лейтенантом Понеделиным – бывшим командующим 12-й армией. На предложение Власова принять участие в работе по созданию русской добровольческой армии Понеделин наотрез отказался. Он заявил, что немцы только обещают сформировать русские части, а на самом же деле им нужно только имя, которое они могли бы использовать в целях пропаганды.

Следующая встреча была с генерал-майором Снеговым – бывшим командиром 8-го стрелкового корпуса. Он также отказался, но по другим мотивам. Снегов боялся за судьбу своих родственников, проживающих в Советском Союзе.

Была и еще одна встреча. Штрик-Штрикфельдт отвез Власова в один из лагерей под Берлином, где Власов встретился с генерал-лейтенантом Лукиным – бывшим командующим 19-й армией, у которого после ранения была ампутирована нога и не действовала правая рука.

Власов рассказывал следователю: «В присутствии немцев Лукин высказался враждебно по отношению к Советскому правительству, однако после того, как я изложил ему цель своего приезда, он наедине со мной сказал, что немцам не верит, служить у них не будет, и мое предложение не принял».

А вот как описывал встречу Власова с Лукиным Штрик-Штрикфельдт:

«...генерал Лукин, человек сильного характера и большого обаяния, тот самый Лукин, жизнь которого в 1941 г. была спасена благодаря личному вмешательству фельдмаршала фон Бока. Тогда Лукин соглашался, несмотря на потерю ноги, принять командование крупным соединением в борьбе против Сталина? но в результате плена и наблюдения над политикой нацистов Лукин стал крайне недоверчив. Он не верил в желание германского правительства освободить народы России.

– Вы, Власов, признаны ли вы официально Гитлером? И даны ли вам гарантии, что Гитлер признает и будет соблюдать исторические границы России?

Власову пришлось дать отрицательный ответ.

– Вот видите! – сказал Лукин, – без таких гарантий я не могу сотрудничать с вами. Из моего опыта в немецком плену я не верю, что у немцев есть хоть малейшее желание освободить русский народ. Я не верю, что они изменят свою политику. А отсюда, Власов, всякое сотрудничество с немцами будет служить на пользу Германии, а не нашей Родине...»

5. НТС

В отделе пропаганды ОКВ служил некий Александр Степанович Казанцев, член русской эмигрантской организации НТС (Национально-трудовой союз).

Сразу же после приезда Власова в Берлин он был введен в его окружение. Нет, это не было случайностью. Казанцев считался одним из идеологов этого эмигрантского союза, который продолжал быть политически активным. История НТС такова. В 1929 г. Национальный союз русской молодежи в Болгарии и Союз русской национальной молодежи в Югославии объединились в Национальный союз русской молодежи за рубежом.

Официальное зарождение новой организации состоялось на съезде молодежных групп из Югославии, Франции и Болгарии, проходившем с 1 по 5 июля 1930 г. в Белграде.

Ее активным участником стала русская молодежь, родившаяся после 1885 г., чьи родители были добровольцами Белого движения. Причиной создания организации считается желание белой молодежи избавиться от ошибок, допущенных Белым движением, а потом и РОВС, который призывал дожидаться большой европейской войны и беречь кадры для того, чтобы в решающий момент в нее вмешаться.

Новая организация призывала не ждать, а нелегально пересекать границу СССР, изучать быт населения, зондировать почву на предмет реальности «национальной революции». С 1933 по 1936 г. призывы к убийству политических лидеров Советского Союза считались благим делом.

В декабре 1931 г. на съезде название организации было изменено на Национальный союз нового поколения – НСНП, а через пять лет – на Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП). (В 1939 г. из названия организации были удалены два последних слова.)

С 1932 г. в Софии стала выходить газета НТС «За Россию», а с 1935 г. – «За новую Россию». С 1935 г. НТС стал выпускать литературу, поясняющую цели организации и ее идеологию.

Председателем союза и совета стал герцог С.Н. Лейхтенбергский. Исполнительное бюро в составе двух членов возглавил (председатель) В.М. Байдалаков. В 1936 г. главой идеологического сектора НТС стал К.Д. Вергун, который организовал среди членов небольшие группы для дальнейшего уточнения и развития программы.

Для членов НТС издавались воспитательные и разъяснительные пособия.

НТС отказывался вступать в полемику с эмиграцией относительно будущего русского правительства; спор этот вращался вокруг вопроса, будет ли новый строй в России монархическим или республиканским. НТС, считая, что это не имеет отношения к существу дела, не собирался углубляться в подробности методов борьбы против советского режима. Тем не менее с 1931 г. организация стала уделять внимание боевой антисоветской работе, опираясь на помощь старших коллег из общевойскового союза и Братства русской Правды.

К концу 30-х годов в НТС насчитывалось не менее двух тысяч членов. Их конспиративная работа курировалась спецслужбами Польши, Германии, Японии. Предпринимались попытки создания подпольной сети НТС в СССР. Агенты и агентурные группы НТС тайно переходили границу Советского Союза в Прибалтике, Польше и на Дальнем Востоке. При этом, по некоторым свидетельствам, погибал каждый второй член этой организации.

Во время Гражданской войны в Испании НТС помогал «белым» испанцам, а во время финской войны его члены сражались в рядах финской армии против советских войск. Противостояние коммунизму и неприятие марксистской идеологии привело НТС к сочувствию германскому национал-социализму. В связи с этим в 1936 г. секретарь Белградской

секции НТС М.А. Георгиевский ездил в Берлин, чтобы выяснить возможности для объединения с нацистскими властями. Но так как, по мнению руководства НТС, нацисты были слишком негибкими из-за своей расистской теории, то никакого тесного сотрудничества не получилось. Тем не менее в 1938 г. в Берлине состоялись тайные переговоры между руководителями НТС и представителями немецкой разведки о возможности сотрудничества в предстоящей войне против СССР.

В меморандуме, выработанном на консультациях, говорилось, что в случае столкновения с Советским Союзом немцам необходимо искать союза с народом против Сталина, что попытка поработить народ приведет к трагедии. В августе 1938 г. исполнительное бюро союза приостановило деятельность отдела в рейхе. И до начала войны между СССР и Германией НТС ушел в подполье. Официально нацисты закрыли все эмигрантские учреждения.

22 февраля 1939 г., выступая в русском доме Белграда на общественном собрании русской диаспоры, председатель НТС В.М. Байдалаков четко изложил свои позиции в назревающей войне в Европе: «На вопрос совести „с кем ты?“ может быть только один ответ: ни со Сталиным, ни с иноземными завоевателями, а со всем русским народом... Никто не отрицает, что борьба на два фронта – с завоевателями извне и с тиранией изнутри – будет весьма тяжелой... Но не мы создаем внешние события... Этот путь избрал Союз, и мы утверждаем, что он единственно правильный... Россию спасет русская сила на русской земле, на каждом из нас лежит обязанность посвятить себя делу создания этой силы...»

Но, видимо, это были только слова.

В сентябре 1941 г. в Югославии русская молодежь откликнулась на призыв генерал-майора М.Ф. Скородумова и стала записываться в Русский Корпус, но исполнительное бюро НТС запретило членам союза вступать в него, так как не было уверенности в том, что корпус попадет на Восточный фронт. А незадолго до этого, в мае месяце, в штаб союза в Белграде прибыл редактор берлинской русской газеты «Новое слово» В.М. Деспотули.

На встрече с руководством им от лица здравомыслящих немецких кругов было предложено НТС негласное сотрудничество «в деле решения русского вопроса».

Вскоре центр союза перебрался в Берлин. С 1942 г. в Берлин стала поступать информация о событиях в России и о положении там членов НТС. По мнению члена союза К. Вергуна, члены НТС в России немцам не только не нужны, но и вредны, а вести от членов Союза ужасны и неописуемы. С началом войны с Советским Союзом одними из первых

прибывших на оккупированную территорию были Г.С. Околович и В.В. Брандт – член Совета НТС в Польском отделе и бывший главный редактор варшавской русской газеты «Меч».

В Смоленске их приняли на службу в отдел социальной помощи городской управы. В своей работе солидаристы столкнулись с постоянной угрозой со стороны гестапо, настороженностью и недоверием со стороны местного населения.

В Брянск выехала группа В. Кашникова. Члены группы поступили на работу: один – заведующим городской столовой, другой – городским хозяйством. Сам Кашников стал переводчиком в городской управе и одновременно конферансье в городском театре. Именно работа в театре позволила Кашникову с разрешения местного коменданта проникнуть в лагерь военнопленных для отбора актеров для труппы.

Одним из направлений деятельности НТС стала работа в лагерях военнопленных и специальных лагерях.

Другим – создание ячеек НТС на всей оккупированной территории. Но главную роль НТС сыграл в идеологическом оформлении власовского движения.

6. «Русский центр Власова»

Прошли месяцы, прежде чем Штрик-Штрикфельдту и его начальникам удалось приступить к созданию «русского центра генерала Власова». Был создан «Отдел Восточной пропаганды особого назначения». Его начальником был назначен Вильфрид Карлович.

Отдел приравняли к батальону. Первоначальный штат предполагался на 40–50 человек, но Штрик-Штрикфельдт попросил разрешение на 1200 человек. Начальник отдела ВПр/IV полковник Мартин скрипя сердце подписал бумагу. Отделу Восточной пропаганды особого назначения в конце концов был выделен барачный лагерь неподалеку от деревушки Дабендорф, к югу от Берлина. Раньше он использовался для французских военнопленных и был подчинен командующему 3-м военным округом (Берлин).

Дабендорф был подчинен: в области управления – 3-му военному округу (Берлин); в части заданий – Отделу пропаганды ОКВ (ВПр/IV); ФХО (Гелену) и «генералу добровольческих частей» (сперва генералу Гельмиху, потом генералу Кестрингу).

Лагерь Дабендорф, расположенный на опушке леса (с траншеями на

случай воздушной бомбардировки), был маленьким барачным городком с собственным снабжением. Бюджет по русскому персоналу включал: содержание восьми генералов, 60 старших офицеров и нескольких сотен младших. Соглашение с Отделом Иностранные армии Востока предусматривало размещение русского персонала при ста фронтовых дивизиях и специальных частях, а также назначение русского связного персонала при комендатурах лагерей военнопленных, находившихся в ведении ОКВ, в прифронтовой полосе и в Германии. В целом штатное расписание в будущем должно было охватить 3600 плановых офицерских должностей.

По немецкому личному составу штат включал двадцать одну офицерскую должность.

После этого Власов и его сотрудники, а также и весь редакционный штаб с Викториаштрассе были формально освобождены из плена и переведены на бюджет Дабендорфа. А в нем разместилась русская редакция, которая готовила регулярные выпуски обеих русских газет – «Заря» (для военнопленных) и «Доброволец» (для добровольцев и «хиви» – «вспомогательный персонал»).

А что было дальше? Об этом Власов рассказал на допросе советскому следователю: «В декабре 1942 г. я поставил перед Штрикфельдтом вопрос о передаче под мое командование всех сформированных русских частей и объединении их в армию. Штрикфельдт ответил, что передача мне всей работы по формированию русских частей задерживается из-за отсутствия русского политического центра. Украинцы, белорусы, кавказцы, как заявил Штрикфельдт, имеют в Германии свои руководящие политические организации и в связи с этим получили возможность формировать свои национальные части, а поэтому и я, если хочу добиться успеха в своем начинании, должен прежде создать какой-то русский политический центр. Понимая серьезность доводов, выдвигаемых Штрикфельдтом, я обсудил этот вопрос с Малышкиным и Зыковым, и при участии Штрикфельдта мы выпустили от себя документ, в котором объявили о создании „Русского комитета“».

Все дело в том, что план деятельности «Русского освободительного комитета в Смоленске» родился в недрах Отдела Генерального штаба «Иностранные войска Востока» (ФХО). В августе 1942 г. штаб группы армий «Центр» одобрил этот план. По соглашению между отделами ФХО и ОКВ/ВПр воззвание комитета должно было быть отпечатано и сброшено на Сталинградском фронте в количестве миллиона экземпляров. В воззвании предполагалось ясно наметить политические цели. Прошло время, но

ничего не было сделано. В свое время получивший разрешение на издание листовки с 13-ю пунктами, включавшими политическую программу, капитан фон Гроте все же подготовил такой документ. Публикация его также не состоялась.

Тем не менее Штрик-Штрикфельдт его передал Власову. Зыков переработал все 13 пунктов, внося туда призыв к населению, а Вильфрид Карлович добился разрешения на публикацию через своего знакомого военного врача частей СС у министра по делам Востока Розенберга. Уже через несколько часов ротационные машины отпечатали несколько миллионов листовок со «Смоленским воззванием», в котором говорилось:

«Друзья и братья!

Сталинизм – враг русского народа. Неисчислимы бедствия принес он нашей Родине и, наконец, вовлек русский народ в кровавую войну за чужие интересы. Эта война принесла нашему Отечеству невиданные страдания. Миллионы русских людей уже заплатили своей жизнью за преступное стремление Сталина к господству над миром, за сверхприбыли англо-американских капиталистов. Миллионы русских людей искалечены и навсегда потеряли трудоспособность. Женщины, старики и дети гибнут от холода, голода и непосильного труда. Сотни русских городов и тысячи сел разрушены, взорваны и сожжены по приказу Сталина.

История нашей Родины не знает таких поражений, какие были уделом Красной Армии в этой войне. Несмотря на самоотверженность бойцов и командиров, несмотря на храбрость и жертвенность русского народа, проигрывалось сражение за сражением. Виной этому – гнилость всей большевистской системы, бездарность Сталина и его главного штаба.

Сейчас, когда большевизм оказался неспособным организовать оборону страны, Сталин и его клика продолжают с помощью террора и лживой пропаганды гнать людей на гибель, желая ценою крови русского народа удержаться у власти хотя бы некоторое время.

Союзники Сталина – английские и американские капиталисты – предали русский народ. Стремясь использовать большевизм для овладения природными богатствами нашей Родины, эти плутократы не только спасают свою шкуру ценою жизней миллионов русских людей, но и заключили со Сталиным тайные кабальные договоры.

В то же время Германия ведет войну не против русского народа и его Родины, а лишь против большевизма. Германия не посягает на жизненное пространство русского народа и его национально-политическую свободу.

Национал-социалистическая Германия Адольфа Гитлера ставит своей

задачей организацию Новой Европы без большевиков и капиталистов, в которой каждому народу будет обеспечено почетное место».

Закручено лихо, но самое главное – написано нагло, очень нагло.

Это был третий шаг генерала Власова. Он подписался под этим воззванием. В 45-м следователь спросил Власова:

«Вам предъявляется обращение „Русского комитета“, датированное 27 декабря 1942 г. Об этом документе вы говорите?»

Власов: Да, речь идет об этом документе.

Следователь: Почему в написанном вами обращении указывалось, что местом пребывания „Русского комитета“ являлся город Смоленск, в то время как вы находились в Берлине?

Власов: С связи с тем что „Русский комитет“ брал на себя функции правительства России, я и Малышкин считали политически невыгодным указывать, что „комитет“ находится на германской территории».

После воззвания Власов посетил Дабендорф, где были открыты курсы по подготовке пропагандистов для работы среди военнопленных.

Русским руководителем учебной части Власов назначил сперва генерала Благовещенского, но вскоре заменил его более энергичным Трухиным.

Иван Алексеевич Трухин родился в 1896 г., в Костроме, из дворян, русский. В 1906 г. закончил начальную школу, в 1914 г. – 2-ю костромскую гимназию, в 1916 г. – первые два курса юридического факультета МГУ и 2-ю Московскую школу прапорщиков. Беспартийный. В РККА – с 1918 г. Участник Гражданской войны: командир отделения, командир роты. С июля 1920 г. – командир батальона, а в октябре назначен командиром стрелкового полка. С января 1921 г. снова командир батальона, затем отпуск по болезни. С августа 1921 г. – командир роты на Костромских пехотных курсах. В сентябре 1922 г. зачислен слушателем в ВАФ. В 1924 г. награжден орденом Красного Знамени. По окончании ВАФ в августе 1925 г. назначен начальником штаба и исполняющим должность командира 133-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии УВО. С сентября 1926 г. – начальник штаба 7-й стрелковой дивизии. В январе 1931 г. назначен начальником штаба 12-го стрелкового корпуса ПриВО. С февраля 1932 г. преподаватель в ВАФ, а с апреля 1934 г. – начальник кафедры методики боевой подготовки. В 1935 г. – полковник. В октябре 1936 г. – слушатель АГС. В октябре 1937 г. – старший руководитель курса, с ноября 1939 г. – старший преподаватель кафедры оперативного искусства. В 1940 г. ему присвоено воинское звание «генерал-майор». С августа – заместитель

начальника 2-го отдела Управления боевой подготовки РККА.

28 января 1941 г. – начальник оперативного отдела и заместитель начальника штаба ПриБОВО, с 28 июня – заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта. 27 июня ранен и захвачен в плен. 30 июня доставлен в сборный лагерь в Шталуленен, а затем в Офлаг XIII-D в Хаммельбург. В октябре дал письменное согласие на борьбу с советской властью, вступил в РТНП...

Вместе с Трухиным в Дабендорф прибыли и представители НТС.

Началась совместная работа эмигрантов с бывшими советскими гражданами.

А тем временем в Восточной Пруссии в Летцене было организовано учреждение генерала Восточных войск, подчиненного ОКХ. Так в рамках «германской организации» немцы попытались охватить всех «хиви» и добровольцев.

Генералом Восточных войск по просьбе полковника Ронне был назначен генерал-майор Гельмих. Теперь все русские, украинцы, прибалтийцы, кавказцы и другие народы, находящиеся на службе у немцев, стали считаться «восточными».

Генерал Гельмих, как и большинство его офицеров, не говорил по-русски. Более того, он совершенно ничего не знал об этом народе. Не понимал он и Власова.

При первой встрече с этим генералом Власов просил о выделении русских подразделений из немецких воинских частей и быстром сведении в национальные русские дивизии.

Убеждая Гельмиха, Власов говорил:

– Это то, что, может быть, еще сможет нанести Сталину смертельный удар!

Немецкий генерал соглашался на изменение наименования «восточные войска» на «добровольцы», но при этом подчеркнул, что подчинение добровольцев русскому главному командованию – дело политики.

– Тут решают политики, – говорил он. – И я ничего не могу сделать. Моя задача – сперва учесть всех добровольцев, а затем заботиться о том, чтобы они, как каждый германский солдат, получали свое жалование и были приравнены в правах к немецким военнослужащим.

– И когда вы думаете закончить учет и снаряжение всех добровольцев? – спросил Власов.

– Несмотря на все мои усилия, я пока не могу получить от командиров немецких частей достоверных цифр об имеющихся у них «хиви».

Пополнения из Германии в данное время практически прекратились, и

каждый немецкий командир боялся ослабления своей части, если у него отберут «хиви».

Разговор был окончен. О нем Гельмих подробно доложил в ОКХ, где получил следующий ответ: Власов должен пока что ограничиваться ролью «пропагандной фигуры для солдат Красной Армии».

После официального признания «добровольцев» встал вопрос о формулировке присяги. По утверждению Штрик-Штрикфельдта: «Русские и добровольцы других национальностей, по нашему мнению, не должны были, да и не хотели присягать Третьему рейху. Сошлись на том, что присяга должна приноситься своему „свободному народу и Родине“. Но Розенберг требовал одновременно и присяги на верность Гитлеру. Русские спрашивали: „Почему такое требование не ставится румынам, итальянцам, венграм и другим союзникам?“

В конце концов, более гибкие русские при поддержке Гроте нашли „переходную формулировку“, как они ее называли, отвечавшую требованиям обеих сторон: русские должны были присягать на верность русскому народу (другие национальности – соответственно своим народам). В то же время все добровольцы скрепляли присягой подчинение „Гитлеру как верховному главнокомандующему всех антибольшевистских вооруженных сил“.

Само собой разумеется, не все могли примириться и с такой формулировкой, и многие русские офицеры из лагеря Дабендорф предпочли возвратиться в лагеря военнопленных».

Многие, но не Власов и его сподвижники. Хотя, с другой стороны, куда же ему возвращаться, ведь так много уже было им сделано на службе фашистской Германии. Дорога у предателя одна.

7. Поездки на фронт и запрет

После получения согласия от фельдмаршала фон Клюге Власова стали готовить к поездке на средний участок фронта. Инициатором этой акции стало Восточное министерство. Удивительно, но только теперь, после воззвания «Русского комитета» и поражения Германии под Сталинградом, особенно резко встал вопрос об укреплении фронта и обеспечении безопасности тыла. Для сопровождения Власова выделили офицера штаба генерала фон Шенкендорфа, подполковника Шубута и капитана Петерсона.

Итак, Белосток – Минск – Смоленск. Подготовку поездки взял на себя отдел пропаганды штаба группы армий «Центр», возглавляемый майором

Костом. Майор даже добился разрешения в штабе группы, чтобы Власову была предоставлена радиостанция в Бобруйске для обращения к населению. Но ОКВ запретило это радиообращение. Тем не менее руководитель радиостанции объявил, что в данный момент в радиостудии находится почетный гость: «Генерал Власов совершает инспекционную поездку по освобожденным областям и передает свои лучшие пожелания всем искренним русским патриотам...»

А вот как об этой поездке рассказывал следователю Власов:

«Я в сопровождении представителя отдела пропаганды германской армии подполковника Шубута и капитана Петерсона выехал в Смоленск, где ознакомился с деятельностью созданных немцами из советских военнопленных батальонов пропаганды и добровольческого отряда.

Там же, в Смоленске, по инициативе городского самоуправления мне была устроена встреча с представителями местной интеллигенции. Я выступил с сообщением о создании „Русского комитета“ и переговорах, которые ведутся с немецким командованием, о формировании русских вооруженных сил для борьбы против советской власти».

Была и вторая поездка на северный фронт:

«В том же, 1943 г., я посетил Псков, где осмотрел батальон добровольческих войск и был на приеме у командующего германскими войсками, действовавшими под Ленинградом, генерал-фельдмаршала Буша, который попросил меня рассказать на собрании германских офицеров о целях и задачах „Русского комитета“. Выступая на этом собрании, я заявил, что „Русский комитет“ ведет активную борьбу против советской власти и что немцы без помощи русских уничтожить большевизм не смогут. Мое выступление явно не понравилось генерал-фельдмаршалу Бушу.

Возвращаясь в Берлин, я остановился в Риге и выступил с антисоветским докладом перед русской интеллигенцией города, а также имел беседу с проживавшим в Риге митрополитом Сергием.

Встреча с митрополитом Сергием мне была организована немецким офицером, который ведал пропагандой в Риге, с целью установления контакта с русской православной церковью и использования духовенства для совместной борьбы с Советской властью.

Сергий, согласившись со мной о необходимости усилить борьбу против Советской власти, сказал, что он намерен создать святейший синод в областях, оккупированных немцами. При этом Сергий говорил, что только священники, выехавшие из Советского Союза, знают положение населения и смогут найти с ним общий язык, в то время как эмигрантские

священники оторвались от советской действительности и авторитетом среди населения не пользуются.

Я порекомендовал Сергию не торопиться с созданием синода, а прежде объединить духовенство для борьбы против большевизма и выяснить отношение населения к церкви».

Во вторую поездку Власов поехал по приглашению фельдмаршала фон Кюхлера и генерала Линдеманна. Она состоялась с середины апреля до начала мая 1943 г.

По мнению Штрик-Штрикфельдта, эта поездка была полным личным триумфом Власова, но в то же время она нанесла их движению страшный удар.

Перед отъездом Власова в ОКВ к Штрик-Штрикфельдту в феврале 1943 г. прибыл Сергей Фрелих. Бывший инженер и сын владельца большого коммерческого предприятия Риги предъявил документы от центрального штаба СА. Из них следовало, что Фрелих командирован в качестве связного офицера между штабом СА и штабом Власова. Этот немец, русский и латыш одновременно в дальнейшем станет опекать Андрея Андреевича и будет частенько заменять ему переводчика. По словам Фрелиха, генерал умел сразу почувствовать сущность обсуждаемого вопроса, и в результате собеседники быстро воодушевлялись и усваивали его идеи...

Однажды после выступления Власова в театре Смоленска к нему подошел заместитель германского начальника Смоленского района Никитин и начал спрашивать: правда ли, что немцы собираются делать из России колонию, а из русского народа рабочий скот? Правы ли те, кто говорит, что лучше жить в плохом большевистском СССР, чем под немецким кнутом? Почему до сих пор никто не сказал, что будет с нашей родиной после войны? Почему немцы не разрешают русского самоуправления в занятых областях?

Что мог ответить ему Власов, если он и сам не все понимал. После нескольких секунд раздумий следовали общие слова, общие фразы: «Уже одно мое выступление в этом театре доказывает, что немцы начинают понимать настроения и проблемы русских. Недоверие привело ко многим и тяжелым ошибкам. Теперь эти ошибки признаются немцами... Свергнуть большевизм, к сожалению, можно только с помощью немцев. Принять эту помощь – не измена... Чтобы добиться от немцев того, что должно было быть сделано уже давно, мне нужны доверие и помощь народа».

Власов лгал не только людям, но и самому себе, отвечая на конкретные вопросы, в общем. Так его спросили: «Господин генерал, почему после

воззвания Смоленского комитета ничего не слышно об этом комитете и о вас лично?»

– Россия велика. Словечко «Смоленский» на листовке вы не должны принимать буквально. Но вы же знаете, как было под Сталиным. А обо мне вы вскоре будете слышать больше и чаще. Ведь мы только начинаем, – это все, что мог сказать Власов.

Никакого триумфа у него и быть не могло. Это был триумф капитана Штрик-Штрикфельдта и его начальников, а также всей немецкой пропаганды ОКВ. Сделано было немало. А как благодарят собаку за ее верную службу? Ей бросают кусок мяса.

Отблагодарили и Власова: из Дабендорфа, лежащего вне Берлина и находившегося на положении лагеря с установленным распорядком жизни, перевели в скромную виллу на Кибицвег в одном из районов Берлина-Далеме. Здесь он поселился вместе с двумя главными помощниками – Малышкиными и Жиленковым, под охраной русской команды.

После своего возвращения Власов со своими сподвижниками разработал план операции по захвату еще не занятой германской армией полосы между бывшими царскими летними резиденциями Ораниенбаумом и Петергофом, а также по овладению Кронштадтом. Власов, по воспоминаниям Вильфрида Карловича, предлагал провести эту операцию сам с русскими добровольцами в составе двух дивизий. Его целью было удержать за собой Ораниенбаум и Кронштадт. Пока доклады об этом через генерала Гелена пошли наверх, готовилась пропагандистская акция под кодовым названием «Просвет». Задача этой акции заключалась в распространении по ту сторону Восточного фронта информации о том, что против советских войск стоят не только немцы, но и их борющиеся за свободную Россию бывшие боевые товарищи, и что при переходе на немецкую сторону их будут рассматривать не как военнопленных, а как равноправных соратников в рядах русской национальной части, если они того захотят, или же они смогут мирно работать.

Штрик-Штрикфельдт вспоминал: «Гелен возлагал большие надежды на эту операцию, при условии, что она будет проводиться в сотрудничестве с Власовым и в связи с освободительным движением. Санкции на это у него еще не было. Но уже было дано согласие на то, чтобы придать каждой фронтовой дивизии вермахта специальные группы русских, состоящие из пяти офицеров и пятнадцати иных чинов. Эти русские группы должны были пройти в Дабендорфе краткосрочные курсы, чтобы к концу апреля было подготовлено полторы тысячи человек. Их должны были прислать на Дабендорфские курсы из существующих добровольческих частей при

генерале восточных войск. Авторы проекта надеялись, что специальные группы в результате переходов красноармейцев вскоре вырастут до батальонов или даже до полков».

Но случилось так, что фельдмаршал Кейтель отдал приказ о запрещении Власову какой бы то ни было политической деятельности, вследствие его «наглых» высказываний во время поездки в группу армий «Север».

А.А. Власов: «После возвращения из поездки я имел в городе Летцене встречу с командующим добровольческими частями генерал-лейтенантом Хельмигом.

Хельмиг предложил мне остаться у него в штабе и помогать ему руководить сформированными русскими частями. Я отказался от этого предложения, заявив Хельмигу, что до тех пор, пока русские военнопленные будут находиться на службе в немецких частях, они воевать против большевиков как следует не будут. Я просил Хельмига всю работу по созданию русских частей передать мне, с тем чтобы сформировать из них несколько дивизий, подчинив их „Русскому комитету“.

Не договорившись с Хельмигом, я возвратился в Берлин и от Штрикфельдта узнал, что о моем выступлении у фельдмаршала Буша стало известно Гиммлеру.

Гиммлер на одном из узких совещаний высших начальников германской армии заявил, что отдел пропаганды вооруженных сил Германии возится с каким-то военнопленным генералом и позволяет ему выступать перед офицерским составом с такими заявлениями, которые подрывают уверенность у немцев в том, что они одни могут разбить Советский Союз.

Гиммлер предложил прекратить такую пропаганду и использовать только тех военнопленных, которые заявляют о своей согласии служить в немецкой армии.

После этого выступления Гиммлера я некоторый период не проявлял активности и до 1944 г. никуда из Берлина не выезжал...»

Соответственно, срывалась и акция «Просвет», так как она планировалась при участии Власова. И все же немцы провели ее без него. Об этом написал Вильфрид Карлович: «Наши специальные группы и отдельные пропагандисты продолжали говорить о русской освободительной армии в своих обращениях, но разрыв между обещаниями пропаганды и реальностью лишил их призывы искренности.

Несколько позже я получил возможность просмотреть сводку результатов всей операции, составленную на основании донесений

дивизионных штабов. „Группы перехвата“ были всего в 130 дивизиях, из них 97 сообщали о хороших, 9 – о посредственных и остальные 24 – о слабых или ничтожных результатах».

Честно говоря, даже этим цифрам поверить сложно, потому что Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт работал все-таки не в Красном Кресте, а в ведомстве Гелена. Это надо учитывать. Придумать, сфантазировать можно что угодно, но где же истина? Например, Штрик-Штрикфельдт в своей книге называет 17 апреля, дату, когда фельдмаршал Кейтель отдал приказ о запрещении политической деятельности Власова. Приводит он и сам приказ: «Ввиду неправомочных, наглых высказываний военнопленного русского генерала Власова во время его поездки в группу армий „Север“, осуществленную без доклада фюреру и мне, приказываю немедленно перевести русского генерала Власова под особым конвоем обратно в лагерь военнопленных, где и содержать безвыходно...» и т. д.

Но тот же Вильфрид Карлович до этого пишет, что вторая поездка Власова состоялась с середины апреля до начала мая 1943 г. А документ был подписан 1 июля и содержал угрозы возвращения в лагерь:

«Перевод с немецкого,
начальник штаба Вооруженных сил
1. VII – 1943 года

1. Начальник отдела пропаганды вооруженных сил доложил мне в Берлине о совершенной им по моему приказанию фронтовой поездке (Восточной фронт).

Согласно его сообщению, власовская пропаганда и параллельно с этим развертывание „освободительной армии“ сведены к масштабам, предусмотренным фюрером, и направлены в желаемое фюрером русло.

2. Министр по делам Востока отклонил использование Власова. Фюрер согласился с доложенным мной предложением полковника фон Веделя об использовании его в целях пропаганды.

3. Сегодня я беседовал с фюрером по поводу обоих предложений, переданных полковником фон Веделем. Фюрер согласен с таким раздроблением и связанной с этим отменой великорусской идеи Власова.

4. Начальник отдела пропаганды вооруженных сил мною проинформирован.

Подписал КЕЙТЕЛЬ».

Так советского предателя генерал-лейтенанта Власова немецкие

хозяева поставили на место, напомнив ему очевидную истину: инициатива наказуема! Ведь он действительно переборщил. Но пользоваться им продолжали.

Между этими двумя поездками родилось письмо Власова под заглавием «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом».

Этот новый заказ был не менее важен, чем «Обращение Русского комитета», опять-таки в целях агитации и пропаганды...

Известно, что Власов рассказывал, а Зыков записывал. Затем немцы отпечатали листовки, в которых русский генерал обращается к русским и при этом как бы раскрывает свою душу.

ПОЧЕМУ Я СТАЛ НА ПУТЬ БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИЗМОМ

(открытое письмо генерал-лейтенанта А.А. Власова)

Призывая всех русских людей подниматься на борьбу против Сталина и его клики, за построение новой России без большевиков и капиталистов, я считаю своим долгом объяснить свои действия.

Меня ничем не обидела советская власть.

Я – сын крестьянина, родился в Нижегородской губернии, учился на гроши, добился высшего образования. Я принял народную революцию, вступил в ряды Красной Армии для борьбы за землю для крестьян, за лучшую жизнь для рабочего, за светлое будущее русского народа. С тех пор моя жизнь была неразрывно связана с жизнью Красной Армии. 24 г. непрерывно я прослужил в ее рядах. Я прошел путь от рядового бойца до командующего армией и заместителя командующего фронтом. Я командовал ротой, батальоном, полком, дивизией, корпусом. Я был награжден орденами Ленина, «Красного Знамени» и медалью «XX лет РККА». С 1930 г. я был членом ВКП(б).

И вот теперь я выступаю на борьбу против большевизма и зову за собой весь народ, сыном которого я являюсь.

Почему? Этот вопрос возникает у каждого, кто прочитает мое обращение, и на него я должен дать честный ответ. В годы гражданской войны я сражался в рядах Красной Армии потому, что я верил, что революция даст русскому народу землю, свободу и счастье.

Будучи командиром Красной Армии, я жил среди бойцов и командиров – русских рабочих, крестьян, интеллигенции, одетых в серые шинели. Я

знал их мысли, их думы, их заботы и тяготы. Я не порывал связи с семьей, с моей деревней и знал, чем и как живет крестьянин.

И вот я увидел, что ничего из того, за что боролся русский народ в годы гражданской войны, он в результате победы большевиков не получил.

Я видел, как тяжело жилось русскому рабочему, как крестьянин был загнан насильно в колхозы, как миллионы русских людей исчезали, арестованные, без суда и следствия. Я видел, что растаптывалось все русское, что на руководящие посты в стране, как и на командные посты в Красной Армии, выдвигались подхалимы, люди, которым не были дороги интересы русского народа.

Система комиссаров разлагала Красную Армию. Безответственность, слежка, шпионаж делали командира игрушкой в руках партийных чиновников в гражданском костюме или военной форме.

С 1938 по 1939 г. я находился в Китае в качестве военного советника Чан Кайши. Когда я вернулся в СССР, оказалось, что за это время высший командный состав Красной армии был без всякого повода уничтожен по приказу Сталина. Многие и многие тысячи лучших командиров, включая маршалов, были арестованы и расстреляны, либо заключены в концентрационные лагеря и навеки исчезли. Террор распространился не только на армию, но и на весь народ. Не было семьи, которая так или иначе избежала этой участи. Армия была ослаблена, запуганный народ с ужасом смотрел в будущее, ожидая подготавливаемой Сталиным войны.

Предвидя огромные жертвы, которые в этой войне неизбежно придется нести русскому народу, я стремился сделать все от меня зависящее для усиления Красной Армии. 99-я дивизия, которой я командовал, была признана лучшей в Красной армии. Работой и постоянной заботой о порученной мне воинской части я старался заглушить чувство возмущения поступками Сталина и его клики.

И вот разразилась война. Она застала меня на посту командира 4 мех. корпуса.

Как солдат и как сын своей Родины, я считал себя обязанным честно выполнить свой долг.

Мой корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление, но мои предложения были отвергнуты. Нерешительное, развращенное комиссарским контролем и растерянное управление фронтом привело Красную Армию к ряду тяжелых поражений.

Я отводил войска к Киеву. Там я принял командование 37-й армией и трудный пост начальника гарнизона города Киева.

Я видел, что война проигрывается по двум причинам: из-за нежелания

русского народа защищать большевистскую власть и созданную систему насилия и из-за безответственного руководства армией, вмешательства в ее действия больших и малых комиссаров.

В трудных условиях моя армия справилась с обороной Киева и два месяца успешно защищала столицу Украины. Однако неизлечимые болезни Красной Армии сделали свое дело. Фронт был прорван на участке соседних армий. Киев был окружен. По приказу верховного командования я должен был оставить укрепленный район.

После выхода из окружения я был назначен заместителем командующего Юго-Западным направлением и затем командующим 20-й армией. Формировать 20-ю армию приходилось в труднейших условиях, когда решалась судьба Москвы. Я делал все от меня зависящее для обороны столицы страны. 20-я армия остановила наступление на Москву и затем сама перешла в наступление. Она прорвала фронт германской армии, взяла Солнечногорск, Волоколамск, Шаховскую, Середу и др., обеспечила переход в наступление по всему московскому участку фронта, подошла к Гжатску.

Во время решающих боев за Москву я видел, что тыл помогал фронту, но, как и боец на фронте, каждый рабочий, каждый житель в тылу, *делал это лишь потому, что считал, что он защищает Родину.* Ради Родины он терпел неисчислимые страдания, жертвовал всем. И не раз я отгонял от себя постоянно встававший вопрос: *да полно, Родину ли я защищаю, за Родину ли посылаю на смерть людей? Не за большевизм ли, маскирующийся святым именем Родины, проливает кровь русский народ?..*

Я был назначен заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-й ударной армией. Пожалуй, нигде так не сказалось пренебрежение Сталина к жизни русских людей, как на практике 2-й ударной армии. Управление этой армией было централизовано и сосредоточено в руках Главного штаба. О ее действительном положении никто не знал и им не интересовался. Один приказ командования противоречил другому. Армия была обречена на верную гибель.

Бойцы и командиры неделями получали 100 и даже 50 грамм сухарей в день. Они опухали от голода, и многие уже не могли двигаться по болотам, куда завело армию непосредственное руководство Главного командования. Но все продолжали самоотверженно биться.

Русские люди умирали героями. Но за что? За что они жертвовали жизнью? За что они должны были умирать?

Я до последней минуты оставался с бойцами и командирами армии. Нас оставалась горстка, и мы до конца выполнили свой долг солдат. Я

пробился сквозь окружение в лес и около месяца скрывался в лесу и болотах. Но теперь во всем объеме встал вопрос: *следует ли дальше проливать кровь русского народа? В интересах ли русского народа продолжать войну? За что воюет русский народ? Я ясно сознавал, что Русский народ втянут большевизмом в войну за чуждые ему интересы англо-американских капиталистов.*

Англия всегда была врагом русского народа. Она всегда стремилась ослабить нашу Родину, нанести ей вред. Но Сталин в служении англо-американским интересам видел возможность реализовать свои планы мирового господства, и ради осуществления этих планов он связал судьбу русского народа с судьбой Англии, он вверг русский народ в войну, навлек на его голову неисчислимые бедствия, и эти бедствия войны являются венцом всех тех несчастий, которые народы нашей страны терпели под властью большевиков 25 лет.

Так не будет ли преступлением и дальше проливать кровь? *Не является ли большевизм, и в частности Сталин, главным врагом русского народа?*

Не есть ли первая и святая обязанность каждого честного русского человека стать на борьбу против Сталина и его клики?

Я там, в болотах, окончательно пришел к выводу, что мой долг заключается в том, чтобы призвать русский народ к борьбе за свержение власти большевиков, к борьбе за мир для русского народа, за прекращение кровопролитной, не нужной русскому народу войны за чужие интересы, к борьбе за создание новой России, в которой мог бы быть счастливым каждый русский человек.

Я пришел к твердому убеждению, что задачи, стоящие перед русским народом, могут быть разрешены в союзе и сотрудничестве с германским народом. *Интересы русского народа всегда сочетались с интересами германского народа, с интересами всех народов Европы.*

Высшие достижения русского народа неразрывно связаны с теми периодами его истории, когда он связывал свою судьбу с судьбой Европы, когда он строил свою культуру, свое хозяйство, свой быт в тесном единении с народами Европы. Большевизм отгородил русский народ непроницаемой стеной от Европы. Он стремился изолировать нашу Родину от передовых европейских стран. Во имя утопических и чуждых русскому народу идей он готовился к войне, противопоставляя себя народам Европы.

В союзе с германским народом русский народ должен уничтожить эту стену ненависти и недоверия. *В союзе и сотрудничестве с Германией он должен построить новую счастливую родину в рамках семьи*

равноправных и свободных народов Европы.

С этими мыслями, с этим решением, в последнем бою вместе с горстью верных друзей я был взят в плен.

Свыше полугода я пробыл в плену. В условиях лагеря военнопленных, за его решеткой я не только не изменил своего решения, но и укрепился в своих убеждениях.

На честных началах, на началах искреннего убеждения, с полным сознанием ответственности перед Родиной, народом и историей за совершаемые действия, я призываю народ на борьбу, ставя перед собой задачу построения новой России.

Как я себе представляю новую Россию? Об этом я скажу в свое время.

История не поворачивает вспять. Не к возврату к прошлому зову я народ. Нет! Я зову его к светлому будущему, к борьбе за завершение национальной революции, к борьбе за создание новой России – Родины нашего великого народа. Я зову его на путь братства и единения с народами Европы и в первую очередь на путь сотрудничества и вечной дружбы с великим германским народом.

Мой призыв встретил глубокое сочувствие не только в широчайших слоях военнопленных, но и в широких массах русского народа в областях, где еще господствует большевизм. Этот сочувственный отклик русских людей, выразивших готовность грудью встать под знамена русской освободительной армии, дают мне право сказать, что я *нахожусь на правильном пути, что дело, за которое я борюсь, – правое дело, дело русского народа. В этой борьбе за наше будущее я открыто и честно становлюсь на путь союза с Германией.*

Этот союз, одинаково выгодный для обоих великих народов, приведет нас к победе над темными силами большевизма, избавит нас от кабалы англо-американского капитала.

В последние месяцы Сталин, видя, что русский народ не желает бороться за чуждые ему интернациональные задачи большевизма, внешне изменил политику в отношении русских. Он уничтожил институт комиссаров, он попытался заключить союз с продажными руководителями преследовавшейся прежде церкви, он пытается восстановить традиции старой армии. Чтобы заставить русский народ проливать кровь за чужие интересы, Сталин вспоминает великие имена Александра Невского, Кутузова, Суворова, Минина и Пожарского. Он хочет уверить, что борется за Родину, за отечество, за Россию.

Это жалкий и гнусный обман нужен ему лишь для того, чтобы удержаться у власти. Только слепцы могут поверить, будто Сталин

отказался от принципов большевизма.

Жалкая надежда! Большевизм ничего не забыл, ни на шаг не отступил и не отступит от своей программы. Сегодня он говорит о Руси и русском только для того, чтобы с помощью русских людей добиться победы, а завтра с еще большей силой закабалить русский народ и заставить его и дальше служить чуждым ему интересам.

Ни Сталин, ни большевики не борются за Россию.

Только в рядах антибольшевистского движения создается действительно наша Родина. Дело русских, их долг – борьба против Сталина, за мир, за новую Россию. Россия – наша! Прошлое русского народа – наше! Будущее Русского народа – наше!

Многочисленный русский народ всегда на протяжении всей истории находил в себе силы для борьбы за свое будущее, за свою национальную независимость. Так и сейчас не погибнет русский народ, так и сейчас он найдет в себе силы, чтобы в годину тяжелых бедствий объединиться и свергнуть ненавистное иго, объединиться и построить новое государство, в котором он найдет свое счастье.

Генерал-лейтенант А.А. Власов

Я цитирую все письмо... Несколько позже мы познакомимся с подлинной биографией А.А. Власова, которую до сих пор знают, возможно, немногие...

А пока хотелось бы обратить внимание на такой факт: «Свыше полугода я пробыл в плену. В условиях лагеря военнопленных, за его решеткой...» Известно, что Власов сдался в плен в середине июля, а через два месяца его доставили в Берлин, где условия содержания были несколько иными, чем в обычных лагерях, я бы сказал, гораздо лучше.

Чем больше Власов работал на хозяев, тем еще лучше они к нему относились. Ему платили по заслугам, чем могли. Как говорится, что Бог подаст!

8. Решение фюрера

ГОРНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ ГИТЛЕРА
3 ИЮНЯ 1943 г. 21 час 45 минут.

Действующие лица:

Гитлер,
генерал-фельдмаршал Кейтель,
генерал-лейтенант Шмундт,
генерал Цейтлер,
полковник Шерф.

Кейтель. Вопрос об отношении к пленным, добровольцам из пленных и батальонам из местных жителей на Востоке представляется мне в данный момент в следующем виде. Генерал Цейтлер может меня поправить, если высказываемые мной положения неверны.

Вся пропаганда Власова, которую он развернул, так сказать, самодельным порядком, послужила основой для нынешней капитальной пропаганды, проводимой под условным наименованием «серебряный лампас» и рассчитанной на привлечение перебежчиков.

С этой целью были выпущены листовки, содержание которых мы тогда согласовали с рейхсминистром Розенбергом, министром по делам Востока. Они были обсуждены с ним по каждому отдельному слову, он их одобрил и санкционировал. И тогда, с начала мая, можно сказать, развернулась широкая тотальная кампания.

Цейтлер. Часть листовок содержит вопрос о приличном обращении. Это основная масса.

Кейтель. Мы в них с целью пропаганды обещаем, что, если они перейдут к нам, они встретят у нас особое обращение. Это говорится в изложении приказа № 13, который использован для одной из листовок.

Фюрер. Листовку я видел.

Кейтель. Отдано распоряжение, чтобы перебежчики направлялись в специальные лагеря.

Фюрер. Это все правильно.

Кейтель. И чтобы в дальнейшем они могли вызваться добровольно на роли – во-первых, обыкновенных рабочих, во-вторых, добровольных помощников на оборонных работах, и в-третьих, при соответствующих обстоятельствах для зачисления в туземные соединения.

Фюрер. Этого мы в листовках не имеем в виду.

Цейтлер. Нет, в листовке, в приказе № 13 этого нет.

Кейтель. Это сказано позднее. После некоторого определенного времени они должны быть переведены на соответствующие роли. Об этом сделал распоряжение командующий восточными вооруженными силами, на этот счет я осведомлялся. **Если они** в течение определенного испытательного периода **зарекомендуют себя, они могут просить об**

использовании их в соответствующей роли, как в качестве добровольных помощников, так и для зачисления в туземных соединениях.

Эта широкая пропаганда опирается на листовки, которые подписываются «национальными или национально-русским комитетом». В этих листовках мы им говорим: с вами будут хорошо обращаться, вы получите хорошее питание, вы получите работу, а также, помимо этого, в листовках содержится призыв: переходите к нам, у нас вы можете вступить в русскую национальную освободительную армию.

Фюрер. Это следовало раньше доложить мне.

Кейтель. Этот пункт играл важную роль.

Фюрер. Из всего этого я усматриваю сегодня только одно, и это является для меня решающим – необходимо избегать такого положения, когда у нас могли бы создаться ложные представления. **Необходимо различать право пропаганды, которую я направляю на ту сторону, и то, что в конечном счете мы делаем на самом деле.**

Кейтель. Что мы делаем позади нашего фронта?

Фюрер. Не следует допускать даже малейшей мысли насчет того, что мы хотели бы найти, скажем, компромиссное решение. В этом смысле мы имели трагический урок уже в Первую мировую войну в отношении Польши, – я недавно уже указывал на это, – где имело место аналогичное обстоятельство благодаря обходному маневру появившихся тогда на сцене польских легионеров, в начале имеющих совершенно безобидный характер. Но внезапно события сгустились. В одном надо себе ясно отдавать отчет.

Я всегда считал, что мало есть людей, которые в критические моменты способны сохранять полное хладнокровие и не создавать себе никаких иллюзий. Поговорка, что утопающий хватается за соломинку, к сожалению, остается верной. Она сохраняет силу не только для утопающего, но и для всякого другого человека, находящегося в опасности. Большинство людей, сталкивающихся с опасностью, видят вещи не так, как они есть в действительности.

Я мог бы сослаться на документы, которые я в свое время получил от Борндта в тот момент, когда последовало отступление, когда неожиданно реальная почва была утеряна, и вместо этого возникла иллюзия, – именно тотчас после высадки англо-американцев в Северной Африке. Теперь же наши дела обстоят там вполне благополучно, теперь мы должны там наступать. Явное безумие, против которого мне пришлось тогда выдержать такую борьбу, но которое внезапно охватило людей и затуманило их рассудок, до того совершенно ясный и трезвый. В этом одном я усматриваю опасность, если у нас что-нибудь будет таким образом постепенно

углубляться.

Теперь у нас достаточно людей. В хозяйстве Розенберга они сидят без числа. Но, к сожалению, они имеются у нас и при армиях. Это – бывшие балтийские дворяне и другие балтийские немцы. Но имеются также и **украинские эмигранты**, которые со временем обжились в Германии, **частично, к сожалению, даже приобрели гражданство** и которые, естественно, смотрят на немецкую освободительную кампанию с большой радостью. Но на фоне событий **они видят не наши национальные цели, в перспективе они видят свои собственные цели. Каждый народ думает о себе и ни о чем другом.** Все эти эмигранты и советчики хотят только подготовить себе позиции на будущее время.

Кейтель. В дополнение к этому осмелюсь доложить, что когда Польша действовала против нас, немецкие офицеры, как, например, один командир кавалерийского полка, состоявший в немецкой армии и четыре года участвовавший в боевых действиях, перешел на сторону Польши, чтобы принять на себя командование соответствующими подразделениями. Польское столбовое дворянство!

Фюрер. На сегодня перед нами встает именно такая опасность. Приказ № 13 вообще не подлежит обсуждению. Равным образом и другие вещи можно делать с таким расчетом, чтобы практически из них не вытекало никаких даже самых незначительных последствий и чтобы прежде всего не допустить распространения такого образа мыслей, какой я, к сожалению, уже обнаруживал у некоторых субъектов. Это несколько раз проявлялось и у Клюге: создадим себе огромное облегчение, если организуем русскую армию.

Здесь я могу лишь сказать: мы никогда не создадим русской армии – это фантазия первого разряда. Прежде чем мы это сделаем, будет гораздо проще, если я из этих русских сделаю рабочих для Германии; ибо это в гораздо большей степени является решающим фактором.

Мне не нужно русской армии, которую мне придется целиком пронизывать чисто немецким скелетом. Если я взамен этого получу русских рабочих, это меня вполне устраивает. Я могу тогда высвободить немцев, я могу соответствующим образом переквалифицировать русских. Наибольшим **достижением** для нашего производства будет **являться рабочий, который будет занят на работе в Германии и которого мы должны, естественно, снабжать совершенно иначе, чем немцев**, раз мы поручаем работу.

Одного нам нужно решительно избегать – чтобы у нас неожиданно не возникла мысль: может быть, наступит день, когда дела у нас пойдут

плохо, – и нам нужно только создать украинское государство, тогда все будет в порядке, тогда мы получим один миллион солдат.

Мы ничего не получим, ни одного человека! Это такая же фантазия, как и тогда. Мы совершили бы величайшую глупость. **Мы прежде всего упустили бы из виду цель настоящей войны.** Я недавно уже сообщил Цейтлеру. Я имел беседу с Розенбергом и Кохом и мог лишь одно установить, что между ними, естественно, имеется огромная разница. Розенберг имеет в своем распоряжении деклассированные политические элементы еще со времен его собственной эмиграции.

Вполне естественно, что в 1919–1922 гг. мы к этим эмигрантам относились с полной симпатией, так как мы говорили, что, может быть, в России наступил перелом. Оказалось, что все это тоже одна лишь фантазия. Эмигранты ничего не делали. Они жили себе в Германии и кормились за наш счет. В 1921 г. я имел по этому поводу спор с Розенбергом, и я ему тогда сказал: «Розенберг, заметьте себе твердо, что революция делается только теми людьми, которые находятся внутри государства, а не вне его». И вот появился украинский гетман, который предложил нам свои услуги. Я сказал тогда: «Розенберг, чего вы ждете от этого человека?» – «О, он организует революцию». Я сказал тогда: «В таком случае он должен находиться в России».

Люди, совершающие революцию, должны находиться внутри государства. В противном случае это было бы равносильно тому, что я находился бы в Швейцарии и сказал бы: «Я организую из Швейцарии революцию в Германии». Это звучит слишком по-детски.

Мне пришлось однажды пережить такой случай. В числе других тому же Коху был сделан упрек, что в его районе появились партизаны. Кох сказал тогда: «Как вы можете делать мне такой упрек? Покажите мне какой-нибудь прифронтовой район, в котором не было бы партизан? Какие я имею политические соединения? Дайте мне достаточно полиции, и я покончу с партизанами. Уберите из любого прифронтового района войска, и вы увидите, есть там партизаны или нет. В хлебородных округах моего района нет партизан, они имеются лишь в северных округах, где так или иначе всегда водились банды. Войска должны вести постоянные операции против партизан в полосе до 50 километров за линией фронта. Я нахожусь на сотни километров позади фронта и не имею в своем распоряжении никаких людей. С кем я стану все это делать?» Все это является теоретизированием в облаках, без всякого учета того обстоятельства, что мы совсем не собираемся здесь ставить перед собой задачи на далекое будущее. **Никаких отдаленных целей я намечать не могу в смысле**

создания независимых или автономных государств. Ибо начинается дело, и всегда оно кончается независимым государством. Это совершенно ясно, таков бывает заключительный аккорд песни.

Здесь нужно ставить вопрос со всей остротой, чтобы у нас не возникало никаких ложных представлений. Генерал Цейтлер высказался уже, что было бы, может быть, важно, чтобы я эту мою точку зрения изложил при случае наиболее видным офицерам – и в первую очередь генералам и фельдмаршалам.

Кейтель. Ламмерс здесь, чтобы изложить их взгляды в краткой докладной записке. Он уже беседовал со мной по этому вопросу, и я просил его сделать это в срочном порядке, так как нашим генералом очень трудно разъяснить это дело. Я беру на себя смелость заявить об этом открыто. Я это знаю непосредственно от Мюллера и Клюге.

В создании так называемых туземных соединений и в их вооружении они усматривают средства для ликвидации тревожного состояния, существующего в тыловых районах.

Фюрер. Цейтлер расскажет нам о них. Это, несомненно, такие соединения, которые сегодня нельзя удалить безоговорочно, так как их надо чем-то заменить.

Цейтлер. Мы имеем всего 78 батальонов, 1 полк и 122 роты. Это все. Из этих 78 батальонов 47 находятся в распоряжении фельдмаршала, на Украине и в распоряжении командующего запасной армией, так что собственно – впереди остается немного, и все они очень распылены, поскольку они находятся впереди.

Далее имеется особая категория численностью в 60 000 человек. Это – некоторая разновидность охраны. Они сведены в совершенно мелкие группы.

Фюрер. Это нужно. Без этого нельзя обойтись.

Цейтлер. О добровольных помощниках – приблизительно до 220 000 человек. Они распределены в войсках примерно по 4–5 человек на одного артиллериста. Их нельзя убирать.

Кейтель. В этих добровольных помощниках я не усматриваю ни политической, ни пропагандистской, ни иной какой-либо проблемы. Что касается туземных соединений, то там дело опаснее, так как они сведены в достаточно крупные единицы.

Цейтлер. Имеется только одно-единственное подразделение полкового типа. Все остальные сведены в батальоны. Это также не представляет опасности.

Фюрер. С моей точки зрения, решающий момент заключается не в

самом факте существования этих соединений, а в том, что мы ни в коей мере не должны дать себя обмануть насчет того, чего вообще мы можем от них ждать и какое действие это произведет на другую сторону.

Кейтель. Я позволю себе заявить, что **мы будем рассматривать** этого инициатора пропагандистских листовок, подписанных Власовым, то есть **национальный комитет, как чисто пропагандистское средство.**

Цейтлер. **Необходимо провести резкую черту.** Там, где дело касается противника, там можно все делать, а что происходит внутри, там дело обстоит иначе. **Здесь должна быть ясная граница.**

Кейтель. Я этот вопрос еще раз поставил перед Розенбергом совершенно четко. Я задал ему вопрос: каковы их собственные **намерения в отношении национального комитета?** Что касается нас, то **мы предполагаем использовать их в целях пропаганды** для возможно более широкого **привлечения перебежчиков.**

Его ответ: сведение этих добровольных помощников (так он их называет) и русских, украинских, кавказских, татарских боевых соединений в единую русско-украинскую освободительную армию, а также, добавлю я, использование этого предприятия с пропагандистскими целями.

Здесь мы имеем дело не только с использованием в целях пропаганды, но и особого рода сосредоточением. А это есть именно то, чего фюрер не желает.

Цейтлер. Этого мы совсем не делаем. **Можно было выдавать вознаграждение людям, которые у нас служат,** чтобы привязать их к нам, – какую-нибудь реальную ценность, будь то деньги или **обещание, что они потом что-нибудь получат.**

Сосредоточение я считаю совершенно неправильной мерой, и уж ни в коем случае **в форме дивизий.** Батальоны еще допустимы, их легко держать в руках. Но соединения выше этого **не должны допускаться,** за исключением казачьей дивизии. Эта последняя будет вести себя вполне порядочно.

Фюрер. Я сказал бы, что если бы мы успешно удержались на Кавказе, мы могли бы наверняка получить соединения не у грузин, а у мелких тюркских народов.

Кейтель. Они **будут составлять исключение** из вышеуказанного правила, так как они являются сильнейшими врагами большевизма. Они стоят вне дискуссии. Это – **тюркские легионы.** Это чисто туземные соединения. Я еще раз могу указать на то, что мы говорили в прошлом году, в начале сентября, они **особо отличившиеся в борьбе с бандитами**

туземные соединения.

Фюрер. Они тогда уже существовали.

Кейтель. Эти роты, поскольку они стоят из безусловно надежных элементов на добровольческой основе, могут быть оставлены и дальше, а также могут создаваться заново. Так мы и тогда договорились.

Фюрер. Создание еще новых формирований является уже опасным.

Цейтлер. Это, пожалуй, было бы слишком неосмотрительно.

Фюрер. Дальнейшую их организацию надо, естественно, как-то задержать. Ибо этот процесс не имеет никаких границ. Один может это понять так, другой – иначе.

Кейтель. Командующий Восточным фронтом также относится благожелательно к созданию этих соединений.

Цейтлер. Нет, ни в коем случае, батальон – самое крепкое соединение.

Кейтель. Теперь дальше. Подтягивание их к фронту для ввода в бой, а также использование эмигрантов и лидеров прежней интеллигенции впредь, как и раньше, категорически воспрещается. Это оговорено совершенно четко. Такие люди не должны допускаться на фронт. Мы их оттуда удалили. Я сам проделал такую операцию в войсковой группе «Центр». Там в качестве переводчиков на руководящие посты проникли эмигранты, и мы их выбросили.

Шмундт. Нельзя сказать, чтобы генерал-полковник Линдемманн очень хотел создавать эти соединения, но он говорит, что мы должны выделять вопрос о пропаганде в сторону противника. Здесь все средства хороши. Но в тыловом районе дело обстоит так, что мы добились того, что мы освободили наших солдат для фронта. *«Это мы достигли, – говорит он, – благодаря тому, что я только в районе действия моей армии имею 47 тыс. добровольных помощников. Которые, например, обслуживают всю мою железнодорожную сеть, – и все это всего-то потому, что они получают питание и жилье, а также сохранили себе жизни».*

Кейтель. Добровольные помощники или туземные соединения?

Шмундт. Добровольные помощники. Но это – люди, которые без всякого надзора со стороны надсмотрщиков или полиции добровольно делают себе все это. А теперь явился Власов, который разъезжает всюду в качестве проповедника и проповедует национальное освобождение как в населенных пунктах, так и перед добровольными помощниками и войсками.

Кейтель. Это я уже запретил.

Шмундт. Генерал-полковник Линдемманн говорит не совсем так, как думает господин фельдмаршал: «Мы будем создавать эти соединения в

широком масштабе, но я обращаю ваше внимание на существующую в этом деле опасность. **Власов их взбудоражил насчет свободы. Он, несомненно, этим больше всего затруднил борьбу с партизанами.** Линдемманн говорит, что теперь наступил момент, когда **одно из двух: или надо сделать уступку этому Власову,** даже если мы не намерены остановить его, и сказать: „Вы за это получите то-то и то-то“, **или все это дело надо отклонить начисто.** Иначе это ударит нам в спину, люди станут выражать недовольство и вместо того, чтобы обслуживать железнодорожную сеть, в один прекрасный день начнут саботировать ее.

Фюрер. Вообще этот **генерал Власов в наших тыловых районах мне совершенно не нужен.**

Шмундт. Но он там работает.

Фюрер. Это необходимо прекратить. Он мне нужен только на передовой.

Шмундт. Командующие армиями хотели бы получить такое решение.

Кейтель. Это дело решенное.

Фюрер. Цейтлер, для нас вопрос ясен, для тыла этот Власов нам не нужен. Он может действовать только в сторону противника.

Цейтлер. Только в сторону противника своим именем и своими снимками.

Кейтель. Могу ли я теперь не поставить вопрос, который внесен войсковой группой „Север“ через генеральный штаб, – группа просит разрешения включить добровольцев из числа эстов, латышей и литовцев в немецкие части в качестве немецких солдат и таким путем восполнить все вакансии.

Фюрер. Этого в такой общей форме нельзя делать.

Цейтлер. Существует у нас даже латышская бригада СС.

Фюрер. Это отдельные соединения, но в общей массе это делать не следует.

Кейтель. Если они будут включены в состав армии, они будут фигурировать не в качестве добровольцев в особых частях на основе закона о трудовой повинности, а **будут зачислены на имеющиеся вакансии при немецких войсковых подразделениях.**

Фюрер. **Ни при каких обстоятельствах.** Это привело бы к тому, что эти соединения в конечном счете стали бы совершенно ненадежными. Совершенно другое дело, если я иду на уступки и составляю из этих людей отдельный легион. Но он тоже должен быть тщательно подобран и выдрессирован.

Кейтель. Это все делается.

Фюрер. Но если вы будете этих людей включать нормальным порядком в то или иное подразделение, то может случиться, что они внесут с собой яд совершенно беспримерного действия. Этого делать нельзя.

Цейтлер. Из крупных единиц существует только одна дивизия, о которой я докладывал и которая составлена по принципу 1 x 1. Это удивительно. Теперь фактически русские солдаты учат наших людей, как нужно окапываться и использовать местность. У них свой способ окапываться и располагаться в окопе, и это удивительный способ.

Кейтель. Это дивизия „Нидермайер“, в ней имеются турки. Она носит номер 162.

Фюрер. Где она фактически находится?

Цейтлер. Она находится в губернаторстве.

Фюрер. Одно совершенно ясно, что эти соединения мы серьезно использовали только в нескольких пунктах, и там они не показали себя созревшими для серьезной нагрузки.

Цейтлер. Нет, для серьезной – нет! Хотя они в таком положении находятся уже полтора года, они до самого последнего времени остаются такими же ненадежными.

Фюрер. Полагаться на них нельзя. И я вынужден снова повторить: мы можем вести пропаганду в сторону противника как угодно. Это все можно делать. Но мы должны отдавать себе отчет в том, что это не должно вовлечь нас в такое положение, какое мы имели в 1916 году. Этого не должно случиться. Прежде всего, это не должно иметь места. **Мы не должны эти соединения готовить для кого-то третьего, кто возьмет их в руки и скажет: сегодня мы с вами заодно, а завтра нет.** В один прекрасный день мы услышим нечто вроде забастовочного лозунга. Он обойдет весь фронт, и тогда они окажутся организованными и начнут заниматься вымогательством.

Кейтель. Я могу лишь добавить к этому, что Власов отозван. Его больше нет на фронте. Всякая пропаганда на фронте и его собственная пропагандистская деятельность ему запрещена. Оставалось только принять решение, можем ли мы пустить такое оповещение на эту сторону относительно так называемой освободительной армии.

Фюрер. Да, в этом случае можно все делать.

Кейтель. Я не видел в этом ничего угрожающего. Ибо мы, именно мы, являемся освободительной армией против большевизма.

Фюрер. Хотя я придерживаюсь того убеждения, что отозвание освободительной армии будет иметь эффект, ибо люди не хотят воевать, они хотят покоя.

Кейтель. Ну а как использовать людей из лагерей для перебежчиков?

Фюрер. Я стою на той точке зрения, что их надо вывезти и использовать в Германии. Это – военнопленные. Если бы я мог, 30, 40 или 50 процентов из них я бы отдал управлению, занимающемуся снабжением углем!

Цейтлер. Я поставил себе целью сделать из них подходящих рабочих для Германии. На передовой с перебежчиками не очень много успеешь. Одного или другого добровольного помощника я могу поставить на свободную вакансию. Но **основная масса должна идти в Германию в качестве рабочих, чтобы освободить немцев.**

Фюрер. Я могу лишь сказать: если мы не упорядочим наше положение с углем, то наступит момент, когда я уже не смогу изготавливать боеприпасы и взрывчатые материалы, когда мы не сможем больше строить подводных лодок. Так может произойти в сотне различных областей – это бессмыслица. Но при таких условиях этот момент наступит. Уже теперь получается трагическое положение, когда приходят итальянцы и спрашивают, почему мы им не поставляем этих материалов. Я должен им их дать. А мы не в состоянии это сделать, потому что у нас слишком мало угля. Это, конечно, расхлябанность.

Кейтель. Итак, я сообщу рейхсминистру Розенбергу, что согласно нашему решению этот вопрос не стоит в порядке дня, что позади нашего фронта мы вообще не намерены добиваться какого-либо практического результата этими средствами, что пропаганду в отношении противника мы этими средствами будем продолжать, что **в русском районе мы господину Власову больше не разрешим проявлять активность.** Если ему угодно...

Фюрер. Мы и никому другому также этого не разрешим. Мы ведь делаем это не для Коралловых островов, а позволяем вести пропаганду в отношении наших противников. Я убежден, что русские, со своей стороны, будут вести пропаганду против нас. Не следует допускать, чтобы у нас возникали ложные надежды.

Кейтель. Однако генералы, и в особенности Клюге, я это знаю от него лично, я с ним достаточно говорил по этому поводу, склонны видеть в этом некоторую разгрузку.

Цейтлер. Как раз не хватает ясности сверху. Раз навсегда должна быть дана установка сверху прямо и без обиняков.

Кейтель. Теперь я позволю себе высказать еще одну просьбу по вопросу, который теперь обсуждается. После того как для относительно добровольных помощников наметились твердые положения, возникает вопрос о выработке четких определений также и для туземных соединений

в смысле их состава, подготовки и т. п. Было бы хорошо, если бы мы могли их предварительно получить и показать фюреру. В данное время они прорабатываются у вас в организационном отделе.

Фюрер. Может быть, с помощью сегодняшней стенограммы, сегодня я излагал свои мысли письменно. Ламмерс еще раз просмотрит материал и на основе его составит проект решения.

Впрочем, вы могли бы еще кое-что сделать. Мы можем видеть, как развертывается история. При известных обстоятельствах было бы также возможно еще раз собрать часть наших высших командиров, чтобы я мог им сказать лично.

Шмундт. Это было бы чудесно.

Кейтель. Это было бы очень хорошо. Ибо получается маленький самообман. Люди надеются получить разгрузку, а не знают, какое беспокойство они сами себе создают, какую вошь они заводят у себя в тулупе».

9. Выводы

В феврале 1942 г. новый министр вооружения и боеприпасов Шпеер добился принятия программы немедленного высвобождения 250 тыс. солдат сухопутных войск для нужд военной промышленности. С этого времени для германского военного командования началась самая настоящая борьба за людей, которая не прекращалась до падения рейха.

Потери с 22 июня по 31 декабря 1941 г. составили: ранено – 19 016 офицеров, 602 292 унтер-офицера и рядовых; убито – 7120 офицеров, 166 602 унтер-офицера и рядовых; пропало без вести – 619 офицеров, 35 254 унтер-офицера и рядовых. Итого потеряно 26 755 офицеров и 804 148 унтер-офицеров и рядовых. Общие потери сухопутных войск на Восточном фронте составили 830 903 человек, то есть 25,96 % численности всех сухопутных сил на Востоке (3,2 млн человек).

Армия резерва отдала всех новобранцев, включая контингент 1922 г. рождения. Однако понесенные потери на Восточном фронте восполнить оказалось невозможно. Состав дивизий пришлось сокращать с девяти батальонов до семи, значительно пополнив их за счет нестроевых и дивизионных тыловых служб и подразделений снабжения.

Начальник штаба верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель вспоминал:

«Я мог бы написать об этой трагедии трех последних лет войны целую

книгу, и все равно не исчерпал бы тему. Что означала нехватка живой силы в сухопутных войсках, показывают всего две цифры. Ежемесячные потери в обычное время (не говоря о крупных сражениях) в среднем составляли примерно 150–160 тыс., из них заменялись (тоже в среднем) – 90—100 тыс. Рекрутские ежегодные контингенты в последние годы войны давали по 550 тыс., однако войска СС, по категорическому приказу фюрера, получали из них 90 тыс. добровольцев (но такое количество не всегда удавалось набрать), далее, 30 тыс. получала люфтваффе, а уже это одно равнялось трети всего контингента одного года рождения».

Первое предложение о восполнении потерь личного состава немецких войск за счет создания до апреля 1942 г. вспомогательных русских подразделений общей численностью до 200 тыс. человек поступило от группы армий «Центр». Сам командующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич вроде бы высоко оценил эту инициативу. Однако в декабре 1941 г. Браухич и Бок были сняты со своих постов. Тогда в генеральном штабе возникла идея «четко сформулировать политические цели войны и в соответствии с ними изменить оккупационную политику в отношении России».

Этими вопросами занимались начальник генерального штаба, начальник оперативного управления, начальник организационного отдела, начальник отдела «ИАВ» и генерал-квартирмейстер.

Они выступили с инициативой взять на учет все вспомогательные и добровольческие подразделения из местного населения и решить вопрос об их продовольственном снабжении, денежном содержании и месте в составе немецких войск. «Была подготовлена директива, – вспоминал генерал Гелен, – на основании которой все дивизии Восточного фронта получили право вводить в состав каждой дивизии до 3–4 тыс. человек из числа местных жителей и ставить их на полное довольствие».

До решения этого вопроса восстановление людских потерь производилось командирами самостоятельно, так как «для освоения огромных пространств России требовалось все больше солдат, в немецкие подразделения для выполнения вспомогательных функций стали привлекаться добровольцы – русские, украинцы и представители других российских народов. Точное число волонтеров установить невозможно, так как командиры подразделений во многих случаях не сообщали об этом вышестоящим начальникам. Летом 1942 г. таких добровольцев было от 700 тыс. до 1 млн» (Гелен).

Таким образом, главной причиной, послужившей предпосылкой к созданию так называемого «власовского движения», стали невосполнимые

людские потери на Восточном фронте в 1941–1942 гг.

Во-первых, ради этого многие здравомыслящие немецкие генералы и офицеры предполагали пойти на изменение политической цели войны и оккупационной политики. Отмечу, что это был чисто стратегический ход, который должен был выполняться пропагандистскими методами. Проблема была только в том, что Гитлер не шел на это ни при каких обстоятельствах, и он оказался твердым орешком для военных. Когда блицкриг провалился, многие поняли что победа в войне невозможна без участия так называемой «пятой колонны» из советских военнопленных и гражданских лиц на оккупированной территории.

С огромным опозданием в 1942 г. предполагалось обратиться к народам России с предложением поддержать германскую армию, а ее поход окрасить в освободительные краски борьбы с большевизмом и сталинским режимом. По мнению специалистов германского генерального штаба, это было единственное спасение для всей военной кампании, которая лишь в таком направлении могла завершиться победой.

Думаю, что уже в 1942 г. это было слишком поздно.

Во-вторых, фигура плененного генерала Власова стала для горящих идеей победить Россию «по-умному» знаковой. До него ни один из советских генерал-лейтенантов не соглашался сотрудничать с немцами, к тому же Власов занимал должность заместителя командующего фронтом, а таких фигур в плену у немцев просто не было. Следовательно, появился и номинальный вождь в качестве наживки для измученного пленом и оккупацией русского человека.

В-третьих, формальное понятие «освободительное движение», рожденное в германском генеральном штабе, стало поистине уникальным и удобным как для его «родителей», так и для самого Власова и всех тех, кто к нему примкнул. Для оправдания предательства, трусости лучшего определения, лучшей вывески придумать было просто нельзя, точно так же, как и для оправдания войны Германии. Однако кроме запоздалого «движения» было еще и расхождение слов немецкой пропаганды с реальным положением дел на оккупированной территории, где царили обыкновенные зверства недочеловеков.

Таким образом, за идею боролись и стараниями в том числе отдела «иностранные армии Востока». В начале 1943 г. на Восточном фронте числилось 176 батальонов и 38 отдельных рот так называемых восточных подразделений.

Часть 2. Досье на генерала

Глава 1. Стратегическая ошибка...

*Война – порождение греха
и искупление греха.*

Н. Бердяев

Илья Григорьевич Эренбург на фронт выехал 5 марта 1942 г. по Волоколамскому шоссе. Сидя в машине, он впервые увидел развалины Истры и Ново-Иерусалимского монастыря. Далее поехал через Волоколамск, где возле Лудиной горы в избе помещался КП 20-й армии. Именно здесь он встретился с популярным генералом, ставшим в ходе контрнаступления под Москвой «сталинским полководцем», командующим А.А Власовым.

И.Г. Эренбург вспоминал позднее:

«Он меня изумил прежде всего ростом – метр девяносто, потом манерой разговаривать с бойцами – говорил он образно, порой нарочито грубо и вместе с тем сердечно. У меня было двойное чувство: я любовался, и меня в то же время коробило – было что-то актерское в оборотах речи, интонациях, жестах. Вечером, когда Власов начал длинную беседу со мной, я понял истоки его поведения: часа два он говорил о Суворове, и в моей записной книжке среди другого я отметил: „Говорит о Суворове, как о человеке, с которым прожил годы...“» А уже через два дня поздно вечером 8 марта генерал-лейтенант Власов переступил порог кабинета Сталина. Это была его вторая встреча с вождем.

В 22.10 вместе с ним вошли: маршал Шапошников, генералы Василевский, Жигарев, Новиков и Голованов. Но товарищ Сталин был не один. В его кабинете находились маршал Ворошилов с 21 ч 45 м и с 22 ч 05 м – Молотов и Берия.

Андрей Андреевич Власов был вызван по случаю назначения на Волховский фронт заместителем командующего. Судя по разговору, дела там шли неважно.

Войска и население Ленинграда находились в исключительно тяжелом положении. Ставка Верховного главнокомандующего принимала все меры

к скорейшему снятию блокады с осажденного города. Поэтому несмотря на то, что все имеющиеся резервы требовались для задуманного контрнаступления на главном Западном направлении, она тем не менее направила под Ленинград две армии, благодаря которым на северо-западном направлении к началу января 1942 г. общее соотношение сил и средств изменилось в пользу Советской армии. А для улучшения управления на этом направлении 17 декабря 1941 г. Ставка образовала Волховский фронт, в состав которого вошли: 4, 52, 59 и 26-я армии. Командующим войсками фронта был назначен генерал армии К.А. Мерецков.

До нового года войскам этого фронта удалось существенно ослабить силы немецкой группы армии «Север» и очистить часть захваченной прежде территории. В результате чего ГКО и Ставка ВГК смогли наладить снабжение голодавшего города через Ладогу.

Таким образом, контрнаступление на севере и на юге способствовало осуществлению подготовки и проведению крупнейшей контрнаступательной операции под Москвой.

5 января 1942 г. в Кремле состоялось заседание членов Политбюро ЦК ВКП(б) и Ставки ВГК. На этом заседании Сталин предоставил слово начальнику Генерального штаба маршалу Б.М. Шапошникову, который проинформировал его и присутствующих о положении на фронтах и изложил проект плана дальнейших действий.

Из этого выступления следовало, что важнейшая военно-политическая цель, стоявшая перед Вооруженными Силами, заключалась в том, чтобы ликвидировать угрозу Ленинграду, Москве и Кавказу и, удерживая стратегическую инициативу в своих руках, разгромить армию Германии и ее союзников и создать условия для завершения войны в 1942 г.

Сталин так прокомментировал доклад начальника Генерального штаба: «Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку. Наша задача состоит в том... чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны...»

Согласно замыслу Ставки ВГК, девяти фронтам, двум флотам и ВВС предстояло перейти в наступление практически одновременно на фронте от Ладожского озера до Черного моря с самыми решительными целями: окружить и уничтожить основные силы групп армий «Север», «Центр»,

«Юг» и к весне 1942 г. продвинуться на глубину 300–400 км. В дальнейшем «обеспечить... полный разгром гитлеровских войск в 1942 г.».

Но не все было просто в действительности. К началу 1942 г. советские Вооруженные силы оказались в тяжелейших условиях. Им предстояло вести свою первую наступательную кампанию при самой низкой технической оснащенности за все годы войны, слабом оснащении действующей армии боеприпасами, горючим, транспортом. Они уступали вермахту и в подвижности.

А кроме того, Ставка ВГК испытывала трудности с людскими ресурсами. Напряженная шестимесячная борьба, приведшая в 1941 г. к огромным безвозвратным и санитарным потерям, – 4 млн 473 тыс. 820 человек (из них 52,2 % – пропавшие без вести и попавшие в плен), оставление более 5 360 тыс. военнообязанных на оккупированной территории, развертывание военной промышленности, а также увеличение фронта борьбы вынудили советское правительство призвать на военную службу мужчин всех возрастов вплоть до 1890 г. рождения. В Ставке оказались основательно завышенные данные о потерях противника.

Так, по данным разведывательного управления Генштаба Советской армии, вооруженные силы Германии с 22 июня до ноября 1941 г. потеряли более 4,5 млн человек, а на 1 марта 1942 г. – 6,5 млн, в том числе сухопутные войска – 5,8 млн. По данным же начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта, потери на 1 января 1942 г. составили 830 903 человека, что равнялось 25,96 % численности всех сухопутных войск на Восточном фронте (3,2 млн человек). Таким образом, отсутствие достоверной информации не способствовало объективной оценке Ставкой ВГК стратегической обстановки и отрицательно влияло на принятие целесообразных решений.

Именно в таких условиях и был рассмотрен план общего наступления Советской армии.

Командование Волховского фронта видело свои задачи в том, чтобы, «наступая в северо-западном направлении, разбить противника, оборонявшегося на р. Волхов, во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта окружить и пленить его (18-ю немецкую армию), а в случае отказа противника сдаться, истребить его».

Ставка ВГК, учитывая тяжелое положение Ленинграда, возложила на войска Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронта при содействии Балтийского флота задачу разгромить группу армий «Север».

Однако против одновременного наступления всех фронтов в январе

1942 г. высказался член Ставки ВГК генерал армии Г.К. Жуков, а также кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б) И.А. Вознесенский.

Он, как никто из присутствующих, знал, в каком состоянии находится народное хозяйство страны, какие трудности выпали на долю военной промышленности. «Мы сейчас, – заявил он, – еще не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов...»

А вот что писал в своих мемуарах К.К. Рокоссовский:

«Мне запомнился разговор, происходивший в моем присутствии между Г.К. Жуковым и И.В. Сталиным. Это было чуть позже, уже зимой. Сталин поручил Жукову провести небольшую операцию, кажется в районе станции Мга, чтобы чем-то облегчить положение ленинградцев. Жуков доказывал, что необходима крупная операция, только тогда цель будет достигнута.

Сталин ответил: „Все это хорошо, товарищ Жуков, но у нас нет средств, с этим надо считаться“. Жуков стоял на своем: „Иначе ничего не выйдет, одного желания мало“. Сталин не скрывал своего раздражения. Но Жуков не сдавался. Наконец Сталин сказал: „Пойдите, товарищ Жуков, подумайте. Вы пока свободны“.

Видимо, в тех условиях более целесообразно было принять план последовательного решения задач и начать разгром противника с группы армий «Центр», где успех сразу же сказался бы на работе промышленности Москвы, московского железнодорожного узла и всего московского промышленного района, а это позволило бы улучшить снабжение войск. Приняв же план разгрома врага на всех стратегических направлениях, все-таки не удалось создать достаточно сильных группировок ни на одном из них. Все резервы Ставки – девять армий, сформированных накануне наступления, – были распределены по фронтам почти равномерно.

Но для осуществления операций на окружение были необходимы и соответствующие условия. Таких условий просто не было. По этой же причине нереальными оказались задачи войск Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронта по окружению основных сил группы армий «Север» и снятию блокады Ленинграда.

По решению Ставки, основная роль в разгроме врага отводилась Волховскому фронту. Его войска должны были прорвать оборону противника по р. Волхов, во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта окружить и пленить войска 18-й немецкой армии, блокировавшие Ленинград, которые выдвинулись к Ладожскому озеру в районе Мги.

Между тем немецкой группе армий «Север» уточнялась задача:

удерживать «рубеж р. Волхов и линию железной дороги, проходящей от станции Волхов на северо-запад... Оборонять указанный рубеж до последнего солдата, не отступать больше ни на шаг и тем самым продолжать осуществление блокады Ленинграда».

Для противника основополагающими целями военной кампании на зиму 1941/42 г. были: удержание захваченных территорий на возможно более выгодном рубеже минимальными силами; предоставление войскам отдыха, их пополнение; создание предпосылок для возобновления наступательных операций весной 1942 г.

По замыслу советского командования войска Волховского фронта в составе 4, 59, 2 ударной и 52-й армий должны были перейти в общее наступление, имея целью разбить противника, оборонявшегося по западному берегу Волхова, главными силами выйти на рубеж Любань (ст. Чолово). В дальнейшем, наступая в северо-западном направлении, войска фронта во взаимодействии с Ленинградским фронтом должны были окружить и пленить силы врага, блокировавшие Ленинград. Ленинградскому фронту ставилась задача содействовать Волховскому фронту в разгроме противника под Ленинградом и освобождении его от блокады. Войска Северо-Западного фронта получили задачу правым крылом нанести удар в направлении Старая Русса, Сольцы, Дно, перерезать коммуникации Новгородской группировки немцев и во взаимодействии с войсками левого крыла Волховского фронта нанести ей поражение, содействуя тем самым решению главной задачи вырвать Ленинград из кольца блокады.

Командующий войсками Волховского фронта генерал армии К.А. Мерецков решил главный удар нанести силами двух новых армий (2-й ударной и 59-й), прорвать вражескую оборону в районе Спасская Полисть, выйти на рубеж Любань, Дубовик, Чолово и уничтожить во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта любанско-чудовскую группировку противника. В дальнейшем командование фронта предполагало наступление в северо-западном направлении и при содействии части сил Ленинградского фронта осуществить прорыв блокады Ленинграда. Левое крыло Волховского фронта получило задачу во взаимодействии с войсками правого крыла Северо-Западного фронта разгромить врага в районе Новгород, Сольцы, Дно.

Завершение сосредоточения войск фронта в исходных районах для наступления было назначено на 26 декабря 1941 г. Однако из-за сильных морозов и снежных заносов, слабой пропускной способности железных дорог, изношенности и недостатка автотранспорта, слабой организации

автотранспортной службы оно шло с запозданием на 10–15 суток и закончилось лишь к 7–8 января 1942 г., а артиллерии – к 10–12 января. Вследствие отставания тылов войска испытывали большой недостаток в боеприпасах и других материальных средствах.

«Не довольствуясь директивными указаниями, – вспоминал спустя десятилетия К.А. Мерецков, – Ставка в конце декабря направила на Волховский фронт своего представителя Л.З. Мехлиса, который ежедневно подгонял нас». Главной задачей уполномоченного Ставки было обеспечение своевременного прибытия пополнений и снабжение войск.

Так, проверив положение в 4-й армии, Мехлис телеграфирует 4 января начальнику тыла Красной армии генералу Хрулеву: «Положение с продфуражом нетерпимое. На 2-е января по данным управления тыла в частях и на складах армии мяса – 0, овощей – 0, сена – 0, консервов – 0, сухарей – 0. Кое-где хлеба выдают по 200 грамм... Что здесь – безрукость или сознательная вражеская работа?»

Тщательной подготовки войск фронта к наступлению не получилось и по другим видам обеспечения. К.А. Мерецков в книге воспоминаний отмечал, «что к началу января 1942 г. фронт, по существу, не имел своего тыла». Войска снабжались напрямую, минуя фронт: центр – армия. Для вновь прибывших армий это было очень плохо, так как их подвижные запасы находились в пути, а фронт ничего не мог им дать.

«Снабжение войск фронта оставалось неудовлетворительным еще продолжительное время. Причин тому было три: нарушение графика подачи снабженческих эшелонов, слишком большая растяжка путей подвоза и почти полное отсутствие автотранспорта. Гужевого транспорт, являвшийся в подготовительный период основным, ввиду больших расстояний от пунктов снабжения до районов сосредоточения не мог справиться даже с подвозом фуража. Один его оборот обычно занимал несколько суток».

Но тем не менее для выполнения задач операции командующий Волховским фронтом создал следующую группировку своих войск. На правом крыле фронта на участке Кириши – Лезно действовала 4-я армия. В ее состав входило 7 стрелковых дивизий, которые были ослаблены в предыдущих боях и имели большой некомплект в людях и вооружении. Командующий – генерал-майор П.А. Иванов. Левее на фронте Завижа – Дымно развернулась 59-я армия под командованием генерал-майора И.В. Галанина. В ее состав также входило всего 7 стрелковых дивизий.

Южнее 59-й армии, по правому берегу Волхова на фронте Крупичино – Русса, заняла исходное положение 2-я ударная армия (бывшая 26-я

резервная) под командованием генерал-лейтенанта Г.Г. Соколова. В составе армии находились одна стрелковая дивизия (327-я) и семь стрелковых бригад (25, 57, 58, 23, 24, 22, 59-я). Все они были укомплектованы личным составом, однако не хватало вооружения и его приходилось получать в ходе выдвижения.

Левее 2-й ударной армии до озера Ильмень развернулась 52-я армия, которой командовал генерал-лейтенант В.Ф. Яковлев. В армию входили всего пять стрелковых дивизий и одна кавалерийская дивизия.

Все соединения имели некомплект в личном составе, им не хватало артиллерии и автоматического оружия.

Войскам Волховского фронта противостояли 1-й и 38-й армейские корпуса 18-й армии противника, имевшие 8 пехотных дивизий (11, 21, 61, 215, 216, 254, 291-я немецкие и 250-я – испанская). В оперативном резерве группы армий «Север» на данном направлении находились 39-й моторизованный корпус и 285-я – охранная дивизия.

В ожидании наступления советских войск немцы спешно создавали сильную оборону. На подготовленных позициях, состоявших из системы узлов сопротивления и опорных пунктов, у них имелось большое количество дзотов, пулеметных блиндажей и площадок. Передний край обороны в основном проходил по западному берегу Волхова. Второй оборонительный рубеж пролегал по насыпи железнодорожной линии. Оперативную глубину обороны немцев составляла система узлов, оборудованных главным образом в населенных пунктах. Они имели сильную артиллерийскую группировку, а оборона наземных войск поддерживалась значительным количеством авиации. К тому же нельзя не учитывать и то обстоятельство, что зима больше благоприятствует обороне, чем наступлению.

Маневр – главный элемент наступления, зимой ограничен глубоким снегом и коротким днем. А тем более на больших пространствах. Кроме того, зимние ночи обеспечивают обороняющемуся возможность ведения эффективного огня вследствие хорошей видимости. В этих условиях боевые действия сводятся, как правило, к борьбе за дороги и населенные пункты. При расчете времени все цифры увеличиваются в три-четыре раза. Короткие дни и длинные ночи значительно сокращают то благоприятное время, которое необходимо для ведения боевых действий.

Офицер генерального штаба сухопутных войск Германии Эйке Миддельдорф так напишет в своей книге «Русская кампания: тактика и вооружение»: «Опыт русской кампании показывает, что зимние наступательные операции в Восточной Европе в большинстве случаев

были связаны со значительными потерями в живой силе и технике. Эти потери не оправдали достигнутых результатов, а операции часто оканчивались провалом. Позиционная оборона или наступательные действия местного характера даже в особо тяжелых зимних условиях, наоборот, проводились успешно». И еще: «Зимой чрезвычайно трудно проводить крупные наступательные действия с решительными целями. В зимних условиях критический момент наступательной операции наступает намного раньше, чем летом. Ударные части наступающих войск привязаны к дорогам. Поэтому они имеют очень узкое построение и легко могут быть отрезаны. Обход крупных очагов сопротивления связан с большой затратой времени и значительной нагрузкой на войска. Фронтальное наступление при глубоком снежном покрове в большинстве случаев неосуществимо».

Такого рода выводы были сделаны автором уже после Второй мировой войны, но тем не менее они объясняют многое.

В начале января Волховский фронт вел борьбу за расширение плацдармов на левом берегу р. Волхов, которые удалось захватить еще в ходе контрнаступления под Тихвином. Войска фронта превосходили немцев в людях в 2,2 раза, в танках – в 3,2 раза, в артиллерии – в 1,5 раза. А вот 54-я армия Ленинградского фронта имела преимущество над противником в людях – всего в 1,2 раза и в артиллерии – в 1,6 раза. Противостоящий им противник обладал абсолютным господством в воздухе и создал хорошо организованную оборону как на левом берегу Волхова и у Погостья, так и под Ленинградом.

2

7 января 1942 г. войска Волховского фронта, не закончив перегруппировку, не сосредоточив авиацию и артиллерию, а также не накопив необходимых запасов боеприпасов и горючего, попытались прорвать оборону противника на р. Волхов.

Сначала к активным боевым действиям перешла его главная ударная группировка (4-я и 52-я армии), а затем последовательно начали втягиваться в сражение войска 59-й и 2-й ударной армии.

В течение трех дней армии генерала Мерецкова пытались прорвать вражескую оборону. Однако наступление успеха не принесло. Безрезультатной оказалась и попытка 54-й армии. Одной из причин столь неудачного начала операции явилась неготовность к наступлению 2-й ударной армии генерала Соколова. А ведь еще 7 января в 00.20 в боевом

донесении Верховному командующий Волховским фронтом докладывал: «2-я ударная армия заняла исходное положение по восточному берегу р. Волхов в готовности начать наступление с утра 7.1. силами пяти бригад и 259-й стрелковой дивизии.

Несмотря на то что сосредоточение не было закончено, 2-я ударная армия перейдет 7 января в наступление. Основные трудности: не прибыла армейская артиллерия 2-й ударной армии, не прибыли ее гвардейские дивизионы, не сосредоточилась авиация, не прибыл автотранспорт, не накоплены запасы боеприпасов, не выправлено еще напряженное положение с продфуражом и горючим...»

К слову сказать, к началу января обеспеченность стрелковых дивизий и бригад артиллерийским вооружением не превышала 40 % штатного состава. На 1 января 1942 г. фронт имел всего 682 орудия 76 мм калибра и крупнее, 697 минометов 82 мм и крупнее и 205 противотанковых орудий.

И хотя соотношение в артиллерийских средствах было 1,5:1 в пользу советских войск, все же в результате медленного сосредоточения артиллерии не удалось создать к началу наступления решающего превосходства в ней над врагом. Противник превосходил войска фронта по орудиям ПТО в 1,5 раза, а по орудиям крупного калибра – в 2 раза. Уже в ходе наступления атаке пехоты и танков предшествовали короткие огневые налеты. Артиллерийская поддержка атаки и сопровождение боя в глубине осуществлялись сосредоточенным огнем и огнем по отдельным целям, по заявкам командиров стрелковых подразделений. Но перед началом атаки пехоты и танков не удалось подавить огневые средства противника и нарушить систему его огня. Вследствие этого атакующие части сразу же натолкнулись на организованный огонь из всех видов оружия.

Волховский фронт Орудия и минометы

2-я ударная 462 ед.

4-я армия 1118 ед.

52-я армия 334 ед.

59-я армия 381 ед.

Всего: 4 армии 2295 ед.

ВВС Волховского фронта находились еще в худшем положении. В наличии фронт имел всего 118 боевых самолетов, что было явно недостаточно.

ВВС Волховского фронта Боевые самолеты

7 истребительных авиаполков – 71 – МиГ-3, Як-1, Лагг-3

3 штурмовых авиаполка – 19 – Ил 2

2 бомбардировочных авиаполка – 6 – Пе 2, 18 По-2

Отдельная разведэскадрилья – 4 – Пе 2

В начале января 1942 г. командующий фронтом поставил перед авиацией сложную задачу: в течение 5–7 дней подготовиться к нанесению бомбовых ударов в Любанской наступательной операции. Главные усилия планировалось сосредоточить на прикрытии и поддержке войск 2-й ударной армии и 59-й армии.

Однако в результате больших потерь в операциях начального периода войны и в операциях, проведенных летом и осенью 1941 г., советская авиация не смогла завоевать стратегическое господство в воздухе, а значит, не могла обеспечить эффективную поддержку наступающих войск и теперь. Количественное превосходство над авиацией противника, утраченное в 1941 г., вновь удалось восстановить только весной 1942 г.

Если 6 декабря 1941 г. оно составляло 1: 1,4 в пользу противника, то уже в мае 42-го – 1,3: 1 в пользу советской фронтовой авиации. Все это было достигнуто за счет наращивания производственных мощностей авиационной промышленности, обеспечившей непрерывное увеличение количества поставлявшихся фронту самолетов. Следующая причина, сказавшаяся на слабой эффективности ВВС Волховского фронта, заключалась в том, что по удельному весу на долю армейской авиации приходилось более 80 %, а фронтовой авиации – менее 20 % авиаполков. В ВВС Германии в это же время только около 15 % сил авиации находилось в составе полевых армий, остальные 85 % составляли воздушные флоты, непосредственно подчинявшиеся главнокомандующему ВВС Германии и выполнявшие боевые задачи лишь в оперативном взаимодействии с объединениями сухопутных войск.

Это значительно облегчало фашистскому командованию организацию и концентрацию главных сил люфтваффе на главном направлении действий своих войск, не требовало переноса усилий авиации с одного направления на другое, создания крупных авиационных резервов.

Сосредоточение значительных сил авиации фронта в общевойсковых армиях привело в первый год войны к распылению и без того ограниченных сил авиации, исключило централизованное управление и

массированное ее применение в масштабе фронта. А подчинение ВВС фронта командующему войсками фронта исключало централизованное управление ВВС Красной армии со стороны их командующего, затрудняло их массированное применение на стратегических направлениях. А все это вместе взятое снижало эффективность боевых действий ВВС Красной армии как на советско-германском фронте в целом, так и в полосах каждого фронта. ВВС были «заключены» в такие рамки, которые не позволяли им реализовать в полном объеме маневренные и ударные возможности. Вот выдержка из директивы командующего ВВС Красной армии – заместителя НКО Союза ССР от 25.1.42 генерал-полковника авиации П.Ф. Жигарева:

«Использование авиации фронтов, учитывая ее ограниченное количество, в настоящее время осуществляется неправильно. Командующие Военно-воздушными силами фронтов вместо целеустремленного массирования авиации на главных направлениях против основных объектов и группировок противника, препятствующих успешному решению задач фронта, распыляют средства и усилия авиации против многочисленных объектов на всех участках фронта. Подтверждением этому служит равномерное распределение авиации между армиями... Массированные действия авиации со стороны командующих Военно-воздушными силами фронтов в интересах намеченных операций производятся нерешительно или вовсе отсутствуют».

Таким образом, кроме неготовности 2-й ударной армии, фронтовая операция была обречена прежде всего из-за отсутствия решающего превосходства над врагом как в артиллерии, танках, так и в авиации, в неправильном использовании сил и средств, в распылении их усилий по всему фронту вместо массированного применения на главных направлениях. Но это с одной стороны. А с другой – кроме того, что советским командованием был упущен фактор внезапности, упущено драгоценное время, группировка артиллерии, танков и авиации и впоследствии наращивалась весьма медленно из-за отсутствия значительных резервов у Ставки. При таком положении дел необходимое массирование сил и средств практически было вряд ли возможным. А несовершенство организационной структуры ВВС лишали наземные войска достаточно эффективной поддержки с воздуха.

Запись переговоров по прямому проводу

Верховного главнокомандующего и

заместителя начальника Генерального штаба

с командованием Волховского фронта

10 января 1942 г.

Мерецков. У аппарата Мерецков, Запорожец и Мехлис.

Сталин. У аппарата Сталин, Василевский.

1. По всем данным, у вас не готово дело наступления к 11 числу. Если это верно, надо отложить еще на день или два дня. Чтобы наступать и прорвать оборону противника, надо иметь в каждой армии ударную группу хотя бы из трех дивизий и надо, кроме того, сосредоточить 50–60 орудий в районе ударной группы каждой армии для поддержки ударной группы. Есть ли у вас все это и подготовлено ли уже?

2. Если Соколов не подходит для армии, надо его сменить и назначить на его место хотя бы Яковлева.

3. Нужно вернуть Клыкову его дивизии и надо сделать это побыстрее, в противном случае армия Клыкова будет небоеспособной.

4. Не нужно дробить 4-ю армию на две армии, ее надо сохранить как армию во главе с Ивановым. Никакой опергруппы в составе 4-й армии не нужно, нужна лишь ударная группа, которой должен руководить командующий армией. У русских говорится: поспешишь – насмешишь. У вас так и вышло. Поспешили с наступлением, не подготовив его, и насмешили людей. Если помните, я вам предлагал отложить наступление, если ударная армия Соколова не готова. Вы отказались отложить, а теперь пожинаете плоды своей поспешности.

Прибыв на Волховский фронт, Л.З. Мехлис передал К.А. Мерецкому записку от И.В. Сталина:

«Уважаемый Кирилл Афанасьевич!

Дело, которое поручено Вам, является историческим делом.

Освобождение Ленинграда, сами понимаете, – великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта *не разменивалось на мелкие стычки*, а вылилось бы в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление именно в *единый и общий удар* по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков.

Жму руку и желаю Вам успеха.

И. Сталин

29.12.41».

Мерецков. Докладываю: 1. С большим трудом лично Военным Советом подготовили наступление Галанина и Соколова, причем если большую работу можно было возложить после проверки и инструктажа на месте на Галанина и его командиров, то за Соколова необходимо всю работу до мелочей вести самим. Сейчас в основном работа у Галанина и Соколова выполнена, созданы ударные группы для прорыва, но мы считаем, что нужно еще раз лично самим проверить готовность на местах и устранить недоделки. Сейчас у Соколова собраны мною командиры бригад и дивизий для того, чтобы каждого из них проверить. Для подготовки Клыкова потребуется еще три дня, причем необходимо учесть, что часть артиллерии Клыкова я привлек для работы на направлении главного удара Соколова. Только в настоящее время 288-я и 111-я дивизии остались в составе [армии] Галанина. Я их имел в виду. Армию Клыкова [надо] ставить во второй эшелон, так как нежелательно было [бы] брать их до овладения Чудово и Грузино. Поэтому, если представляется возможным, нужно было бы у Соколова и Галанина начать 12-го, у Клыкова – 13-го, Иванов может начать одновременно с Галаниным. Если можно, на вторую ударную, как знающую хорошо направление, поставить Клыкова, а вместо Клыкова на 52-ю – Яковлева.

Сталин. А как 4-я армия?

Мерецков. 4-я армия может быть подготовлена к наступлению на 12-е одновременно с Галаниным и Соколовым.

Сталин. Хорошо, отложите на 12-е, а 52-ю армию – на 13-е, Клыкова можно пересадить на 2-ю ударную, а Яковлева – на 52-ю. Обдумайте хорошенько, может быть, отложить еще на день, то есть на 13-е, с тем, чтобы все армии выступили вместе с 52-й армией. Не нужно хорохориться, а нужно сказать честно – готовы ли будете к 12-му или нет. Завтра вылетает к вам начальник артиллерии Воронов; сядет на аэродром Хвойная. Он вам окажет помощь по части артиллерии. Известно ли вам, что Морозов уже

захватывает Старую Руссу? Все.

Мерецков. Если наступать всеми армиями, это лучше, но в этом случае готовность надо отложить на 13-е. О действиях Морозова нам ничего не известно.

Сталин. Морозов ворвался в Старую Руссу и ведет бои одной частью своих дивизий в городе Русса, а другой частью пошел на Сольцы. Мы согласны отложить наступление на 13-е число. Сейчас получите приказ о назначениях и перемещениях:

«Командующему войскам Волховского фронта: 10 января 1942 г. 3.30. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Освободить генерал-лейтенанта Соколова от командования 2-й ударной армией и направить в распоряжение Ставки.
2. Назначить генерал-лейтенанта Клыкова командующим 2-й ударной армией, освободив его от командования 52-й армией.
3. Назначить генерал-лейтенанта Яковлева командующим 52-й армией.
4. Об исполнении донести.

Ставка Верховного Главнокомандования. И. Сталин, А. Василевский».

Все.

«Все ясно, приняли приказ. Мерецков, Запорожец».

Таким образом, Военный совет Волховского фронта попросил Ставку отложить операцию еще раз на три дня. Хотя для нормальной подготовки наступательной операции требовалось как минимум 15 суток. Но выбора не было.

Мы уже говорили о причинах неудачного начала операции Волховского фронта. Теперь же из записи переговоров Сталина с Мерецковым мы можем узнать, что, оказывается, Верховный предлагал командующему отложить наступление, но тот отказался. Почему?

Однозначно сказать сложно, но могу предположить, что К.А. Мерецков переоценил возможности своих войск и недооценил противника. К сожалению, такое бывает. «Командиры и штабы не сумели осуществить управление частями и организовать взаимодействие между ними». А неготовность к наступлению 2-й ударной попытались исправить заменой командующего. Генерал-лейтенант Григорий Григорьевич Соколов в Красной армии служил с 1920 г., после окончания высшего начального училища в Харькове. В 1921 г. он окончил Пехотные курсы, в 1928 г. – Кавалерийские курсы усовершенствования начальствующего состава, в 1934 г. – Военную академию имени М.В. Фрунзе. Но большую часть службы он проходил в пограничных войсках. В июне 1941 г. генерал-майор

Соколов – заместитель наркома внутренних дел. В августе – начальник штаба Центрального фронта (несколько дней), с сентября – заместитель начальника Генштаба, затем командующий 26 армией.

Войска этой армии вели оборонительные бои на Орловско – Тульском направлении. Но уже в конце октября управление армии было расформировано из-за значительных потерь, понесенных армией в этих боях. Войска были переданы 50-й армии. Вновь 26-я армия была сформирована в ноябре 1941 г. в Приволжском военном округе, и Соколова назначили ее командующим. В декабре армию переформировали во 2-ю ударную и передали в состав Волховского фронта 25 декабря. В 1942 г. генералу Соколову было всего 38 лет. Однако несмотря на это, несмотря и на высокий уровень образования, считается, что Соколов не имел навыков в практическом руководстве общевойсковыми соединениями. А тот боевой опыт, что он приобрел за 10 дней оборонительных боев под Мценском в качестве командующего 26-й армией, был совершенно недостаточным, чтобы в крайне сжатые сроки решить комплекс сложнейших задач, связанных с подготовкой армейской наступательной операции.

Из воспоминаний К.А. Мерецкова:

«Неудачно были подобраны отдельные военачальники. Позволю себе остановиться на характеристике командующего 2-й ударной армией генерал-лейтенанта Г.Г. Соколова. Он пришел в армию с должности заместителя наркома внутренних дел. Брался за дело горячо, давал любые обещания. На практике же у него ничего не получалось. Видно было, что его подход к решению задач в боевой обстановке основывался на давно отживших понятиях и догмах. Вот выдержка из его приказа № 14 от 19 ноября 1941 г.:

„1. Хождение, как ползание мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг – аршин, им и ходить. Ускоренный – полтора, так и нажимать.

2. С едой не ладен порядок. Среди боя обедают и марш прерывают на завтрак. На войне порядок таков: завтрак – затемно, перед рассветом, а обед – затемно, вечером. Днем удастся хлеба или сухарь с чаем пожевать – хорошо, а нет – и на этом спасибо, благо день не особенно длинен.

3. Запомнить всем – и начальникам, и рядовым, и старым, и молодым, что днем колоннами больше роты ходить нельзя, а вообще на войне для похода – ночь, вот тогда и маршируй.

4. Холода не бояться, бабами рязанскими не обряжаться, быть молодцами и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом!“

Ну чем не Суворов? Но ведь известно, что Суворов, помимо отдачи

броских, проникающих в солдатскую душу приказов, заботился о войсках. Он требовал, чтобы все хорошо были одеты, вооружены и накормлены. Готовясь к бою, он учитывал все до мелочей, лично занимался рекогносцировкой местности и подступов к укреплениям противника. Соколов же думал, что все дело в лихой бумажке, и ограничивался в основном только приказами.

На совещании, которое Военный совет фронта созвал перед началом наступления на командном пункте 2-й ударной армии, командиры соединений выражали обиду на поверхностное руководство со стороны командарма. На этом же совещании выяснилось, что генерал Соколов совершенно не знал обстановки, что делают и где находятся соединения его армии, был далек от современного понимания боя и операции, цеплялся за старые методы и способы вождения войск. И там, где эти методы не помогали, у него опускались руки. Не случайно поэтому подготовка армии к наступлению непросто затянута. Было ясно, что генерал Соколов не способен руководить войсками армии».

Сменившему Соколова генерал-лейтенанту Николаю Кузьмичу Клыкову было уже 54 года. В Гражданскую войну он прошел роту, батальон, стрелковый полк и бригаду. После командовал полком, был помощником командира дивизии, комендантом Москвы, начальником отдела штаба округа, командовал стрелковой дивизией, а в 1938 г. был назначен помощником командующего войсками МВО.

Правда, в отличие от Соколова он не учился в военной академии, но все же в 1929 г. окончил высшие академические курсы при ней, что оказалось более чем достаточным. С июля 1941 г. он успешно командовал 32-й армией, затем с августа 1941 г. – 52-й армией. Генерал Клыков считался опытным и волевым командующим. Спустя десятилетия он вспоминал: «В ночь на 10 января 1942 г. меня вызвали в Папоротно, где размещался штаб ударной армии. Здесь уже находились командующий войсками фронта К.А. Мерецков, член Военного совета фронта А.И. Запорожец и представитель Ставки армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис. Выслушав мой рапорт о прибытии, Мерецков объявил:

– Вот ваш новый командующий. Генерал Соколов от должности отстранен. Генерал Клыков, принимайте армию и продолжайте операцию. Приказ был совершенно неожиданным для меня. Как продолжать? С чем? Я спросил у присутствовавшего здесь же начальника артиллерии:

– Снаряды есть?

– Нет, израсходованы, – последовал ответ.

– Как же без снарядов продолжать наступление? – обратился я к

командующему войсками фронта. Но что он мог ответить? Отсутствие снарядов объяснялось не чьей-то нераспорядительностью: их просто неоткуда было взять.

– Сколько вам потребуется снарядов? – спросил Мерецков.

– Пять боевых комплектов на прорыв и по два комплекта на каждый день боя. На организацию наступления потребуется пять суток. За это время необходимо восполнить потери.

Начался мучительный торг из-за каждого снаряда. Сначала командующий пообещал только три четверти боевого комплекта. В конце концов сошлись на том, что мы получим три боевых комплекта, а недостающие два будут подвезены уже в ходе боя. Начало наступления было отложено лишь на три дня».

По предвоенным взглядам на наступательную операцию расход боеприпасов составлял 4–5 армейских боекомплектов. На подготовительный этап – 0,5 боекомплекта, на прорыв оборонительной полосы – 2–3 боекомплекта и на развитие прорыва и действия в оперативной глубине – от 1,5 до 2 боекомплектов. А всего на операцию – от 4 до 5,5 боекомплектов. Но все это было в теории, а значит, при идеальных условиях проведения операции. Однако на практике таких условий зимой 1942 г. не было. Но тем не менее задача поставлена и выполнять ее надо. Так штаб 2-й ударной во главе с новым командующим приступил к организации прорыва обороны противника. Генерал Клыков прежде всего провел рекогносцировку с командным составом дивизий, бригад и полков. Из-за условий местности, которые затрудняли выбор наблюдательных пунктов, сложно оказалось с артиллерией. К началу боя было решено большую часть орудий подтянуть к самому берегу, потом тщательно замаскировать и по готовности прямой наводкой вести огонь по выявленным целям противника. Начальник артиллерии армии получил указание: «Как только наступающие части перейдут Волхов и преодолечат высокий берег, сопровождать пехоту огнем...»

В связи с этим артиллерийские командиры и наблюдатели должны были «следовать с передовыми ротами и не прерывать огня ни на минуту». Генерал Клыков вспоминал: «До начала боя пехота должна прорыть в снегу траншеи возможно ближе к переднему краю противника. Наступление планировалось одновременно на всем 27-километровом фронте армии. Артиллерией же насыщался преимущественно участок прорыва Коломно – Костылево – совхоз „Красный ударник“».

Характерно, что 10 января Ставка ВГК отправила всем Военным советам фронтов и армий директивное письмо № 03 о действиях ударными

группами и об организации артиллерийского наступления. В нем, в частности, говорилось:

«Можно ли сказать, что наши войска уже научились взламывать и прорывать оборонительную линию противника?»

К сожалению, нельзя сказать этого с полным основанием. Во всяком случае, далеко еще не все наши армии научились прорывать оборонительную линию противника.

Что требуется для того, чтобы обеспечить прорыв оборонительной линии противника на всю глубину?

Для этого требуется, по крайней мере, два условия: во-первых, нужно заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении, и, во-вторых, необходимо заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением.

1. Действия ударными группами.

Большинство наших армий, к сожалению, еще не научились взламывать и прорывать при нашем наступлении оборонительную линию противника. Наши войска наступают обычно отдельными дивизиями или бригадами, расположенными по фронту в виде цепочки. Понятно, что такая организация наступления не может дать эффекта, так как не дает нам перевеса сил на каком-либо участке. Такое наступление обречено на провал. Наступление может дать должный эффект лишь в том случае, если мы создадим на одном из участков фронта большой перевес сил над силами противника. А для этого необходимо, чтобы в каждой армии, ставящей себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа в виде трех или четырех дивизий, сосредоточенных для удара на определенном участке фронта. В этом первейшая задача командования армии, ибо только таким образом можно обеспечить решительный перевес сил и успех прорыва обороны противника на определенном участке...

2. Организация артиллерийского наступления.

В деле прорыва обороны противника и организации наступления против противника артиллерия имеет решающее значение. Без серьезной и длительной помощи артиллерии, сосредоточенной на одном каком-либо участке, прорыв обороны противника и организация наступления невозможны. У нас нередко бросают пехоту в наступление против оборонительной линии противника без артиллерии, без какой-либо поддержки со стороны артиллерии, а потом жалуются, что пехота не идет

против обороняющегося и окопавшегося противника. Понятно, что такое „наступление“ не может дать желаемого эффекта. Это не наступление, а преступление – преступление против Родины, против войск, вынужденных нести бессмысленные жертвы.

В чем должна состоять артиллерийская поддержка пехоты при наступлении?

Под артиллерийской поддержкой пехоты у нас обычно понимают артиллерийскую подготовку перед наступлением. Обычно артиллерия ведет огонь перед наступлением пехоты полчаса, час, иногда два часа и больше, а потом артиллерия перестает действовать, предоставляя пехоте наступать, несмотря на то что оборона противника еще не разрушена на всю ее глубину, а артиллерийские точки и пулеметные гнезда противника еще не подавлены. Это называется артиллерийской подготовкой. Не трудно понять, что такая артиллерийская поддержка недостаточна, а наступление при такой поддержке не может дать желаемого эффекта. Этим, собственно, и объясняется, что наши наступательные операции против обороны противника довольно часто выдыхаются...

Чтобы артиллерийскую поддержку сделать действенной, а наступление пехоты эффективным, нужно от практики артиллерийской подготовки перейти к практике артиллерийского наступления.

Что это означает?

Это означает, во-первых, что артиллерия не может ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой, должна вести огонь при небольших перерывах за все время наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину.

Это означает, во-вторых, что пехота должна наступать не после прекращения артиллерийского огня, как это имеет место при так называемой артиллерийской подготовке, а вместе с наступлением артиллерией, под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской „музыки“.

Это означает, в-третьих, что артиллерия должна действовать не вразброс, а сосредоточенно, и она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта, и только в этом районе, ибо без этого условия немислимо артиллерийское наступление. Любая наша армия, как бы она ни была бедна артиллерией, могла бы сосредоточить в районе действия своей ударной группы 60–80 орудий, обратив на это дело армейский артиллерийский полк и взяв у своих дивизий, скажем, по две батареи дивизионной артиллерии и десятка два-

три 120-миллиметровых минометов. Сформированная таким образом группа артиллерии была бы вполне достаточна для того, чтобы взломать оборону противника и оказать таким образом неоценимую артиллерийскую поддержку ударной группе армии...»

Это директивное письмо подписали Сталин и Василевский. Кто писал его, лично мне неизвестно. Возможно, что это и коллективное творчество. Но очень похоже, что текст тщательно редактировал сам вождь. В письме четко звучат слова и фразы Верховного. И еще это письмо чрезвычайно интересно новизной, попыткой уйти от догм довоенной теории. Но что стоит, например, за таким предложением или пожеланием: «А для этого необходимо, чтобы в каждой армии, ставящей себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа в виде трех или четырех дивизий, сосредоточенных для удара на определенном участке фронта», если в составе 2-й ударной армии в январе 1942 г. была всего одна 327-я стрелковая дивизия и семь стрелковых бригад? И только на 1 февраля количество стрелковых дивизий в армии увеличится до пяти.

А вот что сказано в письме по организации артиллерийского наступления: «Любая наша армия, как бы она ни была бедна артиллерией, могла бы сосредоточить в районе действия своей ударной группы 60–80 орудий, обратив на это дело армейский артиллерийский полк и взяв у своих дивизий, скажем, по две батареи дивизионной артиллерии и десятка два-три 120-миллиметровых минометов». Бесспорно, Ставка давала полезные и значимые советы. Но допустим, орудия собрать можно и минометы в нужном количестве. А что делать с ними, если нет боеприпасов, Ставка не объясняла. Характерный пример. К исходу второго дня наступления (14 января) 4-я армия имела боеприпасов для орудий 76 мм – 0,5 боекомплекта, 122 мм – 0,25, 152 мм – 0,3 боекомплекта, а для минометов – 0,25. Только вследствие этих причин большая часть войск Волховского фронта оказалась вынуждена в этот же день перейти к обороне.

Вечером 12 января унтер-офицер положил на стол командиру батальона связи 126-го пехотного полка майору Рюдигеру перехваченную и расшифрованную радиограмму 2-й ударной армии Волховского фронта, адресованную 327-й стрелковой дивизии, где говорилось примерно следующее: «Удерживать позиции любой ценой, наступление отложено,

продолжать отвлекающие атаки». Содержание перехваченной радиограммы было доложено по команде. Немцы действительно отнеслись к ней серьезно.

Но именно 13 января 1942 г. все началось...

Из воспоминаний командира 327-й стрелковой дивизии генерал-майора И.М. Антюфеева: «На рассвете 13 января после короткой (20—30-минутной) артподготовки части дивизии двинулись вперед. До переднего края противника было около 800—1000 м. Глубокий снег, особенно в долине реки, мороз до 30 градусов, сильный пулеметный и минометный огонь противника, а у нас – ни лыж, ни маскировочных халатов. Все это усложняло действия наступавших частей, особенно первого эшелона.

Пространство до рубежа атаки бойцы вынуждены были преодолевать ползком, зарываясь в снег. Лишь около 14.00 роты первого эшелона вышли на рубеж атаки. Люди были настолько измотаны, что, казалось, не в состоянии больше сделать ни шагу. Я вынужден был ввести в бой второй эшелон дивизии. И только вместе с ним поднялись в атаку подразделения первого эшелона. Оборона противника на участке Бор – Костылево была прорвана. Гитлеровцев отбросили на рубеж реки Полисть».

О начале операции генерал Клыков в своем дневнике записал: «На рассвете, после артиллерийской подготовки, продолжавшейся 1,5 часа, 2-я ударная армия перешла в наступление. Враг оказал ожесточенное сопротивление. То и дело завязывались штыковые схватки. Наша артиллерия сопровождения пехоты билась по вражеским укреплениям прямой наводкой. Некоторый успех обозначился только на второй день. Лишь 14 января удалось захватить Бор, Костылево, Арефино, Красный Поселок. Зацепились за деревню Ямно, ворвались в Коломна. Противник держался стойко. Части армии под его бешеным огнем буквально вгрызались в оборону, ломали ее, захватывая пункт за пунктом. Операция развивалась мучительно медленно».

Мне хотелось бы лишь дополнить воспоминания комдива и командарма следующим штрихом. Наступление 13 января снова было начато, когда многие артиллерийские части все еще находились на марше и принять участие в артиллерийской подготовке атаки не смогли.

Историки, которые уже писали на эту тему, утверждают, что на ход наступления повлияли ошибки в организации артиллерийского наступления.

Несмотря на требования Ставки ВГК о массированном применении артиллерии в войсках, якобы по-прежнему наблюдалось равномерное распределение артиллерии по фронту, что не позволяло создать на участках

прорыва необходимую плотность. Однако во 2-й ударной армии к началу боя была создана следующая группировка на направлении главного удара: 200 орудий, 250 минометов (только 85-миллиметровых и выше), 5 гвардейских дивизионов. И это гораздо больше, чем требовала Ставка ВГК в своем директивном письме.

14 января по прямому проводу К.А. Мерецков докладывал:

«**Мерецков.** Докладываю. Вчера, 13 января, все армии перешли в наступление, и по всему фронту в течение всего дня 13-го шли исключительно упорные бои. В итоге дня боевой работы успех можно отметить только на фронте 2-й [ударной] и 52-й армий. Эти армии: 2-я почти полностью форсировала р. Волхов, а 52-й – своей ударной группировкой, по существу, вчера, удалось только зацепиться за западный берег.

Сегодня, 14 [января], на указанных фронтах обеих армий начался бой за прорыв укрепленной полосы противника. К исходу дня можно считать (только сейчас) наметился прорыв на участке Бор, Ямно. На этом участке после исключительно кровавого боя овладели опорным пунктом Ямно, Красный Поселок (что к северу от Ямно). Захвачен Бор, и идет уличный бой в Костылево, южной окраиной этого населенного пункта овладели. Между Коломно и Бором прорван участок, и здесь не менее батальона наших войск накопилось на западном берегу.

Мы считаем, что на этом участке в основном первая линия обороны сломлена, и сейчас огонь противника уже ведется с опушек леса, западнее указанных населенных пунктов. Сюда, в этот образовавшийся прорыв, сейчас идут вторые эшелоны дерущихся на этом направлении войск и сюда же подтягиваются вторые эшелоны армии в Ямно. Пленный 126-й пехотной дивизии на предварительном допросе показал, что их войска несут большие потери и что штаб их полка находится в деревне Костылево, где сейчас ведется на улице бой. По общему впечатлению командиров частей, на указанном фронте пехоты противника немного, но много блиндажей и ДЗОТов с хорошо организованным автоматическим огнем...»

Внимательно выслушав подробный доклад командующего фронта, Сталин и Василевский передали следующие указания:

«1) Не прекращая развития прорыва, возьмите теперь же 2 дивизии из 59-й армии, стоящие во втором эшелоне, и бросьте в прорыв вместе с тремя бригадами 2-й армии, не дожидаясь сообщения от 59-й армии. То же самое

сделайте по части усиления артиллерией 2-й армии на участке прорыва так, чтобы в районе прорыва 2-й армии было у вас до 250 орудий.

2) очень прошу вас перенести свою ставку в Малую Вишеру, откуда легче будет руководить операциями. Все.

Мерецков. В Малой Вишере готовим командный пункт. 15-го ночью переедем в Малую Вишеру. Ваши указания ясны, примем к немедленному исполнению и начнем действовать сейчас же, чтобы использовать вторую половину ночи...»

Генерал-лейтенант Н.К. Клыков вспоминал: «Наконец на всем фронте наступления армия вышла на шоссе Новгород – Чудово, завершив прорыв тактической зоны обороны врага. Но легче не стало. Перед нами оказались опорные пункты противника – Трегубово, Спасская Полисть, Мостки, Любино Поле, Мясной Бор. Главные из них – Спасская Полисть и Мясной Бор – ключевые позиции. Продвижение частей и подразделений армии застопорилось».

С утра 15 января для развития успеха командующие 2-й и 52-й армий ввели в бой свои вторые эшелоны.

***Из боевого донесения командующего войсками Волховского фронта
Верховному главнокомандующему о ходе Любанской операции***

16 января 1942 г.
00 ч. 20 мин.

«2-я уд. армия 15.1. продолжала развивать успех на фронте Коломно, Ямно, очистив от противника его первую линию обороны. К исходу дня войска вели бой в лесу западнее Коломно, Бор, Ямно.

Все три бригады 2-го эшелона переправлены на западный берег р. Волхов: одна из них – 59-я – вступила в бой и к исходу дня вышла к верховью руч. Мал[ое] Иглино (4 км зап. р. Волхов). Две остальные бригады развернулись и подходят к опушке леса западнее Костылево, Арефино.

382 и 366 сд к утру 16.1. сосредотачиваются: 382 сд – в районе Бол[ьшие] Вяжищи, Вяжищи; 366 сд – в районе Гряды, Поселок 3-й. В течение дня противник переходил в частные контратаки, отбитые с большими потерями для противника. Трофеи, взятые на участке 2-й [уд.] армии, подсчитываются.

2-й [уд.] армии приказано провести перегруппировку сил, растянуть на широком фронте фланговые 25-ю и частично 24-ю бригады с тем, чтобы усилить ударную группировку вводом в прорыв 57-й бригады через Коломно на северо-запад для захвата дороги Спасская Полисть – Селищенский поселок и главными силами 24-й бригады – через Борисово на Любцы. 382 и 366 сд. к исходу дня выходят на рубеж р. Волхов...»

Из записи переговоров по прямому проводу заместителя начальника генерального штаба с командованием Волховского фронта

17 января 1942 г.

«**Мерецков.** Здравствуйте, сейчас выезжаю через Боровичи на Малую Вишеру и завтра ночью буду у Клыкова для того, чтобы общими усилиями возможно быстрее двинуть войска вперед. Соображения о развитии операции с линии шоссе у меня предварительно подготовлены. Имел в виду вам их представить 18-го утром после того, как лично побываю у Клыкова. Прошу сообщить, можно ли рассчитывать на такой срок представления соображений?...»

Из боевого донесения командующего войсками Волховского фронта № 552 Верховному главнокомандующему о плане развития любанской операции.

18 января 1942 г.

«К исходу 17.01.42 на фронте 2-й ударной и 59-й армий обозначился прорыв укрепленной полосы противника на участке от Коломно до Ямно и от пионерлаг. „Онег“ до Теремца.

В начальный период прорыва с 13.1 по 17.1. наступление войск в сильно укрепленной полосе развивалось медленно, что объяснялось наличием у противника сильно развитой системы укреплений, упорным сопротивлением его частей, бездорожной лесистой местностью и глубоким снежным покровом. Считаем, что в ближайшие два-три дня в связи с выходом войск в менее укрепленный район и вводом в бой дивизий второго эшелона операция на фронте 2-й уд. и 52-й армии будет протекать более быстрыми темпами.

Учитывая, что к этому же сроку операция на фронте 4-й и 59-й армий не получила необходимого развития, фронтovou операцию на ближайшее время строим на следующих основаниях:

1. Для глубокого развития прорыва привлекаем дополнительно к ранее переброшенным на участок 2-й ударной армии 366 и 382 сд еще две дивизии (111-ю и 374-ю), которые уже приступили к перегруппировке на это направление.

2. С выходом 2-й ударной армии на Ленинградское шоссе направить не менее четырех дивизий из ее состава в направлении Спасская Полисть, Апраксин Бор и далее на Любань для нанесения удара во фланг и тыл чудовской группировке противника. Удар 2-й уд. армии откроет возможность наступления 59-й армии в тыл чудовской группировке противника с севера и 4-й армии непосредственно на Любань. Остальные силы 2-й ударной армии будут наступать в общем направлении на Финев Луг с ближайшей задачей выйти на жел. дорогу Ленинград – Новгород...»

Таким образом, только к исходу дня 17 января после ввода в сражение всех сил войскам фронта удалось прорвать первый рубеж обороны противника на левом берегу Волхова и продвинуться на глубину от 5 до 10 км. Значительную помощь наземным войскам оказала авиация, которая за этот период совершила более 1500 боевых самолетовылетов.

После доклада К.А. Мерецкова Ставка разрешила перенести все усилия в направлении Спасской Полисти и Любани. «В соответствии с этим решением приостановившая наступление 4-я армия расширила свой оперативный участок за счет 59-й армии, а последняя сдвинулась еще южнее, почти в тыл 2-й ударной. Теперь в направлении Спасской Полисти создавалась группировка войск из трех армий: в центре на 15-километровом участке фронта наступала 2-я ударная, справа – 59-я армия, имея ударную группировку на своем левом фланге; слева – основные силы 52-й армии».

Главный удар наносился в обход укреплений немцев. 22 января генерал армии Мерецков докладывал Верховному о плане перегруппировки войск с целью развития успеха 2-й ударной армии: «На фронте 2-й ударной и 52-й армий прорыв развивается хотя и медленно, но с успехом. Прорыв образован на фронте протяжением 12 км от Селищенского поселка до совх. Красный Ударник, который окружен. По глубине войска продвинулись на 10 км и подошли к Ленинградскому шоссе.

Операции на направлении 4-й и 59-й армии приняли затяжной характер. Несмотря на то что на главном направлении 21.01.1942 на

участке в 12 км по фронту было сосредоточено 12 дивизий и более 400 орудий, прорвать оборону противника не удалось. На этом направлении противник имел сильно развитую в глубину оборону и сосредоточил до четырех пд (291, 81, 61 и 215) и четыре полка разных дивизий (139-й егерский, 9 пд СС, 322 и 311 пп).

Если 22.01.1942 при повторном наступлении на фронте 4-й и 59-й армий не будет достигнуто успеха, то для дальнейшего развития наступления Волховского фронта необходимо использовать успех 2-й ударной и 52-й армий и возможно скорее перегруппировать войска 59-й армии, усилив ее тремя дивизиями за счет 4-й армии, к правому флангу 2-й ударной армии для того, чтобы развивать наступление на Тосно в тыл мгинской группировки противника.

Представляем на утверждение следующий план перегруппировки сил и средств фронта:

При утверждении настоящих соображений можно в ночь с 22 на 23 января приступить к смене частей и с 23 января начать перегруппировку. В этом случае 59-я армия будет готова к переходу в наступление в составе 327, 372, 65 и 4-й гв. [стр.] дивизий 27 января. 378-я и 92-я [стр.] дивизии будут введены в бой на два дня позже. Причем по мере выхода дивизий в назначенный район они немедленно будут вводиться в прорыв, не ожидая подхода других».

В этот же день в 17 ч 45 мин Ставка утвердила представленные соображения, но при этом потребовала:

1. Указанную перегруппировку произвести скрытно для противника.
2. Наступательных действий 2-й и 52-й армий на время перегруппировки ни в коем случае не прекращать, а, наоборот, развивать.

Итак, с 14 января шли упорные и затяжные бои. Десять дней понадобилось войскам 2-й ударной, чтобы овладеть Мясным Бором и отбросить противника к западу.

25 января на 12-километровом участке в образовавшуюся брешь командующий фронтом ввел 13-й кавалерийский корпус (две кавалерийские дивизии и 1 стр. пд 59 армии), который вскоре добился значительного успеха. Вместе с ним продвигались части 2-й ударной в сторону Любани, Глубочки, ст. Чолово и Глухой Керести, охватывая небольшой частью своих сил с юго-запада чудовскую группировку противника. С этого времени основные усилия фронта были перенесены к месту развивавшегося прорыва. К Мясному Бору подошли внутренние фланги 52-й и 59-й армий, основной задачей которых теперь стали

обеспечение горловины прорыва и расширение ее в сторону Чудова и Новгорода.

Войдя в прорыв, 13-й кавалерийский корпус быстро продвигался в северо-западном направлении. Обходя укрепленные позиции и опорные пункты противника, его дивизии все более приближались к октябрьской железной дороге. Войска 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса, пройдя вперед до 50 километров на любанском направлении, встретили ожесточенное сопротивление введенных в сражение резервов противника.

Из воспоминаний генерала Клыкова: «К этому времени я сменил командный пункт, размещавшийся в погребе у деревни Городок...

Не успел как следует расположиться, как поступило донесение: противник со стороны Подберезья в направлении на Мясной Бор, Люблино Поле и от Трегубово и Спасской Полисти в направлении на Коломна – Костылево перешел в контратаку силами не менее двух полков, поддерживаемых танками и сильным артиллерийским и минометным огнем. Взглянул на карту. Так вот оно что: противник пытается взять нашу группировку в клещи. Сосед справа, 59-я армия генерала Галанина, помочь нам не может: она ведет тяжелый бой на широком фронте. А у нас на исходе снаряды. Принимаю решение расходовать неприкосновенный запас. Другого выхода из положения нет.

Бой разгорелся с новой силой. На врага брошена 22-я стрелковая бригада. Ее контратаку должна поддержать реактивная артиллерия. Бригада развернулась недалеко от моего наблюдательного пункта и начала продвигаться вперед. В этот момент из-за р. Волхов раздался залп гвардейских минометов – „катюш“... Удар пришелся по главным силам врага...

Контратака врага захлебнулась».

5

Для немцев прорыв оказался неожиданным. Вот как об этом пишет Пауль Карелл в книге «Дорога в никуда: вермахт и восточный фронт в 1943 г.»:

«Прорыв был осуществлен безупречно. Вот только основание его было слабовато, опасно ограничено в пространстве.

Чего же хотели русские? Была ли эта операция нацелена непосредственно на Ленинград, или же они имели иные, с большим

замахом планы?»

Но немцы быстро разобрались в обстановке и ответили на прямо поставленный вопрос: «Генералу кавалерии Линдемманну, командовавшему 18-й армией после того, как 15 января фельдмаршал фон Кюхлер принял командование группой армии „Север“, хватило одного беглого взгляда на оперативную карту, чтобы разгадать замысел русских – их участок прорыва, „бутылочное горлышко“, через которое они проталкивали свои силы, было слишком узким, а неприкрытые фланги слишком растянутыми. И продолжение этого наступления было бы с их стороны просто безумной авантюрой».

Ширина прорыва непосредственно по западному берегу реки Волхов достигла 25 км, но в районе Мясного Бора она равнялась всего лишь 3–4 км.

За пять дней 13-й кавалерийский корпус и соединения 2-й ударной армии углубились в расположение противника на 40 км, перерезав железную дорогу Ленинград – Новгород.

Пока наступление велось в северо-западном направлении (где силы противника были незначительны), продвижение шло успешно. Но стоило кавалеристам повернуть на северо-восток на Любань, как тут же темпы наступления начали падать в связи с возрастающим сопротивлением противника. Возникшие трудности с управлением (район наших войск увеличивался, а плотность боевых порядков уменьшалась) заставили командующего фронтом создать временные оперативные группы.

Из оперативной директивы командующего войсками Волховского фронта № 0023. 27 января 1942 г. 01 ч 30 мин:

«В связи с успешным выходом 13-го кавалерийского корпуса на тылы противника западнее рубежа реки Кереть и дальнейшего развития прорыва 2-й ударной армии приказываю:...

2. 2-й ударной армии для лучшего управления создать опергруппы в следующем составе:

а) Опер. группа Коровникова: 327, 374, 111 сд и 22 бригада. Задача группы – к исходу 28.1.1942 закончить ликвидацию опорных пунктов противника в полосе Ленинградского шоссе на участке Спасская Полисть – Любино Поле, после чего возможно скорее выдвигаться главными силами в район Новая Деревня, Вдицко, Финев Луг.

б) Опер. группа Привалова: 191, 382 сд и 57-я бригада (лыжная). Задача группы – в ночь на 27.1.1942 выдвинуть 191 сд и 57-ю бригаду через прорыв в район Лесопункта и возможно скорее выйти через Ольховку,

Кривино в район Малая Бронница, Червино, Ручьи.

382 сд, оставив один сп временно в подчинении тов. Коровникова, в ночь на 27.1.1942, выдвинуть из занимаемого района через Приютино, Сенная Кереть в район Подсосонье, Крапивино. На рубеж реки Кереть главным силам опер. группы выйти к исходу 28.1.1942.

в) Опер. группа тов. Жильцова: 23, 24, 58-я бригады. Задача – ликвидировать противника в районе Земтицы, Любцы, после чего, развивая наступление в направлении Мал[ое] Замошье, Село Гора, не позже исхода 29.1.1942 перерезать железную дорогу Ленинград – Новгород и, овладев районом Пятилипы, платформа Горенка, прочно обеспечивать левый фланг 2-й ударной армии со стороны верховьев р. Луга.

13-му кавалерийскому корпусу продолжать выполнять ранее поставленную задачу по выходу в район Любани и захвату последнего».

В конце января 1942 г. командованию Волховским фронтом стало ясно, что задача по разгрому основных сил 18-й армии противника на подступах к Ленинграду встречными ударами Волховского и Ленинградского фронтов перспективы не имеет.

Развивая наступление, 2-я ударная армия узким клином продвинулась на 70–75 км, глубоко охватив с юго-запада любанско-чудовскую группировку противника. До Ленинграда оставалось 50 км, до 54-й армии Ленинградского фронта еще меньше – 44 км.

Трезво оценивая сложившуюся ситуацию, генерал Мерецков предложил Ставке все усилия Волховского фронта сосредоточить на овладении Любанью и Чудовым. Ставка согласилась с этим предложением.

И хотя большая операция в силу сложившейся обстановки превратилась в ограниченную Любанскую, однако и она имела важное значение для обороны Ленинграда.

6

Характерно, что в военном дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии Франца Гальдера в январе 1942 г. волховский участок отмечался еще редко:

9 января. На волховском участке фронта отбита атака противника. Здесь и в районе Ладожского озера близится крупное наступление противника.

12 января. На волховском участке фронта – затишье перед бурей.

16 января. Тяжелые бои... на Волхове, где противник наступает на удивительно узком участке фронта.

27 января... противник добился тактического успеха на Волхове.

30 января. Чрезвычайно напряженная обстановка на волховском участке...

Это и удивительно, ведь, как мы уже говорили, прорыв для них оказался полной неожиданностью. Но в следующие месяцы в дневнике Ф. Гальдера волховский участок фронта займет гораздо больше места. Особенно март. И это не будет случайностью.

Из дневника Ф. Гальдера:

3 февраля. На волховском участке противник добился местных успехов.

4 февраля. За исключением местных успехов противника на волховском участке, существенных изменений не произошло.

5 февраля... на волховском участке продолжают ожесточенные бои.

10 февраля. На волховском участке противник не может добиться новых успехов.

11 февраля. На волховском участке наступательный порыв русских ослаб, что, видно, связано со значительными потерями.

16 февраля. На волховском участке – затишье.

24 февраля. Лишь на волховском участке противник усиливает свой натиск на север, в направлении Любани.

28 февраля. К северу от озера Ильмень противник сосредотачивает силы, чтобы усилить удар из района прорыва западнее Волхова в направлении на Любань. В связи с этим значительно ослабло давление противника на фронте 38-го армейского корпуса.

7

В феврале 2-я ударная лишь увеличила ширину фронта вклинения с 12–15 км до 35–47 км. Успехи по расширению прорыва закончились. Наступление армии хоть и развивалось, но не в том направлении – удаляясь от железнодорожной линии на Ленинград. Враг усиливал оборону.

Войска Ленинградского фронта из-за недостатка сил и вовсе не имели

продвижения. Освободить Любань не удавалось.

Генерал-лейтенант Н.К. Клыков:

«От пленного мы узнали, что над Любанью накапливаются еще пять вражеских дивизий врага – корпус генерала Герцога. Противник подтянул из Любани и Коркино более двух тыс. пехоты с танками, большое количество минометов и артиллерии и под прикрытием авиации 27 февраля начал наступление со стороны Сустье, Полянка, Коровий Ручей, Верховье на Красную Горку. Вражеская авиация бомбила и штурмовала безнаказанно...»

А 26 февраля командующий Волховским фронтом получил директиву Ставки ВГК № 170126, в ней говорилось:

«Ставка Верховного Главнокомандования не возражает против предлагаемого вами усилия любаньской и чудовской группировок 2-й ударной и 59-й армий.

Ставка в то же время категорически требует от вас ни в коем случае не прекращать наступательных действий 2-й ударной и 59-й армий на любанском и чудовском направлениях в ожидании их усиления, а, наоборот, потребовать от них до 1.03. выйти на жел[езную] дорогу Любань – Чудово, с тем чтобы после их усиления и не позднее 5 марта полностью ликвидировать любаньско-чудовскую группировку противника».

В этот же день командующий Ленинградским фронтом генерал М.С. Хозин получил директиву Ставки ВГК за № 170127:

«Войска Волховского фронта начали операцию по разгрому любань-чудовской группировки противника.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает, усилив в течение 26–27 февраля ударную группу 54-й армии, не позднее 1 марта перейти в решительное наступление в общем направлении на Любань, с тем чтобы, сочетая удар 54-й армии с ударом войск Волховского фронта, общими усилиями фронтов полностью ликвидировать любань-чудовскую группировку противника и освободить железнодорожную линию Любань – Чудово. О получении и отданных распоряжениях донести».

28 февраля 1942 г. в 02 ч 00 мин. Ставка отправила следующую директиву за № 170 128 на Волховский фронт К.А. Мерецкову:

«Для быстрейшего пленения или уничтожения любаньско-чудовской

группировки противника и для освобождения Ленинградской железной дороги до Любани включительно Ставка Верховного главнокомандования приказывает:

1. Усилить 2-ю ударную армию за счет 59-й армии не менее как двумя стрелковыми дивизиями.
2. Для нанесения решительного удара на направлении Любань и к северу от нее во 2-й ударной армии создать единую ударную группировку в составе не менее пяти стрелковых дивизий, четырех стрелковых бригад, одной кавалер[ийской] дивизии, усиленную танками, артиллерией и авиацией.
- 3...
- 4...
- 5... В ходе операции ни в коем случае не допускать распыления сил указанных ударных группировок на обеспечение флангов и тыла, используя для этой цели части, не вошедшие в состав ударных группировок.
6. Станцией и г. Любань, безусловно, овладеть и прочно закрепиться не позднее 4–5 марта...»

Судя по этим трем документам, отношение Ставки ВГК, а точнее самого товарища Сталина к командующим Волховским и Ленинградским фронтам, стало более чем жестким. По сути, это уже не предложения, не просьбы, не указания, а конкретные и немногословные приказы. Резкие приказы.

Но там, в Москве, я думаю, до конца так и не поняли всех причин, из-за которых уже невозможно было выполнить эти приказы. Генерал Клыков оставил в своем дневнике такую запись: «Кто действовал против нас? Какие силы врага встали на нашем пути? Где его слабые места? Длительное время наша разведка не могла ответить на эти вопросы».

Можно только представить, как в бой бросают стрелковые и лыжные батальоны практически на авось, потому что есть приказ, задача, сроки. Но это одно. Не имея достоверной информации о противнике, а следовательно не имея возможности оценить противника, тот же командующий армией просто вынужден был вести отдельными частями и подразделениями прощупывание его сил, для чего проводилась и так называемая силовая разведка. Время от времени стрелковые подразделения и части на отдельных участках переходили в наступление. Только после определения слабого места обороны противника 2-я ударная прорвала в ней брешь на 12-километровом участке.

Тогда операция по снятию блокады не получилась. Войска Волховского фронта во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта не смогли окружить и уничтожить выдвинувшуюся к Ладожскому озеру крупную группировку противника, хотя для этого было сделано достаточно много. Но нельзя забывать и о том, что с каждым днем условия жизни в блокированном Ленинграде становились все более невыносимыми. Уже в ноябре 1941 г. были израсходованы последние запасы привозного топлива. Стояли электростанции и предприятия, городской транспорт и водопровод. Но самое тяжелое положение сложилось с продовольствием. Его доставка водным путем прервалась из-за ледостава и штормов на Ладожском озере.

Суточная норма выдачи хлеба жителям и войскам сокращалась. С 20 ноября рабочие получали 250 г хлеба в сутки, иждивенцы и дети – 125 г, войска – 300 г хлеба и 100 г сухарей. Вскоре начался голод, стремительно уносящий человеческие жизни.

А враг тем временем систематически разрушал город. Сюда были стянуты почти все сверхтяжелые осадные орудия, вплоть до 420-миллиметрового калибра.

За время блокады на город было обрушено около 150 тыс. снарядов, более 100 тыс. зажигательных и свыше 4,6 тыс. фугасных бомб. Поэтому наступательная операция была необходима. Каждый день в осажденном городе погибали и умирали люди. И это тоже надо понять.

Однако было и множество объективных причин, по которым у этой операции было мало шансов на успех. Ведь по существу Ставка ВГК шла на большой риск, осуществляя эту операцию.

8

«Среди причин провала наступления нельзя не упомянуть и о том, что, предпочитая милую сердцу еще по временам финской кампании лобовую атаку, Мерецков равномерно рассредоточил танки и орудия по всему фронту. В результате он не сумел – Тихвинская группировка немцев была зажата с трех сторон нашими армиями – использовать стратегически выгодное положение и растратил живую силу армий на вытеснение немцев за Волхов», – считает автор книги «Два лица генерала Власова» Н. Коняев. Но позвольте! Ведь это же слишком примитивно. Неужели Кирилл Афанасьевич Мерецков, в то время генерал армии и достаточно опытный военачальник, имеющий за плечами более чем 20-летний командный и

штабной опыт, участник двух войн до Отечественной, мог так грубо и, я бы даже сказал, глупо управлять войсками своего фронта, что даже современный писатель, далекий от теории и практики проведения фронтовых и армейских наступательных операций, запросто обвиняет его в неумении использовать стратегически выгодное положение, в лобовой атаке и в равномерном рассредоточении танков и орудий по всему фронту. Однако не все так просто. Поэтому давайте попробуем разобраться и хоть что-то понять, ведь понять гораздо сложнее, чем осудить. Итак, командующему Волховским фронтом подчинялись четыре армии: три обычные общевойсковые и одна ударная. Все силы и средства фронта или этих четырех армий не соответствовали штатным, то есть в наличии фронт имел гораздо меньше людей, артиллерии, танков и самолетов, чем это было необходимо для проведения полнокровной наступательной операции.

И тем не менее ударные группировки создавались из того, что было. Другое дело, что и этого не хватало для прорыва вражеской обороны. Однако оборону прорвали. Пусть на узком участке, но прорвали. Обычно направление главного удара определяется оперативной значимостью направления, условиями местности как для прорыва, так и для действий в глубине. В таком случае в первую очередь учитываются условия для действий танков, развертывания артиллерии и действий в глубине подвижных соединений.

Следовательно, именно на направлении главного удара в полосе ударной армии (или ударных армий) командующий фронтом концентрировал все свои основные силы, без которых оборону противника не прорвать. Теоретически это все было не сложно для такого военачальника, как К.А. Мерецков. Другое дело практика, где все невозможно учесть даже при идеальных условиях. А ведь они таковыми не были. Безусловно, были и ошибки. Возможно, только из-за отсутствия тесного контакта между командующими фронтами не удалось найти правильную форму и верные способы оперативного взаимодействия. Из-за этого удары фронтов пошли по расходящимся направлениям и по времени целиком не совпадали. Немцы этим очень умело воспользовались и отражали удары поочередно.

Было и чрезвычайно безобразное обеспечение этой операции, которое, в свою очередь, хотя бы из-за тех же боеприпасов, срывало поэтапное ее планирование, мешало выполнять поставленные задачи войскам, сокращало по времени их артиллерийскую поддержку. Что в итоге привели к невозможности закрепить достигнутый успех глубокого вклинения в расположение противника.

Любая наступательная операция может рассчитывать на успех лишь в том случае, если удар по противнику будет нанесен в нескольких решающих направлениях, на всю глубину оперативного построения с выброской крупных подвижных сил на фланг и тыл основной группировки противника. Одновременно с действиями на решающих направлениях наступательными и вспомогательными ударами противник должен быть деморализован на возможно широком фронте.

Но это в идеале. У командующего Волховским фронтом был только приказ и всего четыре армии, одна из которых имела преимущественно бригадную организацию и по численности равнялась стрелковому корпусу. Кроме того, у фронта не было второго эшелона, чтобы наращивать первоначальный удар с целью развития успеха в глубине обороны противника. Нечем было наносить и завершающий удар. К моменту переправы войск на другой берег р. Волхов Ставка обещала выделить из резерва армию, но свое обещание не выполнила.

Сосредотачивая главные усилия в направлении шоссейной и железной дорог Москва – Ленинград, К.А. Мерецков прекрасно понимал все преимущества этого направления (лучшие пути, выводящие прямо к Ленинграду).

И в то же время он знал, что именно это направление было лучше других укреплено противником. Поэтому командующий фронтом, учитывая сложности наступления и вполне разумно сомневаясь в успехе наступления в данном направлении, намеренно предлагал Ставке перенести основные усилия на участок действий 2-й ударной армии, чтобы решить задачу ударом на Любань, обойдя сильно укрепленные позиции немцев. Однако Ставка командующего не поддержала.

9

Только 14 января в ходе наступления, когда наметился явный успех 2-й ударной армии, Ставка поняла, что в сложившейся ситуации (войскам 52-й армии на левом фланге удалось зацепиться за западный берег; 2-й ударной армии в центре полностью удалось форсировать Волхов; 59-й армии (правее в центре 2-й) не удалось изменить обстановку; 4-й армии (правый фланг) удалось перейти в наступление) на намеченном направлении оборону противника не прорвать, и разрешила перенести основные усилия в район действий 2-й ударной армии, где волне могла быть реализована такая форма оперативного применения, как сосредоточенный удар на

решающем направлении, в результате которого возможно было бы решить задачу прорыва бреши в обороне противника, с тем чтобы в дальнейшем, развивая удар, провести охватывающий маневр подвижными войсками по окружению одной из разорванных на две части групп противника.

Оценив обстановку, Ставка, наконец, разрешила К.А. Мерецкову взять две дивизии из 2-го эшелона 59-й армии и бросить в прорыв с тремя бригадами 2-й ударной армии. Получил разрешение комфронтom и на усиление 2-й ударной артиллерией на участке прорыва (сосредоточить в районе прорыва до 250 орудий вместо 200 имеющихся).

Бои велись в условиях низких температур, лесисто-болотистой местности, бездорожья и глубокого снежного покрова. Все это затрудняло маневр и снабжение войск, которые и без того находились в весьма неудовлетворительном состоянии. Это были более чем особые условия, в которых ударные части наступающих войск, привязанные к дорогам, имели очень узкое построение. И все же вопреки утверждению о том, что фронтальное наступление при глубоком снежном покрове неосуществимо, Волховский фронт сумел прорвать оборону противника и ввести в прорыв свою подвижную группу.

Вот только не получилось главного – немедленного безостановочного развития прорыва из тактического в оперативный, как не получилось выхода на намеченный фронтом рубеж, удаленный от исходного положения приблизительно на 110–120 км. Если средняя скорость продвижения ударной армии по теории считалась 10–15 км в сутки, то в особых условиях зимы эти цифры уменьшались в несколько раз.

Следовательно, темп наступления 2-й ударной до конца января 1942 г. был вполне допустимым.

Тем не менее «должного эффекта не получилось. Упущенный момент первого удара трудно было наверстать даже созданием решающего превосходства над противником», – вспоминал генерал К.А. Мерецков.

В своих мемуарах он признавался, что «основные силы надо было с самого начала сосредоточить на участке главного удара».

Но ведь Ставка не сразу разрешила изменить направление, не сразу разрешила усилить 2-ю ударную армию и, наконец, не дала обещанную общевойсковую армию из резерва.

Глава 2. Роковое назначение

История повторяется дважды: один раз как трагедия, другой раз как фарс.

Гегель

1

1 марта 1942 г. командир 58-й пехотной дивизии генерал Фридрих Альтрихтер собрал офицеров штаба на совещание. В прошлом преподаватель Дрезденского военного училища, доктор философии, автор трудов по вопросам воспитания офицеров и прекрасный педагог, он умел грамотно и доходчиво поставить задачу своим подчиненным:

«— Господа, нам предстоит выполнить задачу, от решения которой в определяющей степени зависит общая обстановка. Перед 58-й дивизией поставлена задача в качестве ударной закрыть брешь у Волхова с южного направления и окружить прорвавшиеся силы противника».

После этих слов Альтрихтер подошел к большой карте, висевшей на стене, и, остановившись у ее левой стороны, продолжил свой доклад, одновременно и аккуратно показывая указкой, крепко сжатой в левой руке, все выделенное красным и синим цветами:

«Вы видите сложившееся положение: русские крупными силами осуществили прорыв в наш глубокий тыл. Фронтальным подавлением ничего уже не добьешься, поскольку для этого у нас нет соответствующих резервов, так что оно никуда, кроме как в пропасть, нас не приведет. Единственная возможность – это атаковать русских на исходных позициях, в самой брещи, рассечь надвое и тем самым отрезать прорвавшиеся силы. На наше счастье, 126-я и 215-я пехотные дивизии сумели вновь создать на границах брещи прочные линии обороны, под защитой которых мы имели возможность сосредоточить наши силы. Место прорыва мы будем атаковать с юга. А с севера будет наступать полицейская дивизия СС. Место встречи – просека „Эрика“. Полки 126-й пехотной дивизии и все остальные действующие там части, в первую очередь батальоны испанской „Голубой дивизии“, прекрасно зарекомендовавшие себя до сих пор, переходят в наше подчинение. Этими силами мы сумеем добиться выполнения поставленной перед нами задачи. И должны добиться ее

выполнения, поскольку в противном случае 18-ю армию ожидает разгром. Если же нам удастся прихлопнуть крышку „котла“, то главные силы двух русских армий окажутся в нем».

2

Совещание в Кремле закончилось в ночь с 8 на 9 марта. Генерал-лейтенант Власов вышел из кабинета товарища Сталина ровно в 24.00. За 30 минут до этого была готова следующая директива за № 170136:

«Ставка Верховного главнокомандования назначает:

1. Генерал-лейтенанта Власова – заместителем командующего [войсками] Волховского фронта, освободив его от обязанностей командующего 20-й армией...»

А 10 марта Андрей Андреевич вылетел на «Дугласе» из Москвы в Малую Вишеру вместе с К.Е. Ворошиловым, Г.М. Маленковым, А.А. Новиковым, А.Е. Головановым и С.И. Руденко.

Екатерина Андреева в своей работе «Генерал Власов и Русское освободительное движение» комментирует это так:

«Как бы то ни было, но тот факт, что Власов прибыл из Ставки на самолете вместе с Ворошиловым, Маленковым и заместителем командующего Воздушными силами А.А. Новиковым, говорит, что назначение Власова было важным событием».

А.Н. Коняев говорит об этом так:

«...Андрей Андреевич прилетел в Малую Вишеру в компании Ворошилова, Маленкова и Новикова – лиц, облеченных чрезвычайными полномочиями».

Однако никто из авторов не говорит о том, что на Волховский фронт вместе с Власовым прилетели аж целых три авиационных генерала. То есть кроме Новикова – еще Голованов и Руденко. Нет, они не сопровождали Андрея Андреевича к новому месту службы. У них была своя задача, поставленная Ставкой 8 марта в 23 ч 30 мин (Директива № 170137):

«Ставка Верховного главнокомандования приказывает в период с 10 по 20 марта организовать массовые удары авиацией по боевым порядкам и оборонительным сооружениям противника на переднем крае и в глубине в полосах наступления 4, 59 и 2-й ударной армий Волховского фронта и 54-й

армии Ленинградского фронта, а также по основным магистралям противника, для чего:

1. Организацию ударов возложить на заместителя командующего ВВС Красной Армии генерал-лейтенанта Новикова и находящегося в его распоряжении командующего дальней авиацией Ставки генерал-майора авиации тов. Голованова.

2. Для ударов привлечь восемь авиаполков резерва Главного командования, авиацию дальнего действия и авиацию указанных фронтов и армий в мере необходимости, по усмотрению заместителя командующего ВВС тов. Новикова.

3. Массовые удары авиации тесно увязать с действиями наземных войск, проводя их в следующей последовательности: по боевым порядкам и оборонительным сооружениям перед ударной группировкой 59-й армии на чудовском направлении – в первую очередь; перед ударной группой 4-й армии в районе Кириши, Ларионов, Остров – во вторую очередь, перед ударными группами 2-й ударной армии и 54-й армии в районах Красной Горки и южнее Погостья – в третью очередь...»

Войскам требовалась мощная поддержка с воздуха...

Ленинградский фронт имел в составе ВВС фронта и общевойсковых армий – 12 авиаполков, в том числе восемь истребительных, один штурмовой и три бомбардировочных.

ВВС Волховского фронта располагали 23 отдельными авиаполками, из них 13 полков объединялись двумя (2-й и 3-й) резервными авиагруппами, которые соответственно – взаимодействовали с 59-й и 4-й общевойсковыми армиями фронта. Заместитель командующего ВВС для разработки плана действий всей авиации привлек командование и штаб ВВС Волховского фронта, прибывшего с ним генерала Руденко и свою оперативную группу, состоящую из трех офицеров штаба ВВС. Учитывая обстановку и отсутствие в ВВС фронтов дивизионного звена, было принято решение создать временную авиационную группу (командир – генерал С.И. Руденко и начальник штаба – майор М.Н. Кожевников) из восьми авиаполков для действий главным образом на правом фланге в полосе войск 54-й армии.

Следует сказать, что действия нашей авиации оказали существенную помощь войскам Ленинградского и Волховского фронтов. Впервые за время войны здесь осуществлялась координация действий авиации старшим авиационным начальником в интересах войск не одного, а двух фронтов. Это было, безусловно, новым явлением в стратегическом взаимодействии советских ВВС с сухопутными войсками.

Авиагруппы (резервные, временные, маневренные, ударные) сыграли положительную роль в боевых действиях Красной армии в первый год Великой Отечественной войны, так как, располагая такими группами, Ставка ВГК и командование ВВС стратегических направлений имели возможность маневрировать силами авиации вдоль фронта, наращивать авиационные группировки на стратегических и операционных направлениях.

И все-таки во всех донесениях из дивизий армий фронта говорилось о сильном воздействии вражеской авиации. Ее господство сказывалось на всем протяжении любанской операции. Авиация противника буквально висела над войсками фронта, прижимая их к земле.

3

В марте 1942 г. войска 54-й армии прорвали оборону противника в районе Шалы (15 км восточнее Погостья) и, расширив прорыв до 25 км, продвинулись на 20 км к югу в направлении Любани, очистили от противника Погостье и захватили крупные населенные пункты и узлы сопротивления на подступах к Любани. Однако к концу марта ее дивизии были остановлены на рубеже р. Тигоды подошедшими новыми крупными оперативными резервами противника.

Только за январь – март немцы направили на усиление 18-й армии из состава 16-й армии (из Германии, Франции, Югославии) семь дивизий и бригаду, а кроме того, в полосу наступления Волховского фронта перегруппировали из-под Ленинграда около четырех дивизий и привлекли до 250 бомбардировщиков 1-го воздушного флота. Значительная перегруппировка войск противника, а также бездействие 4-й армии Волховского фронта (немцы сняли часть сил в ее полосе и перебросили их против наступающей 54-й армии) изменили соотношение сил на любанском направлении в пользу немцев.

Войска 2-й ударной армии к середине марта вклинились в оборону немцев на глубину 60–70 км и захватили большой лесисто-болотистый район между железными дорогами Чудово – Новгород и Ленинград – Новгород. Передовые части армии подошли к оборонительной позиции немцев на подступах к Любани. Всего 15 км отделяло их от города и 30 км – от войск 54-й армии, наступавших с севера. Однако растянувшись на фронте до 140 км и не имея резервов, 2-я ударная армия практически оказалась не в состоянии развивать дальнейшее наступление.

Таким образом, в первой половине марта началось затухание наступления на всех направлениях.

4

Скованная крупными силами противника 2-я ударная была вынуждена перейти к обороне и отбивать контрудары противника на своих флангах. А кроме того, начавшееся в конце марта резкое потепление сильно затруднило маневр войсками. Таяли снежные дороги, портились колонные грунтовые пути, проложенные через болотистые участки и лесные массивы. Снова возникли перебои со снабжением, ощущался серьезный недостаток в боеприпасах, горюче-смазочных материалах, вооружении и продовольствии. Нарушалась связь и управление войсками.

Крупная группировка войск противника, зажатая в мешке с горловиной в 30 км, по всей видимости, уже не могла быть разгромлена. Волховский фронт выдыхался, а противник, наоборот, активизировал свои удары прежде всего по флангам горловины прорыва и перехвата коммуникаций 2-й ударной армии. В условиях распутицы тяжесть положения этой армии лишь усугублялась.

5 марта Ставка приказала снять начальника штаба 2-й ударной генерал-майора Визжилина за «плохую работу» и назначить командиром дивизии. Был снят и начальник оперативного отдела армии полковник Пахомов «за плохую работу и ложную информацию».

Военный совет Волховского фронта, на котором присутствовало командование 2-й ударной, назвал одну из причин невыполнения этой армией задач: несогласованность в работе Военного совета и штаба армии и, как следствие, отсутствие четкого и твердого руководства войсками.

Генерал армии К.А. Мерецков вспоминал:

«Имелись случаи пренебрежительного отношения к приему пополнения: маршевые роты во время пути горячей пищей не обеспечивались, пунктов обогрева для них не было. Персональный учет раненых и убитых находился в запущенном состоянии, в армии не знали даже приблизительных потерь. Начальник оперативного отдела полковник Пахомов неправильной информацией вводил в заблуждение командование армии и фронта. Перед последними боями штаб 2-й ударной армии допустил грубые просчеты во времени на подготовку войск для боя. Распоряжение для выполнения боевой задачи некоторые части получали с опозданием на день».

Вместо Визжилина и Пахомова на должности соответственно были назначены полковник П.С. Виноградов и комбриг Буренин. Этим же приказом на должность заместителя командующего 2-й ударной армией был назначен генерал-майор П.Ф. Алферьев.

Но эти и другие меры Ставки, принятые в марте 1942 г., уже не могли кардинально изменить положения, создавшегося в полосе Волховского фронта.

Генерал-лейтенант Н.К. Клыков:

«В марте 2-ю ударную постигла беда: противник обошел ее у Мясного Бора с фланга и вышел в тыл. Наша база в Мостках была уничтожена. Начались ожесточенные бои по освобождению коридора».

Генерал-майор И.М. Антюфеев:

«Во второй половине марта вся 2-я ударная армия перешла к обороне. Противник основные усилия перенес к горловине нашего прорыва – в район Спасской Полисти и Мясного Бора».

5

Из дневника Ф. Гальдера:

«12 марта. Начинать наступление на волховском участке пока еще нельзя: нелетная погода. В районе Погостья обстановка обостряется.

13 марта. Наступление на волховском участке, намеченное первоначально на 13.3., откладывается. Разногласия между командованием сухопутных и воздушных сил.

15 марта. На волховском участке началось наступление наших войск, на южном крыле успехи незначительны, на северном – значительное продвижение.

16 марта. На волховском участке наступление наших войск развивается постепенно. В районе Погостья противник отброшен, но пока еще нет полной гарантии, что вновь не возникнут затруднения.

18 марта. Наступление наших войск на волховском участке, ведущееся западнее шоссейной дороги с севера, развивается с трудом. Войска, наступающие с юга, не могут продвинуться вперед, так как противник ведет здесь сильные контратаки. В районе волховского котла наступательный порыв противника постепенно ослабевает, однако в районе Погостья русские хотя и не быстро, но непрерывно и методически продвигаются вперед, так что обстановку здесь по-прежнему приходится

оценивать как довольно напряженную.

20 марта. На Волхове противник слабо атакует позиции наших войск, ликвидировавших брешь. Отмечалось подтягивание свежих сил с востока. В районе Погостья положение улучшилось.

25 марта. У Погостья противник, довольно глубоко вклинившийся в наше расположение, по-видимому, на некоторое время задержан. Горноегерский полк подтягивается для контратаки.

26 марта. Обстановка почти не изменилась. Боевые действия незначительны. Ввиду опасности обледенения самолетов авиация активности не проявляла.

...в районе Погостья, где обстановка продолжает развиваться неблагоприятно (глубокий прорыв вражеских 52-тонных танков). Всюду оттепель. В связи с этим затруднились передвижения войск.

27 марта. Отмечается дальнейшее ухудшение обстановки в районе Погостья.

28 марта. На волховском участке противник снова вклинился в расположение наших войск и в том же месте, где была ликвидирована прежняя брешь. В районе Погостья по-прежнему напряженная обстановка.

29 марта. На волховском участке снова образовалась брешь. Обстановка южнее Погостья совсем не радует. Противник готовит новые атаки на „бутылочное горло“. Общая обстановка свидетельствует о том, что противник делает отчаянные попытки добиться успеха еще до начала оттепели».

Даже судя по этим скудным записям в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии, можно судить о чрезвычайно сложной обстановке на волховском участке как для двух фронтов Красной армии, так и для 18-й армии группы армий «Север».

6

15 марта Ставка ВГК в своей очередной директиве поставила задачу войскам Ленинградского фронта:

«...во взаимодействии с войсками Волховского фронта, захват г. Любань и разгром любаньской группы противника, сюда и должны быть направлены основные силы армии.

До захвата г. Любань для действий в направлении Тосно с целью

заслона и сковывания сил противника Ставка Верховного главнокомандования считает целесообразным выделить одну-две стрелковые дивизии и одну танковую бригаду. С захватом г. Любань, в зависимости от обстановки, могут быть повернуты в сторону Тосно основные силы главной группировки 54-й армии. Просимые вами дополнительно войска для 54-й армии в данный момент Ставка выделить не может».

В этот же день немцы начали операцию, в которой широко использовали прежде всего густую сеть дорог с твердым покрытием, которая имела в их распоряжении (идущих от Новгорода, Лучи и Тосно).

Основные действия были активизированы ими против 2-й ударной армии, главным образом на ее растянутых флангах. И особенно у основания участка прорыва армии в районе Спасской Полисти и Мясного Бора.

И уже 17-го вечером Ставка отправила директиву на Волховский:

«Противник контратаками со стороны Спасской Полисти на Мостки и от Любцов и Земтицы на Мясной Бор пытается отрезать 2-ю ударную армию от ее коммуникаций.

Ставка Верховного главнокомандования приказывает:

1. Всемерно развивая операцию 59-й армии по захвату Чудово и по разгрому чудовской группировки противника, одновременно усилиями левофланговых соединений 59-й армии совместно с 52-й армией не только не допустить перехвата противником коммуникаций 2-й ударной армии, но и полностью разгромить и уничтожить контратакующие части противника.

2. Для выполнения этой задачи Ставка Верховного главнокомандования разрешает перебросить в район Мясного Бора 376-ю стр. дивизию из состава 4-й армии.

3. Личное руководство операцией по ликвидации контрнаступления противника со стороны Спасской Полисти и Любцы, Земтица командующему фронтом тов. Мерецкову взять на себя.

4. Немедленно по ликвидации контрнаступления противника предусмотреть силами 52-й армии операцию с задачей до наступления весенней распутицы овладеть Новгородом. Ваши соображения по этой операции представить в Ставку не позднее 20 марта».

Но как и резкий поворот 54-й армии Ленинградского фронта в сторону Любани, совершенно неожиданный для противника и имевший значительный успех, так и организованные действия левофланговых

соединений 59 армии совместно с 52-й армией уже не могли значительно изменить критическое положение 2-й ударной.

19 марта немцы перерезали ее коммуникации. Пауль Карелл так написал в своей книге: «Это (просека „Эрика“) название до боли знакомо каждому участнику боев под Волховом. Оно означает унылую и упорно обороняемую лесную делянку. У начала бревенчатого настила, которым уложена проезжая дорога, идущая по этой просеке и по которой прежде осуществлялся подвоз, какой-то незадачливый пехотинец укрепил табличку с надписью: „Здесь берет свое начало задница мира“».

И еще: «Одолели. Брешь замкнута. На просеке „Эрика“ обменялись рукопожатиями, ознаменовавшими перерезанное войсковое снабжение прорвавшейся советской 2-й ударной армии».

И тем не менее 21 марта генерал-армии Мерецков планировал начать Новгородскую операцию силами 52-й армии, но прежде завершив разгром контрнаступающего противника. Расчет сил и средств, по мнению командующего, мог составить четыре дивизии, три гвардейских мин. полка и один танковый батальон. Однако требовалось пополнить эти стрелковые дивизии на 2,5–3 тыс. человек, так как вместе с тылами в каждой насчитывалось всего до 5 тыс. К 27–28 марта 52-я армия была готова принять людей, провести перегруппировку, прокладку колонных путей и накопить материально-технические средства, а 29-го начать операцию. На преодоление 34 километров (до северо-западных подступов к Новгороду) штаб фронта планировал 8–9 дней, а 6–7 апреля наступление на Новгород.

Для перехвата путей подхода к Новгороду предполагалось провести воздушно-десантную операцию силами авиадесантной бригады. Для успешного проведения операции К.А. Мерецков просил у Ставки: «... 2. До 23.3. подать на ст. Малая Вишера 12 000 [чел.] пополнения из числа находящихся в пути.

3. В период с 28.3. по 3.4.1942 подать 10 000 [чел.] пополнения для покрытия потерь в ходе операции.

4. Обеспечить транспортной авиацией проведение воздушно-десантной операции, разрешить привлечение для десанта авиадесантную бригаду (хвойная)...»

Но уже 30 марта К.А. Мерецков докладывал, что «Общего наступления на Новгород 52-я армия сейчас проводить не может». Все дело в том, что ликвидация противника, прорвавшегося в стыке 52-й и 59-й армий, хоть и развивалось успешно, но не была закончена.

Поэтому надежда в бодром докладе командующего оставалась под сомнением: «Коммуникации 2-й ударной армии освобождены от

противника, и можно ожидать, что в ближайшие два дня будет завершено разгром его группировки, обороняющейся к юго-западу от Спасской Полисти, и восстановлено положение в районе Земтиц на участке 52-й армии». Тем более что: «Наступление 2-й ударной армии на Любань в направлении Красная Горка, Коркино развития не получило. Многодневные наступательные бои в исключительно трудных условиях бездорожной, лесистой местности положительных результатов не принесли. На этом направлении противник успел создать сильную систему опорных пунктов в лесу, и дальнейшие попытки прорвать оборону противника повлекут за собою еще большее истощение войск. Поэтому 2-й ударной армии на любаньском направлении необходимо в кратчайший срок перегруппировать свои силы к правому флангу...»

Там командующий предполагал сосредоточить четыре стрелковые дивизии, две стрелковые и одну танковую бригады, 200 орудий, 250 минометов и 2 тяжелых гвардейских минометных полка, чтобы подавить противника массой минометно-артиллерийского огня и ударом авиации прорвать фронт, развивая наступление на северо-восток. А к Любани подойти с юга.

Наступление на Любань К.А. Мерецков планировал на 2 апреля.

7

Приезд генерала Власова на Волховский очень интересно отметил в своих дневниках К. Токарев – корреспондент газеты и биограф Андрея Андреевича с согласия северо-западного отделения Воениздата: «Генерал Власов, громадный, похожий на вздыбленного медведя, в окулярах на широком носу, со скуластым лицом „пещерюги“ (так прозвали его солисты нашего ансамбля)...»

Было известно, что командующий фронтом К.А. Мерецков на совещании «пожаловался», что он не просил Власова к себе заместителем. Но Ставка настояла, прислав его для «применения опыта подмосковной победы».

И действительно, отношения командующего со своим новым заместителем явно не сложились. Это были совершенно разные фигуры. Вот как вспоминал о Власове К.А. Мерецков:

«На этом же самолете на должность заместителя командующего войсками Волховского фронта прилетел генерал-лейтенант А.А. Власов. Его прислала Ставка... А пока скажу лишь, как он вел себя в течение тех

полтора месяцев, когда являлся моим заместителем. По-видимому, Власов знал о своем предстоящем назначении. Этот авантюрист, начисто лишенный совести и чести, и не думал об улучшении дел на фронте. С недоумением наблюдал я за своим заместителем, отмалчивавшимся на совещаниях и не проявлявшим никакой инициативы. Мои распоряжения Власов выполнял очень вяло. Во мне росли раздражение и недовольство. В чем дело, мне тогда было не известно. Но создавалось впечатление, что Власова тяготит должность заместителя командующего фронтом, лишенная ясно очерченного круга обязанностей, что он хочет получить „более осязаемый“ пост».

Трудно сказать, знал ли Власов о своем предстоящем назначении, но могу предположить, что должностью заместителя он вполне мог тяготиться. Дело в том, что во все времена, в том числе и сейчас, заместитель командующего округом, например, может запросто согласиться перейти на должность командующего армией. Для штатского человека это выглядит понижением. Но это не совсем так. Ранг и там и тут равнозначный, при том, что командующий армией имеет гораздо больше возможностей и власти, нежели заместитель командующего округом (фронтом)...

А вот какую оценку генералу Мерецкову дал сам Власов на допросах в плену: «Эгоист. Очень нервная, рассеянная личность». Спокойная деловая беседа между командующим фронтом и командующими армиями была почти невозможна.

В общем, Мерецков и Власов не могли найти общего языка. Мерецков уже несколько месяцев командовал фронтом, из них только около двух месяцев, под напором Ставки пытался ликвидировать Любаньскую группировку противника, а Власов своими непомерными амбициями, которые однозначно были, видимо раздражал. Вот тогда-то Мерецков и назначает Власова тактическим советником (консультантом 2-й ударной армии).

8

В начале апреля весна вступила в свои права. Дороги и колонные пути, проложенные через болотистые участки местности и лесные массивы, сделались почти непроходимыми. Нарушались снабжение, связь и управление войсками.

На всем 200–километровом фронте армии противник успел создать

прочный оборонительный рубеж, не допуская ее дальнейшего продвижения. Именно в это время генерал Власов находится во 2-й ударной армии во главе комиссии фронта. «Трое суток члены комиссии беседовали с командирами всех рангов, с политработниками, с бойцами», а 8 апреля «был зачитан акт комиссии, и к вечеру она выбыла из армии.

– Все, – мрачно сказал Клыков, распрощавшись с комиссией».

С этим клыковским «все», например, Н. Коняев связывает очень многое: «Быть может, девятого апреля ударная армия еще способна была вырваться из окружения (пятого апреля немцы снова закрыли брешь у Мясного Бора), но вести наступление, чтобы окружить семидесятипяти тысячную группировку немцев, она просто не могла. Этого не мог не понимать и сам Мерецков... Реакция генерала Клыкова известна. Получив послание Мерецкова, он немедленно заболел, и его вывезли на самолете в тыл. Но тут возникает вопрос, а не этого ли добивался Кирилл Афанасьевич? Не является ли его план нейтрализации „заболевшего“ Клыкова составной частью интриги, направленной против Власова?»

Что ж, попробую опровергнуть смелые предположения писателя.

С началом весны 1942 г. командующий фронтом К.А. Мерецков пришел к трем вариантам решения задачи на Волхове:

1. При усилении Ставкой фронта хотя бы одной армией до наступления полной распутицы добиться оперативного успеха.

2. Отвести 2-ю ударную армию из занятого ею района и при благоприятной обстановке искать решения оперативной задачи на другом направлении.

3. Перейти к жесткой обороне на достигнутых рубежах, переждать распутицу, а затем, накопив силы, возобновить наступление.

К.А. Мерецков вспоминал:

«Мы придерживались первого варианта. Он давал возможность использовать уже достигнутые результаты и закончить операцию до конца зимней кампании. Не возражала против него и Ставка. Преимущество этого варианта заключалось в том, что он оказывал непосредственное влияние на смягчение обстановки под Ленинградом, а при благоприятном исходе операции достигалось снятие блокады.

Командование фронта не возражало и против отвода 2-й ударной армии за линию железной и шоссейной дорог Чудово – Новгород. Этот вариант, как нам представлялось, тоже был правильным, потому что он гарантировал сохранение сил армии и удержание плацдарма на западном берегу р. Волхов...

Третий вариант отпал безоговорочно, так как оставление армии в

лесисто-болотистом районе, при легко уязвимых коммуникациях, могло привести к срыву снабжения ее всем необходимым или даже к окружению».

Но как известно, ни первый, ни второй варианты не стали желанной реальностью. Ставка вовремя не усилила фронт, не санкционировала и отвод 2-й ударной армии еще до первого окружения. Дальше было уже поздно.

Но при этом никакой интриги и «плана „заболеть“ Клыкова», направленной против Власова, не было и в помине. Это только фантазия писателя и не более того.

Могу допустить, что доклады консультанта 2-й ударной наверх вполне могли быть предвзятыми. Но даже по ним нельзя было бы убедить начальство в несостоятельности генерала Клыкова. Мерецков слишком хорошо знал командарма, чтобы поверить незнакомому и нежеланному Власову. Однако Клыков действительно тяжело болел, и другие версии, в том числе и отстранение (снятие) его от должности, просто несостоятельны. Очень многие источники подтверждают этот факт: в середине апреля в связи с тяжелой болезнью и необходимостью госпитализации генерал Клыков выбыл в тыл. Кстати, а почему и нет. Если Власову в 42-м был 41 год, то Клыкову было уже за 50. В таком возрасте в условиях крайнего напряжения на самом тяжелом участке фронта командарм мог серьезно заболеть.

Сам он вспоминал об этом так:

«В апреле 1942 г. я тяжело заболел. Пришлось отправиться в госпиталь. На мое место был назначен новый командующий. Перед отъездом я доложил обстановку командующему фронту Мерецкову, обосновал необходимость создания опорных баз внутри расположения армии. Просил его хотя бы на время весенней распутицы отказаться от попыток захвата Любани. Судьба любаньской операции сложилась, однако, иначе».

Далее он запишет в своем дневнике: «Конец июня 1942 г. Закончить лечение не удалось. С фронта прибыла машина, и я выехал в Малую Вишеру».

А уже через 2 месяца Клыков вернулся из госпиталя. Значит, его не снимали, как об этом пишет Н. Коняев.

Из записи переговоров по прямому проводу командующего Волховского фронта с командованием 2-й ударной армии:

«Член Военного совета Зуев: На эту должность кандидатур у нас нет.

Считаю необходимым доложить вам о целесообразности назначения командующим армией генерал-лейтенанта Власова.

Власов: Временное исполнение должности командующего армией необходимо возложить на начальника штаба армии полковника Виноградова.

Мерецков и Запорожец (Власову): Считаю предложение Зуева правильным. Как Вы, товарищ Власов, относитесь к этому предложению?

Власов: Думаю, судя по обстановке, что, видимо, придется подольше остаться в этой армии. А в отношении назначения на постоянную должность, то, если на это будет Ваше решение, я его, конечно, выполню.

Мерецков: Хорошо, после нашего разговора последует приказ».

Таким образом, в командование 2-й ударной армии генерал Власов вступил 15 апреля 1942 г., но только по совместительству на время болезни Клыкова.

20 апреля 1942 г. Ставка своей директивой № 170282 «утвердила назначение заместителя командующего войсками Волховского фронта генерал-лейтенанта Власова командующим 2-й ударной армией по совместительству».

Командующий Волховским фронтом Мерецков принял кандидатуру Власова по предложению члена Военного совета 2-й ударной армии (с Зуевым Власов был знаком давно).

Никакой интриги в этом назначении не было, потому что 2-я ударная находилась в весьма критическом положении и командование фронтом прекрасно это понимало. К тому же генерал Власов был тактическим советником 2-й ударной армии. И в его назначении нет ничего удивительного. К.А. Мерецков никогда бы не пошел на то, чтобы из-за личных, даже неприязненных, отношений сгубить армию, сгубить операцию, еще имеющую единственный шанс на успех.

К.А. Мерецков не знал генерала Власова как командующего, но, видимо, очень много слышал о нем, в том числе о победах 20-й армии под Москвой, которой тот командовал. Были разговоры о встречах Власова со Сталиным. А ведь это можно было бы использовать очень даже выгодно. Например, вождь мог помочь с людьми, танками, артиллерией и боеприпасами своему выдвиженцу и коллеге по духовному образованию. Да и кто знает, а вдруг Власов покажет себя и изменит положение армии, в том числе фронта. Должность командарма имела ярко очерченный круг обязанностей в отличие от зама Мерецкова. Это был, по мнению Кирилла Афанасьевича, тот самый «более осязаемый» пост! «Пусть попробует, а

вдруг», – думал он.

По всей видимости, Власов не хотел исполнять обязанности командарма, прекрасно осознавая, в каком сложном положении находится армия и какую ответственность придется взять на себя. Но как тактический советник 2-й ударной, как заместитель командующего фронтом именно он должен был заменить Клыкова, тем более что речь шла всего лишь о замене на время его болезни.

Кстати, Власов, не стесняясь, намекал своему биографу Константину Антоновичу Токареву, что в случае успешного наступления на Любань он станет командующим фронтом, а Мерецкова отзовут в Ставку. Но откуда такая самоуверенность? Если сравнить две биографии К.А. Мерецкова и А.А. Власова до Великой Отечественной войны, то можно легко убедиться в том, что на фоне фигуры генерала-армии как военачальника образ генерал-лейтенанта, претендующего на эту роль, бесспорно меркнет.

До 1941 г. К.А. Мерецков – участник Гражданской войны, где был комиссаром отряда, пом. нач. штаба бригады, пом. нач. штаба дивизии.

С должности начальника штаба армии убыл военным советником в воюющую Испанию. В советско-финляндской войне – командующий 7-й армией, после чего был назначен начальником Генерального штаба Красной армии.

А.А. Власов до войны участия в боевых действиях не принимал. С 1920 по 1922 год он всего лишь командир взвода. В 1937 г. – назначен командиром полка.

К.А. Мерецков в это время уже был заместителем начальника Генштаба. В сентябре 1938 г. Власов – командир стрелковой дивизии, а Мерецков – командующий войсками Приволжского военного округа.

Достаточно сказать, что Власов в 1920 г. заканчивает Нижегородские пехотные курсы, а Мерецков в 1921 г. – Военную академию РККА. После Гражданской Мерецков – начальник штаба дивизии, пом. нач. штаба корпуса, командир дивизии. Власов – командир роты, начальник штаба полка, а с 1930 г. – преподаватель тактики и т. д.

Думаю, что дальнейшее сравнение просто излишне. Но как и сейчас, тогда в 1942 г. не все знали об этих биографических деталях «Сталинского полководца».

8 апреля Мерецков докладывал в Ставку:

«Обстановка на фронте к 8 апреля характеризуется следующим:

а) В стыке 59-й и 52-й армий коммуникаций 2-й ударной армии от противника освобождены и создан разрыв в обороне противника шириной до 6 км, что явно недостаточно для надежного обеспечения коммуникаций.

б) Для дальнейшего расширения прорыва 59-я армия ведет наступление в районе юго-западнее Спасской Полисти и 52-я армия частью сил в районе к западу от Теремец – Курляндского. Наступление 59-й армии развивается неудовлетворительно; противник, несмотря на большие потери, продолжает упорно держаться в лесах.

в) На любанском направлении 2-я ударная армия, встретив организованную оборону противника на рубеже р. Тигода, успеха не имела. Основная причина – плохая организация боя, усталость войск вследствие непрерывных боев и боязнь командования 2-й ударной армии за свои коммуникации».

В соответствии с обстановкой командующий Волховским фронтом предлагал следующий план действий:

1. Добиться расширения прорыва в чудовском направлении.
2. 52-й армии прочно обеспечивать коммуникации 2-й ударной армии с юга, для чего закрепиться на достигнутом положении, создать резервы. Частью сил закончить очистку от противника леса к югу от рубежа выс. 43, 1 и 40,2.
3. 2-й ударной армии временно прекратить атаки на р. Тигода, дать отдых войскам, пополнить их, провести разведку противника и тщательную подготовку к возобновлению наступления.

Штаб фронта планировал усилить 59-ю армию и после проведения организационных мероприятий общее наступление начать 12 апреля с запада на Спасскую Полисть и одновременно с востока. Для поддержки и обеспечения наступления сосредотачивалось 250 орудий, 200 минометов и три гвардейских минометных полка. Днем и ночью готовилась работать авиация.

9

Из дневника Ф. Гальдера:

- «9 апреля. Положение у Погостья становится все более трудным.*
- 10 апреля. Напряженное положение у Погостья. На Волхове начался ледоход.*
- 11 апреля. Обстановка у Погостья несколько разрядилась.*
- 12 апреля. В районе Погостья после очень большого напряжения положение, по-видимому, опять несколько стабилизировалось.*

13 апреля. У Погостья стало несколько лучше.

14 апреля. У Погостья противник успеха не имел. Снег быстро тает.

15 апреля. Обстановка без изменений. В основном спокойно.

16 апреля. На северном участке фронта у Волхова трудное положение.

20 апреля. Положение на Волхове стабилизируется.

21 апреля. Не считая возобновления русскими наступления на Волхове, в общем, на всем фронте спокойно».

10

Несмотря на то что К.А. Мерецков 8 апреля докладывал в Ставку об освобождении коммуникаций 2-й ударной армии и создании разрыва в обороне противника равном 6 км, на самом деле этот разрыв не превышал 2 км.

По такому узкому проходу только ночью могли двигаться небольшие группы людей, орудия, повозки, используя колонный путь с жердевым настилом в болотистых местах. А 9 апреля противник юго-западнее Спасской Полисти выдвинулся и проход еще более сузился. Таким образом, несмотря на активное наступление армий Волховского фронта, уже в апреле создавалось критическое положение, которое можно объяснить лишь несогласованностью действий наших войск и особенно между 2-й ударной и 54-й армией. Только благодаря такому положению немцы получили возможность отражать их удары поочередно, без особых препятствий и маневрировать всеми своими силами и средствами. Теперь все необходимое для войск 2-й ударной армии и некоторых соединений 59 армии, оказавшихся в окружении, приходилось доставлять только с помощью транспортной авиации.

Генерал-лейтенант Н.К. Клыков вспоминал:

«...В предвидении длительной борьбы в условиях окружения мы приняли меры по заготовке продовольствия: порезали на колбасу лошадей, убавили выдачу хлеба, заложили в неприкосновенный запас сухари. Авиация помогла нам боеприпасами и небольшим количеством продовольствия. Было решено прорывать кольцо окружения совместными действиями. Навстречу нам направляли свои усилия 52-я и 59-я армии.

Удар изнутри оказался неожиданным для врага. Через два часа после начала боя первоначальное положение было восстановлено – коридор очищен от противника. Да еще были захвачены крупные склады

продовольствия, которые нам оченьгодились.

Небезынтересно отметить, что трофейный хлеб, плотно завернутый в целлофан и упакованный по шесть штук в коробку, был выпечен еще в 1937–1938 гг. Несмотря на столь длительный срок хранения, он был вполне пригоден к употреблению. Требовалось лишь немного увлажнить и разогреть его...

Отбитые нами у врага опорные пункты были хорошо обеспечены всем необходимым для длительной обороны. В них находилось стрелковое оружие, большое количество боеприпасов, запасы хлеба и консервов, минеральная вода и т. д.».

Таким образом, когда угроза полного окружения 2-й ударной была ликвидирована, командование фронта приступило к подготовке нового наступления на Любань.

Началось формирование 6-го гвардейского стрелкового корпуса на базе выведенной в резерв фронта стрелковой дивизии. Корпус предназначался для усиления 2-й ударной армии, который по количеству сил и средств был гораздо сильнее последней в ее первоначальном составе.

Это давало определенную надежду на успех, но произошло то, чего не ожидал никто...

Во второй половине апреля в Ставку прибыл командующий Ленинградским фронтом М.С. Хозин и доложил, что неудача Любанской операции произошла вследствие отсутствия настоящего взаимодействия между Ленинградским и Волховским фронтами.

Он предложил организовать его по месту и времени, а кроме того, выделить фронтам резервы, без которых, по его мнению, нельзя было бы рассчитывать на доведение операции до логического конца.

Из воспоминаний маршала А.М. Василевского: «Думаю, что он верил в правильность и целесообразность своего плана».

Судя по всему, предложение Хозина пришлось Сталину по душе, тем более что он даже согласился на немедленную передачу Северо-Западному фронту 6-го гвардейского стрелкового корпуса и стрелковых дивизий, которые Мерецков выделил на усиление 2-й ударной армии.

В предполагаемом Хозиным варианте проблема освобождения от блокады Ленинграда сводилась лишь к упразднению одного фронтового управления и перестановке кадров.

Маршал Б.М. Шапошников выступил категорически против такого предложения, а И.В. Сталин, наоборот, встал на позицию Хозина. В результате было принято решение о ликвидации Волховского фронта и передаче его войск Ленинградскому фронту. 21 апреля Ставка приказала с

24 часов 23 числа объединить Ленинградский и Волховский фронты в единый Ленинградский фронт в составе двух групп – ленинградского и волховского направлений.

Командующим войсками фронта был назначен Хозин, на него же было возложено и командование группой войск волховского направления. Командующим группой войск Ленинградского направления назначили генерал-лейтенанта Говорова.

Из воспоминаний маршала К.А. Мерецкова:

«Это решение явилось для меня полной неожиданностью. Я никак не мог понять, ради чего было предпринято подобное объединение. На мой взгляд, в этом не было ни оперативной, ни политической, ни какой бы то ни было иной целесообразности...

Обо всем происшедшем я узнал только 23 апреля, когда генерал Хозин с директивой в кармане и в весьма веселом настроении появился в штабе нашего фронта. Ознакомившись с директивой, я прежде всего обратил внимание генерала Хозина на необходимость усиления 2-й ударной армии и посоветовал ему обязательно сохранить 6-й гвардейский стрелковый корпус. Но М.С. Хозин, видимо, имел свое мнение и со мной не согласился. Тогда я, прежде чем покинуть фронт, позвонил в Ставку относительно 6-го гвардейского корпуса. Мне ответили, что я за судьбу 2-й ударной армии могу не беспокоиться, но согласились заслушать мой доклад.

24 апреля, будучи в Ставке, я вновь поднял вопрос о нелегком положении 2-й ударной армии. Во время доклада присутствовали И.В. Сталин и Г.М. Маленков.

– 2-я ударная армия совершенно выдохлась, – говорил я. – В имеющемся составе она не может ни наступать, ни обороняться. Ее коммуникации находятся под угрозой ударов немецких войск. Если нечего не предпринять, то катастрофа неминуема».

К.А. Мерецкова назначили сначала заместителем командующего Западным фронтом, а затем по его просьбе – командующим 33-й армией того же фронта.

В подчинении Хозина оказалось девять армий, три отдельных корпуса и две оперативные группы, действовавшие к тому же на шести изолированных направлениях. Оказалось, что управлять таким количеством войск и в таких условиях, когда войска еще и разделены занятой врагом зоной, не только трудно, но и невозможно. К сожалению, Ставка не учла целесообразность перераспределения армий с сохранением двух фронтов, когда один фронт управлял бы войсками только на блокированной территории, а другой – за ее пределами. Это была

очередная ошибка Сталина, которая в свою очередь лишь усложнила управление войсками и ухудшила их взаимодействие. Судя по всему, в Ставке не учли и весеннюю распутицу, которая превратила дороги в километры вязкой грязи и благодаря чему снаряды и продукты питания бойцы доставляли на руках за 20–30 км.

Из воспоминаний командира 327-й стрелковой дивизии генерала И.М. Антюфеева:

«К середине апреля хлеба выдавалось менее половины нормы, других продуктов не было совсем. Но люди не пали духом. Мы стойко обороняли занятые рубежи, неутомимо трудились: рубили лес, строили дзоты, прокладывали дороги. Наступавшая весна торопила нас – ведь мы находились в болотах».

А вот что записал в своем дневнике В.А. Кузнецов – ответственный секретарь редакции газеты «Отважный воин» 2-й ударной армии:

«19 апреля. На улице настоящая весна. Потоки вешней воды затопили все. Из палатки в палатку в нашем лагере приходится пробираться по торчащим из воды кочкам...

27 апреля. Кончилась тишина. Последние дни на нашем участке отмечены значительной активностью гитлеровцев. Они оказывают давление с двух сторон: в районе Еглино – самом дальнем пункте нашего прорыва в западном направлении – и в сторону Новой деревни. На востоке – не переставая грохочут орудия. Чуть свет с запада потянулись немецкие самолеты, летят к Мясному Бору».

Уже 30 апреля – наступление на любанском направлении пришлось прекратить. Генерал Хозин, ознакомившись с обстановкой, решил что без свежего пополнения дивизий, без усиления фронта средствами ПВО и авиацией, а также без средств обеспечения ни о каком наступлении речи быть не могло. И он отдал приказ о временном переходе к обороне: 24 апреля – 59-й армии и 30 апреля – 2-й ударной.

Генерал-лейтенанту Михаилу Семеновичу Хозину в 1942 г. было 45 лет. Участник Первой мировой и Гражданской войн. До революции прапорщик, а в Гражданскую – командир батальона, полка, бригады. В 1925 году окончил курсы усовершенствования комсостава при Военной академии им. М.В. Фрунзе, а в 1930 г. – курсы партполитподготовки командиров – единоначальников при Военно-политической академии. В период с 1925 по 1939 г. Хозин командовал дивизией, корпусом, был заместителем командующего, а с 1938 г. командующим войсками

Ленинградского военного округа.

С 1939 г. он начальник Военной академии им. Фрунзе. Во время войны руководил тылом фронта резервных армий, был заместителем начальника Генштаба, начальником штаба Ленинградского фронта. С октября 1941 г. командующий Ленинградским фронтом.

В общем, Михаил Семенович Хозин был опытным военачальником, но могу предположить, что ему, по всей видимости, не хватало академического образования. В своей книге Н. Коняев как всегда пишет про какую-то «блистательную штабную интригу», которую генерал М.С. Хозин провел в Москве.

Но дело было вовсе не в интриге. Просто Хозин считал, что справится с задачей Ставки и реально поможет блокадному Ленинграду. Для этого у него были собственные соображения, которые ему очень хотелось реализовать на практике. Но генерал, видимо, переоценил свои возможности и возможности вверенных ему войск. Возможно, он действительно хотел отличиться, показать себя перед Ставкой, перед вождем – наконец. Поэтому никак нельзя назвать все это «блистательной штабной интригой» хотя бы потому, что эта интрига не была блистательной. По сути, новое назначение Хозина не подняло его по служебной лестнице выше (он так и остался командующим Ленинградским фронтом), а, наоборот, поставило в более худшее положение (на волховском направлении), чем оно было раньше, на ленинградском направлении в той же должности. Хозин со своим предложением Ставке пошел на огромный риск. И самое главное – он верил, что этот риск оправдан!

2 мая генерал Хозин докладывал Сталину соображения по ведению операций Ленинградского фронта на волховском направлении:

«1. Основная задача войск фронта – освобождение Ленинграда от блокады – будет выполняться путем проведения ряда последовательных фронтовых операций...»

По плану командующего и его штаба 59-я армия, завершив ликвидацию противника в лесах юго-западнее Спасской Полисти, немедленно должна была перейти к проведению операции по ликвидации противника в районе Трегубово, Спасская Полисть, Приютино, с тем чтобы расширить горловину прорыва 2-й ударной армии.

Операция планировалась на 6 мая. 54 армия должна была продолжать развивать наступление на Липовик и далее совх. Холмогор с целью ликвидации армий противника, действующего в районе Кириши, Посадников остров, Липовик, устье р. Тригода. В то же время 54-я начинает подготовку последующей операции на направлении Смердыня,

Любань. Любаньская операция планировалась во второй половине мая. 4-я армия после завершения частных операций по ликвидации противника на восточном берегу р. Волхов в районе Киришей и в Грузинском парке должна была перебросить на западный берег р. Волхов одну стрелковую дивизию и в дальнейшем, получив две дивизии, силами четырех дивизий перейти в наступление на Чудово.

А 2-я армия, находясь в обороне, должна была передать в подчинение 59-й армии две стрелковые дивизии для создания ударной группировки и одновременно вести подготовку к проведению любаньской операции. Планировалось включить в ее состав 6-й гвардейский корпус в составе трех дивизий и двух стрелковых бригад. Переход в наступление 2-й ударной планировался в последней декаде мая. Главный удар она должна была наносить из района Кривино, Ручьи на ст. Бабино для того, чтобы во взаимодействии с 59-й армией отрезать и ликвидировать чудовскую группировку противника.

К 4 мая 13-й кавалерийский корпус выводился в резерв, где должен был получить пополнение и быть готовым к участию в операциях к 15-му числу.

Его намечалось использовать для развития успеха 2-й ударной армии. У Ставки Хозин просил 55 тыс. рядового состава и младших командиров, один боекомплект сверх установленной нормы на май, три полка истребителей и два полка штурмовиков и бомбардировщиков (100 самолетов).

3 мая Ставка утвердила план намеченных операций войск Ленинградского фронта на май месяц. Но вопрос о просимых фронтом средствах усиления и пополнения сразу решен не был. В директиве Ставки было указано: «Вопрос о просимых вами средствах усиления и пополнения будет рассмотрен по получении ваших уточненных, обоснованных заявок».

11

Удар, нанесенный 59-й армией в районе Спасской Полисти, оказался слабым и успеха не принес. А в это время противник продолжал усиливать свои группировки на флангах прорыва 2-й ударной армии. В этих условиях командование сочло целесообразным отвести ее войска на более выгодный рубеж. 12 мая из штаба Ленинградского фронта была отправлена директива:

«В целях выделения из состава 2-й ударной армии дополнительных сил для разгрома противника, угрожающего с севера коммуникациям 2-й ударной армии, и последующего развития успеха совместно с 59-й армией в направлении Спасская Полисть, Чудово приказываю:

1. 2-й ударной армии последовательно вывести войска на рубеж Ольховские, Рогавни, озеро Тигода и занять этот рубеж для упорной обороны... Особое внимание [уделить] направлению на Ольховские. К инженерной подготовке этого рубежа приступить немедленно».

Вывод на новый рубеж должен был начинаться по сигналу «Вперед».

С выходом на новый рубеж обороны в состав 2-й ударной армии командующий фронтом планировал включить войска 59-й армии, действующей на рубеже р. Глушица, и 19-й гв. сд 52-й армии.

Однако Ставка в ночь с 13 на 14 мая 1942 г. подготовила для Ленинградского фронта следующую директиву, в которой задача об отводе 2-й ударной звучала несколько иначе:

«Отвод 2-й ударной армии на рубеж Ольховские, оз. Тигода не дает нам больших выгод, так как для удержания этого рубежа потребуются не менее четырех-пяти сд и, кроме того, с отводом армии на рубеж Ольховские, оз. Тигода не устраняется угроза армейским коммуникациям в районе Мясного Бора».

Ставка приказала отвести 2-ю ударную армию из занимаемого ею района и одновременными ударами 2-й с запада на восток и 59-й армии с востока на запад уничтожить противника в районе выступа Приютино и Спасская Полисть. По выполнении поставленной задачи войска 2-й ударной должны были сосредоточиться в районе Спасской Полисти и Мясного Бора, с тем чтобы прочно закрепить за собой Ленинградскую железную дорогу, шоссе и плацдарм на западном берегу р. Волхов совместно с 59-й и 52-й армиями.

Однако Хозин был не согласен. И 15 мая он докладывает Сталину, отстаивая свой план отвода 2-й ударной: «Операция по отводу 2-й ударной армии состоит из нескольких этапов.

Первый этап операции изложен в № 24. Основная задача этого этапа заключается в том, чтобы последовательным отводом с рубежа высвободить силы для удара с запада на восток – по выступу южн. Спасской Полисти. С этой целью и намечен наиболее выгодный рубеж Ольховские, озеро Тигода. Только обеспечивая за собой этот рубеж, 2-я уд. армия может наносить удар на восток. Именно этот рубеж должна удерживать 2-я уд. армия еще и потому, что он прикрывает единственную дорогу (Ольховка – Новая Кересть), необходимую для развертывания

ударной группировки второй ударной армии при ее действиях – на восток.

Вторым этапом операции будет выполнение конечной цели действий – дальнейший вывод 2-й ударной армии, а также части сил 59-й и 52-й армий на рубеж, непосредственно обеспечивающий закрепление за ними Ленинградской железной дороги, шоссе и плацдарма на западном берегу Волхова».

16 мая Ставка все-таки утвердила этот план. Ставка в лице тов. Сталина до последнего момента доверяла Хозину. А он продолжал делать ошибки, одну за другой.

Первая его ошибка – объединение фронтов. Вторая – наступление без дополнительных сил. Дело в том, что 2-я ударная армия только числилась ударной, а на самом деле еле сдерживала наступление немцев. К тому же их активные действия мешали пополнять ее через горловину мешка.

Генерал Хозин все-таки решился на отвод 2-й ударной на доукомплектование и отдых, но и здесь допустил серьезную ошибку – третью: им было упущено драгоценное время.

Еще до 16 мая из котла были выведены некоторые соединения и части, а дальше уже без резервов обеспечить отход армии было просто невозможно. Тем более что в это же время развернулись ожесточенные бои на юге под Харьковом и с резервами в Ставке было чрезвычайно туго. 21 мая Ставка приказала командующему войсками Ленинградского фронта:

1. Ближайшими задачами для войск Волховской группы Ленинградского фронта иметь:

а) прочную оборону на фронте 54-й и 8-й армий, с тем чтобы не допустить прорыва противника со стороны ст. Мга на Волхов;

б) не позднее 1 июня 1942 г. очистить от противника восточный берег р. Волхов в районе Кириши, Грузино. Подготовку этих операций и обеспечение их в огневом отношении взять лично на себя. В ближайшие 4–5 дней, при помощи специально выделенной авиации дальнего действия, разрушить железнодорожные мосты через р. Волхов у Киришей и ст. Волхово, в 6 км юго-вост. Чудово;

в) отвод войск 2-й ударной армии, с тем чтобы, прочно прикрывшись на рубеже Ольховские, оз. Тигода с запада, ударом главных сил 2-й ударной армии с запада, с одновременным ударом 59-й армии с востока, уничтожить противника в выступе Приютино, Спасская Полисть...

Затем следовало «силами 59-й, 2-й ударной и правым крылом 52-й армий прочно обеспечить за собой плацдарм на зап. берегу реки Волхов в районе Спасская Полисть, Мясной Бор, Земтицы, Ленинградскую железную дорогу и шоссе с тем, чтобы не допустить соединения по этим

дорогам новгородской и чудовской группировок противника и восстановления железной дороги Новгород – Ленинград...»

В целях удобства управления после ликвидации противника в районе Спасской Полисти Ставка приказывала реорганизовать Волховскую группу войск, создав из нее две группы: Ладожскую в составе 54-й и 8-й армий на фронте от Ладожского озера до р. Волхов у Киришей и Волховскую в составе 4, 59, 2 и 52-й армий на фронте Кириши, Грузино, Спасская Полисть, Земтицы и далее по р. Волхов до оз. Ильмень, с назначением командующих этими группами и штабов при них.

Теперь Военный совет и штаб Ленинградского фронта от непосредственного командования Волховской группы освобождался.

Когда с севера над 2-й ударной армией нависла крупная немецкая группировка, Ставка неоднократно требовала от генерала Хозина отвести войска армии на рубеж р. Волхов, но штаб фронта опоздал.

Необходимые распоряжения были отданы лишь 25 мая, а через несколько дней основные коммуникации снабжения армии были перерезаны. По мнению пом. начальника Особого отдела НКВД СССР ст. майора госбезопасности Москаленко, генерал-лейтенант Хозин медлил с выполнением приказа Ставки, ссылаясь на невозможность выводить технику по бездорожью и необходимость строить новые дороги. Таким образом, к началу июня части не начали отводить, однако в Генеральный штаб Красной армии за подписью Хозина и нач. штаба фронта Стельмаха было прислано донесение о начале отвода частей армии. Но они обманули Генштаб, так как к этому времени 2-я ударная армия только начинала оттягивать тылы.

После получения директивы штаба фронта о выходе 2-й ударной армии с рубежа Новая Деревня, Ручьи, Коровий Ручей, Красная Горка, платформа Еглино, Веретье, Остров, Палинино, Финев Луг, Глухая Кересть за реку Волхов, начальником штаба армии полковником Виноградовым был составлен оперативный план по рубежам выхода. Фронт его утвердил. Особенно сильно на выполнении замысла оперативного решения на отход с первого и последующих промежуточных рубежей обороны сказалось истощение личного состава войск армии. Трудно решался и вопрос снабжения продуктами и боеприпасами. Если в первые дни окружения самолеты «Дуглас» и У-2 могли приземляться в расположения армии, то в последующие дни такой возможности не стало. Самолеты обычно прилетали в ночное время и сбрасывали груз, в основном продовольствие, на парашютах. Нередко наша авиация попадала под огонь «мессершмиттов» даже ночью.

Из воспоминаний командира 327-й стрелковой дивизии генерала И.М. Антюфеева:

«Май был на исходе, когда из армии поступил сигнал начать отход. С наступлением сумерек части дивизии оставили оборонительные позиции у Красной Горки. И в этот момент мы еще раз убедились, до какой степени бойцы ослаблены систематическим недоеданием. Они едва переставляли ноги. От противника мы оторвались незамеченными только перед рассветом, когда уже были в 8—10 километрах от Красной Горки, враг открыл ураганный огонь из всех видов оружия по оставленным нашим позициям. Затем он двинулся преследовать нас. Но бездорожье, леса и болота на этот раз стали нашими союзниками...

На первых порах гитлеровцы не могли использовать танки для преследования. А обойти нас стороной без танков вражеской пехоте было тоже не просто. Это позволило нам благополучно добраться до первого оборонительного рубежа и закрепиться на нем».

Из дневника ответственного секретаря редакции газеты «Отважный воин» 2-й ударной армии В.А. Кузнецова:

«11 мая. В районе Мясного Бора бой не ослабевает ни на минуту.

27 мая. Начали передвигаться по направлению к Мясному Бору, поминутно задерживаясь в пробках на дороге.

30 мая. Мясной Бор снова перекрыт».

За овладение горловиной шли ожесточенные бои. 30 мая 1942 г. немцы заметили отход 2-й ударной армии и перешли в наступление, а 2 июня противник вторично закрыл коридор, осуществив полное окружение. С этого времени питание армии боеприпасами и продовольствием начало осуществляться воздухом.

3 июня А.М. Василевский отправил командующему Ленинградским фронтом следующую телеграмму:

«Действия по уничтожению противника в районе Спасская Полисть и Приютина проводятся Вами крайне медленно. Противник Вами не только не уничтожается, а, наоборот, перейдя к активным действиям, преградил пути отвода 2-й ударной армии, так как разгадал Ваш маневр по ее выводу. Попытки войск фронта пробить брешь в боевом порядке противника оказываются малоуспешными. Основной причиной этого нужно считать не только медлительность Ваших мероприятий, но и вывод сил по частям вместо удара всеми силами 2-й ударной армии...

Промедление и нерешительность в этом деле чрезвычайно опасны, ибо все это дает противнику возможность изо дня в день сильнее закрепляться на перехваченных им путях отвода 2-й ударной армии».

И все-таки как же получилось, что 2-я ударная армия оказалась в окружении?

Еще в апреле генерал Хозин вывел в резерв фронта три дивизии: 2-ю (4-ю и 24-ю) – 6-го гвардейского стрелкового корпуса и 378-ю стрелковую дивизию. Немцы умело воспользовались этим. Они построили узкоколейную железную дорогу в лесу западнее Спасской Полисти и практически беспрепятственно стали накапливать войска для удара по коммуникациям 2-й ударной армии Мясной Бор – Новая Кереть. Штаб фронта оборону коммуникаций 2-й армии не усилил. Ее северную и южную дороги прикрывали слабые 65 сд – 52-й армии и 372 сд – 59-й армии, вытянутые в линию без достаточных огневых средств на недостаточно подготовленных оборонительных рубежах.

Прикрывающая южную дорогу 372-я стрелковая дивизия к этому времени занимала участок обороны с боевым составом в 2796 человек протяженностью 12 км, 65-я дивизия, прикрывающая северную дорогу, занимала участок протяженностью 14 км с боевым составом 3708 человек.

Именно против 372-й сд противник сосредотачивал свои главные силы, но, к сожалению, мер к усилению обороны принято не было, хотя резервы у фронта на тот момент имелись.

30 мая немцы после артиллерийской и авиационной подготовки танковой атакой начали наступление на правый фланг 311-го полка 65-й стрелковой дивизии. 3 роты этого полка, потеряв 100 бойцов и 4 танка, отступили. Тогда для восстановления положения была брошена рота автоматчиков, которая понесла потери и отошла. Военному Совету 52-й армии ничего не оставалось, как бросить в бой последний резерв 54-й гв. стрелковый полк 19 гв. сд с пополнением в 370 человек, которое при первом же соприкосновении с противником разбежалось.

В результате немцы потеснили части 64-й дивизии и левым флангом отрезали 305-ю стрелковую дивизию.

В это же время атакой на участке 1236-го стрелкового полка 372-й стрелковой дивизии они прорвали ее слабую оборону, расчленили второй эшелон резервной 191-й стрелковой дивизии 59-й армии, вышли на узкоколейную железную дорогу и соединились с наступающими частями с юга. Только 1 июня без артиллерийской поддержки в бой была введена 165-я стрелковая дивизия, которая потеряла 50 % личного состава, но положение не исправила.

Командующий фронтом дивизию из боя вывел и перебросил на другой участок, заменив 374-й стрелковой дивизией, но та в момент смены частей 165-й отошла несколько назад и своевременно в бой введена не была.

В итоге генерал Хозин занялся заменой командиров и перегруппировкой войск, которую затянул до 10 июня. За это время немцы создали дзоты и укрепили оборону.

4 июня в 00 ч 45 мин командующий 2-й ударной армией генерал Власов докладывал: «Ударим с рубежа Полисть в 20.00 4 июня. Действий войск 59-й армии с востока не слышим, нет дальнего действия артогня».

До 4 июня горловина мешка существенно сузилась, а 5 июня встречными ударами 2-й и 59-й армий был пробит узкий коридор до 800 м, по которому и выходили войска 2-й ударной армии.

Практически за сутки для окруженной армии успели подвезти продукты и эвакуировать часть раненых, а дальше противнику все же удалось смять боевые порядки 2-й ударной и ворваться в них с запада.

6 июня горловина мешка была перекрыта полностью. Семь дивизий и шесть бригад оказались в окружении.

Из дневника ответственного секретаря редакции газеты «Отважный воин» 2-й ударной армии В.А. Кузнецова:

«3 июня. Наш островок все меньше.

6 июня. Поступил строчный приказ немедленно сменить места расположения...

К вечеру выясняются причины переполоха. Оказывается, 5 июня ночью было предпринято наступление двух наших армий – 2-й ударной и 59-й – навстречу друг другу. Губительный огонь противника не позволил расширить прорыв.

7 июня. Медленно продвигаемся вперед, преодолевая за ночь не более 500–800 м».

Даже по этим коротким и сухим отрывкам прямых участников событий видно, что обстановка на волховском участке фронта была не просто тяжелой, она была катастрофической!

3 июня командующим Ленинградским фронтом был назначен генерал Л.А. Говоров, а 8 июня Ставка приказала разделить войска Ленинградского фронта на два самостоятельных фронта:

«За невыполнение приказа Ставки о своевременном и быстром отводе войск 2-й ударной армии, за бумажно-бюрократические методы управления войсками, за отрыв от войск, в результате чего противник перерезал коммуникации 2-й ударной армии и последняя была поставлена в исключительно тяжелое положение», генерал-лейтенант Хозин был снят и назначен командующим 33-й армией Западного фронта вместо генерала армии Мерецкова, который снова вернулся на Волховский на прежнюю должность командующего. 9 июня 1942 г. он вместе с представителем

Ставки генерал-полковником А.М. Василевским прибыл на командный пункт в Малую Вишеру и взял в свои руки руководство выводом 2-й ударной армии из окружения.

Спустя десятилетия маршал вспоминал:

«Какова же была обстановка на фронте к нашему приезду? Обстановка выглядела довольно мрачной. 2-я ударная армия, отрезанная от баз снабжения и окруженная, испытывала острую нужду в продовольствии и боеприпасах. Ее арьергардные соединения под давлением противника медленно отходили на восток, а авангард тщетно стремился пробить коридор. Войска 59-й и 52-й армий, растянутые на широком фронте, еле сдерживали врага, пытавшегося расширить разрыв между ними и 2-й ударной армией. Резервы отсутствовали. Мы стали лихорадочно искать выход. Нам удалось высвободить три стрелковые бригады и ряд других частей, в том числе один танковый батальон. На эти скромные силы, сведенные в две группы, возлагалась задача пробить коридор шириной в 1,5–2 км, прикрыть его с флангов и обеспечить выход войск 2-й ударной армии, попавших в окружение. Сигнал к наступлению дали на рассвете 10 июня».

С 10 по 25 июня командующий войсками Волховского фронта при участии представителя Ставки непосредственно организовывал и руководил боевыми действиями в районе Мясного Бора.

Из воспоминаний командира 327-й стрелковой дивизии генерала И.М. Антюфеева:

«На первом оборонительном рубеже дивизия должна была задержать противника на сутки. Но от руководства поступил новый приказ: задержаться на этом рубеже как можно дольше, так как главные силы армии еще не были подготовлены к прорыву. Четверо суток дивизия сдерживала противника. Она отбила несколько ожесточенных его атак, даже захватила несколько пленных, в том числе двух пилотов с подбитых самолетов. Спустя некоторое время гитлеровцам все же удалось выйти на фланги дивизии. По нашей обороне они сосредоточили сильный огонь артиллерии и минометов, на который нам, к сожалению, нечем было отвечать. Мы вынуждены были оставить этот рубеж. Следующий оборонительный рубеж проходил в районе Финева Луга. Тут нам пришлось вести бои до середины июня, так как попытка прорвать оборону противника главными силами армии в направлении Спасской Полисти потерпела неудачу. Теперь войска армии готовились ко второму удару, изменив его направление – на Мясной Бор. В районе его каким-то чудом среди болот сохранилась узенькая полоска земли, по которой ночью могли

пробираться пешеходы».

По мнению начальника связи 2-й ударной армии генерал-майора Афанасьева, который в своем донесении Военному совету Волховского фронта писал 26 июля 1942 г.:

«Несмотря на все тяжелые условия оценки местности, истощение людского состава, отсутствие пополнения, но благодаря хорошему политико-моральному состоянию личного состава армии вся техника из болотистой местности была заблаговременно вывезена за Новую Кересть.

Этим самым все соединения стали свободно и оперативно выполнять возложенные на них задачи».

Именно благодаря «хорошему политико-моральному состоянию личного состава», на все попытки противника перейти в наступление он получал должный отпор с большими для него потерями.

Достаточно сказать, что управление по всем рубежам было построено при наличии двух-трех запасных командных пунктов, при хорошо развитой постоянной сети телефонно-телеграфной линии (двухпроводная система), при наличии обходных линий по фронту между стрелковыми дивизиями и бригадами. Таким образом, весь период выхода до реки Полисть управление войсками было бесперебойным. После отпора противнику на первом рубеже (Коровий Ручей, Красная Горка) немцы через Веретье вышли и заняли Дубовик. Но в результате взаимодействия сил 327 сд, 382 сд, 59 сбр и 25 сбр противник был полностью разбит и уничтожен. Части 59-й и 25-й стрелковых бригад из Б. Еглино вышли по плану без потерь. То же самое было и на втором промежуточном рубеже (Ручьи, Родофиниково).

На третьем рубеже противник был остановлен упорной обороной 23-й стрелковой бригады, 92-й, 19-й гвардейской и 327-й стрелковой дивизий. Эти соединения обеспечивали и обеспечили сосредоточение ударной группы, нацеленной на восток, в составе четырех бригад и двух дивизий в районе р. Глушицы.

Но так как на третьем рубеже обороны (Финев Луг, р. Вавань-Роговка, Ольховка) сплошного фронта не было, а численный состав уменьшался, командование армии приняло решение усилить передовые части специальными частями: связистами, артиллеристами и другими в количестве 1500 человек.

течение трех недель ведут наряженные ожесточенные бои с противником... Личный состав войск до предела измотан, увеличивается количество смертных случаев и заболеваемость от истощения возрастает с каждым днем. Вследствие перекрестного обстрела армейского района войска несут большие потери от артиллерийского огня и авиации противника. Боевой состав соединений резко уменьшился. Пополнить его за счет тылов и спецчастей больше нельзя... На шестнадцатое июня в батальонах, бригадах и стрелковых полках осталось в среднем по несколько десятков человек. Все попытки восточной группы армии пробить проход в коридоре с запада успеха не имели. Власов. Зуев. Виноградов».

По данным Генштаба, пассажирскими самолетами к этому времени ежедневно подавалось воздухом для частей армии 7–8 т продовольствия, при потребности в 17 тонн, 1900–2000 снарядов при минимальной потребности 40 000, 300 000 патронов (по 5 патронов на человека).

Несмотря на то что К.А. Мерецков с А.М. Василевским делали все, что только было возможно для вывода 2-й ударной армии из окружения: пересматривали все ресурсы фронта, намечали части и подразделения для переброски к месту прорыва, время было упущено. Противник не сидел сложа руки и по возможности наращивал свои усилия. Только западнее Ленинградского шоссе, с севера наступали части и подразделения его четырех дивизий. С запада действовали три дивизии, сведенные в группу, а со стороны Новгорода на армию давило не менее двух групп немцев. 19 июня 29-я танковая бригада при поддержке пехоты прорвала оборону противника и соединилась с войсками 2-й ударной, наступающими с запада.

«20 июня. 03 ч 17 мин. Начальнику штаба фронта. Части 2-й ударной армии соединились в районе отметки 37,1 и севернее ее с прорвавшимися танками и небольшой группой пехоты 59-й армии. Пехота, действующая с востока, на реку Полисть еще не вышла. Артиллерия с востока не работает. Танки не имеют снарядов».

«20 июня. 12 ч 57 мин. Начальнику ГШКА. Начальнику штаба фронта. Копия: Коровникову и Яковлеву. Прошу понять, что части восточной группы настолько обескровлены, что трудно выделить сопровождение для танков. Оборона противника на р. Полисть не нарушена. Положение противника без изменений. Пехота 52-й и 59-й армий на реку Полисть с востока не вышла. Наши части скованы огнем противника и продвижения не имеют. Прошу указаний на атаку пехоты 52-й и 59-й армий с востока.

Прорвавшиеся 11 танков не имеют снарядов».

«21 июня 1942 г. 8 ч 10 мин. Начальнику ГШКА. Военному совету фронта. Войска армии три недели получают по пятьдесят граммов сухарей. Последние дни продовольствия совершенно не было. Доедаем последних лошадей. Люди до крайности истощены. Наблюдается групповая смертность от голода. Боеприпасов нет. Власов. Зуев».

К 21 июня соединения 2-й ударной армии в количестве восьми стрелковых дивизий и шести стрелковых бригад (35–37 тыс. человек) с тремя полками РГК 100 орудий, а также около 1000 автомашин сосредоточились в районе несколько километров южнее Н. Кересть на площади 6 Ч 6 км. И с 21 на 22 июня части 59-й армии прорвали оборону противника в районе Мясного Бора и образовали коридор шириной до 800 м.

Для удержания этого коридора части армии развернулись фронтом на юг и на север, заняли боевые участки вдоль узкоколейной железной дороги.

Навстречу частям 59-й армии вели наступление (2-я ударная армия) 1-й эшелон 46 стр. дивизия и 2 эшелон 57-я и 25-я стрелковые бригады. Выйдя в стык с частями 59-й армии, эти соединения пошли на выход через коридор в тыл 59-й армии. Только за день 22.06 из 2-й ударной армии вышло 6018 раненых и около тыс. здоровых бойцов и командиров.

Маршал К.А. Мерецков вспоминал:

«Воспользовавшись коридором, из 2-й ударной армии на Мясной Бор вышла большая группа раненых бойцов и командиров. Затем произошло то, чего я больше всего опасался. Части 2-й ударной армии, участвовавшие в прорыве, вместо того чтобы направить свои усилия на расширение прорыва и закрепление флангов, сами потянулись вслед за ранеными. В этот критический момент командование 2-й ударной армии не приняло мер по обеспечению флангов коридора и не сумело организовать выход войск из окружения».

23 июня ответственный секретарь редакции газеты «Отважный воин» В.А. Кузнецов в своем дневнике записал:

«Кольцо вновь разомкнуто, и часть войск выведена на ту сторону. У нас же обстановка осложняется с каждой минутой. Территория занимаемого армией участка простреливается насквозь. Вчера всю вторую половину дня не улетали бомбардировщики. В воздухе безнаказанно висел „костыль“ и нас жестоко обстреливала артиллерия. Ночью гитлеровцы сбили шесть наших самолетов, пытавшихся прорваться к нам с продовольствием и медикаментами».

С 12 июня по 18 июня 1942 г. бойцам и командирам 2-й ударной выдавалось по 400 г конины и 100 г сухарей. В последующие дни норма питания еще более ухудшилась (10–50 г только сухарей). Правда, личный шофер Власова Коньков Н.В. в своих показаниях в августе 1942 г. говорил: «В последнее время бойцы частей 2-й ударной армии ежедневно получали от 80 до 150 г сухарей, ели вареную конину и суп, приготовленный из травы».

Но были дни, когда бойцы продуктов не получали совсем. Число истощенных бойцов увеличивалось, появлялись случаи смертности от голода. В своей докладной записке начальник особого отдела НКВД Волховского фронта старший майор госбезопасности Мельников 6 августа 1942 г. писал: «Зам. нач. политотдела 46-й дивизии Зубов задержал бойца 57-й стрелковой бригады Афиногенова, который вырезал из трупа убитого красноармейца кусок мяса для питания. Будучи задержан, Афиногенов по дороге умер от истощения».

Положение 2-й ударной армии крайне осложнилось после прорыва противником линии обороны 327-й дивизии в районе Финев Луг. Вследствие чего противник продвинулся к Новой Керести и подверг артиллерийскому обстрелу тыла армии. Так он отрезал от основных сил армии 19-ю гвардейскую и 305-ю стрелковые дивизии, а дальше ударом со стороны Ольховки двумя пехотными полками с двадцатью танками при авиационной поддержке немцы овладели рубежами, занимаемыми 92-й дивизией.

Отход войск по линии реки Кересть значительно ухудшил положение армии. Артиллерия противника простреливала уже всю глубину армии. Кольцо вокруг 2-й ударной сомкнулось.

«23 июня 1942 года. 01 ч 02 мин. Войска армии после прорыва силами 46-й стрелковой дивизии вышли на рубеж безымянного ручья 900 метров восточнее отметки 31,1 и только в этом районе встретились с частями 59-й армии. Все донесения о подходе частей 59-й армии к р. Полисть с востока предательское вранье...»

Противник, форсировав р. Кересть, зашел во фланг, вклинился в наши боевые порядки и повел наступление на КП армии в районе Дровяное поле. На защиту командного пункта армии в бой была брошена рота особого отдела в составе 150 человек, которая оттеснила противника и вела с ним бой в течение суток 23 июня.

«23 июня 1942 г. 22.15. Противник овладел Новая Кересть. Проход восточнее реки Полисть вновь закрыт противником... Активных действий с востока не слышно. Артиллерия огонь не ведет. Еще раз прошу принять

решительные меры по расчистке прорыва и выхода 52-й и 59-й армий на реку Полисть с востока. Наши части на западном берегу Полисти. Власов. Зуев. Виноградов».

«23 июня 1942 г. 23.35. Бой на КП штаба армии, отметка 43,3. Помощь необходима. Власов».

Чтобы обеспечить выход частей 2-й ударной армии, оставшихся за линией фронта, командование фронта подготовило новый встречный удар войск 59-й с востока и 2-й ударной армии с запада вдоль узкоколейной дороги. Атака готовилась на 23 часа 23 июня. Но из-за сильнейшей бомбардировки с воздуха боевых порядков войск и штаба 2-й ударной армии мероприятия по занятию исходного положения для атаки были сорваны.

24 июня в 00.45 Власов докладывал: «Прохода нет, раненых эвакуировать некуда – Вас вводят в заблуждение... Прошу Вашего вмешательства».

А вот следующий текст, переданный Военным советом 2-й ударной в 19.45: «Всеми наличными силами войск армии прорываемся с рубежа западного берега р. Полисть на восток, вдоль дорог и севернее узкоколейки. Начало атаки в 22.30. 24 июня 42 г. Прошу содействовать с востока живой силой, танками и артиллерией 52-й и 59-й армий, и прикрывать авиацией войска с 3.00. 25 июня 42 г. Власов. Зуев. Виноградов».

Еще 22–23 июня командование 2-й ударной армии, организуя выход частей из окружения в образовавшийся коридор, почему-то не рассчитывало на выход с боем и не приняло мер к укреплению и расширению основной коммуникации у Спасской Полисти. Таким образом, ворота не удержали и на этот раз. Все повторилось...

В ночь на 24 июня в 23.30 войска 2-й ударной армии начали движение. Навстречу им вышли танки с десантом пехоты 29-й танковой бригады. Артиллерия 59-й и 52-й армий обрушилась на врага. Противник в ответ открыл ураганный артиллерийский огонь, и над районом боевых действий заработала немецкая бомбардировочная авиация.

Маршал К.А. Мерецков вспоминал:

«Я в это время находился на командном пункте 59-й армии, откуда поддерживал связь со штабом 2-й ударной армии. С началом движения войск этой армии связь со штабом 2-й ударной армии нарушилась и уже больше не восстанавливалась.

К утру вдоль узкоколейной железной дороги наметился небольшой коридор и появились первые группы вышедших из окружения бойцов и командиров. Они шатались от изнеможения. Выход войск продолжался в

течение всей первой половины дня, но затем прекратился. Немцам удалось взять под контроль дорогу. К вечеру силами войск, действовавших с востока, снова был пробит коридор и расчищена дорога. По этому коридору, простреливаемому перекрестным огнем с двух сторон, в течение ночи и утра 25 июня продолжался выход бойцов и командиров 2-й ударной армии. В 9.30 25 июня немцы вновь захлопнули горловину, теперь уже окончательно». Еще 24 июня утром командование 2-й ударной армии отдало распоряжение выходить из окружения мелкими группами. По мнению К.А. Мерецкова, «это распоряжение подорвало моральный дух войск и окончательно дезорганизовало управление. Не чувствуя руководства со стороны командования и штаба армии, подразделения дивизий и бригад вразброд двинулись к выходу, оставляя неприкрытыми фланги».

Это мнение подтверждается и другими источниками. Старший майор госбезопасности Мельников: «24 июня с.г. Власов принимает решение вывести штаб армии и тыловые учреждения походным порядком. Вся колонна представляла из себя мирную толпу с беспорядочным движением, демаскированную и шумную.

Противник идущую колонну подверг артиллерийскому и минометному обстрелу. Военный совет 2-й армии с группой командиров залег и из окружения не вышел».

До сих пор считается, что генерал Власов не виновен в том, что 2-я ударная армия оказалась в окружении. Возможно, что так оно и есть. Но есть одно маленькое «но». Правда, что командовать 2-й ударной армией Власов действительно стал с середины апреля 1942 года, заменив на время заболевшего генерала Клыкова. Однако еще с марта месяца он был ее тактическим советником в должности заместителя командующего Волховского фронта. А значит, уже тогда должен был владеть обстановкой, помогать командарму в руководстве войсками, а также нести всю полноту ответственности за принимаемые решения. Но насколько известно, ничего этого не было.

Первый раз коммуникации 2-й ударной армии были перерезаны 20–21 марта, а через неделю коридор открыт. 2 июня вторично закрыт коридор. Выходит, что до окружения Власов полтора месяца командовал армией и более двух с половиной был при ней. Свидетельства очевидцев говорят, что Власов больше говорил, чем делал:

«Находясь при 2-й ударной армии, Власов давал понять, что он имеет большой вес, ибо он неоднократно говорил, что он имеет особое поручение

Москвы и что он имеет прямую связь с Москвой.

Во 2-й ударной армии Власов хорошо дружил с членом военного совета Зуевым и начальником штаба Виноградовым.

С Зуевым они вместе до войны работали в 4-м мехкорпусе. В беседе с Зуевым и Виноградовым Власов неоднократно говорил, что великие стратеги – это по поводу Мерецкова – завели армию на гибель.

Власов по адресу тов. Мерецкова говорил: „Звание большое, а способности...“ – и дальше не договаривал, но он давал понимать. Судя по разговору Власова, он не хотел никого понимать и хотел быть хозяином. Власов во 2-й ударной армии не любил начальника особого отдела Шашкова, это Власов не раз высказывал Зуеву, а один раз Власов скомандовал Шашкову выйти из землянки».

Адъютант (майор Кузин).

Не лучше отзывался о Власове и маршал А.М. Василевский:

«Командующий 2-й ударной армией Власов, не выделяясь большими командирскими способностями, к тому же по натуре крайне неустойчивый и трусливый, совершенно бездействовал. Создавшаяся для армии сложная обстановка еще более деморализовала его, он не предпринял попыток к быстрому и скрытному отводу войск».

Пока Власов не занимал должность командарма и находился как бы в стороне от событий, он позволял себе давать негативные оценки тем, кто непосредственно командовал фронтом, армией, кто нес всю полноту ответственности. Это продолжалось и после его назначения на армию. Видимо потому, что оно было по совместительству. И скорее всего потому, что он был уверен в своем временном исполнении обязанностей. Но лечение Клыкова затянулось, а катастрофа 2-й ударной пришла гораздо быстрее, чем об этом кто-то мог подумать. И вот тут Власов растерялся.

Впрочем, не просто растерялся, а запаниковал. Все его доклады в июне подтверждают это. Это было третье в его жизни окружение. К тому же 2-й ударной армии оказывалась всемерная помощь, то есть все было иначе, чем в 1941 г.

Маршал А.М. Василевский вспоминал:

«Я занимал в период этих событий пост первого заместителя начальника генерального штаба и могу ответственно подтвердить ту крайне серьезную озабоченность, которую проявлял изо дня в день Верховный главнокомандующий о судьбе войск 2-й ударной армии, о вопросах оказания всемерной помощи им. Свидетельством этому является целый ряд

директив Ставки, написанных в большинстве случаев под диктовку самого Верховного главнокомандующего мною лично в адрес командующего и Военного совета Ленинградского фронта, в адрес командующих родами войск Красной Армии и в другие адреса, не говоря уже о ежедневных телефонных переговорах на эту тему.

После того как кольцо окружения войск 2-й ударной армии замкнулось и было принято решение о восстановлении Волховского фронта, по приказу Ставки вместе с командующим К.А. Мерецковым в Малую Вишеру к волховчанам был направлен и я, как представитель Ставки. Основной задачей нам было поставлено вызволить 2-ю ударную армию из окружения, хотя бы даже без тяжелого оружия и техники. И надо сказать, что нами были приняты, казалось бы, все возможные меры, чтобы спасти попавших в окружение, вызволить из кольца самого командарма Власова, хотя это было связано с большими трудностями».

Проводилась даже целая фронтальная операция по выводу 2-й ударной армии из окружения. Летом 1942 г. событие поистине неслыханное!

В своей книге «Русская кампания. Тактика и вооружение», написанной по опыту, полученному немецкой армией во Второй мировой войне, офицер генерального штаба вермахта Эйке Миддельдорф рассматривал проблему окружения. В ней, например, есть такие утверждения:

«Если противнику удалось осуществить окружение и нет оснований для успешного деблокирования, то окруженным войскам должен быть немедленно отдан приказ на прорыв и выход из окружения.

Без снабжения по воздуху боевой состав окруженных войск будет быстро уменьшаться и тогда уже нельзя рассчитывать на успешный прорыв из окружения».

Далее он пишет: «Решение на вывод войск из окружения должно быть принято в кратчайший срок, так как время в этих условиях работает на противника. При оценке обстановки и положения войск необходимо прежде всего помнить о том, чтобы решение на выход из окружения или на деблокирование окруженной группировки не было бы принято слишком поздно. Точно так же нельзя медлить и с осуществлением принятого решения по прорыву кольца окружения».

К сожалению, в той ситуации, в которой оказалась 2-я ударная, невозможно было определить, каким будет деблокирование. Успешным или нет? Может быть, поэтому приказ на прорыв и выход из окружения не был отдан немедленно.

Ясно одно: снабжение по воздуху было малоэффективным из-за полного господства немецкой авиации. Соответственно, боевой состав

войск уменьшился быстро. Но при этом нельзя забывать про высокое политико-моральное состояние личного состава, которое в то время ни у кого не вызывало сомнения. Это был факт очевидный.

Решение на вывод войск 2-й ударной армии было принято с опозданием, но для этого имелись веские причины. В том числе и проведение операции фронта по выводу армии из окружения. Иначе говоря, 2-я ударная не была брошена на произвол судьбы. Из трех возможных вариантов вывода войск:

- путем прорыва кольца окружения силами окруженных войск;
- путем их деблокирования войсками, действующими извне;
- путем одновременного удара обеих группировок навстречу друг другу.

Был выбран последний и самый верный.

Но он требовал времени на подготовку и организацию взаимодействия, и времени немало.

По воспоминаниям очевидцев, известно, несмотря на то что 21 июня штаб 2-й ударной армии оставил КП армии в связи с обстрелом и перешел на КП бригады в р-не Мясного Бора, до 20–22 июня 1942 г. 2-я ударная армия, находясь в окружении, сохраняла полный боевой порядок. Соединения и части, несмотря на свою малочисленность, сдерживали натиск противника. Войска умело использовали главное преимущество окруженных: быстро маневрировали, имели организованное гибкое управление огнем и в короткие сроки создавали группировки для прорыва кольца окружения. В окруженной армии обеспечивалась внутренняя организованность войск. Строгий контроль за соблюдением правил передвижения поддерживал дисциплину и порядок. Все это было до тех пор, пока Военный совет, штаб и сам командующий верили в то, что окружение будет прорвано. Но боязнь, что с потерей времени неудача по деблокированию и прорыву повлечет за собой значительно более пагубные последствия и противник нарушит сплошной фронт обороны на решающем направлении, а затем расчленит и уничтожит армию по частям, сыграла свою роль.

Генерал Власов вконец растерялся. Внешнее спокойствие перед войсками, сменяемое отчаянием, банальной паникой в докладах и донесениях наверх, обернулось протрацией...

Глава 3. Момент истины

Жизнь в этом мире есть борьба.

Н. Бердяев

1

Писатель Н. Коняев в своей книге про Власова пишет: «Мерецкову не удалось организовать штурмовую группировку такой силы, которая способна была проломить немецкую оборону».

Что ж, пусть и это останется на совести автора, который во всех смертных грехах обвиняет только лишь одного К.А. Мерецкова. Но по плану вывода 2-й ударной армии из окружения предусматривался одновременный удар обеих группировок навстречу друг другу. Иначе говоря, не только удар деблокирующих войск, но и выход окруженных с боем. Известно, что окруженные войска прорывались без боя, группами и неорганизованно. Это стало одной из причин неудачного выхода. И виноват в этом в большей степени сам командующий А.А. Власов и его штаб, который потерял управление в последний момент и растерялся. Вследствие чего не были прикрыты фланги, отсутствовала достоверная информация о действиях своих войск. Не было организовано и взаимодействие по обеспечению коридора выхода (прорыва).

Но мне непонятно, почему Н. Коняев забыл обвинить, например, А.М. Василевского в неспособности прорвать немецкую оборону, для спасения 2-й ударной армии, так как именно он как представитель ставки находился рядом с Мерецковым, но при этом имел значительно больше полномочий.

В своих мемуарах он написал:

«С 10 по 19 июня 1942 г. непрерывно шли яростные бои, в которых участвовали крупные силы войск, артиллерии, танки 4, 59 и 52-й армий... За ходом этих боев непрерывно следил Верховный Главнокомандующий. В итоге нашим войскам удалось пробить узкую брешь в немецком капкане и спасти значительную часть окруженной 2-й ударной армии».

2

О том, как генерал Власов и остатки его армии выходили из

окружения, сохранилось множество свидетельств очевидцев и документов. Познакомимся с некоторыми из них.

Личный шофер генерала Власова Н.В. Коньков:

«22 июня 1942 г. командование армии издало приказ – всеми имеющимися силами идти на штурм обороны немцев в районе Мясного Бора.

Этот штурм намечался на вечер того же дня. В штурме принимали участие все: рядовой состав, шоферы, командующий армией, начальник особого отдела армии, работники штаба армии.

В момент подготовки к штурму особенно активно и смело вел себя начальник особого отдела армии майор госбезопасности Шашков. Он беседовал с бойцами и ободрял их, призывал проявить мужество и смелость в момент штурма. Во время штурма Шашков шел вместе с бойцами. Командующий армией и работники штаба также держались стойко и спокойно и в момент штурма шли вместе с бойцами. Штурм начался часов в 9—10 вечера, но успеха не имел, так как наши части были встречены сильным минометным огнем, в результате чего штурм был отбит, а части 2-й ударной армии рассеяны.

Поэтому впоследствии организованных боевых действий уже не проводилось, и оставшиеся группы бойцов и командиров выходили из окружения самостоятельно. В штурме принимало участие 150–200 человек работников штаба. После того как штурм был отбит, в группе работников штаба осталось не более ста человек».

Оперуполномоченный 1 отделения Особого отдела НКВД фронта лейтенант госбезопасности Исаев:

«22 июня было объявлено в госпиталях и частях, что желающие могут пройти на Мясной Бор. Группы по 100–200 человек бойцов и командиров легкораненых двигались на М. Бор без ориентиров, без указателей и без руководителей групп, попадая на передний край обороны противника и в плен к немцам. На моих глазах группа 50 человек забрела к немцам и была взята в плен. Другая группа в количестве 150 человек шла по направлению к немецкому переднему краю обороны, и только вмешательство группы особого отдела 92-й стр. дивизии переход на сторону противника был предотвращен»...

Шофер Н.В. Коньков:

«Утром 23 июня к нашей группе присоединились бойцы и командиры из частей 2-й ударной армии, в том числе генерал-майор Антюфеев и командир одной из бригад полковник Черный.

Генерал-лейтенант Власов дал распоряжение – всем оставшимся идти одной группой на север, в глубь немецкого тыла, в направлении Финев Луг, с тем чтобы лесами выйти из окружения. Как я слышал от командиров, вечером 23 июня, продвигаясь лесом на Финев Луг, мы прошли немецкую оборону и вышли в немецкий тыл».

Начальник связи 2-й ударной армии генерал-майор Афанасьев:

«Ударная группа продвигалась за р. Глушица и вплотную подошла, а местами на 100 м перешла р. Полисть. Дальше продвижения не имела. Были подготовлены вторые эшелоны для развития прорыва у р. Полисть. Противник с запада перешел р. Кересть и решительно повел наступление между Булановым и Антюфеевым на Кречно, этим самым угрожая нашему КП. Но благодаря правильной организации обороны на КП противник просочился вглубь только в обход нашего КП. В результате пришлось по приказу командира всему КП сосредоточиться в районе штаба 57-й стрелковой бригады, то есть между реками Глушица и Полисть, где пробыли с 13 по 24 июня.

Противник и здесь активизировал авиацию, но не без потерь. Основная часть сотрудников штаба с командованием во главе осталась в целости. Военным советом армии было решено, что с наступлением вторых эшелонов всему штабу армии „разбиться“ по штабам бригад и дивизий и пробиться вместе на восток. Все отделы разошлись по своим местам, а командование, военный совет, особый отдел, Власов, Зуев, начальник особого отдела, Виноградов, Белишев, Афанасьев и др. в количестве 120 человек последовали за 46 сд (командир дивизии полковник Черный)».

Шофер Н.В. Коньков:

«Вечером 24 июня в лесу генерал-лейтенант Власов собрал всех бойцов и командиров и объявил, что предстоит долгий и трудный путь, придется пройти не менее 100 км по лесам и болотам, продуктов никаких не имеется и придется питаться травой и тем, что удастся отбить у немцев. Тут же Власов объявил, что кто чувствует себя слабым, может оставаться

на месте и принимать меры по своему желанию.

В тот же вечер разведка доложила, что впереди лежит большая дорога, вдоль которой идет река. После возвращения разведки генерал-лейтенант Власов провел совещание с работниками штаба, в результате которого было принято решение продвигаться небольшими группами, по 20–30 человек. Было организовано около десяти таких групп, в каждой был назначен старший. Я попал в группу, которой командовал какой-то батальонный комиссар, фамилии которого я не знаю. В группе было двадцать человек, в том числе шофер Абрамов, адъютант комиссара штаба армии Петров, посыльный командующего армией Бородавченко и ряд других. При организации групп генерал-лейтенант Власов взял с собой только работников штаба армии и Военного совета, военврача 2-го ранга и официантку Марию Игнатьевну и, оставив всех адъютантов, посыльных и шоферов, ушел вперед, после чего его больше не видели.

С ним ушли: начальник штаба армии полковник Виноградов, комиссар штаба армии полковой комиссар Свиридов, генерал-майор Антюфеев, полковник Черный, официантка Мария Игнатьевна, генерал-майор артиллерии и военврач 2 ранга, фамилии которых я не знаю. Кроме этих лиц с Власовым ушли и работники штаба, но кто именно, я не знаю. Куда направилась эта группа, я тоже не знаю».

Оперуполномоченный 1 отделения Особого отдела НКВД фронта лейтенант госбезопасности Исаев:

«В 20 часов 24 июня по приказу начальника тыла дивизии майора Бегун весь личный состав дивизии около 300 человек тронулись по просеке центральной линии связи на М. Бор. В пути следования я наблюдал движение таких же колонн из других бригад и дивизий, численностью до 3000 человек.

Колонна, пройдя от поляны Дровяное поле до трех км, была встречена сильным шквалом из пулеметного, минометного и артогня противника. Пройдя к проволочному ограждению, противник встретил колонну ураганным огнем, после чего была подана команда отойти назад на расстояние 50 м. При отходе назад получилась массовая паника и бегство групп по лесу. Разбились на мелкие группы и разбрелись по лесу, не зная, что делать дальше. Каждый человек или маленькая группа решали свою дальнейшую задачу самостоятельно. Единого руководства всей колонной не было. Группа 92 стр. див. в количестве 100 человек решила идти другим путем, по узкоколейке. В результате с некоторыми потерями прошли через

шквал огня на Мясной Бор».

Оперуполномоченный 25 стрелковой бригады политрук Щербаков:

«24 июня с.г. с раннего утра был организован заградотряд, который задерживал проходивших всех военнослужащих, способных носить оружие, которые вместе с остатками частей и подразделений бригады были разбиты на три роты. К каждой роте для обслуживания был прикреплен опер. работник ОО НКВД. При выходе на исходный рубеж, командование не учло то обстоятельство, что первая и вторая роты еще не выдвинулись на исходный рубеж. Выдвинув третью роту вперед, поставили ее под шквальный минометный огонь противника.

Командование роты растерялось и не могло обеспечить руководство ротой. Рота, дойдя до настила под минометным огнем противника, разбежалась в разные стороны. Группа, отошедшая в правую сторону от настила, где были оперуполномоченный Корольков, командир взвода мл. лейтенант Кузовлев, несколько бойцов взвода ОО и других подразделений бригады, натолкнулись на дзоты противника и под минометным огнем противника залегли. Группа насчитывала всего 18–20 человек.

В таком количестве группа не могла пойти на противника, тогда командир взвода Кузовлев предложил возвратиться к исходному рубежу, присоединиться к другим частям и выходить левой стороной узкоколейки, где огонь противника значительно слабее.

Сосредоточившись на опушке леса, начальник ОО тов. Плахатник отыскал майора Кононова из 59-й стрелковой бригады, примкнул свою группу к его людям, с которыми двинулись к узкоколейке, и выходили вместе с 59-й стр. Бр.».

Оперуполномоченный 6-го гвард. минометного дивизиона лейтенант госбезопасности Лукашевич:

«Весь личный состав бригады, как рядовой, так и комначсостав были информированы о том, что выход начнется штурмом ровно в 23.00 24.06.42 г. с исходного рубежа р. Полисть. Первым эшелоном двигался третий батальон, вторым эшелоном – второй батальон. Из командования бригады, начальников служб, а также командования батальонов, никто не вышел из окружения, из-за задержки на КП. Оторвавшись от основной массы бригады и, очевидно, начав движение небольшой группой, они, надо полагать, погибли в пути следования».

Оперработник резерва ОО НКВД фронта капитан Горностаев:

«Через вышедших наших работников, командиров и бойцов устанавливается, что всем частям и соединением была поставлена конкретная задача о порядке и взаимодействии выхода на соединение боем. Однако в процессе этой операции произошла стихия, мелкие подразделения растерялись, и вместо кулака, оказались мелкие группы и даже одиночки. Командиры, в силу этих же причин, не могли управлять боем. Произошло это в результате сильного огня противника. Установить действительное положение всех частей нет никакой возможности, ибо никто не знает. Заявляют, что питания нет, много групп бросается с места на место, и никто не удосужится все эти группы организовать и с боем выйти на соединение».

Генерал-майор Афанасьев:

«Все вышли ночью с 24 на 25 июня на КП 46 сд, и в момент перехода в 2 часа ночи вся группа попадает под артиллерийско-минометный заградительный огонь. Группы в дыму теряются. Одна группа во главе с Зуевым и начальником особого отдела с отрядом автоматчиков в 70 человек скрылась в районе реки Полисть в направлении на высоту 40,5 (со слов тов. Виноградова), т. е. ушла от нас вправо, а мы с группой Власова, Виноградова, Белишева, Афанасьева и других ушли сквозь дым артиллерийско-минометных разрывов влево; организовали поиски Зуева и Шашкова, но успеха не имели. Пройти вперед не смогли. И мы решили идти обратно на КП 46 сд, куда вернулся и штаб 46 сд. Ждали момента затишья, но, увы, в этот период с запада противник прорвал фронт и двигался к нам по просеке во взводных колоннах и кричал: „Рус, сдавайся!“ Мне было приказано организовать оборону КП и встретить фрицев организованным огнем, отбросить их в лесную местность. Я собрал 50 человек бойцов, вместе с комиссаром штаба тов. Свиридовым встретили фрицев ружейно-автоматным огнем, рассеяли их, но противник продолжал нажимать, увеличил свои силы, усилился огонь по КП».

Далее начальник связи армии пишет: «Нужно отметить, что тов. Власов, несмотря на обстрел, продолжал стоять на месте, не применяясь к местности, чувствовалась какая-то растерянность или забывчивость. Когда я стал предупреждать – „надо укрываться“, то все же он остался на месте. Заметно было потрясение чувств. Было немедленно принято решение, и

Виноградов взялся за организацию отхода в тыл противника с выходом через фронт опять к своим. Нужно откровенно признаться, что все делалось конспиративно».

Следует обратить внимание на тот факт, что Власов был уже безразличен ко всему. Возможно, и к своей жизни тоже. Его охватил парализующий шок, и по сути все «бразды правления» он передал своему начальнику штаба.

Характерно, что генерал Афанасьев замечает: растерянность, забывчивость, потрясение чувств. Такой маленький психологический штрих к портрету своего командира, который уже не способен управлять не только войсками, но и группой лиц, находящейся рядом с ним. Заметим, малочисленной группой!

«Но несмотря на эти условия, вольно или невольно группа добровольно сама влилась в единую группу до 45 человек. Видно было, что это его [Виноградова] не устраивало. Но остановить поток было уже поздно. Плюс к этому прибавилась группа полковника Черного в количестве 40 человек. Получилась изрядная большая группа».

И снова Афанасьев одной фразой упоминает Власова: «Тов. Власов был безразличен, общим командиром был назначен, предложил свои услуги Виноградов. Меня тов. Власов предложил комиссаром. Составили список отряда. Разбили его на отделения: охраны, разведки и истребителей. Пошли дальше на север, где в лесу по дороге около Больш[ого] Апрельевского Моха встретили три группы Ларичева, отделились от нас Черный и командование 259 сд, которые двигались на север».

Начальник политотдела 46-й стрелковой дивизии майор Зубов:

«...в 12 часов дня 25 июня штаб 2-й ударной армии и штаб 46 сд находились в лесу в одном месте.

Командир 46 сд тов. Черный мне сообщил, что мы сейчас пойдем на прорыв противника, но командующий Власов предупредил, чтобы не было лишних людей... Таким образом, нас оказалось из штаба 2-й ударной армии 28 человек и не менее из штаба 46 сд. Не имея питания, мы пошли в Замошское, шли день 25 и 26. Вечером мы обнаружили убитого лося, поели, а утром 27 начальник штаба 2-й ударной армии, посоветовавшись с Власовым, принял решение разбиться на две группы, так как таким количеством ходить невозможно».

Итак, в ночь с 24 на 25 июня колонна Военного Совета и штаба армии вышла из штаба 57 стрелковой бригады (между реками Глушица и Полисть) в район 46-й стрелковой бригады, а уже оттуда в коридор выхода

на восток. Впереди головное охранение под командой зам. начальника особого отдела 2-й ударной армии старшего лейтенанта госбезопасности Горбова, затем Военный Совет армии и тыловое охранение.

В момент перехода при подходе к р. Полисть в 2 часа ночи колонна попадает под минометно-артиллерийский огонь. В пути выяснилось, что никто толком не знал маршрута. Двигались наугад. Возглавляющий передовое боевое охранение Горбов согласно приказу командования боя не принял отклонился вправо и продолжал двигаться вперед к выходу, в то время как члены Военного Совета армии и группа командиров залегли в воронке и остались на месте на западном берегу реки Полисть. В дыму все растерялись. И когда стихла стрельба, одна группа (Зуев и Лебедев, начальник политотдела бригадный комиссар Гарус, зам. начальника особого отдела армии Соколов, нач. особого отдела Шашков, плюс 70 автоматчиков) ушла вправо, а позже примкнула к остаткам бойцов 382 сд, которыми командовал командир полка полковник Болотов.

Другая группа (Власов, Виноградов, Белишев, Афанасьев) ушла влево. Но так как вперед (якобы) проход был закрыт, они вернулись на КП 46-й стрелковой дивизии, где встретились с ее штабом во главе с командиром дивизии полковником Черным. Все ждали затишья, но с запада противник прорвал фронт и им пришлось организовать оборону командного пункта.

В этот же день начальник разведотдела армии полковник А.С. Рогов выдвинулся немного позже колонны Военного совета 2-й ударной армии. От также наткнулся на заградительный огонь противника и вынужден был остановиться. Через некоторое время огонь стал ослабевать и перемещаться в направлении узкоколейки. Предполагая, что там образовался прорыв, полковник Рогов двинулся туда и вышел из окружения.

27 июня Зуев, Лебедев, Гарус и Соколов с отрядом бойцов численностью до 600 человек двинулись вперед для выхода из окружения, но Болотов в пути в бою был тяжело ранен, и отряд потерял управление. Бойцы, попав под артиллерийский огонь противника, растерялись в лесу. Часть сдалась в плен. Вместе ушли в лес Зуев, Лебедев, Соколов и нач. Новгородского райотдела НКВД Гришин. Двое последних пытались установить местонахождение командующего армией Власова, для чего ушли в разведку, но вернувшись обратно, Зуева и Лебедева не застали и 5 июля вышли из окружения самостоятельно. В своем рапорте на имя начальника особого отдела НКВД Волховского фронта замест. нач. ОО НКВД 2-й ударной армии, капитан ГБ Соколов указал: «Мы обнаружили шалаш, где Власов находился, но в этом шалаше была только одна

сотрудница военторга по имени Зина, которая ответила, что Власов находился здесь, но ушел к командиру 382-й дивизии, а затем якобы имел намерение перейти на КП 46-й дивизии».

По данным пом. нач. управления ОО НКВД СССР старшего майора госбезопасности Москаленко (1.07.42 г.): «С 22.06.42 г. по 25.06.42 из 2-й УА никто не выходил. В этот период коридор оставался на западном берегу р. Полисть. Противник вел сильный минометный и арт. огонь. В самом коридоре также имело место просачивание автоматчиков. Таким образом, выход частей 2-й ударной армии был возможен с боем».

Напомню, 24 июня в 19.45 Власов просил содействовать с востока живой силой, танками и прикрыть авиацией войска с 3.00 25 июня. И ему содействовали, правда, авиацией прикрыть не могли. Ее не хватало для такой задачи.

В эту же ночь для усиления частей 59-й армии и обеспечения коридора был направлен отряд под командованием полковника Коркина. Его сформировали из бойцов и командиров 2-й ударной армии, вышедших из окружения 22 июня. Когда сопротивление противника в коридоре и на западном берегу р. Полисть было сломлено, примерно с 2 часов части 2-й ударной армии двинулись общим потоком, который был прекращен в 8.00 из-за непрерывных налетов авиации противника. В этот день вышло около 6000 человек, из них направлено в госпиталя 1600 человек. Н. Коняев в своей книге, ссылаясь на сводку Генштаба, составленную на основе доклада К.А. Мерецкого («25 июня к 3 часам 15 минутам согласованным ударом 2-й и 59-й армий оборона противника в коридоре была сломлена и с 1 часа 00 минут начался выход частей 2-й армии»), как всегда, иронизирует: «Человеку не искушенному в стилистике штабных документов может показаться странным, что выход окруженной армии начался за два с лишним часа до того, как удалось сломить оборону противника». Однако никакого противоречия тут нет. Ведь эту безумную атаку шатающихся от голода бойцов и командиров и называл Кирилл Афанасьевич «выходом из окружения». Что ж, бумага стерпит все, но зачем писать неправду.

Все документы и свидетельства очевидцев говорят о том, что организация вывода 2-й ударной армии из окружения страдала серьезными недостатками. Частично виноват в этом штаб Волховского фронта, который не смог организовать взаимодействие между 59-й армии и 2-й ударной армии. Но несомненно и то, что большая вина лежит на штабе 2-й ударной армии, а конкретно на ее командующем, который растерялся и потерял управление не только войсками, но и своим штабом.

Таким образом, коридор был открыт примерно с 2 часов до 8.00... и

отвечая на иронию уважаемого автора, могу сказать: в том, что группы бойцов и командиров частей и соединений начали выход с 1.00, а оборона противника была сломлена к 3 часам 15 минутам, нет ничего криминального со стороны К.А. Мерецкова, как командующего фронтом. Вспомним, ведь Власов просил содействия именно с 3 часов, а то, что выход начался гораздо раньше, так это вопрос больше к Власову, его штабу и командирам соединений и частей 2-й ударной армии. По данным, полученным в Генеральном штабе 29 июня, группа бойцов и командиров частей 2-й ударной армии вышла на участок 59-й армии через тылы противника в район Михалево без потерь. Вышедшие утверждали, что в этом районе силы противника были малочисленны, в то время как коридор прохода, затянутый сильной группировкой противника и пристрелянный минометами, артиллерией и усиленными ударами авиации, уже был практически недоступным для прорыва 2-й ударной армии и с запада и 59-й армии с востока.

Старший майор госбезопасности Москаленко в своем докладе 1 июля 1942 г. отмечал: «Характерно, что районы, через которые проходили 40 человек военнослужащих, вышедших из 2-й ударной армии, как раз были указаны Ставкой Верховного Главного командования для выхода частей 2-й ударной армии, но ни Военный совет 2-й ударной армии, ни Военный совет Волховского фронта не обеспечили выполнения директивы Ставки».

Таким образом, весь ход событий выхода из окружения выглядит действительно трагично, но при этом нельзя забывать, что все-таки главная вина лежит прежде всего на командующем 2-й ударной армии и на его штабе. Лишь частично она ложится и на штаб Волховского фронта и его командующего. Хотя, как известно, К.А. Мерецков вновь в Малую Вишеру прибыл только 9 июня, сменив Хозина. И об этом нельзя забывать. Разве он может нести личную ответственность за открытые фланги при выходе 2-й ударной армии? И за то, что в процессе операции в этой армии произошла «стихия, при которой мелкие подразделения терялись, а вместо кулака оказались мелкие группы и одиночки, не способные выйти с боем на соединение». Разве он виноват, что все эти группы никто так и не смог организовать, что шквальный огонь противника сеял в их рядах панику, а единого руководства не было? Практически все, даже легкораненые, двигались без ориентиров, без указателей, без руководителей групп.

Одним из факторов, существенно повлиявшим на затруднение выхода армии из окружения, можно однозначно назвать факты измены и предательства.

Так 2 июня помощник начальника 8-го отдела штаба 2-й ударной армии техник-интендант 2-го ранга Малюк Семен Иванович перешел на сторону врага с шифрованными документами и выдал расположение частей 2-й ударной армии и место дислокации ее командного пункта. 10 июня, арестованные особым отделом НКВД Волховского фронта двое агентов немецкой разведки показали, что при допросах пленных военнослужащих 2-й ударной армии в абвере присутствовали командир 25 стрелковой бригады, помощник начальника оперативного отдела армии, интендант 1-го ранга, зам. командующего 2-й ударной армии и ряд других, которые предавали командно-политический состав немцам.

В окруженной армии имели место и факты групповых измен. Так заместитель начальника особого отдела 2-й ударной армии Горбов в присутствии начальника особого отдела 59-й армии Никитина сказал, что 240 человек черниговцев изменили Родине. Особистами не исключалась возможность и использования момента выхода из окружения 2-й ударной армии немецкой разведкой для засылки перевербованных бойцов и командиров, ранее взятых в плен. Например, 27 июня из окружения вышел красноармеец, сразу же попавший под подозрение. Он заявил, что сутки пролежал в воронке и теперь возвращается. Когда ему было предложено покушать, он отказался, заявив, сто сыт. О пути следования на выход рассказывал необычайный для всех маршрут. А теперь вернемся к выходу из окружения генерала Власова.

Генерал-майор Афанасьев:

«Все опять разошлись по разным направлениям. Проходим болото Протнино, встречаем опять Черного с отрядом, который наскочил на минное поле и повернул свой отряд на северо-восток. Наши отряды опять по решению Виноградова спустились на юг, к сараям, что южнее отметки 31,8. Здесь организовал разведку из четырех человек, обратно никто не вернулся, прождали до утра, решили идти на север, под хутора Ольховские, где и перейти реку Кересь. Немцы учли, что части Красной Армии следуют в глубокий тыл, и, опасаясь этого, быстро организовали по р. Кересь пикеты, охрану и не допускали прохода наших отрядов в леса – глубокий тыл противника.

Пройдя близ Ольховских [хуторов], организовали разведку, нашли подвесную веревочную сплетенную из палаток переправу, мы ее использовали, пикета как раз здесь не было, и мы свободно перешли на

западный берег реки Кереть. Далее мы строго пошли по направлению Вдицко на запад. Все устали, истощали, холодные, питались только травой, без соли, варили себе только пресные супы и грибы. Было принято решение истребительному отделению сделать налет на автомашину, груженную продуктами, забрать продукты и доставить к нам в лес. 15 человек выступили, в результате вся группа попала под огонь дзота, завязался бой, комиссар штаба тов. Свиридов был ранен в грудь пулей навывлет и один солдат убит. Их потери – 12 человек. Мы остались опять без продовольствия. Решаем идти на Щелковку на старое место нашего прежнего КП. Пробыв там ночь, посылаем в поиски за продуктами в Щелковку и здесь имеем потерю одного человека, убито предателей два человека. Вернулись опять ни с чем. Решили идти на запад через железную дорогу Поддубье... обнаружена охрана, но мы незаметно прошли ее. Вышли на деревянную узкоколейную железную дорогу на перекрестке, что в 2 км восточнее Поддубья. Здесь была сделана длительная остановка. Тов. Виноградов договорился с тов. Власовым, что надо группу разбить на маленькие группы, которые должны сами себе избрать маршрут движения и план своих действий, составили списки и предложили нам двигаться. Я лично возражал против данного мероприятия, рассказал свой план, т. е. двигаться всем до реки Оредежь. Заняться на месте ловлей рыбы на озере Черное и, если удастся, на реке, а остальная группа, со мной во главе, пойдет искать партизан, где найдем радиостанцию, и мы будем связаны с нашими частями на востоке, и нам окажут помощь. Мое предложение не было принято. Я тогда спросил, кто еще желает со мной идти, хотел идти один политрук, который был в списках намечен вместе с Власовым, тогда меня тов. Виноградов обвинил, что я якобы его переманил к себе, и этим дело кончилось. Я им рассказал свое решение. Наступило время моего выступления. Я в составе четырех человек ушел по своему маршруту.

Перед уходом стал спрашивать группы, кто куда пойдет, никто еще не принял решения, стал спрашивать Власова и Виноградова, они мне сказали, что они еще не приняли решения и что они пойдут после всех. Хорошо с ними попрощались, и я со своими людьми двинулся в путь...»

4

Власова начали искать уже с 25 июня, с того самого дня, когда он не вышел из окружения. К.А. Мерецков так написал в своих мемуарах:

«Но где же армейское руководство? Какова его судьба? Мы приняли

все меры, чтобы разыскать Военный совет и штаб 2-й ударной армии.

Когда утром 25 июня вышедшие из окружения офицеры доложили, что они видели в районе узкоколейной дороги генерала Власова и других старших офицеров, я немедленно направил туда танковую роту с десантом пехоты и своего адъютанта капитана М.Г. Бороду. Выбор пал на капитана Бороду не случайно. Я был уверен, что этот человек прорвется сквозь все преграды... И вот во главе отряда из пяти танков Борода двинулся теперь в немецкий тыл. Четыре танка подорвались на минах или были подбиты врагом. Но, переходя с танка на танк, Борода на пятом из них все же добрался до штаба 2-й ударной армии. Однако там уже никого не было. Вернувшись, горстка храбрецов доложила мне об этом в присутствии представителя Ставки А.М. Василевского. Зная, что штаб армии имеет с собой радиоприемник, мы периодически передавали по радио распоряжение о выходе. К вечеру этого же дня выслали несколько разведывательных групп с задачей разыскать Военный Совет армии и вывести его. Эти группы тоже сумели выполнить часть задания и дойти до указанных районов, но безрезультатно, так как они Власова не отыскали».

Н. Коняев в своей книге про Власова утверждает, что командующего 2-й ударной армии в последний раз видел старший политрук отдельной роты химической защиты 25-й стрелковой дивизии Виктор Иосифович Клоньльев (примерно 29 июня), который свидетельствовал: «Двигаясь на север со своей группой в районе леса, три километра юго-западнее Приютино, я встретил командующего 2-й ударной армии генерал-лейтенанта Власова с группой командиров и бойцов в количестве 16 человек. Среди них был генерал-майор Алферьев, несколько полковников и две женщины. Он меня расспросил, проверил документы. Дал совет, как выйти из окружения. Здесь мы переночевали вместе, и наутро я в три часа ушел со своей группой на север, а присоединиться спросить разрешения я постеснялся...»

Н. Коняев пишет: «Это последнее известие об Андрее Андреевиче Власове. Где-то после двух часов дня 27 июня 1942 г. след Власова теряется вплоть до 12 июля...»

Однако это не совсем так. Расставшись с группой Власова, на второй день группа генерала Афанасьева встретилась с лужским партизанским отрядом Дмитриева. Дмитриев помог затем связаться с командиром партизанского отряда Оредежского района Сазоновым, у которого имелась радиостанция.

5 июля 1942 г. Афанасьев прибыл к Сазонову, а 6 июля в Ленинградский штаб партизанского движения была отправлена следующая

телеграмма: «У нас находится генерал-майор связи 2-й ударной армии Афанасьев. Власов, Виноградов живы. Сазонов».

А 8 июля Сазонов сообщил в Ленинград: «Афанасьев оставил Власова с группой командного состава и женщиной в районе Язвинки. Сазонов».

Здесь стоит обратить внимание на такой факт: старший политрук В.И. Клоньельев застал Власова с группой в 16 человек. Среди них он видел генерала Алферьева и двух женщин. Афанасьев же сообщил только об одной женщине и об Виноградове и Власове (из командного состава). Следовательно, генерал Афанасьев видел Власова последним, и это могло быть 1 или даже 2 июля. При этом группа была разбита еще на маленькие группы.

Поиск Власова продолжался.

5

Из доклада штаба Волховского фронта «О проведении операции по выводу 2-й ударной армии из окружения»: «Для розыска Военного совета 2-й ударной армии развед. Отделом фронта были высланы радиофицированные группы: 28.06.42 две группы в р-н Глушица, обе были рассеяны огнем противника, и связь с ними была утеряна. В период с 2 по 13.07.42 г. с самолета были сброшены 6 групп по три–четыре человека в каждой. Из этих групп одна была рассеяна при сбросе и частью вернулась обратно, две группы, успешно выброшенные, наладившие связь, но необходимых данных не дали, и три группы дают регулярные сообщения о движениях мелких групп командиров и бойцов 2-й уд. армии в тылу противника. Все попытки розыска следов Военного совета до сих пор успеха не имеют».

Командующего искали и партизаны. Вот текст радиопереговоров с Ленинградским штабом партизанского движения: «13 июля. Жданову. Афанасьев прибыл к нам 5 июля. Власовым разошлись Язвинки. После о нем ничего не известно. Мной посланы в розыск 22 человека, две группы в 19 человек, 5 человек райактива. Розыск продолжаю. Сазанов». И еще: «14 июля. В город Валдай вызваны командиры партизанских бригад, действующих в партизанском крае, где они получают задание по организации боевых действий на ряде коммуникаций противника на случай возможного транспортирования пленных из числа лиц комсостава 2-й ударной армии».

В своих воспоминаниях А.М. Василевский высказал очень интересную мысль: «Однако, несмотря на все принятые меры с привлечением партизан,

специальных отрядов, парашютных групп и прочих мероприятий, изъять из кольца окружения Власова нам не удалось. И не удалось сделать прежде всего потому, что этого не хотел сам Власов».

Все документы, свидетельства очевидцев косвенно говорят именно об этом. А вот факты упрямо убеждают в том, что А.А. Власов не спешил выходить из окружения и тянул время. Видимо, для этого у него были причины. Итак, мы установили, что последним Власова видел генерал Афанасьев. А что дальше?

Н. Коняев считает: «Где-то после двух часов дня 27 июня 1942 г. след Власова теряется вплоть до 12 июля». На самом деле это не так. Константин Антонович Токарев, майор запаса, в годы войны был спецкором «Фронтальной правды» и «Красной Звезды». В конце 80-х он свидетельствовал:

«А Власов укрылся в сторожке у Прохора – волховского сторожила, бывшего ямщика, который знал и помнил отца Власова по нижегородской ярмарке, где он запил и исповедовался перед божницей с лампадой. Прохор, воевавший потом в партизанском отряде, рассказывал мне, что Власов потребовал у него „старую одежду“, переоделся. „Енерал“, как называл его Прохор, что-то шептал, словно звал кого-то из тех призраков, что таились за темными ликами икон, чуть озаренных лампадой. Той же ночью, дождавшись в сторожке свою „докторшу“ и телохранителя с лошадьми в отсутствие Прохора, Власов с попутчиками верхами выехали на глухую лесную тропу, и больше на этой стороне их не видели... На беглецов вышли партизаны и предложили бродягам следовать на лесную базу (об этом мне рассказал тот же Прохор). Те отвечали, что от голода и сырости заболели водянкой и не в силах идти дальше. Партизаны смастерили из жердей носилки. Но Власов и его Дуня оказались такими тяжелыми, что их вынуждены были оставить в сарае под надзором охранника, пообещав вернуться с подмогой и лошадьми. Когда же через день партизаны вернулись, ни Власова, ни „докторши“ в сарае не оказалось, а охранник лежал убитый у дверей...»

О том, что было дальше, мы можем узнать из протокола допроса от 21 сентября 1945 г. Вороновой Марии Игнатьевны, прибывшей из Берлина и остановившейся на жительстве в гор. Барановичи. Эта та самая докторша «Дуня» из рассказа К.А. Токарева (Прохора). Походно-полевая жена (ППЖ) А.А. Власова еще с 20-й армии. Она поступила на службу как вольнонаемная и служила в системе военторга шеф-поваром. Потом ее перевели работать в столовую Военного совета армии, где она и познакомилась с Власовым и сменила его прежнюю ППЖ. Характерно, что

Власов очень любил комфорт и даже в полевых условиях женщин держал всегда рядом. Наверно, он единственный генерал Красной армии, вышедший из окружения с бабой и с ней же попавший в плен. Подобных примеров наша история до тех пор не знала и не знает до сих пор.

Итак, Мария Воронова рассказала:

«Примерно в июне 1942 г., под Новгородом, нас немцы обнаружили в лесу и навязали бой, после которого Власов, я, солдат Котов и шофер Погибко вырвались в болото, перешли его и вышли к деревням. Погибко с раненым бойцом Котовым пошли в одну деревню, а мы с Власовым пошли в другую. Когда мы зашли в деревню, названия ее не знаю, зашли мы в один дом, где нас приняли за партизан, местная „самооборона“ дом окружила, и нас арестовали. Нас посадили в колхозный амбар, а на другой день приехали немцы, предъявили Власову вырезанный из газеты его портрет в генеральской форме, и Власов был вынужден признаться, что он действительно генерал-лейтенант Власов. До этого он рекомендовался учителем-беженцем. Немцы, убедившись, что они поймали генерал-лейтенанта Власова, посадили нас в машину и привезли на станцию Сиверская, в немецкий штаб. Здесь меня посадили в лагерь военнопленных, находившийся в местечке Малая Выра, а Власова через два дня увезли в Германию».

Несколько иначе поведал о пленении Власова К.А. Токарев:

«Власова случайно „нашел“ староста русской Староверческой деревушки. Он задержал высокого человека в очках и гимнастерке без знаков различия, в стоптанных сапогах, и его спутницу – они в деревне меняли ручные часы на продукты. Староста запер их в сарае и сообщил об этом немцам. Власова со спутницей в тот же день – это было 12 июля – отправили к командующему 18-й немецкой армией генералу Линдемману. Староста за проявленную им бдительность получил от немецких властей вознаграждение – корову, 10 пачек табаку, две бутылки „тминной водки и почетную грамоту“».

А вот что рассказал бывший начальник связи 4-й германской авиадивизии капитан Ульрих Гард:

«Власов в одежде без знаков различия скрывался в баньке близ деревни Мостки, южнее Чудова. Его обнаружил староста деревни и сообщил проезжавшему через деревню немецкому офицеру. Когда открыли дверь и скомандовали „руки вверх!“, Власов крикнул: „Не стреляйте, я генерал Власов – командующий второй ударной армией“».

Сомневаться в достоверности всех этих источников нет оснований. Они различаются лишь незначительными деталями, но суть у них одна.

21 июля 1942 г. Народный комиссар Внутренних дел Союза ССР Л. Берия сообщил товарищу Сталину об итогах вывода 2-й ударной армии из окружения. В конце докладной записки, в частности, было указано: «14 июля германское радиовещание в сводке верховного командования передало: „Во время очистки недавнего Волховского котла обнаружен в своем убежище и взят в плен командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Власов“».

Комментируя это, Н. Коняев пишет: «Обратим внимание на слова про „свое убежище“. Похоже, что Виноградову и Власову был известен какой-то запасной, не использованный КП 2-й ударной армии, где имелся запас продуктов... Этот КП и стал „своим убежищем“ для генерала Власова».

Известно, что Власова взяли в плен в деревне. Немцы его искали. И если бы он прятался в каком-нибудь запасном, не использованном КП «убежище», его бы прежде всего нашли свои или в крайнем случае немцы. И тем и другим все КП и ЗКП 2-й ударной армии были известны. К тому же вся территория непрерывно прочесывалась противником. Все факты еще и еще раз подтверждают, что командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант А.А. Власов не собирался сдаваться немцам, но и не спешил или же не хотел выходить к своим. Причем с каждым днем его шансы выйти к своим уменьшались. А то, что его не могли найти, так это потому, что сам Власов этого не хотел. Почему?

Никто не знает и никогда не скажет, что творилось в голове и в душе этого человека, ведь предателями не рождаются, ими становятся. И все же частично на этот вопрос ответить можно. И я попробую.

В Бору под деревней Щелковка в генеральской избе корреспондент К.А. Токарев нашел свою «зачитанную» Власовым работу «Грозный и Курбский» (до войны К.А. Токарев занимался историей, был аспирантом Ленинградского университета) с множеством замечаний Власова, из которых Токарев понял, что первого он ненавидел за опричнину, а перед вторым преклонялся.

Точно такие же заметки оказались и в старинном издании «Сказаний» князя Курбского с предисловием издателя – историка Устрялова из Казанского университета. Судя по комментариям на полях, Власов искал в древнем прошлом аналогии с современностью и со своей судьбой...

Генерал Власов прекрасно знал приказ Ставки Верховного Главного командования Красной армии от 16 августа 1941 г. № 270 с пометкой «Без публикации», но подлежащий прочтению «во всех ротах, эскадронах, эскадрильях, командах и штабах».

В этом приказе говорилось:

«Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам. Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробившись из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу.

Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги.

Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшись в окружении немецко-фашистских войск, вместо того чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13-го стрелкового корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьезного сопротивления сдались в плен.

Следует отметить, что при всех указанных выше фактах сдачи в плен врагу члены военных советов армий, командиры, политработники, особотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Понеделиным, Кирилловым и другим сдаться в плен врагу.

Эти позорные факты сдачи в плен нашему заклятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. И эти трусливые элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как известно, некоторые командиры и

политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя.

Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать...»

Далее говорится:

«Приказываю:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам. Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать ему в плен – уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи...»

Приказ подписали Председатель ГКО И. Сталин, его заместитель Молотов, маршалы Советского Союза С. Буденный, К. Ворошилов, С. Тимошенко, Б. Шапошников и генерал армии Жуков.

А теперь поговорим о жертвах 270-го приказа, а точнее о том, о чем не знал Власов и многие другие.

Качалов Владимир Яковлевич. 51 год. В Первую мировую – штабс-

капитан. В Красной армии с 1918 г. Во время Гражданской войны был пять раз ранен. После ее окончания командовал кавалерийской бригадой, дивизией, корпусом. Окончил военную академию имени Фрунзе. Командовал войсками округов, затем 28-й армией. Награжден двумя орденами Красного Знамени.

Понеделин Павел Григорьевич. 48 лет. В Первую мировую войну – командир взвода, роты, батальона. С 1918 г. в Красной армии, а после окончания Гражданской войны командовал стрелковыми бригадами, полком. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, преподавал в ней. В июле 1940 г. – начальник штаба Ленинградского ВО, а с марта 1941 г. командовал 12-й армией. Награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени.

Кириллов Николай Кузьмич. 43 года. В Первую мировую войну командир роты, батальона. В Красной армии с 1920 г. – командир роты, взвода. После Гражданской командовал стрелковыми полками, дивизией, корпусом. Награжден орденом Красной Звезды.

29 сентября 1941 г. состоялось тридцатиминутное судебное заседание по рассмотрению дела Качалова. Военная коллегия Верховного суда СССР признала Качалова виновным в том, что он во время боевых действий частей 28-й армии на Западном фронте 4 августа 1941 г. в районе города Рославля под деревней Старинкой, оставив свои войска и воспользовавшись находившимся в его распоряжении танком, перешел на сторону врага.

Военная коллегия приговорила Качалова к расстрелу. Кроме того, на основании постановления особого совещания при НКВД от 27 декабря 1941 г. были лишены свободы сроком на 8 лет жена Качалова – Ханчина-Качалова Елена Николаевна и ее мать – Ханчина Елена Ивановна. 13 октября 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР в закрытом судебном заседании на основании ст. 58-й «б» УК РСФСР осуждены заочно к расстрелу бывший командующий 12-й армией генерал-лейтенант Понеделин Павел Григорьевич и бывший командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов Николай Кузьмич.

Их признали виновными в том, что в августе 1941 г., оказавшись в окружении немецких войск в районе города Умани, они без сопротивления сдались в плен врагу. На основании постановления особого совещания при НКВД СССР от 12 октября 1941 г., то есть до того, как состоялось решение суда, жена Понеделина – Понеделина Н.М. и его отец – Понеделин Г.В. были лишены свободы в исправительно-трудовом лагере сроком на 5 лет каждый. Жена Кириллова – Кириллова Н.М. как член семьи изменника

Родины была осуждена 19 октября 1941 г. военным трибуналом Приволжского военного округа к ссылке в Красноярский край сроком на 5 лет.

Самое удивительное, что генерал Качалов погиб в бою 4 августа 1941 г. Тогда советским танкам не удалось прорваться из окружения. Об этом стало известно лишь в 1952 г., когда найдут очевидца этого боя, который вел танк генерала Качалова. Потом этот танк был подбит и загорелся.

Но только 23 декабря 1953 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговор в отношении Качалова В.Я. по вновь открывшимся обстоятельствам отменила и дело прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления. Елена Николаевна Ханчина-Качалова умерла в 1957 г. от тяжелого сердечного заболевания в 45 лет. Ее мать погибла еще в 1944 г. в лагере.

Ни о чем об этом генерал Власов не знал. Власов мог выйти из окружения живым и мог погибнуть при выходе 25 июня. Он мог быть вывезен на танке адъютантом Мерецкова Бородой или выведен нашими разведчиками или партизанами. Он мог. Бояться в принципе ему было нечего, так как 270-й приказ Ставки касался в основном только тех, кто сдавался в плен. Генералы Понеделин и Кириллов хотя в плен добровольно не сдавались, тем не менее попали к немцам.

8

У Власова было время подумать, и он думал с 25 июня до 12 июля 1942 г. В отечественной литературе бытует мнение: генерал Власов испугался ответственности, струсил и поэтому стал сотрудничать с немцами. А вот в плен попал, потому что не смог выйти из окружения. Но все это не совсем верно. В процессе работы над книгой у меня возникла интересная версия. Я предполагал, что генерал Власов, возможно, хотел остаться на временно оккупированной территории немцами, изменить имя и затеряться там.

Такие примеры были. Генерал-майор Степан Арсентьевич Мошенин, начальник артиллерии 24-й армии Западного фронта, кавалер трех орденов, в октябре 1941 г. вместе со своим штабом оказался в окружении немецких войск. Переоделся в гражданскую одежду, уничтожил личные документы и остался в тылу противника. Задерживался ими, 8 месяцев работал на ремонте и перешивке железнодорожных путей в прифронтовой полосе. В

конце июня 1942 г. бежал и устроился на работу в сельскохозяйственную общину. Мошенина арестовали за измену Родине 28 августа 1943 г. Однако у А.А. Власова скрыться, затеряться просто не получилось бы. Его рост, а возможно и роговые очки, были слишком заметными отличиями. Тем более портрет генерала был опубликован во всех газетах на оккупированной территории. Его искали ежедневно. Соответственно, эта версия просто отпадает.

Таким образом, остается одна-единственная версия. Исследуя документы, свидетельства и факты, я пришел к выводу, что боязнь ответственности у Власова все-таки была или, точнее, могла быть. Нельзя забывать, что в те времена были несколько иные понятия о преступлении и наказании.

И судьба генерала, вышедшего из окружения, целиком и полностью зависела от решения, которое примет вождь. А вождь мог его принять только после соответствующих докладов командующего Волховским фронтом, представителя Ставки на Волховском фронте и докладов особого отдела НКВД Волховского фронта. Видимо, Андрей Андреевич все-таки боялся ответственности за невыполнение директив Ставки, за потерю управления армией, за свою растерянность и за многое и многое другое. У него были причины чего-то бояться. Например, докладов К.А. Мерецкова, с которым у него были весьма сложные отношения, и докладов А.М. Василевского. В конце концов, Власов мог «придумать сам себе» наказание и испугаться его. В том психологическом состоянии, в котором он находился, видимо, еще с апреля (момента нежелательного назначения по совместительству командармом), потом со 2 июня (дня полного окружения) и наконец с 24 на 25-е июня – дня выхода из окружения. Думаю, он прекрасно понимал, что его карьера на этом может оборваться. Это была своеобразная шахматная игра, когда надо было решать: что делать в сложившейся ситуации? Он боялся возвращаться к своим, боялся встречаться с К.А. Мерецковым, боялся встречи со Сталиным.

Спустя несколько лет на допросе 25 мая 1945 г. он говорил:

«Командуя войсками 2-й ударной армии и попав в районе гор. Любань в окружение германских войск, я изменил Родине. Это явилось следствием того, что, начиная с 1937 г., я враждебно относился к политике Советского правительства, считая, что завоевания русского народа в годы Гражданской войны большевиками сведены на нет. Неудачи Красной Армии в период войны с Германией я воспринял как результат неумелого руководства страной и был убежден в поражении Советского Союза. Я был уверен, что интересы русского народа Сталиным и Советским правительством

принесены в угоду англо-американским капиталистам. Во время пребывания в окружении противника мои антисоветские настроения обострились еще больше и, не желая воевать за чуждые мне интересы, я 13 июля 1942 г., воспользовавшись приходом немцев в деревню, где я находился, сдался им добровольно в плен».

Из тех, кто выходил вместе с Власовым, в плен попали генерал-майор М.А. Белешев, командующий ВВС 2-й ударной армии, и командир 46-й стрелковой дивизии полковник Ф.Е. Черный.

Начальник особого отдела НКВД 2-й ударной армии А.Г. Шашков был ранен в ночь с 24 на 25 июня и застрелился. Дивизионный комиссар И.В. Зуев погибнет через несколько дней, напоровшись на немецкий патруль. Начальник штаба 2-й ударной армии П.С. Виноградов погиб, зам. командующего П.Ф. Алферьев пропал без вести и, видимо, тоже погиб.

Всего из окружения вышло 13 018 человек, при том, что на 1 июня 2-я ударная армия имела по спискам частей и соединений 40 157 человек личного состава (6 стрелковых бригад и 8 стрелковых дивизий). Из 27 139 человек, находившихся в окружении, большинство погибло в бою с врагами, частью сдались в плен.

29 июня 1942 г. Совинформбюро передало: «Гитлеровские писаки приводят астрономическую цифру в 30 000 якобы захваченных пленных, а также о том, что число убитых превышает число пленных во много раз. Разумеется, эта очередная гитлеровская фальшивка не соответствует фактам... По неполным данным, в этих боях немцы потеряли только убитыми не менее 30 000 человек... Части 2-й ударной армии отошли на заранее подготовленный рубеж. Наши потери в этих боях до 10 000 человек убитыми, около 10 000 человек пропавшими без вести...»

Д.А. Волкогонов в книге «Сталин», комментируя данное сообщение, написал: «Очень трудно поверить, что и у немцев, и у нас потери всегда такие „круглые“! Мы только сегодня постепенно узнаем, что рано начавшейся весной плохо подготовленная операция Волховского фронта поглотила в болотах тысячи и тысячи советских людей, которые и по сей день горько числятся как „без вести пропавшие“!»

Если говорить о потерях только лишь 2-й ударной армии, то Совинформбюро не сильно «ошиблось».

По его данным, погибло и пропало без вести 20 000 человек, а по данным архивных документов, которые не вызывают сомнений, эта цифра несколько выше – 27 139.

А вот Д.А. Волкогонов несколько ошибся. Ведь если рассматривать цифры потерь в Любанской наступательной операции (7.1—30.4.42,

Волховский фронт и 54-я армия Ленинградского фронта) и цифры потерь в операции по выводу 2-й ударной армии Волховского фронта (13.5—10.7.42), где принимали участие три армии: 2-я ударная армия, 52-я и 59-я армии Волховского фронта, то они действительно астрономические. Судите сами:

Любанская Операция по выводу
наступательная из окружения
операция 2-й ударной армии
7 января – 30 апреля 13 мая – 10 июля
1942 г. 1942 г.
Численность войск
к началу операции 325 700 231 900
Безвозвратные
потери 95 064 54 774
Санитарные потери 213 303 39 977
Всего 308 367 94 751
Среднесуточные 2705 1606

Не помню, кто из авторов или издателей назвал Любаньскую операцию «оптимистической трагедией». И действительно, несмотря на огромные потери значение этой героической эпопеи исключительно велико. Волховский фронт, оттянув на себя около 15 вражеских дивизий, создал благоприятные условия для наступления других фронтов и прежде всего правого крыла Северо-Западного фронта под Демянском.

Даже изменения в боевом составе 18-й армии группы армий «Север», против которой сражался Волховский фронт, говорят о многом. Если на 27 июня 1941 г. 18-я армия немцев в своем составе имела: 1-й армейский корпус (1, 11, 21 пех. див.); 26-й армейский корпус (61, 217 пех. див.); 38-й армейский корпус (58, 291 пех. див.). Всего: три армейских корпуса (7 пех. див.). То уже на 12 августа 1942 г. численность этой армии кажется фантастической: 38-й армейский корпус (212 пех. див., 250 пех. див. (испанская)); 1-й армейский корпус (1, 61, 254 и 291 пех. див.); 28-й армейский корпус (11, 21, 96, 217 и 269 пех. див., 5-я горнострелковая дивизия); 26-й армейский корпус (223 и 227 пех. див., части 207-й (374 пех. полк), 285 (322 пех. полк) охранных дивизий); 50-й армейский корпус (58, 121, 215 пех. див., полиц. дивизия СС, 2 бригада СС, легион СС Норвегия, 1 полк 93-й пех. див., 2 полка 225-й пех. див., группа «Иекельн»); 170 пех. див. (в переборске); 2 полка 93-й пех. див., большая часть 12-й танковой

дивизии.

Следовательно, к лету 1942 г. количество дивизий 18-й армии группы армий «Север» увеличилось более чем в 2 раза. С 7 до 18, и это не считая еще 6 полков, бригады, легиона, группы и части танковой дивизии. Стоит над чем задуматься! А вот теперь можно говорить о плохом руководстве фронтовыми операциями, об огромных потерях «почем зря». Но ведь те, кто так считает, просто не были там, тогда, в тех условиях. Не были в «шкуре» Сталина, не были в Малой Вишере на КП фронта рядом с К.А. Мерецковым. Откуда им знать, что такое война, операция, боевые действия после поражения 1941 г.!

9

Пауль Карелл в своей книге «Дорога в никуда: Вермахт и восточный фронт в 1942 г.» писал: «Первые допросы взятых в плен офицеров штаба показали, что советское наступление на Волховском фронте во всех отношениях готовилось весьма тщательно и профессионально. Например, карты для этой операции заготавливались специально особым, созданным под эту наступательную операцию соответствующим отделом. Но куда делись карты? Были предприняты тщательные поиски на всех местах боев – но тщетно. Карты исчезли без следа.

В конце концов отыскали одного младшего лейтенанта, имевшего отношение к картографическому отделу. Он все и рассказал. Приведя немецких специалистов на берег какой-то невзрачной речушки, даже ручейка, он посоветовал отвести воду и как следует покопаться в тине на дне – именно там находился тайник советского картографического отдела. Как некогда вестготы погребли своего короля Алариха, так и начальник картографического отдела спрятал три грузовика военных карт на дне ручья. Это была самая ценная находка картографического материала, доставшаяся немцам за всю Вторую мировую войну. Карты от западных границ России до Урала. Трофей тут же отправили в Берлин, и с тех пор войска всех фронтов получили возможность работать по самым достоверным картам».

Что ж, и в этом случае не обошлось без предательства младшего офицера. Но факт остается фактом: найденные карты не помогли вермахту.

Глава 4. Карьера Генерала

*В истории немало примеров, когда
посредственность – венчается лаврами,
ибо на фоне всеобщего безголосья воробьи
всегда с успехом заменяют соловьев.*

В. Пикуль

1

Андрей Андреевич Власов родился 1 сентября 1901 г. в селе Ломакино Гагинского района Горьковской области (село Ломакино Покровской волости Сергачевского уезда Нижегородской губернии) в семье крестьянина-кустаря.

Из автобиографии, написанной комбригом Власовым в 1940 г., можно узнать: «Главное занятие родителей... до Октябрьской революции и после – земледелие. Хозяйство имели середняцкое». Власов окончил сельскую школу, после чего на средства родителей и брата он был отдан учиться в духовное училище. Уже с 15 лет он работал репетитором, занимаясь с отстающими гимназистами и поступающими в гимназии.

После окончания Нижегородского духовного училища два года, с 1915 по 1917-й учился в духовной семинарии (со слов самого Власов, а «на правах инословного (то есть не духовного звания)).

В 1917 г. после Октябрьской революции Андрей Власов поступил в 11-ю Нижегородскую единую трудовую школу 2-й ступени, которую окончил в 1919 г. Затем он поступает в Нижегородский университет на агрономический факультет.

Даже по скупым и сухим строкам автобиографии Андрея Андреевича чувствуется его стремление к знаниям, к получению образования.

Но призыв весной 1920 г. в Красную армию, казалось бы, надолго лишает его такого удовольствия. С 5 мая он красноармеец 27-го Приволжского полка в родном Нижнем Новгороде. И кто знает, кем бы стал Власов, как бы сложилась его судьба, если бы молодой республике не нужны были красные командиры. Андрей Власов по своему образованию, полученному к 19-ти годам, как никто другой выделялся среди своих сослуживцев. В те-то далекие времена, как известно, два-три класса для

представителя деревни означали „высший пилотаж“, а тут кроме сельской школы – духовное училище, духовная семинария, трудовая школа и 1-й курс, пусть даже незаконченный, но все-таки университета.

При всем при этом высокий рост, который придавал особую значимость будущему генералу, да еще крестьянское происхождение.

Так или иначе Андрея Власова заметили и отправили на 24-е Нижегородские пехотные курсы командного состава РККА. А с 1 июня зачислили курсантом этих курсов.

На 1 июня 1920 г. на Нижегородских Советских пехотных курсах командного состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии числилось по списку 517 курсантов, 209 служащих и 32 прикомандированных. Андрея Власова зачислили в 1-е спецотделение 4-й роты.

К моему глубокому сожалению, документы фонда 24-х пехотных курсов в Российском Государственном Военном архиве оказались скупы. И все-таки несколько уникальных по своему содержанию документов о пребывании там А.А. Власова мне удалось найти.

Ежедневно на курсах издавался „приказ заведывающего курсов по строевой части“, где на несколько суток назначался дежурный по курсам командир и наряд от одной из рот (1, 2, 3, 4-й) курсов. В этом приказе размещалась ведомость о численном составе курсантов и служащих на сутки, а после нее шли параграфы по части строевой и по части политической.

В конце документа ставились всего две подписи. Одна – заведующего курсами и вторая – комиссара.

В день зачисления Андрея Власова курсантом на курсах вводилось теоретическое и практические огородничество, садоводство и цветоводство. 53 записавшихся курсанта должны были заниматься под руководством командира Кисерева с 6 часов вечера три раза в неделю по вторникам, средам и субботам

Из приказа по 24-м Нижегородским пехотным курсам № 122
1 июня 1920 года:

„по части политической...“

§ 10

Вчера в клубе состоялся спектакль – концерт. Драматической секцией

культпросвета была поставлена пьеса: „Женитьба“ Гоголя.

§ 11

Сегодня в 6 часов вечера состоится очередная лекция т. комиссара в партийной школе.

§ 12

Предлагаю всем членам коллектива РКП, не уплатившим членских взносов май месяц, – внести таковые секретарю комитета в течение ближайших 2-х дней“

Курсанты изучали тактику, администрацию, топографию, артиллерию, стрелковое дело, пулеметное дело, фортификацию, политграмоту, уставы, строй.

Все эти учебные дисциплины были необходимы будущим командирам Красной армии.

Как учился курсант Власов (по текущей успеваемости) в июне, июле, августе и сентябре 1920 г., к сожалению, неизвестно. Но вот 12 октября заведующий курсами получает телеграмму следующего содержания:

„В. Срочно
Н. Новгород Зав. пех. Курсами

Из 23 тк 2427/ок 40 12 19

вне очереди по мобилизации.

Главначвуз приказал немедленно произвести досрочный выпуск 137 краскомов числа подлежащих выпуску первого ноября зпт командировать их следует день получения телеграммы Харьков штаб юж фронта тчк № 1037/УС начштаб ГУВУЗ Кононович-Корбатский комиссар Кришталин“.

Таким образом, Андрей Власов попадает в список „137“ и готовится к выпуску на две недели раньше установленного срока.

Передо мной: „Протокол заседания педагогического комитета от 13 и 14 октября 1920 года.

Присутствовали: Завкурсами Горячко, Завуч Ананьев, комбат Сенкевич.

Преподаватели: ...

Командиры: ...

Постановлено:

1. Сделать отбор, оказавших полные успехи, удовлетворительные и слабые.

В 1-м специальном отделении слабые успехи оказали: Анкирский, Власов, Вострышев, Жулянов, Кокин, Строгов, Сальников.

Удовлетворительные: Филюшин, Эрдман, Козлов.

Полные: Анисимов, Адамов, Абоимов, Барков, Кичаев, Лопатин, Добротворский, Дрягалин, Нечаев, Смирнов, Треклонов.

2-е спец. отд....

3-е спец. отд....

4-е спец. отд....

8-е спец. отд....

9-е спец. отд....

10-е спец. отд....

11-е спец. отд....

12-е спец. отд....

Таким образом, 137 человек, оказавших полные и удовлетворительные успехи, выпускаются взводными командирами.

Решение вопроса о курсантах, оказавших слабые успехи, отложено до следующего педагогического заседания, имеющего быть в пятницу 15-го октября в 13 часов.

Председатель: ...

Члены: ... Секретарь: ...“

Теперь мы можем узнать, как учился на курсах Андрей Андреевич. И, честно говоря, удивляет слабая, а по нынешним меркам, неудовлетворительная успеваемость будущего генерала. То, что из 21 курсанта 1-го спец. отделения 7 человек (третья часть отделения) показали слабые успехи, скорее всего явление нормальное для тех лет, когда люди считать-то толком не умели, но курсант Власов достаточно много учился, в отличие от своих товарищей, и к тому же учился еще и в университете, что

опять-таки по тем временам показатель достаточно серьезный.

Почему он оказался среди отстающих? Загадка! Но можно предположить, что высокому, худому и нескладному Андрею с трудом давались чисто военные дисциплины.

Вот следующий протокол заседания педагогического комитета от 13 и 14 октября 1920 года, из которого следует:

Присутствовали:

Преподаватели:

Командиры:

Постановлено:

1. Сделать отбор, оказавших полные успехи, удовлетворительные и слабые.

В 1-м специальном отделении слабые успехи оказали: Анкирский, Жулянов, Кокин, Строгов, Сальников.

Удовлетворительные: Филюшин, Эрдман, Козлов, Власов, Вострышев.

Полные: Анисимов, Адамов, Абоимов, Барков, Кичаев, Лопатин, Добротворский, Дрягалин, Нечаев, Смирнов, Треклонов.

2-е спец. отд....

3-е спец. отд....

4-е спец. отд....

8-е спец. отд....

9-е спец. отд....

10-е спец. отд....

11-е спец. отд....

12-е спец. отд....

Таким образом, 137 человек, оказавших полные и удовлетворительные успехи, выпускаются взводными командирами.

Решение вопроса о курсантах, оказавших слабые успехи, отложено до следующего педагогического заседания, имеющего быть в пятницу 15-го октября в 13 часов.

Заслушано:

Постановлено:

2. В виду упорного желания провалиться на выпускных испытаниях по строю решено курсанта Шевелина отправить на фронт красноармейцем.

Председатель: (подпись)

Члены: (12 подписей) Секретарь: (подпись)».

Теперь мы видим, как Власов буквально уже на следующий день перешел в разряд оказавших удовлетворительные успехи. Что стало возможным благодаря пересдаче, на которой преподавателям пришлось закрывать глаза, ведь южный фронт срочно требовал 137 красных командиров.

Не мог же Власов А.А. за один день изменить свою успеваемость и показать глубокие знания, если их не удалось приобрести за четыре с половиной месяца обучения на курсах.

И долгожданный день выпуска настал:

Приказ

По 24 пехотным Нижегородским курсам

16 октября 1920 год г. Н. Новгород

№ 242

по части строевой

§ 7.

«Нижепоименованных курсантов в числе 136 человек, выпущенных краскомаами 14 октября и отправленных в распоряжение штаба южного фронта, исключить из списков и со всех видов довольствия провиантского и приварочного с 25 октября, чайного и табачного с 25 октября, мыльного с 1 ноября и денежного с 16 октября с.г.

Анисимов Ипполит, Барков Сергей...»

Андрей Власов в этом списке – 40-й.

В написанной в 1940 г. автобиографии Власов указал: «По окончании курсов в октябре 1920 г. я был отправлен на врангелевский фронт. Участвовал в походах и боях на врангелевском фронте против банд Махно, Маслака, Каменюка, Попова и др. С октября 1920 г. по июль 1922 г. служил в быв. Донской области и Воронежской губернии в должности командира взвода и роты 14-го Смоленского полка 2-й Донской стр. дивизии. Во 2-й Донской стр. дивизии (впоследствии переименована в 9-ю Донскую стр. дивизию) в 14-м Смоленском стр. полку (впоследствии переименован в 5-й, а затем в 26-й Ленинградский стрелковый полк) прослужил десять лет (до ноября месяца 1930 года) с лишком.

Занимал должности командира взвода, роты, начальника полковой школы и командира стрелкового батальона и врид начальника штаба полка».

Итак, с октября 1920 г. краском Власов – командир взвода 14-го Смоленского полка (он же 5-й Петроградский и 26-й Стрелковый) 2-й Донской Советской стрелковой дивизии (она же 9-я Донская дивизия).

С декабря 1920 г. командир взвода в штабе тылового района дивизии.

С мая 1921 г. переведен командиром взвода в 27-й запасной стрелковый полк, с 17 ноября – временно исполняющий должность командира роты, а с 19 января 1922 г. – помощник командира роты. В июне – командир взвода 5-го Петроградского стрелкового полка. С августа – помощник командира роты 26-го Петроградского полка 9-й Донской дивизии, а в декабре 1923 г. назначен командиром роты. По другим данным – со 2 мая 1924 г.

Чуть более трех лет понадобилось командиру Власову, чтобы стать ротным. Поистине обычная офицерская карьера.

Но есть одна маленькая деталь.

В Российском государственном военном архиве мне удалось отыскать именной список на должностных лиц командного состава и административной службы 14-го стрелкового полка 5-й бригады 2-й Донской дивизии к январю 1922 г.

В этом документе на вопрос: «2. В каких войнах участвовал (годы кампаний), был ли в сражениях, был ли ранен или контужен в военное или мирное время», указано: А.А. Власов «В кампаниях не участвовал».

В списке прохождения службы командиров 14-го стрелкового полка за 1922 г. то же самое: А.А. Власов «В кампаниях не участвовал».

А ведь Власов писал об участии в походах и боях на врангелевском фронте. Что ж, комбрига в 1940 г. понять можно. Пусть слукавил, придумал, наконец, а кто проверять-то будет? Двадцать лет прошло! Но

участие в походах и боях не то чтобы помешает, а даже наоборот – для солидности командирской сгодится. А как без этого?

Передо мной анкеты военнослужащих 26-го Ленинградского стрелкового полка 9-й Донской дивизии за 1924/25 гг. Среди них краткая записка о службе 5 роты 26-го Ленинградского стрелкового полка Власова Андрея Андреевича

(форма № 2):

1. Родился в 1901 г. 19 августа

2. Какой местности уроженец Нижегородской губернии (город или губерния, уезд, Сергачевского уезда волость и т. д.) Гагинской волости село Ломакино

3. 1) какой национальности русский
2) какой язык считаете родным тот же
3) какими другими языками владеете никакими

4. Социальное происхождение крестьянин
 - 1) профессия до поступления на военную службу учащийся
 - 2) профессия родителей:
 - а) до Октябрьской революции хлеборобы
 - б) в настоящее время то же

5. Образование
 - 1) общее специальное и партийное: окончил 2 ступени сколько классов какого учебного 2-й Нижегородской заведения, когда и где закончил трудшколы в 1918 г.
 - а) низшее студент Нижегородского
 - б) среднее государственного
 - в) высшее университета, Агрономического факультета 1 курса, 1919 г.
 - 2) военное
 - а) какое военное или военно– 24 нижегородские политическое учебное заведение советские пехотные

(училище, курсы или школу), ком. курсы. 1 ноября 1920 г.;
где и когда закончил выдержал экзамен за курс
пехотной школы при
Владикавказской пех.
школе на основании приказа РВСР СССР № 1099—24 г.
и циркуляр СКВО
№ 7 34379—29 г.,
удостоверение № 717
3) высшее военное нет

6. Партийное положение беспартийный

7. Холост или женат, имя, отчество, разведен по 1-му браку
фамилия и возраст жены; на иждивении отец
имена и время рождения детей; Андрей Владимирович,
имя, отчество, фамилия и возраст 65 лет.
лиц, находящихся на иждивении... Мать Вера Ивановна,
64 года

9. Награды и поощрения в Красной шифом п-ка КОПС в день
Армии, объявленные в приказе 5-й годовщины Красной
по части (учреждению) и выше Армии за отличное обучение в
строевом деле награжден часами 22/II – 23 г.

комполка за сердечное
отношение к делу за все понесенные труды
по возрождению полка
от лица службы принесена глубокая благодарность.
27/IX – 23 г.

комполка за особые труды
и энергию проявленных
в деле поднятия
боеспособности полка
от лица службы объявлена глубокая благодарность.
1/II – 25 г.

11. Краткие сведения о прохождении призван 5/V – 1920 г.
службы в Красной Армии курсант 5 м 15 дн.

красноармейцем 15 дн.
ком. взводом 1 г. 1 м. 15 дн.
н-к ударной группы 1 м.
ком. роты 1 г. 7 м.
пом. ком. роты 7 м.
пом. комбат 1 м. 12 дн.
ком. роты с 2/V-24 г.
утвержден в должности
приказом по полку № 230 § 3.

12. Бытность в походах и делах не был.
против неприятеля в составе Красной
Армии (...) с указанием должности
и части, а также перечисление
боевых действий таковой, в коих
военнослужащий участвовал
с объяснением где именно,
с какого и по какое время.
Полученные в сражениях раны
и контузии, а также увечья

13.... 14.... 15.... 16....

11 августа 1925 г. Подписи
П.п. командир 26 Ленинградского стрелкового полка (подпись)
Начальник штаба (подпись)
Верно: ст. пом. нач. штаба (подпись).

Таким образом, из этого документа достаточно подробно мы можем
узнать:

1. Власов пока еще скрывает свое обучение в духовном училище и семинарии.
2. В 1924 г. экстерном сдал экзамены за среднюю общеобразовательную школу в пехотной военной школе Владикавказа.
3. К августу 1925 г. уже успел развестись.
4. За службу с 1920 г. по 1925 г. награжден часами и имеет две благодарности.
5. И самое главное, снова – в боевых действиях не участвовал (с 1920 по 1925).

В феврале 1926 г. Власова ставят начальником полковой школы. На этой должности он сменяет Александра Семеновича Зотова. В его подчинении находятся политрук Четвериков, три командира взвода: Тирамиров, Духов, Воронин, старшина Еремин, 14 командиров отделений, старший каптенармус Багров, писарь Лень, повозничный Сташова и более 150 красноармейцев, тот самый, что называется, человеческий материал, из которого надо вылепить настоящих младших командиров. Дело это всегда ответственное, а самое главное – полезное и необходимое для настоящего командира. Могу предположить, что для А.А. Власова это был хороший опыт в обучении и воспитании солдатских кадров. Одно непонятно, почему он заменил взводных, кроме одного Воронина и старшину Ченцова на Еремина?

В архивных документах на глаза мне попался целый том анкет членов Военного научного общества, где есть одна анкета, заполненная самим Власовым, еще в той самой должности начальника полковой школы.

Анкета по содержанию небольшая, но там больше вопросов, чем ответов, поэтому я всю цитировать не буду, а лишь остановлюсь на одном вопросе:

«...8. Какую вновскую работу (административную, организационную, кружковую и секционную, военно-пропагандистскую и т. д.) и с какого и по какое время выполняли за время состояния членом ВНО СССР и какую выполняете теперь».

Андрей Андреевич отвечает:

«Организационную, кружковую и военно-пропагандистскую работы выполняю со времени состояния членом ВНО СССР и до настоящего времени».

Что называется, ответил, но ни о чем...

Да и почерк оставляет желать лучшего. Во всем небрежность, фикция, если хотите. А ведь почерк говорит о многом...

Полковой школой Власов командует более двух лет. Уже в ноябре 1928 г. его зачисляют слушателем на Высшие стрелковые курсы усовершенствования командного состава РККА им. Коминтерна в Москве.

С мая 1927 г. по декабрь 1929 г. начальником и комиссаром курсов «Выстрел» работал И.И. Смолин (1891–1937), выпускник Владимирского военного училища, бывший поручик царской армии. За подвиги в Первой мировой войне он был награжден тремя орденами, а в годы Гражданской удостоен ордена Красного Знамени.

Подготовка командного состава (тех лет) на курсах «Выстрел»

осуществлялась по следующим профилям: курс старшего комсостава пехоты, курс среднего комсостава пехоты, курс штабных командиров стрелковых частей и курс командиров пулеметных рот.

Продолжительность рабочего дня в зимнее время составляла семь, а в летнее время – восемь часов. На самоподготовку слушателей, которая проводилась под руководством преподавателя и являлась обязательной, по-прежнему отводилось 2 часа.

В процессе учебы от слушателей принимались зачеты, а в конце учебного года проводились проверочные испытания. Ведущими предметами считались тактическая, огневая и марксистско-ленинская подготовка.

В 1928 г. «Выстрел» располагал 18 хорошо оборудованными лабораториями и учебными классами, складом учебных пособий, стрелковым тиром, стрельбищем и ружейным полигоном в районе Кунцево. Научно-исследовательская работа кусов была направлена на разработку тактических приемов действий стрелковых подразделений на поле боя. Особенно плодотворно работали преподаватели методики, которые разработали ряд ценных пособий, в том числе «Методику полевой подготовки взвода», «Боевой порядок роты под огнем», «Как проводить занятия с младшим комсоставом», «Обучение батальона» и другие.

В 1929 г. после окончания курсов А.А. Власов возвращается в ставший уже родным 20-й Ленинградский стрелковый полк, где его назначают на должность командира батальона.

В автобиографии А.А. Власов в 40-м писал: «С ноября 1930 г. переведен в г. Ленинград в объединенную школу им. Ленина, где служил: преподавателем тактики полтора года и пом. начальника учебного отдела 8 месяцев».

Но это из биографии.

А по документам он преподавал уже с декабря 1929 г. С мая 1930 г. занимался подготовкой и переподготовкой командного состава Ленинградского округа. 18 мая 1932 г. приказом № 183 Власова назначают помощником начальника учебной части пехотной школы.

Из биографии Власова:

«С февраля 1933 г. переведен в штаб Ленинградского военного округа, где занимал должности пом. начальника 1-го сектора 2-го отдела 2 года, пом. нач. отдела боевой подготовки 1 год, после чего полтора года был начальником учебного отдела курсов военных переводчиков разведывательного отдела ЛВО».

И снова есть расхождения.

4 марта 1933 г. – помощник начальника 1 сектора 2-го отдела штаба Ленинградского военного округа; с 10 февраля 1935 г. – помощник начальника 2-го отдела; с февраля 1936 г. – помощник начальника отдела боевой подготовки штаба округа.

В июне 1937 г. назначен начальником учебного отдела на курсы военных переводчиков разведывательного отдела штаба округа. Семь «ленинградских» лет преподавателя и офицера штаба округа Власова были гораздо проще той командной практики, которую будущий генерал получал ежедневно. Но все дело в том, что самого Власова жизнь во второй столице явно устраивала, ведь она была гораздо благополучнее, спокойнее и чище, чем в полку с бойцами и командирами. И хотя этот период по сути означал крест на его командирской карьере, так как целых семь лет он был оторван от войск в пехотной школе и в штабе округа, тем не менее Андрей Андреевич ждал своего часа и сдаваться не собирался. В этом мы обязательно убедимся.

В 1930 г. А.А. Власов вступает в партию (ВКП(б)), а в 1934 г. поступает в Военно-вечернюю академию РККА на ленинградское отделение.

В 1935 г. он оканчивает 1-й курс, но по каким-то причинам дальнейшее обучение прекращает.

Его работа в штабе округа не была, что называется, работой, непосредственно связанной с войсками, чисто штабной. Как правило, такой работой занимаются и занимались всегда начальники штабов частей и соединений. Его же работа была однозначно кабинетной и бумажной, совершенно далекой от войск.

Все-таки и это надо учитывать. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 сентября 1935 г. в Красной армии были установлены впервые персональные воинские звания, а в январе 1936 г. приказом НКО СССР № 0391 Власову присваивают воинское звание – майор.

И вот уже майору Власову улыбнулась удача, ведь кроме стремления, огромного желания, в карьере должно быть везение и удача. Совершенно ни при чем здесь роман с ленинградской парикмахершей Раисой. Женщины вообще с каждым чином и должностью становились для Власова более доступными. Но они были для души, для развлечения, если хотите. Что-то вроде игрушек. А вот карьера была целью жизни, ее смыслом.

14 августа 1937 г. майор Власов временно принял командование 215-м стрелковым полком (приказ № 0130), а приказом НКО СССР № 432 от 19 февраля 1938 г. его утверждают в этой должности. Но так как полк меняет нумерацию, Власов становится командиром уже 133-го стрелкового полка 72-й стрелковой дивизии. Вот она удача!

11 июня 1937 г. специальным судебным присутствием Верховного суда СССР были осуждены по обвинению в измене Родине (ст. 58—1 «б» УК РСФСР), терроре (ст. 58—8), военном заговоре (ст. 58—11) к расстрелу маршал М.Н. Тухачевский, командир 1-го ранга И.Э. Якир, командарм 1-го ранга И.П. Уборевич, командарм 2-го ранга А.И. Корк, комкор Р.П. Эйдеман, комкор Б.М. Эйдеман, комкор Б.М. Фельдман, комкор В.М. Примаков, комкор В.К. Путьна. А дальше началось, что называется, «очищение рядов от фашистско-шпионской троцкистской гнили», иначе говоря, борьба с вредительством в Красной армии, которую при Хрущеве называли репрессиями.

На этой ниве и взошел будущий известный всему миру генерал.

В 1937–1938 гг. А.А. Власов был членом Военного трибунала в Ленинградском и Киевском военных округах. Известно, что те историки, которые знакомились с деятельностью Власова в этой роли, так и не обнаружили ни одного оправдательного приговора, вынесенного по его инициативе.

Из аттестации за зимний период 1938 г. на командира 133-го стрелкового полка с 14 августа 1937 г. майора Власова Андрея Андреевича:

«Полк под его энергичным руководством заметно растет, ликвидируются последствия вредительства, имевшего место в полку. Крепнет дисциплина полка. Много уделяет внимания хозяйству полка, выведя его на первое место в дивизии... организует и проводит занятия с командно-начальствующим составом полка методически правильно, живо и поучительно. Дисциплинирован. Достоин присвоения вне очереди звания „полковник“.

Командир 72-й стрелковой дивизии
комбриг Толбухин».

22 апреля 1938 г. Власова назначают помощником командира 72-й дивизии, а 16 августа приказом НКО СССР № 01378 ему присвоено воинское звание «полковник». Кто-то может подумать, что Андрей

Андреевич получил это звание через ступень, минуя подполковника. Однако с момента установления персональных воинских званий, с сентября 1935 г. до 1 сентября 1939 г. воинского звания «подполковник» не было. Именно осенью 1939 г. его и ввели дополнительно.

Так Власову повезло снова.

Став полковником, он еще ближе подошел к высшему начальствующему составу.

Мне еще не один раз придется цитировать аттестации на А.А. Власова, и я бы хотел остановиться на приказе об аттестовании начальствующего состава РККА № 0174 от 16 сентября 1938 год, который подписал народный комиссар обороны СССР маршал К. Ворошилов:

«Аттестование начальствующего состава кадра в прошлые годы было явно неудовлетворительно. Политическое существо аттестования зачастую выхолащивалось. Во многих аттестациях не отображалось подлинное прохождение службы аттестуемых. Не давалась оценка их преданности партии Ленина – Сталина и нашей социалистической Родине. Характеристики в ряде случаев сводились по существу к оценке командиров только как узких военных специалистов-техников того или иного рода войск.

Аттестование не использовалось в достаточной мере для очищения кадров армии от всего враждебного, разложившегося и негодного. Плохое состояние личных дел и послужных списков в значительной степени затрудняло работу по правильному аттестованию кадров армии и их нормальному и целесообразному продвижению по службе.

Враги народа, пробравшиеся на руководящие армейские посты, использовали аттестование в своих преступных целях, выдвигая на высшие должности свою агентуру, и затирали, зааттестовывали многих честных, преданных и растущих командиров и начальников.

Во многих случаях аттестации превращались в архисекретные документы, неизвестные и самим аттестуемым. Это приводило на практике к безответственности аттестующих, облегчая дачу положительных аттестаций лицам, не заслуживающим этого по политическим и деловым качествам, и, наоборот, дачу честным, преданным и растущим командирам, политработникам и начальникам отрицательных характеристик, зачастую необоснованных, непроверенных, а иногда и просто клеветнических.

Воспитательное значение аттестаций при таком положении дела в ряде мест было сведено почти на нет...»

Что ж тут скажешь, если обыкновенный бардак стали именовать вредительством, а отсюда пошло очищение, в котором прежде всего требовалась преданность партии, а уже потом все остальное.

Но вернемся к Власову.

В сентябре 1938 г. приказом командующего Киевским Военным округом № 0436 его назначают начальником 2-го отдела штаба округа и буквально тут же, 8 числа приказом НКО СССР № 00673 отзывают в распоряжение Управления по командному и начальствующему составу РККА. В этом же месяце под псевдонимом «Волков» полковник Власов направляется военным советником при оперативном управлении армии Китая на должность начальника штаба руководителя Советской военной миссии комбрига А. И. Черепанова.

Итак, с сентября 1938 по декабрь 1940 г. Власов в Китае. И это еще одна его удача.

Сведений о службе Власова в Китае практически нет или они противоречивы. И в этом нет ничего удивительного. До сих пор эта командировка засекречена в недрах архива.

Будучи военным советником при штабе Чан Кайши, полковник Власов познакомился с древней китайской культурой, интересовался китайской философией и с интересом наблюдал развитие китайско-японского конфликта. Позднее Власов с уважением говорил о Чан Кайши, но сомневался в его успехе так же, как он считал безнадежной и тогдашнюю японскую политику, потому что Китай, возможно, и будет завоеван, но никогда не будет покорен сам народ.

Так или иначе, а командировка в Китай стала вершиной карьеры Власова. Во-первых, это была не просто командировка, а акт высокого доверия партии и правительства, который впереди открывал более заманчивые перспективы.

Во-вторых, в Китае прошли 1938 и 1939 гг., когда в Союзе еще арестовывали, сажали и расстреливали.

В некоторых источниках приходилось читать о фактах аморального поведения Власова. Что ж, гостеприимные китайцы «подарили» ему в качестве прислуги, наложницы и товара красивую 16-летнюю девочку, и «козла запустили в огород». Полковник не мог устоять, так как в делах амурных преуспевал всегда.

«Гов. Власов хорошо грамотный командир. Как общее образование, так и военная подготовка хорошая. За время командировки выполнял ряд ответственных заданий. Проявил себя знающим дело и пользовался

хорошим авторитетом. На нервной почве подчас проскальзывала грубость. Находясь в совершенно трудных условиях, показал себя, как достойный большевик нашей Родины. Обладает достаточной силой воли и твердости. Настойчив, общителен, в общественной жизни активен. Предан делу Ленина – Сталина. Имеет хорошую марксистско-ленинскую подготовку. Может хранить военную тайну. Практически здоров и вынослив в походной жизни...

29.12.39 г., комбриг Ильин».

Перед самой командировкой Власова тщательно проверяли «органы». В архиве сохранился любопытный документ:

Секретно

Справка

Кандидатура полковника Власова Андрея Андреевича проверялась через НКВД по линии Разведывательного управления для посылки в командировку за рубеж. Получена проверка № 167 от 11 августа 1938 г., что компрометирующих материалов нет.

Начальник 1-го отдела ЦК НС РККА
полковник (Румянцев)
21 сентября 1938 г.

В Российском государственном военном архиве мне приходилось читать материалы проверок НКВД. Такие проверки проводились на каждого не только перед командировками за рубеж, но и перед каждым новым назначением.

Чтобы понять, что такое компрометирующий материал, я предлагаю ознакомиться со следующим документом:

«НКО СССР

Совершенно секретно

Управление Военно-воздушных сил РККА

№ 329494СС 17/20 января 1939 г.,
начальнику 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР

По донесению Военного совета БОВР от 16 декабря 1938 г. Начальник штаба 41-го полка Муравьев Василий Георгиевич по показаниям арестованных врагов народа, членов антисоветского военно-фашистского заговора: быш. военкома авиабригады Семенова, бывш. инженера бригады Ладзина, что он также является членом этой антисоветской организации и завербован для проведения вредительства в полку. К службе Муравьев относится халатно, брал на дом секретные документы. В практике работы допускал очковтирательство. Дважды докладывал командованию бригады о проведенных по плану боевых тревогах в полку, фактически же тревоги на проводились. Пьяница в прошлом и настоящем. Женат на 3-й жене. Из родственников Муравьева: брат в 1930 г. раскулачен, имущество конфисковано, тесть арестован органами НКВД как враг народа.

Прошу для решения вопроса об увольнении майора Муравьева подтвердить изложенное.

Пом. начальника ВВС РККА по кадрам Комдив (Котов)

Отп. 2 экз.

Исп. Дуничев Подпись»

В данном случае кадры ВВС, получив донос, то есть компрометирующий материал на майора Муравьева, запрашивают 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР и просят подтвердить факты, изложенные в доносе. Далее следовала проверка и как результат ответ из НКВД. Таким образом решалась судьба многих командиров Красной армии.

В январе 1940 г. приказом № 01814 по КОВО полковника Власова назначают командиром 72-й стрелковой дивизии и буквально сразу 10 числа этого месяца – командиром 99-й стрелковой дивизии.

В Российском государственном военном архиве я обнаружил два уникальных документа, из которых можно узнать, что назначение Андрея Андреевича на 99-ю дивизию не было случайностью или какой-то удачей военной судьбы: 99-ю «освободили» специально под Власова. И это был очередной шахматный ход. Ход первый:

Секретно

Выписка из приказа

Народного комиссара обороны СССР по личному составу

№ 081

10 января 1940 г. г. Москва

Командир 99-й стрелковой дивизии комбриг Турунов Иван Евдокимович освобождается от занимаемой должности и назначается командиром 169-й стрелковой дивизии.

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза К. Ворошилов.

Пом. начальника 3-го отделения ОНС КОВО

Техник-интендант 2 ранга (Бусленко) подпись

А вот второй:

Секретно

Выписка из приказа

Народного комиссара обороны СССР по личному составу

№ 081

10 января 1940 г. г. Москва

3. Состоящий в распоряжении Управления по начсоставу РККА полковник Власов Андрей Андреевич назначается командиром 99-й стрелковой дивизии.

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза К. Ворошилов.

Пом. начальника 3-го отделения ОНС КОВО

Техник-интендант 2 ранга (Бусленко) подпись

20 февраля А.А. Власову присваивают воинское звание «комбриг», а 5 июня 1940 г. постановлением СНК СССР воинское звание «генерал-майор».

Возвращение к генеральским и адмиральским званиям в Советском Союзе не было случайностью. Во-первых, росла численность вооруженных сил, а во-вторых, в Европе назревала большая война.

После начала Второй мировой войны и перехода Красной армии на кадровый принцип комплектования 17 марта 1940 г. Народный комиссар обороны СССР маршал К. Ворошилов представил проект новых званий для начальствующего состава. Однако предложенный вариант Сталину не понравился и работа над воинскими званиями генералов продолжалась. Только 11 апреля 1940 г. появился следующий проект: Постановление Совета народных комиссаров СССР «Об установлении воинских званий высшего командного состава Красной Армии».

В нем говорилось: «Существующие воинские звания высшего командного состава Красной Армии – комбриг, комдив, командарм 2-го ранга и командарм 1-го ранга – являются, по существу, сокращенными наименованиями соответствующих высших должностей в армии.

При обращении по службе военнослужащих друг к другу и в особенности в боевых приказах и донесениях существующие воинские звания высшего командного состава вызывают на практике значительные неудобства. Так, например, командира дивизии в звании комбрига часто именуют не комбригом, а комдивом, а командующего армией в звании комдива или комкора – именуют командармом и т. п.».

Но и на этот раз вождь не согласился с новым проектом.

14 апреля 1940 г. на совещании по обобщению опыта советско-финляндской войны И.В. Сталин уточнил у присутствующих высших командиров: «Надо ли восстановить звание генерала?» Все участники совещания ответили положительно. И 7 мая 1940 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР, в соответствии с которым для общевойсковых командиров вводилось четыре звания: генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник и генерал армии, а для командиров родов войск только первые три.

Таким образом, летом 1940 г. 982 человека стали генералами. Из этого количества 914 в составе Наркомата обороны СССР (сухопутные войска и ВВС), 34 генерала в Наркомате ВМФ и 34 в органах НКВД. 140 человек стали генерал-лейтенантами, а свыше 800 – генерал-майорами (без учета НКВМФ и НКВД).

До сих пор в литературе бытует мнение, что перед войной командный состав Красной армии был истреблен (1937–1938), а на смену ему пришли совсем юные и совершенно неопытные командиры, ставшие генералами в 1940-м!

Но так ли это было на самом деле?

Давайте посмотрим на примере генералов сухопутных войск 1940 года, тех, которые вместе с Власовым командовали соединениями и объединениями в июне 1941-го.

1. По командному стажу:

из 802 генералов 737 – участники Гражданской войны:

59 – имели командный стаж 22 и более лет;

468 – имели командный стаж 22 года;

160 – имели командный стаж 21 год;

69 – имели командный стаж 20 лет;

15 – имели командный стаж 19 лет;

14 – имели командный стаж 18 лет

и только 17 имели командный стаж менее 17 лет.

2. По уровню образования:

из 802 генералов – 60 закончили академию Генерального штаба, а 371 – другие академии.

61 – учились на Высших военных академических курсах или курсах усовершенствования высшего начальствующего состава и 286 обучались на курсах усовершенствования командного состава.

3. По возрасту:

только 61 генерал имел возраст 35–39 лет. Остальные 362 генерала – 40–44 года, 249 генералов – 45–49 лет, а 133 генерала находились в возрасте 50 лет и старше.

4. По партийности:

668 генералов были членами и кандидатами в члены ВКП(б), а 137 генералов – беспартийными.

5. По социальному происхождению:

238 генералов из рабочих;

149 генералов из крестьян;

415 генералов из служащих.

Но вернемся непосредственно к А.А. Власову. Осень 1940 г. Это пик его взлета и преддверие всенародной известности. А все началось вроде бы с обыкновенной проверки, которые проводились да и проводятся в войсках ежегодно.

Давайте ознакомимся со следующим документом:

Утверждаю
Заместитель Народного комиссара
обороны СССР
Армейский комиссар 1-го ранга
/Е. Щаденко/ подпись
20 сентября 1940 г.

План работы

полковника Свиридова и капитана Сологуба, командиремых в Киевский особый военный округ.

1. Проверить работу отдела кадров КОВО, и если представится возможным, то и одной из армий.
2. Проверить правильность назначения командного состава стрелковых и кавалерийских частей, обращенных на танковые формирования.
3. Проверить комсостав 41-й и 99-й стрелковых дивизий от командира взвода и выше с точки зрения их соответствия занимаемым должностям и возможности выдвижения на высшую должность.
4. Проверить укомплектованность штабов 41-й и 99-й стр. дивизий и частей этих дивизий.
5. Проверить, как идет отбор кандидатов кавалерийских частей ПРИБВО.

Нач. 1-го отдела Управления кадров Красной Армии
Полковник Кононович.
20 сентября 1940 г.

Все дело в том, что реальная угроза агрессии, связанная с

напряженной обстановкой в Европе, заставила политическое и военное руководство страны предпринять дополнительные меры по обеспечению безопасности Советского Союза и укреплению его Вооруженных сил. Война с Финляндией в 1939–1940 гг. вскрыла крупные недостатки в подготовке и боеспособности РККА и особенно выявила слабые места в подготовке командиров и штабов к управлению войсками в период боевых действий. Таким образом, возникла реальная необходимость форсированного улучшения организационной структуры войск, их технического оснащения и материального обеспечения, повышения уровня морально-политического состояния и дисциплины личного состава.

Приказ Народного комиссара обороны № 120 от 16 мая 1940 г. «О боевой и политической подготовке войск в летний период 1940 учебного года» сыграл заметную роль в перестройке системы подготовки войск. В 22-м параграфе этого приказа сказано:

«2. Для повышения ответственности за боевую подготовку и обеспечения планового контроля установить обязательное проведение смотров боевой подготовки. Смотры проводить по окончании обучения подразделения, части, соединения.

3. Итоговые инспекторские смотры боевой подготовки провести в сентябре 1940 г. объединенными комиссиями по моему назначению.

4. Инспекторскому смотру подвергаются:

- а) в соединении – все части соединения, штабы, службы и тылы;
- б) в части – учебное подразделение, не менее 2/3 основных подразделений, все специальные подразделения, штаб, органы тыла;
- г) в подразделении – весь личный состав (100 %).

5. В программу инспекторских смотров входит проверка политической, тактической, огневой, технической и строевой подготовки в объеме программы за период обучения подразделения, части соединения.

6. Качество боевой подготовки и боеготовность подразделений и частей должны лечь в основу аттестования и прохождения службы командным и политическим составом....».

А с 25 по 27 сентября в 99-й стрелковой дивизии Киевского особого военного округа, которым командовал генерал армии Г.К. Жуков, были проведены смотровые учения в присутствии нового Народного комиссара обороны маршала С.К. Тимошенко. И началось...

Осенью 1940 г. газета «Красная звезда» несколько раз печатала статьи об успехах 99-й стрелковой дивизии и ее командира. Сначала опубликовали статью самого А.А. Власова «Новые методы учебы», где автор цитировал

Александра Суворова и подчеркивал полезность политзанятий.

Потом появилась статья «Партийная конференция 99-й СД» и, наконец, статья П. Огина и Б. Кроля «Командир передовой дивизии» о комдиве А.А. Власове.

27 сентября 1940 г. в очередном приказе наркома обороны говорилось: «...Красноармейцы и начальствующий состав дивизии в процессе учений показали умение решать боевые задачи в сложных условиях».

А вот что написали авторы статьи «Командир краснознаменной дивизии»: «За двадцать один год службы в Красной Армии он приобрел ценнейшее для военачальника качество – понимание людей, которых он призван воспитывать, учить, готовить к бою. Это понимание не книжное, не отвлеченное, а реальное.

„Я люблю службу“, – часто говорит генерал. И он умеет раскрывать и поощрять в людях рвение к службе. Он ищет в человеке и развивает в нем военные способности, закаляя их в постоянных упражнениях, испытаниях полевой жизни... Человек бывалый, неприхотливый, приученный к суровой жизни, которая и является для него родной стихией, он всей душой приветствовал новое направление в боевой подготовке войск. Военный профессионал, он давно убедился на практике в могучей силе требовательности...

Генерал вывел дивизию в болото и леса под открытое небо. Учил для боя, для войны».

Таким образом, ровно три сентябрьских дня 40-го хватило Власову, чтобы стать генералом-«стахановцем» Красной армии.

Я же убежден, что за три дня невозможно объективно оценить подготовку соединения и ее командира. Тем более что проверка не была внезапной, а у Власова было время подготовиться к ней соответствующим образом.

Кроме того, кто-то сверху целенаправленно тащил Андрея Андреевича наверх.

«Заместителю Народного комиссара
обороны Союза ССР
армейскому комиссару 1-го ранга
тов. Щаденко

... по 99-й стрелковой дивизии.

Управление и части старшим начсоставом укомплектованы полностью, вполне подготовленными и справляющимися с порученным делом командирами, за исключением:

По штабу дивизии просят заменить начальника 5-го отдела майора Пронина, как не справляющегося с работой. Службу тыла не знает и совершенно не может организовать ее.

Кроме того, просят перевести во внутренний округ:

а) командира разведбатальона – майора Сливина С.И.

Тов. Сливин – отлично подготовленный и знающий дело командир. Разведбатальон имеет постоянное первенство в дивизии, но т. Сливин систематически пьет и обязательно с дебошами. Имеет три строгих парт. взыскания и исправлению поддается с большим трудом. По опыту и знаниям вполне справится с полком;

б) начальника хим. службы дивизии – майора Пономаренко И.Р.

С работой не вполне справляется, имели место случаи пьянок, на границе задержана шпионка с его фотокарточкой. Просят перевести во внутренний округ.

Дивизия может дать двух кандидатов на командиров полков: майора Тюленева М.В. – помощника по строевой части командира батальона – капитана Шайдерова С.П.

В частях дивизии подлежат замене – помощник по материальному обеспечению командира 1-го стр. полка – майор Конюшенко. Работой руководит плохо. В полку установлены большие недостатки, материал по которым сдан в прокуратуру для привлечения его к судебной ответственности.

Командование дивизии дает очень плохую характеристику командиру 1-го стрелкового полка – полковнику Короткову. Батальон этого полка получил лучшую оценку от Народного комиссара.

Тов. Короткова обвиняют в неорганизованности, личной недисциплинированности. Полк имеет самое большое число чрезвычайных происшествий по дивизии. Кроме всего прочего, особый отдел дивизии ставит вопрос перед командованием дивизии о необходимости перевести тов. Короткова во внутренний округ.

Считаю, что вопрос о переводе тов. Короткова следует решать после разбора материала, имеющегося в контрольных органах.

Полковник /Свиридов/

Подпись

октября 1940 г».

Даже судя по этому докладу, в 99-й стрелковой дивизии, по меркам тех лет, не все было хорошо с кадрами. И по идее за это, как и многое другое, ответственность нес прежде всего сам командир, который, командуя соединением с января 1940 г., уже давно должен был навести порядок в вверенных ему частях и подразделениях. Но несмотря на такой приличный срок, опять-таки по меркам того времени, генерал Власов так и не разобрался с командными кадрами, тылом, химслужбой и с дисциплиной.

Тем не менее дивизия получила хорошую оценку и стала лучшей в Красной армии, а сам Андрей Андреевич был возведен советской пропагандой в ранг идеального комдива.

В конце ноября 1940 г. на генерала Власова была подготовлена очередная аттестация, так как готовилось следующее выдвижение Андрея Андреевича на вышестоящую должность.

«Аттестация за период с 1939 по октябрь 1940 г. на командира 99-й стрелковой дивизии генерал-майора Власова Андрея Андреевича.

1. Год рождения – 1901 г.
2. Национальность – русский.
3. Партийность – член ВКП(б) с 1930 г.
4. Соц. положение – служащий.
5. Общее и воинское образование – общее среднее, военное – 1 курс вечерн[ей] военной академии.
6. Знание иностранных языков – немецкий, читает и пишет со словарем.
7. С какого времени в РККА – 1920 г.
8. С какого времени на должностях начсостава – 1920 г., в занимаемой должности с 1940 г.
9. Участие в гражданской войне – в гражданской войне участвовал.
10. Награды – юбил[ейная] медаль XX лет РККА.
11. Служба в белых и буржуазно-националистических армиях и антисоветских бандах – не служил.

Предан партии Ленина – Сталина и Социалистической Родине.

Прекрасно всесторонне развит, военное дело любит, много работает над собой, изучает и хорошо знает военную историю, хороший руководитель и методист, обладает высокой оперативно-тактической подготовкой. В генерале Власове удачно сочетается высокая теоретическая подготовка с практическим опытом и умением передать подчиненным свои знания и опыт. Высокая требовательность к себе и подчиненным – с постоянной заботой о подчиненных. Он энергичен, смел в решениях,

инициативен.

Хорошо знает жизнь частей, знает бойцов и умело руководит воспитанием их, начиная с мелочей; любит войсковое хозяйство, его знает и учит части заниматься им.

Дивизия, которой генерал Власов командует с января 1940 года, под его непосредственным руководством много и упорно работает над отработкой отделения, взвода, роты, батальона и полка и добилась в этом больших успехов.

Вникая во все детали отработки мелких подразделений, генерал Власов сделал дивизию крепкой, высоко тактически отработанной, физически закаленной и вполне боеспособной.

Дисциплина в частях 99-й стрелковой дивизии на высоком уровне.

Генерал-майор Власов непосредственно руководит подготовкой штабов дивизии и полков. Он уделяет много внимания состоянию учета и хранения секретных и мобилизационных документов и хорошо знает технику штабной службы.

Его авторитет среди командиров и бойцов дивизии высок.

Физически здоров и к походной жизни вполне годен.

Вывод: Занимаемой должности вполне соответствует. В военное время может быть использован в должности командира корпуса.

Командир 8-го стрелкового корпуса

Генерал-майор Снегов.

Заключение старших начальников:

Согласен

Командующий войсками КОВО

Генерал Армии Жуков

Член Военного Совета КОВО

корпусной комиссар Вашугин».

26 ноября 1940 г.

В конце декабря 1940 г. в Москве состоялось совещание высшего командного и политического состава Красной армии. На нем присутствовали руководящий состав Наркомата обороны и Генерального штаба, начальники центральных управлений, командующие, члены

военных советов и начальники штабов военных округов, армий, начальники военных академий, генерал-инспекторы родов войск, командиры некоторых корпусов и дивизий. Всего более 270 человек.

После проведения в округах учений, инспекционных проверок, смотров и командно-штабных игр, в соответствии с приказом НКО № 120 были сделаны соответствующие выводы. При этом учитывался опыт всех последних кампаний как самой Красной армии (Испания, Хасан, Халхин-Гол, советско-финляндская война), так и фашистской Германии, который требовал пересмотра очень многих положений военного искусства и доведения новых взглядов до высшего командного состава РККА. Декабрьское совещание готовилось тщательно. По заданию Наркомата обороны было поручено разработать 28 докладов по самым актуальным проблемам военной теории и практики. Из выступавших на совещании 24 человека участвовали в Первой мировой войне, 43 – в Гражданской, 5 – в боевых действиях в Испании, 10 – в Советско-финской войне, 6 – в боях на р. Халхин-Гол и 4 – в военных походах в Западную Украину и Западную Белоруссию. Причем 30 генералов прошли через две, 7 – через три и один (Д.Г. Павлов) – через четыре войны.

После вступительного слова Народного комиссара обороны СССР Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко первый доклад «Итоги и задачи боевой подготовки сухопутных войск, ВВС и оперативной подготовки высшего комсостава» прочитал начальник Генерального штаба РККА генерал армии К.А. Мерецков. Он перечислил все существенные аспекты состояния РККА, ее родов войск и на основе этого подчеркнул необходимость глубокой перестройки Вооруженных сил.

Далее шли выступления по докладу К.А. Мерецкова. Выступали: А.К. Смирнов, генерал-лейтенант, генерал-инспектор пехоты Красной армии; В.Н. Курдюмов, генерал-лейтенант, начальник Управления боевой подготовки Красной армии; М.А. Парсегов, генерал-лейтенант артиллерии, генерал-инспектор артиллерии Красной армии; Я.Н. Федоренко, генерал-лейтенант танковых войск, начальник Главного автобронетанкового управления Красной армии; Я.В. Смушкевич, генерал-лейтенант авиации, помощник начальника Генерального штаба по ВВС; И.Г. Захаркин, генерал-лейтенант, заместитель командующего войсками Московского военного округа; И.А. Устинов, генерал-майор артиллерии, начальник артиллерии Московского военного округа; Н.Д. Яковлев, генерал-лейтенант артиллерии, начальник артиллерии Киевского особого военного округа; И.Н. Мурченко, генерал-лейтенант, командующий 6-й армией Киевского особого военного округа; Н.Н. Вашугин, корпусной комиссар, член

Военного совета Киевского особого военного округа; М.И. Потапов, генерал-майор, командир 4-го механизированного корпуса Киевского особого военного округа, а уже после него выступил А.А. Власов, генерал-майор, командир 99-й стрелковой дивизии, Киевский особый военный округ.

На мой взгляд, после 11 выступлений выступление Власова выглядит гораздо бледнее и значительно посредственнее.

Во-первых, Андрей Андреевич больше рапортует, чем говорит просто по существу.

Во-вторых, его речь мне показалась не просто своеобразной, а какой-то несколько ограниченной, неразвитой. Возможно, сказалась сельская жизнь начала XX века, сельская школа и учеба в духовных заведениях.

В-третьих, в своем выступлении Власов очень четко подчеркивает свою значимость как лучшего командира дивизии РККА. И это очень сильно бросается в глаза, хотя, безусловно, он желал показать прежде всего свою скромность и простоту.

В-четвертых, выступление Власова построено строго по основным задачам подготовки войск, указанных в приказе НКО № 120. Вариант беспроблемный. Главное, добавить от себя попроще, поконкретней... Он сделал все правильно, и снова получилось.

Как положительное, могу отметить, что к докладу Власов не просто готовился, а скорее всего готовил его лично сам. Это заметно. Вот сокращенный текст выступления генерала Власова: «Все исчерпывающие указания о боевой подготовке частей на летний период 1940 года, исходя из опыта финских событий, Народным комиссаром Маршалом Советского Союза т. Тимошенко в приказе № 120 даны, были четко изложены. Там указывалось, чему учить и как учить, и наша задача была – лишь применить эти указания на практике.

Нужно прямо сказать, что приказ № 120 – это был не рядовой приказ, который обычно издается каждый год на летний период, это и нужно было довести до сознания прежде всего командного состава. Нужно сказать, что некоторые так и поняли, что это есть очередной приказ о боевой подготовке, а ведь это приказ, который совершил переворот во всей системе обучения и воспитания бойцов. Система обучения и воспитания бойцов, которая проводилась раньше, не годилась для боевой обстановки. Перед нами была поставлена задача по-новому обучать, по-новому воспитывать бойцов, и мы поставили первую задачу довести это до сознания всех и прежде всего командного состава, а для того, чтобы довести это до сознания всех, нужно было провести большую работу, чтобы командный

состав понял, как нужно учить по-новому, учить реально бойца тому, с чем он может встретиться в боевой обстановке, и учить безусловно, а не условно...

Прежде всего о подготовке командного состава. У нас в дивизии командирский состав молодой, без опыта, и надо было организовать с ним работу, чтобы они умели правильно обучать и воспитывать бойцов. В этом отношении нам большую помощь оказал Военный совет. Мы в этой подготовке подошли дифференцированно к каждому в отдельности...

Есть два вида подготовки: один вид – как управлять частью, подразделением, и второй вид подготовки – это нужно было подвести крепкую базу, методическую базу для того, чтобы научить командный состав правильно учить. В этом направлении нами была проведена такая работа. Мы собирали лучших инструкторов и проводили занятия прямо в поле с командирами, и здесь они сами на практике узнавали, что собой представляет переползание, что собой представляет то или иное действие. И вот когда они сами на себе испытывали, тогда они могли и сами учить...

Дальше переходим к воспитанию бойца. Нужно довести эти задачи до сознания бойца, учить его по-новому. Что мы ввели нового? Раньше, когда мы шли на 10 км, полсотни отставало: то нога болит, то еще по другим причинам. Это было потому, что сзади шел санитарный обоз. Мы начали тренировать в более трудных условиях. Здесь крепко поработали политические органы. Начали тренировать на 15–30 км в любую погоду. И действительно, мы уже имели положение, когда совершали марши на 100 км, и не было отставших, потому что каждый стремился идти, а не отставать. Это было доведено до каждого бойца и неплохо выполнено.

Относительно взаимодействий. Раньше, когда пехота занималась с артиллерией, то артиллеристы считали, что время, затраченное на работу с пехотой, потерянное время. Сейчас начали организовывать взаимодействие – так, чтобы ни одна рота не выходила без батареи. В зимнее время у нас были такие казусные случаи: например, встречаю командира артиллерийского дивизиона и командира стрелкового батальона на совместных занятиях и спрашиваю: „Организовано взаимодействие?“ – „Так точно, организовано“. Тогда я спрашиваю командира артиллерийского дивизиона: „Как фамилия командира стрелкового батальона?“ – „Не знаю“. Как же можно говорить, что взаимодействие хорошо организовано? Спрашиваю командира стрелкового батальона: „Сколько и каких пушек в артиллерийском дивизионе, который вас поддерживает?“ – „Не могу знать“. Для того чтобы организовать взаимодействие, нужно, чтобы артиллерийские командиры изучили тактику общевойсковую, а командиры

стрелковых батальонов должны получить общее представление о боевом использовании артиллерийских средств... На что мы обращали внимание в основном в части подготовки одиночного бойца? Большую дисциплинирующую роль играет строевая подготовка. Нужно прямо сказать, что в отношении строевой подготовки нам во многом помогает заместитель командующего войсками генерал-лейтенант т. Иванов. Мы живем на границе, каждый день видим немцев. Куда бы ни шел немецкий взвод, они идут исключительно четко, одеты все однообразно. Я указывал своим бойцам: „Вот – капиталистическая армия, а мы должны добиться результатов в 10 раз больше“. И бойцы обращали внимание. Ведь за 100 м мы хорошо видим друг друга, и, наблюдая немецкие взводы, наши взводы стали крепко подтягиваться...

Очень часто командиры подразделений, частей не обращают внимания на хозяйственные неурядицы и не берегут времени. Мы стали бороться за время. Если кто опоздает хотя бы на минуту, взыскание. Вовремя кончать, вовремя начинать – это очень большое дело. Со временем у нас обстояло очень неблагоприятно.

Штаб. Обычно у нас штаб занимался сам собою, обучая, подготавливал себя как штаб, а помощь войскам оказывал небольшую. Исходя из приказа № 120, стали работать для части и свой распорядок дня применили к частям. Работали кому сколько нужно. Один работает утро, затем уходит, приходит другой, но штаб работал в той роте, в том подразделении и выполнял то, что нужно по плану. Бесплановая работа никогда большой пользы не приносит...

Организация работы прежде всего зависит от того, как работает на местах командир части, его заместитель. Знает ли он устав и требователен ли? Главное в этом.

Несколько слов хочется сказать о перестройке работы по единоначалию, о перестройке в отношении укрепления дисциплины. Дело зависит от того, насколько действительно крепко перестроились, а не только говорят об этом.

Начальник Генерального штаба правильно сказал, что мы очень много говорим об этой перестройке, а по сути дела – сделали очень мало. В частности, у нас в дивизии зазнаваться нечего. Я был обрадован и в то же время смущен, когда меня лично наградили и мою дивизию двумя знаменами. Ничего особенного мы не сделали. Правда, хорошо марш провели, занятие организовали и провели неплохо, но ведь все это уставное...

В тех частях, которые не ослабили темпы, а усилили, имеются

исключительные результаты. Сейчас у нас имеется пополнение. Применяя правильный метод, молодое пополнение 197-го стрелкового полка имеет лучшие результаты боевой учебы. А рядом стоит другой полк. Там все еще разговаривают, и подготовка там хуже.

Народный комиссар приказал сделать дивизию образцовой. Я приложу все силы, выровняю полки и сделаю дивизию образцовой».

После окончания совещания были проведены двухсторонние оперативно-стратегические игры на картах. Первая игра состоялась 2–6 января, а вторая – 8—11 января 1941 г. Однако первоначально намечалась лишь одна двухсторонняя игра 17–19 ноября 1940 г. на северо-западном направлении по теме: «Наступательная операция фронта с прорывом укрепленного района», в ходе которой предполагалось:

1. Дать практику высшему командованию:

а) в организации и планировании фронтовой и армейской операции, ее боевом и материальном обеспечении на всю глубину;

б) в управлении операцией, организации и обеспечении взаимодействия Вооруженных сил и родов войск и управлении тылом.

2. Проработать и усвоить основы современной наступательной операции фронта и армии, в частности:

а) организацию и методы прорыва УР с преодолением сильно развитых в глубину заграждений;

б) форсирование крупной речной преграды;

в) организацию и проведение противодесантной операции с целью не допустить высадки морского и воздушного десанта;

г) организацию и обеспечение выброски крупного авиадесанта;

д) ввод в прорыв конно-механизированных групп;

е) взаимодействие с морским флотом.

3. Изучить Прибалтийский театр военных действий и Восточную Пруссию.

4. Ознакомиться с основами оборонительной операции и, в частности, с организацией и методами обороны укрепленного района...

Тем не менее срок проведения игры перенесли до окончания декабрьского совещания, расширив размах игры: кроме игры на северо-западном направлении была включена игра и на юго-западном направлении. По условиям первой игры «западные» 15 июля 1941 г. осуществили нападение на «восточных», а к 23–25 июля достигли рубежа Шяуляй, Каунас, Лида, Скидель, Осовец, что в 70—120 км от государственной границы. Затем по заданию «восточные» нанесли ответный удар и к 1 августа отбросили противника с указанного рубежа в

исходное положение.

Лишь с этого положения разыгрывались дальнейшие действия сторон. Во второй игре: юго-восточный фронт «западных» после вторжения на территорию «восточных» на рубеже Львов, Ковель, что в 50–70 км от государственной границы, был встречен «сильным контрударом „восточных“».

«Противник потерял до 20 пехотных дивизий и к 8 августа 1941 г. отошел на заранее подготовленный рубеж».

Вот только каким образом «восточным» удалось не только отбросить противника к государственной границе и частично перенести боевые действия на его территорию, до сих пор загадка! Дело в том, что юго-западный фронт «восточных» во второй игре армиями правого крыла вышел на реках Висла и Дунаец, продвинувшись на глубину 90—180 км западнее государственной границы. Возникает вывод: на этих играх их участники совершенно не рассматривали ситуацию, которая могла сложиться в первых операциях в случае нападения противника. И как факт: вопросы, связанные с действиями в начальный период войны, в учебных целях этих игр не значились, а потому и не рассматривались. Все это стало известно благодаря официальной справке об оперативно-стратегических играх, подготовленной группой военных историков Института военной истории Министерства обороны в 1993 г. под руководством генерала Золотарева В.А.

А вот это рассказал маршал Г.К. Жуков писателю К. Симонову в беседе:

«В этой игре я командовал „синими“, играл за немцев. А Павлов, командовавший Западным военным округом, играл за нас, командовал „красными“, нашим Западным фронтом.

На Юго-Западном фронте ему подыгрывал Штерн.

Взяв реальные исходные данные и силы противника – немцев, я, командуя „синими“, развил операцию именно на тех направлениях, на которых потом развивали их немцы. Наносил свои главные удары там, где они их потом наносили. Группировки сложились так, как они потом сложились во время войны. Конфигурация наших границ, местность, обстановка – все подсказывало мне именно такие решения, которые они потом подсказали немцам. Игра длилась около восьми суток. Руководство игрой искусственно замедляло темпы продвижения „синих“, придерживало его. Но „синие“ и на восьмые сутки продвинулись до района Барановичей, причем, повторяю, при искусственно замедленном темпе продвижения».

Почему полководец и Маршал Советского Союза Г.К. Жуков лукавил в

этой беседе с писателем, лично мне непонятно. Можно допустить, что какие-то моменты за давностью лет он просто запомнил, но ведь в целом все было абсолютно не так. Может быть, Георгий Константинович думал, что потомки никогда не прочитают документы этой игры? Может быть! Тем более что сладкая ложь всегда приятнее горькой правды! Увы, суд истории вечен, а значит, момент истины неизбежен!

Владимир Карпов в своей первой книге трилогии «Маршал Жуков», касаясь игр 41-го, написал следующее, цитирую:

«Первая игра проводилась со 2 по 6 января. Как говорит Жуков, эта игра преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытия и действия войск в начальном периоде войны. Исходя из этого, разработчики показали на картах реальной местности (там, где была наша советско-германская граница) расположение и силы сторон, приближенные к тем, которые были в действительности „западные“, например, наносили удар силами до 140–150 дивизий. Жуков, командуя „западными“, расположил свои силы в Восточной Пруссии и решил наступать в направлении Рига – Двинск вдоль побережья Балтийского моря. Он ввел сначала шестьдесят дивизий, а затем, когда „восточные“ нанесли ему контрудар и стали теснить назад, Жуков, как он это и предусмотрел, отвел свои войска, участвовавшие в первоначальном ударе, на мощные приграничные позиции, усилил их здесь своими главными частями, которые держал в резерве, и затем перешел в стремительное наступление.

Обычно на всех играх побеждали „красные“, посредники и руководители учений уже традиционно привыкли делать выводы в пользу своих, „восточных“ войск. Но в этой игре Жуков так распределил и направил свои войска, что при всем желании нельзя было отдать предпочтение действиям „красных“.

Жуков „нанес“ такой сильный удар, что пришлось, хотели того или не хотели руководители, признать: успех на стороне „западных“...

Вторая игра была проведена с 8 по 11 января 1941 г. Здесь тоже Жуков командовал „западной“ стороной, а Павлов – „восточной“. Но тема, как я уже сказал, была не очень актуальная, она представляла собой отработку овладения укрепленным районом с преодолением предполья и, после преследования противника, форсирования р. Вислы.

Во второй игре в исходной обстановке противникам было дано равенство сил, причем „восточным“ предписывалась активная наступательная тактика с попыткой окружения „западных“, но Жуков сумел, создав сильные резервы, не допустить этого окружения».

Здесь уважаемый автор несколько поправил Г.К. Жукова и указал на две игры, но суть от этого ничуть не изменилась. Видимо, В. Карпов сложил воедино рассказ Г.К. Жукова с некоторыми подробностями двух игр. Потому и получилось не то, как было на самом деле.

Во-первых, руководил играми – нарком обороны Герой Советского Союза Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, а вместе с ним в первой – 15 генералов (в том числе бригадвоенврач) и три маршала, во второй – 11 военачальников, включая трех маршалов. В первой игре «восточными» (красными) командовал командующий Западным особым военным округом Герой Советского Союза, генерал-полковник танковых войск Д.Г. Павлов (в группе 24 генерала, 1 контр-адмирал и 3 старших офицера).

«Западными» (синими) командовал командующий Киевским особым военным округом Герой Советского Союза генерал армии Г.К. Жуков (в группе 18 генералов, 1 контр-адмирал и 2 старших офицера). Во второй игре «восточными» командовал Г.К. Жуков (в группе 29 генералов), а «западными» – Д.Г. Павлов (18 генералов).

Во-вторых, как мог генерал Жуков в 1-й игре отвести свои войска, усилить их резервами и перейти в наступление, если: «западные», осуществив 15 июля 1941 г. нападение на «восточных», к 23–25 июля достигли рубежа Каунас, Лида, Скидель, Осовец, но затем под ударами «восточных» к 1 августа были отброшены с указанного рубежа в исходное положение (РГВА, Ф. 37977, оп. 5, д. 564, л. 32,34; д. 365, л. 13) и уже с этого положения разыгрывались дальнейшие действия сторон. Таковы были условия игры.

В-третьих, как мог генерал Жуков командовать «западной» стороной, если он командовал «восточной». И вот тут нечто вроде истины, но уже исторической:

«Юго-восточный фронт „западных“ после вторжения на территорию „восточных“ на рубеже Львов, Ковель был встречен „сильным контрударом „восточных“... и, потеряв до 20 пд, к исходу 8.8.1941 отошел на заранее подготовленный рубеж» (РГВА, Ф37977, оп.5, д.570, брошюра 14, л. 1–2). Вот только теперь, и то условно, победил Г.К. Жуков, но, как было сказано выше, до сих пор непонятно, каким образом ему («восточным») удалось не только отбросить противника к госгранице, но местами и перенести военные действия на его территорию?

В-четвертых, вопросы действий войск в начальный период войны в учебных целях игр не значились и не рассматривались. А значит, лукавил при жизни в мемуарах и в разговорах Г.К. Жуков, лукавит в биографической книге о нем и В. Карпов.

Согласитесь, между тем, что говорят и что было на самом деле, разница значительная. Так где же истина?

Созданные в играх группировки войск сторон соответствовали утвердившимся осенью 1940 г. взглядам советского стратегического руководства, согласно которым Германия с целью захвата Украины может сосредоточить свои главные силы (110–120 пехотных дивизий, основную массу танков и самолетов) на юге в районе Седлец, Люблин, для нанесения главного удара в общем направлении на Киев, а из Восточной Пруссии, где будет сосредоточено 50–60 немецких пехотных дивизий, может последовать вспомогательный удар.

Специалисты Института военной истории установили: «В документах первой игры так и указывалось, что Северо-Восточный и Восточный фронты „западных“ (до 60 пехотных дивизий), действующие к северу от Демблина до Балтийского моря, предприняли наступление „в интересах главной операции“, проводимой к югу от Бреста, где развернуты главные силы „западных“ – до 120 пехотных дивизий, а вместе с их союзниками – до 160 пехотных дивизий (РГВА, Ф.37977, оп.5, д.564, л. 32).

Но начало Великой Отечественной войны показало, что в январе 1941 г. оперативно-стратегическое звено командного состава РККА разыгрывало на картах такой вариант военных действий, который реальными „западными“, то есть Германией, не намечался.

Обращает на себя внимание и такой факт: в обеих играх действия сторон на направлениях Брест, Барановичи (Восточный фронт „западных“) и Брест, Варшава (Западный фронт „Восточных“) не разыгрывались. Между тем и в планах советского стратегического руководства и в документах первой игры отмечалась опасность ударов противника из районов Сувалки и Брест в направлении Барановичи (РГВА, Ф.37977, оп. 5, д.569, брошюра 5, л. 238).

Известно, что удары гитлеровцев именно из этих районов в начале Великой Отечественной войны привели к окружению советских войск в Белостокском выступе».

А.А. Власов участия в этих играх не принимал и после совещания сразу же убыл в свою дивизию, где его ожидала новая ступенька военной карьеры. 17 января 1941 г. приказом НКО СССР № 0175 он был назначен командиром 4-го механизированного корпуса (в Киевском особом военном округе).

Из автобиографии А.А. Власова (о семье): «Жена Анна Михайловна Власова (девичья фамилия Воронина) – уроженка той же местности. Главное занятие родителей моих и жены до Октябрьской революции и после – земледелие. Хозяйство имели середняцкое. Мой отец портной, с 1930 г. в колхозе. В настоящее время мой отец имеет 82 г. от роду, инвалид 1-й группы, живет на родине в колхозе и состоит на моем иждивении. Мать умерла в 1933 г. Отец жены также на родине, ее мать умерла в 1929 г. Кроме отца, у меня ближайших родственников никого в живых нет. Брат мой погиб в Гражданскую войну в борьбе против Колчака в Красной Армии. Сестра умерла в 1935 г. Два брата жены работают в г. Горьком на Горьковском автозаводе им. Молотова. Одна сестра работает мастером на Кировском заводе в г. Ленинграде и одна сестра на родине замужем за сельским учителем».

* * *

Из близких родственников Власова на сегодняшний день в живых остались четыре дочери его родного брата Владимира и внучатая племянница.

Три родные сестры – Валентина, Зоя и Вера – живут в Сормовском районе Нижнего Новгорода, Александра – в Армавире. Всем им уже под 90 лет, но никто из них не захотел встретиться с двумя корреспондентами «Проспекта». То ли постеснялись старушки, то ли не хотят ворошить прошлое.

Одна лишь внучатая племянница генерала Нина Михайловна Баранова, дочь Веры Владимировны Карбаевой, поделилась короткими воспоминаниями.

– Я сама родом из Ломакино. С самого раннего детства жила в семье Власовых, помню прекрасно Андрея Андреевича, его родителей. До войны он приезжал в Ломакино редко, но зато каждый его приезд был настоящим праздником. Встречали его обычно на вокзале в Лукоянове, с музыкой. Молодежь пела песни, девушки подавали с поклоном хлеб-соль. Домой везли на лошадях с бубенчиками. Андрей Андреевич всегда был в военной форме, высокий, красивый, в очках-велосипедах. Многие красавицы тогда на него заглядывались... Характер у него был легкий, компанейский, за это его все любили и уважали. Бывало, соберутся с друзьями на берегу Пьяны и начинают ловить карасей. Если улов хороший, устраивают на лугу «пикник»: варят уху, пляшут до изнеможения, на гармошке играют. Музыку

Андрей Андреевич очень любил, играл практически на всех инструментах, а пел так, что за душу брало. Мог он выпить и самогона, но всегда умеренно. Пьяным его никто никогда не видел.

После поступления на военную службу Андрей Андреевич уехал жить в Ленинград. Но и тогда он частенько приезжал на родину. Всегда привозил с собой подарки: то махришко для ребяташек, то материалу – ситцу или сатину. Никого в обиде не оставлял! А когда он стал генералом, да еще и женился, то им управлять уже жена стала, Анна Михайловна, в девичестве Воронина. Ее он очень любил. Кстати, свадьбу играли в Ломакино еще до войны. Гуляли по-деревенски, с размахом. Сначала девичник, запой. Невесте в подарок преподнесли несколько кусов мыла – по старой деревенской традиции. Детей у них не было, не судьба, видно. Анна сделала первый аборт и после этого уже никогда не беременела. Операцию, наверное, проводил какой-нибудь столичный шарлатан. Кстати, судьба Анны была очень нелегкой. В 1943 г. арестовали как жену изменника Родины, сослали в лагеря. После войны жила и работала в Балахне. Ходила по магазинам, морила крыс и мышей, собирала пустые бутылки. Жила неизвестно где, скиталась по баракам и сараям. Когда мой двоюродный дедушка отличился в боях под Москвой, его имя прогремело по всей стране, – вспоминает Нина Баранова. – В Горьком на всех улицах висели листовки с его портретами. Мы им так гордились! Хотя Андрею Андреевичу было и не до нас, он все же нашел возможность дать о себе весточку. Как-то раз, рано утром, над Ломакино низко-низко пролетел самолет. С него, как снег, посыпались листовки. На них была фотография Власова, где он стоит рядом с маршалом Жуковым, и текст, в котором говорилось о его награждении орденом Ленина. Оказалось, что самолет Власов специально прислал. Эти листовки мы потом берегли как зеницу ока. Но, к несчастью, потом их пришлось уничтожить...

После войны репрессиям подверглись только жена Власова Анна и его мачеха тетя Паша – Прасковья Власова, – говорит Нина Баранова. – На остальных родственников особых гонений не было, но все они были унижены. Спасало то, что половина Ломакино носили фамилию Власовых. И все имели хоть какое-то отношение к Андрею Андреевичу: кто двоюродный брат, кто троюродная сестра, прабабушка или прадедушка. Кстати, когда его отец Андрей Владимирович в военкомате узнал о предательстве сына, его хватил удар, парализовало полтела. Он не перенес этого события, умер через неделю. Кстати, когда мы узнали, что Андрей Андреевич был объявлен изменником Родины, мы все фотографии, в том числе и снимок, где он в молодости с моим папой, сожгли в печке –

боялись. Даже наши соседи постарались уничтожить все фотографии, связанные с именем Власова. Ведь никто и подумать не мог, что крестного Андрея могут счесть таким человеком – предателем. Я считаю, он не предавал Родину. Никогда.

* * *

Довоенные награды Власова известны, но в современной литературе их частенько путают. Кто называет орден Ленина, кто орден Красного Знамени и т. д.

Андрей Андреевич Власов в 1938 г. был награжден самой первой советской юбилейной медалью 20 лет РККА № 012543.

Эта медаль была учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 января 1938 г.

Ею награждались лица кадрового командного и начальствующего состава РККА и ВМФ, прослужившие в рядах РККА и ВМФ к 23 февраля 1938 г. 20 лет и заслуженные перед Родиной участники Гражданской войны и войны за свободу и независимость Отечества, состоящие в кадрах Рабоче-крестьянской Красной армии и Военно-морского флота. А также награжденные орденом «Красное Знамя» за боевые отличия в годы Гражданской войны. Кстати сказать, это была единственная советская юбилейная медаль, которая была изготовлена из оксидированного серебра (награждено более 37 тысяч человек).

Через три года Власова ждала первая правительственная награда – орден. И здесь есть некоторые разночтения. В автобиографии, написанной им еще в 1940 г., он указал: «За правительственную командировку представлен к награждению орденом СССР». Многие авторы, писатели и историки, так и считают, что Власова наградили за правительственную командировку. Но на самом деле это не так. Андрея Андреевича действительно представляли к ордену за командировку в Китай. В Китае он был с сентября 1938 г. по декабрь 1939 г., а первый орден получил лишь в феврале 1941 г. Между этими датами больше года, но в то время орденосцев было очень мало и наградные документы ходили гораздо быстрее, чем сейчас. Следовательно, орден за правительственную командировку в Китай Власов не получил, хотя за такого рода командировки награждали всегда.

Дело в том, что в Китае Андрей Андреевич был замечен в «моральном разложении» и поэтому ордена не получил. Уже в материалах его

уголовного дела 1945 г. встречается немало фактов аморального поведения генерала и во время службы фашистам. Удивительно то, что в ходе проверки Власова органами НКВД его моральное разложение установлено не было.

Лично для меня это тоже загадка, ведь тогда такие вещи скрыть было невозможно.

А теперь ознакомимся со следующим документом:

«Наградной лист на командира 99-й стрелковой дивизии генерал-майора Власова А.А.

Наименование награды: орден Красной Звезды.

1. Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг: Он (то есть Власов) лучше и быстрее других воспринял личные указания народного комиссара...»

Дата – февраль 1941 г.

Наискосок по листу от руки написано: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1941 г. наградить орденом Ленина».

А ведь командир 8-го стрелкового корпуса Снегов представлял Власова всего лишь на орден Красной Звезды...

Это еще одна загадка истории!

До Великой Отечественной войны в советской наградной системе насчитывалось всего три ордена, которыми могли быть удостоены бойцы и командиры Красной армии: орден Ленина, орден Красного Знамени и орден Красной Звезды. Соответственно, первая высшая награда, а последняя – низшая (иногда военнотружущего награждали и «гражданским» орденом «Знак почета»).

Так вот, представьте, за то, что генерал Власов лучше других выполнил указания наркома обороны, отраженные в приказе № 120, а если точнее, за то, что 99-я дивизия показала лучшие результаты на итоговой проверке в Киевском округе, его награждают высшей государственной наградой Советского Союза – орденом Ленина!!!

В статусе ордена Ленина было записано:

«3. Награждение орденом Ленина производится: ...за особо важные заслуги в защите социалистического Отечества, укреплении обороноспособности Союза ССР...»

Согласитесь, что трудно судить об особо важных заслугах в защите социалистического Отечества по итогам трехдневной проверки. Но факт остается фактом: статус ордена в данном случае был нарушен. Кто и зачем

это сделал – до сих пор остается загадкой!

Советское военное планирование боевых действий против возможного вторжения Германии началось с октября 1939 г. и продолжалось до середины июня 1941 г. За этот период было разработано пять вариантов плана оперативного использования Красной армии в войне с Германией. Непосредственной разработкой этих документов занимались заместители начальника оперативного управления Генштаба генерал-майоры А.М. Василевский (северное, северо-западное направления) и А.Ф. Анисов (юго-западное и южное направления). Следует сказать, что для непосредственного вступления вооруженных сил в войну предусматривалось их стратегическое развертывание, которое осуществлялось в соответствии с замыслом войны и заключалось в переводе их с мирного на военное положение. Одним из условий своевременного и планового развертывания вооруженных сил являлось их надежное оперативное прикрытие.

Планирование всех этих мероприятий составляло основу разработки оперативного плана, но в предвоенные годы среди руководства Наркомата обороны и Генерального штаба единого подхода к пониманию оперативного плана и плана стратегического развертывания не было. Главным вопросом в оценке оперативно-стратегических замыслов противника являлось определение его главного удара.

Например, в июльском плане 1940 г. намерения Германии оценивались таким образом. Развернув основные силы к северу от устья р. Сан, она из Восточной Пруссии нанесет «главный удар на Ригу, на Ковно [Каунас], Вильно [Вильнюс] и далее на Минск».

Одновременно в Белоруссии наносятся удары на Барановичи и Минск, а также на Дубно и Броды с целью овладения Западной Украиной.

Согласно этому варианту, для нанесения главного удара будет сосредоточено до 130 дивизий, а остальные 50 будут действовать на юге. Однако не исключался и обратный вариант, когда главный удар будет наноситься на Украине, а севернее развернутся вспомогательные действия. В этом случае вермахт будет развернут в обратной пропорции.

Предполагались наступательные действия с территории Румынии на Жмеринку и из Финляндии на Карельском перешейке, а позднее на Кандалакшу и Петрозаводск.

В дальнейшем вносились лишь частичные изменения относительно направлений развития германских наступательных операций и развертываемых сил Германии.

Если в плане от 18 сентября 1940 г. основной вариант действий вооруженных сил Германии оставался без изменений, то в плане от 11 марта 1941 г. считалось, что главный удар вермахта будет нанесен по Украине, а на севере будут наноситься вспомогательные удары на Ригу, Двинск [Даугавпилс], Волковыск и Барановичи, правда, и северный вариант полностью не исключался.

В своей замечательной книге-исследовании «Упущенный шанс Сталина» историк М.И. Мельтюхов пишет: «Оценка намерений противника, за исключением возможного направления главного удара, не претерпела существенных изменений. Вместе с тем нельзя не отметить, что в условиях отсутствия конкретных данных о действительных планах Германии подобные оценки исходили лишь из конфигурации советско-германской границы. Не ясно также, почему авторы документов полностью исключили вариант нанесения главного удара вермахта в Белоруссии и на каком основании ими делался вывод о северном или южном направлениях главных ударов противника.

При анализе этих разделов документов постоянно возникает ощущение, что их авторы занимались простым гаданием».

Основная группировка советских войск должна была развернуться в полосе от Балтийского до Черного морей.

Из динамики изменения в распределении сил по двум стратегическим направлениям можно увидеть, что основная группировка развертывалась на юго-западном направлении. М.И. Мельтюхов: «В отечественной литературе стало общим местом утверждение, что это произошло в силу неправильного определения советским военно-политическим руководством направления будущего главного удара противника.

Однако, как справедливо указал М.А. Гареев, „направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической оборонительной операции (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась – и в этом главная ошибка), а применительно совсем к другим способам действий“.

Однако в случае советского наступления упомянутый вариант выбора направления сосредоточения основных усилий на юго-западном направлении был вполне обоснован и более выгоден, чем на западном направлении, поскольку „пролегая на более выгодной местности, отрезал Германию от основных союзников, нефти, выводил наши войска во фланг и

тыл главной группировки противника“, тогда как „главный удар на западном направлении приводил к лобовому столкновению с основными силами германской армии, требовал прорыва укрепленных районов на очень сложной местности“ и совсем другие условия, а следовательно, и соображения могли возникнуть, если бы стратегическим замыслом предусматривалось проведение в начале войны оборонительных операций по отражению агрессии.

В этом случае, безусловно, было выгоднее основные усилия иметь в полосе Западного фронта. Но такой способ стратегических действий тогда не предполагался».

Таким образом, вследствие стратегической ошибки в оценке сил и способов ведения боевых действий противников в начальный период войны группировка войск западных приграничных военных округов к началу войны была следующей:

- 1) КОВО – 58 дивизий;
- 2) ЗапОВО – 44 дивизий;
- 3) ПриОВО – 25 дивизий;
- 4) ОдВО – 22 дивизии;
- 5) ЛенВО – 21 дивизия и бригада.

То же самое можно сказать и по планам прикрытия госграницы. Весь комплекс мероприятий по прикрытию осуществлялся на основе разработанного в мирное время «плана обороны государственной границы».

В ходе нарастания угрозы войны с фашистской Германией, особенно в период с февраля 1941 г., в Генеральном штабе шел сложный процесс корректировки планов прикрытия. Именно в Западном и Киевском особых военных округах эти документы подверглись наиболее существенным изменениям. Последние директивы на разработку окружных планов прикрытия были подписаны наркомом обороны в начале мая 1941 г. Срок представления их планов на утверждение в Генеральный штаб был определен 25 мая 1941 г. Но так как разработка планов прикрытия штабами военных округов закончилась в последние перед войной дни, Генштаб получил их лишь 10–20 июня. Соответственно, на рассмотрение и утверждение этих планов времени уже не было.

План прикрытия госграницы округа представлял собой совокупность текстуальных и графических документов, в которых определялись задачи, особо важные направления для прикрытия, выделяемые силы и средства, количество и состав районов, а также способы действий войск. Основой плана являлось решение – записка командующего войсками с картой. К

документу прилагались планы ПВО, использование ВВС, инженерного обеспечения, организации связи, устройства тыла, железнодорожных перевозок и т. д. в Киевском особом военном округе (командующий генерал-полковник М.П. Кирпонос, член Военного совета корпусной комиссар Н.П. Вашутин, начальник штаба генерал-лейтенант М.А. Пуркаев). Оборона государственной границы возлагалась на 4 района прикрытия на общем фронте 860 км. Районы обороняли: усиленные 5, 6, 26 и 12-я армии (17 стрелковых и кавалерийская дивизии), 4 механизированных корпуса (8 танковых и 4 моторизованных дивизии), 7 укрепрайонов, 9 авиационных дивизий и погранчасти. Кроме того, в резерве округа планировалось иметь 5 стрелковых корпусов (включая 15 дивизий с мобилизационной готовностью от 4 до 15 суток), 4 механизированных и кавалерийских корпуса, 12 авиационных дивизий, 8 из которых прибывали в первые 3 суток мобилизации. На территории округа базировалось 2 авиационных корпуса (6 дивизий) резерва Главного командования. Группировка войск создавалась с расчетом надежного обеспечения прикрытия 10-ти ответственных направлений и главного – Киевского, а оперативное настроение войск строилось из расчета перехода при благоприятных условиях в контрнаступление.

«Замысел отражения агрессии (по решению командующего КОВО)

1. Направление сосредоточения основных усилий: Хелм, Ковель, Ровно; с фронта Хрубешув, Кристынополь на Броды, Тернополь; Томашув, Львов; Ярослав, Львов; с фронта Перемышль, Леско на Самбор, Дрогобыч; Мукачево, Стрый на фронте Черновцы, Каменец-Подольский.
2. Ширина полосы обороны – 800 км.
3. Количество дивизий: 1 эшелон армий прикрытия – СД-17.
2 эшелона армий прикрытия – 12 дивизий (ТД – 8, СД – 4);
резерв округа – 28 дивизий (СД – 15, ТД – 8, МД – 4, КД – 1).
4. Средняя оперативная плотность – 50 км на дивизию 1 эшелона.
5. Глубина обороны: армий – 50–75 км, округа – 100–150 км.
6. Время занятия обороны: дивизиями:
1 эшелоны – 3 КД в 1-й день от 5 до 10 ч. (159 СД сменяет 3 КД в ДЗ с5 ч), 41, 98 СД в Д1 от 3 до 12 ч.;
99, 72, 173 СД в Д1 от 4 до 18 ч.;
192 ГСД в Д1, 44 ГСД от Д1 до 10–12 ч.;
Д2, 58 ГСД от Д1 до 10 ч.;
Д3, 60 ГСД в Д1 от 10 до 12 ч.;

164 ГСД в Д2, 96 ГСД от 15 ч. Д1 до 20 ч. Д3;
дивизиями 2 эшелона – 22 МК в Д3 до 5 ч., 4 МК в Д1 до 7–9 ч., 8, 16 МК к исходу Д1, 135 СД в Д6 – Д 9;
резервами округа 15, 24 МК в Д1 до 18 ч. 31, 36, 7, 55 СК, 5 КК с Д4 до Д15».

Теперь мне бы хотелось коснуться планов войны Германии, самого главного противостоящего Советскому Союзу противника.

Подготовку к нападению на Советский Союз фашистская Германия начала еще в июне 1940 года. После кампании на Западе Верховное командование сухопутных сил отдало приказ о демобилизации 20 дивизий. Но так как 22 июля Гальдер получил указание от Гитлера и Браухича о разработке плана вторжения в Советский Союз, приказ этот был тут же отменен и 20 дивизий не были демобилизованы. В течение июля 1940 г. штаб армейской группировки «Б» (фон Бок) был переведен из Франции на Восток (Познань). Этому штабу были приданы переброшенные из Франции (из состава оккупационных войск): 12-я армия (Лист), 4-я армия (фон Клюге), 18-я дивизия (фон Кюхлер) и еще несколько корпусов и около 30 дивизий (отмена демобилизации – около 300 тыс. человек и перевод из Франции в Польшу – около 500 тыс. человек). Затем, в сентябре 1940 г. верховное командование сухопутных сил распорядилось о формировании в Лейпциге 11-й армии, несколько их корпусов и около 40 пехотных и танковых дивизий.

Из документа: Указания ОКВ от 6 сентября 1940 г.

«В ближайшие недели концентрация войск на Востоке значительно увеличится... Из этих наших перегруппировок в России ни в коем случае не должно сложиться впечатление, что мы подготавливаем наступление на Восток».

15 сентября 1940 г. руководитель группы сухопутных войск в оперативном отделе штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Лоссберг подготовил для командования стратегическую разработку. В ней, в частности, говорилось: «Целью кампании против Советской России является: стремительными действиями уничтожить расположенную в Западной России массу сухопутных войск, воспрепятствовать отводу боеспособных сил в глубину русского пространства, а затем, отрезав западную часть России от морей, прорваться до такого рубежа, который, с одной стороны, закрепил бы за нами важнейшие районы России, а с другой стороны, мог бы послужить удобным заслоном от ее азиатской части. При

этом оперативное пространство России, где развернутся боевые действия на первом этапе, разделено припятскими болотами на две части, так что локтевая связь между группами войск, действующими севернее и южнее болот, может быть установлена только в ходе преследования».

Далее офицеры – операторы штаба верховного главнокомандования, проанализировав некоторые особенности развертывания русской армии (три варианта), а также особенность русских железных дорог, подошли к главному: «Для проведения операций своих войск необходимо прежде всего решить, где будет нанесен главный удар – севернее или южнее припятских болот. А тот факт, что при превосходстве сил, которым обладает Германская армия, следует вести боевые действия одновременно в обоих оперативных пространствах, представляется несомненным. Решение нанести главный удар на севере может диктоваться следующими соображениями: здесь значительно лучше условия для сосредоточения войск; важно было бы быстро отрезать русских от Балтийского моря, на всем пространстве имеются сравнительно хорошие русские железные дороги, направление которых совпадает с направлением движения войск... Решение нанести главный удар на юге может быть вызвано такими факторами, как: опасное положение Румынии; возможность снабжения немецких моторизованных соединений из румынской нефтеносной области, а позднее – из нефтеносных районов Восточной Галиции по сравнительно коротким коммуникациям; значение Украины».

Но из двух вариантов всегда выбирают один. В предполагаемом плане он должен быть нанесен на севере. Наступлением двух групп армий с общего рубежа восточные линии Варшава – Кенигсберг [теперь Калининград].

«Южная группа армии, нанося главный удар в промежуток между Днепром и Двиной [Даугавой], рассеет силы русских в районе Минска и затем будет наступать в общем направлении на Москву. Нанесению главного удара через Минск на Москву с участием мощных моторизованных соединений будет благоприятствовать то обстоятельство, что единственная до конца сооруженная русскими автомобильная магистраль ведет от Минска к Москве. Северной группе армий предстоит наступать из Восточной Пруссии на рубеж Двины [Даугавы] и форсировать эту реку в ее нижнем течении».

5 декабря 1940 г. начальник генштаба вермахта, докладывая Гитлеру о планируемой операции на Востоке, коснулся прежде всего географических особенностей предстоящего театра военных действий.

Вначале он назвал важнейшие промышленные центры: Украина, Москва, Ленинград, затем, разделив территорию, на которой будут происходить операции на северную и южную половины Припятских болот, охарактеризовал их: «В последней – плохая сеть дорог. Наилучшие шоссейные и железные дороги находятся на линии Варшава – Москва. Поэтому в северной половине представляются более благоприятные условия для использования большого количества войск, нежели в южной.

В районе севернее припятских болот поэтому же, очевидно, находится больше войск, нежели южнее. Кроме того, в группировке русских намечается значительное массирование войск в направлении русско-германской демаркационной линии. Следует полагать, что сразу же за бывшей русско-польской границей располагается база снабжения русских, прикрытая полевыми укреплениями».

Начальник генштаба кратко обрисовал замысел операции:

«С помощью танковых клиньев не допустить создания русскими сплошного оборонительного фронта западнее этих двух рек. Особенно крупная ударная группировка должна наступать из района Варшавы на Москву».

Характерно, что он подчеркнул невозможность решить на тот момент, «будет ли после уничтожения основной массы русских войск, окруженных на севере и на юге, нанесен удар на Москву или против района Москвы. Важно, чтобы русские вновь не смогли закрепиться восточнее».

Для проведения всей операции численность войск в 130–140 дивизий считалась достаточной!

А вот что было указано в оперативно-стратегической разработке штаба группы армий «А» от 7 декабря 1940 г.: «Если вообще можно говорить о сосредоточении главных сил русских при их теперешней группировке, то она находится в Киевском особом военном округе. Вероятно, оно объясняется существовавшими наступательными намерениями и, конечно, может быть ими использовано в случае наступления немецких войск из Румынии и Венгрии. Это должно быть учтено при расчете сил немецкой южной группы армии.

Русских наступательных действий против центра немецкого фронта вряд ли следует опасаться. Вряд ли следует исходить из того, что русское командование сможет с достаточной оперативностью и целеустремленностью принять решение на отражение немецкого наступления».

Тогда в 40-м немецкое командование пошло на великую авантюру Гитлера, и тем не менее директива № 21 (план «Барбаросса») была готова

уже 18 декабря 1940 г. 15 февраля 1941 г. была утверждена директива по дезинформации противника.

13 марта 1941 г. вышли специальные указания к директиве № 21. Гитлер спешил. Все приготовления к войне должны были быть закончены 15 мая 1941 г.!

Касаясь подготовки Германии к войне против СССР, мне бы не хотелось утомлять читателя всеми деталями этого «действия». Ведь речь дальше пойдет снова о генерале Власове, который командовал 4-м мехкорпусом в Киевском округе. А значит, мы остановимся на «директиве по сосредоточению войск» (31.1.41), где говорилось о задачах группы армий «Юг», действующей против КОВО:

«[...] 3. Замысел: южнее Припятских болот группа армий „Юг“ под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта, используя стремительный удар мощных танковых соединений из района Люблина, отрезает советские войска, находящиеся в Галиции и Западной Украине, от их коммуникаций на Днестре, захватывает переправы через р. Днепр в районе Киева и южнее его и обеспечивает таким образом свободу маневра для решения последующих задач во взаимодействии с войсками, действующими севернее, или же выполнение новых задач на юге России...

4. Задачи групп армии и армий: (Юг) ...11-я армия обеспечивает прикрытие румынской территории от вторжения советских... В ходе наступления войск групп армий „Юг“ 11-я армия сковывает противостоящие ей вражеские силы, создавая ложное впечатление стратегического развертывания крупных сил, и по мере развития дальнейшей обстановки путем нанесения во взаимодействии с авиацией ряда ударов по отходящим войскам противника препятствует организационному отходу советских войск за Днепр. 1-я танковая группа во взаимодействии с войсками 17-й и 6-й армии прорывает оборону войск противника, сосредоточенных близ границы между Рава-русская и Ковель и, продвигаясь через Бердичев, Житомир, своевременно выходит на р. Днепр в районе Киева и южнее...

17-я армия прорывает оборону противника на границе северо-западнее Львова. Быстро продвигаясь своим сильным левым флангом, она отбрасывает противника в юго-восточном направлении и уничтожает его... 6-я армия во взаимодействии с соединениями 1-й танковой группы прорывает вражеский фронт в районе города Луцк и, прикрывая северный фланг группы армий от возможных атак со стороны Припятских болот, по возможности своими главными силами с максимальной быстротой следует на Житомир вслед за войсками танковой группы. Войска армии должны

быть готовы по указанию командования группы армий повернуть свои главные силы на юго-восток западнее р. Днепр, с тем, чтобы во взаимодействии с танковой группой воспрепятствовать отходу вражеской группировки, действующей в западной Украине за Днепр, и уничтожить ее».

7

22 июня 1941 г. началась война...

Она застала КОВО – Юго-Западный фронт (ЮЗФ) в следующем положении: войска, назначенные в первый и второй эшелоны армий прикрытия, находились в местах постоянной дислокации на полигонах, стационарных и временных лагерях, а также на марше. Стрелковые соединения резерва округа выдвигались по плану прикрытия в предусмотренные районы сосредоточения и находились в 100–150 км от госграницы. В движении находились 31-й (193, 195, 200-я стрелковая дивизии), 36-й (140, 146, 228-я стрелковые дивизии), 55-й (130, 169, 189-я стрелковые дивизии) стрелковые корпуса.

В состав 12-й армии прибывали: 49-й стрелковый корпус (190, 198-я стрелковые дивизии по железной дороге, 109-я стрелковая дивизия – походным порядком).

Наиболее сильная группировка войск находилась в Львовском выступе, по существу, в стороне от главного удара противника. Вот как встретил войну командир 9-го мехкорпуса КОВО генерал-майор К. К. Рокоссовский: «Около четырех утра 22 июня дежурный офицер принес мне телефонограммы из штаба 5-й армии: вскрыть особый секретный оперативный пакет. Сделать это мы имели право только по распоряжению Председателя Совнаркома СССР или народного комиссара обороны. А в телефонограмме стояла подпись заместителя начальника оперативного отдела Штарма. Приказав дежурному уточнить достоверность депеши в округе, в армии, в наркомате, я вызвал начальника штаба, моего заместителя по политчасти и начальника особого отдела, чтобы посоветоваться, как поступить в данном случае. Вскоре дежурный доложил, что связь нарушена. Не отвечает ни Москва, ни Киев, ни Луцк. Пришлось взять на себя ответственность и вскрыть пакет.

Директива указывала: немедленно привести корпус в боевую готовность и выступить в направлении Ровно, Луцк, Ковель.

В четыре часа приказал объявить боевую тревогу, командирам дивизий

(...) прибыть на мой КП. Пока войска стягивались на исходное положение, комдивам были даны предварительные распоряжения о маршрутах и времени выступления. Штаб корпуса готовил общий приказ.

Вся подготовка шла в быстром темпе, но спокойно и планомерно. Каждый знал свое место и точно выполнял свое дело.

Затруднения были только с материальным обеспечением. Ничтожное число автомашин. Недостаток горючего. Ограниченное количество боеприпасов.

Ждать, пока сверху укажут, что и где получить, было некогда. Неподалеку находились центральные склады с боеприпасами и гарнизонный парк автомобилей.

Приказал склады вскрыть. Сопротивление интендантов пришлось преодолеть соответствующим внушением и расписками. Кажется, никогда не писал столько расписок, как в тот день».

Характерно, что приведение в полную боевую готовность войск вторых эшелонов (резервов) округов проходило в благоприятных условиях. Но, в сущности, и здесь боевой сигнал не был своевременно доведен до всех соединений и частей, поэтому некоторые командиры принимали решение на свой страх и риск.

Так, например, командиры 9-го и 19-го механизированных корпусов генерал-майор К.К. Рокоссовский и генерал-майор танковых войск Н.В. Фекленко приводили в боевую готовность части и соединения корпусов исключительно своими распоряжениями. А все начиналось сверху! Военно-политическое руководство Советского государства только 21 июня в 23.30 решилось на частичное приведение пяти приграничных военных округов в боевую готовность.

Директива, по сути, не давала разрешения на ввод в действие плана прикрытия в полном объеме, так как в ней предписывалось «не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения». Что ж, просчет во времени сыграл свою роль в трагедии 1941 г. Например, на оповещение войск для приведения их в боевую готовность вместо 25–30 минут ушло в среднем 2 часа 30 минут. А все дело в том, что вместо сигнала «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г». объединения и соединения получили зашифрованную директиву с ограничениями по вводу плана прикрытия. В этих условиях даже соединения и части первого эшелона армий прикрытия, имевшие постоянную боевую готовность в пределах 6–9 часов (2–3 часа – на подъем по тревоге и сбор, 4–6 часов – на выдвижение и организацию обороны), не получили этого времени.

Вместо указанного срока они располагали не более чем 30 минутами, а некоторые соединения вообще не были оповещены.

Кроме того, противнику удалось в значительной степени нарушить проводную связи с войсками в приграничных районах. И штабы округов и армий не имели возможности быстро передать свои распоряжения. В результате запоздалого принятия решения на приведение войск приграничных военных округов в полную боевую готовность, несовершенной системы оповещения и растерянности войск и штабов, ввод в действие плана прикрытия был неорганизованным.

Например, Военный совет Западного фронта, где противник наносил главный удар, только лишь в 5 часов 25 минут направил командующим 3, 10 и 4-й армий директиву: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по боевому».

Только теперь это означало введение плана прикрытия в полном объеме.

Войска группы армий «Юг» под командованием фельдмаршала К. Рундштедта, наступавшие против войск Юго-Западного фронта (6-я, 17-я армии и 1-я танковая группа) имели 39 расчетных дивизий, в том числе 5 танковых и 4 моторизованных. Резерв противника составлял 3 пехотных дивизии. В целом соотношение сил позволяло Юго-Западному фронту (первый эшелон – 5, 6, 26 и 12-я армии прикрытия и фронтовые резервы – 58 дивизий, из них 16 танковых и 8 моторизованных) отразить наступление, но его войска, большая часть которых сосредоточилась в стороне от направления главного удара врага, были растянуты в глубину, что затрудняло реализацию имевшихся возможностей.

Главный удар противник нанес смежными флангами 6-й и 17-й армий, а также 1-й танковой группой севернее Львовского выступа.

Удар 13 пехотных дивизий 1-го эшелона немцев пришелся встык 5-й и 6-й армий по 4 стрелковым и кавалерийской дивизиям, которые выходили на рубежи согласно планам прикрытия. Они с ходу вступили в бой, оставляя между собой 15—20-километровые промежутки, используя которые 6 пехотных дивизий и танковая дивизия (введенная в прорыв на левом фланге 5-й армии в районе Сокаля) противника в первый же день войны прорвались в глубину до 20–30 км, выйдя в район Радзехова.

Южнее, в полосе 6-й армии, противник ворвался в струмиловский укрепленный район, когда его батальоны только занимали доты. Ударом кавалерийской дивизии немцы были выбиты из укреплений.

Успешно был отражен удар основных сил 17-й армии, наступающей на

Львов.

Но вернемся к А.А. Власову. До начала войны 4-м механизированным корпусом генерал Власов командовал всего 5 месяцев. И это при том, что механизированные корпуса в РККА были делом новым и абсолютно неизвестным. Достаточно сказать, что на январь 1941 г. теория вождения механизированных корпусов еще не была разработана.

4 июля 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба докладывали в Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР о необходимых мероприятиях «по усилению западных военных округов (БОВО и КОВО) и общему усилению Вооруженных сил Союза ССР». Следовало «приступить к окончанию задержанных организационных мероприятий по Белорусскому, Киевскому и Одесскому военным округам» и формированию в них механизированных корпусов. Проведенные во второй половине 1940 г. учения вновь сформированных мехкорпусов позволили сделать вывод о том, что «мото-механизированные соединения, как правило, будут использоваться не для решения частных задач на отдельных направлениях, а для глубокого потрясения фронта противника. Поэтому мото-механизированные корпуса следует рассматривать как средства фронтового командования и лишь на отдельных главных направлениях – армейского командования. Задачами мото-механизированных корпусов являются:

а) уничтожение совместно с ВВС и общевойсковыми соединениями, действующими с фронта главной группировки противника;

б) уничтожение совместно с ВВС подходящих оперативных резервов и такое потрясение оперативной глубины противника, когда создание нового фронта становится невозможным. Эти главнейшие задачи требуют ввода мехкорпусов в такое положение, с которого наиболее легко и полно можно нанести уничтожающий удар по главной группировке противника.

Таковыми положениями будут:

а) действия мото-механизированных корпусов в тылу противника».

6 июля 1940 г. СНК своим постановлением утвердил предложенную штатную численность танковых дивизий и организацию механизированных корпусов. Следовало сформировать 8 таких корпусов и 2 отдельные танковые дивизии.

4 октября 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба докладывали на Политбюро и СНК, что формирование 8 мехкорпусов, 18 танковых и 8 моторизованных дивизий в основном завершено.

Новый этап организационного совершенствования Красной армии начался с 1941 г.

12 февраля военное командование представило Советскому

правительству новый мобилизационный план. В первую очередь он касался создания 20 новых мехкорпусов (40 танковых и 20 моторизованных дивизий), которое началось в феврале – марте 1941 г. 8 марта Политбюро утвердило назначение командиров формируемых мехкорпусов, танковых и моторизованных дивизий.

По штату механизированный корпус должен был иметь 36 080 человек личного состава, 1031 танк, 268 бронемашин, 172 орудия, 186 минометов, 5165 автомашин, 352 трактора и 1678 мотоциклов, но, к сожалению, на 22 июня 1941 г. из двадцати мехкорпусов Западных приграничных округов только три были почти укомплектованы согласно штату, и это в 5 военных округах.

В Ленинградском округе из двух мехкорпусов это был один 1-й мехкорпус, в Западном – из шести МК только один – 6-й мехкорпус, в Киевском – из восьми МК только один – 4-й мехкорпус и ни одного в Прибалтийском и Одесском!

Таким образом, в КОВО только корпус Власова оказался максимально укомплектованным танками, бронемашинами, орудиями и минометами.

То, что Андрей Андреевич был лучшим генералом Красной армии, имело значение если не решающее, то по крайней мере весомое.

Корпус «генерала-стахановца» укомплектовывался гораздо быстрее и лучше.

И еще один момент.

По штату в мехкорпусе было положено иметь на 1031 танк только Т-34 – 420 машин. В мехкорпусе Власова из было 359. Для сравнения: в 8-м мехкорпусе танков Т-34 было – 100 машин, в 9-м мехкорпусе их не было вообще, в 15-м всего – 69, в 19-м – 9, в 22-м – не было. В 24-м и 16-м мехкорпусах танки нового типа отсутствовали.

Характерно, что в КОВО в наличии на 1 июня 1941 г. танков Т-34 числилось 496 единиц, а всего в Красной армии их насчитывалось – 892. Таким образом, путем простейшего математического действия можно убедиться в том, что немного меньше половины всех танков Т-34, находящихся на вооружении в РККА, входили в состав 4-го мехкорпуса, которым командовал генерал-майор А.А. Власов.

8

4-й механизированный корпус Власова (находился в подчинении командующего 6-й армией генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко)

дислоцировался в районе Львова и войну встретил непосредственно в Львовском выступе.

К сожалению, сегодня не представляется возможным в полном объеме оценить Андрея Андреевича в роли командира корпуса в первые дни – недели войны. Для этого есть много причин, и одна из них, пожалуй, самая главная – это крест, поставленный на его имени властью сразу же после войны. Долгие десятилетия умалчивания и сыграли свою роковую роль. Ушли из жизни многие очевидцы и свидетели, начальники и подчиненные Власова. Многих документов просто не найти. Поэтому нам остались лишь обрывки, куски, штрихи и не более.

В три часа 22 июня 1941 г. командир 32-й танковой дивизии 4-го мехкорпуса получает приказ выдвинуться в район Янова. Начинается война. Далее, 63-й танковый полк этого соединения получает задачу сосредоточиться в районе Судова Вишня, но на полпути приходит новое распоряжение: повернуть на Рава-Русскую, где у деревни Краковец прорвались немцы, выбить их и восстановить положение.

Первые часы войны. Ожесточенные удары немецкой авиации на глубину до 300–400 км. Внезапность. Массированные удары противника срывают организованный выход советских войск первого эшелона приграничных округов к госгранице. Советская авиация уничтожается тут же, на земле, и несет катастрофические потери.

Штабы армий и корпусов до 5–6 часов утра принимают меры по доведению боевого приказа на приведение частей и соединений в боевую готовность. Только в 8 часов утра первого дня войны штаб Юго-Западного фронта (ЮЗФ) – КОВО – прибывает на командный пункт в Тернополь. Связь со штабами 5-й и 6-й армий устанавливается к 10 утра. В 10.30 по радио поступает первый доклад от командующего 5-й армии (генерал-майор М.И. Потапов): «Сокаль и Тартанов в огне, 124-я дивизия к границе пробиться не могла и заняла оборону севернее струмиловского укрепрайона».

Первое донесение в Москву штаб Юго-Западного фронта отправил в 15.00, вплоть до вечера 22 июня он так и не мог определить направление главного удара. Обстановка была неясной, данные о противнике отсутствовали. Каждый видел то, что делалось на его участке. Единое управление войсками не представлялось возможным. Объединения и соединения фронта действуют чаще самостоятельно, сначала по плану прикрытия, а затем в соответствии с обстановкой, решением командиров и командующих.

Согласно директиве № 3, отправленной наркомом обороны маршалом

Тимошенко в 21.30, Юго-Западный фронт должен 23 июня силами 5-й и 6-й армий, не менее чем пятью механизированными корпусами фронта и всей авиацией фронта нанести мощный контрудар по сходящимся направлениям, окружить и уничтожить группировку противника в районе Владимира-Волынского, Сокаля и Крыстонополя и к исходу 24 июня овладеть районом Люблина. Учитывая все силы и средства фронта и противника, решение такой задачи было вполне реальным, но, к сожалению, она уже не соответствовала той обстановке, которая сложилась на Украине к исходу первого дня войны.

Двух суток, отведенных для овладения Люблином, до которого войскам предстояло пройти свыше 120 км, было явно недостаточно.

Начальник штаба фронта генерал-лейтенант М.А. Пуркаев считал, что только для сосредоточения механизированных корпусов потребуется не менее трех-четырех суток. Поэтому он предложил создать на рубеже укрепрайонов вдоль старой госграницы прочную оборону и сначала остановить врага, а потом перейти в наступление и разгромить его. Но командующий фронтом генерал М.П. Кирпонос, соглашаясь с начальником штаба, все же решил выполнять приказ: «Приказ есть приказ, и его надо выполнять», – сказал он. Его поддержал член военного совета корпусной комиссар Н.Н. Вашугин.

Таким образом, командующий ЮЗФ принял решение нанести два удара по флангам главной группировки противника с севера и юга, каждый силами трех механизированных корпусов (около 3,7 тыс. танков). Генерал армии Г.К. Жуков, прибывший в штаб фронта вечером 22-го, одобрил это решение. Для первого этапа контрнаступления командование Юго-Западного фронта имело только три механизированных корпуса южной ударной группировки – 4-й генерал-майора А.А. Власова, 8-й генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева и 15-й генерал-майора И.И. Карпезо. Из них 15-й уже сосредотачивался для наступления, а остальные два необходимо было перебросить в исходный район с запада. Северную ударную группировку в составе 22-го (генерал-майора В.С. Тамручи), 9-го (генерал-майора К.К. Рокоссовского) и 19-го (генерал-майора Н.В. Фекленко) мехкорпусов планировалось ввести в сражение позже, после сосредоточения указанных корпусов в районе Владимира-Волынского.

В 9 утра 23 июня был подписан приказ на наступление 15-го мехкорпуса: «С утра 23.06.41 во взаимодействии с 4-м механизированным корпусом и 3-й кавалерийской дивизией 6-й армии нанести удар в направлении Радзехов – Сокаль и уничтожить танковую группу противника, действующую в направлении Сокаль – Радзехов».

Затем во все корпуса были направлены представители штаба фронта, которые должны были лично ознакомиться с ситуацией и проконтролировать выполнение приказов.

Однако случилось непредвиденное: оборвалась связь со штабом 5-й армии и выяснилось, что 4-й мехкорпус генерала Власова срочно нужен командующему 6-й армией для нанесения контрудара на запад от Янова, куда, по поступившей в штаб 6-й армии информации, ночью прорвались немецкие танки. Поэтому кроме трех батальонов генерал Власов на Радзехов более ничего не выделил. Два батальона средних танков 32-й танковой дивизии и один батальон мотопехоты 81-й моторизованной дивизии были выделены для нанесения удара на Жолнев и во взаимодействии с частями 15-го мехкорпуса должны были уничтожить пехоту и танки противника в районе Радзехова.

Остальные части 4-го механизированного корпуса должны были выдвигаться в западном направлении на Краковец и Радымно с целью уничтожения противника, прорвавшегося в район Дуньковице.

Но информация о прорыве немцев оказалась ложной – в полосе 6-й армии противник был задержан на линии укрепрайонов и до 23 июня не добился значительного продвижения.

Хотелось бы обратить внимание на такой факт: силы механизированного корпуса Власова практически сразу же были разделены на части для решения абсолютно разных задач.

Будучи на службе у немцев, А.А. Власов в открытом письме «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом», мягко говоря, приврал, высоко оценивая себя в роли командира мехкорпуса. Это была не более чем самореклама. «Мой корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление, но мои предложения были отвергнуты».

Думаю, что это слишком. А на самом деле все было гораздо сложнее.

Власов в лучшем случае мог знать обстановку на своем участке, и его выводы по оценке противника могли не соответствовать реальному положению дел.

В течение дня 23-го связь с армиями практически отсутствует. В этот день успела выдвинуться и атаковать противника лишь часть сил 15-го и 22-го мехкорпусов, причем в 15-м мехкорпусе действовал единственный передовой отряд 10-й танковой дивизии. Два батальона 32-й танковой дивизии 4-го мехкорпуса занимали оборону на окраине Радзехова, остальные части 32-й танковой дивизии действовали в районе Великих мостов. Этим воспользовался противник, и к исходу 23 июня его танковая

дивизия подошла к Берестечко.

В это время основные части 4-го и 8-го мехкорпуса находились от района предполагаемого сосредоточения едва ли не дальше, чем к моменту появления приказа на контрудар. Вечером 23 июня начальник штаба ЮЗФ генерал Пуркаев докладывает командующему: «С утра 24-го числа участвовать в контрударе смогут только 22-й и 15-й мехкорпус, да и то не всеми силами (в 22-м корпусе будет задействована лишь одна дивизия). Четвертый корпус задействован на Львовском направлении, 9-й и 19-й корпуса подойдут только через двое суток, стрелковые части – через несколько дней».

И генерал Кирпонос принимает решение вводить соединения в операцию поэшелонно: 24-го – 22-й мехкорпус и 135-я стрелковая дивизия при поддержке 1-й противотанковой артбригады наступают на Владимир-Волынский, 15-й мехкорпус соединяется с 124-й дивизией. Позже с подходом сначала 4-го и 8-го, а затем 9-го и 19-го корпусов сила удара утроится. Тут же командир 8-го мехкорпуса получил приказ повернуть на восток и выдвигаться в район Броды. А вот про 4-й мк забыли. Основные части приказа о переброске не получили и продолжали сосредотачиваться в лесах западнее Янова (30 км к северо-западу от Львова). Выдвигающийся от Новгород-Волынска 9-й мехкорпус накануне получил от командующего 5-й армией генерала Потапова приказ: выйти на р. Стырь и занять оборону по ее восточному берегу на участке Жидичи – Луцк – Млынов с целью не допустить прорыва немцев на восток. Но вечером 23-го на дороге возле Здолбунова (к югу от Ровно) штаб корпуса неожиданно наткнулся на немецкую разведку. К утру 24 июня, не достигнув намеченного рубежа, части 9-го мехкорпуса втянулись в бой с противником восточнее и юго-восточнее Луцка.

Наступление 24 июня было безуспешным и привело к тяжелым потерям в танках и личном составе.

Противник начал с юга обтекать Луцк, где был остановлен 9-м и 19-м мехкорпусами.

Следует сказать, что решающую роль в разгроме врага могли сыграть 4-й и 8-й мехкорпуса. Оба они имели в своем составе свыше 1700 танков. Особенно сильным был, как уже говорилось выше, 4-й механизированный корпус, в котором только новых танков Т-34 и КВ было более 400 машин. Однако считается, что усилиями командующего 6-й армией Н.И. Музыченко и начальника Генштаба Г.К. Жукова 4-й мк был раздроблен на части. Его 8-я танковая дивизия должна была наносить удар по противнику, прорвавшемуся северо-западнее Львова, в район Немирова, а 32-я – на юго-

запад, где по данным, как потом выяснилось – ложным, действовало до 300 танков противника.

Нельзя не сказать и о том, как осуществлялось общее руководство мехкорпусами в первые дни войны. Так, вечером 22 июня командир 8-го мехкорпуса генерал Рябышев, находясь юго-западнее Львова, получил задачу вывести свои соединения в район восточнее города и поступить в подчинение командующего 6-й армии. Но генерал Музыченко, не ознакомленный с задачей корпуса, повернул его на запад. В свою очередь генерал Кирпонос, который считал, что 8-й мехкорпус уже сосредоточился восточнее Львова, потребовал от его командира ускорить выдвижение на север, в район Броды, чтобы с утра 24 июня совместно с 15-м мехкорпусом атаковать и уничтожить танки противника, прорвавшегося к Берестечко. Лишь после этого Музыченко поставил Рябышеву соответствующую задачу. На выдвижение корпусу потребовалось двое суток. Только к утру 26 июня он вышел к Бродам. Из 858 танков осталось не более половины. Другая половина из-за возможных поломок отстала на пятисоткилометровом маршруте.

Командование фронта, по сути, ежедневно меняло боевые задачи, поэтому боевые действия корпусов сводились то к обороне частью сил, то к изнуряющим передвижениям с целью занять исходное положение для удара по противнику сначала в одном направлении, потом – в другом.

Фронтной контрудар был предпринят с 25 по 29 июня, вылившись в крупнейшее танковое сражение начального периода войны. Проводя контрудар, командование фронта решило в то же время создать позиционный фронт обороны. 26 июня выдвигающимся резервам фронта (31-й, 36-й и 37-й стрелковые корпуса) было приказано занять прочную оборону на рубеже Луцк, Кременец, Гологуры, отвести в последующем за него мехкорпуса, которыми подготовить мощный контрудар с целью разгрома вклинившегося противника. Это решение было единственно верным, однако Ставка ВГК его отменила, и начавшийся контрудар продолжался.

Исходя из этого, 36-й стрелковый корпус получил приказ нанести удар на Дубно с юго-восточного направления, 8-й мехкорпус – с юго-западного. Части 15-го мехкорпуса должны были изменить направление наступления с северо-западного на северное, выйти к Берестечко и, перерезав основные коммуникации 1-й танковой группы, тоже повернуть на Дубно. 8-я танковая дивизия 4-го мехкорпуса (единственная, которую удалось перебросить с левого фланга 6-й армии на правый) заняла позиции между Полоничной и Лопатином, слева от 15-го мехкорпуса. В дальнейшем она должна была

возобновить движение на Радзехов, куда ранее наступал 15-й мехкорпус.

В ночь на 25 июня генерал армии Г.К. Жуков приказал повернуть 8-ю танковую дивизию 4-го мк на северо-восток. К тому времени она уже потеряла в боях 92 танка. Еще большие потери были связаны с техническими неисправностями. К концу дня 27 июня из 385 танков в исходный район прибыло 65 машин, сведенных в один танковый полк. Только за период боев в районе Радзехов – Броды 8-я тд из 50 танков КВ потеряла 43. Наступление танковой группы противника было задержано до конца июня. Однако ликвидировать прорыв войскам фронта не удалось.

Основные причины низкой эффективности контрударов заключались в их поспешной подготовке, отсутствии единого руководства и надежной противовоздушной обороны.

Мехкорпуса вступали в сражение после 200–400 км марша, в ходе которого они несли значительные потери от ударов вражеской авиации.

Большое количество танков вышло из строя по техническим причинам. А контрудар превратился в разрозненные действия соединений. Одни начинали атаку, другие завершали ее, а третьи еще подходили. В окружении оказались многие части и соединения, в том числе основные силы 8-го мехкорпуса. Таким образом, мехкорпуса так и не успели стать орудиями «Глубокой операции».

Это касается и корпуса Власова. Все они были трудноуправляемыми соединениями.

Отсутствие бесперебойной связи (оперативная связь штаба округа со штабами армий, мехкорпусов, стрелковых и кавалерийской соединений на период развертывания предполагалась по двум каналам, а также «подвижными средствами») штаба фронта с армиями, корпусами и дивизиями, а значит, отсутствие твердого и непрерывного управления войсками – все это привело к неизбежному запаздыванию приказов и распоряжений (осуществлялось курьерами), а нередко и к их взаимоисключению. В таких условиях быстро меняющейся обстановки решение вопросов взаимодействия даже теоретически было невозможно.

Решающее значение имело и отсутствие элементарного снабжения горючим, боеприпасами, запасными частями и питанием. Тогда, летом 41-го, было допущено распыление мехкорпусов, а поставленные перед ними боевые задачи не осуществлялись последовательно.

Но нельзя забывать и о том, что в то же время их эффективность ограничивалась полным господством в воздухе авиации противника. Кроме того, немцы использовали свои танковые соединения массированно. В начальном периоде особенно характерно отсутствие у них шаблона. Их

действия на широких пространствах, высокая маневренность и огневая мощь, быстрое и внезапное использование своей ударной силы на решающих направлениях, глубокое и стремительное вклинивание в расположение советских войск летом 1941-го стало для них полной неожиданностью. Немцы впервые показали Красной армии, что такое война маневренная, которую тогда по моде называли «стихией танков». Я не зря, хотя и очень поверхностно остановился на боевых действиях наших мехкорпусов на Юго-Западном фронте, так как писать о 4-м мехкорпусе без представления, в какой обстановке он воевал, невозможно. Мехкорпуса создавались для потрясения фронта противника, но практически все они, раздробленные и измученные, не смогли удержать своего собственного.

По некоторым источникам потери наших мехкорпусов только в июне составили 2648 танков. Если учитывать, что в сражении принимали участие всего 6 корпусов ЮЗФ – 4089 танков (24-й и 16-й не участвовали), то после сражения их численность могла составить – 1441 боевая машина.

Интересно, что 1-я танковая группа противника при вторжении насчитывала всего 799 танков разных типов!

Как мы уже говорили, 4-й механизированный корпус генерала Власова был одним из самых мощных в КОВО – ЮЗФ. Тем не менее Андрей Андреевич был лишен возможности руководить им в его полном составе. Корпус оказался раздроблен на части. И в любом случае те части, которые остались под командованием Власова (в распоряжении 6-й армии), в боях подо Львовом ничем особым себя не проявили.

Следует отметить, что из всех мехкорпусов успешно действовал 9-й мк генерала К.К. Рокоссовского. Выдвигаясь из глубокого тыла, он сначала контратаковал и потеснил левый фланг 13-й танковой дивизии, а затем вел активную оборону на р. Стырь в районе Луцка, фактически удерживая весь левый фланг 5-й армии. Тем более что он был одним из самых слабых корпусов в КОВО и имел порядка 300 (по одним источникам – 298, по другим – 316) танков старых типов. Удивительно и то, что на 7 июля в его корпусе осталось 164 танка! В 22-м мехкорпусе было 712 танков, а на 7 июля осталось 340. Генерал Власов выглядел намного бледнее. Из 979 боевых машин на 7 июля в его корпусе осталось лишь 126!

1 июля начался отвод войск ЮЗФ в укрепленные районы на старую границу (на глубину 300–350 км).

А 7 июля 1941 г. началась Киевская оборонительная операция, которая началась борьбой за укрепленные районы по старой границе. 5-я и 6-я армии не успели занять укрепрайоны на направлении наступления немецкой 1-й танковой группы, соединения которой к 10 июля овладели

Бердичевым и Житомир. В последующие два дня они продвинулись на 110 км и к исходу 11 июля вышли к Киевскому укрепрайону, где упорной обороной были остановлены.

В результате войска фронта оказались расчлененными на две части – северную (5-я армия – Коростенский укрепрайон) и южную – (6-я, 26-я и 12-я армии, Новгород-Волынский и Литечевский укрепрайон).

Против них действовали 27 пехотных дивизий 6-й и 17-й армий противника, а между ними вырвавшаяся на 150 км вперед 1-я танковая группа (9 танковых и моторизованных дивизий).

17 июля Власова вызвали в Киев.

9

16 июля 1941 г. И.В. Сталин подписал постановление Государственного комитета Обороны Союза ССР. В нем он впервые с начала войны довел до главнокомандующих, Военных советов фронтов и армий, командующих военных округов, командиров корпусов и дивизий, «что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником». Вождь просит принять строжайшие меры против трусов, паникеров, дезертиров:

«Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии – поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание Воина Красной Армии...»

Далее, в постановлении назывались фамилии 7 генералов и 2 полковых комиссаров, которых ГКО арестовал и предал суду военного трибунала «за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций». Среди девяти человек первой в этом списке стояла фамилия бывшего командующего Западным фронтом.

Генерала армии Дмитрия Григорьевича Павлова арестовали 4 июля 1941 г. в Довске по распоряжению ЦК. Первый допрос бывшего командующего начался 7 июля в 1 час 30 минут. Его допрашивали двое: временно исполняющий должность зам. начальника следчасти 3-го

Управления НКО СССР старший батальонный комиссар Павловский и следователь 3-го Управления НКО СССР младший лейтенант госбезопасности Комаров. Интересно, что уже со второго вопроса следователя было понятно, в чем его хотят обвинить:

«В таком случае приступайте к показаниям вашей предательской деятельности.

Ответ: Я не предатель. Поражение войск, которыми я командовал, произошло по не зависящим от меня причинам.

Вопрос (третий): У следствия имеются данные, говорящие за то, что ваши действия на протяжении ряда лет были изменническими, которые особенно проявились во время вашего командования Западным фронтом.

Ответ: Я не изменник, злого умысла в моих действиях, как командующего фронтом, не было.

Я также невиновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться на нашу территорию.

Вопрос: Как же в таком случае это произошло?»

И Дмитрий Григорьевич излагает обстановку, при которой начались военные действия. Следователи по ходу его рассказа лишь подбрасывают вопросы.

Но где-то около 16 часов они возвращаются к тому, с чего начали:

«**Вопрос:** Если основные части округа к военным действиям были подготовлены, распоряжение о выступлении вы получили вовремя, значит, глубокий прорыв немецких войск на советскую территорию можно отнести лишь на счет ваших преступных действий как командующего фронтом.

Ответ: Это обвинение я категорически отрицаю. Измены и предательства я не совершал».

Следователь уточняет свой вопрос:

«**Вопрос:** На всем протяжении госграницы только на участке, которым командовали вы, немецкие войска вклинлись глубоко на советскую территорию. Повторяю, что это результат изменнических действий с вашей стороны.

Ответ: Прорыв на моем фронте произошел потому, что у меня не было новой материальной части, сколько имел, например, Киевский военный округ».

И вот кульминация первого допроса, который закончился в 16.10:

«Напрасно вы пытаетесь свести поражение к не зависящим от вас причинам. Следствием установлено, что вы являлись участником заговора еще в 1935 г. и тогда еще имели намерение в будущей войне изменить родине. Настоящее положение у нас на фронте подтверждает эти

следственные данные».

Но Павлов не сдаётся.

«**Ответ:** Никогда ни в каких заговорах я не был и ни с какими заговорщиками не встречался. Это обвинение для меня чрезвычайно тяжёлое и неправильное с начала до конца. Если на меня имеются какие-нибудь показания, то это сплошная и явная ложь людей, желающих хотя чем-нибудь очернить честных людей и этим нанести вред государству».

Следующий допрос (9 июля 12 часов) Павловский и Комаров начинают со «старой песни»:

«Следствие ещё раз предлагает вам рассказать о совершенных вами преступлениях против партии и советского правительства».

Но Дмитрий Григорьевич упорно уходит от главного. Следователям же просто необходимо услышать то, что они хотят:

«Вы расскажите о своей организационной связи по линии заговора с Уборевичем и другими».

Ответ: Организационно по линии заговора я связан ни с Уборевичем, ни с другими не был. Будучи приверженцем Уборевича, я слепо выполнял все его указания, и Уборевичу не нужно было вербовать меня в заговорщическую организацию, так как и без этого я был полностью его человеком».

Как бы там ни было, а Павлов все же уклоняется от слова «организация», уходит от членства в ней.

Он говорит не то, что от него хотят услышать. Вот только следователи очень настойчивы:

«Все эти ваши предательские действия, о которых вы показали, являются результатом не благодушия, а умышленного предательства. Будучи участником антисоветского заговора, вы проводили вредительскую работу в округе, заведомо зная о ее последствиях в предстоящей войне с Германией. Предлагаем вам рассказать правдиво о вашем организованном предательстве – той системе, которую вы создали среди ваших подчиненных».

Не сдаётся и Павлов:

«Ни от кого задания открыть Западный фронт я не получал, но мое преступное бездействие создало определенную группу командного, политического и штабного состава, которые творили в унисон мне...»

Нет. Все не то. Заканчивая допрос в 15 часов 10 минут, следователи заявили:

«Следствие убеждено, что вы умышленно предали фронт, и будет разоблачать вас в этом».

11 июля допрос начался в 13 часов 30 минут.

«Вопрос: На допросе 9 июля т[екущего] г[ода] вы признали себя виновным в поражении на Западном фронте, однако скрыли свои заговорщические связи и действительные причины тяжелых потерь, понесенных частями Красной Армии в первые дни войны с Германией.

Предлагаем дать исчерпывающие показания о своих вражеских связях и изменнических делах.

Ответ: Действительно, основной причиной поражения на Западном фронте является моя предательская работа как участника заговорщической организации, хотя этому в значительной мере способствовали и другие объективные условия, о которых я показал на допросе 9 июля т.г.

Вопрос: На предыдущем допросе вы отрицали свою принадлежность к антисоветской организации, а сейчас заявляете о своей связи с заговорщиками. Какие показания следует считать правильными?

Ответ: Сегодня я даю правильные показания и ничего утаивать от следствия не хочу.

Признаю, что в феврале 1937 г. бывшим старшим советником в Испании Мерецковым Кириллом Афанасьевичем я был вовлечен в военно-заговорщическую организацию и в дальнейшем проводил вражескую работу в Красной Армии.

Вопрос: Не хотите ли вы сказать, что вражескую работу вы начали вести только с 1937 г. Так ли было в действительности?

Ответ: Не отрицаю, что еще в 1934 г. я имел некоторые суждения о заговорщической работе, однако организационно с участниками заговора в Красной Армии я тогда связан не был».

А вот, наконец, и то, что так долго ждали следователи:

«В ноябре 1936 г. я был направлен в Испанию, где к тому времени был и Мерецков. Встретил он меня очень радушно, предоставил главному советнику при военном министре Берзину и ходатайствовал о назначении меня генералом испанской армии. В дальнейшем мы часто разъезжали по фронтам и участвовали в боевых операциях. Это еще более сблизило нас и создало почву для откровенных разговоров.

В феврале 1937 г. я приехал из Алкалы в Мадрид и посетил Мерецкова в гостинице. После деловых разговоров мы обменивались с Мерецковым мнением о положении в Красной Армии.

В беседе выяснилось, что оба мы сходимся в оценке состояния Красной Армии. Мы считали, что командный состав Красной Армии якобы бесправен, а политсоставу, наоборот, предоставлены излишние права. Существовавший, по нашему мнению, разброд среди комсостава

вызывается якобы неправильной политикой руководства Красной Армии.

В Красной Армии, заявил Мерецков, нет единой доктрины, это хорошо понимают некоторые руководящие армейские работники, которые объединились на почве недовольства существующим в армии положением. Тогда же Мерецков сообщил мне, что Тухачевский и Уборевич возглавляют существующую в Красной Армии заговорщическую организацию, которая ставит перед собой задачу – сменить негодное, с их точки зрения, руководство Красной Армией: „Вот приедем мы домой, сказал Мерецков, нужно и тебе работать заодно с нами“.

Вопрос: Что вы ответили Мерецкову?

Ответ: Мерецкову я сказал, что глубоко уважаю военный авторитет Уборевича и готов поэтому примкнуть к группе командного состава, которая идет за Уборевичем.

Вопрос: Сомнительно, чтобы Мерецков, не заручившись предварительно вашим согласием примкнуть к заговорщической организации, раскрыл бы перед вами ее руководителей в лице Тухачевского и Уборевича. Правильно ли вы показываете?

Ответ: Я показываю правильно. Откровенной беседе о существовании в армии заговорщической организации предшествовали длительные разговоры, в процессе которых Мерецков убедился, что я разделяю его точку зрения о положении в армии. Кроме того, учитывая мое преклонение перед авторитетом Уборевича, Мерецков без риска мог сообщить мне о его руководящей роли в военно-заговорщической организации».

Таким образом, следователи вроде бы как добились своего, но это только на первый взгляд.

На закрытом судебном заседании военной коллегии Верховного суда Союза ССР, которое состоялось 22 июля 1941 года, подсудимый Павлов сказал:

«Предъявленное мне обвинение понятно. Виновным себя в участии в антисоветском военном заговоре не признаю. Участником антисоветской заговорщической организации я никогда не был.

Я признаю себя виновным в том, что не успел проверить выполнение командующим 4-й армией Коробковым моего приказа об эвакуации войск из Бреста. Еще в начале июня месяца я отдал приказ о выводе частей из Бреста в лагерь. Коробков же моего приказа не выполнил, в результате чего три дивизии при выходе из города были разгромлены противником.

Я признаю себя виновным в том, что директиву Генерального штаба РККА я понял по-своему и не ввел ее в действие заранее, то есть до

наступления противника. Я знал, что противник вот-вот наступит, но из Москвы меня уверили, что все в порядке, и мне было приказано быть спокойным и не паниковать. Фамилию, кто мне это говорил, назвать не могу».

На суде Дмитрий Григорьевич отказался от выбитых у него показаний в отношении участия в антисоветском военном заговоре, но при этом подтвердил некоторые должностные упущения. Держался он мужественно.

Последнее слово Д.Г. Павлова:

«Я прошу исключить из моих показаний вражескую деятельность, так как таковой я не занимался. Причиной поражения частей Западного фронта являлось то, что записано в моих показаниях от 7 июля 1941 г., и то, что стрелковые дивизии в настоящее время являются недостаточными в борьбе с крупными танковыми частями противника. Количество пехотных дивизий не обеспечит победы над врагом. Надо немедленно организовывать новые противотанковые дивизии с новой материальной частью, которые и обеспечат победу.

Коробков удара трех механизированных дивизий выдержать не мог, так как ему было нечем бороться с ними.

Я не смог правильно организовать управление войсками за отсутствием достаточной связи. Я должен был потребовать радистов из Москвы, но этого не сделал.

В отношении укрепленных районов. Я организовал все зависящее от меня. Но должен сказать, что выполнение мероприятий правительства было замедленно.

Я прошу доложить нашему правительству, что в Западном особом фронте измены и предательства не было. Все работали с большим напряжением. Мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому, что недостаточно готовились в мирное время к этой войне».

Приговор закрытого судебного заседания «оставил» за ним «трусость, бездействие власти, нераспорядительность», «развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций», что по совокупности дезорганизовало оборону страны и создало возможность противнику прорвать фронт.

Д.Г. Павлова обвинили в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 193—17/б и 193—20/б УК РСФСР, то есть в преступлениях по должности. Окончательный приговор гласил: лишить военного звания, наград и подвергнуть высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества.

Павлова расстреляли, но эта история и после смерти имеет продолжение. Летом 1957 г. его имя реабилитировали. Только теперь была учтена неблагоприятно сложившаяся оперативно-тактическая обстановка и то обстоятельство, что прорыв фронта произошел по не зависящим от Павлова причинам. Но даже и после реабилитации в его адрес раздавались нотки критики. Павлова продолжали обвинять. Не очень лестно отзывался о нем и Г.К. Жуков в своих мемуарах. Д.Г. Павлова обычно характеризовали как человека, не подготовленного на роль командующего, называли выскочкой, а уровень его военных способностей объявляли не выше командира батальона.

В своей книге «Маршал Жуков» писатель В. Карпов сравнивает Павлова с Жуковым, но у него несколько своеобразное сравнение, не полное. Попробовал это сделать и я. Вот что получилось:

Первое. Теоретический уровень образования у Д.Г. Павлова, на первый взгляд, выше. Есть академия. Но надо отметить, что последнее обучение на курсах у обоих отмечено лишь за 10–11 лет до войны.

Второе. По участию в боевых действиях, по количеству войн, безусловно, впереди генерал армии Д.Г. Павлов – (5 войн), но по полученному опыту, который мог бы выделить из двух генералов 41-го военачальника, наиболее ценным является опыт генерала армии Г.К. Жукова. В отличие от Павлова Жуков самостоятельно руководил (три месяца в 1939 г.) халхин-гольской операцией, носившей современный характер и проводившейся с применением механизированных войск и авиации.

В ходе этой операции была ликвидирована не только опасность, нависшая над Монголией, но также была стабилизирована обстановка на Дальнем Востоке. В подчинении Жукова находились крупные силы: советско-монгольские войска – 57 тысяч человек, 500 танков, около 400 бронемашин, 550 орудий и минометов и свыше 500 самолетов.

Д.Г. Павлов, будучи командующим резервной группой (полтора месяца в 1940 г.), с 8 февраля по 29 февраля 1940 г. находился в подчинении командующего Северо-Западного фронта и самостоятельно никаких операций не проводил.

Третье. По прохождении службы (должностей) однозначно ведущее место занимает Г.К. Жуков. Он практически последовательно прошел все ступени от командира взвода до начальника Генштаба. В этом плане Д.Г. Павлов отстает вне сомнений.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: генерал армии Жуков при сравнительно невысоком военном образовании имел более

значительный опыт в управлении войсками, как в повседневной деятельности, так и в боевой обстановке на Халхин-Голе, чем генерал армии Павлов.

Его знания, умения и навыки, полученные на практике, чрезвычайно высокое стремление к самообразованию и безусловный талант самородка, а также сильная воля, выделили его среди генералитета предвоенной поры как одного из видных военачальников. На фоне Г.К. Жукова меркнут многие фигуры. Это не случайно.

Поэтому оценка Жуковым Павлова в своих мемуарах вполне соответствует действительности.

И совершенно другое дело трактовка Жуковым итогов оперативной игры в январе 1941 г. Но есть и еще факты.

По мнению Павла Анатольевича Судоплатова, бывшего начальника службы разведки и диверсий, постановление на арест Павлова утвердил не кто иной, как сам Жуков. Он утверждает: «Между Павловым и Жуковым сложились неприязненные отношения».

Возможно, что все было именно так, но мне кажется, Георгий Константинович был убежден в неспособности Павлова командовать фронтом. Для этого были причины – и достаточно веские.

Думаю, что Павлов как командующий сделал не все, не проявил максимум инициативы, которая от него требовалась, как до начала войны, так и после. В этом его главная вина.

Дмитрий Григорьевич растерялся, и эта растерянность стоила ему жизни. Терялись в той обстановке и другие. Вот как вспоминал встречу с командующим Юго-Западным фронтом генералом Кирпоносом К.К. Рокоссовский в своих мемуарах: «Утром представился командующему Юго-Западным фронтом генерал-полковнику М.П. Кирпоносу. Он был заметно подавлен, хотя и старался сохранить внешнее спокойствие. Я считал своим долгом информировать командующего о том, какова обстановка в полосе 5-й армии. Он слушал рассеянно. Мне пришлось несколько раз прерывать доклад, когда генерал по телефону отдавал штабу распоряжения. Речь шла о „решительных контрударах“ силами то одной, то двух дивизий. Я заметил, что он не спрашивал при этом, могут ли эти дивизии контратаковать. Создавалось впечатление, что командующий не хочет взглянуть в лицо фактам». Это было уже 15 июля 1941 г.!

Вызывает недоумение тот факт, что те военные руководители, которых выдвинули в 1941 г. на роль первых командующих фронтами в связи с огромным количеством вакансий и которые должны были решить главную задачу по разгрому врага, не в полном составе прошли суровый отбор

войной. Многие из них, в том числе слабые, случайные и неумелые, были отсеяны. Непродуманный и бессистемный подбор командиров, назначенных на эту должность, привел к тому, что из 24 маршалов и генералов – 9 человек в списках командующих фронтами в 1942 г. уже не было. А маршал К.Е. Ворошилов, генералы И.А. Богданов, Ф.И. Кузнецов, Д.И. Рябышев, П.П. Собенников, И.И. Федюнинский до конца войны уже не назначались на эти должности. И только 5 человек оказались командующими войсками фронтов на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Это Еременко, Жуков, Конев, Малиновский, Мерецков.

Характерно, что после сокрушительного поражения Западного фронта возник вопрос о доверии командным кадрам Красной армии. П.А. Судоплатов в своей книге написал следующее: «По линии военной контрразведки были подняты компрометирующие материалы на всех командующих фронтами, командующих армиями, корпусами и дивизиями. Все ложные и выбитые показания о мифическом военном заговоре, о якобы причастности к заговорщической группе Тухачевского и других были доложены Сталину и Молотову.

Сталин поручил изучить эти документы секретарю ЦК Г. Маленкову. Однако следует иметь в виду, что справки и заключения, подписанные Михеевым, начальником военной контрразведки, направлялись в ЦК, как это было заведено, без комментариев НКВД. Докладывалось лишь о наличии таких материалов. Несмотря на компрометирующие данные о причастности к делам мифических групп и военных заговорщиков, по всем лицам, о которых шла речь в этих документах, в июле – августе 1941 г. состоялись решения ЦК об утверждении их командующими армиями и соединениями Красной Армии. Таким образом, имею смелость утверждать, что Сталин, Молотов, Берия, Маленков уже тогда знали истинную цену так называемых „дел“ о военном заговоре.

Заслуживает внимания и другое обстоятельство. Все командующие армиями и соединениями Красной Армии, переформированными после поражений в июне 1941 г., были утверждены в ЦК партии тогда, когда „наверху“ принималось решение о характере предъявляемого Павлову обвинения. Его обвинили не в измене Родине, а в воинском должностном преступлении».

В контексте последних фактов нетрудно заметить, как две трагические судьбы – двух генералов могут различаться на крутых поворотах истории. Так генерал Павлов после поражения своего фронта даже не подумал сдать в плен врагу, а другой генерал – Власов после поражения своей

армии достаточно легко пошел на сотрудничество с немцами.

Сегодня совершенно забыли, что высокая должность наделена не только порой неограниченными правами, но и еще высочайшей ответственностью. Следовательно, чем выше должность совершившего преступление, тем строже должно быть и наказание.

10

Н.С. Хрущев, находясь на заслуженном отдыхе, вспоминал:

«Для защиты Киева мы решили создать новую армию и назвали ее 37-й. Стали искать командующего. Нам с Кирпоносом предложили ряд генералов, которые уже потеряли свои войска и находились в нашем распоряжении. Среди них очень хорошее впечатление производил Власов. И мы командующим решили назначить именно Власова. Отдел кадров КОВО тоже его рекомендовал и дал преимущественную перед другими характеристику. Я лично не знал ни Власова, ни других „свободных“ генералов, даже не помню сейчас их фамилии».

По свидетельству Никиты Сергеевича, рекомендация кадровиков его не сильно устроила, и он обратился в Москву к Маленкову. Вопрос касался компрометирующих документов на Власова: доверять ли новому командующему новой армии, которая должна защищать Киев?

– Какую характеристику можно получить на Власова?

– Ты просто не представляешь, что здесь делается, – ответил Маленков. – Нет никого и ничего. Ни от кого и ничего нельзя узнать. Поэтому бери на себя всю ответственность и решай сам!

Так Власова назначили командующим 37-й армией. При этом я хотел бы подчеркнуть, что, кроме кадровиков Юго-Западного фронта, более никто не мог сказать об Андрее Андреевиче ничего вразумительного. А ведь он был генерал-«стахановец»! Личность известная.

Это и странно.

Назначение Власова датируется 23 июля. 6 августа немцам удалось прорваться к окраинам Киева. Все войска, обороняющиеся в Киевском укрепрайоне (в основном резервы Ставки), были объединены в 37-ю армию. По некоторым источникам армия Власова успешно отражала вражеские атаки.

9 августа противник приостановил наступление на Киев, а уже через два дня перешел к обороне. 11 августа (51 день войны) начальник генштаба

сухопутных войск Франц Гальдер в своем дневнике записал: «У Киева войска группы армии несут большие потери. Здесь их придется несколько отвести назад...»

12 августа 37-я армия нанесла контрудар и практически полностью восстановила положение по переднему краю укрепленного района. Но чего ей это стоило.

В книге Б. Соколова «Неизвестный Жуков» есть пример одной из контратак в августе 41-го под Киевом, предпринятый 37-й армией Власова:

«Немецкий офицер в письме родным: „...С расстояния в 600 метров мы открыли огонь, и целые отделения в первой волне атакующих повалились на землю... Уцелевшие одиночки тупо шли вперед. Это было жутко, невероятно, бесчеловечно. Ни один из наших солдат не стал бы двигаться вперед. Вторая волна тоже понесла потери, но сомкнула ряды над трупами своих товарищей, павших в первой волне. Затем, как по сигналу, цепи людей начали бежать. С их приближением доносилось нестройное раскатистое: „Ура-а-а!“... Первые три волны были уничтожены нашим огнем... Натиск четвертой волны был более медленный: люди прокладывали путь по ковру трупов... Пулеметы раскалились от непрерывного огня, и часто приходилось прекращать стрельбу для замены стволов... Количество, продолжительность и ярость этих атак совсем истощили нас и довели до оцепенения. Не буду скрывать, они испугали нас... Если Советы могут позволить себе тратить столько людей, пытаясь ликвидировать даже незначительные результаты нашего наступления, то как же часто и каким числом людей они будут атаковать, если объект будет действительно очень важным?“»

Но тем не менее в районе Киевского укрепрайона боевые действия приняли позиционный характер, а противник свои главные усилия сосредоточил против правого крыла Юго-Западного фронта, и особенно его 5-й армии, продолжавшей оборонять Коростеньский укрепрайон.

С 21 по 25 августа севернее и южнее Киева ЮЗФ отвел войска за Днепр. Противник, использовав слабо обороняемый мост севернее Киева двумя пехотными дивизиями, захватил плацдарм, ввел танковую дивизию и в районе Остра вышел в Десне. Контрудар соединений 5-й и 37-й армий отбросил их в Днепру, но мост остался в руках противника, так как танковая дивизия противника отошла на небольшой плацдарм.

В начале сентября из-за переноса основных усилий противника с западного на юго-западное направление обстановка на фронте стала угрожающей. В тыл войскам правого фланга фронта выходили 2-я армия и

2-я танковая группа немцев, повернутые на юг. Им противостояли вновь созданная 40-я армия и отошедшая 21-я армия. На юге, на Кременчугском направлении, противник сосредоточил 17-ю армию и 1-ю танковую группу, против которых оборонялась 38-я армия.

Юго-Западный фронт, сосредоточивший основные усилия в центре (37-я армия Власова), достаточных сил для отражения наступления на обоих флангах не имел. Противник создал подавляющее превосходство, а в резерве фронта находилось всего 3,5 расчетные дивизии и одна танковая бригада.

В воспоминаниях Хрущева мне удалось найти еще как минимум два эпизода, которые могут лишь добавить несколько штрихов к портрету генерала Власова.

Первый. Когда Хрущев приехал с Кирпоносом в штаб 37-й армии на Железобетонный командный пункт в Святошино, сделанный еще в мирное время для штаба КОВО, то там из командования находился один лишь начальник штаба:

«Почему-то отсутствовал командующий армией. Потом и он приехал. Власов доложил обстановку, говорил довольно спокойно, и мне это понравилось. Тон у него был вселяющий уверенность и говорил он со знанием дела».

Мне бы хотелось обратить внимание на фразу: «Почему-то отсутствовал командующий армией». Дело в том, что не только Н.С. Хрущев удивился отсутствию Власова в нужное время и в нужном месте. Подобные случаи были не раз. А еще запоминается: «Тон у него был вселяющий уверенность». В этом тоже особенность Андрея Андреевича.

Второй. Хрущев поехал с Власовым проверять стрелковый корпус, после замены командира, не сумевшего предотвратить отступление необстрелянных частей. Вот что он запомнил:

«Обстановка была такой: немцы вели артиллерийско-минометный огонь и бомбили этот район с воздуха. Когда мы подошли к командиру, он сидел на каком-то полевом стуле, а стол перед ним был накрыт кумачом. Стоял телефон. Тут же была вырыта щель-убежище. С ним были какие-то люди. Он стал докладывать нам обстановку. В это время немцы обстреливали нас из минометов и строчили их пулеметы, но их самих не было видно, только шел гул по лесу. Власов держался довольно спокойно (я поглядывал на него). У него была вырезана трость из орешника. Он этой тростью похлопывал себя по голенищу. Потом он предложил, во избежание неприятностей, залезть в щель».

Согласитесь, что эпизод описан достаточно красочно. Командир

корпуса под огнем сидит за столом, накрытым кумачом, и тут заходит командующий с тростью из орешника, который хлопает себя по голенищу (откуда только барские замашки?) и предлагает всем уйти в укрытие. Поразительно, но в момент растерянности, находясь в подавленном состоянии, Андрей Андреевич мог долго находиться под огнем и безучастно наблюдать за происходящим. Что-то более низменное парализовало обычный страх. А вот в более благоприятной обстановке на фронте он предпочитал дорожить (может быть) прежде всего собственной жизнью и как бы заботиться о других. Это тоже факт.

Вечером 7 сентября 1941 г. Военный совет ЮЗФ доложил главкому Юго-Западного фронта (маршал С.М. Буденный, потом маршал С.К. Тимошенко) и в Генеральный штаб о том, что обстановка на фронте осложнилась и обозначилась угроза окружения основной группировки 5-й армии. Военный совет просил разрешить отвести 5-ю армию и правый фланг 37-й армии на рубеж р. Десна.

9 сентября Ставка разрешила отход 5-й армии и правому флангу 37-й армии с обязательным удержанием Киевского плацдарма. То есть было принято половинчатое решение. А ведь для того, чтобы избежать полной катастрофы, требовалось немедленно отвести все войска ЮЗФ за Днепр и даже на востоке и оставить Киев. Драгоценное время было упущено. Удар противника встык 40-й и 21-й армий ЮЗФ оказался мощным. 10 сентября 2-я танковая группа немцев прорвалась в район Ромны, а 17-я армия захватила плацдарм в районе Кременчуга. С него, после сосредоточения, должна была наносить удар на север 1-я танковая группа.

11 сентября главком Юго-Западного фронта обратился в Ставку ВГК с просьбой отвести войска фронта за р. Псел. Ставка запретила отход до создания фронтом обороны на этой реке, приказав удерживать Киев и совместно с Брянским фронтом задержать наступление конотопской группировки врага.

Но достаточных сил для обороны и тем более для удара уже не было.

12 сентября 1-я танковая группа немцев выдвинулась навстречу 2-й танковой группе на север. Уже 15-го они соединились в районе Лохвицы, окружив основные силы фронта. А ведь еще в ночь на 14 сентября начальник штаба ЮЗФ генерал-майор В.И. Тупиков (с июля) в радиোগрамме маршалу Шапошникову сообщал: «Начало понятной Вам катастрофы – дело пары дней».

Ответ он получил от самого Верховного: «Генерал-майор Тупиков... представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки

командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить... прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад, необходимо выполнять указания т. Сталина, данные Вам 11.IX».

Только 16 сентября маршал Тимошенко устно через Баграмяна передал Кирпоносу распоряжение об отводе войск фронта на рубеж р. Псел.

Но генерал Кирпонос, не имея письменной директивы и связи со штабом Юго-Западного фронта, обратился за подтверждением решения главкома в Москву.

17 сентября Ставка разрешила ЮЗФ оставить Киев. В этот же день, буквально за несколько минут до окончательной потери связи со штабами армий, генерал Кирпонос успел отдать приказ 5, 21, 26 и 37-й армиям на прорыв в восточном направлении. Находившимся вне котла силам 37-й и 40-й армий было приказано поддержать выход войск фронта из окружения ударом на Ромны и Лубны.

Но планомерного вывода не получилось. Отсутствие управления войсками, огромные потери и расчленение на части привели войска ЮЗФ к действиям разрозненным и беспорядочным.

5, 37, 26-я армии, часть сил 21-й и 38-й армий были окружены.

Дольше всех сражались остатки 26-й армии – до 26 сентября.

Припятская группа из войск 5-й и 21-й армий держалась до 25 сентября. 37-я армия Власова, оказавшись в двух районах (в 40–50 км юго-восточнее, другой – в 10–15 км северо-восточнее Киева), смогла продержаться до 21–23 сентября.

Часть сил и управления 5-й армии присоединились в колонне штаба ЮЗФ и двигались вместе с ней на Пирятин.

20 сентября 1941 г. сводная колонная подошла к хутору Дрюковщина (15 км юго-западнее Лохвицы). Здесь их атаковали главные силы 3-й танковой дивизии немцев.

Потеряв несколько орудий и бронемашин, остатки штабов ЮЗФ и 5-й армии отошли в рощу Шумейково. В группе оставалось около тысячи человек, в том числе 800 офицеров. Среди них был и командующий фронтом генерал М.П. Кирпонос. Роща простреливалась пулеметным огнем. Офицеры рассредоточились по кромке пересекавшего ее оврага, а бронемшины заняли позиции на опушке. Немецкие танки и пехота атаковали рощу с трех сторон.

Так начался бой, который продолжался 5 часов. В нем участвовали все – от солдата до командующего. Атаки противника отбивали и связками

гранат, и бутылками с зажигательной смесью, и в рукопашной схватке.

Генерала Кирпоноса сначала ранило в ногу, а потом осколки разорвавшейся рядом мины изрешетили его грудь. Он скончался тут же.

Судя по фактам, тем обрывкам и кусочкам свидетельств и документов, генерал Власов в должности командующего 37-й армией (с 23 июля до сентября) ничем особенным себя не проявил. Каких-то выдающихся способностей, которые отличали бы его от других командующих, не видно. А кроме того, два месяца в должности не могут быть сроком показательным для соответствующей оценки. И это при том, что его 37-я армия формировалась в основном из резервов Ставки ВГК и, находясь в Киевском укрепрайоне, составляла основные силы Юго-Западного фронта.

И если уж говорить о героизме и мужестве войск его армии, то это никак не может быть отнесено к заслугам Власова.

Характерно, что, будучи командующим 37-й армией, Власов не смог отказывать себе и в любовных утехах.

Там он познакомился с военврачом 3-го ранга Агнессой Павловной Подмазенко, которая только в июне 1941 г. окончила военный факультет 1-го Харьковского медицинского института. В начале июля ее зачислили на должность младшего врача медпункта штаба 37-й армии, а в середине августа 41-го Власов повысил свою походно-полевую жену в должности до старшего врача отдельного полка связи 37-й армии.

Любил ли ее Власов, теперь уже не важно, хотя многие последующие поступки генерала свидетельствуют об обратном.

Ведь походно-полевая жена, «ППЖ» – «жена» на время похода. Таковы были условия игры в годы войны для избранных женщин. Многим из них жилось на фронте неплохо под одним одеялом с офицерами и генералами, с командирами и командующими.

Было сытно, тепло и уютно, но до тех пор, пока окружающие не замечали беременность. А дальше «обрюхаченную» ППЖ отправляли в тыл на неопределенное время, которое обычно становилось вечным.

Точно так же все было и с Агнессой Павловной, которая до того как покинуть замечательного «мужа» по беременности, выходила с ним из окружения.

Известно, что 20 сентября штаб 37-й армии оставил Киев и продвигался на восток на машинах за частями, прорывающими кольцо окружения. О том, как генерал Власов выходил из окружения, Агнесса Павловна показала на допросах в «Смерше» летом 1943 г.:

«Фактически об окружении немцами 37-й армии я узнала по прибытии

в район села Семеновка близ города Яготина 26 или 27 сентября от бывшего командующего армией Власова, с которым вместе выехала из Киева.

Из-за сильного обстрела дороги, по которой следовала наша колонна, ехать на машинах стало невозможно, и по приказанию Власова все машины были уничтожены в лесу между Березанью и Семеновкой. Тут же мы разбились на небольшие группы, и каждая стала выходить из окружения самостоятельно.

Я лично входила в группу примерно из 30 человек, возглавляемую лично Власовым.

Из-за сильного артиллерийского и минометного обстрела наша группа перешла лесом на небольшой островок среди болот, находящийся недалеко от деревни Семеновка. На этом островке скопилось до полутора тысяч человек, и он вскоре также стал обстреливаться немцами.

На следующий день небольшая группа во главе с Власовым с этого островка переправилась в лесок, расположенный с другой стороны Семеновки. Отсюда мы ночью перебежали через обстреливаемое немцами поле в большой соседний лес.

По этому лесу мы шли около трех дней в составе группы из 10–15 человек – работников штаба 37-й армии. Вместе с нами, как я помню, находились: начальник разведотдела армии, по званию майор, и работник политотдела армии политрук Свердличенко Евгений. Остальных я не знала.

В первых числах октября 1941 г. мы подошли к деревне Помокли, что в трех километрах от села Соснова.

В связи с тем что у нас кончились продукты, а также с целью ориентации в обстановке я с согласия Власова пошла в дер. Помокли, переодев гимнастерку на свитер. Остальные остались в лесу.

От местных жителей я узнала, что на противоположном конце деревни находились немцы и что появляться посторонним здесь опасно, так как накануне в Помоклах были убиты два немецких солдата, за что немцы расстреляли несколько граждан. В деревне я пробыла около часа и, достав продукты, возвратилась обратно.

Придя к выводу, что передвигаться большой группой дальше рискованно, начальник разведотдела и ряд других лиц от нас отделились и решили выходить из окружения самостоятельно. Я осталась с Власовым и политруком Свердличенко.

Следуя по лесу к селу Соснова, мы догнали одного из жителей этого села. Мы попросили его помочь нам достать гражданскую одежду. О себе мы ничего не говорили, но он по нашему виду понял, что мы являемся

командирами Красной Армии. Не доходя до Сосновы, оставив Власова и Свердличенко, я зашла в село с этим человеком. Как затем я узнала, в селе находились немцы, занявшие школу в противоположном конце села, у дороги.

Встретившийся нам в лесу человек пригласил к себе домой местного старого партийного работника Любченко, которого я попросила оказать помощь в приобретении гражданской одежды для двух командиров Красной Армии в обмен на принесенные мной кожаное пальто и гимнастерку. Я попросила также указать безопасный маршрут следования в расположение частей Красной Армии.

Вскоре Любченко снабдил меня гражданской одеждой для Власова и Свердличенко, а в отношении маршрута предложил, чтобы они зашли к нему и он сам с ними все переговорит.

Переодевшись, Власов и Свердличенко зашли в Соснову, где встретились с Любченко. Они представились ему как командиры Красной армии, при этом политрук показал Любченко свой партийный билет. Затем они стали разговаривать о маршруте следования к частям Красной Армии. Любченко связал Власова с партизанским отрядом, находившимся близ Сосновы в лесу. Здесь Власов ознакомился с обстановкой, а также узнал, что менее опасным является путь на гор. Прилуки через село Черняховку, с обходом населенных пунктов, занятых немцами.

Из этого села мы ушли на следующий день, не будучи никем задержаны. Я и Власов ночевали здесь у одной старухи, имевшей сына и дочь, а Свердличенко ночевал у человека, которого мы накануне встретили в лесу. Перед уходом я и Власов отдали Любченко на хранение свои пистолеты и документы, за исключением удостоверений личности. Кроме того, Власов оставил себе партийный билет. Отдавал ли какие-нибудь документы Свердличенко, мне неизвестно, но я знаю, что при нем все время находился партийный билет.

Я помню такой случай. Когда Свердличенко находился на ночевке в Соснове, в дом зашел немецкий солдат, потребовавший у хозяйки сало, молоко и яйца, но последняя отказалась дать ему продукты, заявив, что ничего не имеет. Солдат ударил женщину пистолетом и ушел, не обратив внимания на находившегося в доме политрука.

Из Сосновы мы направились в дер. Черняховку, но в нее не заходили и, переночевав в поле, пошли дальше. По дороге проходили через деревни Ганзеровку, Грабаровку, Яблоневку, Дубовый Гай. В трех последних деревнях находились немцы, но на нас никто внимания не обратил. Когда проходили через Ганзеровку, к нам присоединился работник склада 37-й

армии, хорошо известный Власову и Свердличенко. В дальнейшем мы следовали втроем.

Примерно 10 октября 1941 г. мы подошли к селу Верхняя Журавка, близ гор. Прилуки. Так как уже темнело, то решили остановиться здесь ночевать. В селе мы были остановлены одним местным жителем, который потребовал предъявить документы, так как в противном случае он ночевать в селе не разрешит и отведет в немецкий штаб. Кто это был, я не знаю, о себе этот человек не говорил. Мы заявили ему, что ночевать в селе не будем, и, не предъявив документов, ушли. Нас никто не задержал, ночевали мы в поле.

Почти на окраине Прилук мы встретили местного жителя, еврея по национальности, который сообщил нам, что в Прилуках находится штаб какой-то немецкой армии и заходить в город небезопасно. Поэтому Прилуки мы обошли стороной и остановились на ночлег в соседнем селе, где немцев не было. Потом мы проходили через села Сребное, Хмелев, Смелое, Терны. Как я помню, две ночи мы ночевали в селе Добное и одну – в селе Смелое. Немцев здесь не было, хотя ранее через эти села они проходили.

Между 15 и 20 октября, вечером, мы подошли к городу Белополье. В стороне от города мы увидели организованный немцами лагерь военнопленных, где содержалось до 40 человек, охраняемых немецкими солдатами. Не будучи никем задержаны, мы прошли между этим лагерем и городом. В Белополье мы не заходили. В дальнейшем мы следовали через ряд сел, из которых помню Речки, Ястреблинная, Шептуховка, Кромские Быки, по направлению к Курску. Не доходя 80—100 км до Курска, в одном из сел, названия которого я не помню, мы узнали, что здесь находятся военнослужащие Красной Армии. Оказалось, что это партизанский отряд, возглавляемый лейтенантом Красной Армии, фамилию которого я не знаю.

От командира отряда мы узнали, что части Красной Армии находятся в Курске и что нам следует поторопиться, так как Курск готовят к эвакуации.

После встречи с партизанами шедший с нами работник склада 37-й армии ушел вперед, так как считал, что один выйдет быстрее к частям Красной Армии. Близ Курска ушел вперед и Свердличенко, чтобы узнать, где лучше перейти линию фронта. К нам он больше не вернулся.

1 ноября 1941 г. Власов и я вошли в Курск, где встретились с частями Красной Армии. В тот же день мы выехали в Воронеж.

Линию фронта, как таковую, мы не переходили, так как примерно на расстоянии 150–180 км от Курска ни немецких частей, ни войск Красной

Армии мы не встречали. С частями Красной Армии мы встретились лишь по прибытии в Курск 1 ноября 1941 г.

Находясь на оккупированной территории, задержаниям со стороны немцев или оккупационных властей мы ни разу не подвергались. Проходя через населенные пункты, мы не встречали ни старост, ни других представителей немецких властей. Я считаю, что их там еще не было, поскольку мы передвигались за передовыми немецкими частями, и нам в передвижении и в ночлеге в селах никто не препятствовал.

Власов давал высокую оценку действиям частей Красной Армии в районе Киева и заявлял, что, если бы немецкие войска не окружили Киев, они не смогли бы его взять. Успехи немцев он рассматривал как временные и противопоставлял им исторические факты, когда при первоначальных неуспехах в войне русские выходили победителями, высказывал уверенность, что и в настоящей войне Германия будет побеждена.

Когда мы выходили из окружения, никаких отрицательных настроений он не высказывал и только желал быстрее соединиться с частями Красной армии».

Из этого рассказа можно сделать только один-единственный вывод: несмотря на сложности выхода из окружения, генерал Власов целенаправленно шел на восток по тылам противника. Попасты в плен он мог элементарно, но, судя по всему, даже малейшей возможностью для этого Власов просто не воспользовался.

Обратите внимание: Власов начинает выход из окружения со штабом, затем после разделения на группы лично сам возглавляет группу из 30 человек и в результате выходит к своим вдвоем с походно-полевой женой!

Один из фронтовых корреспондентов, знавший Власова лично, вспоминал после войны: «И донныне не ясно, каким образом он, по его словам, больной, был вынесен из окружения солдатами на шинели. Это 500-то километров до Курска!»

После проверки в особом отделе НКВД А.А. Власова назначают заместителем командующего войсками Юго-Западного фронта по тылу все в том же ноябре 1941-го. Но должность Власов не исполняет, так как находится на излечении в госпитале. Некоторые историки пишут о ранении, но на самом деле у него было банальное воспаление среднего уха.

Находясь в плену, Власов любил «козырять» знаменательным днем в своей жизни – встречей с И.В. Сталиным, которая, по его словам, состоялась в ноябре 1941 г. Кстати сказать, об этом пишут все авторы – биографы А.А. Власова, ссылаясь на воспоминания В. Штрик-Штрикфельдта «Против Сталина и Гитлера».

Там есть такой эпизод:

«Я помню его рассказ о знаменательном для него дне в ноябре 1941 года, когда Сталин назначил его командующим 20-й армией и поручил остановить движение немцев под Москвой. Он описал напряженное ожидание в приемной, сам прием, подозрительность и сдержанность диктатора, доклады генералов о положении на фронте и затем четкое решение Сталина:

– Я не могу дать вам много солдат, Власов, но порядочно – бывших заключенных. И я даю вам, как и другим моим генералам, полную свободу действий в борьбе с захватчиками. Вы несете и „ответственность“».

В книге «Два лица генерала Власова» Н. Коняев пишет: «Сам Власов утверждал в разговоре с В. Штрик-Штрикфельдтом, что 10 ноября 1941 г. состоялась его первая встреча с И.В. Сталиным. На прием Власова вызвали вместе с Василевским и Шапошниковым».

Дату 10 ноября повторяет и Ф.Д. Свердлов в книге «Советские генералы в плену». К.М. Александров в монографии «Офицерский корпус генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945» пишет о середине ноября. Но если мы полистаем журнал посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете (исторический архив 1996 г. № 2–4, АПРФ. Фонд 45, опись 1, дело 412, 414, 415, 416, 417), то можем узнать, что с 3.30 9 ноября 1941 г. до 01.00 15 ноября 1941 г. Сталин никого не принимал.

А.А. Власов встречался со Сталиным всего два раза.

Первый раз 11 февраля 1942 г. он находился с вождем, по сути, наедине с 22.15 до 23.25 – целый час и 10 минут, а через 20 минут после его ухода Сталин принял Маленкова, Ворошилова и Молотова...

Второй раз Власов попал к Сталину 8 марта 1942 г. и находился у него с 22.10 до 24.00 вместе с Шапошниковым, Василевским, Жигаревым, Новиковым, Головановым. До их прихода у вождя уже сидели Ворошилов, Молотов, Берия и Маленков.

Таким образом, 10 ноября – дата, выдуманная самим Власовым. Но зачем и с какой целью – непонятно. Вероятнее всего, ноябрьская встреча с вождем – не что иное, как алиби Андрея Андреевича. Ведь в ноябре он сам лежал в госпитале и в это же время (20 ноября) был назначен командующим 20-й армией Западного фронта.

В двадцатых числах 20-я армия находилась в стадии формирования, а ее Военный совет, желая видеть своего командующего, разыскивал его.

На запрос Главного управления кадров из штаба Юго-Западного фронта пришел вот такой телеграфный ответ:

«Генерал-майор Власов сможет быть направлен не ранее 25–26 ноября связи продолжающимся воспалительным процессом среднего уха.

Начальник штаба ЮЗФ Бодин

Зам. нач военсанупра ЮЗФ Бялик-Васюкевич».

Генерал Сандалов вспоминает в своих мемуарах, что при назначении его на должность начальника штаба 20-й армии он поинтересовался у маршала Шапошникова: «А кто назначен командующим армией?» – «Недавно вышедший из окружения командующий 37-й армией Юго-Западного фронта генерал Власов, – ответил Шапошников. – Но учтите, что он сейчас болен. В ближайшее время придется обходиться без него...» Отсутствие А.А. Власова «в ближайшее время» затянулось по меньшей мере на весь период контрнаступления под Москвой. В плену Андрей Андреевич будто навсегда забудет об этом: «Я делал все от меня зависящее для обороны столицы страны. 20-я армия остановила наступление на Москву и затем сама перешла в наступление. Она прорвала фронт германской армии, взяла Солнечногорск, Волоколамск, Каховскую, Середу и др., обеспечила переход в наступление по всему московскому участку фронта, подошла в Гжатску». Но все было не так.

В конце ноября, когда противник исчерпал свои наступательные возможности и не успел закрепиться на достигнутых рубежах, Ставка ВГК вернулась к идее контрнаступления под Москвой. Стратегический замысел контрнаступления был разработан на основе предложений военных советов фронтов и указаний Ставки. В качестве ближайшей цели операции ставилась задача разбить ударные группировки противника, действовавшие севернее и южнее Москвы. Тем самым устранялась непосредственная угроза столице. А дальнейшая цель определилась уже в ходе ее проведения. Она заключалась в нанесении поражения всей группе армий «Центр».

Основную роль в разгроме немецких войск предстояло сыграть Западному фронту, поэтому прежде всего ему были выделены свежие силы – 3 армии, 26 дивизий, 27 бригад, 15 батальонов и другие части.

Поздно вечером 29 ноября Ставка приняла решение о начале контрнаступления, а уже утром 30-го Военный совет Западного фронта представил свои соображения, и план был утвержден.

Ближайшая задача войск Западного фронта заключалась в том, чтобы «...ударом на Клин, Солнечногорск и в Истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловую и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле фронта...»

Контрнаступление предполагалось начать без паузы, чтобы добиться внезапности и не дать противнику возможности создать оборонительное построение своих войск. По разработанному замыслу фронт под командованием Г.К. Жукова наносил одновременно два удара: один – севернее Москвы, другой – южнее (по северной ударной группировке немцев – по сходящимся направлениям на Клин и Солнечногорск силами 30-й, 1-й ударной, 20-й и 16-й армий, а по южной – силами 10-й армии и группы генерала П.А. Белова в направлении Сталиногорск (Новомосковск), Узловая, Елифань, Богородицк).

Основные силы фронта (четыре армии) были развернуты севернее Москвы, на правом крыле, в связи с тем, что там действовала самая сильная танковая группировка противника, наиболее близко подошедшая к столице.

20-я армия получила приказ нанести главный удар в направлении Солнечногорска и во взаимодействии с 1-й ударной и 16-й армиями овладеть городом. 16-й армии предписывалось, перейдя в наступление 7 декабря, силами правого фланга и центра овладеть районом Крюково и далее нанести главный удар на Истринском направлении.

В этот сложный период подготовки армии к боевым действиям генерал Власов так и не прибыл из госпиталя. Не появился он и в начале декабря, не появился и до середины месяца. Но это фактически, а теоретически, то есть по документам, генерал-майор А.А. Власов с 20 ноября, как положено, командовал своим объединением... Нет, Андрей Андреевич не спешил...

Таким образом, весь груз ответственности ложился на его начальника штаба генерал-майора Л.М. Сандалова. Леонид Михайлович Сандалов в отличие от Власова был образованным и опытным генералом, блестящим штабистом.

В 1934 г. он закончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, в 1937 г. – Академию генерального штаба.

В июне 1941 г. полковник Сандалов – начальник штаба 4-й армии, а затем до июля – ее командующий. С июля по август он уже начальник штаба Центрального фронта, а с октября по ноябрь – Брянского.

Начальником штаба 20-й армии он был официально с декабря по сентябрь 1942 г.

В этом плане Власову повезло. Ведь в период его отсутствия армией командовал Сандалов. Именно ему всего лишь за несколько суток до начала операции пришлось создавать соответствующую группировку войск, доводить до нее задачи, организовывать взаимодействие с соседями, решать вопрос с подвозом боеприпасов, горючего и т. д., но это были не все трудности.

В войсках не хватало танков и артиллерии, остро ощущалась неуккомплектованность частей и соединений людьми. Малочисленность артиллерии не позволяла сводить ее в мощные артиллерийские группировки, а маневр ее затруднялся нехваткой средств тяги, особенно необходимой в условиях снежной зимы.

Из-за нехватки боеприпасов артподготовку пришлось планировать продолжительностью до 30 минут, что совершенно не обеспечивало надежного подавления обороны противника. И тем не менее Ставкой делалось все возможное по материально-техническому обеспечению войск.

К началу контрнаступления войска получили более двух боекомплектов снарядов и мин, свыше двух с половиной заправок горючего и в среднем пять с половиной суточных норм продовольствия.

Утром 6 декабря ударные группы Западного фронта атаковали врага. В контрнаступление перешли армии правого крыла Западного фронта (30-я, 1-я ударная, 20-я, часть сил 5-й; 16-я армия – 7 декабря), сразу после контрудара на завершающем этапе оборонительного сражения, без оперативной паузы.

Началась Клинско-Солнечногорская операция с шириной фронта до 220 км. Глубина ближайшей задачи определялась до 40 км.

3-я и 4-я танковые группы, часть войск 4-й армии противника, противостоящие на этом направлении, стремились закрепиться вдоль Ленинградского и Волоколамского шоссе и предпринимали яростные контратаки.

12

20-я армия (331-я, 352-я стрелковые дивизии; 28, 35 и 64-я стрелковые бригады; 24-я и 31-я танковые бригады) наступала на Солнечногорском направлении. С утра 6 декабря она значительной частью своих сил вела бой за Красную Поляну – основной узел сопротивления немцев на пути к Солнечногорску.

После ликвидации Краснополянской группировки противника армии

предстояло нанести главный удар в стык 3-й и 4-й танковых групп немцев.

8 декабря Красная Поляна была освобождена частями 331-й стрелковой дивизии и 28-й стрелковой бригады, а к исходу 9 декабря 20-я армия, развивая наступление, вышла на подступы к Солнечногорску. Ее продвижение было быстрым – до 8 км в сутки. Уже 12 декабря 31-я танковая бригада и подошедшая 35-я стрелковая бригада ворвались в Солнечногорск и в тот же день во взаимодействии с 55-й стрелковой бригадой (1-й ударной армии) разгромили противника и вошли в город.

Далее, западнее Солнечногорска, войска 20-й армии преследовали 11-ю и 5-ю танковые, 106-ю и 35-ю пехотные дивизии противника.

Продвигаясь по лесистой местности и преодолевая глубокий снег, 20-я отставала от 30-й и 1-й ударной армий.

15 декабря на левом фланге армии 28-я стрелковая бригада форсировала северный рукав Истринского водохранилища и установила связь с войсками 16-й армии.

Теперь основные усилия были сосредоточены на овладении Волоколамском.

19 декабря части группы генерала Ф.Т. Ремизова (17-я стрелковая бригада, 44-я кавалерийская дивизия, 145-я танковая бригада), нанося удар с севера, во взаимодействии с 64-й стрелковой бригадой (20-й армии) овладели селом Пушкиари (1 км севернее Волоколамска).

Тем временем к северо-восточным и юго-восточным подступам города подходила группа генерала М.Е. Катукова и 331-я стрелковая дивизии 20-й армии.

Именно в этот день – 19 декабря в первый раз появился сам командующий генерал-майор Власов. Точнее сказать, нарисовался!

Генерал Сандалов о первом посещении Власовым штаба 20-й армии напишет в своих мемуарах:

«Сокрушительный удар дивизии Короля и групп Ремизова и Катукова стоил неприятелю больших потерь, смял его оборонявшиеся части и принудил их к отходу.

Наступая на пятки отходившего в Волоколамск противника, нанося ему фланговые удары лыжными отрядами, 331-я дивизия Ф.П. Короля подошла утром 19 декабря к восточным предместьям Волоколамска.

В полдень 19 декабря в с. Чисмены начал развертываться армейский командный пункт. Когда я и член Военного совета Куликов уточняли на узле связи последнее положение войск, туда вошел адъютант командующего армией и доложил нам о его приезде. В окно было видно,

как из остановившейся у дома машины вышел высокого роста генерал в темных очках. На нем была меховая бекеша с поднятым воротником, обут он был в бурки. Это был генерал Власов. Он зашел на узел связи, и здесь состоялась наша первая с ним встреча. Показывая положение войск на карте, я доложил, что командование фронта очень недовольно медленным наступлением армии и в помощь нам бросило на Волоколамск группу Катюкова из 16-й армии. Куликов дополнил мой доклад сообщением, что генерал армии Жуков указал на пассивную роль в руководстве войсками командующего армией и требует его личной подписи на оперативных документах. Молча, насупившись, слушал все это Власов. Несколько раз переспрашивал нас, ссылаясь, что из-за болезни ушей плохо слышит. Потом с угрюмым видом буркнул нам, что чувствует себя лучше и через день-два возьмет управление армией в свои руки полностью. После этого разговора он тут же на ожидавшей его машине отправился в штаб армии, который переместился в Нудоль-Шарино».

20 декабря немцы были выбиты из Волоколамска.

Такие вот бывают казусы в истории вообще и военной – в частности.

25 декабря наступление было приостановлено. Клинско-Солнечногорская операция закончилась, а буквально за несколько дней до этого командующий 20-й армией наконец-то занял свое рабочее место.

Затишье было временным.

Уже 5 января 1942 г. состоялось заседание Ставки ВГК с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б). На нем выступил Верховный главнокомандующий И.В. Сталин. В частности, он сказал: гитлеровцы «в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Противник хочет выиграть время и получить передышку... Наша задача состоит в том... чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны...»

После обсуждения Ставка приняла решение продолжать наступление. А 6 и 9 января Военный совет Западного фронта своими директивами нацеливал войска на удар в направлении на Вязьму.

Армии правого крыла должны были наступать из района Волоколамска на Гжатск, а армии Центра – в обход Можайска с юга. Главная роль отводилась силам левого крыла. После разгрома Кондрово-Юхновско-Медынской группировки врага им предстояло продвигаться в

северо-западном направлении непосредственно на Вязьму в целях окружения и разгрома совместно с Калининским фронтом основных сил группы армий «Центр».

10-я армия обеспечивала действия этих войск с запада и юго-запада. 20-я армия, наносившая главный удар, была усилена за счет войск 1-й ударной и 16-й армии – 2-м гвардейским кавкорпусом генерала И.А. Плиева, одной кавалерийской дивизией, четырьмя стрелковыми бригадами, пятью артиллерийскими полками и двумя дивизионами реактивной артиллерии.

Она, как и фронт, действовала в одноэшелонном оперативном построении. Кавкорпус, усиленный 22-й танковой бригадой и пятью лыжными батальонами, составил эшелон развития успеха (подвижную группу). Кроме этого, был создан армейский резерв (две стрелковые бригады) и артиллерийская группа (два полка РВГК и один гвардейский минометный дивизион). С воздуха армию поддерживала одна авиадивизия и один бомбардировочный полк.

В полосе армии превосходство над противником обеспечивалось в следующем соотношении: по людям – 3,2: 1, по орудиям – 3,5: 1; по минометам – 4: 1 и по танкам – 2: 1.

Оно стало еще большим в результате сосредоточения основных сил и средств на 8-километровом участке прорыва, составившем менее половины всей армейской 20-километровой полосы наступления. Здесь действовали две стрелковые дивизии, шесть (из восьми) стрелковых бригад, все танковые бригады. В полосе армии расположился и 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Утром 10 января 1942 г. после полуторачасовой артподготовки, в которой участвовало до 74 процентов всей артиллерии, 20-я армия перешла в наступление. Артиллерийский огонь сначала был открыт на вспомогательном направлении в 8 часов, а в 9 часов – на главном, чтобы ввести противника в заблуждение. Однако эффективность оказалась невысокой, так как многие цели оказались неподавленными, особенно в глубине.

В 10 часов 30 минут стрелковые части при поддержке танков атаковали позиции 35-й немецкой пехотной дивизии. Шел сильный снег, и авиация в таких условиях работать не могла. Из-за недостатка боеприпасов слабо поддерживала артиллерия. Только к 12 часам полки 352-й дивизии ворвались в деревню Тимонино, а группа генерала Ф.Т. Ремизова (17-я стрелковая и 145-я танковая бригады) овладела сильным опорным пунктом Захарино.

В первый день войска 20-й армии на направлении главного удара

продвинулись на 2–3 километра, а в последующие два дня – еще на 6–7 километров.

С утра 13 января в прорыв была введена армейская подвижная группа.

Однако до 15 января успех развивался медленно. За пять суток войска преодолели только 16 км. В последующем темпы их продвижения на отдельных направлениях достигали до 5–8 км в сутки.

В ночь на 16-е немцы начали отходить.

За семь дней 20-я армия продвинулась до 30 км, однако большие потери и вывод 1-й ударной и 16-й армий из сражения не дали возможности развить успех. В третьей декаде января войска Западного фронта встретили организованное сопротивление противника во всей полосе наступления. С 25 января он начал предпринимать сильные контратаки, и наступление правого крыла Западного фронта прекратилось.

Начатое силами трех армий, оно теперь велось лишь одной 20-й армией, полоса действий которой расширилась вдвое – до 40 км, а тактические и оперативные плотности резко снизились.

Считается, что незавершенность операции стала возможной прежде всего из-за переоценки Ставкой ВГК первоначального успеха. А вывод из сражения 1-й ударной и 16-й армий лишь ослабил наступление (Управление 16-й армии было переброшено под Сухиничи, а ее войска вошли в состав 5-й армии).

Таким образом, несмотря на отсутствие А.А. Власова в армии на фронте до конца декабря 1941 г. (19-го – первое появление), по сути, весь период Клинско-Солнечногорской операции, ему улыбнулась, что называется, удача.

13 декабря 1941 г. газета «Известия» поместила портреты девяти военачальников Западного фронта, чьи армии отличились в сражении на подступах к столице. Среди них – фотография Власова. Сообщение «В последний час» рассказывало о «провале немецкого плана окружения и взятия Москвы». Так Андрей Андреевич стал «Сталинским полководцем»!

24 января 1942 г. Власову присваивают воинское звание генерал-лейтенант, а 1 февраля – награждают орденом Красного Знамени.

13

Адъютантом у генерала Власова был некий майор Кузин. В декабре 1941 г. его направили в распоряжение отдела кадров 20-й армии, а по прибытии назначили на должность адъютанта. Летом 1943 г. его

допрашивали в органах контрразведки, как и многих других, кто лично знал Власова.

Кузин отметил у своего командующего, прежде всего, вспыльчивость и грубость со своими подчиненными.

В частности, он показал:

«Бывали случаи, когда не только он изругает начальника отдела, а форменным образом выгонял из кабинета.

Власов очень самолюбив, считал, что только он способен и может работать, а остальных командиров без стеснения называл лодырями и дармоедами, такое отношение было у него к командирам в 20-й армии и во 2-й ударной армии.

Власов очень щедрый на государственные средства для расходования на свои личные нужды и экономил свои личные средства.

Власов, работая в 20-й армии, считался, уважал и хорошо отзывался как о военном работнике только о начальнике штаба армии генерал-майоре Сандалове.

Успехи 20-й армии под Москвой по разгрому немцев вскружили ему голову, и особенно после того, как он был вызван в Москву. После приезда из Москвы при встрече с командирами дивизий, а также тем, кто к нему приезжал, он рассказывал, что был у тов. Сталина, что его приняли хорошо и что он внес ряд предложений, которые тов. Сталин одобрил. Этим самым разговором он давал понять, что с ним считаются, что слово его закон, и при крупных разговорах с подчиненными он употреблял выражение, что он может „с землей смешать“. К подчиненным Власов был очень требователен, а иногда жесток, это создавало видимость, что он дисциплинированный, но всему этому противоречило его поведение к начальникам, вышестоящим над ним.

Я слышал разговор Власова по прямому проводу с командующим фронтом тов. Жуковым. По разговору я понял, что тов. Жуков ругал Власова. Власов разговаривал вызывающе и бросил реплику: „Может, армию прикажете сдать?“ – а потом добавил, что он лично назначен тов. Сталиным, и когда кончился разговор, он свою злобу вылил в форме матов по адресу тов. Жукова.

Кроме того, когда поступали распоряжения из фронта и их докладывали Власову, то он смотрел поверхностно и вставлял слова, что, сидя от фронта за 100 км, можно рассуждать, а здесь надо думать. В феврале 1942 г. в 20-ю армию прибыл тов. Жуков и после своей работы принял решение остаться ночевать, а потом изменил свое решение и ночью

выехал. После отъезда тов. Жукова Власов в виде шутки высказывал, что он начальнику рассказал, что штаб армии подвергается артобстрелу каждой ночью, и начальство не замедлило с отъездом.

Несколько раз я слышал, что Власов рассказывал тов. Сандалову и другим о тов. Жукове, что тов. Жуков просто выскочка, что он способностей имеет меньше, чем занимает положение, и что Власов знает тов. Жукова по работе в дивизии. Когда Власова наградили, тов. Жуков прислал поздравительную телеграмму, Власов прочел и высказал, что тов. Жуков не ходатайствовал о награждении, это помимо его сделано, что тов. Жуков помнит Власову за инспекцию дивизии».

Показаниями адъютанта подтверждается факт встречи Власова со Сталиным. Именно 11 февраля 1942 г., а не 10 ноября 1941 г.: «Успехи 20-й армии под Москвой по разгрому немцев вскружили ему голову и особенно после того, как он был вызван в Москву».

Уж очень потом любил Андрей Андреевич козырять этой встречей со Сталиным. Вызывает интерес и отношение Власова к Жукову. С одной стороны, это зависть посредственного генерала, выскочки к личности заслуженной, волевой, одаренной и выдающейся.

Андрей Андреевич, в отличие от Георгия Константиновича, до сих пор никак и ничем не отличился. Как военачальник он себя не проявил. Поэтому он плохо отзывался о Жукове за глаза, козырял именем вождя и рассказывал анекдоты и байки. Все это – удел людей ничтожных. Таковым Власов и был.

Характерный пример. 28 января 1942 г. Жуков вызвал на переговоры Власова:

«У аппарата Жуков. Здравствуйте, товарищ Власов.

У аппарата Власов. Здравствуйте, товарищ Главкомандующий, слушаю Вас.

Жуков. Доложите мне, с правого фланга, расположение Ваших частей и артиллерии, танков и что против каждой группировки имеется?

Власов. Докладываю.

Первое. Перед фронтом армии обороняются 7-я и 14-я танковые дивизии и 106-я пехотная дивизия, заранее укрепившие этот рубеж. Имеются блиндажи простейшего типа и местами проволока в 2–3 кола и минные заграждения. Противник имеет свыше 10 танков и 4–5 батарей артиллерии.

Второе. Части армии ведут бой на рубежах: а) группа Гриценко 49-я

стрелковая бригада...

Жуков. Точно где, что у противника и какие наши части действуют, а не вообще, давайте по пунктам.

Власов. Продолжаю, 49-я стрелковая бригада ведет бой за Васильевское... 64-я и 28-я стрелковые бригады захватили с ходу Кузнечиху...

Группа Катукова – 55-я стрелковая бригада ведет бой у Крутицы... Главные силы – 1-я гвардейская и 40-я стрелковые бригады, 4 танка из 1-й гвардейской танковой бригады и 145-й танковой бригады при поддержке 537-го артиллерийского полка ведут бой за Петушки...

331-я и 352-я стрелковые дивизии с 554-м артполком и 3 танками 31-й танковой бригады окружили и ведут бой за Большие и Малые Палатки... 2-й гвардейский кавалерийский корпус главными силами 3-й и 4-й кавалерийских дивизий, поддержанными 2-м гвардейским пушечным артполком, заканчивают окружение Больших Трисел... 20-я кавалерийская дивизия вместе с 35-й стрелковой бригадой ворвались в Быково, были контратакованы противником, выбиты из Быкова и затем вновь ворвались в Быково. Продолжается бой в Быково и в районе Быково.

Третье. На ночь и на 29 января поставлены задачи продолжать уничтожение огневых точек противника и захватить его опорные пункты. Все.

Жуков. Где же у Вас главный удар?

Власов. Главный удар наносится на участке Петушки, Большие Триселы, где сгруппированы части группы Катукова, две стрелковые дивизии, главные силы кавкорпуса и 3 полка артиллерии. Все.

Жуков. Какая плотность на километр фронта?

Власов. Докладываю. До трех батальонов и 18 орудий. Кроме того, на этом участке действует вся авиация (на участке Большие Триселы и Петушки), прошу учесть, что подсчет батальонов больше арифметический, нежели реально, так как в некоторых осталось от 30 до 50 человек. Все.

Жуков. Тем более объясните мне, почему Вы избрали такой метод действий, разбросав от Васильевского до Быково артиллерию и пехоту и поставив в ряд против огневых точек конницу? Я не могу разгадать Вашего решения.

Власов. Докладываю: на правом фланге на фронте Васильевское до Аржаники действуют всего лишь три стрелковые бригады с одним артполком и дивизионом РС, которые действуют согласно Вашему приказанию в направлении Зубцов, и главный удар здесь двумя бригадами со всеми указанными средствами усиления наносится от Кучино на Старое

Устиново и далее на Зубцов. Все остальные части сосредоточены на указанном мною рубеже с целью прорваться на нем и действовать в направлении Карманово. Против Крутицы действует 55-я стрелковая бригада, которая имеет всего лишь около 100 бойцов. Для усиления огневой мощи кавалерийского корпуса, а также для прорыва этого участка кавалерийскому корпусу приданы 35-я стрелковая бригада и 1-й гвардейский пушечный артполк. В резерве я имею всего лишь одну 17-ю стрелковую бригаду, которая почти не имеет ударной силы. Укомплектование людским составом задерживается, так как предназначенные эшелоны с пополнением до сего времени не прибыли, между тем как потери части несут большие. Все.

Жуков. Не понял вас. Почему Вы упорно атакуете противника, расположенного в крупных населенных пунктах. При этом пункты, имеющие хорошие обстрел и взаимную огневую связь, и что Вам обещает это направление, имеющее, как известно по карте, массу населенных пунктов, почему Вы, например, не наступали на участке: Пустой Вторник, Аржаники, где по нашим и по Вашим [данным] противника нет, где он охраняется только разведкой?

Власов. Отвечаю: на участке Пустой Вторник, Аржаники противник вдоль дорог от Пустого Вторника до Аржаников, по разведанным, имеет также ряд блиндажей, кроме того, этот район минирован и охраняется противником, к этому рубежу очень трудно подойти, так как совершенно отсутствуют дороги, а снежный покров достигает свыше 60 см и совершенно недоступен для действий артиллерии. Все.

Жуков. А участок Егорьевское, Митрофановское тоже минирован и тоже недоступен?

Власов. Данных о том, что этот участок минирован, нет. Мины встречаются лишь только по дорогам. Все.

Жуков. А что бы сказал Суворов на Вашем месте, если бы он увидел перед собой 60 см снега, остановился бы или нет?

Власов. Конечно, он пошел бы вперед. Только прошу учесть, перегруппировка сейчас частей, особенно артиллерии, займет большое количество времени. Прошу разрешения завтра, улучшив взаимодействие артиллерии, авиации [с] танками и пехотой, прорваться на доложенн[ые] мною Вам рубежи, и если эта попытка не увенчается успехом, тогда немедленно произведем группировку, согласно Вашим указаниям. Все.

Жуков. Я убежден, что успех может быть достигнут только прорывом по местности, не имеющей населенных пунктов, хотя бы вне дорог. И не верю в возможность прорыва той группировки, в которой наступают Вы, а

потому Вам надлежит перейти к обороне небольшими заслонами против населенных пунктов с гарнизонами, а главные силы немедленно вывести в двух направлениях: главный удар [...] между Пустой Вторник, Аржаники на Новая Трутня, обходя врага южнее Кузнечиха, Хмельки и далее по обстановке. Если нет дорог на этом направлении – немедленно делать, бросив туда саперов и население. Вспомогательная группа [...] оставив против Васильевского усиленную роту и усиленный батальон на фронте Кузнечиха, Кучино, все три бригады провести на Юрьевское, обходя Долгие Нивы с севера. Для гарантии ликвидации возможных небольших диверсий оставить небольшие резервы в районе Кучино, в районе Петрово, Кроватово. Уверяю Вас, у цели Вы будете в десять раз скорее, и меньше будет потерь. Передовые отряды по этим направлениям выслать не позже утра. Отряды должны быть сильные, могущие разбивать разведку и прикрытие; послать смелых, хороших командиров. Обещать им за блестящее выполнение ордена Ленина и всему командному составу и бойцам – также правительственные награды, артиллерии там много не потребуется, мы тактически операций пока что не выигрываем, ставку нам нужно ставить на оперативное искусство, создавая угрозу обходами и окружением, чего противник боится, и, наоборот – противник не боится Ваших наступлений по дорогам. Как Вы думаете по этим вопросам?

Власов. Докладываю: сейчас бой продолжается, населенные пункты обходятся и окружаются, я прошу дать закончить бой и перегруппировку указанного Вами направления произвести с завтрашнего дня, а сильные передовые отряды вышлю утром. Все.

Жуков. А что Вы вышлете?

Власов. По усиленному батальону от групп Гриценко и Катукова с ротами лыжников. Все.

Жуков. Ничего не выйдет. Согласен обождать день, чтобы Вы убедились, что кроме потерь у Вас ничего не получится, а передовые отряды выслать Долгие Нивы не менее бригады с ротой лыжников на Новую Трутню, в обход Аржаники через Коркин, стрелковую бригаду, усиленную двумя лыжными батальонами, два забрав, если у Вас нет, у Плиева, – поставить хотя бы пару орудий и тяжелых минометов на санях из района Триселы. Я Вам советую, пока не поздно, вообще снять конницу и пустить эти две дивизии в обход Быково на Барники и далее в обход Самуйлово с севера [на] Триселы. Если там действительно батальон, артиллерия и танки, такая малочисленная конница не возьмет. Все. Должен Вам сказать, что Военный совет фронта и Ставка Верховного Главнокомандования ожидали от 20-й армии большего, и нам очень

неприятно видеть 20-ю армию в таком положении. Я думаю, все это произошло потому, что указание, которое Вам твердилось о прорыве кулаком, Вы не выполнили, игнорировали. Видимо, посчитали указание для себя недостаточно авторитетным, кабинетным – и это Ваша ошибка. Тяжелый полк большой мощности Вы не использовали, а им Вы могли разогнать какого угодно противника. У меня все.

Власов. Есть, приступаю [к] немедленному выполнению. Все. До свидания...»

В этих переговорах очень хорошо виден стиль двух генералов совершенно разного масштаба. Жуков – волевой военачальник, грамотный, быстро разбирающийся в оперативных вопросах.

Власов при ответах теряется. Несколько пасует перед Жуковым. В его докладе нет конкретности. Все в общем. Именно поэтому Георгий Константинович требует доклада по пунктам.

В разговоре вызывают недоумение слова Жукова: «Я не могу разгадать вашего решения».

А ведь Власов не смог создать кулака на участке прорыва, да и прорыв, собственно, организовал не там, где его можно было осуществить. Он разбросал артиллерию и не использовал ее по назначению. Он разбросал пехоту и поставил в ряд против огневых точек конницу. 20-я армия атакует противника в крупных населенных пунктах вдоль дорог. Атакует упорно, но неумно, с потерями. Жуков этого просто не мог понять. И он предлагает Власову действовать по-суворовски – прорывом вне дорог, где противника нет, используя лыжные батальоны, способные преодолеть снежный покров в 60 см.

30 января Жуков вновь выходит на связь с Власовым:

«У аппарата командующий Жуков.

У аппарата генерал-лейтенант Власов.

Жуков. Доложите, как у Вас идут дела?

Власов. Докладываю.

Первое. В течение дня 29 января части армии производили на своем правом крыле перегруппировку, согласно Вашему указанию, для наступления на Юрьевское и на левом крыле для наступления [на] Быково, Самуйлово. Одновременно в центре группа Катукова [с] 352-й и 331-й стрелковыми дивизиями, поддержанная тремя артполками пушечными и одним большой мощности, вели упорные бои. Части врывались в Малые Палатки и Петушки, однако закрепиться [в] этих пунктах не смогли.

Второе. Решил: обходом оборонительного рубежа противника севернее Аржаники частями 331-й стрелковой дивизии и группы Катукова и ударом 2-го гвардейского кавкорпуса [с] направлением на Быково, Самуйлово окружить и уничтожить противника...

Жуков. Мне кажется, что конница не получит никакого результата и [в] направлении Самуйлово она не пробьется, не лучше ли держать ее в готовности в направлении за главной группировкой. Много [сил] остается у Вас на фронте для сковывания за счет ослабления ударного кулака, не лучше ли сократить силы с фронта до минимума, увеличив соответственно ударную группу. Время на подготовку наступления Вы не дали, значит, наступление должно идти вслепую, без разведки, без артиллерийского наступления, без взаимодействия?

Власов. Докладываю.

Первое. Если не удастся завтра наступление конницы, прошу разрешить вывести ее во второй эшелон.

Второе. На фронте для сковывания остаются 352-я стрелковая дивизия, в которой, как я уже докладывал Вам вчера, осталось около 150 штыков ударной силы, и 35-я с 28-й стрелковые бригады примерно такого состава; учитывая относительно сильные гарнизоны в обороне противника и активность его контратак, взять из оставленных частей [в] ударную группу опасно.

Третье. Разведка и организация взаимодействия для наступления ударной группы проводилась сегодня огнем. Артиллерийское сопровождение организовано лишь отдельными орудиями на санях непосредственно с пехотой. Все...

Жуков. Не лучше ли в течение завтрашнего дня провести особо тщательную подготовку к прорыву с целью: точно установить места гарнизонов и план их уничтожения ночью; подготовить днем хороших проводников, подготовить исходные места и пройти тот промежуток ночью; саперами разминировать скрытно подходы и подготовить дороги. Отработать задачи на местности в течение дня с командным составом, провести маршруты, чтобы ночью двигаться по этим проверенным маршрутам. Это предложение имеет свои минусы. Противник может разгадать Ваш план и повести контрподготовку, но до этого в течение дня можно вести бой за уничтожение опорных пунктов Петушки и Палатки... Правофланговая группировка может действовать завтра, она потянет часть сил, а этим Вы воспользуетесь во время прорыва по Аржаникам и Пустому Вторнику. Вам нужно дать уничтожающий огонь. Как Ваше мнение?

Власов. Докладываю: так, как Вы советуете, несомненно, даст больше

пользы, поэтому принимаю все Ваши указания как приказ и приступаю к исполнению. Все.

Жуков. Конницу при неудаче завтрашнего дня перебрасывайте за главной группировкой. Проверьте сами все на местности.

Власов. Все будет сделано».

Следующие переговоры только подтверждают низкий уровень оперативной подготовки у генерала Власова, его слабое представление об организации прорыва обороны противника. А ведь он уже считается одним из военачальников наступления! Но только на газетных полосах!

В действительности А.А. Власов не может или не хочет сократить силы с фронта до минимума, чтобы увеличить ударную группу. Наступление планирует вслепую, без разведки, без артнаступления, без взаимодействия. И Жукову ничего не остается как предложить организовать прежде тщательную подготовку и только потом наступать. Власов соглашается как с мнением авторитетным.

Характерно, что 28 января 1942 г. Георгий Константинович подписал боевую характеристику на генерал-лейтенанта Власова Андрея Андреевича – командующего войсками 20-й армии:

«Генерал-лейтенант Власов командует войсками 20-й армии с 20 ноября 1941 г.

Руководил операциями 20-й армии: контрударами на город Солнечногорск, наступлением войск армии на Волоколамском направлении и прорывом оборонительного рубежа на р. Лама.

Все задачи, поставленные войскам армии, тов. Власовым выполняются добросовестно.

Лично генерал-лейтенант Власов в оперативном отношении подготовлен хорошо, организационные навыки имеет. С управлением войсками армии справляется вполне.

Должности командующего войсками армии вполне соответствует.

Командующий войсками
Зап. фронта генерал армии (Жуков)
Член Верховного Совета
Зап. фронта (Хохлов)
28 января 1942 года».

Некоторые писатели и историки, ссылаясь на этот документ, считают, что Жуков дал Власову блестящую характеристику. Между тем в ней нет

ничего блестящего. Более того, она написана сухо, даже чрезвычайно сухо и больше напоминает отписку.

Слова «добросовестно», «хорошо», «имеет», «вполне» почти ни о чем не говорят. Обычно такие тексты пишут тем, кому нельзя написать совсем плохо.

14

А теперь вернемся к показаниям майора Кузина:

«За время моего наблюдения за Власовым я убедился, что он не мог терпеть евреев, он употреблял выражение „евреи атаковали военторг“ и т. п., и он форменным образом разогнал работников военторга, по национальности евреев. Власов говорил, что воевать будет кто-либо, а евреи будут писать статьи в газеты и за это получать ордена.

Власов не любил комиссаров, приезжая в дивизию, он с комиссаром не говорил, а комиссары отделов штаба армии боялись с ним встречаться, ибо он мог без всякого повода да еще при людях выругать. Во фронтовой газете появилась карикатура на немецких генералов, это было в то время, когда было снято несколько немецких генералов под предлогом болезней и т. д. Власов, рассматривая эту карикатуру, сказал: „Над кем смеетесь, над чем смеетесь? Немецкий генерал уйдет в отставку, он дворником не пойдет, ибо он имеет свой капитал, а если я, Власов, буду снят с работы и уволен, то мне придется работать дворником, ибо специальности, кроме военной, нет, капитала тоже не имею“.

Власов имеет духовное образование, и он часто, сидя один, напевал церковные богослужения».

Далее Кузин коснулся походно-полевой жены Власова.

С первых дней присутствия адъютанта командующий предупредил его, что с ним живет жена. Агнесса Павловна – она же и доктор и начальник медпункта при штабе (старший врач медпункта штаба).

Вот как ее характеризует Кузин:

«П. (Подмазенко) чувствовала себя хозяйкой, она в медпункте почти и не находилась, работал фельдшер, а П. занималась военторгом и АХО, чтобы были духи и прочее. Кроме этого, она набиралась нахальства отдавать приказания коменданту штаба, а также имела способность наклевать на работников штаба, а Власов считал это нормальным явлением. В феврале месяце 1942 г. она уехала в город Саратов».

27 января Агнесса Павловна была демобилизована по беременности и уехала к родным. Самое интересное, что после ее отъезда Власов в тот же день привел (перевел – то же самое) личного повара из военторга Марию Игнатьевну. Незаменимых людей не бывает.

Майор Кузин: «Сама она из Белоруссии, проживала она около Витебска. Она считалась поваром-инструктором при военторге, а фактически не работала. Она почувствовала хорошее отношение Власова к ней, частенько устраивала истерику, а Власов за ней ухаживал, как за ребенком».

Думаю, что в женщинах Власов знал толк гораздо больше, чем в оперативных вопросах. И тем не менее в конце февраля 1942 г. Андрея Андреевича готовят на повышение. С этой целью кадры ЦК ВКП(б) проводят соответствующую проверку и представляют материал Сталину.

Справка

на командующего армией

тов. Власова А.А.

Тов. Власов родился в 1901 г. в семье кустика-портного, имеющего середняцкое сельское хозяйство в дер. Ломакино Гагинского района Горьковской области. Член ВКП (б) с 1930 г., русский, служащий.

В 1915 г. т. Власов окончил Нижегородское духовное училище, после чего два года, до 1917 г., учился в Нижегородской духовной семинарии на правах иносословного (то есть недуховного звания, как он пишет в автобиографии). В 1917 г., после Октябрьской революции, поступил в 11-ю Нижегородскую трудовую школу II ступени, которую и окончил в 1919 г. С 1919 г. по 1920 г. он учился на 1-м курсе агрономического факультета Нижегородского государственного университета, откуда был призван в Красную Армию. В 1920 г. он окончил Нижегородские краткосрочные пехотные командные курсы. С 1928 по 1929 г. учился и окончил Высшие стрелково-тактические курсы «Выстрел» в г. Москве и с 1935 по 1936 г. учился на 1-м курсе вечерней Военной академии им. М.В. Фрунзе.

В 1940 г. т. Власову было присвоено воинское звание «генерал-майор», в 1942 г. – звание «генерал-лейтенант».

С октября 1938 г. по ноябрь 1939 г. т. Власов был в Китае, работал

военным советником при оперативном управлении китайской армии. За этот период он характеризуется положительно.

По работе в должности командира полка с 1937 по 1938 г. и по работе в должности командира стрелковой дивизии с 1939 по 1941 г. т. Власов аттестуется всесторонне развитым, хорошо подготовленным в оперативно-тактическом отношении командиром.

99-я стрелковая дивизия, которой командовал т. Власов, на смотровом учении в 1940 г., проводимом наркомом обороны т. Тимошенко, по всем видам боевой подготовки показала хорошие результаты, за что награждена переходящим Красным знаменем Красной Армии. Тов. Власов награжден орденом Ленина.

В 1942 г. т. Власов награжден орденом Красного Знамени за проявленное мужество и отвагу.

Управление особых отделов НКВД отношением за № 4/7796 от 7.11.1941 сообщило, что компрометирующих материалов на т. Власова не имеется.

Зам. зав. отделом кадров НКО
Управления кадров ЦК ВКП(б)
(Жуков)
Зав. сектором Управления
кадров ЦК ВКП(б)
(Фролов)
24. II.42.

В 4-м номере журнала «Источник» за 1998 г. были опубликованы тридцать три письма Андрея Андреевича Власова двум своим женам (Наталья Перемышленникова «Ты у меня одна») – Власовой Анне Михайловне и Подмазенко Агнессе Павловне. В контексте моей книги я не счел нужным приводить их полностью, потому что только выдержки из этих писем могут представлять для нас определенный интерес. Я не берусь судить, кого он больше любил, хотя в письмах это видно: последнюю, вторую, которая была до Марии Вороновой, то есть «жену свежую», помоложе. Но лично мне кажется, что больше он любил конечно же себя. Тем не менее некоторые детали, штрихи отношения генерала к двум женщинам по-своему уникальны и достойны внимания, как показатель

внутренней, духовной двойственности человека, предрасположенного к предательству сначала близкого человека, а потом уже и своей Родины...

Власовой Анне Михайловне

11.12.1941 г.

«О себе напишу, что я сейчас здоров. Ухо у меня поправилось. Стал немного слышать. Врачи обещают слух восстановить полностью (левое ухо). В остальном здоров. Зубы не болят. Пиши, как твое здоровье и как живешь. Получаешь ли деньги и сколько. Пиши, что тебе необходимо. Пришлю посылкой. У меня все есть, о мне не беспокойся. Одет я очень тепло. Шуба, кожанка, валенки – все есть, не беспокойся. Кормят очень хорошо. Вообще наша жизнь теперь стала веселее – главное, бьем фашистов и гоним их без оглядки. Прошли уже те времена, когда они считали себя непобедимыми. Сейчас так удирают, что не поспеваем иногда их догнать. Посмотрела бы ты, как они одеты в женские платья, панталоны, чулки, шубки и в другое разное барахло».

15.1.1942 г.

«Поздравь меня со вторым орденом Красного Знамени. Вообще дело идет очень хорошо. Обо мне не беспокойся, я полностью поправился. Здоров и бодр, как и телеграфировал тебе. Больше меня беспокоит твое здоровье. Береги себя. Коротко о наших вещах. Часть вещей наших вывезена и находится в надежном месте. Об них не беспокойся. Я сейчас одет очень тепло и сшил себе полностью все, что у меня было и во Львове. Вообще обо мне не беспокойся. Нужно тебе сказать, что о нас заботится вся страна. Представь себе, я получаю со всех концов необъятного нашего дорогого отечества посылки на свое имя. Люди, зная меня только по газетам, шлют нам продукты, теплые вещи, и вообще крепко заботятся о нас. Вот, например, вчера мне из Пензы рабочие прислали лично: часы ручные и на них надпись мне, теплые вещи и даже яблоки и вино. При такой заботе трудно жить плохо. Поэтому ничего мне не шли, все у меня есть.

Я скоро немного освобожусь и вышлю тебе посылку, в которой пришлю тебе все то, что ты просишь. Напиши, что тебе надо из вещей».

«Управление военторга Западного фронта

29 декабря 1941 г.

с новым годом.

Командующему армией генерал-майору тов. Власову.

Ассортимент новогодней посылки – подарка от Военного совета Западного фронта.

Икра... 0,5 кг

Балык... 1,0 кг

Шоколадный набор... 5 кор.

Шоколад... 5 плиток

Какао ... 2 бан.

Вино... 1 бут.

Яблоки... 2,0 кг

Коньяк... 6 флак.

Лимоны в сахаре... 1 банка

Папиросы ... 10 кор.

Мыло туалетное... 2 куска

Паста зубная... 2 тюбика

Одеколон... 1 флакон

Белье постельное ... 2 пары

Белье шелковое... 1 пара

Свитер... 1 шт.

Носки шерстяные... 2 пары

Данная посылка приготовлена по приказанию Военного совета Западного фронта.

Начальник военторга Западного фронта интендант 1-го ранга Хотинский».

2.2.1942 г.

«В газетах ты, наверное, уже прочитала – поздравь меня с присвоением очередного звания. Правительство и партия нас награждает за наши даже незначительные дела и ценит нас – это очень дорого. Итак, обо мне не волнуйся и не беспокойся. Я сыт, чист и здоров. О нас заботится вся страна. Одет очень тепло. Зубы не болят, и ухо совсем прошло – слышу нормально, о чем тебе с радостью сообщаю. Дорогая и милая Аня, я прошу тебя, напиши подробнее, как живешь ты. За последнее время, не скрою от тебя, я начал сильно по тебе скучать – ведь не виделись восьмой месяц, – но долг прежде всего. Не унывай. Скоро-скоро уничтожим всю фашистскую нечисть и тогда заживем еще лучше. Лучше гораздо, как после моей длительной командировки. Дорогая и милая Аня! Ты мне

неоднократно писала о вещах. Еще раз тебе сообщаю, что некоторое количество наших вещей удалось спасти и они находятся в надежном месте. После войны все соберем. Меня больше интересует: как ты живешь. Прошу написать подробнее. Одновременно с этим письмом посылаю тебе маленькую посылку. Пиши, что тебе особенно необходимо нужно – вышлю. В Москву мне выезжать некогда. Был у Коли всего один раз, и то несколько минут. Нет времени. Дорогая Аня, у нас с тобой теперь хорошо хоть установилась письменная связь. Пиши почаще. Прошу тебя. Твои письма согревают и вдохновляют меня на новую борьбу с врагом.

Дорогая Аня! Ты, наверное, думаешь, что мне пишут из Ленинграда. Искренно уверяю тебя, как мы расстались с тобой, никто мне ничего не писал, да и я никому не писал, поэтому судьбу их не знаю. Я тебя прошу – будь мне верна. Я тебе до сих пор верен. В разлуке с тобой люблю тебя крепче прежнего. Все плохое позабыл. Вернее, плохое с моей стороны. Ты для меня всегда была святая, и сейчас надеюсь и уверен, что в эти дни, когда мы переживаем опасность ежеминутно, ты всегда и всюду будешь только моя и больше ничья».

6.2.1942 г.

«Дорогая Аня! Я собрал маленькую тебе посылку, в которой вложил немного мыла, сладкого и конвертов с бумагой и марками (...)

Дорогой и милый Аник! К весне все то, что тебе нужно, я достану – лишь бы хорошо работала почта. Если бы ты была немного поближе, тогда, конечно, было бы лучше. Но все же все тебе необходимое достану и вышлю.

Дорогой Аник! Я тебе в том письме писал, что я здесь без тебя крепко скучаю, поэтому бьем фашистов без жалости, чтобы скорее закончить войну победоносно и снова увидеть тебя – мою дорогую и единственную – любимую мою Аню».

14.2.1942 г.

«Ты не поверишь, дорогая Аня! Какая радость у меня в жизни. Я беседовал там с самым большим нашим хозяином. Такая честь выпала мне еще первый раз в моей жизни. Ты представить себе не можешь, как я волновался и как я вышел от него воодушевленным. Ты, видимо, даже не поверишь, что у такого великого человека хватает времени даже для наших личных дел. Так верь, он меня спросил, где у меня жена и как живет. Он думал, что ты в Москве. Я сказал, что далеко, поэтому в Москве и часу останавливаться не буду, а поеду обратно на фронт».

28.2.1942 г.

«Дорогой и милый Аник! Я тебе выслал в разное время три посылочки. Но до сих пор ты о них ничего не пишешь. Видимо, до сих пор ты ни одной из них не получила. Надеюсь, что скоро получишь, ведь сейчас почта стала работать гораздо лучше. Как получишь хотя бы одну посылку, немедленно отвечай. Я послал тебе то, что ты просила».

2.3.1942 г.

«Ты у меня, дорогая Анечка, очень скромная, и за это я тебя люблю всей душой. Душа у тебя, да и вся ты моя – чистая и святая, любящая моя дорогая подруга. Переживала ты и тогда, когда я был в длительной командировке, – переживаешь разлуку и сейчас, но поверь, что скоро разобьем этих мерзавцев, помешавших нам жить мирно, и проживем еще лучшей жизнью.

Дорогой и милый Аник! Я прошу тебя, напиши, что тебе нужно к весне, и я тебе все вышлю с попутчиком. Я, наверное, на днях получу для тебя туфли и еще кое-что я тебе заказал, что поближе от меня. Как получу, пришлю. Сейчас для меня хочется только получить от тебя извещение, получила ли ты мои посылки».

6.3.1942 г.

«Я читал твое письмо и вместе с тем от души смеялся на то, что в посылке не хватило 2 кг весу и что там не оказалось мыла. Дорогой и милый Аник! Кого ты отругала, они не виноваты. Это мы виноваты, поэтому всю ругань твою мы принимаем на себя. Получилось так, что у нас весов не было, и мы вес написали на глазок, вот и ошиблись на 2 кг, а мыло мы запаковали во вторую посылку. Боялись, что мыло испортит то, что мы тебе запаковали. Поэтому, дорогой и милый Аник, не сердись – это виноваты мы. Ты, наверное, уже возможно, остальные две посылки получила, тогда все поймешь. Если же ты их еще не получила, то скоро получишь.(...)»

Если тебе хочется уколоть меня – дело твое. Я много пережил, и дороже тебя у меня и не было, а сейчас и нет на свете. Ты у меня одна. Я тебе уже писал, почему ты мне не разрешаешь писать на твою квартиру – я не знаю, – ты до сих пор мне не ответила. Пойми, что ты у меня осталась одна. Больше у меня нет никого. Твои письма согревают меня и воодушевляют на новые дела. Родина выше всего – за нее все и отдадим до последней капли крови. Люблю тебя крепко».

18.3.42 г.

«Прости, что так долго ничего тебе не писал. Дело в том, что я перешел на новую работу и сейчас нахожусь недалеко от того места, где мы с тобой прожили около 7 лет и откуда эвакуировалась Надя. Дорогой и милый Аник! Когда я переезжал на новое место, то я заезжал к Николаю Павловичу и Тане. (...)

Дорогой и милый Аник! Ты не поверишь, как я счастлив. Самый большой человек в мире еще раз говорил со мной в присутствии его ближайших учеников. Какая радость. И представь, из его уст слышал похвалу о самом себе. Теперь я не знаю, как оправдать то доверие, какое он мне оказывает. Буду работать еще лучше, еще напряженнее».

26.4.1942 г.

«Дорогой Аник! Одиннадцатый месяц мы с тобой разлучены, но мысленно я всегда с тобой. Разобьем проклятых фашистов и заживем по-новому, лучше, чем раньше. Только единственная моя просьба к тебе – береги себя, не волнуйся – я здоров и бодр, чего и тебе от души желаю. Последний раз я так был счастлив, получив от тебя целую грудку писем. (...)

Ты, Аник, не поверишь, как я поправился, это, видимо, от старости, крепко поседел (много седины в башке стало) и полысел, а здоровье крепкое. Ничего не болит. Зубы в порядке. Одним словом, крепко поправился, пополнел и закалился. Сейчас у нас кругом вода – разлив в полном разгаре. Желаю и тебе, главное, здоровья. Крепко обнимаю, прижимаю к груди и крепко и много раз целую свою милую и ненаглядную Аню».

17.5.1942 г.

«Здоровье твое и так достаточно надломленное, и его надо крепко беречь. Я всегда тебе об этом писал, но ты никогда меня не слушала и последние события тебя особенно расстроили. Я знаю, ты всегда за всех болеешь душой, а о себе абсолютно никак не беспокоишься. Я даже думал тебя действительно взять даже к себе. Но это было бы большой моей ошибкой. Всех наших военных „прелестей“ ты, конечно, с твоим здоровьем не переживешь, и я бы тебя только этим быстрее угробил. Дорогая моя, любимая и родная Аня! Как тебе там ни тяжело, но пойми, что переживают люди на войне, это не поддается описанию. Эта война особенно жестока.

Сволочи фашисты ведь решили совсем варварски стереть с лица земли наш могучий народ. Конечно, это их бредни. Конечно, мы уничтожим эту гадину. Но пойми, что сейчас война идет жестоко. По крайней мере твое

сердце не выдержит. Поэтому я буду очень рад, если ты будешь в Ломакине и всех этих ужасов не увидишь. Я мужчина и, как тебе известно, всю свою жизнь солдат и немного поседел и полысел, но думаю, что ты меня за это не разлюбишь. Так, что ли? Вот как обстоит дело. Потерпи, моя дорогая. Скоро война все же кончится, и тогда заживем еще лучше».

<...>

«Лучше было бы видеть тебя, бесконечно целовать и много говорить о прошедших переживаниях, которые раньше с начала войны были очень и очень тяжелы, потом под Москвой веселые минуты, часы и месяцы разгрома сволочей и свидания с тов. Сталиным, нашим любимым вождем. Эти незабываемые минуты. Он даже меня спросил: где ваша семья? Я, конечно, сказал, и он радовался, что моя жена все же эвакуировалась из этого ада. Вот какой он великий человек. (...)

Одно скажу: ведь недаром я получил звание генерал-лейтенанта и орден Красного Знамени, и я два раза лично беседовал с нашим великим вождем. Это, конечно, так не дается. Тебе уже, наверное, известно, что я командовал армией, которая обороняла Киев. Тебе также известно, что я также командовал армией, которая разбила фашистов под Москвой и освободила Солнечногорск, Волоколамск и др. города и села, а теперь также командуя еще большими войсками и честно выполняю задания правительства и партии и нашего любимого вождя тов. Сталина».

Агнессе Павловне Подмазенко

2.2.42 г.

«Милая и дорогая Аличка!

Получил твое письмо и прочитал все твои наставления Кузину. Искренне благодарю за твою заботу о мне. Докладываю тебе, что твои приказания в точности уже выполняем. Живем мы теперь колхозом, в который входят: я, Кузин, Бородаченко, Хохлов, Воробьев и Маруся. Шура в тот же день твоего отъезда переселилась Куликову, ей там веселее.

Дорогая Аля! Ты как все равно унесла с собой от нас все наше веселье. Вдруг после такого шума сделалось так тихо. Какая-то пустота. Мы почти ежеминутно вспоминаем тебя, и все тебя жалеют. Врача у нас до сих пор нет. Все говорят, особенно Сандалов, который, кстати говоря, серьезно заболел – у него болят почки, что с твоим отъездом кто нас будет лечить. И представь, как только ты уехала, выходя из той хаты, в которой мы с тобой жили, поскользнулся и поранил легко себе руку, а лечить некому. Сумка

есть санитарная, а тебя нет. Лучше бы было наоборот. Птица и та без тебя улетела. Вот сама видишь, что наделала. Ну не беспокойся, рука уже поджила, так себе царапина ерундовая. Отрадно только сообщить тебе, что фашистов бьем по-прежнему и гоним на запад».

14.2.1942 г.

«Пойми, моя дорогая, что все письма так меня согревают и вдохновляют на дальнейшую борьбу с фашистскими гадами. (...)

Я уже писал – куда девалась наша веселость – все как будто все ты увезла с собой, а у нас сделалось так скучно; но только одно – надо бить фашистскую гадину – это вдохновляет всех нас. Пиши чаще – это одно наше утешение.

Дорогая Аля! Теперь разреши поздравить тебя с высокой правительственной наградой – медалью за отвагу. Ты теперь обогнала тов. Кузина: он имеет медаль „За боевые заслуги“, а ты уже сразу получила вторую: „За отвагу“. Искренне рад, да не только я. Меня поздравляли все наши сотрудники. Кроме тебя из наших еще несколько также наградили разными медалями.

Кроме того, скоро ожидает тебя и очередное звание. Как получу, немедленно сообщу.

Дорогая Аля! Только не дождалась ты – я бы тебе торжественно эту награду вручил. Сейчас принимают меры, как переслать тебе медаль. Еще раз поздравляю – ты ее заслужила».

21.2.1942 г.

«Дорогой Алюсик, из твоего подстаканника никто еще не пил и пить не будет. Мне очень радостно и приятно, что ты так стремишься ко мне (может быть, это только в письмах). Я тебе неоднократно говорил на этот счет. Мое мнение, мое отношение к тебе – ты знаешь. Я тебя встретил – полюбил – пережил с тобой очень немного хорошего, потом тяжелое время и опять немного хорошего, мне кажется, отличного времени. Вспомни хотя бы наше житье в деревушке, где нас фотографировал Копли. Не правда ли? Я сейчас только и живу воспоминанием о тебе, моя дорогая Аличка.

Мы живем в маленькой деревушке старым колхозом: Маруся, Кузин, Хохлов, Воробьев. Маруся нас не обижает и кормит хорошо. Вот и сейчас стоит тут рядом и просит, чтобы я тебе от нее написал привет, что я и исполняю.

Твои приказания все исполняются в точности. За этим следит Кузин. Но, дорогой Алик! Все это не то. Я уже неоднократно тебе писал, что ты

увезла с собой от нас много веселья. (...)

Многое хочется сказать, а вернее, почувствовать тебя вблизи себя, а тебя нет. Но я прошу тебя – не скучай, не волнуйся и, главное, береги свое здоровье».

28.2.1942 г.

«Когда была получена газета, в которой было объявлено, что в/врач 3-го ранга Подмазенко Агнесса Павловна награждена правительственной наградой – медалью „За отвагу“, то представь себе, я здесь за тебя столько получил поздравлений, что в одном письме и уложить невозможно, а отвечать на все только надо через газету».

3.3.1942 г.

«2) Дорогой Алик, теперь немного о себе. Мы живем колхозом: я, Кузин, Маруся-повар, Бородаченко, Хохлов и Воробьев. Должен тебе сказать, что Кузин в точности исполняет все твои приказания, а сегодня я ему прямо-таки зачитывал твои выдержки. Маруся – повар оказалась на высоте своего дела. Шуру терпеть не может. Куликов теперь кушает отдельно. Совместно с Шурой, а мы кушаем: я, Сандалов и Паша; и готовит нам Маруся.

Сандалов кушает у нас в доме и никак не нахвалится Марусей. Мы каждый день, когда кушаем, вспоминаем тебя, ибо это ты рекомендовала нам Марусю – мы так и поступили и не обижаемся. Кузин, конечно, тоже кушает у нас. Дорогая Аля, как ты добра и вспоминаешь часто обо мне. Когда я перечитываю твои письма, мне иногда приходит невольно в голову, правда, не совсем хорошая мысль, что ты мне пишешь много о том, что тебе скучно без меня, и не думаешь ли там чем развлечься без меня. Хотя я тебе заранее пишу, что это нехорошая мысль. А мое отношение к тебе, мой дорогой и родной Алик, ты, наверное, уже изучила лучше, чем я. Мне иногда кажется, что у меня так много с тобой счастья, что начинаю даже бояться, как бы мне его сохранить».

4.03.1942 г.

«Дорогой и милый Алюсик! Я крайне взволнован. Пишу тебе письмо аккуратно, а ты в каждом письме мне даешь упреки, что я тебе ничего не пишу! Милый Алик! Вчера я получил открытку от Жени Свердличенко. Он шлет тебе привет. Он думает, что ты еще со мной. Он заходил на нашу старую квартиру, откуда мы с тобой улетели, и ему там все время говорили, что мы вернемся.

Это так сказали потому, что мы при своем отъезде, помнишь, говорили, вероятнее всего, что вернемся обратно».

5.3.1942 г.

«Алик, ты пишешь, что скучаешь. Ты думаешь, я не хочу тебя видеть у себя, всюду быть с тобой – ведь это моя мечта. И ты прекрасно знаешь это, поэтому будем терпеливо ждать. Ведь дело, в конечном счете, в тебе, а не во мне. Ты вспомни, как ты стремилась уехать от меня и как я тебя всячески задерживал и отдалял день твоего отъезда. А сейчас я так жду, с каким нетерпением жду твоего приезда. Поэтому, как совершенно правильно ты и пишешь, что основное – это время. Мне кажется, что май месяц кажется наиболее подходящим месяцем для твоей поездки ко мне. Я, конечно, хотел бы и раньше, но ты понимаешь, что если будет у тебя раньше 22 апреля, то я ведь на тебя крепко рассержусь. В силу этого, конечно, лучше поездку планировать на май. (...)

Кузин и Маруся исключительно заботливо относятся ко мне. Моемся тоже часто, больше дома. Один раз ездил в баню, но оттуда возвращался и немного простудился. Теперь моюсь дома. Вот сейчас пишу тебе письмо, и Маруся стоит рядом и просит, чтобы я от нее передал тебе привет. То же просит и Кузин. Все твои приказы выполняются в точности. Все ждут тебя. Только Шура, которая ушла к Куликову, говорила, что ты ее прогнала от меня. Теперь они от нас далеко. Куликов орден получил, а я еще нет».

18.03.1942 г.

«Прежде всего разреши сообщить тебе, что я получил новое назначение. Меня назначили заместителем старшего надо мной хозяина, но только не моего, а немного севернее. И сейчас я перебрался ближе к тому месту, где живет твоя бабушка. Живу недалеко от этого большого города. Дорогой и милый Алик! Ты все же не поверишь, какое большое у меня счастье. Меня еще раз принимал самый большой человек в мире. Беседа велась в присутствии его ближайших учеников. Поверь, что большой человек хвалил меня при всех. И теперь я не знаю, как только можно оправдать то доверие, которое мне оказывает ОН. (...)

Дорогой и милый Алик. Я крепко, крепко по тебе уже соскучился и никак не дождусь того дня, когда ты снова будешь со мной. Поверь, что это не слова, а естественно. Очень беспокоюсь о твоём здоровье. Милый и дорогой Алик! Прошу тебя, не нервничай, тебе это вредно. Береги себя и будущего. Береги себя как можно осторожнее, особенно последние дни. Я хотя и сам и на фронте, а душа моя вместе с тобой, так, видимо, и у тебя,

только разница та, что ты сама в тылу, а душа у тебя на фронте».

Без даты.

«Ты не поверишь, как хорошо читать твои письма. Какие они хорошие, проникнуты искренностью, любовью, заботой и вообще всеми лучшими, какие есть еще, качества и чувства. Разреши их все считать искренними и от чистого твоего сердца, не так ли? Ты видишь, что я даже пустился в лирику. Настолько я обрадовался и переживаю сейчас лучшее настроение. Конечно, еще бы лучше, сама понимаешь, скорее увидеть тебя и бесконечно целовать и смотреть в твои чудные (не чудные) глазки. Поверь, что я уже начинаю скучать сильнее прежнего, особенно сегодня после твоих писем. (...)

Милый Алик! Ты очень скромна, а я недогадлив. Вот сегодня я получил жалованье. Прошу тебя, напиши, сколько тебе нужно денег, – вышлю немедленно. А если я тебе не высылал до сего времени, то считал, что и у вас там купить особенно нечего. У меня ведь все же на них можно купить хорошие вещи».

26.4.1942 г.

«И особенно беспокоит потому, что эта связь перервалась как раз в такое время, когда мне особенно хотелось бы не только знать все о тебе, а и узнать о нашем дорогом – сыне (или дочери), – чего я сейчас сказать не могу. Как хотелось бы все это узнать быстрее. Так хочется узнать – как все ли благополучно обошлось и особенно как твое дорогое для меня и нашего ребенка, здоровье, а заодно, и как здоровье и какой у нас с тобой получился ребенок? Все это естественно, меня сильно волнует».

10.5.1942 г.

«Я волнуюсь. Кто у тебя? Сын? Дочь! Не мучь, скорее пиши. Люблю тебя по-прежнему сильно и больше всех на свете. Думается мне, никто так тебя еще никогда не любил. И очень горько читать упреки именно от тебя, моя дорогая».

17.5.1942 г.

«Дорогой и милый Алик! Мой родной! В последних твоих письмах ты обвиняешь меня во всех смертных грехах и делаешь всякие намеки и на „обслуживание“ и др. Пойми, дорогой Алик, что это в тебе все говорит ложное чувство. Если тебе по совести сказать, до 22 апреля и я так на тебя думал, правда, теперь думаю, что тебе до определенного времени

заниматься флиртом не совсем удобно. Так что все это ерунда. Все это зависит от того, что мы так долго не виделись. Ведь прошло уже много времени, как я не ощущаю тебя вблизи себя. Ты, конечно, выехала рано, о чем тебе в свое время говорил. Но сейчас уже этого не вернешь. Сейчас у меня одна надежда – поскорее узнать о вас, мои родные, дорогие и любимые. (...)

Меня наш великий вождь послал на ответственное задание, и я его скоро, очень скоро выполню с честью. Тогда ты не будешь упрекать меня ни в чем, когда узнаешь, в какой обстановке мы находились. Скоро все же фашистам на этом участке конец. Теперь пойми, могу ли рисковать в этот ответственный период тобой и моим дорогим детищем. Нет и тысячу раз нет. Как ты ни ругайся, все же наконец ты меня поймешь. Я это знаю, потому что знаю тебя. Жду от тебя письма с нетерпением. Потому что обстановка уже сейчас складывается так, что ты уже почти можешь приехать ко мне, а когда я получу от тебя письмо, будет уже очень хорошо».

Часть 3. Дорога к возмездию

Глава 1. Движение, которого не было

*Говорят, что между двумя
противоположными мнениями
лежит истина. Нет, между ними
лежит проблема.*

Гете

1

После того как Гитлер запретил Власову проявлять всякую активность и уточнил, что он «не нуждается во Власове в тылу фронта», генерал Гелен однажды задал Штрик-Штрикфельдту вопрос:

– Как будет реагировать Власов?

– Я должен переговорить с ним открыто. Это принципиальное и, может быть, окончательное решение, которое выбивает почву из-под соглашения, заключенного между мною и Власовым.

– Фюреру Власов не нужен, но нам всем он очень и очень нужен. Скажите ему это, – заключил Гелен.

Известно, что Власов был потрясен и подавлен. А что, собственно, ему оставалось делать?

Вильфрид Карлович передал ему слова генерала, а больше сказать ему было нечего.

Еще в апреле Власов был уверен в успехе. Его поездки на Восточный фронт были чем-то новым. Ему выдали военный билет и поставили на довольствие, а 23 числа наградили медалью «за отвагу» для граждан восточных народов 2-го класса.

«В особняке по Кибицвег, 9 несколько дней дым стоял коромыслом. Испуганные соседи слышали нестройное пение, топот танцующих ног, женский визг и с удивлением наблюдали нетвердо стоявшие на ногах фигуры, которые с наступлением сумерек почему-то предпочитали мочиться в саду под кустами.

Перед домом прохаживался одинокий часовой с винтовкой. Часовой был немец. Но отвечать на вопросы отказывался. Затянувшийся пир был наконец прерван очередной бомбежкой. После этого на чинной и тихой Кибицвег восстановилась тишина. Русское освободительное правительство

отсыпалось». (Ю. Квицинский. «Генерал Власов: путь предательства».)

Гораздо серьезнее Власова пострадал Малышкин. Выступая на собрании русских эмигрантов в Париже, он попытался доказать необходимость объединения всех русских формирований под руководством Власова и соответственно высказал отрицательное отношение к деятельности созданного немцами казачьего управления. Сразу же после выступления Малышкина арестовали и в сопровождении немецкого офицера доставили в Берлин.

Власов: «В июле 1943 г. генерал белой армии Краснов заключил договор с генерал-фельдмаршалом Кейтелем и Розенбергом в том, что казаки обязуются бороться на стороне немецкой армии против советских войск, за что германское правительство предоставит им казачьи земли на Востоке и места для поселения в других странах Европы. К концу 1943 г. немцы, выселив из ряда районов Северной Италии местных жителей, организовали там казачьи поселения. Выступление же Малышкина шло вразрез с политикой германского правительства, что и привело к его аресту. По моему ходатайству Малышкин вскоре немцами из-под стражи был освобожден».

Однако бездеятельность Власова не была таковой в полном смысле этого слова. Не было только освободительного движения. Сначала Власова вывезли в Магдебург, где он ознакомился с условиями жизни и работы немецких промышленных рабочих. Следующие поездки были также ознакомительного характера. Власова повезли в Вену. Там он осмотрел достопримечательности старого имперского города и его изумительные окрестности. В программу вошли венская опера, бега, осмотр промышленных предприятий и посещение школы испанской верховой езды в одном из поместий. В Мюнхене, при входе в отель, Власов в киоске увидел журнал «Унтерменш» («Недочеловек»), тот самый, что изображал русских как преступников и кретинов. Чтобы не портить поездку, жена организовавшего ее писателя госпожа Двингер тут же скупил все имевшиеся экземпляры этого бульварного листка, но через час, когда все выходили из отеля, на том же самом месте вновь увидели пятьдесят экземпляров «Унтерменша».

Путешествуя по Баварии, Власов имел возможность заходить в крестьянские дворы, видеть их чистоту, опрятность, благосостояние. Ему показывали стада на пастбищах, шкафы и комоды крестьян, их одежду, обувь, шерстяные одеяла и фарфоровую посуду. Во Франкфурте-на-Майне Власов бродил по старым, узким улочкам.

После возвращения из поездки Власов сказал Штрик-Штрикфельдту:

– Вот видите! Эта война может быть выиграна только теми, кто способен принести лучший порядок. Нацисты должны были бы это знать: они пришли к власти в Германии в час ее нужды, потому что обещали лучший порядок, и сначала у них было искреннее желание выполнить свое обещание. Поэтому мне трудно понять, как те же самые национал-социалисты отказались от своих собственных принципов. Высшая миссия не должна быть эгоистичной. Но вы, немцы, не только эгоистичны, вы хотите отнять у нас нашу землю и наши богатства. И поэтому вы проиграете войну.

По мнению Штрик-Штрикфельдта, «по возвращении из поездок по Германии обнаружилось, что положение Власова, вопреки всем неудачам и враждебности „сверху“, стало более прочным, чем нам казалось возможным. Без сомнения, это было следствием выдвигания его как пропагандной фигуры после запрета Кейтелем его активной политической деятельности и отказа Гитлера от создания национальной русской армии. Личность Власова, в двойственном свете противоречивых указаний различных ведомств, начала настолько заинтересовывать, что скачкообразно стало расти число лиц, искавших с ним контакта».

С Власовым действительно искали контакты представители различных кругов немецкой и русской общественности из Германии и с оккупированных территорий. И если Вильфрид Карлович считает, что этому немало способствовала и разъяснительная деятельность его ближайших сотрудников, и работа Дабендорфа, то, судя по фактам, здесь главную и решающую роль сыграла, скорее, германская военная пропагандистская машина генерала Гелена.

К Власову устремился поток посетителей: немцев и русских. Если к первым относились его «старые» знакомые из германских офицеров, знавших его с 1942 г. (плена), или же «новые» знакомые, интересовавшиеся им и представляемым им «русским освободительным движением»; представители прессы; представители хозяйственных кругов, то ко вторым – представители русской эмиграции; офицеры с фронта; представители русского православного духовенства.

Наиболее сложно складывались отношения с эмигрантами. Старые эмигранты, в том числе казаки под командованием генерала Краснова, не принимали «красного генерала» как руководителя всего движения.

Бывший политработник и бригадный комиссар Жиленков говорил: «Если мы не двигаемся с места, действуя через армейцев, мы должны пытаться пробиваться через политиков или же через партийцев».

Зыков лишь добавлял: «Мы должны бороться на всех возможных

фронтах».

Первые переговоры о создании денежного фонда велись с референтом начальника Главного управления железа и стали в министерстве Шпеера Клаусом Боррьесом и членом правления Дрезденского банка Раше.

Бывший офицер, воевавший на разных участках фронта и демобилизованный по ранению Боррьес, под свою ответственность стал действовать в пользу так называемого движения Власова. Он же организовал в Берлине на Унтер ден Линден «Деловое сотрудничество с Востоком», во главе которого встал Раше.

Первые переговоры о создании денежного фонда для власовского движения велись с ними. Вопрос стоял о займе для Русского освободительного движения. По инициативе Боррьеса и Раше год спустя удалось организовать переговоры при участии министра финансов графа Шверин-Крозига о предоставлении освободительному движению первоначального кредита в размере полутора миллионов рейхсмарок.

Забегая вперед, скажу, что соглашение о займе было подписано только в январе 1945 года.

Благодаря офицеру военной пропаганды Дюрксену к власовскому движению была привлечена Мелита Видеманн, главный редактор антикоммунистического журнала «Аktion». Ее задачей было установление связи с офицерами войск СС. Госпожа Видеманн знакомила Власова с новыми людьми. Ее усилия были направлены на привлечение отдельных людей среди бывших офицеров войск СС на сторону освободительного движения. Хотя даже Штрик-Штрикфельдт отмечал: «Изменение расположения к нам отдельных офицеров СС происходило часто из чистейшей воды практических соображений, как это было и в вермахте».

Власова свели с Робертом Леем, другом Гитлера со времен возникновения национал-социализма, его заместителем, главным руководителем высшего партийного обучения и начальником управления кадров партии.

Интересен вопрос Лея:

– Почему генерал, награжденный орденом Ленина и другими советскими орденами, теперь борется с большевизмом?

Власов стал что-то лепетать про период гражданской войны и свое отношение к этому событию, но Лей был непреклонен:

– Это все меня не интересует; то, что вы рассказываете, было давно.

Власов продолжил свой рассказ, объясняя свою карьеру и вступление в партию. Лей прервал его второй раз:

– Это тоже меня не интересует. Я знаю ваше открытое письмо, но ведь

оно написано для дураков, то есть для быдла. Меня интересуют действительные причины перемены ваших взглядов.

Власов буквально обиделся, но что он хотел услышать от друга Гитлера – сострадание? Самое интересное, что Лей сказал:

– Я думаю, что этот человек рассорился со Сталиным потому, что тот его обидел.

Лей не понимал многое:

– Если бы вы, генерал, сказали мне просто, что ненавидите жидов и вы боретесь против Сталина потому, что он окружил себя жидами, я понял бы вас. Особенно если, как вы сказали, вы лично не обижены Сталиным.

Лей посчитал все сказанное Власовым напыщенным. Власов после беседы с ним был в мрачном настроении.

2

По свидетельству Сергея Фрелиха, отвечавшего за охрану Власова, на Андрея Андреевича покушения были, но какие-то, мягко говоря, странные...

В агентурных и оперативных разработках Власов проходил под кличкой «Ворон». В опубликованном в 1996 г. документе, направленном в 1943 г. наркомом госбезопасности СССР В.Н. Меркуловым И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берии, перечислены мероприятия, предпринятые НКГБ в целях его ликвидации.

В районы Пскова, Смоленска, Минска, Борисова, Витебска, Житомира и других городов забрасывались специальные оперативные группы НКГБ с целью внедрения агентуры в ближайшее власовское окружение и физического уничтожения Власова. В составе групп были испанские и немецкие коммунисты. Группы возглавлялись майором госбезопасности Карчагиным, капитаном Ф. Гульоном, старшим лейтенантом госбезопасности Юриным, подполковником госбезопасности Сотиновым, майором госбезопасности Морозовым и др.

В общей сложности на Власова охотились более 42 разведывательных и диверсионных групп общей численностью 1600 человек.

Летом 1943 г. собрать данные о «РОА» получила задание и сеть Л. Треппера. Индивидуальное задание получили: переброшенный в германский тыл один из членов Национального комитета «Свободная Германия» лейтенант Августин, а также вышедший на немецкие передовые посты в районе села Ярцево под видом перебежчика майор С.Н. Капустин.

Были и другие. И даже вот такие: однажды в гостях у Власова появился некто Пастернак. Генерал смастерил в своем кабинете самокрутку и предложил такую же скрутить гостю. Затем денщик принес бутылку водки и закуску из кусочков соленых огурцов, томатов и двух кусочков хлеба. В общем, покурили и выпили. Сергей Фрелих пишет, что скромность жизни генерала просто потрясла уголовного Пастернака и от отказался от плана убить Власова.

Летом 1943 г. на вилле Власова появилась светлая блондинка с ангельским личиком, с большими голубыми глазами, длинными ресницами и затуманенным взором. Юная красавица Ольга из «остарбайтер» пришла посмотреть на Власова и с его благословения прижилась... Прошло немного времени, и «маленький ангел» объявила себя невестой адъютанта Власова капитана Антонова.

Сергей Фрелих вспоминал:

«Весьма возможно, что она побывала и в других постелях, так как, несмотря на внешность невинного ангела, она проявляла большую любовную активность. Сразу же она стала завоевывать домашние права, уходила и приходила по своему усмотрению, как будто она была одним из домочадцев. Она то разыгрывала роль жены, иногда невесты, но чаще всего была просто подругой генерала. Эти роли менялись весьма часто».

Известно, что в 1945 г. красавица обвинила Фрелиха в воровстве золотых часов у генерала Власова и в том, что он прохвост и человек гестапо. В ответ Сергей лишь назвал ее агентом НКВД.

В августе 1945 г. бывший советский военнопленный И.В. Евстафьев показал на допросе, что осенью 1943 г. он получил от «партизан» задание передать комбригу Михаилу Васильевичу Богданову, которого «партизаны» якобы внедрили в ближайшее окружение А.А. Власова, приказ на ликвидацию генерала. Но когда Евстафьева арестовала служба безопасности (СД), он узнал, что «представители партизан» – обыкновенные агенты СД. Знал об этом и Богданов.

Михаил Васильевич Богданов свою вербовку не отрицал, но утверждал, что она производилась настоящими чекистами. Майор госбезопасности Иван Григорьевич Пастухов предложил ему внедриться в РОА и попытаться физически уничтожить или дискредитировать Власова, а затем принять на себя руководство РОА.

30 августа 1943 г. Богданов, находясь в Берлине, встретился с Власовым.

Михаил Васильевич Богданов родился 3 июня 1897 г. в Смоленской губернии. В 1918 г. окончил среднее Московское политехническое

училище. В РККА с 1918 года. Летом 1919 г. закончил Петроградские советские артиллерийские курсы. В Гражданскую войну – помощник командира батареи, командир батареи. В ноябре 1920 г. зачислен слушателем в Лужскую высшую артиллерийскую школу комсостава РККА, которую окончил осенью 1921 года. В марте участвовал в подавлении кронштадского мятежа. До 1923 г. командовал батареей, затем – командир артиллерийского парка, слушатель Московской высшей школы маскировки, заведующий хозяйством дивизиона, командир батареи, помначштаба полка и командир дивизиона. С декабря 1931 г. – начальник штаба артполка. С ноября 1934 по 1935 г. – слушатель артиллерийских курсов усовершенствования комсостава, затем начальник штаба артиллерийского полка. С марта 1938 г. начальник артиллерии 96-й стрелковой дивизии КОВО. 5 ноября 1939 г. ему присвоено воинское звание «комбриг». С января 1940 г. командовал артиллерией 8-го стрелкового корпуса. 10 августа 1941 г. при выходе из окружения в районе Умани попал в плен. Содержался в лагерях военнопленных в Звенигородке, Белой Церкви, в Холме, Замостье (Польша), с 6 апреля до ноября 1942 г. – в Хаммельбурге (офлаг XIII D). Добровольно согласился сотрудничать с противником. Написал историю своего корпуса и обобщил боевые действия своего фронта. С 18 ноября 1942 г. взят на работу в военно-строительную организацию ТОДТ и направлен в Берлин. Летом 1943 г. – заместитель начальника управления «Волга» ТОДТ. 20 ноября 1943 г. после расформирования управления зачислен в офицерский резерв Дабендорфской школы РОА, в декабре включен в инспекториат Благовещенского. Награжден двумя медалями и крестом «За военные заслуги».

В 45-м Богданова обвинили в том, что он наладил связь с Власовым и вступил в РОА из шкурных побуждений. Связь с партизанами учли лишь как выполнение задания СД... На заседании Военной коллегии Верховного суда ему вменялось то, что он не сумел ликвидировать Власова и занять пост командующего...

Летом 1944 г. в Берлине появилась незабвенная Мария Игнатьевна Воронова. Фрелих встретил ее в Риге, когда эвакуировал свою фирму. Она «неожиданно появилась в моем кабинете. По ее словам, она случайно узнала, что я нахожусь в Риге. И поскольку она также знает, что я имею отношение к Власову, то высказала пожелание поехать в Берлин».

Фрелих сделал необходимые документы и как служащую своей фирмы посадил на пароход «Монте Роза». В Берлине ее ждали с объятиями, поцелуями и водкой.

«В первый же вечер Воронова созналась генералу, что была послана партизанами с приказом отравить его. Это признание вызвало новую пьянку, которая продолжалась до раннего утра». Итак, Власова не смогли достать до 1945 г.

3

Осенью 1943 г. поражение на Восточном фронте стало реальным предлогом для разоружения «восточных батальонов». Были отмечены факты реального перехода их к партизанам. Когда Гитлер узнал об этом, он приказал разоружить и распустить все эти формирования, а людей – направить на работу в шахты и на фабрики.

ОКХ возражало. Генерал восточных войск Гельмих запросил все дивизии фронта и уже через несколько часов представил начальнику генерального штаба Цейтцлеру доказательства надежности территориальных частей. По его данным, «число так называемых перебежчиков, а также попавших в плен бойцов „восточных войск“ не дает никаких оснований к беспокойству: потери находятся примерно в тех же пределах, что и в немецких частях».

В середине октября пришло решение: разоружения не будет. Гитлер приказал, видимо остыв, все восточные формирования перевести на Запад – во Францию, Италию и Данию.

Переброска была закончена уже в январе 1944 года. Однако некоторые командиры дивизий схитрили: они перевели своих «добровольцев» на статус «хиви» и не отдали их.

В соответствии с проводимыми мероприятиями был создан командный штаб генерала «восточных войск» при командующем войсками на Западе. Большинство «восточных батальонов» было плохо вооружено и недостаточно технически обучено для западного театра военных действий. Происходили ссоры и недоразумения, с каждым днем увеличивались трения. Командование уже ожидало мятежа, который вот-вот должен был произойти.

Предупреждая непредсказуемые последствия в отделе ОКВ / ВПр, с помощью генштаба ОКВ пришли к мысли побудить Власова составить новое открытое письмо. Так о Власове вспомнили. Целью письма было объяснить, что «переброска на Запад лишь временна, и задача освобождения Родины остается в силе». Над документом пропагандистского характера работали Гроте, Дюрксен и несколько

русских. Первоначальный набросок открытого письма был направлен из отдела ВПр в генштаб ОКВ. 5 ноября 1943 г. заместитель Кейтеля в генштабе ОКВ Йодль утверждает текст 5 ноября 1943 г.

Следом в Дабендорф пришло распоряжение командировать во Францию инспекторов, чтобы успокоить находящиеся там «восточные войска». При этом русские части находились в составе «четвертых батальонов» в немецких частях, размещенных вдоль атлантического побережья. Они находились и в Дании, Норвегии, Италии. Также оставались «добровольцы» и на Восточном фронте. Всех их требовалось обслуживать из Дабендорфа, в том числе и газетами...

1 января 1944 г. генерал Гельмих был заменен генералом от кавалерии и бывшим германским военным атташе в Москве Кестрингом, а наименование «генерал восточных войск» было изменено на «генерал добровольческих частей».

Через несколько недель Кестриг вызвал Штрик-Штрикфельдта в Егерхеэ под Летценом. Разговор длился около трех часов. Вначале, как и положено, генерал задавал капитану вопросы:

- возникновение Дабендорфа;
- отношения с ОКВ / ВПр и с ОКХ;
- Власов и его сотрудники;
- перевоспитание и обучение в Дабендорфе и т. д.

– Сталин, как и Черчилль, – сказал Кестриг, – часто резко менял курс своей политики; Гитлер же никогда не изменит своей политики в отношении России. «Фюрер» заявил раз и навсегда, что он и не помышляет предоставить народам России независимость. Поэтому Русская освободительная армия останется фикцией.

Когда же Штрик-Штрикфельдт предложил организовать генералу встречу с Власовым, тот сразу же отклонил наивное предложение:

– Власов стал пугалом для «фюрера» и господ на верхах ОКВ. Поэтому я предпочитаю выполнять мои чисто солдатские и человеческие обязанности без связи с ним.

По поводу же популярности Власова Кестриг вообще возразил:

– Этому я не верю. В России военные никогда не были так популярны, как в Германии. Русские думают и чувствуют иначе. А факт остается фактом, что Гитлер не хочет ничего слышать о Власове. И если в будущем нам придется когда-нибудь опереться на какую-либо ведущую русскую личность, – что нужно было бы, кстати, сделать еще в 1941 г., – то мы должны будем найти другого человека.

Старый знаток России и в этом был прав!

Когда Штрик-Штрикфельдт изложил Власову точку зрения генерала Кестринга, тот просто отказался иметь что-либо общее с «кестрингскими наймитами».

4

Положение на Восточном фронте с каждым днем становилось угрожающим. Уже в апреле 44-го советские войска перешли государственную границу СССР. «Власовцы» внимательно следили за обстановкой на фронтах и в самом узком кругу стали обсуждать планы действий на случай крушения Третьего рейха.

Предполагалось установить контакты с англосакскими державами и с французским движением Сопротивления. Для содействия можно было использовать НТС – эмигрантскую организацию.

Власов считал:

– В глазах американцев и англичан мы, вероятно, не «унтерменши» и не «подмастерья мясника», употребляя выражения Гиммлера, но мы – изменники, потому что боремся против правительства своей страны.

Он, как всегда, много говорил, но при этом действительно искал выход.

– Думаю, что единственный выход – всеми силами стараться сохранить и по возможности растить русскую «живую силу» до краха нацистов. Только если мы станем фактором силы, мы, вместе с чехами, поляками, югославами, благоразумными немцами и другими народами Европы, можем рассчитывать, что, рано или поздно, англосаксы признают нас, – аргументировал Андрей Андреевич.

В январе 1944 г. Штрик-Штрикфельдт изложил генералу Гелену беседу с Власовым и свои мысли о крахе Германии. Он, в частности, предложил отправиться в Португалию, чтобы там установить связь со старым школьным другом, занимавшим до 1929 г. видное положение на британской службе.

– Подобные контакты немцами по разным линиям недавно уже намечены, так что надо подождать результатов, если же будет нужно, я вернусь к вашему предложению, – успокоил капитана генерал.

Весной Гроте свел Штрик-Штрикфельдта с молодым издателем журнала СС «Черный корпус» Гюнтером д'Алькэном. Ему каким-то образом удалось добиться согласия Гиммлера на участие нескольких власовских офицеров в пропагандной акции СС на Восточном фронте с

целью привлечения перебежчиков. Штандартенфюрер д'Алькэн руководил пропагандой СС.

Судя по всему, СС меняла свою политическую концепцию. Так наряду с бельгийскими, голландскими и норвежскими частями СС, были созданы эстонские и латышские части. В процессе организации находились галицийские формирования, силой до дивизии.

Вопрос стоял и о создании русских частей...

Готовилась акция под названием «Скорпион». СС предоставляли русским только технические возможности. Акция должна была повлиять на изменение курса на всем Восточном фронте.

Но не все было просто для Власова.

Во-первых, до начала этой акции бесследно исчез М.А. Зыков вместе со своим адъютантом Ножиным. Под Берлином в местечке Рюдерсдорф они были взяты несколькими людьми в штатском, где обычно бывали по воскресеньям. Их вызвали в гостиницу на опушке леса под предлогом телефонного разговора.

Во-вторых, д'Алькэн сразу же предложил Жиленкову возглавить «движение» вместо Власова. Жиленков отказался, не желая брать на себя непосильную ношу, чем, по сути, спас своего шефа. Его могло ожидать то же самое, что и еврея Зыкова!

Таким образом, несмотря на нежелание СС сотрудничать с Власовым, другого выбора не было.

Оставался Власов. С обнаружением политических целей «Русского освободительного движения» появилась надежда расшатать мощь Красной армии. Именно акция «Скорпион» была первым шагом в этом направлении. Тем более что шла речь о судьбе Третьего рейха.

По воспоминаниям Штрик-Штрикфельдта, часть руководящих эсэсовцев начала понимать критическое положение: «Меня бомбардировали телефонными звонками и просьбами об информативных встречах с разных сторон, включая промышленников и министерство Шпеера». Мне говорили: «Это очень важно и срочно. Дело идет о том, чтобы получить информацию о „Власовском движении“ из первых рук. Власову, может быть, удастся помочь. И нам тоже!»

В итоге случилось невероятное.

Власов: «10 июля 1944 г. ко мне приехал представитель отдела пропаганды вооруженных сил Германии на Востоке капитан Гроте, который предложил мне срочно поехать с ним на прием к Гиммлеру, но в связи с покушением на Гитлера, происшедшим в этот день, встреча с Гиммлером была отложена и состоялась лишь 18 сентября 1944 г...»

13 марта 1943 г., когда Гитлер готовился вылететь из своей штаб-квартиры в Смоленске в Берлин, Фабиан фон Шлябрендорф, офицер из штаба генерала фон Трескова (начальник штаба группы армий Центр), попросил одного из пассажиров самолета передать две бутылки коньяка своему другу в Берлине. В пакете было взрывное устройство, привезенное заместителем начальника первого отдела абвера полковником Лахузенем в Берлин. Но детонатор не сработал, и Гитлер благополучно долетел до столицы рейха. Заговорщики сумели перехватить пакет в Берлине, и попытку покушения никто не раскрыл.

Офицеры вермахта оказались никудышными заговорщиками. Ни один из их планов подобных операций, в сущности, не был доведен до конца. Поэтому гестапо ничего не оставалось, как провести операцию под кодовым названием «Чай у фрау Солф».

У одной симпатичной пожилой дамы из сливок общества кое-кто из заговорщиков периодически собирался «на чашечку чая». Необходимо отметить, что все они поддерживали регулярные связи с антифашистами – эмигрантами, осевшими в Швейцарии, а через них – с английской и американской агентурой.

В январе 1944 г. были арестованы 75 человек, проходивших по делу «Чая у фрау Солф».

Самое интересное, что сама фрау Солф, как вдова бывшего министра иностранных дел правительства Веймарской республики, и ее дочь избежали смерти, но были отправлены в концлагерь Равенсбрюк, а наиболее виновные заговорщики попали под суд и были казнены.

Теперь в области внешней разведки абвер (Абвер-заграница) прекратил свою деятельность. Заговорщики лишились надежного убежища и защиты, они лишились возможности переправлять в Швейцарию тех, на кого падало подозрение в причастности к заговору, а контакты с американскими и английскими разведслужбами стали практически невозможными.

Заговор находился под угрозой, но в самый критический момент среди заговорщиков появился подполковник граф фон Штауфенберг. Он был ранен в Тунисе и лишился глаза и правой руки. Желая спасти армию, которую Гитлер увлекал за собой в могилу, граф в отличие от других руководителей заговора предпочел действовать.

26 декабря 1943 г., приглашенный в Ставку Гитлера для доклада, он

принес в портфеле взрывное устройство замедленного действия. Однако Гитлер, всегда боявшийся покушений, в последний момент отменил совещание.

Развал абвера для заговорщиков стал непреодолимым препятствием. Если в 1943 г. на Гитлера было совершено не менее шести попыток покушений, то за первые месяцы 1944 г. ни один подобный план не мог быть разработан.

Успешная высадка войск союзников во Франции и их продвижение в Италию, где был взят Рим, а также вступление советских войск в Польшу подстегнули энергичного Штауфенберга к решительным действиям. Ведь заговорщики считали, что смерть Гитлера позволит им любовно договориться с западными державами. Отмечу, что они стремились к скорейшему заключению перемирия, но возможность капитуляции категорически отрицали.

В конце июня Штауфенберг получил звание полковника и был назначен начальником штаба внутренней армии, что открывало ему доступ на совещания, проводившиеся в Ставке фюрера.

На 20 июля в ставке было назначено важное совещание. Кейтель пригласил Штауфенберга в Растенбург, куда тот прибыл с портфелем, в котором опять находилось взрывное устройство замедленного действия, начиненное экзогеном – английской взрывчаткой, со складов абвера.

В 12 ч 30 мин Кейтель и Штауфенберг вошли в барак, где находился зал заседаний. Взрыватель с часовым механизмом был уже приведен в действие. Взрыв должен был последовать через 10 мин. Когда они вошли в зал, совещание уже началось. В 12 ч 36 мин Штауфенберг поставил свой портфель на пол и придвинул его к массивной ножке стола, так, чтобы взрывчатка находилась менее чем в двух метрах от Гитлера. Сделав это, он незаметно покинул помещение, сказав, что ему необходимо срочно связаться с Берлином.

А тем временем полковник Брандт докладывал о положении в Галиции. Подходя к карте, он наткнулся на злополучный портфель и передвинул его, но так, что между портфелем и фюрером оказалась массивная ножка стола. В 12 ч 45 мин прогремел взрыв, разметавший толстые стены барака, Гитлера же от взрывной волны прикрыла массивная ножка стола и он отделался лишь царапинами. При этом двое генералов были смертельно ранены, а все остальные получили ранения разной степени тяжести.

В час ночи Гитлер выступил по радио и начались репрессии.

В ночь с 20 на 21 июля главные руководители заговора были

уничтожены в Берлине.

Сам заговор окончательно убедил Гитлера в том, что он не может доверять армии. С августа 1944 г. Гиммлер стал одной из самых могущественных фигур рейха. Вследствие неудавшегося покушения на фюрера в июле 1944 г. его назначили командующим группой армий. С этого момента он имел гораздо больше титулов и должностей в рейхе: министр внутренних дел, министр здравоохранения, высший руководитель всех полицейских служб, разведки, гражданских и военных спецслужб.

Как командующий войсками СС он имел в своем подчинении целую армию, которая в начале 1945 г. имела в своем составе 38 дивизий, 4 бригады, 10 легионов, 10 специальных групп – командос штабных сил и 35 отдельных корпусных частей.

Штрик-Штрикфельдт вспоминал:

«Вскоре мы получили более полные сведения о покушении на Гитлера и о смерти графа фон Штауфенберга. Постепенно стали известны имена офицеров, ставших жертвами нацистского режима. Это были имена тех наших друзей, которые с 1942 г. стремились к изменению политики в отношении России и к ведению войны политическими методами. У них, вероятно, были различные конечные цели, и не все из них были готовы безусловно поддерживать планы Власова.

Но, несомненно, эта группа делала все возможное в отношении Русского освободительного движения».

Это личный взгляд Вильфрида Карловича. Однако летом 1944 г. никакого Русского освободительного движения не было и в помине. Был только русский предатель – генерал Власов, его окружение и какие-то отдельные подразделения русских «добровольцев», большей частью находящихся на Западе. Власов находился в плену уже целых два года, и, кроме военной пропаганды, его деятельность ни к чему не сводилась.

Он ел немецкий хлеб, пил немецкую водку и был доволен до тех пор, пока не пришло время задуматься о дальнейшей жизни. Крах Третьего рейха приближался, и надо было что-то предпринимать, чтобы спасти свою шкуру.

Провал заговора немецких офицеров стал в этом плане роковым событием, ведь возможность договориться с западными державами о перемирии и возобновлении войны с новыми союзниками против Советского Союза теперь исключалась.

Продолжение кампании на Востоке в самом ближайшем будущем грозило катастрофой. Спасительной нитью Власова оказалась лишь связь с ведомством Гиммлера. Надо было торопиться.

В связи с отложенной встречей Власова с Гиммлером у начальника Главного управления СС Бергера удалось получить разрешение на поездку на отдых в Баварию, в местечко Рупольдинг, где для него в доме отдыха для выздоравливающих тяжелораненых чинов боевых частей СС была забронирована квартира. С ним поехали Фрелих и Штрик-Штрикфельдт.

Сергей Фрелих вспоминал позднее:

«Находясь в командировке при штабе Власова, я развил особую тактику, стараясь, как правило, внешне казаться мало самостоятельным в своих действиях. Такая игра в маскировку мне удавалась особенно хорошо. У моих русских сотрудников я пользовался любовью, так как говорил с ним на их языке.

Я старался каждого из них убедить в том, что являюсь только маленькой шестеренкой в большом механизме и что все ежедневно возникающие проблемы я предпочитаю направлять куда-то на решение. На самом же деле такие решения я почти всегда принимал самостоятельно и только в редких случаях передавал их дальше, однако с уже принятым мною решением...».

Могу лишь предположить, что не без участия этого человека Власов выехал в дом отдыха СС, которым заведовала симпатичная госпожа Хейди Биленберг, вдова эсэсовского офицера. Ее муж погиб в 1943 г. на Кубани, а его брат являлся приближенным Гиммлера.

Эта дамочка не могла не понравиться Власову, если бы даже была ужасно страшной и грубой...

Вечерами Хейди музицировала в окружении Власова и его «друзей». В новой компании смеялись и шутили, а днем все совершали удивительные прогулки по окрестностям горного курорта.

Немка не говорила по-русски, но это не помешало Власову при помощи ломаного немецкого языка разбить ее сердце, проявив недюжинные способности Казановы. Хейди была близко знакома с Гиммлером, и только через ее постель можно было быть уверенным в завтрашнем дне.

«Путеводная» нить в приемную Гиммлера не только согласилась на любовные встречи, но и приняла предложение руки и сердца. Расчет оправдался 18 сентября 1944 г., когда Власова из Рупольдинга вызывали на прием к самому.

Когда Власов вместе с Штрик-Штрикфельдтом подошли к кабинету Гиммлера, к последнему обратился сопровождающий их генерал СС и сказал:

– Господин капитан! До начала общего совещания Рейхсфюрер «СС» хочет минут десять поговорить с Власовым наедине.

Андрей Андреевич колебался, но недолго. Дверь открылась, и Вильфрид Карлович слегка сдавил его руку и буквально подтолкнул через порог.

Вот что рассказывал об этой встрече сам Власов:

«Вопрос. Где вы встретились с Гиммлером?

Ответ. В Ставке верховного командования вооруженных сил Германии, в лесу, близ города Растенберг (Восточная Пруссия).

Вопрос. Кто присутствовал при вашей встрече с Гиммлером?

Ответ. В поезде вместе со мной для встречи с Гиммлером ехали: Штрикфельдт, представитель СС оберштурмбаннфюрер Крегер и командир полка пропаганды СС полковник Далькен.

В приемной Гиммлера нас встретил обергруппенфюрер Бергер, который объявил, что Штрикфельдт на приеме присутствовать не будет.

Вопрос. О чем вы разговаривали с Гиммлером?

Ответ. Гиммлер мне заявил, что отдел пропаганды вооруженных сил Германии не смог организовать русских военнопленных для борьбы против большевиков, в связи с чем этой работой он будет руководить лично.

Всеми русскими делами, как сказал Гиммлер, будет заниматься его заместитель Бергер, и своим представителем при мне он назначает Крегера.

Для успешной борьбы против Советской власти Гиммлер предложил объединить все существующие на оккупированной немцами территории и внутри Германии белогвардейские, националистические и другие антисоветские организации и для руководства их деятельностью создать политический центр, предоставив мне свободу выбора именовать этот центр правительством или комитетом.

Приняв предложение Гиммлера, я спросил его разрешить мне создать комитет под названием „Комитет освобождения народов России“ и сформировать армию в составе 10 дивизий из числа военнопленных для использования их в борьбе против Красной Армии.

Гиммлер согласился с созданием „комитета“ и разрешил сформировать из военнопленных пока 5 дивизий, обещав обеспечить их вооружением.

Тогда же Гиммлер дал мне указание разработать „Манифест комитета“ и представить ему на утверждение.

В дальнейшей беседе Гиммлер подробно интересовался событиями в

Советском Союзе в 1937 г. Он расспрашивал, был ли военный заговор в действительности, имел ли он сторонников. Желая показать, что внутри Советского Союза есть противники правительства, которые ведут борьбу с Советской властью, я ответил Гиммлеру, что заговор действительно существовал. На самом же деле я всегда считал, что никакого заговора не было и органы НКВД расправились с невинными людьми.

Гиммлер задал мне вопрос, был ли я знаком с Тухачевским и знал ли других участников военного заговора. Я ответил, что в тот период я был еще маленьким человеком, занимал небольшую должность и никаких связей с Тухачевским и другими заговорщиками не имел.

Гиммлер спросил, остались ли в Советском Союзе люди, на которых в настоящее время германское правительство могло бы рассчитывать и которые могут организовать в России переворот. Я сказал свое мнение, что такие люди, безусловно, в России должны быть, но мне они неизвестны.

Тогда Гиммлер поинтересовался, как я считаю, может ли Шапошников организовать переворот, как один из офицеров старой армии и занимающий видное положение в СССР. Я на этот вопрос не ответил, сославшись на то, что с Шапошниковым близко знаком не был и только представлялся ему в 1942 г., как начальнику Генерального штаба.

После этого Гиммлер спросил, как я знаю Сталина, Берию, Кагановича, Жданова. Особенно Гиммлер интересовался личной жизнью Сталина, расспрашивал, где Сталин живет, из кого состоит семья и есть ли евреи в семье и близком окружении Сталина.

Я клеветал на Сталина, но каких-либо подробностей Гиммлеру о личной жизни Сталина рассказать не мог, так как в действительности ничего не знал.

В отношении Берии, Кагановича и Жданова я также ничего Гиммлеру не сумел сказать, ибо мне ничего о них не было известно.

Тогда же Гиммлер задал вопрос, кто может быть преемником Сталина. На мое заявление, что это трудно предположить, Гиммлер высказал свое мнение, что по военным вопросам преемником Сталина, очевидно, будет Жуков, а по гражданским делам – Жданов. Я сказал, что Жуков в прошлом был моим начальником. Я его знаю как волевого и энергичного, но грубого человека.

Перед тем как отпустить меня, Гиммлер спросил, смогу ли я справиться со столь ответственной задачей, как объединение антисоветских организаций всех национальностей. Я заверил Гиммлера, что с этой задачей справлюсь, так как за два г. пребывания в Германии я приобрел необходимые связи среди белоэмигрантов и националистов, а также что в

ближайшие дни представлю ему проект „манифеста“».

А через некоторое время Власов получит телеграмму следующего содержания:

Телеграмма рейхсфюрера СС

генералу Власову

Составлено по указанию
обергруппенфюрера Бергер.

Фюрер назначил вас со дня подписания этого приказа Верховным командующим русскими 600-й и 700-й дивизиями. Одновременно на вас будет возложено верховное командование всеми новыми формирующимися и перегруппирующимися русскими соединениями.

За вами будет признано дисциплинарное право Верховного главнокомандующего и одновременно право производства в офицерские чины вплоть до подполковника.

Производство в полковники и генералы происходит по согласованию с начальником Главного управления СС, по существующим для Великогерманской империи положениям.

Г. Гиммлер.

Просмотрено
и согласен
Доктор Кальтенбруннер.

7

Екатерина Андреева в своей работе «Генерал Власов и Русское освободительное движение» написала не случайно: «Рассказы о том, как составлялся Пражский манифест, разнятся между собой».

И далее: «Когда Гиммлер дал разрешение опубликовать программу Русского освободительного движения, Жиленков в конце сентября 1944 г. собрал вместе редактора „Зари“, бывшего зыковского заместителя

Ковальчука, старшего дабендорфского преподавателя Зайцева, сотрудника отдела печати Дабендорфа Норейкиса и приказал им составить манифест. Жиленков, в качестве главы отдела пропаганды Русского освободительного движения, видимо, осуществлял переговоры с немецкими властями. Двое из вышеупомянутых, оставшиеся в живых, описывают процесс составления манифеста по-разному. Норейкис вспоминает, что Жиленков, созвав всех троих, потребовал, чтобы они спешно составили манифест, и прибавил, что не отпустит их, пока не получит удовлетворительного текста. Тогда Норейкис написал проект декларации, который Жиленков раскритиковал за журналистский подход. Защищая Норейкиса, Зайцев сказал, что при поставленных условиях можно и ожидать только лишь журналистики. Тогда проект был унесен и о нем больше не говорили.

К этому рассказу Зайцев прибавляет некоторые подробности и вносит оговорки. Например, когда Жиленков просил составить текст, который мог бы служить официальным манифестом, он прибавил, что ему нужен проект политической декларации и что Власов хочет получить его, чтобы внести туда историческое обоснование. Зайцев ответил, что он не может работать в коллективе и под давлением, но только самостоятельно. Было решено, что Ковальчук напишет введение, Зайцев – статьи программы, а Норейкис – заключение. Норейкис в своем рассказе отвергает версию разделения труда. Зайцев заявил, что не может составлять программу без подготовки, и покинул остальных, с тем чтобы достать программу НТС и другие документы, которые считал необходимыми. Следующей ночью он составил четырнадцать пунктов программы, которые его будущая жена печатала под его диктовку. На следующее утро он передал свой вариант Жиленкову и последний остался им доволен».

Однако Власов на вопрос следователя в 1945 г.: «Кто участвовал в составлении манифеста, написанного по предложению Гимmlера?», – отвечал несколько по-другому.

Итак, Власов:

«Проект манифеста, который нами разрабатывался по предложению Гимmlера, составляли я, Малышкин, Трухин, Жиленков и работавший в ведомстве Геббельса генерал-майор Закутный – бывший начальник штаба 21-го стрелкового корпуса Красной Армии».

А теперь немного отвлечемся и остановимся на биографии этого генерала.

Дмитрий Ефимович Закутный родился в 1897 г. на Дону. В 1911 г. окончил сельскую школу, а в 1914 г. экстерном сдал экзамен за 5 классов

реального училища. В РККА с 1918 г. С сентября – пом. командира батареи, с ноября – в штабной роте штаба южного боевого участка Царицынского фронта. 1 февраля 1919 г. – адъютант отдельного артдивизиона, затем адъютант артдивизионов ряда соединений. С 26 мая 1921 г. – исполняющий должность порученца в инспекции артиллерии 2-го Кавказского корпуса. С 21 августа – пом. адъютанта стрелкового полка, с 16 марта 1922 г. – командир взвода конной разведки стрелкового полка, с 25 июня – пом. начальника штаба стрелкового полка, с 25 июля – пом. нач. пулеметной команды, с 30 октября – пом. нач. штаба корпуса. Осенью 1923 г. зачислен слушателем на курсы усовершенствования при разведуправлении РККА, после окончания которых – заведующий разведотделом штаба корпуса. В 1925 г. – пом. нач. развед. отдела штаба СКВО. В 1928 г. зачислен слушателем в ВАФ. В 1931 г. – начальник 1-й части штаба стрелкового корпуса. С марта 1932 г. пом. начальника 1-го сектора оперативного отдела Генштаба РККА, затем – зам. начальника сектора. С 1935 г. – начальник 1-го отделения оперативного отдела Генштаба РККА, полковник. В 1936 г. зачислен слушателем в Академию генштаба, а в 1938 г. назначен ассистентом кафедры службы штабов ВАФ. С 1939 г. – начальник штаба Горьковского стрелкового корпуса, комбриг. В 1940 г. ему присвоено звание «генерал-майор». 21 июля 1941 г. назначен командиром 21-го стрелкового корпуса. 26 июля в Гомельской области взят в плен. До конца лета содержался в особом опросном лагере в Лодзи. Осенью переведен в офлаг XIII-D в Хаммельбурге. В контакт с Власовым вступил в августе 1944 г.

Вернемся к Власову.

В манифесте в антисоветском духе излагалось положение в Советском Союзе, возводилась клевета на руководителей Советского государства, которые якобы своей неправильной политикой привели страну к войне, и сейчас народы России проливают кровь за империалистов Англии и США. Доказывалась необходимость борьбы с большевизмом и сообщалось о создании для этой цели Комитета освобождения народов России.

В манифесте декларировалось, что комитет создан для освобождения народов России от большевистской системы, заключения мира с Германией и создания Российского государства без большевиков. После этого проект манифеста через Крегера был передан Гиммлеру, который внес в него ряд поправок и утвердил.

Манифест подписали 37 членов и 12 кандидатов в члены Комитета освобождения народов России.

14 ноября 1944 г. в Праге, во дворце Градчаны прошло торжественное собрание так называемого Комитета освобождения народов России

(КОНР).

Собрание открыл профессор С.М. Руднев. Очевидцы утверждают, что он плакал, произнося речь. Затем, стоя за столом, Власов прочитал доклад.

Я приведу текст манифеста полностью, чтобы было понятно, о чем шла речь в этом документе.

МАНИФЕСТ

КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Соотечественники! Братья и сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об

отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная Армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее – еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 г. народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решавшиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 г., своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим – не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, – что эта партия, захватив власть, завоеванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бессовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на национальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народов свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможности каждому человеку занять свое место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эту свободу террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и

наиболее угнетенных.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилием, террором и подкупом сделать ее оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остается при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ – ее бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв.

Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и не допускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет освобождения народов России.

Своей целью Комитет освобождения народов России ставит:

а) свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;

в) создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу новой государственности народов России комитет кладет следующие главные принципы:

1) Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2) Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3) Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4) Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5) Ликвидация принудительного труда и обеспечение трудящимся действительного права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6) Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7) Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8) Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9) Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10) Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11) Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство

всех перед законом, независимость и гласность суда.

12) Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

13) Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния – городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14) Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет освобождения народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свобододлюбивых народов мира.

Освободительное движение народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего, чем в революцию 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил – Русской освободительной армии, Украинского вызвольного вийска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооруженных сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет освобождения народов России главное условие победы над большевизмом видит в *объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков*. Поэтому Комитет освобождения народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет освобождения народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами

десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть и наши усилия. *Только единство всех вооруженных антибольшевистских сил народов России приведет к победе.* Не выпускайте полученного оружия из своих рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов – большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной Армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и несправедливость.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет освобождения народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

Прага, 14 ноября 1944 года.

После заседания министр Богемии и Моравии во дворце Черни дал торжественный банкет на шестьдесят человек. Для рядовых членов КОНРа вечер устроили в Пражском автомобильном клубе, который очень быстро превратился в банальную пьянку.

Пражское торжество было продолжено в Берлинском доме Европы.

18 ноября там состоялся торжественный вечер по случаю создания КОНР. Зал, вмещавший около полутора тысяч человек, был заполнен почти исключительно русскими. Духовенство заняло первые ряды. Вместе с ними расположились военнопленные, доставленные прямо из лагерей.

В этот день Власов еще раз зачитал манифест.

Произнес пламенную речь и протоиерей Александр Киселев.

Что ж, в игру «в комитет» поверили многие!

В частности, священник сказал: «Вы, глубокочтимый генерал Андрей Андреевич, вы, члены Комитета спасения народов России, и мы все, рядовые работники своего великого и многострадального народа, станем единодушно и смело на святое дело спасения отчизны. Не гордо, потому что „Бог гордым противится, а смиренным дает благодать“, но мужественно и смело, потому что „не в силе Бог, а в правде“. Помните, как говорил отец былинного богатыря Ильи Муромца в своем наставлении сыну – „на добрые дела благословение дам, а на плохие дела благословения нет“».

Александр Киселев родился в Твери в семье гражданского служащего. В его роду священников не было. В восьмилетнем возрасте его вывезли в Эстонию и уже там, по окончании среднего учебного заведения, он решил стать священником. А в 1933 г. он окончил Рижскую духовную семинарию.

Спустя десятилетия с 87-летним батюшкой встретился журналист А. Колпаков. Он задал протоиерею зарубежной Православной церкви несколько вопросов про Власова:

– **А как, батюшка, вы познакомились с Власовым?**

– Гм, с Власовым мы встретились при особых обстоятельствах: один из его высших офицеров прижил на стороне дитя, а жениться не хотел. Власов же считал, что это безнравственно. Однако полковник настаивал на своем. Наконец пришло время крестить этого младенца, и тогда Власов, чтобы как-то сгладить ситуацию, предложил себя в крестные отцы. Крещение проходило в одном частном доме. Крестил, как вы, наверное, догадались, я, – но я уже привык к тому, что большинство крестных толком «Верую» не знают, поэтому приготовился помогать. А как же: советский офицер, генерал и так далее... Я начал – и он тоже, прямо в голос. Смотрю – читает! Слушаю – и ушам не верю: чтобы партиец... «Символ веры», да без запинки... Правда, он говорил, что учился в семинарии, но как давно?! Значит, не все еще выдул из его головы красный сквозняк.

– **Опишите его внешность.**

– Очень высокий – за 190, – плотный, осанистый, представительный...

– **И как долго продлилось ваше знакомство?**

– С того самого времени, с 44 г., и до конца войны. Власов, помню, уехал из Берлина, вывез с собой в Фюсен митрополита Анастасия, главу Зарубежной церкви. Вот с ним, с владыкой, мы вместе и служили, потому что у меня с собой оказалось все необходимое для совершения литургии: и антиминс, и чаши, и все-все-все, чего у митрополита с собой не было. Так что я для него оказался на вес золота.

– **А как часто все же приходилось непосредственно общаться с генералом Власовым?**

– Ну, знаете, после крещения ребенка, как всегда это бывает, пригласили за праздничный стол. Было много разговоров на тему о России, о большевиках, о зверствах Сталина, – и я слушал и заслушивался, потому что все, что он говорил, было для меня самое дорогое, правильное, многожды передуманное. А в конце ужина он вдруг неожиданно предложил мне почаще бывать у него в гостях. И после этого я у него бывал, даже выслушивал его исповеди.

– **Вам импонировали его взгляды?**

– Очень, очень. Я с большой радостью слушал то, что он говорил.

– **А вы не хотите припомнить что-нибудь из его откровений?**

– Что-нибудь? Ну, пожалуйста: «Бога может отрицать только идиот». Вообще он производил сильное впечатление. В нем жила какая-то всепокоряющая любовь к Отчизне, да и говорил он, как и положено крестьянскому сыну: смачно, образно, с прибаутками, с поговорками. Признаюсь, в тот вечер я ушел с крестин власовцем.

– **А дальше?**

– Потом наши пути разошлись. Моя семья оказалась в Мюнхене вместе со многими русскими, вывезенными из России на работы. Все они искали временного пристанища. Мы за них хлопотали перед американцами, и нам выделили дом, где мы устроили русскую гимназию, мастерскую, типографию... И вот уже оттуда, когда эмиграционные службы рассуропивали бездомных по странам, мы попали в Америку, в Нью-Йорк. Там у меня был приход, прихожане.

8

Еще до провозглашения КОНРа немцы проверяли Власова.
Для нас представляет интерес следующий документ:

«Главное управление имперской безопасности
Тайная государственная полиция
Берлинское отделение, секция 4-Н
26 октября 1944 года
Сведения № 6

Касается: генерал-лейтенанта Андрея А. Власова, 1901 г. рождения из

села Ломакино Гагинского района Горьковской области.

У него русско-народнический характер, он умен, с легким душком крестьянской хитрости. Он грубый и резкий, но в состоянии владеть собой. Оскорблений не забывает. Очень эгоистичен, самолюбив, легко обижается. В момент личной опасности несколько труслив и боязлив.

Телом здоров и вынослив. Не особенно чистоплотен. Любит выпить. Переносит много алкоголя, но и тогда может владеть собой. Любит играть в карты. К женщинам не привязан. Дружбы с мужчинами не имеет. Человеческая жизнь для него малозначительна. Способен преспокойно выдать на повешение своих ближайших сотрудников. Особым вкусом не отличается. Одеваться не может. Может только различать старую и новую одежду. Способностей и интереса к иностранному языку не имеет.

Очень любит спорить, а войдя в азарт, может разболтать секреты. Однако это случается весьма редко. Может быть коварным, любит задавать заковыристые вопросы. Философию не любит. Его типично советское образование является поверхностным. К религиозным вопросам относится иронически и сам совершенно неверующ. К поставленной цели идет неумолимо, в средствах при этом не стесняется. По тактическим соображениям может отказаться на некоторое время от проведения своих идей. К евреям относится не враждебно, ценит их как людей умных и проницательных. Большой русский националист и шовинист. Принципиально настроен против разделения Великой России.

Его изречение: „Хоть по шею в грязи, но зато хозяин“.

Против коммунизма не по убеждению, а из личного безысходного положения и потому что потерял личные позиции. Придерживается мнения, что русский народ очень благодарен большевизму за многое хорошее. Советское воспитание оказало на него влияние. Будучи в Советском Союзе сравнительно неизвестен, получил отказ других советских пленных генералов сотрудничать с ним. Как командир хорош на средних постах (комдив), а на более высоких постах считается сравнительно слабым. Хороший тактик, средний стратег. Так как в его распоряжении мало хороших офицеров, то большинство должностей занимается случайными людьми. Поэтому он сравнительно равнодушен к своим сотрудникам. Но уже начинает верить в свою новую миссию. К измене – соглашательству с Советами, – по всей вероятности, уже не способен.

Ценит, по-видимому, только генерал-майора Трухина как умного человека. Вероятно, заметил отсутствие пользовавшегося дурной славой капитана Зыкова (бывший ответственный редактор изданий „Заря“ и

„Доброволец“) после того, как тот исчез. Раньше он говорил: „Хотя Зыков и еврей, но пока он нам нужен, пусть работает“.

К генерал-майору Благовещенскому питает антипатию и как интеллигента немного презирает. Офицеров своей среды, которые имеют личные отношения с немцами, не любит и с ними не дружит.

Подпись: Штунде-Сармистэ».

До конца войны оставалось полгода. Поэтому создание комитета, или, точнее, его провозглашение, не что иное, как обыкновенные конвульсии фашистского режима перед своей смертью.

Целых два с лишним года Власова использовала немецкая военная пропаганда, и все это время его всего лишь рассматривали на роль «российского вождя» в интересах Германии.

Судя по документам, были и другие кандидатуры. Например, Шаповалов и Жиленков. Другое дело, что лучше Власова немцы так и не смогли найти или, точнее, не смогли уговорить...

На судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР Власов показал:

«До 1944 г. немцы делали все сами, а нас использовали лишь как выгодную для них вывеску. Даже в 1943 г. немцы не разрешали нам писать русских слов в этих листовках. Наше участие, вернее, наша инициатива во всех этих делах даже в 1945 г. едва ли превышала 5 процентов».

Когда Власова на том же заседании спросили: «Имели ли вы попытку попасть на прием к Гитлеру?», он ответил:

«Да, я пытался, чтобы Гитлер принял меня, но через Штрикфельдта я узнал, что Гитлер не желает видеть меня потому, что он поручил принять меня Гиммлеру. Гиммлер действительно меня принял, и в разговоре я узнал, что Розенберг не обеспечил им русского вопроса, и что теперь Гиммлер все русские дела взял на себя и будет лично руководить мной и моими организациями. По предложению Гиммлера предстояло создать КОНР и разработать текст Манифеста. В составлении участвовали Жиленков и работники его отдела. Редактировал манифест лично я сам при участии Жиленкова, Закутного, Малышкина. Написанный нами проект манифеста был передан на утверждение Гиммлеру. Последний внес в него свои поправки. После этого манифест был переведен на немецкий язык, и Гиммлер снова проверял его. Постоянным уполномоченным от Гиммлера лично при мне был некто Трегер. Положение о комитете было разработано, но утверждения не получило, и вообще оно в жизнь не проводилось».

Таким образом, создание так называемого «Комитета освобождения народов России» было обыкновенной «филькиной грамотой» или фактом, к которому относиться серьезно просто смешно.

Во-первых, комитет (КОНР) возник по предложению рейхсфюрера СС Гиммлера. Текст манифеста он же своей рукой дважды правил и утверждал.

Во-вторых, в манифесте было указано, что некоторые члены КОНР не поставили своей подписи на этом документе в связи с тем, что они находятся в СССР.

И это только один пример из всей лжи, там написанной, так как в действительности такую запись придумал не кто иной, как Жиленков, для того чтобы создать видимость, что представители комитета действуют также и на территории СССР.

В-третьих, роль комитета и его манифеста можно рассматривать не иначе как очередную пропагандистскую акцию фашистской Германии с целью вовлечения на свою сторону под знамена Власова еще больше военнопленных и «добровольцев».

Речь шла о спасении Третьего рейха, при этом ни о каком освобождении народов России от большевизма, ни о каком заключении мира с Германией и создании Российского государства без большевиков под патронажем ведомства Гиммлера говорить не приходится.

В-четвертых, можно допустить, что сам Власов и его коллеги прекрасно понимали все эти моменты и все же надеялись сохранить и приумножить русскую «живую силу» до полного краха Германии, чтобы затем войти в контакт с англичанами и американцами и рассчитывать на их признание.

Глава 2. Миф о Русской Освободительной Армии

*...Генерал Власов – не мой идеал,
ибо своей пламенной изменой он дал
Сталину веский козырь: казнить
«предателей Родины» пачками,
набивать ими бесчисленные Магаданы
и «шарашки». Тем более что избавиться
от Сталина и сталинизма в конце войны
все равно бы никому не позволили.
Генералиссимус выигрывал...
Другое дело – люди, которые пошли за
Власовым. Пошли, потому что не
видели иного выхода для себя и России.
И их трагедия – составная часть русской
катастрофы XX столетия.*

Протоиерей А. Киселев

1

В годы Второй мировой войны Антон Иванович Деникин написал один интереснейший документ – исторический очерк о том, как некоторые из русских военнопленных сменили свою форму на германскую.

Благодаря Дмитрию Леховичу, автору книги «Белые против красных», этот маленький кусочек из творчества выдающегося русского генерала и писателя дошел до нас впервые в 1992 г.

Я привожу его полностью в том виде, в каком он был опубликован тогда, потому что, смею вас заверить, его больше никогда не публиковали...

«В последнюю войну на востоке наблюдалось явление, до сих пор в истории международных войн небывалое. Германское командование для пополнения своих рядов обратилось к формированию частей из захваченных пленных, а также из населения оккупированных областей России. Столь рискованный опыт оказался возможным в результате отрыва русского народа от власти, извратившей своей окаянной практикой самые ясные основы национального самосознания.

Очутившись в плену, русские с первого же дня попадали в невыносимые условия, неизмеримо худшие, нежели для пленных всех других воюющих держав. И не только в первое время, когда, может быть, трудно было организовать прием столь неожиданно большого числа людей, но и во все последние годы.

Их гнали по дорогам, не считаясь с расстоянием и человеческой возможностью, без пищи и питья. И когда кто-либо от чрезмерной усталости падал или, желая утолить невыносимую жажду, наклонялся над придорожной канавой, его приканчивала стража штыком или пулею... Их держали по много суток под открытым небом во всякую погоду, иногда в снегу, в отгороженных колючей проволокой пространствах, в ожидании не хватавших транспортных средств. И тоже без всякой еды и что хуже – без воды... Ими набивали поезда, состоявшие из открытых платформ, на которых в спрессованном положении без возможности шевелиться они находились по 3–4 дня. В этой дышащей испражнениями человеческой массе среди живых стояли торчком и мертвые...

Мне рассказывал француз, вернувшийся из плена и лагерь которого находился по соседству с русским, что, когда к их расположению подъехал один из таких поездов, русские военнопленные буквально заостенели, не могли двигаться. Немцы отрядили французов, которые стали переносить русских на руках и носилках. Живых клали на пол в бараках, мертвых сбрасывали в общую яму...

Русских пленных, говорил другой француз, легко узнать по глазам: глаза у них особенные. Должно быть, от страдания и ненависти. В русских лагерях жизнь была ужасна. Многие бараки, особенно в первое время, – с прогнившими крышами. Ни одеял, ни подстилки на нарах. Грязь и зловоние. Обращались немцы с русскими пленными хуже, чем со скотом. Голод свирепствовал необычайный. В пищу давали от 100 до 200 грамм хлеба и один раз в день горячую грязную бурду с небольшим количеством картофеля, который бросали в огромный общий котел прямо из мешков, не только с шелухой, но и с землей. Иногда картошку заменяли шмыхом – отбросами сахарных заводов. Кормили продуктами, оставленными при отступлении большевиками, которые перед тем обливали их керосином. Эту тошнотворную дрянь ели. С отвращением и проклятием, но ели, чтобы не умереть с голоду. При этом ввиду отсутствия посуды приходилось хлебать из консервных банок, из шапок или просто пригоршнями.

Малейший протест вызывал расстрел. Бессильные люди бродили как тени. Многие доходили до такой степени истощения, что сидя под солнечной стеной барака, не имели сил подняться, чтобы дойти до бочки с

водой, чтобы утолить жажду. Немецкая стража, собирая для поверки, подымала и подгоняла их палками.

Часто случались эпидемии дизентерии. Больным никакой помощи не оказывалось, им предоставляли медленно умирать. Каждое утро немецкие санитары в специальной одежде и масках заходили в бараки и баграми вытаскивали трупы, которые сваливали, как падаль, в общие ямы. Около каждого русского лагеря в таких „братских“ могилах нашли упокоение десятки тысяч русских воинов.

Пленным всех народностей приходило на помощь их правительство и Красный Крест. Русские же ниоткуда не получали, ибо московская власть в международном Красном Кресте не состояла, и советские воины были брошены на произвол судьбы своим правительством, которое всех пленных огульно приказало считать „дезертирами“ и „предателями“. Все они заочно лишались воинского звания, именовались „бывшими военнослужащими“ и поступали на учет НКВД, так же как и их семьи, которые лишались продовольственных карточек.

Об этом известно было в лагерях, и это обстоятельство еще более отяжеляло душевное состояние военнопленных, которые не только материальной, но и моральной поддержки ниоткуда получить не могли. Они чувствовали себя в безвыходном тупике, обреченными на медленную гибель.

При таких условиях, когда немецкое командование предложило этим людям, обратившимся в живые скелеты, нормальный военный паек своих солдат, чистое белье и человеческое отношение, многие согласились одеть немецкий мундир, тем более что им было объявлено, что из них будут формировать части для тыловой службы и работы.

Пусть, кто может, бросит в них камень...

Однажды в тот захолустный французский городок на берегу Атлантического океана, где я прожил годы немецкой оккупации, прибыл русский батальон. Прибыл совершенно неожиданно и для нас, и для самих „добровольцев“, которых немцы посадили в поезд в Западной России, места назначения не объявили и везли без пересадок, не выпуская со станций, до конечного пункта. Среди них были люди разного возраста – от 16 до 60 лет, разного социального положения – от рабочего до профессора, были беспартийные, комсомольцы и коммунисты.

Эти люди толпами приходили ко мне, а когда германское командование отдало распоряжение, воспрещающее „заходить на частные квартиры“, пробирались впотьмах через заднюю калитку и через забор поодиночке или небольшими группами. Длилось наше общение несколько месяцев, пока

батальон не перебросили на фронт, против высаживающихся англо-американцев.

Говорили обо всем: о советском житье, о красноармейских порядках, о войне, об укладе жизни в чужих странах, и прежде всего о судьбе самих посетителей. Была в ней одна общая черта, выраженная советской жизнью и условиями плена – камуфляжа. Еще перед сдачей все коммунисты и комсомольцы зарывали в окопе свои партийные и комсомольские билеты и регистрировались в качестве беспартийных. Многие офицеры, боясь особых репрессий, срывали с себя знаки офицерского достоинства и отличия и заявляли себя „бойцами“. Стало известно, что семьи „без вести пропавших“ продолжают получать паек, а семьи плененных преследуются, и многие, попав в плен, зарегистрировались под чужой фамилией и вымышленным местом жительства. Когда вызвали „добровольцев“-казаков, записывались казаками и ставропольцы, и нижегородцы, и плохо говорившие по-русски чувашаи...

В толпе всегда мог оказаться доносчик, и потому вопросы, которые мне задавали, хотя и были часто весьма деликатными, облекались в самые безобидные формы. В этом искусстве подсоветские люди весьма преуспели... Между нами происходили разговоры вроде следующего:

- А далеко ли отсюда до испанской границы?
- Сто километров.
- И все лесом?
- Последняя треть пути безлесная.
- На границе французы?
- Нет, границу охраняют, и весьма бдительно, немцы.

Один только раз кто-то, не то по простоте, не то по умыслу, нарушил нейтральный тон наших бесед, задав мне вопрос:

– Скажите, генерал, почему вы не идете на службу к немцам? Ведь вот генерал Краснов...

– Извольте, я вам отвечу: генерал Деникин служил и служит только России. Иностранному государству не служил и служить не будет.

Я видел, как одернули спрашивающего. Кто-то пробасил: „Ясно“.

И никаких разъяснений не потребовалось.

Не было ни одной группы посетителей, не проходило ни одного дня, чтобы мне не задавали с нескрываемой скорбью сакраментальный вопрос:

- Как вы думаете, вернемся мы когда-нибудь в Россию?

Видно было, что никто уже не верит в победу немцев, и у меня перед большой картой, на которой линия фронта неизменно и быстро продвигалась на запад, толпились люди, испытывавшие, видимо, двойное

чувство: подсознательной гордости своей родиной и своей армией и... страха за свою судьбу.

Приходили ко мне и малыми группами сжившихся между собой друзей, и тогда разговор терял свой условный характер и становился доверительным. Приходили старики – участники белого движения, которые ни в чем не изменились за 25 лет большевистского режима... Приходило много молодежи, мало по-настоящему образованной, с превратными понятиями, но развитой больше, чем было в наше время, любознательной и ищущей. Они не скрывали от меня, что состояли в комсомоле; но, видимо, при столкновении с внешним миром глаза их открывались и коммунистическая труха спадала с них легко... Большинство уверяли, что поступили в комсомол только потому, что иначе „не было никакого выхода в жизни“.

Приходили одновременно и два коммуниста. Один – офицер – пытался даже доказывать коммунистические „истины“, явно зазубренные из краткого конспекта истории партии, и похваливался советской „счастливой жизнью“. Но, уличенный в неправде, сознавался, что пока ее нет, но будет... Другой коммунист, более скромный, нерешительно оправдывался в своей принадлежности к партии.

Я спросил:

– Скажите, чем объяснить такое обстоятельство: вам известно, что, если бы немцы узнали, что вы коммунист, вас бы немедленно расстреляли. А вы не боитесь сознаться в этом?

Молчит.

– Ну, тогда я за вас отвечу. Перед своими советскими вы не откроетесь, потому что 25 лет вас воспитывали в атмосфере доносов, провокации и предательства. А я, вы знаете, хоть и враг большевизма, но немцам вас не выдам. В этом глубокая разница психологии вашей – красной и нашей – белой.

Из длительного общения с соотечественниками в немецких мундирах я вынес совершенно определенное впечатление, что никакого пафоса борьбы русско-германского сотрудничества среди них в огромном большинстве нет и в помине. Просто люди попали в тупик и искали выхода. В тупик между ужасными условиями концентрационных лагерей и огульной советской властью пленных как „дезертиров“ и „предателей“, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так, по крайней мере, все они думали.

Но все, положительно все, испытывали страшную тоску по родине, семье и дому. Невзирая на все тяготы советской жизни, невзирая на

ожидающие их кары, многие готовы были вернуться в Россию при первой возможности. Отрицательное отношение к немцам не только высказывалось у меня, в четырех стенах, но и выносилось на улицу, в кабаки, где русские люди братались с французами, запивали свое горе и громко, открыто поносили „бошей“. Где полупьяный казак, заучивший несколько французских слов, показывая на свой мундир, говорил:

– Иси – алеман!

И потом, рванув за борт, показывая голую грудь:

– Иси – рюсь!

Надо сказать, что большинство чинов этого батальона были пленные 1941–1942 годов – времени поражения Красной Армии и исключительно тяжелого режима концентрационных лагерей, и потому с несколько пониженной психофизикой.

В своих собеседниках я видел несчастных русских людей, зашедших в тупик, и мне было искренне жаль их. Они приходили ко мне, ища утешения. Великодушные со стороны „отца народов“ я им, конечно, сулить не мог, но с полным убеждением заверял, что всякая другая русская или иностранная власть осудит, но простит. Если только... во благовремение они вырвутся из немецкого мундира...

Общей была решимость, когда приблизятся союзники, перебить своих немецких офицеров и унтер-офицеров и перейти на сторону англо-американцев. В этой решимости их укрепляло еще то обстоятельство, что в расположение русских частей сбрасывались союзными аэропланами летучки с призывом не сражаться против них и переходить на их сторону и с обещанием безнаказанности.

Когда они спрашивали меня, можно ли верить союзникам, я с полной искренностью и убеждением отвечал утвердительно, потому что мне в голову не могло прийти, что будет иначе... Большинство русских батальонов при первой же встрече сдалось англичанам и американцам».

Судя по этим строкам, Антон Иванович был потрясен встречами с советскими военнопленными. Дмитрий Лехович написал следующее: «И несмотря на свое бескомпромиссно-отрицательное отношение к русским эмигрантам, коллаборировавшим с немцами, в этом новом явлении русских военнопленных в германских мундирах Деникин видел просто русских людей, попавших в великую беду, и отнесся к ним сердечно, хотя к внешней их оболочке – отрицательно».

Александр Исаевич Солженицын в своей знаменитой книге «Архипелаг Гулаг» коснулся и власовцев. В первом томе он написал следующее:

«Что русские против нас вправду есть и что они бьются круче всяких эсэсовцев, мы отведали вскоре. В июле 1943 г. под Орлом взвод русских в немецкой форме защищал, например, Собакинские выселки. Они бились с таким отчаянием, будто эти выселки построили сами. Одного загнали в погреб, к нему туда бросали ручные гранаты, он замолкал; но едва совались спуститься – он снова сек автоматом. Лишь когда ухнули туда противотанковую гранату, узнали: еще в погребе у него была яма, и в ней он перепрыгивался от разрыва противопехотных гранат. Надо представить себе степень оглушенности, контузии и безнадежности, в которой он продолжал сражаться.

Защищали они, например, и несбиваемый днепровский плацдарм южнее Турска, там две недели шли безуспешные бои за сотни метров, и бои свирепые и морозы такие же (декабрь 1943). В этом осточертении многодневного зимнего боя в маскхалатах, скрывавших шинель и шапку, были и мы и они, и под Малыми Козловичами, рассказывали мне, был такой случай. В перебежках между сосен запутались и легли рядом двое, и уже не понимая точно, стреляли в кого-то и куда-то. Автоматы у обоих – советские. Патронами делились, друг друга похваливали, матерились на замерзающую смазку автомата. Наконец совсем перестало подавать, решили они закурить, сбросили с голов белые капюшоны – и тут разглядели орла и звездочку на шапках друг у друга. Вскочили! Автоматы не стреляют! Схватились и, мордуя ими как дубинками, стали друг за другом гоняться: уж тут не политика и не родина-мать, а просто пещерное недоверие: я его пожалею, а он меня убьет.

В Восточной Пруссии в нескольких шагах от меня провели по обочине тройку пленных власовцев, а по шоссе как раз грохотала Т-тридцать четверка. Вдруг один из пленных вывернулся, прыгнул и ласточкой шлепнулся под танк. Танк увильнул, но все же раздавил его краем гусеницы. Раздавленный еще извивался, красная пена шла на губы. И можно было его понять! Солдатскую смерть он предпочитал повешению в застенке.

Им не оставлено было выбора. Им нельзя было драться иначе. Им не оставлено было выхода биться как-нибудь побережливее к себе. Если один

„чистый“ плен уже признавался у нас непрощаемой изменой родине, то что ж о тех, кто взял оружие врага? Поведение этих людей нашей топорностью объяснялось: 1) предательством (биологическим? Текущим в крови?) и 2) трусостью. Вот уж только не трусостью! Трус ищет, где есть поблажка, снисхождение. А во „власовские“ отряды вермахта их могла привести только крайность, запредельное отчаяние, невозможность дальше тянуть под большевистским режимом да презрение к собственной сохранности. Ибо знали они: здесь не мелькнет им ни полоски пощады! В нашем плену их расстреливали, едва только слышали первое разборчивое русское слово изо рта. (Одну группу под Бобруйском, шедшую в плен, я успел остановить, предупредить – и чтоб они переоделись в крестьянское, разбежались по деревням примаками.) В русском плену, так же как и в немецком, хуже всего приходилось русским.

Эта война вообще нам открыла, что хуже всего на земле быть русским».

Обобщение всегда грешит удалением от истины. И чем больше, тем дальше. Трагедия советских военнопленных это действительно трагедия русских, трагедия русского народа. Но при этом нельзя никогда забывать о том, что среди этой трагедии имело место как предательство, так и трусость.

Известно, что второй набор в Дабендорфскую школу РОА (с 31 марта по 14 апреля) дал некоторый сбой. Сорок из тысячи курсантов, набранных из военнопленных, увидевши подлинное отношение немцев к русским, предпочли вернуться обратно в лагеря.

Согласитесь, что именно к этим сорока русским, отказавшимся от немецкой пайки и чистого белья, возникает великое уважение.

* * *

Дабендорфская школа РОА, или «отдел восточной пропаганды особого назначения» – единственный кадровый орган и учебный центр власовцев.

Основной задачей школы считалась подготовка групп пропагандистов при 100 дивизиях вермахта, на Восточном фронте и в лагерях военнопленных, находившихся в ведении ОКВ-ОКХ.

Тем не менее эта школа готовила офицерские кадры для «Русской освободительной армии» (РОА).

Через Дабендорф с 1943 г. по 1945 г. прошло до 5000 человек.

Первые слушатели прибыли на курсы из лагеря Вульхайде 28.02.1943 г. Начальником школы был назначен генерал Благовещенский. Три роты школы привели к присяге и с 1 марта начали готовить по специально разработанной для этого программе.

В конце марта из лагеря по подготовке кадров для восточных оккупированных территорий в Вустрау прибыла группа преподавателей – членов НТС во главе с генералом Трухиным.

Впоследствии Дабендорфская школа включала 5 курсантских рот, взвод резерва, хозвзвод, санчасть и клуб.

Постоянный персонал школы – 54 офицера, 11 унтер-офицеров, 44 рядовых. Все они были одеты в обмундирование вермахта с русскими полевыми погонами, кокардой и эмблемой РОА на левом рукаве.

Распорядок школы был следующим:

7.00—7.30 – подъем и физзарядка;

7.30—7.50 – утренний туалет;

7.50—8.20 – завтрак;

8.30–12.00 – занятия;

12.00–13.00 – обед и отдых;

13.00–17.00 – занятия;

17.00–18.00 – развод караулов;

18.00–22.00 – увольнение в город по средам,

субботам и воскресеньям;

22.00 – вечерняя поверка;

23.00 – отбой.

Учебная программа школы включала:

– методику и практику пропагандистской деятельности;

– политические занятия на тему: «Германия», «Россия и большевизм», «Русское освободительное движение»;

– строевую и физическую подготовку;

– и с конца 1943 г. – стрелковую подготовку.

Курс лекций сводился к критике существовавшей в СССР системы и к убеждению слушателей в перспективности власовского движения. Критика сталинизма лекторами велась с позиций законности и желательности февральской революции – 1917 г., а некоторыми даже – октябрьской, без сталинских извращений.

Характерно, что в специальном документе «Обзор деятельности отдела доктора Тауберга (антибольшевизм) имперского министерства пропаганды до 31.12.1944 г». об отношении национал-социализма к

«Русскому освободительному движению» говорилось:

«...Власовское движение не чувствует себя настолько связанным с Германией, чтобы идти с нею на „пан или пропал“. Оно имеет сильные англофильские симпатии и играет с идеей возможной перемены курса. Власовское движение не национал-социалистическое. В то время как национал-социалистическая идеология динамична в районах большевистского господства (что доказано опытом Каминского), власовское движение является жидкой настойкой из либеральной и большевистских идеологий. Важно и то, что оно не борется с еврейством и вообще не признает еврейского вопроса. Власовское движение высмеивает национал-социалистическое мировоззрение. Оно не является русской формой большого народного возрождения, каковыми были фашизм в Италии и национал-социализм в Германии. Поэтому оно может рухнуть... Из всего этого следует вывод, что за власовским движением необходимо внимательно следить и никакой власти распоряжаться „остарбайтерами“ ему не следует предоставлять».

Специалист по вопросам пропаганды не ошибался. Немцы прекрасно отдавали себе отчет в том, что власовцы ненадежны. Ведь опыт использования русских частей у них имелся. Однако с определенной долей осторожности им пришлось вступить в игру и принять ее правила. До конца войны оставалось немного, и немцам пришлось экспериментировать, подстраховавшись на случай определенным количеством своих людей в структуре РОА.

Начальником 1-й объединенной офицерской школы «Вооруженных сил Комитета освобождения народов России» 27 февраля 1945 г. был назначен М.А. Меандров.

Михаил Александрович Меандров родился в 1894 г. в Москве, в семье священника. В 1914 г. окончил 4-ю московскую гимназию, с мая учился в юнкерском Алексеевском военном училище. Прапорщиком выпущен в сентябре. Мировую войну закончил штабс-капитаном, командиром батальона запасного пехотного полка. В 1917 г. был контужен. В 1918 г. обучался в московской сельхозакадемии. В РККА – с 1918 г.

В конце 1918 г. поступил на курсы газотехников, на которых служил до 1921 г. инструктором, командиром роты и батальона.

С 1921 по 1924 г. – преподаватель тактики в школе ВЦИК, с 1924 по 1930 г. – начальник учебной части пехотного и пулеметного отделов. С 1930 г. – начальник штаба 3-го отдельного Рязанского стрелкового полка.

Весной 1935 г. переведен в штаб ПриВО на должность нач. отдела боевой подготовки. С января 1937 г. – начальник 2-го отдела штаба 12-го стрелкового корпуса. С августа 1938 г. начальник оперативного отдела штаба 12-го стрелкового корпуса и помощник начальника штаба. В 1938 г. – полковник.

С осени 1939 г. – заместитель начальника штаба 34-го стрелкового корпуса 7-й армии ЛенВО, с совмещением должности начальника оперативного отдела штаба корпуса. Участвовал в советско-финской войне и 21 марта 1940 г. был награжден орденом Красной Звезды.

С 1940 г. – начальник штаба 37-го стрелкового корпуса, а в 1941 г. – заместитель начальника штаба 6-й армии. В конце июля – начале августа армия попала в окружение и была уничтожена. 6 августа при прорыве из окружения захвачен в плен. Содержался в лагерях военнопленных в Виннице и Замостье. В июле 1942 г. переведен в офлаг XIII-D в Хаммельбурге. Участвовал в формировании парашютно-десантного отряда из добровольцев для выброски в местах расположения советских ИТЛ в Коми АССР. После многих неудач в антисоветской работе снова оказался в лагере военнопленных в Польше, где познакомился с членами НТС. Став членом НТС, заявил о желании вступить в РОА. В январе 1944 г. убыл в Дабендорф. Находился в резервной роте школы, а затем в инспекторiate генерала Благовещенского. Инспектор по пропаганде, начальник тактической подготовки, редактор «Офицерского бюллетеня РОА» и бюллетеня «Пропагандист Восточного фронта», начальник отдела пропаганды штаба ВС КОНР.

В ноябре 1944 г. – заместитель начальника Главного управления пропаганды КОНР генерала Жиленкова.

3

28 января 1945 г. Власов стал официально именоваться главнокомандующим вооруженными силами Комитета освобождения народов России, а 16 февраля он принимал парад первой дивизии РОА.

«Добровольцы» торжественно присягали:

«Как верный сын моей родины я добровольно вступаю в ряды войск Комитета освобождения народов России.

В присутствии моих земляков я торжественно клянусь честно сражаться до последней капли крови под командой генерала Власова на

благо моего народа против большевизма.

Эта борьба ведется всеми свободолюбивыми народами под высшей командой Адольфа Гитлера.

Я клянусь, что останусь верным этому союзу».

Верили ли они в то, что произносили вслух? Вряд ли.

Первая пехотная дивизия (по немецкой нумерации – 600-я) начала свое формирование 23 ноября 1944 г. в Мюнзингене. Основу соединения составили 29-я гренадерская дивизия СС «РОНА» (бригада Каминского – около 4000 человек), личный состав 30-й гренадерской дивизии СС, 308, 601, 618, 621, 628, 630, 654, 663, 666, 675 и 681-го отдельных русских батальонов, 582 и 752-го русских артиллерийских дивизионов, некоторых подразделений, 1604-го русского пехотного полка, а также добровольцы из лагерей военнопленных.

Организационная структура дивизии включала: штаб, штабную роту, полевую жандармерию, топографическое отделение, саперный батальон, отдел связи, истребительно-противотанковый дивизион, запасной батальон, отдельный разведотряд, 5 пехотных полков, артполк и полк снабжения.

Дивизия на вооружении имела 10 танков «Т-34», 1 °САУ, 12 тяжелых полевых гаубиц 150 мм, 42 орудия 75 мм, 6 тяжелых и 29 легких пехотных орудий, 31 противотанковое орудие 75 мм, 10 зенитных орудий 37 мм, 79 гранатометов, 563 станковых и ручных пулеметов и 20 огнеметов. Общая численность достигала 20 000 человек.

Командир дивизии **Буняченко Сергей Кузьмич** родился в 1902 г. в Курской губернии. Украинец. В РККА с 1918 г. В 1920 г. обучался на курсах младшего комсостава в Харькове. С октября комвзвода на 51-х пехотных курсах, с 1921 г. – помкомроты на 78-х пехотных курсах, с 1921 по 1923 г. – слушатель Киевской Военной школы. По окончании помкомроты.

С декабря 1925 г. по 1926 г. – временный помкомандира полка, затем помначальника полковой школы. С 1926 по 1930 г. – помроты, замкомбатареи. С 1930 г. – командир полка, с декабря – командир учебной роты. В марте 1931 г. – начальник полковой школы, в мае 1932 г. – слушатель ВАФ. До 1938 г. начальник штаба 78-го отдельного полка. В мае 1938 г. – начальник 1-й части штаба 26-й стрелковой дивизии, а через 2 месяца – помначальника штаба 39-го стрелкового корпуса.

В 1938 г. участвовал в боях у озера Хасан, пом. командира стрелковой дивизии, полковник. С 11 февраля 1940 г. – начальник штаба корпуса, а с 30 марта 1942 г. – командир стрелковой дивизии. 2 сентября Военным

трибуналом Северной группы войск Западного фронта осужден к расстрелу. 24 сентября расстрел заменили 10 годами исправительно-трудовых лагерей с отбыванием после окончания войны и с отправкой командиром действующей части на фронт.

10 октября вступил в командование 59-й отдельной стрелковой бригадой. 16 декабря взят в плен. С января по июнь 1943 г. содержался в лагерях военнопленных в районе Керчи, Джанкоя и Херсона.

В мае 1943 г. изъявил желание вступить в РОА. С сентября 1943 г. – офицер связи РОА при 7-й армии вермахта во Франции. В начале апреля 1944 г. проверял боеготовность всех добровольческих батальонов.

В период с 26 июня по 7 июля на западном побережье Франции в районе Сен-Ло в прифронтовой полосе направлял работу двух батальонов, занимавшихся разведкой.

10 ноября 1944 г. назначен командиром 1-й дивизии, а 27 февраля 1945 г. произведен в генерал-майоры.

Вторая пехотная дивизия (650-я по немецкой нумерации) начала свое формирование 17 января 1945 г. в Хойберге. Основу соединения составили 427, 600, 642, 667 и 851-й отдельные русские батальоны, 3-й батальон 714-го русского пехотного полка 851-й саперно-строительный батальон, 621-й русский артиллерийский дивизион и другие подразделения.

Общая численность около 12 тыс. человек.

Командир дивизии **Зверев Григорий Александрович**. Он родился в 1900 г. в Донецкой губернии. Русский. Окончил двухклассное городское училище, в 1922 г. – 44-е пехотные Екатеринославские курсы и в 1924 г. выдержал экзамен за курс пехотной школы.

С 1926 г. – командир роты. В декабре 1928 г. зачислен слушателем на стрелково-тактические курсы усовершенствования «Выстрел». С октября 1931 г. – начальник 2-го отдела штаба УРа. В мае 1933 г. – начальник штаба стрелкового полка, а в феврале 1936 г. – командир полка, майор.

С сентября 1937 г. – начальник штаба 19-го стрелкового полка. В 1939 г. ему присвоено воинское звание полковник. Весной 1940 г. окончил ВАФ и был назначен начальником пехоты 146-й стрелковой дивизии КОВО. С 14 марта 1941 г. – командир 190-й стрелковой дивизии.

В боях 7—11 августа Зверев был взят в плен, но представился рядовым и вскоре как украинец был освобожден. Вернулся к своим, и после проверки в начале 1942 г. его назначают командиром 8-й стрелковой дивизии, а с 1-го февраля – командиром 323-й стрелковой бригады.

С осени Зверев – зам. командира 127-й стрелковой дивизии, с 13 марта

1943 г. – командир 350-й стрелковой дивизии и военный комендант Харькова. 22 марта 2-й раз взят в плен.

С 28 марта по июль 1943 г. содержался в лагерях военнопленных, затем освобожден и направлен в Дабендорфскую школу РОА. 27 февраля 1945 произведен в генерал-майоры. 21 февраля вступил в командование 2-й дивизией.

Третья дивизия (700-я по немецкой нумерации) начала свое формирование 12 февраля 1945 г., но так и не закончила из-за отсутствия вооружения. Командиру дивизии генерал-майору Шаповалову удалось лишь собрать штаб и набрать около 10 000 бойцов.

На параде 16 февраля в Мюзингене присутствовали Кестринг, Ашенбреннер, командующий 5-м военным округом в Штуттгарте Файель, начальник полигона в Мюзингене генерал Веннигер. Парад начался с обхода войск Власовым. Буняченко поднял руку в арийском приветствии и доложил рапорт. Закончив обход, Власов поднялся на трибуну. Начался парад 1-й дивизии. Шли три полка с винтовками наперевес, артиллерийский полк, истребительный противотанковый дивизион, батальоны саперов и связи. Шествие замыкала колонна танков и САУ.

Еще не так давно табор «добровольцев» в РОА назывался не иначе как вербовочными мероприятиями. Вот пример.

Приказ

О проведении вербовочных мероприятий

в связи с компанией Гимmlера – Власова

1. Вербовка добровольцев для русской освободительной армии является согласно приказу рейхсфюрера СС неотложным мероприятием; она проводится пропагандистами по приказу высшего руководителя СС и полиции в Норвегии и по согласованию с комендантом зоны военнопленных.

2. Пропагандист имеет задание принять в письменном виде заявления добровольцев и занести таковых в список.

Список должен содержать:

- а) имя, фамилия,
- б) дата рождения,

в) № военнопленного.

3. По выполнению вербовочной компании пропагандист выезжает в Сталаг 303, где сдает заявления и списки. Явка до 5.XII.44 г.

4. Желательно немедленно организовать в лагерях отдельное размещение добровольцев.

5. Предлагается всем немецким учреждениям оказывать пропагандистам содействие и устранять все встречающиеся затруднения.

6. При возможных затруднениях и в случае необходимости оказания помощи пропагандист должен обращаться в ближайший орган СД.

Высший руководитель СС

и полиции Севера.

По поручению подписал д-р ТОСС

оберштумбаннфюрер СС

Дислокация 15 ноября 1944 г.

Разослано:

...

полковнику Звереву.

Согласимся, что два слова «доброволец» и «вербовка» несколько противоречат друг другу. Однако это никого не смущало, в том числе и самих «добровольцев».

Сохранилась программа подготовки 1-й дивизии (приказ № 030 от 14.12.44 г.)

1. Тактическая подготовка бойцов и подразделений. Основной задачей являлось научить бойцов действию в ближнем бою и взаимодействию огня с движением и маневру в составе подразделения. Особое внимание уделялось подготовке подразделений для выполнения самостоятельных боевых задач, в первую очередь – в ночное время (20 % учебного времени).

2. Огневая подготовка. Задача – изучить материальную часть приданного оружия и научить солдата и офицера отличному его владению в бою. Приказ требовал в процессе отработки огневых задач выявлять лучших стрелков и, вооружая их снайперскими винтовками, создавать снайперские команды.

3. Строевая подготовка. Цель ставилась – выработать подтянутого бойца с «четким» исполнением строевых приемов. Исполнение приемов

требовалось довести до автоматизма. Отработать строй отделения, взвода, роты и батальона.

Третий пункт особенно прекрасен формулировкой «исполнение приемов довести до автоматизма». Каким образом военнопленного, освобожденного из лагеря, голодного, холодного, изможденного и поставленного в строй РОА в результате вербовочных мероприятий можно было заставить исполнять строевые приемы и тем более довести их до автоматизма, к сожалению, приказ не поясняет!

Подготовка должна была быть закончена к 6 января – ночная, отделения – 20 января 1945 г.

Для формирования подразделений отводилось время: взвода до 27.01.45 г., роты до 10.02.45 г., полка до 24.02.45 г.

Характерно, что для обучения власовцами использовались как советские, так и немецкие уставы. Например, тактика – боевой устав пехоты. Часть: 1 и 2 – РККА (изд. 1942 г.), инженерная подготовка – переводы с немецких уставов и учебники РККА.

На боевую подготовку отводилось 378 ч и 14 ч резервного времени. Так на тактику – 190 ч, уставам – 6 ч, строевой подготовке – 66 ч и т. д.

В общем-то, маловато для бывших военнопленных, но что делать, приходилось спешить. Наступление Красной армии остановить было уже невозможно. Понимали это все без исключения. Однако говорить продолжали одно, а делать совершенно другое.

А.А. Власов то ли писал, то ли говорил осенью 1944 г.:

«Признавая независимость каждого народа, национал-социализм представляет всем народам Европы возможность по-своему строить собственную жизнь. Для этого каждый народ нуждается в жизненном пространстве.

Обладание им Гитлер считает основным правом каждого народа. Поэтому оккупация русской территории немецкими войсками не направлена к уничтожению русских, а наоборот – победа над Сталиным возвратит русским их отечество в рамках семьи Новой Европы».

В то же время власовцы смотрели в сторону Запада. По свидетельству Ю.С. Жеребкова в январе 1945 г. Власов начал переговоры с министерством иностранных дел, с оберфюрером СС Крэггером с целью получения разрешения на непосредственные переговоры КОНРа с Международным Красным Крестом о защите интересов русских добровольцев, попавших в плен к западным союзникам.

О судьбе их якобы волновались Власов и его коллеги, к тому же был

обоснованный страх быть выданными Советам.

Эти переговоры были нечем иным, как прощупыванием почвы на ближайшее будущее. Нужно было спасти свою шкуру, и именно с этой целью делалось многое: переписка с Женевой и переговоры через Жеребкова с представительством Международного Красного Креста в Берлине.

В конце января 1945 г. Жеребков встретился в Берлине с швейцарским журналистом Георгием Брюшвейлером, родившимся в Москве, который очень просил представить его Власову.

До посещения Власова Жеребков имел с ним конфиденциальный разговор, приведший к его обещанию помочь «Освободительному движению». По возвращении в Швейцарию он должен был, при посредстве своих крупных связей, переправить англо-американскому Главному командованию меморандум о движении и, кроме того, подготовить почву для непосредственного контакта КОНРа с западными союзниками.

На приеме у Власова Брюшвейлер обещал поместить ряд статей в «Нойе Цюрихер Цайтунг», правильно освещающих Освободительное движение. В первых числах февраля журналист с данным ему материалом выехал в Швейцарию. Но статей власовцы так и не увидели.

В марте 45-го Жеребкову удалось отправить два письма: одно – Густаву Нобелю, которое он вручил шведскому военному атташе в Берлине – полковнику Данфельду, и второе – генералу графу Ф.М. Нироду через испанского дипломата, летевшего в Мадрид. В конце месяца в Праге Жеребков вел переговоры о предполагавшемся съезде русских ученых. Там он встретился с профессором Вышеславцевым, у которого были хорошие связи в швейцарских научных и политических кругах. Он дал согласие, используя связи помочь «Освободительному движению». Инструкции профессор получил лично от Власова при встрече в Карлсбаде.

В апреле Международный Красный Крест дал ответ на письменное обращение КОНРа. Он выглядел примерно так: «М.К.К., по получении письменного обращения КОНРа, предпринял все нужные шаги перед англо-американскими правительствами. Однако ввиду деликатности и сложности положения КОНРа, благодаря его сотрудничеству с Германией, защита интересов добровольцев, попавших в плен к западным союзникам, очень нелегка».

В это же время высказывалась иллюзорная надежда, что именно Власов каким-то образом может изменить катастрофическое положение Германии. По свидетельству Жеребкова, многие политические и военные руководители считали, что с помощью «Власова и Русского

освободительного движения, как экспонентов в борьбе против большевизма и Сталина, Германия сможет сговориться с союзниками и совместно продолжить войну против Советского Союза».

Более того, «идея возможного сговора с англо-американцами при использовании имени Власова была руководящей нитью всех последних германских решений и действий, связанных с освободительным движением».

4

В конце 1944 г. Андрей Андреевич предложил должность начальника штаба Вооруженных сил КОНР Смысловскому, однако тот отказался.

До этого Власов дважды встречался с этим загадочным генералом русского происхождения: в конце 1942 г. и в апреле 1943 г. Эти встречи также не дали результатов.

До последних дней войны Смысловский считал власовскую идеологию социалистической и не мог согласиться с призывами к борьбе в союзе с Англией и Америкой. Впоследствии Смысловский признавался, что при другой обстановке «Власовское движение могло бы сыграть свою роль как один из сильнейших факторов, способных дестабилизировать советскую государственную машину». В отличие от Власова, Смысловский подчеркивал, что целью борьбы может быть только победа над СССР, а до борьбы Германии против «западных плутократий» ему никакого дела нет.

* * *

9 октября 1944 г. состоялось собрание двадцати эмигрантов (среди участников были также начальник управления по делам русской эмиграции в Германии генерал от кавалерии В.В. Бискупский и начальник 2-го отдела РОВС в Германии А.А. фон Лампе, генерал-майор) в Берлине.

Власов пришел последним и практически сразу же объяснил всем присутствующим цель собрания: предстоящее объединение всех русских частей под своим командованием. Он заявил, что ему представлено на рассмотрение несколько проектов об учреждении Комитета Освобождения Народов России, из которых он выбрал составленный Жиленковым и прочел готовый текст. Затем предложил высказаться. Генерал Бискупский возражал только против пункта, в котором вина за происшедшее

возлагалась на Николая II. Он просил убрать его, так как эмигранты в большинстве своем были монархистами. Власов тут же согласился.

* * *

6 декабря 1944 г. в Берлине на квартире фон Лампе с Власовым встретился казачий генерал В.Г. Науменко. Было начало девятого вечера. Сам Науменко в своих воспоминаниях отметил, что Власов приехал на встречу на двух автомобилях в сопровождении нескольких человек. Он остановился со своей машиной у противоположного тротуара и не выходил из нее, пока ему не доложили, что он может выйти, а тем временем его сопровождающие осмотрели улицу и вход во двор, в котором живет Лампе.

Когда Власов вошел в комнату, он сразу же представился Науменко:

– Власов.

Вместе с ним прибыл и полковник Сахаров, которого не ждали, поэтому Лампе пришлось подавать четвертый стакан.

Разговор длился около трех часов под одну бутылку вина. Власова все время волновало отношение к нему генерала Краснова. Андрей Андреевич выложил из кармана тезисы белого генерала, в которых говорилось о предательстве Деникина и о том, что ум русского человека пропитан ядом большевизма.

О Краснове Власов отзывался с уважением. Говорил, что читал его книги, а при свидании тот сам говорил ему много любезностей и приятных вещей.

Власова смущало то, что Краснов держится по отношению к нему неприязненно, хотя Власов ему зла не желает и воевать с ним не собирается.

Дальше пошла речь о казаках, которые якобы много пишут Власову и просят служить и воевать под его командой. Власов предложил образовать казачье управление, при этом не вмешиваясь, самим казакам решить свою судьбу.

На 17 декабря предполагалось новое собрание комитета, и примерно в это же время он собирался выпустить обращение к белым офицерам и казакам.

В ходе разговора снова вернулись к «тезисам» Краснова. Белый генерал выражал недовольство двумя пунктами: в «декларации» Власова ничего не было сказано о жидов и за самим Власовым не было духовенства.

По поводу жидов Власов лишь подчеркнул: «Отношение народа к

жидам совершенно определенное и говорить о жидовском вопросе не приходится».

О духовенстве: «У него были митрополиты Анастасий и Серафим, они разговаривали, и Власов предлагает, что теперь они пожелают, чтобы был их представитель».

Науменко вспоминал, что Власов долго и много говорил о своем прошлом, а от слов его пахло какой-то непосредственной простотой или даже простоватостью. Дважды он повторил, «как солдаты говорили, что где Власов, там не страшно, что они в бою лежат, а он стоит и ничего не боится».

Прощаясь, Андрей Андреевич выразил уверенность в совместной работе...

* * *

20 декабря 1944 г. вышел очередной номер газеты «Воля народа». В ней было опубликовано официальное информационное сообщение Комитета освобождения народов России от 17 декабря, где говорилось об учреждении Советов – Русском национальном, Белорусском национальном, Национальном Совете народов Кавказа, национальном маслахате народов Туркестана, Главном управлении Казачьих войск. Представители национальных советов, избираемые самими советами, образуют при Комитете освобождения народов России постоянное совещание по делам национальностей.

* * *

7 января 1945 г. Краснов встретился с Власовым. Где-то около получаса они говорили наедине, а потом позвали своих помощников. С Красновым был Семен Краснов (троюродный племянник), а с Власовым – Трухин.

Андрей Андреевич говорил о своей единоличной власти, что его еле сдерживал начальник штаба...

Соглашение о совместной работе было практически достигнуто. Решили вопрос о представительстве казачьих войск при ВС КОНР. Краснов и Власов поцеловались.

Вернувшись домой, Краснов набросал проект соглашения, в котором

прежде всего обосновал, почему казаки должны быть самостоятельны, дальше сказал о совместной работе с «большевиками» (власовцами) и о посылке Зимовой Станицы (представительства).

* * *

9 января генерал Краснов в сопровождении Семена Краснова поехал на квартиру к Власову. Встреча началась тепло и происходила как обычно за столом.

Читая проект Краснова, Власов все время говорил, что согласен, пока не дошел до того места, где говорилось о совместной борьбе под германским командованием. Андрей Андреевич решительно возражал и считал, что казаки должны быть подчинены только ему. Очевидцы утверждают, что он даже стучал кулаком по столу, когда говорил эти слова.

Краснов не соглашался, считая, что о подчинении говорить рано. Разговор закончился до решения вопроса о назначении Власова главнокомандующим. После этого Краснов еще полчаса слушал «большевичка», который, как всегда, больше говорил о себе.

* * *

31 января генерал Науменко застал Краснова расстроенным. Тот все переживал, что немцы не могут определить свою линию между казаками и Власовым. О Власове «атаман» высказался нелестно, считая, что «Власов говорит в глаза одно, а за глаза другое».

Краснов не доверял «большевичку», считая, что тот намерен уничтожить казачество, послав его на передовые линии.

* * *

3 февраля в пять тридцать вечера Науменко посетил Власова на его квартире, отмечая хороший дом и отличную обстановку. Разговор длился полтора часа. Науменко говорил о непонимании между Главным управлением и казаками, о своей попытке повлиять на Краснова и о своем решении выйти из состава Главного управления. Затем Науменко дал Власову прочесть проект приказа о своем подчинении, который он прочел.

В месте, где было указано, что Власов признает за казаками все их права, последний пробормотал: «Конечно, и даже больше».

* * *

22 марта 1945 г. в передаче по радио Комитета освобождения народов России в 22 часа 15 минут сообщалось, что кубанский войсковой атаман генерального штаба генерал-майор Науменко отдал приказ о включении Кубанского казачьего войска в ряды освободительного движения народов России под водительством Главнокомандующего Вооруженными силами освободительной армии генерал-лейтенанта Власова.

23 марта вышел приказ № 12 Казачьим войскам по строевой части, в котором приводятся слова Науменко:

«Все мы знаем, что наша сила в единстве. Мы не должны забывать уроков гражданской войны в России 1917—20-х годов. Тогда, благодаря отсутствию единства, успешно начатое дело было проиграно.

Зная ваше настроение, родные кубанцы, зная, что вы считаете, что сейчас не время колебаться и делиться, я вошел в подчинение генерала Власова, который признает за нами, казаками, все наши права. Только в единстве со всеми народами России и под единым командованием мы сможем достигнуть желанной победы, возвращения на берега нашей родной реки Кубани, а затем мы, принявшие участие в деле спасения и освобождения нашей Родины, с сознанием выполненного долга приступим к созданию нашего края и казачьей жизни, согласно традициям и укладу наших предков, прославивших имя казачества».

Далее подписавший приказ № 12 начальник Главного управления казачьих войск генерал от кавалерии Краснов пытается разоблачить Науменко:

«Приказ генерал-майора Науменко не должен смутить казаков, уже более трех лет борющихся с большевизмом в рядах германской армии, как ее союзные войска.

Генерал-майор Науменко не имел права отдавать такой приказ, как войсковой атаман Кубанского войска.

Каждому казаку известно, как происходят выборы войсковых атаманов. Они производятся на родной земле кругами или в Кубанском войске – Кубанской краевой радой. В Раду входят представители станиц, городов, сел и аулов Кубанского края, всего в числе 580 казаков.

После крушения Добровольческой армии в 1920 году, часть казаков

оказалась на острове Лемносе, после эвакуации из Крыма. Было собрано 35 членов Рады и 58 беженцев-казаков. Эти случайно оказавшиеся на о. Лемносе 93 кубанца объявили себя Кубанской краевой Радой, выбрали своим председателем Скобцова, а кубанским войсковым атаманом генерал-майора Науменко. Протоколы заседания Рады остались неподписанными, грамота об избрании в войсковые атаманы генерал-майору Науменко не была вручена.

Генерал-майор Науменко находился в это время в Сибири.

Тогда же многие кубанские казаки оспаривали законность этих выборов. Я не буду обсуждать этот вопрос. (...)

Приказом главнокомандующего добровольческими частями генерала от кавалерии Кестринга от 31 мая 1944 г. германское правительство создало для защиты прав казаков Главное управление казачьих войск.

Атаманский вопрос до возвращения в родные края и до возможности производства там законных выборов войсковых атаманов отпал. Те, кто именуют себя атаманами, не являются таковыми. Их приказы не могут быть обязательными для казаков. В силу военных обстоятельств казаки разбросаны на огромном протяжении: от Балтийского моря, через Силезию, Венгрию, Хорватию, Северную Италию, долину Рейна до побережья Ла-Манша и Атлантического океана.

Наиболее крупными начальниками являются: походный атаман генерал-майор Доманов, на казачьей земле – утвержденные Главным управлением казачьих войск окружные атаманы донских станиц – генерал-майор Фетисов, кубанских станиц – полковник Лукьяненко и терских, ставропольских, астраханских и иных казачьих войск и станиц – полковник Зимин. В боевых частях – командир 15-го казачьего кавалерийского корпуса генерал-лейтенант фон Паннвиц и начальники остальных казачьих подразделений на обширном воюющем фронте.

Армия Комитета освобождения народов России генерал-лейтенанта Власова преследует те же цели, что и казачьи части.

Приказ генерал-майора Науменко не может и не должен быть понят кубанскими казаками как призыв к разложению, уходу и дезертирству из своих частей.

Наша сила – в единстве. Не уходом из своих частей в какие-то иные части, не прислушиванием к заманчивым словам лиц, не заслуживших кровью и борьбой права распоряжаться казаками, но твердой дисциплиной, полным повиновением своим боевым начальникам и указанием моим, как начальника Главного управления казачьих войск, вы, казаки, достигнете этого единства, а с ним вместе и подлинного признания ваших прав на

землю и самобытное существование. Мы со своего казачьего пути не сойдем, но пойдём по нему вместе с германской армией, генерал-лейтенантом А.А. Власовым...»

* * *

6 апреля 1945 г. в Карлсбаде около половины одиннадцатого состоялась очередная встреча Науменко с Власовым. После двух рюмок и закуски Власов сказал, что дела немцев плохи и, видимо, Германия будет перерезана на две части – Юг и Север.

Науменко вспоминал (слова Власова): «Если бы кто из нас попался в руки англичан, то унывать не надо, так как он имеет определенные данные, что те советам нас выдавать не будут.

На той стороне известно о формировании нашей армии и что там на это смотрят благожелательно. Во Франции разрешено формирование русских Деникину. Со слов Власова видно, что он зондировал почву и насчет Швейцарии и возможна посылка туда нашей делегации. Кемптен явится центром сосредоточения не только казаков, но и духовенства, а может быть, всей организации Власова.

Нам, казакам, Власов дает средства для того, чтобы мы могли развить там организационную работу. Он сказал, чтобы мы написали ему, сколько нам надо денег, а он сделает соответствующее распоряжение».

7 апреля генералы встретились вновь.

Власов жаловался, что нечем вооружать людей. Что в Мензинген приходит масса офицеров. Каждый день до 400 человек и еще больше солдат, и он не знает, что с ними делать.

* * *

Апрель – май 1945 г.

В Италию прибыл начальник ГУКВ генерал П.Н. Краснов вместе с представителем штаба РОА полковником А.М. Бочаровым.

Там, на торжественном открытии школы пропаганды, генерал Краснов изложил свою политическую концепцию, в которой основное внимание посвятил характеристике власовского движения и самого генерала Власова:

«1. В свое время была Великая Русь, которой следовало служить. Она пала в 1917 г., заразившись неизлечимым, или почти неизлечимым, недугом

большевизма.

2. Но это верно, однако, только в отношении собственно русских областей. На юге (в казачьих областях) народ оказался почти невосприимчивым к „большевицкой заразе“.

3. Нужно, следовательно, спасти здоровье, жертвуя неизлечимо больным. Но есть опасность, что более многочисленный „больной элемент“ задавит элемент здоровый (т. е. русские северяне – казаков).

4. Чтобы избежать этого, надо найти союзника-покровителя и таким может быть только Германия, ибо немцы – единственная „здоровая нация“, выработавшая в себе иммунитет против большевизма и масонства.

5. Во власовское движение не следует вмешиваться: если окажется, что власовцы абсолютно преданные союзники гитлеровской Германии, тогда можно будет говорить о союзе с ними. А пока расчет только на вооруженные силы немцев».

Генерал Краснов так и остался наиболее решительным и влиятельным противником объединения с РОА.

Вскоре появилось пресловутое письмо Краснова Власову.

В редактировании письма генералу Власову принимал участие хорунжий Н.С. Давиденко, до этого служивший в РОА. По его словам, ему во многом удалось сгладить «острые углы» письма Краснова, то есть сделать его менее вызывающим.

5

В своем исследовании «Офицерский корпус генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945» историк К.М. Александров пишет:

«Боевое использование власовцев себя оправдало (...)

26 марта 1945 г. на место дислокации 5-го горнопехотного корпуса СС 9-й армии вермахта прибыла 1-я пехотная дивизия ВС КОНР генерал-майора С.К. Буняченко. Соединение заняло позицию в районах полигона „Кумрак“ и монастырского леса Нейцелле по соседству с 391-й охранной дивизией Вермахта. 12 апреля дивизия выдвинулась на исходные позиции в полосе предмостного укрепления 119-го УРа 33-й армии 1-го Белорусского фронта. Генерал пехоты Т. Буссе предложил Буняченко уничтожить советское укрепление на западном берегу Одера и отбросить противника на восточный. Власовцы действовали полностью самостоятельно, используя

лишь поддержку нескольких германских батарей при артподготовке.

13 апреля в 4.45 начался огневой налет. В 5.15 2-й полк подполковника ВС КОНР В.П. Артемьева и 3-й полк подполковника ВС КОНР Г.П. Александрова перешли в наступление. К 8 утра власовцы прорвали первую линию обороны, потеснив обороняющихся на 500 м и захватив ряд огневых точек. Однако нарастающий заградительный огонь с восточного берега Одера и глубоко эшелонированная оборона заставили Буняченко к 10.00 «остановить наступление».

По другим источникам, несмотря на артподготовку, к восьми часам утра власовцы начали неорганизованный отход, бросая оружие, боеприпасы и амуницию, оставляя убитых и раненых. Их потери составили не менее 30 процентов.

Генерал Буссе, командующий 9-й армией, подготовил приказ о разоружении 600-й (русской) дивизии в связи с трусостью и провалом наступления. Игнорируя приказы немецкого командования, Буняченко повел дивизию в южном направлении к Линцу, где предполагалось сосредоточить все крупные соединения «восточных войск».

Вскоре в конфликт вмешался командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Шернер, обещавший сравнять русскую дивизию с землей. Но после встречи Власова, следовавшего в Линц с 650-й дивизией, с представителем Гимmlера – оберфюрером СС Креггером директивы Шернера были отменены.

Недалеко от Линца из частей СС Гимmlера создавалась «Альпийская крепость». Там же предполагалось сосредоточить все крупные силы восточных войск. Сам Гимmlер вел секретные переговоры с американцами, и, видимо, власовцев предполагалось использовать в этой «игре».

На допросе 31 января 1945 г. Буняченко показал:

«В начале марта 1945 г. дивизия в основном была сформирована и к этому времени насчитывала около 20 тыс. человек. За успешное формирование дивизии германское командование наградило меня серебряной медалью, а Власов с согласия немцев присвоил мне звание „генерал-майор РОА“.

6 апреля 1945 г. сформированная мною дивизия прибыла на фронт в район ст[анции] Либерозы на р. Одер.

13 апреля по приказу генерала Власова я выделил по одному батальону из 2-го и 3-го пехотных полков противотанковый дивизион и артиллерийский полк для участия в боевых операциях против Красной

Армии. Эти части дивизии по приказу немецкого штаба вели бой с Красной Армией на р. Одер... После поражения моих частей на реке Одер я больше дивизию в бой с частями Красной Армии не вводил. При наступлении советских войск на Берлин я, поняв неизбежность поражения Германии, увел свои части на территорию Чехословакии с тем, чтобы после перейти на сторону англо-американских войск».

Власов:

«1-ю дивизию РОА, находившуюся в районе Берлина, где она по указанию Гимmlера отдельными частями участвовала в боях против Красной Армии, я, воспользовавшись тем, что Гимmlер сложил с себя командование северо-восточной группой войск, перебросил на территорию Чехословакии, имея в виду, что в этом направлении наступают англо-американские войска. Туда же я намеревался стянуть и остальные силы Русской освободительной армии».

Командир второй дивизии Зверев:

«В первой половине апреля 1945 г. я получил приказание от Трухина двигаться со своей дивизией из Мюнзингена в район города Каплиц (на границе Германии с Чехословакией). В этот же район по приказу штаба армии должны были прибыть: офицерское училище, запасная бригада, строительный батальон, а также из района города Прага первая дивизия, из Италии – казачий корпус и из Сербии – русский охранный корпус, сформированный немцами из белогвардейцев. По сути дела, в районе города Каплиц должны были сосредоточиться все вооруженные силы РОА...

Как только части южной группы войск РОА двинулись к месту сосредоточения, в связи с создавшейся тяжелой для немцев обстановкой на фронтах связь с Власовым была потеряна.

Трухин неоднократно пытался связаться с ним, но безрезультатно, и только вблизи пункта сосредоточения в районе гор[ода] Каплиц я получил через Шаповалова приказ Власова, согласно которому мне предполагалось немедленно направить дивизию на север к Праге для соединения с первой дивизией, которая в начале марта 1945 г. под командованием... Буняченко находилась в районе Берлина, где один из ее батальонов и артполк по приказу Власова принимали участие в боях против Красной Армии... Полученный приказ Власова о соединении с первой дивизией мной выполнен не был. 9 мая 1945 г. в районе г. Линц я был американцами задержан».

Сам Власов, находясь у Буняченко и не имея сведений о судьбе Трухина, его штаба, 2-й дивизии, приказал первой дивизии «направиться в сторону расположения англо-американских войск».

6

Только для офицерского состава

Конспективная запись заключительной части доклада

генерал-майора Трухина

4 апреля 1945 г.

...«недавно разбиралось дело трех офицеров строительного батальона, занимавшихся пьянством, выгонкой самогона, обменом на водку вещей, присвоенных ими у солдат. Эти люди опозорили звание офицеров освободительной армии, и генерал Власов немедленно же утвердил приговор военного суда, исключив этих людей из офицерской семьи и осудивший их на каторжные работы. Или же дело подпоручика Жуковского, тоже недавно слушавшееся в суде. Этот человек дошел до того, что стал покушаться на жизнь своего командира. Андрей Андреевич сжалился над ним и заменил смертный приговор каторжными работами....

Или возьмем пьянство. Доходит до того, что посылают солдат за водкой по деревням, да еще поручают им обмен предметов обмундирования, так необходимого нам сегодня и которого зачастую не хватает, чтобы одеть людей. Это уже преступление.

Или возьмем с женщинами.

За ними наблюдается какая-то охота. Вообще отношение к женщинам со стороны наших офицеров возбуждает недоумение.

Мы не требуем от наших офицеров аскетизма, но на что похоже, когда офицер приходит в общую комнату, где живет кроме него чуть не десять человек женщин, и занимается черт знает чем.

Возле женских барачков приходится выставлять чуть ли не воинский караул. А если к этому прибавить, что среди женщин есть и

подозрительный элемент (вспомним, что в разведке и шпионаже весьма часто пользуются услугами женщин), что тогда? Допустимо ли это?

А картеж? Как назвать то обстоятельство, что в банках мы находим золотые вещи, часы, тысячи марок?

Когда недавно был произведен обход в лазарете и обнаруженные у игроков деньги конфискованы, то на счет народной помощи на следующий день можно было перевести до десяти тысяч марок.

А можем ли мы сказать, что у нас достаточно все заботятся о своих подчиненных? Были, к сожалению, случаи, правда единичные, когда при переходе войск из лагеря в М. некоторые офицеры проехали вперед, бросив свои части, и, лично хорошо устроившись, предались благодущию, не интересуясь своими подчиненными. Надо твердо усвоить, что без дисциплины, без того, чтобы наш офицер был офицером образцовым, армии не построим.

У части офицеров еще процветает склонность к доносам и наушничеству. К прокурору и начальнику штаба ежедневно поступают доносы, по большей части анонимные. Это недопустимо, это не приличествует офицеру.

В целом наше офицерство стоит на должной высоте..., но среди офицерства находятся единицы, потерявшие присутствие духа, люди малодушные, трусы.

Эти люди под влиянием трусости и безволия впадают в панику, становятся жертвами распространяемых прямыми агентами слухов. Теряя веру в победу, скатываясь до настроения, когда представляется все пропавшим, эти люди начинают вести себя именно соответственно такому пониманию положения...»

Ничего удивительного в этом нет. До конца войны оставалось немногим более месяца. Поэтому пир во время чумы стал неким преддверием расплаты за содеянное...

Разложение власовской армии и всех добровольческих русских частей остановить было уже невозможно. И все это происходило в период поисков выхода: куда идти. Стояла вполне реальная задача успеть умудриться сдать англо-американским войскам и именно как можно большей частью РОА, так как в этом случае можно было говорить о каком-либо освободительном движении.

Удивительно, но Власов каким-то образом сохраняет присутствие духа. 13 апреля 1945 г. в день, когда батальоны 1-й дивизии РОА атаковали позиции 119-го укрепрайона 33-й армии 1-го Белорусского фронта, в отеле

«Ричмонд» в Карлсбаде состоялось официальное бракосочетание Власова с фрау Биленберг. Сам Гитлер дал разрешение на этот брак. Интересно, что из русских на этой церемонии не было никого.

18 апреля 1945 г. Власов в последний раз встретился с Штрик-Штрикфельдтом. Один на один он сообщил Вильфриду Карловичу, что дал согласие на боевое применение в районе Одера своей единственной полностью сформированной и вооруженной дивизии, чтобы показать немцам надежность добровольцев, даже в условиях развала фронта и краха Германии.

Со слов Штрик-Штрикфельдта, Андрей Андреевич лично Трухину и некоторым офицерам отдал приказ: беречь и во что бы то ни стало спасти личный состав дивизий.

Первая дивизия и все наличные добровольческие части должны были быть сконцентрированы на линии Прага – Линц.

По воспоминаниям Вильфрида Карловича, это «составляло часть плана, направленного на создание сильного военного соединения, в конце концов на территории Югославии из российских, чешских, югославских и даже немецких добровольцев. Этот интернациональный корпус должен был составить ядро военно-политического сопротивления вторгающемуся в Европу сталинскому большевизму».

В разговоре Власов сказал, что еще несколько месяцев назад уполномочил Ю.С. Жеребкова войти в контакт с англичанами и американцами через посредничество Международного Красного Креста в Женеве.

Целью Власова было: признание всех добровольцев политическими противниками сталинского режима, имеющими право на политическое убежище.

Штрик-Штрикфельдт:

«Когда генерал уже лег спать, я еще раз зашел к нему, и он сказал мне:
– Простите, Вильфрид Карлович, я много пью в последнее время. Я пил и раньше, но никогда не пьянствовал. А теперь я хочу забыться. Крегер все время подливает мне и думает, возможно, держать меня этим в руках. Но он ошибается. Я все вижу и все слышу. Я знаю свой долг и не спрячусь от ответственности. Прошу у Бога силы выдержать все до конца...»

Когда Власов стал засыпать, Вильфрид Карлович вышел. Больше они не увиделись никогда.

«ДЕЙЧ ВРОД, 5.5.45.
08 ч. 45 м.
Генерал-майору ТРУХИНУ

ДОНЕСЕНИЕ

Поставленную задачу выполнил.

Генерала А.А. Власова и 600 сд нашел и лично в 22 ч. 00 м. 4.5.45 г. с генералом ВЛАСОВЫМ и генералом БУНИЧЕНКО связался.

Местонахождение А.А. ВЛАСОВА вместе со штабом 600 сд...

Штаб дивизии – Сухомаст.

Сегодня 5.5.45 и завтра 6.5.45 дивизия будет находиться здесь, штаб Сухомаст.

В ночь с 6 на 7 мая генерал БУНИЧЕНКО с дивизией перейдет несколько южнее с целью приблизиться к нам... штаб будет располагаться Пибранс.

Генерал ВЛАСОВ приказал вам передать:

а) все части, находящиеся под вашим командованием, немедленно двинуть на север для скорейшего соединения с 600 сд;

б) никаких других приказов, откуда бы они ни исходили, не выполнять, сейчас главнейшая цель соединиться в единый кулак;

в) никого и нигде не признавать;

г) всеми способами получить продовольствие сколько только возможно и везти с собой, для чего мобилизовать подводы через местные власти или жандармами штаба, соблюдая при этом корректность, исключая боязнь за последствия при случае взятия транспорта самочинно;

д) там же есть возможность применять акты самовооружения;

е) кроме мобилизации подвод для транспортировки продовольствия подводы мобилизовать для подвозки отстающих и больных;

ж) в случае возражения германского офицера связи по поводу невыполнения приказа командующего „Зюд“ ему сказать, что имеется устный приказ А.А. Власова выполнять более серьезную задачу вместе с 600 сд;

з) добиться от ХЕРРЕ всеми способами, путем расспросов, где имеются по пути движения или в ближайших тыловых пунктах склады

продовольственные, вещевые, вооружения;

и) о результатах переговоров АСБЕРГА и ПОЗДНЯКОВА донести генералу ВЛАСОВУ;

к) главные условия переговоров с англо-американцами иметь:

1) невыдача нас СССР;

2) признание нас как политического фактора в будущем сильного и в военном смысле.

...Генерал МАЛЬЦЕВ с 3000 своих солдат на одну треть вооруженный 1.5.45 г. после переговоров с американским командованием перешел на сторону американцев. Таким образом, его здесь уже нет.

Сдача-переход произошли в городе Цвисель, что 90 км южнее Пильен или 110–120 км юго-восточнее Мариенбад. Генерал Мальцев переговоры вел вместе с германским генералом АШЕНБРЕННЕРОМ, таким образом, АШЕНБРЕННЕР сдался вместе с генералом МАЛЬЦЕВЫМ.

Результаты переговоров никому не известны, сообщения с той стороны о том, как с ними поступили, нет. Американцы будто бы обещают невыдачу Советам.

Что касается летного и технического состава, то он остался здесь в Дейч Врод и сейчас, оставляя машины в Дейч Врод, сами идут на присоединение к 600 сд. Самолеты немецкие, их не дают.

Все. Второстепенное лично – устно, сегодня вечером.

Генерал ШАПОВАЛОВ

Р. С. Донесение посылаю с мотоциклом с майором САНЖЕРОВЫМ.

Прошу САНЖЕРОВА немедленно выслать мне обратно навстречу по маршруту, ему известному.

1) А.А. ВЛАСОВ просит марши делать не менее как по 40–45 км в сутки.

Ставит в пример 600 сд, которая при следовании на юг из-под Берлина (при необходимости) делала по 75–80 км в сутки.

2) Объяснить народу цель движения на север.

1) Отменить приказом приветствия, как было до сих пор. Установить русское приветствие».

Власов вспоминал на допросе:

«Прибывшая на территорию Чехословакии 1-я дивизия под влиянием местного населения стала разлагаться и разоружать немцев, а в начале мая

1945 г. в районе Праги имела вооруженные столкновения с германскими войсками».

1—2 мая Власов выехал в 600-ю (1-ю) дивизию. Именно вечером 4 мая там и застал его Шаповалов. В Сухомасте, в штабе находился комдив Буняченко.

Немцы вызвали Власова в свой штаб и в буквальном смысле устроили ему разнос за разложение русской дивизии.

Власов: «В связи с этим меня вызвал командующий германской группой войск генерал-фельдмаршал Шернер и потребовал объяснений.

Я заявил, что немедленно выеду на место и наведу порядок».

Тогда он и узнал о сдаче в плен американцам принятой от Геринга воинской части Мальцева.

Теперь хотелось бы обратить внимание на одну важную деталь.

В докладе Шаповалова отмечалось:

«Что касается летного и технического состава, то он остался здесь в Дейч Врод и сейчас, оставляя машины в Дейч Врод, сами идут на присоединение к 600 стрелковой дивизии. Самолеты немецкие, и их не дают».

Таким образом, так называемые «военно-воздушные силы» были сданы Мальцевым 30 апреля 1945 г. между Цвизелем и Регеном в местечке Лангдорф представителям 12-го американского корпуса без летного и технического состава.

Вот почему боевые действия 600-й дивизии (1-й) начались во второй половине дня 6 мая с попытки захватить расположенный северо-западнее Праги аэродром Рузыне, где дислоцировалась 6-я немецкая бомбардировочная эскадра, усиленная реактивными истребителями Me-262.

Власовцам нужны были самолеты!

При наступлении на аэродром власовцами был захвачен и расстрелян парламентар, начальник штаба 8-го авиакорпуса.

В ответ немцы подняли реактивную авиацию, атаковавшую власовцев на бреющем полете.

3-й полк дивизии понес потери, а немцы сумели передислоцировать технику и после этого оставили аэродром.

На этом аэродроме, кстати, власовцы обнаружили запасы метилового

спирта, которым они не побрезговали и от которого, получив многочисленные отравления, некоторые скончались...

На пути стояла Прага. Ее можно было обойти, но необходимость в продовольствии и боеприпасах вынудила 1-ю дивизию войти в город. Не исключалось и занятие Праги американцами. Утром 7 мая 1-й полк соединения беспрепятственно продвинулся от Смихова до Страшница и Панкраца. 1604-й полк, продвигаясь с севера, занял центр города и высоту близ Петржина. 3-й полк занял излучину Влтавы у Градчан, а 2-й полк противодействовал продвижению с юга частей дивизии «Валленштейн». Их действия поддерживались артиллерийским полком, ведущим огонь по городу.

По мнению историков, наиболее крупным успехом дивизии явилось разоружение 500 немецких солдат в районе Лобковицкой площади. При этом надо учитывать, что немцы постоянно высылали к Буняченко парламентариев, надеясь ликвидировать недоразумение!

Здесь можно отметить лишь дипломатическое противодействие между власовцами и немцами.

Вечером 7 мая 1-я дивизия фактически поделила город на две части, затрудняя маневр немцев с севера на юг. Однако опорные их пункты в районе Градчаны, стадиона в Страхове, в Дейвице и других частях города продолжали действовать и представлять большую опасность для повстанцев.

Вскоре осложнились взаимоотношения между повстанцами и власовцами. Началась перестрелка на вокзале Вршовицы. К тому же стало известно, что 6 мая генерал Эйзенхауэр запретил продвижение американских войск за линию Карловы Вары – Пльзень – Ческо – Будеевице.

7 мая, пробыв в Праге несколько часов, 1-я дивизия оставила город.

Нетронутыми остались и опорные пункты немцев, и их части.

А. И. Солженицын написал в «Архипелаге Гулаг» о 1-й дивизии:

«Пришли под Прагу в начале мая. Тут их позвали на помощь чехи, поднявшие в столице восстание 5 мая, дивизия Буняченко 6 мая вступила в Прагу и в жарком бою 7 мая спасла восстание и город».

И так думают многие. И все же какова роль власовцев в освобождении Праги?

Восстание в Праге намечалось на 7 мая 1945 г., но стихийные выступления в Прешерове, в Подебрадах и других городах начались 1–4

мая.

5 мая центром восстания стала Прага. Утром 6 мая дивизии «Валленштейн», «Райх», «Викинг» и другие перешли в наступление против повстанцев. Ситуация стала критической.

Историк К.М. Александров в своем исследовании пишет:

«В Праге действительно размещалось 50 000 военнослужащих вермахта – в госпиталях. Гарнизон же состоял из учебных подразделений 31-й добровольческой дивизии СС, двух отдельных охранных батальонов СС, учебно-резервных артиллерийских и танкового батальонов СС, нескольких артиллерийских батарей, полиции и полевой жандармерии, отдельных частей 72-го пехотного полка, 374 и 504-го пехотных батальонов и 539-го артиллерийского полка 539-й гренадерской дивизии вермахта: всего – от 9 до 10 тысяч военнослужащих».

И это он все к тому, что именно власовцы освободили Прагу. Далее Александров пишет:

«Первые советские части 4-й гвардейской танковой армии – 62, 63-я танковые и 70-я самоходная бригады 10-го танкового корпуса – ворвались в Прагу лишь в 4 часа утра 9 мая, когда освободить город было уже не от кого».

От таких утверждений лично мне неприятно всегда. Нельзя переписывать историю с таким нескрываемым неуважением.

Историческое событие освобождения Праги несколько шире тех цифр, которые приводит историк Александров.

Познакомимся с фактами.

Еще 1 мая преемник Гитлера гросс-адмирал Дениц заявил по радио: «Моей первейшей задачей является спасение немцев от уничтожения наступающими большевиками. Только во имя этой цели продолжаются военные действия».

Он знал, что говорил. В его распоряжении находились довольно значительные группировки войск армий: в Прибалтике – группа армий «Курляндия», на побережье Балтийского моря – группа войск «Восточная Пруссия», западнее Берлина – остатки 12-й армии Венка и в Чехословакии – самая большая группа армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Шернера. В этой группе насчитывалось до 50 дивизий,

много специальных частей и новых формирований из остатков ранее разгромленных соединений.

В Западной Чехословакии в подчинении Шернера находилась 7-я армия в составе пяти дивизий. В Австрии продолжала сопротивляться группа «Австрия», а в Югославии – группа армий «Е».

Правительство Деница делало все, чтобы как можно больше немецких войск ушло на Запад и сдалось в плен англо-американским войскам.

Получил такую задачу и Шернер. Однако он не хотел сниматься с хорошо оборудованных и укрепленных позиций и даже предлагал Деницу перевести правительство в Прагу.

Когда в Праге началось восстание, Шернер приказал его подавить.

Маршал Советского Союза И.С. Конев вспоминал:

«Чтобы как можно скорее разгромить засевшую в Чехословакии почти миллионную группировку Шернера, взять Прагу, спасти город от разрушений, а жителей Праги, да и не только Праги, от гибели, не оставалось ничего, как прорываться прямо через Рудные горы. Иного пути не было, потому что на подступах к Чехословакии с севера всюду куда ни сунься, куда ни кинься – горы.

Значит, надо их преодолеть. Но преодолеть так, чтобы нигде не застрять, чтобы как можно скорее их проскочить, обеспечив свободу маневра для танковых и механизированных войск».

Следовательно, пражская операция 1-го (маршал И.С. Конев), 4-го (генерал армии А.И. Еременко) и 2-го (маршал Р.Я. Малиновский) Украинских фронтов готовилась, прежде всего, с учетом театра военных действий: «Подступы к Праге прикрыты грядой Рудных гор, протянувшихся чуть ли не на полтораста километров. Севернее, в районе Дрездена, громоздятся гигантские песчаниковые высоты и лесистые плато, рассеченные Эльбой и ее притоками».

Ожидалось, что немцы окажут сопротивление в основном на дорогах, которые через горы выводят к Праге.

Для удара на Прагу была создана мощная группировка из трех общевойсковых армий, которыми командовали генералы Пухов, Гордов и Жадов, двух танковых армий Рыбалко и Лелюшенко и двух танковых корпусов Полубоярова и Фоминых. Эти силы поддерживали пять артиллерийских дивизий.

Некоторым соединениям для выхода на исходное положение предстояло совершить марш в 100–200 км.

А ведь еще шли бои за Дрезден, когда войскам, нацеленным на столицу Чехословакии, приходилось сосредотачиваться северо-западнее этого старинного немецкого города.

Итак, планом операции предусматривалось не только спасти Прагу от разрушения и оказать помощь восставшим, но, выйдя силами армии 1-го Украинского фронта западнее Праги, отрезать отступление немецких войск и во взаимодействии с войсками 2-го и 4-го Украинских фронтов, также наступавшими на Прагу с юга и юго-запада, – уничтожить их.

Обеспечивала операцию 2-я воздушная армия генерала С.А. Красовского. На главное направление было выделено 1900 самолетов, на вспомогательное – 355.

Кроме того, в операции участвовали 2-я армия Войска Польского, две румынские армии и 1-й Чехословацкий корпус.

Ночью 6 мая Чешский Национальный Совет обратился по радио за помощью:

«На Прагу наступают немцы со всех сторон. В действии германские танки, артиллерия и пехота. Прага настоятельно нуждается в помощи. Пошлите самолеты, танки и оружие. Помогите, помогите, быстро помогите!»

И пражская операция началась на сутки раньше – 6 мая.

А 7 мая Шернер отдал приказ:

«Неприятельская пропаганда распространяет ложные слухи о капитуляции Германии перед союзниками. Предупреждаю войска, что война против Советского Союза будет продолжаться».

В этот день англо-американское командование приняло от немцев капитуляцию в Реймсе. Тем не менее генерал-фельдмаршал Шернер со своими войсками не только сопротивлялся, но и пытался подавить восстание в Праге.

Мастер горной войны Ф. Шернер (его группа армий «Центр» и группа армий «Австрия» под командованием Л. Рендулича насчитывали более миллиона человек), по сути, саботировал капитуляцию, официально прикрываясь тем, что ему мешают чешские повстанцы. Они, мол, постоянно нарушают телефонные линии, перехватывают посыльных, передающих приказы войскам, и тем самым делают невозможным проведение планомерной капитуляции.

В связи с этим 8 мая немцы уведомили Эйзенхауэра в том, что капитуляция в Чехословакии затруднена, и просили радиостанции, находящиеся в руках восставших, использовать для передачи приказов войскам.

Сам Шернер в этот момент разрабатывал план прорыва группы армий «Центр» в зону американцев, чтобы там сложить оружие.

Утром 8 мая он получил приказ направиться в район Рудных гор для проведения капитуляции.

Однако, выдвинувшись в ночь с 7 на 8 мая, утром 8-го штаб Шернера был полностью уничтожен при танковом прорыве советских частей. А ведь 7-го вечером фронт еще существовал.

Шернер чудом избежал плена и, переодевшись в штатский костюм, скрылся в лесах.

Тем временем группа армий «Центр», не имея приказа от Шернера сдаваться в плен Красной армии и продолжая надеяться на относительно благополучный отход за линию американцев, заполучив в Праге соглашение на это с Чешским Национальным Советом, продолжала оказывать сопротивление.

И 9 мая в 4 часа утра в Прагу вошли части войск 1-го Украинского фронта. Но полностью Прага была очищена только к 10 часам утра.

В час дня в 35 км юго-восточнее Праги с частями 1-го Украинского фронта соединились войска 2-го Украинского фронта, а вечером к Праге вышла подвижная группа 4-го Украинского фронта.

Даже 10 мая 2-й гвардейский мехкорпус в районе Часлава встретил серьезное сопротивление противника.

В ходе операции 860 тыс. немецких солдат и офицеров были взяты в плен.

Безвозвратные потери советских войск в Чехословакии составили 139 918 человек, в том числе 122 392 было убито и умерло от ран и болезней.

В 1993 г. 6 мая на Ольшанском кладбище в Праге над пустым холмом, где лежали триста павших в бою солдат и офицеров армии Власова, был водружен темный деревянный крест...

А теперь судите сами, кто освободил Прагу?

8

Командир 2-й дивизии РОА Зверев на допросе показал: 9 мая 1945 г. на собранном совещании командиров большинством личного состава было

принято решение перейти на сторону Красной армии.

Однако в 1-й дивизии Буняченко и находящийся там Власов личный состав не спрашивали, а просто подготовили:

***Открытое письмо правительствам Соединенных Штатов Америки и
Великобритании***

«Мы, солдаты и офицеры 600-й дивизии Русской освободительной армии Комитета освобождения народов России, обращаемся к Верховному командованию англо-американских вооруженных сил и просим его довести это открытое письмо до сведения своих правительств.

Вооруженные силы Комитета Освобождения народов России состоят в основном из идейных борцов за освобождение своей Родины – России от большевизма, поработившего ее в 1917 г. Среди нас есть много солдат и офицеров, которые не прекращали борьбы против большевизма, начатой еще на полях гражданской войны.

Но большевики своими политическими трюками и невиданным в мире сыском и террором давили все вооруженные восстания в Советском Союзе. Благодаря этому свержение власти захватчиков внутри страны оказалось невозможным.

Война между Германией и Советским Союзом всколыхнула народные массы.

Народ в виде протеста в начале войны переходил на сторону врага сотнями тысяч как из армии, так и мирное население.

Мы включились в борьбу совместно с Германией только потому, что она оказалась единственной страной, борющейся против СССР.

Мы пытались свергнуть власть московских захватчиков и, идя на борьбу совместно с Германией, мы нисколько не боялись порабощения нашей Родины национал-социалистической Германией, ибо последняя своей звериной политикой восстановила против себя весь русский народ, и мы прекрасно понимали, что при ненависти к немцам они, как внешняя сила, не удержатся в случае победы на наших необъятных просторах. Ненависть к национал-социалистической Германии появилась не только у находящихся в рядах РККА и гражданского населения СССР, но в еще большей степени была у тех, кто непосредственно побывал под их пятой в Германии. Эта ненависть как нельзя лучше была продемонстрирована в боях под Прагой и в Праге 6 и 7 мая сего года...»

(11 мая 1945 г.)

Генерал-майор РОА Боярский. Весной 1945 г. находился в составе южной группы Трухина.

5 мая выехал из деревни Разбеден под Каплице (Чехия) в район Праги по приказу Трухина для установления связи с Северной группой генерала Буняченко и с Власовым.

При проезде через Пршибрам был захвачен чешскими партизанами. В ответ на нанесенное командиром отряда оскорбление дал последнему пощечину и был повешен.

Генерал-майор РОА Меандров. 9 мая 1945 г. вместе с офицерской школой сдался в районе Каплице – Крумау представителям 26-й пехотной дивизии 3-й американской армии.

Содержался в различных лагерях военнопленных.

Убедившись в неизбежности репатриации, трижды пытался покончить с собой.

11 февраля 1946 г. в Ландсхуте передан советской миссии.

Генерал-майор РОА Трухин. В апреле возглавил южную группу РОА. 17–18 апреля отдал приказ о продвижении в Чехию для объединения с Северной группой генерала Буняченко.

К 1 мая его штаб и южная группа находились у Райнбаха между Будвайсом и Линцем на территории Австрии.

Договорившись с командованием 11-й танковой и 26-й пехотной дивизий 3-й американской армии о капитуляции Южной группы, получил известия о местонахождении Власова и о решении Буняченко войти в Прагу.

Когда посланный им для получения дальнейших указаний генерал Боярский не вернулся, вечером 7 мая выехал к Власову и Буняченко. Утром 8 мая вместе с генералом Шаповаловым захвачен у Пршибрама чешскими партизанами, а 9-го передан советскому командованию.

Генерал-майор РОА Шаповалов. В конце апреля выдвинулся в составе своей (700-й) дивизии на соединение с Южной группой генерала Трухина из района Вангена через Фюссен в Чехию, у Кемптена встретился с колоннами 1-й русской национальной армии генерала Смысловского, направлявшейся в Швейцарию в Лихтенштейн, но отказался к ней

присоединиться.

В начале мая соединился в Южной группой в районе Райнбаха между Будвайсом и Линцем на территории Австрии. 3 мая вылетел из местечка Дейч Врод в Сухомасты под Прагу для установления связи с Северной группой генерала Буняченко и с Власовым.

5 мая вернулся в Южную группу.

8 мая вместе с Трухиным выехал под Прагу. В Пршибраме попал в засаду чешских партизан и был расстрелян.

Генерал-майор РОА Зверев. 25 апреля 650-я дивизия погрузилась в эшелоны на станции Бухлое и 29-го прибыла в Линц.

30 апреля принял парад частей своей дивизии в Дойч-Бенешау и в тот же день по приказу Трухина выдвинулся на север вместе с запасной бригадой полковника С.Т. Койды и строительным батальоном капитана А.П. Будного.

В первые дни мая 1945 г. впал в тяжелейшую депрессию, усугубленную тем, что жена решила покончить с собой, приняла яд и медленно умирала.

5 мая получил приказ от Трухина собрать 2-ю дивизию у деревни Липнице, где размещался штаб, и не выполнил его. Не выполнил и два следующих приказа.

9 мая похоронил жену. Просил оружие, чтобы вступить в бой с подходившими частями советской стрелковой дивизии, но его дивизия давно потеряла боеспособность и фактически разбежалась.

Пытался покончить с собой выстрелом в правый висок, но остался жив, лишившись правого глаза. В ту же ночь захвачен в плен.

Генерал-майор РОА Богданов. Находился в составе Южной группы Трухина. 8 мая 1945 г. близ Ческе-Будеевице попросил свою знакомую сообщить о себе советскому командованию.

13 мая допрошен в «Смерш» 2-го Украинского фронта.

Генерал-майор РОА Мальцев. 30 апреля сдался представителям 12-го американского корпуса в местечке Лангдорф.

Содержался в американских лагерях.

16 августа передан советской репатриационной группе.

В момент передачи пытался покончить с собой, перерезав бритвой горло и вскрыв вены. Доставлен в Москву и помещен в больницу Бутырской тюрьмы.

Генерал-лейтенант РОА Жиленков. В конце апреля выехал в сторону швейцарской границы, чтобы возобновить переговоры с англо-американскими союзниками.

6 мая 1945 г. распустил роту охраны, оставив при себе взвод солдат и несколько офицеров, чтобы вместе с ними продолжить движение в сторону местечка Майергоф.

7 мая установил связь с представителями временного Австрийского правительства, добившись гарантий для офицеров РОА о политическом убежище.

16 мая направил полковника Рилия на переговоры с американским полковником, затем был интернирован и помещен в лагерь Аугсбург.

В августе и в октябре переводился в другие лагеря.

25 апреля 1946 г. отказался возвращаться в СССР, но 1 мая был передан советским представителям.

Генерал-майор РОА Закутный. 26 апреля по поручению Власова остался в Фюссенне вместе с группой членов КОНР для связи с англо-американцами. 20 мая 1945 г. задержан немецкой полицией, а 13 июня передан американцами в Советскую оккупационную зону.

Генерал-майор РОА Благовещенский. В апреле 45-го назначен Власовым представителем КОНР для связи с союзными войсками. В конце мая встретился с советскими офицерами в Пльзене и оставил им свой адрес.

3 июня арестован представителями советской репатриационной комиссии в Мариенбаде и вывезен в Москву.

Генерал-майор РОА Малышкин. В апреле получил задание и полномочия от генерала Власова вступить в контакт с американским командованием для переговоров о предоставлении РОА политического убежища.

29 апреля вступил в переговоры с начальником отдела армейской разведки штаба 7-й американской армии полковником Снайдером.

4 мая отправлен в лагерь Аугсбург.

9 мая объявлен американцами интернированным.

25 марта 1946 г. в наручниках передан в советскую оккупационную зону.

Из Праги 1-я дивизия РОА двигалась по направлению на Пльзень, в американскую оккупационную зону.

С 8 по 11 мая Власов пытался договориться с командованием 3-й американской армии в Пльзене о предоставлении политического убежища. Но теперь уже все было бесполезно.

11 мая личный состав 1-й дивизии сдал оружие и расположился в районе Шлиссельбурга, что в 50 км от Пльзеня. Власов все еще пытался что-то сделать... Однако все стало ясно 12 мая 1945 г., когда американское командование оставило Шлиссельбург, так как город передавался советским войскам, а переход демаркационной линии власовцам был запрещен. Оставалось одно: разойтись и пробиваться мелкими группами самостоятельно. В 12 ч. Буняченко распустил дивизию. После чего колонна из семи автомашин в сопровождении американцев отправилась в Пльзень.

Власов и Буняченко не теряли надежды уйти, но через 3 км колонна была остановлена...

25-й танковый корпус действовал западнее Праги из района Горжовице на юг и юго-запад, преследуя части разгромленных войск СС и части РОА.

11 мая к 12 ч. передовой отряд корпуса вышел на западную окраину г. Клатови, а главные силы – в район г. Непомук.

Глубоко вклинившись в расположение американских войск, корпус создал затруднительную обстановку для всех частей противника, стремившихся скорее сдаться в плен американским войскам.

После встречи с американскими частями командир корпуса гвардии генерал-майор Фоминых принял решение остановиться и на основных направлениях и узлах дорог выставить засады, пикеты, вести разведку с задачей: в случае обнаружения частей СС и власовцев уничтожить и пленить.

11 мая 1945 г. разведка установила, что дивизия Власова и штаб Власова находится в Брежи и окрестностях Брежи.

12 мая в 16.00 командир 162 ТБР полковник Мищенко поставил задачу командиру танкового батальона выехать в расположение 1-й дивизии РОА и взять в плен Власова с его штабом и командиром дивизии Буняченко.

Капитан Якушов тут же выехал в американскую зону, где южнее 2 км Брежи встретил группу людей в немецкой форме и подошел к ним.

В группе оказался командир 2-го батальона 3-го полка 1-й дивизии РОА капитан Кучинский, который рассказал, что впереди идет колонна

легковых автомобилей штаба дивизии в сопровождении двух американских «виллисов», где находился Власов. Комбат бросился в погоню и минут через сорок обогнал ее и, развернувшись поперек дороги, вынудил остановиться.

Михаил Иванович Якушов вспоминал (записал П. Аптекарь):

«Из одной машины вылез печально известный генерал Буняченко, командир 1-й дивизии власовцев. Увидев Кучинского, обложил его матом и сказал: „Подлец, уже переметнулся...“

Кучинский подсказал мне, что вместе со штабом 1-й дивизии часто ездит сам генерал Власов. Я несколько раз прошелся вдоль колонны, агитируя водителей ехать сдаваться Красной Армии. Один из них посоветовал обратить внимание на громадную черную „шкоду“. Подойдя к ней, я увидел в салоне, не считая водителя, одну женщину и двух мужчин. Про женщину я позднее узнал, что она была „фронтной женой“ генерала Власова, а мужчины оказались начальниками контрразведки 1-й дивизии власовцев Михальчуком и личным переводчиком Власова Росслером.

Я открыл заднюю боковую дверь и вывел переводчика из машины, намереваясь осмотреть салон. В этот момент из-под груды одеял высунулся человек в очках, без погон. На вопрос, кто такой, ответил: „генерал Власов“. От неожиданности я обратился к нему „товарищ генерал“, хотя какой он товарищ...

Власов тоже явно оторопел. Однако вскоре пришел в себя, вылез из автомобиля и, игнорируя меня, направился к американцам – просить их связаться по радию со штабом армии. Вскоре к нашей колонне подъехал еще один „виллис“, где сидели американские офицеры. Я сказал им то же самое, что сказал бы и сейчас кому угодно: генерал Власов нарушил воинскую присягу, поэтому он должен предстать перед нашим судом.

На мое счастье, американцы оказались общевойсковыми офицерами, а не офицерами контрразведки – иначе история могла бы получить совсем иное развитие. Видя, что со стороны американцев сопротивления не будет, я сделал вид, что еду вместе с Власовым назад – в штаб американской дивизии. Сев позади Власова в его „шкоду“, я приказал водителю разворачиваться и гнать вперед. Пока разворачивались остальные машины колонны, мы успели отъехать довольно далеко.

Власов пытался приказывать водителю, куда ехать, но водитель, смекнув, что к чему, уже его не слушал. Генерал почувствовал неладное и на берегу красивого озера, где машина немного сбавила скорость, пытался

выпрыгнуть на ходу. Однако я успел схватить его за воротник и, приставив пистолет к виску, сказал: „Еще одно движение, и я вас застрелю“. После этого он вел себя спокойно».

12 мая 1945 г. в 18.00 Власова доставили к командиру корпуса. После опроса и короткого разговора Власову предложили написать приказ всем частям о сдаче оружия и переходе на сторону Красной армии.

Приказ Власова был отпечатан в четырех экземплярах и снова подписан Власовым.

Вот его текст:

**«ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ
АРМИЕЙ ВСЕМУ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ О НЕМЕДЛЕННОМ
ПЕРЕХОДЕ НА СТОРОНУ КРАСНОЙ АРМИИ**

12 мая 1945 г. 20.15.

Я нахожусь при командире 25-го танкового корпуса генерале Фоминых. Всем моим солдатам и офицерами, которые верят в меня, приказываю немедленно переходить на сторону Красной Армии.

Военнослужащим 1-й Русской дивизии генерал-майора Буняченко, находящимся в распоряжении танковой бригады полковника Мищенко, немедленно перейти в его распоряжение.

Всем гарантирую жизнь и возвращение на Родину без репрессий.

Генерал-лейтенант Власов»

В 22 часа Власова направили в штаб 13-й армии, где 13 мая передали в отдел контрразведки «Смерш».

В результате пленения Власова 13 и 14 мая 1945 г. была разоружена 1-я дивизия РОА в количестве 9 тыс. человек. Взято 5 танков, 5 самоходных орудий, 2 бронетранспортера, 3 бронемашинны, 30 автомашин легковых, 64 автомашины грузовые, 1378 лошадей.

Буняченко был передан американцами советским властям 15 мая 1945 года.

* * *

Согласно протокола обыска, который составили в «Смерш» 13-й армии

13 мая 1945 г., у Власова изъяли: расчетную книжку начальствующего состава РККА, удостоверение личности генерала Красной Армии № 431 от 13 февраля 1941 г., партийный билет члена ВКП(б) № 2123998 на имя Андрея Андреевича Власова.

Вот уж поистине: пути господни – неисповедимы!

Кроме этих документов у Власова при себе имелась солдатская книжка, временное удостоверение о награждении добровольческой медалью, более 300 тыс. германских имперских марок, датские кроны, золотой нательный крест, золотое обручальное кольцо и «Открытое письмо правительствам Соединенных Штатов Америки и Великобритании».

9

Русская освободительная армия, или иначе Вооруженные силы Комитета освобождения народов России, в сущности, не были ни армией, ни Вооруженными силами.

Предназначение Вооруженных сил, принципы их строительства, обучения и воспитания войск определяются, прежде всего, общественно-государственным строем и политикой государства. В данном случае РОА или ВС КОНР изначально создавались в целях пропаганды германской военной машиной в период войны с Советским Союзом, то есть на стороне Германии в основном из числа военнопленных и минимального, в процентном отношении, числа перебежчиков, трусов, предателей, участников Белого движения, а также ярых врагов советского строя и т. д.

Формирование РОА (ВС КОНР) стало возможным лишь благодаря изменению стратегической обстановки на Восточном фронте и приближению Красной армии к границам Третьего рейха, когда интересы и надежды Гимmlера в некотором плане совпали с желаниями власовцев и их руководителей.

Тем не менее РОА или ВС КОНР абсолютно по всем параметрам не соответствовала своему предназначению ни в военном, ни в политическом отношении.

Во-первых, из трех дивизий РОА только 1-я или 600-я по немецкой нумерации была боеспособной, остальные две были многотысячным сбродом людей, облаченных в немецкую форму с власовскими нашивками. Следовательно, из 41 000 солдат и офицеров трех соединений можно рассматривать как реальную силу лишь 1-ю дивизию РОА численностью 19 000 человек.

Так называемые ВС КОНР с одним авиаполком вообще нельзя рассматривать серьезно как таковые. Тем более что из 4000 (по другим данным, 5000) человек личного состава – 3000 во главе с Мальцевым сдались союзникам уже 30 апреля 1945 г. К тому же эти «Военно-воздушные силы» не имели своей материальной части и фактически никак не использовались.

Отдельный корпус генерал-майора А.В. Туркула в Зальцбурге (5200 человек). (Антон Васильевич Туркул родился в 1892 г. Участник Первой мировой – штабс-капитан, трижды ранен. Участник Белого движения, в 1920 г. – генерал-майор. К Власову примкнул в 1944 году.)

Корпус начал формироваться в Австрии из числа русских подразделений в составе вермахта и войск СС, но судя по всему, так и не был сформирован окончательно, а в боевых условиях в составе РОА не использовался.

По окончании военных действий Туркул был арестован союзниками. Поэтому его корпус причислять к власовской армии было бы неправильно.

Русский корпус генерал-лейтенанта Б.А. Штейфона (5584 человека). (Борис Александрович Штейфон родился в 1881 году, участник русско-японской войны – поручик.

В 1917 г. – полковник, начальник штаба дивизии. В 1920 г. – генерал-майор. С 1941 г. командир отдельного русского корпуса в Югославии.

В 1943 г. – генерал-лейтенант вермахта.)

О готовности подчиниться Власову Штейфон заявил в январе 1945 г., а 30 апреля 1945 г. умер в Загребе (Хорватия).

Корпус также нельзя относить к власовской армии, так как в ее составе он не находился.

15-й казачий кавалерийский корпус также указывается в составе РОА (около 45 000 человек, без немцев – 32 000 человек). Однако его там никогда не было. Корпус, сосредоточенный в южной Австрии, севернее Клагенфурта, был сформирован в Польше как первая казачья дивизия из шести полков.

Осенью 1944 г. дивизия была развернута в 15-й Казачий кавалерийский корпус, состоявший из двух дивизий и бригады (с марта 45-й дивизии).

Корпусом командовал генерал-лейтенант вермахта (группенфюрер СС) Х. фон Паннвиц.

В апреле 1945 г. Власов каким-то образом назначил И.Н. Кононова командиром корпуса, при этом Х. фон Паннвиц свою должность не освободил.

Во второй половине апреля Кононов выехал из корпуса на поиски Власова, чем спас свою жизнь. Большинство штатных и строевых командных должностей на 22.04 в корпусе занимали немцы, следовательно, соединение фон Паннвица в составе РОА не было и не могло быть.

Несколько слов о Кононове.

Кононов Иван Никитич родился в 1900 г.

В сентябре 1938 г. закончил Военную академию им. М.В. Фрунзе – начальник оперативного отдела штаба 2-го кавалерийского корпуса КОВО, майор.

Участник советско-польской и советско-финской войн. За вторую кампанию награжден орденом Красной Звезды.

15 августа 1940 г. назначен командиром 436-го стрелкового полка. С конца июня 41-го – в окружении. 22 августа 1941 г. сдался в плен.

28 октября 1941 г. сформировал Донской казачий полк в составе вермахта, переименованный 13 января 1942 г. в 600-й казачий батальон.

В составе пехотной дивизии немцев участвовал в боях против советских войск с апреля 43-го в рейдах против партизан. С июня в 1-й казачьей дивизии Х. фон Паннвица. В июле произведен в чин полковника.

За время службы у немцев награжден 12 боевыми наградами, в том числе железными крестами 1-й и 2-й степени.

В конце 1944 г. приступил к формированию отдельной бригады (3-я дивизия корпуса).

Один из немногих, кому удалось избежать репатриации. Погиб в 1960 г. в автокатастрофе в Австралии.

Отдельный казачий корпус Т.И. Доманова в Северной Италии также относят к РОА (ВС КОНР), однако он так и не вошел в состав власовцев.

Корпус насчитывал 18 395 человек.

По некоторым данным, в середине апреля 45-го, несмотря на протесты Краснова, Доманов признал Власова главнокомандующим и заявил о подчинении ему своего корпуса.

1—3 мая 1945 г. он организовал переход Казачьего стана через перевал Плекен-Пасс в провинцию Каринтия (Австрия) к реке Драва между Линцем и Обердраубургом. Но было уже очень поздно...

Несколько слов о Доманове.

Тимофей Иванович Доманов родился в 1887 г. С 1908 г. – на военной службе, а в 1913 г. остался на сверхсрочную службу. В 1914 г. вахмистр Доманов – на фронте. Дважды ранен, кавалер всех георгиевских крестов и медалей.

В Гражданскую хорунжий Доманов был снова дважды ранен, а в мае 1920 г. заболел и попал в плен к красным.

До 1925 г. сидел на Соловках, затем работал шахтером и горным техником в Донбассе. С 1934 по 1937 г. сидел в Ейской тюрьме за «экономический саботаж».

После освобождения работал в Пятигорске начальником снабжения на электростанции.

В 1940 г. арестован за «экономическую контрреволюцию». Расстрел заменили 10 годами ИТЛ с поражением в правах на 5 лет. Содержался под Ростовом. Во время бомбежки сбежал.

С августа 1942 г. начал сотрудничать с немцами: проводил набор в казачьи добровольческие отряды.

До февраля 1943 г. командовал сотней при Германской полевой комендатуре в станице Каменской. При отступлении немцев эвакуировался вместе с ними.

Летом 1944 г. награжден Железным крестом 2-го класса и произведен в чин полковника. Затем назначен походным атаманом и награжден германским орденом Военного креста 1-го класса. В сентябре эвакуировал Казачий стан по железной дороге в Северную Италию из Польши. В ноябре произведен в чин генерал-майора.

В феврале 1945 г. фактически разделял власть с Красновым.

6 мая выслал парламентариев к представителям 36-й пехотной бригады, заявив о капитуляции.

28 мая в своем штабе собрал всех старших офицеров и объявил о том, что все они обязаны собраться перед штабом для выезда в Шпиталь на встречу с высшим английским командованием. В этот же день вместе с 2756 казачьими офицерами перевезен в спецлагерь, а 29 мая передан вместе с ними советскому командованию.

Отдельная противотанковая бригада майора Второва – 1240 человек.

Начала формироваться 1 февраля 1945 г. По мере формирования дивизионов (февраль, март, апрель) они убывали в 9-ю армию вермахта на Одер.

Учебно-запасная бригада полковника С.Т. Койды – (7000 человек).

Начала формироваться в январе 1945 г. как резерв для РОА.

В апреле 1945 г. бригада присоединилась к Южной группе.

8 мая в районе Каплице – Крумау перешла в полосу дислокации 26-й пехотной дивизии 3-й американской армии.

Как резерв РОА бригада не была боеспособной, представляя собой по большей части обыкновенный сброд.

То же самое можно сказать и о 1-й Объединенной офицерской школе (685 человек) и о вспомогательных войсках, невооруженных кадрах (6 000 человек).

Сюда следует добавить и штаб с его подразделениями (около 1000 человек).

Таким образом, из 124 000 человек реально в РОА числилось около 62 000 солдат и офицеров в штабе и подразделениях, вспомогательных войсках, трех пехотных дивизиях, двух бригадах, офицерской школе и ВВС.

Именно в тех подразделениях, частях и соединениях, которые действительно находились в составе РОА Власова.

При этом только 1-ю дивизию можно считать боеспособной в полном смысле этого слова. А это фактически третья часть РОА.

Во-вторых, весь переговорный процесс Власова является доказательством однозначной опереточности как «Комитета» Власова, так и его «армий». Англия и Америка не могли воспринимать это движение серьезно, прекрасно понимая, что мертворожденное дитя немецкой пропаганды не может претендовать на роль интересующего партнера.

Тем более сотрудничество с Германией, а точнее, служба на стороне Германии абсолютно исключали какие-либо надежды на защиту интересов.

Не воспринимали серьезность власовского движения и ярые белогвардейцы.

Смысловского не устраивал, прежде всего, призыв к борьбе в союзе с Англией и Америкой.

Краснова смущало отношение к жидам и отсутствие у Власова представителей духовенства. Но главное в том, что Краснов не верил Власову до конца.

В-третьих, в последние месяцы войны отмечался низкий моральный дух власовской армии. Приближение Красной армии особенно влияло на бывших военнопленных. Пьянство принимало широкий размах, с которым

бороться было бессмысленно. Власовцы в глубине души ожидали возмездия...

Охота на женщин, игра в карты на порой немислимые денежные суммы, недоступные офицерам РОА, продажа и обмен обмундирования на самогон и водку, доносы и наушничество, паника, трусость, безволие – все это характеризует власовскую армию в период с января по май 1945 г., то есть в момент формирования и ее зарождения.

Люди прекрасно понимали, что доживают последние месяцы, а дальше неизвестность.

В-четвертых, первое боевое применение 1-й дивизии РОА нельзя считать эффективным, ввиду того, что наступление батальонов на Оudere было приостановлено фактически сразу, а затем последовал неорганизованный отход. Провал наступления можно объяснить лишь одним: власовцы не хотели воевать против своих. Они хотели спасти свои жизни. Других объяснений нет.

Второе боевое применение дивизии произошло под Прагой и в Праге. И его сложно назвать эффективным, потому что атака аэродрома Рузыне не увенчалась успехом. Необходимые самолеты власовцам так и не удалось захватить.

В Прагу власовцы входили в немецкой форме, но не как захватчики и освободители. Им были нужны боеприпасы и продовольствие, им надо было разместить раненых в госпиталях. Немцы считали власовцев второразрядными частями и очень долго не понимали, почему власовцы открывают по ним огонь.

Все пребывание в Праге характеризуется бесконечными переговорами с немцами. Восставшие же до конца не знали планов русских, поэтому и встречали их в Праге как войска, пожелавшие им помочь. Они слышали про атаку аэродрома и восприняли ее как измену немцам. В городе власовцам пришлось вступать в перестрелки с немцами, и если бы последние не воспринимали это как недоразумение, то 1-я дивизия была бы уничтожена.

А вот Прагу 1-я дивизия освободить не могла.

Число погибших власовцев (300) говорит о том, что боя в городе не было, а были исключительно перестрелки.

Красная армия в Чехословакии потеряла убитыми и умершими от ран более 120 тысяч человек. Большинство из них погибло в боях по дороге на Прагу.

В-пятых, русские люди, оказавшись по ту сторону фронта, не желали воевать против Сталина на стороне Гитлера. На службу к немцам шло

большинство из числа военнопленных для того, чтобы выжить.

Когда стало ясно, что война, так успешно начатая Германией, проиграна и пересидеть не удастся, власовцы стали мечтать о переходе на сторону англо-американских войск.

Они так спешили, что все их попытки сдаться превратились в некое соревнование: кто первый!..

Глава 3. Возмездие

*Сколько раз за эти четыре года
приходилось рисковать жизнью,
становиться на самый край пропасти —
все оказалось во имя лжи, неправды,
прямой и примитивной измены.*

Капитан РОА Л. Самутин

1

29 мая 1945 г. Красновых: Петра Николаевича, Семена Николаевича, Николая Николаевича с сыном Николаем Николаевичем, а кроме того, Шкуро, Доманова и других посадили в автобус и впереди колонны машин повезли из Шпиталя в Юденберг. Когда переехали через р. Мур, колонна остановилась и все стали выходить. Советский полковник из встречающих прежде всего спросил, здесь ли генерал Краснов, и, получив утвердительный ответ, он поинтересовался насчет остальных Красновых.

После короткого опроса в конторе завода Красновых, Шкуро, Доманова и других поместили вместе с генералом фон Паннвицем и его адъютантом в маленькой комнате.

Вечером казаков навестили... Первым к ним обратился начальник гарнизона в Юденберге генерал Павлов.

Из воспоминаний полковника В.М. Доценко, записанных Е. Райгородецким:

«— Господа! Перед вам заместитель командира Донского казачьего кавалерийского корпуса генерал-майор Малеев. Прошу представиться, господа.

– Генерал Краснов, – сухо произнес старик с воспаленными глазами.

– Генерал Шкуро, – промычал обрюзгший коротышка.

Невнятные голоса раздались за их спинами.

Малеева, видимо, больше, чем нас, поразила эта сцена. Некоторое время он молчал, пристально разглядывая арестованных.

– Простите, генерал, – нарушил тишину Краснов. – Не знаете ли, от чего умер Борис Михайлович Шапошников?

– Маршал Шапошников был тяжело болен, – ответил Малеев.

– Как здоровье Буденного и Ворошилова? – любопытствовал Шкуро.
– Отлично. Если это вас интересует.
– Как же! Как же! Приходилось с ними встречаться. Я имею в виду – на поле брани...»

Внучатый племянник П. Краснова тоже вспоминал об этой встрече, но несколько иначе:

«– Вы верите в большое будущее Советского Союза?»

– В будущее России я верю, – ответил П.Н. Краснов. – Нероны были и ушли. Русский народ крепкий, он выдержал монголов. И я вам отвечу так же, как человек человеку – будущее России великое. Жаль, что я его не увижу, да, может быть, и вы его не увидите.

Советский генерал улыбнулся, развел руками и обернулся к нам:

– Между вами есть советские граждане?

Доманов и Головки ответили:

– Да.

Красный генерал посмотрел на Доманова и сказал:

– Вы Доманов? – и, не ожидая ответа, продолжил: – Ну, так. Что генерал Краснов начал воевать в 1941 г. против нас, нам это понятно. Он был и остался белым офицером. Но вы? На вашем месте я бы так не поступил. Ведь вы воспитывались на советском хлебе. Впрочем – с вами будет разговор в Москве».

В.М. Доценко:

«– И я вас, буденновцев, погонял... – начал было Шкуро и осекся, почувствовав на себе недобрый взгляд Краснова.

– Полно, полно вам, – возбужденно проговорил Краснов. – Молчите. – Он протер носовым платком воспаленные глаза и обратился к Малееву: – Получу ли я возможность написать мемуары?

– Не знаю. Правительство решит.

– В таком случае – что же нас ожидает?

– Правительство решит, – повторил Малеев. – Оно выполнит волю народа.

– Я всегда стоял за русский народ...»

Н.Н. Краснов:

«В течение ночи генерал Шкуро почти безостановочно „весело“ беседовал с советскими офицерами и солдатами, заходившими к нам в комнату. Они с интересом слушали его рассказы о гражданской войне 1918–1920 гг. Старые советские офицеры пробовали ему возражать, но

Шкуро на это им сказал:

– Лупил я вас так, что с вас пух и перья летели!!

Это вызвало взрыв смеха у солдат и смущенные улыбки на лицах офицеров. Как известно, Шкуро за словом в карман не лез. Он шутил, но... было видно, что шутки его и смех наигранны и ими он тушил боль души своей...»

30 мая 1945 г. Краснова и еще двенадцать казачьих генералов к вечеру доставили в тюрьму Граца. На следующий день всех везут в Баден под Веной, в контрразведку «Смерш».

Там их сфотографировали, а после личного обыска каждому выдали бумагу о том, что «временно задержан на территории советских войск до выяснения личности».

Это была виза на въезд в Москву. После двух ночей допросов утром 3 июня с первой партией вылетели в Москву: Доманов, С.Н. Краснов...

4 июня: П.Н. Краснов, остальные Красновы и Шкуро...

В 14.30 посадка на центральном аэродроме. Укачало только одного Шкуро.

2

27 мая 1945 г. на стол И.В. Сталина секретарь положил необычное, совершенно секретное сообщение начальника «Смерш» генерала Абакумова:

«В соответствии с Вашим указанием, вчера, 26 мая с.г. работниками Главного управления „Смерш“, действовавшими под видом сотрудников уполномоченного СНК СССР по репатриации, на двух самолетах из Парижа в Москву были доставлены 29 генералов Красной Армии, 3 комбрига и 1 бригадный врач, находившиеся в плену у немцев...»

В списке значились тридцать три фамилии: генерал-лейтенанты: М.Ф. Лукин, Л.А. Мазанов, И.Н. Музыченко; генерал-майоры: П.И. Абрамидзе, П.Д. Артеменко, И.М. Антюфеев, М.А. Белешев, И.П. Бикжанов, М.Д. Борисов, С.В. Вишневецкий, И.М. Герасимов, К.Л. Доброседов, Е.А. Егоров, Г.М. Зайцев, Е.С. Зыбин, Н.К. Кириллов, И.А. Корнилов, И.П. Крупенников, И.М. Любовцев, И.М. Мельников, Н.Ф. Михайлов, А.А. Носков, П.П. Павлов, П.Г. Понеделин, М.И. Потапов, И.П. Прохоров, А.Г. Самохин, М.Н. Сиваев, М.Г. Снегов; комбриги: Н.Г. Лазутин, М.А. Романов, А.Н. Рыжков; бригадный военврач И.А. Наумов.

Через некоторое время список пополнился еще четырьмя фамилиями генерал-майоров: А.С. Зотов, П.Ф. Привалов, И.М. Скугарев, Я.И. Тонконогов.

Не вернулись из плена: профессор академии Генштаба генерал-лейтенант Д.М. Карбышев, погибший в концлагере Маутхаузен. Были замучены как активные участники Сопротивления в Хаммельсбургском лагере генерал-майор авиации Г.И. Тхор и командир 14 гв. сд генерал-майор К.М. Шепетов. При этапировании умер от разрыва сердца командующий 20-й армией генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков. Погиб в бою в польском партизанском отряде бежавший из плена командир 49 ск генерал-майор С.Я. Огурцов.

Погибли в плену генерал-майоры: командир 113 сд Х.Н. Алавердов, командир 212 сд С.В. Баранов, командир 280 сд С.Е. Данилов, начальник тыла 6-й армии ЮФ Г.М. Зусманович, командир 64 ск А.Д. Кулешов, командир 196 сд К.Е. Куликов, командир 6 кк И.С. Никитин, командир 109 сд П.Г. Новиков, командир 181 сд Т.Я. Новиков, зам. командира 11 мк ЗФ П.Г. Макаров, командир 4 тд А.Г. Потатургев, командир 5 сд И.А. Пресняков, командир 80 сд В.И. Прохоров, командир 58 гв. сд Н.И. Прошкин, командир 172 сд М.Т. Романов, командующий артиллерией 5 армии ЮЗФ В.Н. Сотенский: командующий артиллерией 11 мк Н.М. Старостин; командир 44 гв. сд С.А. Ткаченко.

Кроме А.А. Власова, Ф.Н. Трухина, В.Ф. Мальшкина, Д.Е. Закутного, И.А. Благовещенского, бригадного комиссара Г.Н. Жиленкова, изменивших Родине, сотрудничеством с противником запятнали себя генералы: П.В. Богданов, А.Е. Будыхо и А.З. Наумов, комбриги И.Г. Бессонов, М.В. Богданов и А.Н. Севастьянов.

Всего за годы войны в плен попало 80 советских генералов и комбригов и двое остались на оккупированной территории (не вступая в контакт с оккупационными властями). Успешно бежали из плена пять генералов: С.Я. Огурцов, И.И. Алексеев, И.А. Ласкин, П.В. Сысоев, П.Г. Цирульников.

В плену погибли 23 генерала.

Активно сотрудничали с противником 12 генералов, комбригов и бригадный комиссар (15 процентов из числа попавших в плен).

На Родину вернулись 37 генералов и комбригов. В правах были восстановлены только 26.

31 августа 1945 г. генерал Абакумов в соответствии с указаниями Сталина представил ему список на 17 генералов, освобожденных из

немецкого плена и к тому времени уже прошедших проверку.

Восьмерых из них, по его мнению, следовало арестовать.

А 21 декабря 1945 г. уже в итоговом донесении сообщалось, что 11 генералов объявлялись предателями, подлежащими суду, а 25 генералов были переданы в распоряжение Наркомата обороны.

Остановимся на одиннадцати:

1. Генерал-майор Понеделин П.Г. – бывший командующий 12-й армией.

«В период пребывания в плену немцы изъяли у Понеделина дневник, в котором он излагал свои антисоветские взгляды по вопросам политики ВКП(б) и Советского правительства».

2. Генерал-майор Артеменко П.Д. – бывший командир 27-го стрелкового корпуса. «Артеменко советовал немцам, как лучше организовать действия германских войск в борьбе против Красной Армии, клеветал на Советское правительство, политико-моральное состояние Советского народа и военнослужащих Красной Армии, а также заявлял о неизбежном поражении СССР в войне с Германией.

Преступная деятельность Артеменко подтверждается захваченными органами „Смерш“ показаниями Артеменко, которые он давал немцам на допросах...»

3. Генерал-майор Егоров Е.А. – бывший командир 4-го стрелкового корпуса. «Егоров также признал, что под влиянием Трухина и Благовещенского, он в сентябре 1941 г. вступил в созданную немцами в Хаммельсбургском лагере военнопленных антисоветскую организацию „Русская трудовая народная партия“ и впоследствии являлся членом комитета этой организации и председателем партийного суда.

В ноябре 1941 г. Егоров участвовал в составлении обращения к германскому командованию, в котором группа предателей – бывших военнослужащих Красной Армии просила разрешить им сформировать из числа военнопленных „добровольческие отряды“ для вооруженной борьбы против Советского Союза.

Впоследствии при „Русской трудовой народной партии“ под руководством Егорова был создан специальный штаб, занимавшийся антисоветской обработкой военнопленных и вербовкой их в так называемые „добровольческие отряды“.

Егоров признал, что за период существования возглавляемого им штаба в „добровольческие отряды“ было завербовано около 800 человек».

4. Генерал-майор Зыбин Е.С. – бывший командир 36-й кавалерийской дивизии. «В ноябре 1941 г. под влиянием своих враждебных убеждений

Зыбин вступил в созданную немцами в лагерях антисоветскую организацию „Русская трудовая народная партия“ и являлся инициатором формирования из числа военнопленных так называемых „добровольческих отрядов“ для борьбы против Красной Армии.

Зыбин признал, что обработал и завербовал для враждебной деятельности против СССР около 40 военнопленных – бывших военнослужащих Красной Армии».

5. Генерал-майор Крупенников И.П. – бывший начальник штаба 3-й гвардейской армии. «В начале 1943 года, находясь в Летценском лагере военнопленных, по собственной инициативе поступил на службу в качестве преподавателя на созданные немцами курсы офицерского состава и пропагандистов так называемый „русской освободительной армии“».

6. Генерал-майор авиации Белешев М.А. – бывший командующий ВВС 2-й ударной армии. «Белешев сознался, что на допросе в разведотделе Ставки германской армии он одобрил предложение немцев об использовании пленных советских летчиков для борьбы против Красной Армии, после чего был назначен немцами на должность коменданта лагеря военнопленных в городе Мариенфельд, где содержались военнослужащие частей ВВС Красной Армии».

7. Генерал-майор Самохин А.Г. – бывший начальник 2-го управления Главного разведывательного управления Красной Армии.

Компрометирующих данных о поведении в плену практически не было.

8. Комбриг Лазутин Н.Г. – бывший начальник артиллерии 61-го стрелкового корпуса. «Находясь в лагере военнопленных в городе Замостье, Лазутин в конце 1941 г. установил связь с немцами, после чего был назначен комендантом блока (отделения) лагеря, где руководил полицией и выполнял указания немцев по созданию тяжелых условий содержания военнопленных в лагере.

Впоследствии Лазутин использовался немцами в должности коменданта и в других лагерях военнопленных. Лазутин признал, что в Хаммельсбургском лагере подчинявшаяся ему полиция издевалась над советскими военнопленными, но он лично участия в этом не принимал».

9. Генерал-майор Привалов П.Ф. – бывший командир 15-го стрелкового корпуса. Компрометирующих данных о поведении в плену практически не было.

10. Генерал-майор Кириллов Н.К. – командир 13-го стрелкового корпуса. Компрометирующих данных о поведении в плену практически не было.

11. Генерал-майор технических войск Сиваев М.Н. – бывший начальник военных сообщений 24-й армии. «Сиваев, будучи в лагере военнопленных в Вульхайде, проходил обучение на курсах фашистских пропагандистов».

Из 11 вышеперечисленных генералов шесть (Понеделин, Кириллов, Привалов, Крупенников, Сиваев, Лазутин) были осуждены к расстрелу, а генерал Самохин – к лишению свободы сроком на 25 лет...

3

Генерал-майор Павел Васильевич Богданов, командир 48 сд 11 ск 8А Северо-Западного фронта, 17 июня 1941 г. сдался в плен немецкому разьезду.

Еще 25 июня остатки его дивизии, оставшись без управления, были рассеяны под Расейняем в Литве.

22 июля Богданова поместили в лагере военнопленных в Сувалках, где назначили старшим.

Буквально через несколько дней он выдал немцам своего комиссара и старшего политрука.

18 сентября Богданова перевели в одну из берлинских тюрем, где он написал заявление с предложением сформировать из военнопленных отряд для борьбы с Красной армией.

После этого его перевели в лагерь министерства пропаганды в Вульхайде, а летом 42-го завербовали в агентурно-политическую организацию «Боевой Союз русских националистов», который опекал «Цеппелин» (отдел VI Управления РСХА).

В августе Богданов написал два воззвания, а в декабре 42-го вступил рядовым во «2-ю русскую дружину СС».

В январе 1943 г. его произвели в чин поручика и назначили заместителем начальника штаба дружины. В марте после объединения 1-й и 2-й русских дружин в 1-й русский национальный полк СС Богданов был назначен начальником контрразведки и произведен в майоры.

Уже в апреле он становится генералом и принимает участие в карательных операциях против партизан и местного населения.

В июне 1943 г. Богданова назначают начальником контрразведки «1-й русской национальной бригады СС».

В середине августа командир бригады Гиль-Родионов накануне перехода к партизанам арестовал своего зама и благополучно доставил

командиру партизанского отряда, выполнив одно из его условий...

20 августа «Смерш» оформил ордер на арест Богданова, а 24 апреля 1950 г. его приговорили к расстрелу.

Комбриг Бессонов Иван Георгиевич, командир 102 сд, 26 августа 1941 г. сдался в плен охране медсанбата в селе Раги Гомельской области.

После пребывания в лагерях Гомеля, Бобруйска, Минска и Белостока в середине ноября 1941 г. его доставили в Хаммельсбургский офицерский лагерь.

Зимой 42-го он принял участие в работе «кабинета военной истории», созданного с целью сбора разведанных о Красной армии.

В апреле Бессонов предложил свои услуги по формированию из военнопленных карательного корпуса для подавления партизанского движения.

В сентябре его освободили и направили в распоряжение «Цеппелина», где он принял участие в создании «Политического центра борьбы с большевизмом», созданного для организации «повстанческого» движения в глубоком советском тылу путем десантирования вооруженных групп, сформированных из советских военнопленных.

Акцию планировалось провести в районе от Северной Двины до Енисея и от Крайнего Севера до Транссибирской магистрали.

Диверсионным отрядам ставилась задача овладеть промышленными центрами Урала, вывести из строя Транссибирскую магистраль и лишить фронт стратегической базы на Урале. Этот район был разбит на три оперативные зоны: правобережный район среднего течения Северной Двины, район р. Печоры и район Енисея.

Численность десанта предполагалось довести до 50 тыс. человек.

При подготовке акции учитывалась служба Бессонова в войсках НКВД, хорошие знания дислокации и системы охраны лагерей ГУЛАГа. Десант должен был захватывать лагеря, освобождать и вооружать заключенных и ссыльных и двигаться в южном направлении, расширяя район действия.

Однако акция фактически провалилась из-за того, что удалось собрать всего около 300 человек десанта.

Уже в июне 1943 г. Бессонова арестовали и посадили в концлагерь Заксенхаузен, в особый блок «А» для привилегированных заключенных (свободный режим содержания), где он содержался аж до апреля 1945 года.

19 апреля 1950 г. Бессонова приговорили к расстрелу.

Генерал-майор Будыхо Александр Ефимович, командира 171 сд, будучи дважды раненным, передал командование дивизией начальнику штаба, а сам с двумя бойцами и младшим лейтенантом выходил из окружения самостоятельно.

22 октября 1941 г. их задержал в Белгороде немецкий патруль.

После пребывания в Полтавском и Владимиро-Волынском лагерях в апреле 1942 г. Будыхо доставили в Хаммельсбургский лагерь.

В июне он принимает предложение Бессонова вступить в «Политический центр борьбы с большевизмом».

С февраля до конца апреля 1943 г. Будыхо исполнял обязанности начальника контрразведки и выявлял лиц, настроенных просоветски.

После расформирования организации он написал заявление о вступлении в РОА. Вскоре «генерал восточных войск» утвердил его в звании «генерал-майор», после чего Будыхо принял присягу и убыл в отдел формирования «восточных частей» при штабе 16-й армии в Ленинградской области.

Но случилось непредвиденное.

10 октября два «русских» батальона перебили немцев и ушли к партизанам.

12 октября, не дожидаясь возвращения обратно в лагерь, которое планировалось на 14 октября, Будыхо бежал, сговорившись с денщиком. Через неделю его встретили партизаны, а 23 ноября 1943 г. впервые допросили в контрразведке «Смерш».

19 апреля 1950 г. Будыхо проговорили к расстрелу.

Генерал-майор Наумов Андрей Зиновьевич, командир 13 сд, был арестован 18 октября 1941 г. на квартире и доставлен в минскую тюрьму. Через два месяца его перевели в лагерь для военнопленных, где он высказал желание проводить шпионскую работу против СССР.

В апреле 1942 г. Наумова перевели в лагерь в Литву, а затем в Хаммельсбург.

В лагере он осуществлял вербовку военнопленных в «восточные» батальоны.

24 сентября 1942 г. Наумов написал коменданту лагеря заявление:

«Доношу, что среди русских военнопленных лагеря ведется сильная советская агитация против тех людей, которые с оружием в руках хотят помогать немецкому командованию в деле освобождения нашей родины от большевистского ига.

Эта агитация исходит главным образом от лиц, принадлежащих к

генералам и со стороны русской комендатуры.

Последняя стремится всеми средствами дискредитировать тех военнопленных, которые поступают на службу к немцам в качестве добровольцев, употребляя по отношению к ним слова: „Эти добровольцы всего-навсего продажные души“.

Тех, которые работают в историческом кабинете, также игнорируют и оскорбляют такими словами, как: „Вы продались за чечевичную похлебку“.

При таком положении дел русская комендатура вместо оказания помощи этим людям в поднятии производительности труда совершает обратное. Она находится под влиянием генералов и всячески старается препятствовать работе.

Активное участие в этой агитации принимают генералы Шепетов, Тхор, Тонконогов, полковник Продимов, подполковник Новодаров.

Все вышеприведенное соответствует действительности, и я надеюсь, что комендатура лагеря благодаря принятию соответствующих мер обеспечит успешное выполнение порученных ей задач.

Генерал А. Наумов».

После этого доноса остался в живых только Тонконогов.

С октября Наумов работал начальником строевого отдела лагеря в военно-строительной организации ТОДТ, а затем комендантом участка работ.

В 1943 г. после побега военнопленных его сняли с должности и направили в лагерь для «фольксдойче».

С осени 1944 г. Наумов работал чернорабочим на трикотажной фабрике, а 23 июля 1945 г. был арестован в лагере для репатриированных.

19 апреля 1950 г. приговорен к расстрелу.

4

Уполномоченным Совета народных комиссаров СССР по делам репатриации был назначен генерал-полковник Ф. Голиков...

В своем донесении (№ 007225) начальнику Генерального штаба Красной армии о ходе репатриации граждан СССР он докладывал, что по неполным данным на 30.11.45 г. установлено: врагом было захвачено и уведено всего 6 810 547 человек, из них 4 794 087 – гражданского населения и 2 016 460 – военнопленных.

Из этого числа выявленных было репатриировано:

Всего 5 289 630 (3 474 608 – гражданского населения и 1 815 022 –

военнопленных).

В том числе:

а) определены на место 5 060 572 (3 319 624 – гражданского населения и 1 740 948 – военнопленных)

б) находятся в зоне бывших фронтов всего: 229 058 (154 984 – гражданского населения и 74 074 военнопленных).

При этом оставалось невыясненных из числа уведенных в фашистскую неволю, которых предполагалось считать в основном погибшими: 1 234 955 – гражданского населения и неизвестное количество военнопленных.

К 1 декабря 1945 г. от союзного командования через линию войск было принято 2 032 368 советских граждан.

В своей книге «„Смерш“: операции и исполнители» В. Телицын, рассказывая о проведении репатриации, приводит цифры прошедших через спецлагеря военнослужащих Красной армии, вышедших из окружения и освобожденных из плена (354 592 человека, в том числе офицеров 50 441 человек). При этом в примечании указывается 1945 г. Однако приведенные автором цифры относятся к октябрю 1944 г., когда зам. наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышов представил своему непосредственному начальнику Л.П. Берии «Справку о ходе проверки б/окруженцев и б/ военнопленных по состоянию на 1 октября 1944 г.».

Так у нас и пишут историю! Но пойдем дальше.

В этой же книге приводится маленький кусочек из допроса в «Смерш» одного из «коллорабационистов»:

«Но скажите мне, почему советское правительство продало нас? Почему оно продало миллионы пленных? Мы видели военнопленных разных национальностей, и обо всех них заботились их правительства. Они получали через Красный Крест посылки и письма из дому, одни только русские не получали ничего. В Касселе я повстречал американских пленных, негров, они поделились с нами печеньем и шоколадом. Почему советское правительство, которое мы считали своим, не прислало нам хотя бы черствых сухарей? Разве мы не воевали? Не защищали наше правительство? Не сражались за Родину? Коли Сталин отказался знать нас, то и мы не желаем иметь с ним ничего общего».

Вопрос достаточно существенный, который в последнее десятилетие звучит очень часто и на который, по-моему, всегда отвечают неправильно.

Придется и мне ответить на него, ведь на самом деле ответ простой.

Во-первых, в документе по итогам встречи (июль 1941) представителя

службы, занятой военнопленными, абвера и гестапо было четко указано: «Большевизм является смертельным врагом национал-социалистической Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение, как с честным солдатом, в соответствии с Женевским соглашением».

Во-вторых, ознакомимся со следующим документом:

ДЕКЛАРАЦИЯ

Нижеподписавшийся народный комиссар по иностранным делам Союза Советских Социалистических Республик объявляет, что Союз Советских Социалистических Республик присоединяется к конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, заключенной в Женеве 27 июля 1929 г.

В удостоверение чего народный комиссар по иностранным делам Союза Советских Социалистических Республик, должным образом для этой цели уполномоченный, подписал настоящую декларацию о присоединении.

Согласно постановлению Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик от 12 мая 1930 г. настоящее присоединение является окончательным и не нуждается в дальнейшей ратификации.

Учинено в Москве 25 августа 1931 г.

(подпись) Литвинов

(ЦГА ОР СССР, фонд 9501, опись 5, ед. хр. 7., л 22)

Следовательно, СССР все же присоединился к Женевской конвенции в 1930 г., но до сих пор этот факт либо умалчивается, либо вовсе отрицается историками.

Тот же К.М. Александров, исследователь власовского движения, написал:

«Отказ СССР подписать Женевскую конвенцию 1929 г.

о военнопленных во многом предвосхитил те нечеловеческие условия дулагов и шталагов, в которых оказались уже в 1941 г. миллионы военнослужащих РККА. Для многих единственным шансом выжить становилось вступление в восточные войска вермахта...»

Получается, что признание и утверждение неприсоединения СССР к Женевской конвенции – самое лучшее объяснение предательства, измены и вообще сотрудничества с врагом советских военнопленных.

Но нельзя забывать, что противоборство фашистской Германии и Советского Союза было не на жизнь, а на смерть. О каком-либо диалоге Гитлера со Сталиным после 22 июня речи быть не могло.

Так каким же образом Сталин мог договориться о помощи своим военнопленным с Гитлером, если его солдаты потеряли право согласно фашистской идеологии на обращение как с честными солдатами?

Вообще вопрос об обращении с советскими военнопленными нужно рассматривать в контексте национал-социализма, бредовых, но ужасных планов и идей Гитлера и всей идеологии фашизма.

* * *

Известно, что в проведении репатриации участвовали сотрудники органов контрразведки «Смерш» для проверки бывших военнослужащих, а гражданских лиц – сотрудники «Смерш», НКГБ и НКВД в составе проверочных комиссий. Срок проверки предполагался не более 1–2 месяцев.

Речь шла о проверке миллионов советских граждан. В целях организованного приема и содержания бывших военнопленных и репатрируемых в тыловых районах фронтов были сформированы: 2-й Белорусский —15, 1-й Белорусский – 30, 1-й Украинский – 30, 4-й Украинский – 5, 2-й Украинский – 10, 3-й Украинский – 10 лагерей на 10 000 человек каждый. В ходе проверки всех делили на три категории:

1. Враги советской власти, предатели, изменники и т. д. Те же власовцы и казаки.

2. Незапятнанные сотрудничеством с врагом – «относительно чистые».

3. Меньшинство, сумевшее на Западе проявить лояльность к советскому режиму.

К лету 1945 г. на территории СССР действовало 43 спецлагеря и 26 проверочно-фильтрационных лагерей. На территории Германии и других стран Восточной Европы действовали еще 74 проверочно-фильтрационных

лагеря и 22 сборно-пересылочных пункта.

За 1944–1945 гг. были осуждены свыше 98 тыс. репатриантов. В следственных тюрьмах содержалось еще свыше 42 тыс. человек. Всего в СССР было репатриировано свыше 1 млн 866 тыс. бывших военнопленных и свыше 3,5 млн гражданских лиц. Отказались вернуться в СССР свыше 450 тыс. человек, в том числе около 160 тыс. бывших военнопленных.

* * *

Ко времени окончания Второй мировой войны на территории Германии и Австрии, частично во Франции, Италии, Чехословакии и некоторых государствах Западной Европы находилось до 110 тыс. казаков.

Из них до 20 тысяч в Казачьем стане и до 45 тыс. – в Кавалерийском корпусе Гельмута фон Паннвица.

Большинство из них было выдано Советскому Союзу союзниками.

Сегодня впечатлительно эту выдачу называют трагической страницей жизни казаков.

Но в 1942 г., когда немцы вступили на их земли, они встречали захватчиков хлебом-солью, а потом сотрудничали и воевали на их стороне против своих же соотечественников.

Именно это стало главной причиной эвакуации этих казаков, отметим – меньшинства, когда немцев погнали обратно туда, откуда они пришли.

При этом казаки взяли с собой жен и детей, и Казачий Стан начал свое путешествие на Запад.

Думаю, что не сложно ответить на вопрос: кем являлись казаки Казачьего стана для Советского государства?

Ответ звучит однозначно: пособниками оккупантов. Людями, предавшими свою родину и свою землю.

Поэтому их выдача была обоснованной и морально и юридически.

А вот зачем казаки брали с собой детей и жен на невероятные лишения, лично мне – непонятно.

По сути, они не пожалели их, сделав своими заложниками...

5

Внучатый племянник П.Н. Краснова – Н.Н. Краснов вспоминал после возвращения на Запад:

«Проводил время Петр Николаевич в тюрьме на Лубянке, где мы вместе с ним сидели, так.

В семь с половиною – восемь часов утра он просыпался, так как приносили в камеру хлеб. Потом, около восьми с половиною часов, мы шли в уборную, причем я нес парашу, чтобы ее мыть в уборной, а Петр Николаевич шел туда, опираясь на палку и неся в одной руке стеклянную „утку“, он не мог пользоваться парашей...

Когда Краснов шел в уборную и обратно, его сбоку всегда поддерживал дежурный офицер, так как раз случилось, что в самом начале, после его прихода из больницы в тюрьму, он споткнулся и упал, разбив себе нос.

В уборной нас с ним по поручению врача не торопили, хотя для всех был срок в уборной всего двенадцать минут, мы же часто оставались там 20–25 минут.

В девять с половиною утра приносили завтрак: ячменный кофе и сахар.

После завтрака – в 10 часов Петр Николаевич ложился спать и спал до 11.30, когда его одного опять пускали в уборную. В 12–13 ч. был обед.

В 13 с половиною – 14 часов его обыкновенно вызывали на допрос.

В 17 с половиною – 18 часов он возвращался, и приносили ужин, после чего он немного читал, и мы много разговаривали.

Книги для чтения он получал из тюремной библиотеки, которая на Лубянке была довольно обширна. Кроме русских книг, были и иностранные.

Вечером еще раз выводили в уборную, а в 22 ч. отбой, и мы ложились спать».

Генерал П.Н. Краснов на Лубянке получал особое питание, которое ему приносили отдельно.

В паек атамана входило:

1 кг 200 г белого хлеба и девять кусков сахара. Завтрак: блин или рисовая каша или яйцо. Обед: суп или борщ, кусок жареного мяса с гарниром и компот. Ужин: каша или пюре картофельное с куском селедки.

Следователь называл его по имени и отчеству и разговаривал с ним исключительно вежливо, на «Вы».

За четыре месяца, первые два месяца его вызывали на допрос каждый день, кроме воскресений, а потом два раза и раз в неделю.

Допросы были только днем, так как следователь учел жалобу Петра Николаевича. Краснов плохо видел по ночам и не мог ходить.

Следователь спрашивал его о деятельности, как атамана, в 1917–

1919 г., о времени эмиграции, об организации казачества во Второй мировой войне.

В вину Краснову ставилось:

1) нарушение слова, данного им в 1917 г. при выпуске из тюрьмы в Быхове, что он не будет сражаться против большевиков;

2) в антисоветской борьбе в 1917–1919 гг., в поддержке Братства русской правды, в руководстве казачеством во Вторую мировую войну.

* * *

Однажды нарком госбезопасности генерал В. Меркулов вызвал к себе на прием Николая Николаевича Краснова и его сына Николая.

Кстати сказать, из четырех Красновых (П.Н. Краснов и С.Н. Краснов были казнены) Н.Н. Краснов (старший) умер в ссылке, а Н.Н. Краснов (младший) после 10-летнего наказания вернулся в Европу.

Итак, кабинет Меркулова (Н.Н. Краснов – младший):

«– Не стесняйтесь, „господа“! Закусывайте и пейте чай, – предложил Меркулов, вставая.

– Такие „чаепития“ – не частое явление у нас на Лубянке. Только для особых гостей! – на его лице появилась странная блуждающая улыбка, полная скрытого смысла...

– Как доехали? Не укачало ли и вас в самолете? (Что это, намек на Шкуро?) Не беспокоил ли вас кто-нибудь? Есть ли какие-нибудь жалобы? – и не дождавшись ответа, скорее даже не интересуясь ими, Меркулов обратился прямо к отцу.

– Почему вы не курите, Краснов, не пьете чай? Вы, по-моему, не очень разговорчивы и дружелюбны! Я думаю, что за этим молчанием Вы пытаетесь скрыть Ваше волнение... страх..., а волноваться, в общем, совсем не стоит. По крайней мере – не в этом кабинете. Вот когда Вас вызовут к следователю, я Вам советую говорить только правду и находить ответы на все вопросы, а то... мы и подвешивать умеем. – Меркулов тихо засмеялся. – Знаете, как подвешивают? Сначала потихоньку, полегоньку... даже не больно, но потом... Не описал ли в своих книгах подобный способ дознания атаман Краснов?

– На свободу не надейтесь, – продолжал генерал. – Вы же не ребенок! Однако если не будете упираться, легко пройдете все формальности, подпишете кое-что, отбудете парочку лет в ИТЛ и там привыкнете к нашему образу жизни и... найдете ее прекрасные стороны. Тогда,

возможно, мы Вас выпустим. Жить будете!

Опять пауза.

– Так что, полковник Краснов, выбирайте между правдой и жизнью, или заперательством и смертью. Не думайте, что я Вас запугиваю. Наоборот! Ведь Петр Николаевич, Семен Николаевич и Вы – наши старые знакомые! В 1920 г. вам удалось выюном выскочить из наших рук, но теперь все карты биты. Не уйдете! „Нэма дурных“, – как говорят на Украине...

– Мне Вам нечего рассказывать! Я не понимаю, к чему вся эта волокита. Кончайте сразу. Пулю в затылок и...

– Э-э-э, нет, „господин“ Краснов! – криво усмехнулся Меркулов, опускаясь в кресло. – Так просто это не делается. Подумаешь! Пулю в затылок и все? Дудки-с, Ваше благородие! Поработать надо! В ящик сыграть всегда успеете. Навоза для удобрения земли хватает. А вот потрудитесь сначала на благо Родины. Немного на лесоповале, немного в шахтах по пояс в воде. Побывайте, голубчик, на 70-й параллели. Ведь это же так интересно! „Жить будете“ – как говорят у нас. Вы не умеете говорить на нашем языке. Не знаете лагерных выражений, родившихся там, в Заполярье. Услышите! Станете „тонкий, звонкий и прозрачный, ушки топориком!“, ходить будете макаронной походочкой! – расхохотался генерал. – Но работать будете! Голод Вас заставит!»

Когда Меркулов закончил свою речь, то нажал кнопку звонка на столе, вызвав офицера.

Обращаясь уже к вошедшему, он сказал: «Убрать их! С меня хватит! Но следователям скажи – „без применений“! Понял? Жить должны! Работать должны!..»

Стоит заметить, что на Лубянке к врагам относились при вожде гораздо гуманнее. Может потому, что эти враги были настоящие!

6

На Лубянке Петр Николаевич Краснов считал, да и надеялся, что его не казнят. Атаман и ярый враг большевизма был уверен в невыгодности своей казни, так как она сделает из него мученика и вызовет нежелательные толки на Западе, где он известен как писатель, а его произведения переведены на семнадцать языков.

На нем была зеленая гимнастерка и длинные штаны. Из-за того, что во время болезни его ноги распухли, ему выдали высокие сапоги с кирзовыми голенищами и кожаным низом. На прогулку ему давали тюремное пальто,

черное, с завязками впереди вместо пуговиц, осенью картуз, а зимой серую солдатскую папаху.

Каждые десять дней в бане П.Н. Краснову меняли чистое белье: рубашку, кальсоны, полотенце, простыню и наволочку, а на кровати у него единственного лежало два матраца. Во время допроса на стул Петру Николаевичу подкладывали кожаную подушку, для удобства.

Больше всего Краснов беспокоился о своей жене Лидии Федоровне и очень мечтал, чтобы в эмиграции была издана его последняя рукопись «Погибельный Кавказ».

На что-то еще надеялся и Андрей Андреевич Власов.

Как бывшему биографу Власова, К. Токареву разрешили присутствовать при его допросах в Москве. Не раз они беседовали на Лубянке.

В. Токарев вспоминал:

«Сокамерники завистливо удивлялись, как это ему удалось выпросить двойную норму питания.

– Мне голодно, я большой человек, – жаловался он надзирателям.

– Не большой, а прожорливый, – отмахивались они. Их начальник распорядился выдавать двойную пайку – „чтоб не скулил перед судом“.

Однажды Власов спросил у меня:

– Слушайте, какой это приказ Сталина был, что будто бы меня и после войны обязательно найдут и казнят? Вы читали такой?

– Не читал, – отвечал ему, – но слышал.

– Да ведь меня теперь весь мир знает! – восклицал Власов. Возмездие привело его в камеру смертников, а он на что-то еще надеялся!

– А ведь, возможно, меня и не расстреляют. Дадут этак лет двадцать пять – и порядок. Я же спас сотни тысяч русских военнопленных!

Ему напоминали о предательстве. Он возражал:

– Не то говорите, не то... В политике преступление – ерунда, важны результаты. Мой результат – спасение военнопленных от голода и унижения. Так что вспомнят и эту мою заслугу!

Возвращаясь с допросов, Власов злобно ругал своего следователя, которому сам же давал подробные показания, но не доверял его записям и придирчиво вчитывался в протокол, прежде чем подписать. Однажды вернулся возбужденный и даже довольный.

– Нынче мне повезло, – сказал, подмигнув из-под окуляров. Оказывается, его привели к начальнику следственного управления. У входа на столике – большая пепельница с горкой окурков. – Я их цоп и за

пазуху, – похвалился „освободитель России“. Он рассортировал „бычки“ по степени их пригодности и сказал: „Живем!“...»

После сорокаминутной беседы Власова с Абакумовым начальник внутренней тюрьмы полковник Миронов получил указание:

«На имеющуюся у Вас половину продовольственной карточки прошу включить на дополнительное питание арестованного № 31.

Начальник следственного отдела ГУК „Смерш“
Генерал-майор Леонов».

В 12.05 30 июля 1946 г. открылось (закрытое) судебное заседание военной коллегии Верховного суда СССР.

После перерыва, объявленного в 13.40, ровно через 28 мин., судебное заседание возобновилось с допроса подсудимого Власова.

Председательствующий: Подтверждаете ли вы ваши показания от 25 мая с.г., т. е. основные ваши показания, – сдаваясь немцам, были ли вы убеждены в правильности действий фашистов и, переходя на их сторону, вы делали это добровольно, согласно вашим убеждениям или как?

Подсудимый Власов: Смалодушничал. Первые шаги в работе начались с Винницкого лагеря, где шла разлагательская работа с участием капитана Штрикфельдта. Я это подтверждаю. Я также подтверждаю, что разговор между мной и Фильгером, который отражен на странице пятой второго тома, имел место, и я тогда дал свое согласие работать на немцев. Капитан Штрикфельдт предложил подготовить листовку, что мной и было выполнено, и после этого выехали с ним в Берлин...

Подсудимый Малышкин: Я сдался немцам из-за трусости...

Подсудимый Трухин: По трусости...

Подсудимый Жиленков:... На допросе у немцев мне было объявлено о том, что я буду расстрелян за антигерманскую деятельность. Проявив трусость и желая во что бы то ни стало спасти свою шкуру, я назвал свою действительную фамилию...

Подсудимый Закутный: Попав в окружение и впоследствии в плен к немцам, я отвечал на все вопросы, которые мне задавались немцами на допросах... Так началось мое падение...

Подсудимый Благовещенский: Я признаю себя виновным в том, что 6 июля 1941 г. после тщетных попыток выйти из леса я попал в плен к немцам...

Будучи в лагере военнопленных, я был дважды сильно избит немцами. В связи с этим я наивно думал и «невинность сохранить и капитал на этом

нажить»...

Подсудимый Мальцев:...8 ноября 1941 г. я остался в Севастополе, явился в СС и заявил, что я обижен Советской властью и поэтому готов служить немцам.

Подсудимый Буняченко:...Виновным себя признаю в том, что 17 декабря 1942 г. я добровольно перешел на сторону немцев, я выдал немцам интересовавшие их секреты, я выдал немцам военную тайну...

Подсудимый Зверев:...Признаю себя виновным в том, что в июне 1943 г. добровольно вступил в РОА, изменил советскому народу и Родине...

Подсудимый Меандров: Мои показания на предварительном следствии я подтверждаю, а вина моя заключается в том, что я не оказал вооруженного сопротивления и сдался немцам...

Первый день процесса закончился в 22 часа 50 минут, а 31 июля в 12 часов начался второй.

После перерыва с 16 часов до 18 часов 20 минут подсудимым было предоставлено последнее слово.

Подсудимый Власов: Содеянные мной преступления велики, и ожидаю за них суровую кару. Первое грехопадение – сдача в плен. Но я не только полностью раскаялся, правда поздно, но на суде и следствии старался как можно яснее выявить всю шайку. Ожидаю жесточайшую кару.

Подсудимый Мальшкин:...Сейчас не могу объяснить, что сыграло решающую роль в преступлении, которому нет имени. Я пошел против общественного и государственного советского строя. Я дал все показания, я ничего не скрыл, я все изложил. Умирать, конечно, неохота. Но после всего, что мной сделано, как смотреть в глаза людям? Жду сурового приговора.

Подсудимый Трухин: Я изложил всю гадость, мерзость, гнусность моего падения, начиная с 1941 г. Нет имени преступлениям, которые я совершил. Я сознался во всем. Я сделал бесконечно много гадостей и поэтому жду и готов вынести любой приговор.

Подсудимый Жиленков: Я совершил тягчайшее преступление перед партией и Советской Родиной, за что будет справедливым приговором суровое возмездие. Мне, как бывшему партийному работнику, позорно и стыдно быть на этой скамье и отвечать за гнусные деяния. Признаю, что я готов нести наказание, которое найдет нужным применить ко мне Советское правительство... Если суд найдет возможность, чтобы использовать мою жизнь, то я готов загладить мою вину чем угодно и в любых условиях.

Подсудимый Мальцев: Все ясно, я не смею рассчитывать на помилование, скажу только, что до 1938 г. все шло нормально, а потом

началось падение. Мысль самая гнусная – это обида на советскую власть за недоверие, которое я стал ощущать после моего ареста. Я просился в армию, мне отказали. Обидевшись на советскую власть я дошел до настоящего состояния. Умереть бы, но с толком – вот что мне хотелось бы на сегодняшний день.

Подсудимый Закутный: Мои преступления безмерно велики и тяжки. Я совершил их против великой партии, членом которой я являлся с 1919 г., против Советского правительства. Я еще не безнадежно потерян для своей Родины и прошу сохранить мне жизнь, дав этим возможность хотя бы частично искупить столь большую мою вину. Прошу дать мне возможность умереть честным человеком, а не врагом своего государства.

Подсудимый Благовещенский: Я признаю себя виновным в изменнической деятельности и готов принять любое наказание.

Подсудимый Буняченко: Я совершил очень большое преступление перед Родиной, став на путь измены и предательства. Тяжело в данное время вспоминать пройденный мною жизненный путь, большая часть которого была посвящена честной и творческой работе на пользу Родине, и только в 1942 году, я прыгнул в самое логово зверя, в фашистское болото, и этим нанес большой вред своей Родине. Я честно рассказал о всех своих преступлениях, за которые любое наказание советского правосудия приму как должное. Но все же прошу сохранить мне жизнь, любой самый тяжелый труд для меня будет большим счастьем.

Подсудимый Зверев: По своей деятельности я являюсь гнуснейшим предателем нашей дорогой Родины. Это после того, как меня советская власть вытщила из народа, обучила, поставила на ноги, дала хорошо жить, поставила учить других и даже больше – доверила драгоценные жизни десятков тысяч советских людей. И тем не менее я – предатель.

Не существует весов, чтобы измерить тяжесть моего преступления. Я опозорил честную советскую семью.

Опозорил своих родителей, честных русских людей, своих предков. Что можно ожидать после этого. Я плавал в фашистском власовском омуте и этой грязью выпачкан, вымазан...

Я взвесил все мои злодеяния, продумал их и еще раз отмежевываюсь от них, от прошлого у меня ничего не осталось, я со всеми порвал. Сейчас, если можно так выразиться, чувствую себя честным человеком. Прошу дать мне возможность искупить вину честным трудом. Прошу прощения у советского народа за мои злодеяния. Дайте мне возможность умереть как солдату, а если нельзя сохранить мне жизнь, то прошу приговора о расстреле.

Подсудимый Меандров: Тяжела и слишком позорна моя вина перед Родиной, и я достоин самой тяжкой кары за ту измену, которую я совершил, но все же прошу сохранить мне жизнь. Тяжко и страшно умирать изменником своей Родины...

В 19 ч 8 мин суд удалился на совещание, а в 2 ч 2 мин 1 августа 1946 г. прозвучал приговор ...всех подвергнуть смертной казни через повешение.

26 августа 1946 г. в центральных газетах было опубликовано сообщение, что приговор Военной коллегии Верховного суда СССР Власову А.А. и другим приведен в исполнение.

Через несколько месяцев, 17 января 1947 г., в газетах появилось сообщение о приведении в исполнение приговора: смертной казни через повешение в отношении атамана П.Н. Краснова, генерал-лейтенанта Белой армии Шкуро А.Г., командира «Дикой дивизии» генерал-майора Белой армии князя Султан-Гирей Клыча, генерал-майора Белой армии Краснова С.Н. и генерал-майора Белой армии Доманова Т.И., а также генерала германской армии, эсэсовца фон Паннвица Гельмута.

7

Не так давно нижегородская газета «Перспектив» опубликовала сенсационный материал.

Внучатая племянница Власова Нина Михайловна поведала следующую историю:

«После войны я ездила в Ленинград, где встречалась с Героем Советского Союза летчиком Александром Покрышкиным. Покрышкин приходился отдаленным родственником мужа тети Вали – племянницы Андрея Власова. Александр Иванович рассказал, что ходил вместе со своей женой Александрой на публичную казнь власовцев. Так вот он утверждал, что вместо крестного Андрея казнили какого-то маленького мужичишку, наверно тюремщика. Покрышкин хорошо знал Власова, не единожды встречался с ним. И в Ломакино в казнь Власова никто не поверил: хороших людей, мол, не убивают. А один наш колхозник, Петр Васильевич Рябинин, тоже ломакинский, после войны часто ездил к своей дочери на Дальний Восток – торговать табаком. Как-то раз дочь Настя повела его на концерт самодеятельности. И вдруг Рябинин увидел, что на сцену вышел играть на аккордеоне – ...Андрей Власов. Он закричал: „Андрей! Я ломакинский, я здесь!“ Артист побледнел, скомкал конец выступления и

убежал. Мой земляк побежал его искать за кулисами, но не нашел. Потом он рассказал мне и тете Вале, что сразу узнал Андрея, как только он заиграл на инструменте. Да и песню он пел тогда свою самую любимую...

В общем, я считаю, что Власова после войны не казнили, он остался жив. Уверена, что после войны крестный Андрей еще долго жил под другой фамилией, да так и умер своей смертью».

Что тут скажешь? Если близкие Власова считали его живым, ради Бога, пусть считают. На то они и родственники, чтобы не верить в предательство родного человека. Для них он был замечательным и уважаемым человеком.

Как же он вот так вдруг может оказаться предателем. Как-то не укладывается в голове. А впрочем, что там родственники... Наши с вами современники подхватили эту байку, превратив ее в захватывающий боевик.

Например, В. Телицын в книге «„Смерш“: операции и исполнители» пишет:

«Еще в 1937 г. полковник Власов был назначен начальником второго отдела штаба Ленинградского военного округа. В „переводе с русского языка на понятный“ это означало, что храбрый полковник Власов отвечал за всю чекистскую работу округа».

А вот что пишет автор статьи «Кто вы, генерал Власов?» Александр Штолько в «Хронографе».

«Еще в 1937 г. полковник Власов был назначен одним из руководителей второго отдела штаба Ленинградского военного округа. В переводе на гражданский язык это значит, что храбрый полковник Власов отвечал за всю чекистскую работу округа».

Согласитесь, что два текста разных авторов написаны будто бы под копирку. Но дорогие господа! Второй отдел штаба ЛенВО не что иное, как отдел боевой подготовки. А дальше можете думать, что хотите.

Бывший главный редактор Военно-исторического журнала генерал-майор Филатов пошел еще дальше. В журнале «Молодая гвардия» за 1995 г. № 4–7 он опубликовал свои «мысли вслух» о Власове, убеждая читателя, что генерал-предатель вовсе не тот, за кого его выдают. Но послушаем самого автора: «Почему генерал и предатель? Почему русский националист генерал Власов и против русских? Почему за каких-нибудь 5–6 месяцев до ухода Власова к немцам Жуков пишет на него собственноручно блестящую характеристику. Или почему в „обвинительном заключении“ нет ни слова о том, что Власов и его приближенные сами убивали или истязали кого-либо или совершали иные подобные действия? Почему тех, с кем генерал Власов

предал Родину, он называет не иначе как „охвостьем“ и „подонками“?

Этих „почему“, в общем-то, взглядываясь в генерала Власова, сегодня возникает множество. Почему, почему, почему? ...

Отчего все-таки не посмотреть, хоть одним глазком, на генерала Власова не как на предателя № 1, а как, допустим, на русского генерала Власова, выполнявшего, к примеру, в германском великом рейхе специальное задание?»

Прямо скажем, аргументы у генерала Филатова слабые, но ему и прощительно, ведь он был всю жизнь военным журналистом.

Когда Г.К. Жуков писал характеристику на Власова, он совершенно не предполагал, что тот уйдет к немцам и станет предателем. Да и характеристику на Власова невозможно назвать блестящей. Обычная она, и не более... Зато называя своих коллег «подонками», Андрей Андреевич был искренен, ведь он всю свою жизнь абсолютно всех считал таковыми.

Генералы у товарища Сталина не предназначались для выполнения специальных заданий в тылу врага. Это слишком дорогое удовольствие. Для того чтобы подготовить одного генерала, нужны не только большие деньги, но и как минимум 20 лет времени. Для победы Сталину требовались полководцы и военачальники.

* * *

Анна Михайловна Власова отсидела пять лет в Нижегородской тюрьме, а потом жила в Балахне. Агнесса Павловна Подмазенко проживала в Бресте, где работала доктором в областном кожно-венерологическом диспансере. Ее сын живет и работает в Санкт-Петербурге и, говорят, отрицает всякое родство с генералом. Там же живут его внебрачная дочь, внуки и правнуки.

8

Власовское движение нельзя рассматривать как попытку создания антисталинского сопротивления.

Вся «власовская верхушка» – это люди, изменившие присяге и предавшие Родину.

Историк А.К. Александров называет измену нестандартным и непривычным поведением человека в экстремальной ситуации. Возможно.

И тем не менее.

Из попавших в плен 80 генералов и комбригов Красной армии только 12 активно сотрудничали с немцами. 5 бежали из плена, 23 погибли в плену. Разве это не показатель мужества и стойкости?!

Сколько раз немцы, да и власовцы, пытались перетянуть на свою сторону бывшего командующего 19-й армией генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина, но он без ноги и с недееспособной рукой неоднократно отказывался от сотрудничества, а ведь ему, инвалиду, было еще тяжелее, чем другим.

Тот же Трухин на суде показал:

«С Михаилом Федоровичем Лукиным я знаком примерно с 1925 года. Мне пришлось служить вместе с ним в Украинском округе. Затем Лукин был переведен на службу в другой округ. Находясь в лагере Вустрау в качестве руководителя курсов восточного министерства, я узнал, что Лукин находится в Пинтенхорсте, и выехал к нему. При встрече Лукин произвел на меня впечатление сильно истощенного и исстрадавшегося человека. Я сообщил ему, что освобожден из плена и состою на службе у немцев. Лукин в ответ высказал свое враждебное отношение к немцам и уверенность в победе Красной Армии.

Позднее, когда я уже служил у Власова, мне стало известно, что Лукин за отказ перейти на сторону немцев переведен по французский лагерь военнопленных и содержится там на общих основаниях. Договорившись с немецкой администрацией о размещении Лукина в Дабендорфе, я с офицером-„добровольцем“ послал Лукину письмо, в котором приглашал его приехать в Дабендорф. Лукин ответа мне не написал, но в устной форме через офицера передал, что предпочитает оставаться в лагере военнопленных».

Лукин дождался победы, вернулся на Родину, где был восстановлен в правах.

По данным А.К. Александрова, весной 1945 г. в Вооруженных силах КОНР проходили службу: 1 кадровый генерал-лейтенант РККА, 5 генерал-майоров, 2 комбрига, 29 полковников, 1 бригадный комиссар, 16 подполковников, 41 майор, 5 военинженеров 2-го ранга, 6 военинженеров 3-го ранга, 1 военврач 3-го ранга, а также 1 капитан 1-го ранга ВМФ и 3 старших лейтенанта ГБ.

То есть 9 генералов и комбригов и 95 старших офицеров от майора и ему равных до полковника и ему равных (военинженер 3-го ранга и военврач 3-го ранга приравнивался к капитану).

Однако в годы войны погибло, умерло от ран, пропало без вести и

попало в плен: генералов и адмиралов – 421, полковников – 2502, подполковников – 4887, майоров – 19 404.

Сравните эти цифры!

Советский Союз в 1930 г. присоединился к Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, но так как Гитлер считал Советский Союз смертельным врагом Германии и национал-социализма, пленные солдаты и офицеры Красной армии были лишены права на соответствующее обращение. Более того, отношение к советским военнопленным выходило из общей политики истребления народов СССР.

Только с провалом блицкрига и появлением необходимости в дополнительной рабочей силе для немецкой военной промышленности отношение к военнопленным несколько изменилось. Именно тогда встал вопрос о сохранении жизни части военнопленных.

Однако принятые меры не смогли предотвратить высокую смертность. Она по-прежнему оставалась высокой, так как произвол и насилие, бесчеловечное отношение варваров к советским людям остановить было уже невозможно...

Благодаря проведенной репатриации Советскому Союзу удалось задержать максимальное число предателей и изменников, а самое главное – их идейных руководителей из числа власовцев и давних врагов советской власти – казачьих генералов белой эмиграции.

За последние десять лет у нас появилось множество материалов о выдаче казаков и власовцев «на муки и смерть» Советам...

До сих пор льются горькие слезы о насильственно выданных и отправленных в лагеря и убиенных.

Но ведь речь идет не просто о людях, русских людях, случайно оказавшихся на стороне противника. Речь идет об активных участниках боевых действий на стороне фашистов против своих соотечественников, против своей исторической Родины.

В результате проведенных широкомасштабных мероприятий советских органов госбезопасности и военной разведки, а также благодаря соглашениям и договорам советского правительства с англо-американскими союзниками «пятая колонна» русских на стороне Германии была нейтрализована. Но самое главное, что ей не удалось уйти от возмездия и сохранить свою боеспособность.

На сегодняшний день имеют хождение разные цифры русских добровольцев на стороне Германии. Официально комиссией по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ около 300 тыс. советских граждан признаны служившими в полиции и

Вооруженных силах Германии в 1941–1945 гг.

Немецкий историк И. Хоффманн на май 1943 г. называл от 400 000 до 600 000 бывших советских военнопленных. С. Стеенберг на май 1945 г. – 700 тыс. человек.

А.К. Александров говорит о более чем миллионе советских граждан... 1 836 тыс. человек вернулось из плена после окончания войны.

На 1 января 1945 г. общее число советских военнопленных в Германии достигало 1 680 287 (по немецким и советским учетным данным), в том числе в лагерях Верховного командования вермахта – 930 287 и на работах в военной экономике Германии (концентрационные лагеря).

При простом математическом вычитании 1 836 тыс. – 1 680 287 получаем 155 713 советских военнопленных, вероятнее всего находившихся на немецкой службе в различных формированиях. Всего к концу войны на стороне Германии продолжали действовать отдельно:

туркестанские и кавказские батальоны (40–50 тыс. человек);

дивизия СС «Галичина» (10 тыс. человек);

националистические охранные и карательные части (40–45 тыс. человек);

другие части, не входившие в упомянутые выше формирования и действовавшие на территории Югославии, Италии, Франции и других западных стран (20–25 тыс. человек);

служащие во вспомогательных частях немецкой армии и некоторых других формированиях СС (20–25 тыс. человек); казачьи части 15 кав. дивизии, казачьего стана и отдельные подразделения (около 80 тыс. человек);

Русская Освободительная армия (до 60 тыс. человек).

Всего: около 300 тыс. человек (в том числе 155 713 советских военнопленных).

До конца 1944 г. речь шла в основном о добровольных помощниках-«хиви», которые набирались из лагерей военнопленных в оперативной полосе фронта, на оккупированных территориях, из оставшихся в тылу и разбежавшихся по окрестностям окруженцев. Немцы использовали добровольцев в качестве шоферов, ремонтников, конюхов, саперов и охранников. К 1943 г. на Восточном фронте насчитывалось 38 рабочих, охранных и учебных подразделений численностью до роты. Вместе с тем параллельно шло формирование пехотных, кавалерийских и артиллерийских подразделений добровольцев для использования против партизан в ближнем тылу групп армий. В начале 1943 г. таких батальонов

числилось до 176.

По немецким данным, летом 1943 г. добровольных помощников насчитывалось около 220 000 и 60 000 составляли «добровольцы» охранных подразделений.

Таким образом, в конце Второй мировой войны на службе Германии находилось около 300 тыс. бывших советских военнопленных и гражданских лиц. При этом в период с 1941 по 1945 г. через эту службу, в том числе полицию, вспомогательные службы, охранные и боевые части могли пройти более 400 тыс. советских военнопленных и гражданских лиц. Но среднестатистической цифрой следует считать 300 000. Проверить эту цифру можно и другими расчетами. С конца июля до ноября 1941 г. из лагерей военнопленных было освобождено 318 770 человек (немцев Поволжья, прибалтов, украинцев – 277 761 и белорусов).

С 1942 по 1 мая 1944 г. немцы освободили 823 230 военнопленных, в основном вступающих в добровольческие, охранные и другие формирования. Всего – 1 100 991 человек бывших военнослужащих Красной армии (в том числе военнообязанные и гражданские лица).

160 тыс. военнопленных отказались вернуться на Родину. Таким образом, оставшиеся около 140 тыс. военнопленных (в том числе гражданские лица, белоэмигранты, их потомки – минимальный процент) – солдат и офицеров, находившихся на немецкой службе, были возвращены на Родину по репатриации.

Возмездие Советского государства предателям и изменникам своего народа было неотвратимым и правомерным... Безусловно, были и перегибы, тем не менее большинство людей из этого числа получили вполне заслуженные наказания.

Парадокс заключается в том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» от 17 сентября 1955 г. из мест заключения освобождались лица, осужденные на срок до 10 лет лишения свободы включительно за совершенные в период войны пособничество врагу и другие преступления. Наполовину сокращались сроки свыше 10 лет за те же преступления и освобождались из мест заключения независимо от срока наказания лица, осужденные за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях. Освобождались от ответственности советские граждане, находящиеся за границей, которые в период войны сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Однако только 29 июня 1956 г., почти через год, ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей».

В нем говорилось: «Наряду с разоблачением некоторого числа лиц, действительно совершивших преступления, в результате применения при проверке во многих случаях незаконных провокационных методов следствия было необоснованно репрессировано большое количество военнослужащих, честно выполнявших свой воинский долг и ничем не запятнавших себя в плену».

С 1945 г. все освобожденные и репатриированные военнопленные сводились в батальоны и направлялись для постоянной работы на предприятия угольной и лесной промышленности в отдаленные районы. Таким было наказание даже для тех, на кого не было компрометирующих данных.

После войны военнопленных продолжали привлекать к уголовной ответственности, причем большинство из них совершенно незаконно. Бывшие военнопленные и их родственники ограничивались в правах.

Вот это действительно можно назвать трагедией, ведь большинство из 1 млн 866 тыс. военнопленных, вернувшихся на Родину, ни в чем себя не запятнавших, стали изгоями и долго жили «вне общества»...

Вместо заключения

После публикации судебного очерка о Власове и его сообщниках в Военно-историческом журнале за 1990 г. редакция получила один из откликов из Германии:

«Имеющаяся статья „Власовцы на службе у фашизма“ неправдоподобна уже с самого заголовка. Она не просто разочаровала, она ошеломила...» Подписал письмо Иоахим Хоффманн из Фрайбурга.

На этого историка-исследователя «власовского движения» до сих пор ссылаются в России и за рубежом многие современные историки. Все они связывают его с политическим режимом в СССР.

Неоднократно упоминаемый К.А. Александров видит в этом главную причину столь «массовой коллаборации». Он пишет: «В подавляющем большинстве случаев это был акт отчаяния, выразившийся в стихийном вооруженном протесте сотен тысяч людей против коллективизации 1929–1932 гг., последовавшего за ней голода и повсеместных репрессий НКВД 1937–1939 гг., преследовавших не только политические, но и социально-экономические цели». Если бы все было именно так, то советский народ однозначно проиграл бы эту войну. В неимоверно тяжелых условиях он смог сплотиться и забыть многие обиды на советскую власть.

Почему в этой книге я несколько подробно остановился на власовском движении?

Во-первых, то «движение», которого не было, родилось в период холодной войны – противостояния Запада и Востока. И в нем, по понятным причинам, существовала особая необходимость и заинтересованность до поры.

Однако и сегодня, когда Россия уже более 10 лет идет по пути демократии, на Западе и у нас продолжается слезливая истерия по убиенным власовцам. Между тем термин «РОА» принадлежит всего лишь одному капитану отдела «Иноземные армии Востока» В.К. Штрик-Штрикфельдту. Этого младшего офицера немецкой пропаганды называют главной опорой всей «власовской акции». При этом некоторые участники этого движения возлагали вину за провал власовского начинания именно на невысокий чин этого немецкого офицера (?!). Но все это бред.

Во-вторых, «пятая колонна» всех русских «добровольцев» на стороне Германии действовала до начала формирования «РОА» в виде отдельных подразделений, частей и соединений – раздробленно. И только с конца

1944 г. появилась некоторая возможность объединения части этих сил под флагом «освободительного движения» в единый кулак.

Умнее всех, как ни странно, оказался Гитлер: «Люди, совершающие революцию, должны находиться внутри государства. В противном случае это было бы равносильно тому, что я находился бы в Швейцарии и сказал бы: „Я организую из Швейцарии революцию в Германии“. Это звучит слишком по-детски».

10 декабря 2003 г.

Библиография

Архивы

(мемуары, дневники, литература, опубликованные и неопубликованные документы)

1. А.М. Василевский. Дело всей жизни. М.: Воениздат. 1984.
2. Н. Коняев. Два лица генерала Власова. М.: Вече. 2001.
3. Б. Сушинский. Генерал Власов отверженный и проклятый. Йошкар-Ола: Марийский полиграф. комбинат. 1996.
4. В. Карпов. Маршал Жуков. М.: Воениздат. 1992.
5. В. Карпов. Жуков на фронтах Великой войны. М.: Вече. 1996.
6. В. Карпов. Генералиссимус. Калининград: Янтарный сказ. 2002.
7. П. Судоплатов. Разные дни Тайной войны и дипломатии 1941 г. М.: Олма-пресс. 2001.
8. П. Судоплатов. Разведка и Кремль. М.: ТОО «Гея». 1996.
9. В. Краснов. Неизвестный Жуков. М.: Олма-пресс. 2000.
10. Ю. Квицинский. Генерал Власов: путь предательства. М.: «Современник». 1999.
11. Д.А. Волкогонов. Сталин. Книга 1,2. М.: Новости. 1996.
12. Семюель В. Митчем, Джин Мюллер. Командиры Третьего рейха. Смоленск: Русич. 1995.
13. Б. Соколов. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши. Минск: Радиола-плюс. 2000.
14. Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933–1945. Справочник. М.: «Изографус» ЭКСМО. 2002.
15. А. Солженицын. Архипелаг Гулаг. Том 1. М.: Центр. Новый Мир. 1990.
16. В. Телицын. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск: Русич. 2000.
17. Н. Хрущев. Воспоминания. М.: Вагриус. 1997.
18. Неотвратимое возмездие. М.: Воениздат. 1984.
19. Битва под Москвой. М.: Военное издательство. 1989.
20. Е. Андреева. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Странник. 1993.

21. В. Штрик-Штрикфельдт. Против Сталина и Гитлера. Посев. 1993 г.
22. Гриф секретности снят. М.: Воениздат. 1993. Потери ВС СССР в войнах и боевых действиях и военных конфликтах.
23. Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. В 3-х томах. М.: Издательство АПН. 1990.
24. Ю. Горьков. Государственный Комитет постановляет. М.: Олма-пресс. 2002.
25. И.В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат. 1947.
26. Франц Гальдер. От Бреста до Сталинграда. Военный дневник. Смоленск: Русич. 2001.
27. Л.М. Сандалов. На московском направлении. М.: Воениздат. 1970.
28. Ю. Рубцов. Alter ego Сталина. М.: Звонница-МГ. 1999.
29. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М.: 1985.
30. Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 1. М.: Наука. 1998.
31. М.Н. Кожевников. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой отечественной войне 1941–1945. М.: Наука. 1985.
32. А.Г. Первов. Опыт создания авиационных резервов Ставки ВГК в годы Великой Отечественной войны. Учебное пособие. Монино. 1992.
33. К.А. Мерецков. На службе народу. М.: 1983.
34. На Волховском фронте 1941–1945 гг. М.: Наука. 1982.
35. Н.И. Чепурнов. Российские наградные медали. Часть 1. Г. Чебоксары. 1993.
36. В. Филатов. Сколько было лиц у генерала Власова. М.: Молодая гвардия №№ 4–8. 1995.
37. Эйке Миддельдорф. Русская кампания: тактика и вооружение. М.: АСТ. 2002.
38. Пауль Карелл. Дорога в никуда: Вермахт и восточный фронт в 1942 году. Смоленск. Русич. 2003.
39. Полевая академия. М.: Воениздат. 1983.
40. Р. Гелен. Война Разведок. М.: Центрполиграф. 2003.
41. В.Г. Науменко. Великое предательство. СПб.: Изд. дом Нева. 2003.
42. К. Симонов. Глазами человека моего поколения. М.: Изд. АПН. 1989.
43. Г.А. Колесников, А.М. Рожков. Ордена и медали СССР. Москва. Воениздат. 1983.
44. М.И. Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина. М.: Вече. 2002.
45. 1941 год. Уроки – выводы. М.: Воениздат. ГШ ОВС СНГ. 1992.

46. С. Волков. Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф. 2002.
47. Неизвестная Россия. XX век. 2 Историческое наследие. М.: 1992.
48. Н. Попель. В тяжкую пору. М.: СПб.: АСТ. 2002.
49. К.К. Рокоссовский. Солдатский долг. М.: Воениздат. 1988.
50. С.Г. Чуев. Спецслужбы III Рейха. Книга 1,2. СПб.: Изд. дом Нева. 2003.
51. Н. Яковлев. Жуков. Молодая гвардия. 1992.
52. Ф.Д. Свердлов. Советские генералы в плену. М.: 1999.
53. Ф.В. Симонов. Они командовали фронтами. Изд. Стаурн-С. 1995.
54. К.М. Александров. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945.
55. Н. Коняев. Власов. Два лица генерала. М.: Вече. 2003.
56. А.Н. Яковлев. По мощам и елей. М.: Евразия. 1995.
57. Д. Волкогонов. Этюды о времени. М.: Новости. 1998.
58. Д. Волкогонов. Троцкий. Книга 1,2. М.: Новости. 1992.
59. Военно-исторический архив. Выпуск 1. 1997.
60. Политические процессы 30—50-х годов. М.: Политическая литература. 1991.
61. Военно-исторический архив. Выпуск 2. 1997.
62. Большая советская энциклопедия. М.: 3 изд. Т.30. 1978.
63. Л.К. Шкаренков. Агония белой эмиграции. М.: 1981.
64. Д. Лехович. Белые против красных. Воскресение. 1992.
65. А.И. Деникин. Путь русского офицера. М.: Современник. 1991.
66. Л. Соцков. Неизвестный сепаратизм. М.: Рипол классик. 2003.
67. Оскар Райле. Тайная война. М.: Центрполиграф. 2002.
68. И.В. Сталин. Сочинения, том 13.
69. XVII съезд ВКП(б) 26 января – 10 февраля 1934 года. Стенографический отчет. Москва. 1934.
70. И.В. Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 3–5 марта 1937 года. Москва. 1937.
71. Н.Ф. Бугай. Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию. АИРО – ХХ. 1995.
72. Жак Деларю. История Гестапо. Смоленск. Русич. 1993.
73. Гейнц Гудериан. Воспоминания солдата. Смоленск. Русич. 1998.
74. Эрих Фон Манштейн. Утерянные победы. Смоленск. Русич. 1999.
75. Д. Волкогонов. Семь вождей. Кн. 1. М.: Новости. 1995.
76. Лубянка в дни битвы за Москву. М.: Звонница-МГ, 2002.

77. Вильгельм Кейтель. Размышления перед казнью. М.: Терра, 1998.
78. Сталинградская эпопея. М.: Звонница-МГ, 2000.
79. А. Колесник. Мифы и правда о семье Сталина. Харьков. Простор, 1991.
80. Г. Джугашвили-Сталина. Внучка вождя. (В. Жилиев. Яков Сталин не был в плену). М.: Вече. 2003.
81. Ю.Г. Мурин. Иосиф Сталин в объятиях семьи. М.: Родина. 1993.
82. Национальная политика. Россия: история и современность. М.: Русский мир. 1997.
83. Нюрнбергский процесс. Том 7. Сборник материалов. М.: Юридическая литература. 1997.
84. В. Карпов. Полководец. М.: Воениздат. 1985.
85. С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. 1,2 книга. М.: Воениздат. 1995.
86. Крымские татары, чеченцы и ингуши. www.stalinism.ru
87. Великая Отечественная. Русский архив. 12—1. М.: Терра, 1993 г.
88. Великая Отечественная. Русский архив. 13—2(1). М.: Терра, 1994 г.
- Приказы НКО СССР. 1937–1941.
89. Великая Отечественная. Русский архив. 15—4(5). М.: Терра, 1994 г.
- Битва за Берлин.
90. Великая Отечественная. Русский архив. 16—5(2). М.: Терра, 1994 г.
- Ставка ВГК. Документы и материалы.
91. Центральный Архив Министерства обороны (ЦАМО)
(опубликованные документы)
- Фонд 96а опись 2011 дело 26 л. 17–19, 22–24, 25–33.
- Фонд 204 опись 89 дело 8 л. 10, 56–59;
опись 87 дело 89 л. 20–25.
- Фонд 148а опись 3763 дело 103 л. 75–81;
дело 124 л. 139;
дело 131 л. 9.
- Фонд 48а опись 3408 дело 71 л. 16, 60, 195, 225, 286.
- Фонд 132а опись 2642 дело 31 л. 148–149, 177, 197, 209, 210;
дело 32 л. 46–47, 60;
дело 41 л. 96–97, 122–123;
дело 42 л. 18–22;
дело 95 л. 29–31.
- Фонд 127 опись 1227 дело 47 л. 221–222.
- Фонд 40 опись 11549 дело 265 л. 325–326.
92. Российский Государственный Военный Архив (РГВА).

(неопубликованные документы)

Фонд 25147 опись 1 дело 14 л. 121, 198.

дело 77 л. 15, 30, 32–33.

Фонд 2997 опись 1 дело 33 л. 1, 3.

дело 34 л. 4, 5.

Фонд 3096 опись 1 дело 57 л. 413–414.

дело 92 л. 8–10.

дело 69 л. 103.

дело 83 л. 9, 17.

Фонд 29 опись 47с дело 721с л. 9.

Фонд 36862 опись 1 дело 12 л. 40, 104.

дело 13 л. 27, 28.

Фонд 37837 опись 18 дело 823 л. 29, 30, 45, 92–93, 95, 101–108, 118.

(опубликованные документы) Фонд 4 опись 15 дело 30 л. 336–356.

опись 18 дело 55 л. 129–135.

93. Выдержки из личного дела А.А. Власова (собрание опубликованных документов).

94. Дружба народов, 1992 г., Коммунист, 1991 г., Служба безопасности, 1996 г., Хронограф, 2003 г., Военно-исторический журнал, 1990–2001 гг.: А. Витковский, Н.Ф. Бугай, М. Гамзин, А. Забродин, В. Люленчик. О.М. Габаянц, И.Л. Лосев, К.Б. Иванович, А.А. Печенкин, А.Н. Колесник, Б.Е. Пестов, М.Ю. Крысин, Б.И. Каптелов, А.Ф. Катусев, В.Г. Оппоков, Л.Е. Решин, В.С. Степанов и другие.

95. Московский комсомолец, 2003 г., Е. Маетная; Совершенно секретно, 2003 г., А. Макаркин; Аргументы и факты, 1996 г., П. Аптекарь; Красная звезда, 1988 г., К. Токарев.

Фото-вклейка

Украинские девушки и немецкие солдаты

Население Риги встречает немцев (1941 г.)

А. Ребане, командир 658-го эстонского батальона вермахта, впоследствии – заместитель командира 20-й дивизии СС, в состав которой вошел батальон

Знак 20-й гренадерской (латышской) дивизии СС

*Генерал (группенфюрер СС) Р. Бангерскис – генерал-инспектор
Латвийского легиона СС*

Лейтенант Белорусской краевой обороны

С. Бандера – один из преемников Коновальца

Е. Коновалец – лидер ОУН (ум. 1938 г.)

Украинские добровольцы с германским и украинским военными флагами во время церемонии приветствия

Д. Канаян (Дро) – создатель Армянского легиона вермахта

Отряды самообороны в Литве

Кавказские добровольцы

Старший сержант и лейтенант грузинского легиона вермахта

Верховный муфтий Иерусалима беседует с волонтерами из азербайджанского легиона

Военнослужащий Туркестанского легиона

Эмблемы восточных легионов

Крымские татары – добровольцы

КРАСНОАРМЕЕЦ-ВЫБИРАЙ

СМЕРТЬ ИЛИ ЖИЗНЬ

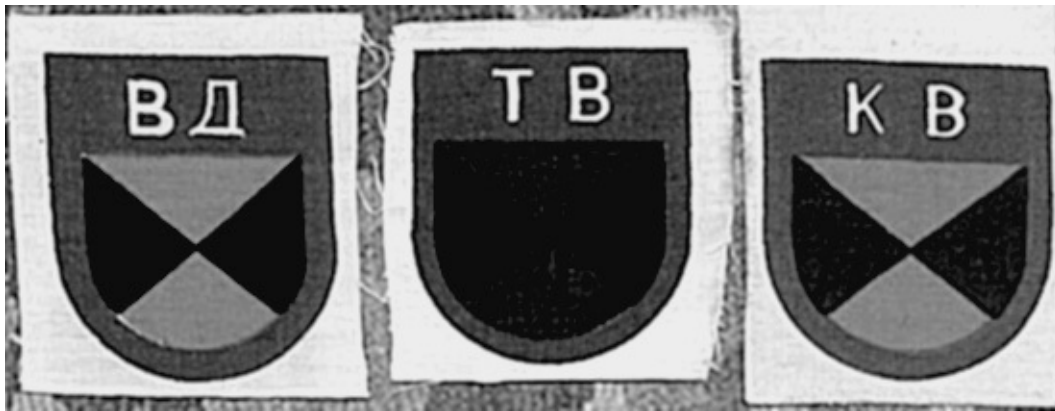
До последнего красноармейца . . .

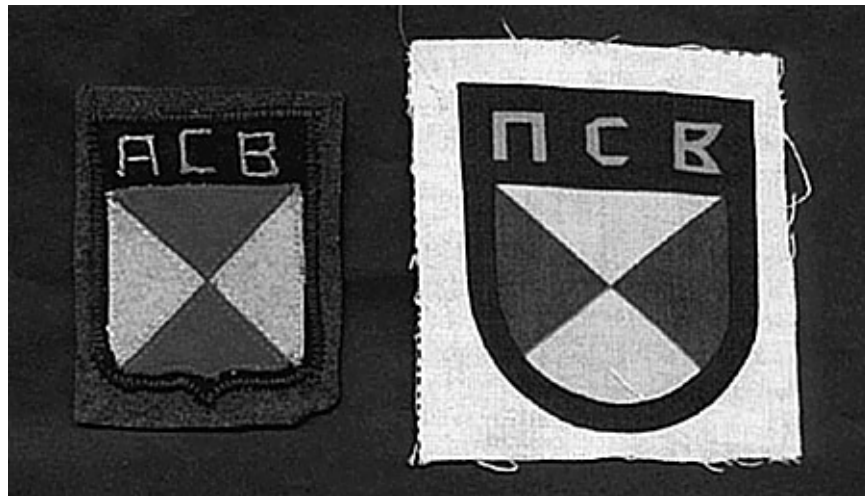
Пропагандистские плакаты

Шевроны РОА

Казачьи шевроны (Войско Донское, Терское войско, Кубанское войско)

Шевроны сибирских казаков

Казак 1-й кавалерийской дивизии фон Панвица

Генерал-лейтенант А. Шкуро

**Im Dienst
der
Waffen-SS**

Нарукавная повязка для добровольцев вспомогательной службы при частях СС

Нарукавная повязка женского вспомогательного персонала вермахта

Казак в вермахте

Казак 622 батальона вермахта

Кубанка с символикой вермахта

Генерал-лейтенант ВС КОНР А. Власов

Генерал-майор ВС КОНР Ф. Трухин, член НТС

Глава главного организационного управления КОНР В. Малышкин

Н. Сергеев – руководитель Берлинской группы НТС, погиб в нацистском лагере Заксенхаузен

Г. Околович – глава запасного исполнительного бюро НТС, в 1944–1945 г. – узникгестапо (фото 70-х г.)

К. Вергун – член исполнительного бюро НТС, арестован гестапо в 1944 г., погиб в 1945 г.

Генерал-майор ВС КОНР М. Меандров

Οφίцер ΡΟΑ

Солдат РОА

Пропагандист РОА беседует с военнопленным

Летчики РОА

Знак отличия за храбрость и заслуги для восточных народов

Командующий ВВС РОА генерал-майор В. Мальцев

Военнослужащий РОА и жандарм

Парад войск РОА

Танки РОА в Праге

notes

Примечания

1

Эта записка будто-бы написана в блокноте югославского заключенного самим Яковом. Вообще нет какой-либо ротчины подделывать ее.